



Svět v obrazech a ve frazeologii II

World in Pictures and in Phraseology II

Ladislav Janovec (ed.)



PEDAGOGICKÁ FAKULTA
Univerzita Karlova

Svět v obrazech a ve frazeologii II

World in Pictures and in Phraseology II

Ladislav Janovec (ed.)



Univerzita Karlova
Pedagogická fakulta
2021

Redakční a ediční kolektiv:

PhDr. Ladislav Janovec, Ph.D.

Doc. PhDr. Martina Šmejkalová, Ph.D.

Bc. Pavlína Žalmanová

Mgr. Lucie Baloušová

Mgr. Varvara Skibina

PhDr. Klára Eliášková, Ph.D.

Mgr. Lucie Strejčková

Recenzovaly:

Doc. PhDr. Naděžda Kvítková, CSc.

Doc. PhDr. Natalja Ivašina, CSc.

Obsah

Předmluva	9
Preview.....	11

FRAZELOGIE A MINULOST ČLOVĚKA

Материалы к историческому изучению чешской и русской фразеологии1	15
Materials for the historical study of Czech and Russian phraseology <i>Ludmila Stěpanova</i>	

Об устаревших значениях фразеологизмов с корнем -вер-	23
About the out-of-date values of phraseological units with the root of -вер- <i>Ольга Викторовна Герасимович</i>	

Засади лексикографічного опрацювання фразеології, мотивованої слов'янською міфологією	35
The Bases of Lexicographic Studies of the Phraseology Motivated by the Slavic Mythology <i>Ірина Чибор</i>	

Вопрос о варьировании фразеологизмов в истории русского языка	45
Question of Phraseological Units Variation in the History of Russian <i>Елена В. Генералова</i>	

Rukopisy – jediné padělky našeho národního obrození?.....	55
Manuscripts – The Only Counterfeits of Our National Revival? <i>Olga Palkosková</i>	

SOCIOLINGVISTICKÉ ASPEKTY FRAZELOGIE

Z výsledkov sociolingvistického výskumu biblickej frazeológie 1.....	63
From the Results of the Sociolinguistic Research of Biblical Phraseology 1 <i>Dana Baláková</i>	

Z výsledkov sociolingvistického výskumu biblickej frazeológie 2 (Čriepky z frazeosémantickej interpretácie slovenských respondentov)	71
From the results of the Sociolinguistic Research of Biblical Phraseology 2 (Elements of Phraseosemantic Interpretation by Slovak Respondents) <i>Viera Kováčová</i>	

Znalost a chápání biblické frazeologie v České republice podle dosaženého stupně vzdělání jejích obyvatel 79
The knowledge and the understanding of Biblical phraseology in the Czech Republic according to the level of education of Czech inhabitants
Jaromíra Šindelářová

Příslovní a antipříslovní: terminologická úvaha 97
Proverb and anti-proverb: a terminological discussion
Robert Adam

FRAZEOLOGIE, KOGNITIVNÍ A KULTURNÍ LINGVISTIKA

Фрагмент русско-чешской паремиологической картины мира (поле «Пьянство») 107
Fragment of the Russian-Czech paremiological picture of the world (field „Drunkenness“)
Валерий М. Мокиенко

Ветер не только в голове: метеоним в русской и чешской картинах мира 121
The wind is not only in the head: themeteonym in the Russian and Czech pictures of the world
Елена Селиверстова

Символ и представление знаний идиоматическими средствами языка (на примере английских идиом с компонентом hand)..... 137
Symbol and representation of knowledge by the idiomatic means of language (on the example of the English idioms with the component hand)
Ирина Г. Подгорбунская

Протодискурсивные условия фраземосемиозиса..... 145
Protodiscursive conditions of phraseosemiosis
Н. Ф. Алефиренко – Miroslav Puža

Современная русская игровая фразеология в психолингвистическом аспекте..... 151
Modern Russian gaming phraseology in psycholinguistic aspect
Мария Захарова

Колористика фразеологических анатомических терминов..... 167
Coloristics of phraseological anatomic terms
Е. М. Какзанова

FRAZELOGIE, BELETRIE A PŘEKLAD

- Концептосфера писателя сквозь призму фразеологического фонда
(на материале языка Л. Н. Толстого)..... 185**
The writer's conceptual sphere through the prism of the phraseological fund
(on the material of the language of L. N. Tolstoy)
O. B. Ломакина
- „Filipika proti příslovím“ ve dvou německých překladech románu Saturnin..... 197**
„Philippic against proverbs“ in the comic novel Saturnin – a comparison of two
German translations
Pavel Sojka
- Некоторые функции фразеологизмов в поэзии Иосифа Бродского..... 209**
Some of the functions of phraseological units in Joseph Brodsky's poetry
Ilja Aleksandrovič Sněgirev
- Metaphors Lost & Found In Translation: A „Genetic“ Translation of the Book of Jonah ... 217**
Metaforické ztráty a nálezy v překladu: „genetický“ překlad knihy Jonáše
Róbert Bohát
- Асноўныя тэндэнцыі пры перакладзе біблейных фразеалагізмаў на беларускую
мову 245**
The main trends in the translation of phraseological units from the Bible into Belarusian
language
Вольга Уладзіміраўна Фурс
- Frazeologie v textech skupiny Kabát..... 255**
Phraseology in the lyrics of the rock group Kabát
Pavčina Žalmanová

FRAZÉMY V KONTAKTU

- Prísloví v jazycích střední Evropy na základě údajů z databáze SprichWort 265**
Proverbs in Central European languages based on information from the database SprichWort
Tamás Tölgyesi
- Srovnání vybraných českých a slovinských frazémů s komponentem pojmenování
hmyzu 283**
Comparison of selected Czech and Slovenian Phrases with an Insect's Name Component
Zdeňka Kohoutková

СЛОН в русской и английской фразеологии	295
<i>An ELEPHANT in Russian and English phraseology</i>	
<i>Мария Марковна Вознесенская</i>	
Украинский фразеологизм в русском тексте (коммуникативно-прагматические особенности)	309
<i>Ukrainian phrasemes in Russian texts (communicative and pragmatic features)</i>	
<i>Ирина Кошман</i>	
К проблеме славянского языкового взаимодействия	319
<i>On Slavic language interaction</i>	
<i>Е. К. Николаева</i>	
Культурная идентичность лингвокультурных типажей «ГОРЕЦ / HIGHLANDER»: паремиологический аспект	327
<i>Linguistic-cultural Types „MAN OF THE CAUCASUS / SCOTTISH HIGHLANDER“</i>	
<i>Cultural Identity: Paremiological Aspect</i>	
<i>Наталья Максимовна Непомнящих</i>	
Представление основных этнокультурных ценностей в русском, французском и английском паремиографическом материале	339
<i>Representation of the basic ethnic and cultural values in russian, french and english paremiographic material</i>	
<i>Н. Ю. Нелюбова</i>	
Вопыт стварэння чэшска-беларускага фразеалагічнага слоўніка	357
<i>The Experience of creating Czech-Belarusian phraseological dictionary</i>	
<i>Inna Kalita</i>	
FRAZEOLOGIE, ŠKOLA A VZDĚLÁVÁNÍ	
Frazeologie ve výuce – i gramatiky	373
<i>Phraseology in teaching ... and grammar teaching</i>	
<i>Marie Čechová</i>	
Význam frazeologie při formování komunikační kompetence žáků a její využití v současných učebních souborech pro výuku ruského jazyka	381
<i>The Importance of Phraseology in the Formation of Pupils' Communication Competence and its Use in Contemporary Learning Sets for Teaching Russian Language</i>	
<i>Lenka Rozboudová</i>	

Знание идиоматических выражений и процесс адаптации студентов участвующих в программах академической мобильности.....	391
Idiomatic expressions in the academic mobility of students exchange adaptation process.	
<i>Наталья Александровна Гурова</i>	
Práce s frazémy s barvovými komponenty ve vyučování českého jazyka u žáků se zrakovým postižením i žáků intaktních	397
Working with phrases with color components in learning of Czech language for pupils with sight impediment as well as intact pupils.	
<i>Klára Eliášková – Lucie Strejčková</i>	
FRAZEOLOGIE A MÉDIA	
О символической функции фразеологизмов в современных медиатекстах	413
On the symbolic function of phraseological units in current Russian media	
<i>Mariia Dobrova</i>	
Frazeologie v časopisech pro děti	421
Phraseology in Journals for Children	
<i>Radka Holanová</i>	
Jazyk českých youtuberů s ohledem na frazeologii	429
Czech YouTubers' language with regard to phraseology	
<i>Soňa Schneiderová</i>	
Frazeologie v médiích – historický pohled.....	435
Media, linguistics and phraseology from a historical perspective	
<i>Martina Šmejkalová</i>	
Прагматический потенциал фразеологических единиц в дискурсе чешских и российских политиков	445
The pragmatic potential of phraseological units in the discourse of Czech and Russian politicians	
<i>Ekaterina Rycheva</i>	
Politická frazeologie – na materiálu textů na sociálních sítích.....	455
Political phraseology – based on social networks texts	
<i>Ladislav Janovec</i>	
Проявление иронии в религиозном медиадискурсе	463
Manifestation of Irony in the Media Discourse	
<i>Александра Макарова</i>	

FRAZEOLOGIE A DIALEKTY

Kdy žábá hýbá uchem (k nářeční frazeologii v češtině) 479
When the frog moves its ear (on dialectal phraseology in Czech)
† Stanislava Kloferová

Мовна картина світу, культурний код «душі» та західнополіська фразеологія..... 489
Language picture of the world, cultural code of “soul” and western polissia phraseology
Зоряна Мацюк – Марія Фенко

Фразеологические единицы русских говоров Красноярского края как отражение региональной картины мира 499
Phraseological units of the Russian dialects of the Krasnoyarsk Territory as a reflection of the regional picture of the world
Анастасия Георгиевна Тимченко

FRAZEOLOGIE, KORPUS, POČÍTACĚ

Databáze vícislovných jednotek v češtině 511
Multiword Expression Database in Czech
*Milena Hnátková – Tomáš Jelínek – Vladimír Petkevič – Alexandr Rosen –
Hana Skoumalová – Marie Kopřivová – Pavel Vondřička*

Статистичні методи у лінгвогендерологічних дослідженнях 529
Statistic methods in linguistic research of gender specificities
Анна Гадзало

Možnosti zkoumání binomiálů v různých textových typech 541
Exploring binomials across different test types
Marie Kopřivová

Předmluva

Předložená publikace navazuje na knihu *Svět v obrazech a ve frazeologii / World in Pictures and in Phraseology*, vydanou v roce 2017. Bylo v ní opublikováno 41 kapitol věnovaných různým možnostem bádání v oblasti frazeologie.

Stejně jako první kniha je i tato multitematická, obohacená o další aspekty výzkumu frazeologie, kapitol je proto více. Nadále je vysoce aktuální problematika frazeologie z kognitivnělingvistického a psycholingvistického hlediska, ovšem více autorů se tentokrát věnuje zpracování frazeologie metodami korpusové lingvistiky. Třeba je také ocenit větší zájem o nářeční frazeologii a socio-kulturní aspekty frazeologického materiálu. Cenné jsou zejména obecněmetodologické práce věnované možnostem (a tím i mezím) frazeologických bádání. Potěšující je rovněž příspěvek prezentující nový překladový frazeologický slovník malého rozsahu, ale stranou nelze ponechávat ani témata autorské frazeologie, frazeologie v komparativním a translatologickém pohledu, frazeologie v mediálních textech, biblické frazeologie a další.

Široký záběr témat dává znát, že jeden z cílů publikací, totiž aby šlo o knihy, které budou na jedné straně prezentovat širší evropský badatelský kontext, na druhé straně zajišťovat odbornou komunikační a diskusní platformu frazeologů různých generací, se daří plnit. Je potěšitelné, že vedle renomovaných lingvistů do frazeologické diskuse vstupují i absolventi vysokoškolských studijních programů a doktorandi, což je pro vědecký diskurz nezpochybnitelně důležité.

I přes různé problémy nakonec publikace spatřuje světlo světa a jsme vděční všem autorům, kteří vytrvali a na tuto publikaci nezanevřeli. Všem patří veliký dík.

Poděkování patří též všem, kdo se na vzniku knihy podíleli „neautorsky“ – především pracovnícím vydavatelství fakulty, a pochopitelně oběma recenzentkám díla.

Dvě knihy by neměly zůstat osamoceny, proto do třetice všeho dobrého i zlého, doufejme, že se podaří zrealizovat i třetí publikaci včetně předcházející mezinárodní konference.

Ladislav Janovec

Preview

The presented publication follows up on the book *World in Pictures and in Phraseology* published in 2017. The book contained 41 chapters devoted to various possibilities of research in the field of phraseology.

Like the first one, this multi-thematic book is enriched with further aspects of phraseology research, so there are more chapters here. The issue of phraseology from a cognitive-linguistic and psycholinguistic point of view is still highly topical, but this time more authors are dealing with the elaboration of phraseology using the methods of corpus linguistics. It is also necessary to appreciate the greater interest in dialect phraseology and sociocultural aspects of phraseological material. In particular, methodological works devoted to the possibilities (and thus the limits) of phraseological research are especially valuable. We are glad to publish here a work presenting a new translational phraseological dictionary of small scale, as well as works concerning authorial phraseology, phraseology in a comparative and translational view, phraseology in media texts, biblical phraseology and more.

The wide range of topics reflects that one of the aims of the publications is being met, namely the creation of books that will, on the one hand, present a broader European research context and, on the other hand, provide a professional communication and discussion platform for phraseologists of different generations. It is gratifying that, in addition to renowned linguists, graduates of university study programs and doctoral students also enter the phraseological discussion, which is undoubtedly important for scientific discourse.

Despite various problems, the publication finally sees the light of day, and we are grateful to all the authors who persevered and did not dislike this publication. Many thanks to everyone.

Thanks also go to all those who participated in the creation of the book „non-authorially“ – especially to the employees of the faculty publishing house, and of course to both reviewers of the work.

The two books should not be left alone, so to the third of all good and evil, we hope that the third publication, including the previous international conference, will be realized.

Ladislav Janovec

FRAZEOLOGIE
A MINULOST ČLOVĚKA

Материалы к историческому изучению чешской и русской фразеологии¹

Materials for the historical study of Czech and Russian phraseology

Ludmila Stěpanova

Abstract

The article analyses the problems of compiling of historical and etymological dictionary of Czech and Russian phraseology. The first stage of the work lied in the publication of bibliography on the topic of history and etymology of Czech idioms, which had more than 3 200 Czech idioms. The dictionary will contain international idioms (biblical, antique etc.) as well as origin Czech idioms with unclear etymology. They should make the main part of the dictionary. Compiling the dictionary involves careful study of dictionaries of former periods, especially the dictionary *Česká přísloví* written by V. Flajšhans. Historical and etymological dictionaries of other Slavic and non-Slavic languages will also be useful material. The article presents the etymologies of several phraselological units.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы создания историко-этимологического словаря чешской фразеологии. Первым этапом составления словаря было издание библиографии по истории и этимологии чешских фразеологизмов. В словарь будут входить как интернациональные фразеологизмы (библейские, античные и др.), так и исконно чешские обороты с неясной этимологией. Именно они должны составить основную часть словаря. Написание словаря предполагает внимательное изучение словарей прежних эпох, прежде всего словаря В. Флайшганса *Česká přísloví*. Полезным материалом будут и историко-этимологические словари других славянских и неславянских языков. В статье приводятся этимологии нескольких фразеологизмов.

Key words: Czech, Russian, phraseology, historical study, etymology, materials

Ключевые слова: Чешский язык, русский язык, фразеология, историческое изучение, этимология, материалы

Фразеологическая наука, которую многие по старой памяти называют молодой лингвистической дисциплиной, добилась многих результатов. Однако фразеологические изыскания

¹ Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci v letech 2018–2021 z Fondu pro podporu vědecké činnosti, grant FPVC2018/14.

по-прежнему остаются в синхронной области, история и этимология русской фразеологии и фразеологии других славянских и неславянских стран исследована крайне недостаточно. Это, несомненно, обусловлено и сложностью самого материала, и малым количеством источников. Ср. слова А. Бириха: «Недостаточная разработанность исторической фразеологии русского языка связана прежде всего с тем, что у нас все еще нет исчерпывающей материальной базы для исторических изысканий. Исторические словари русского языка периода с XI–XXVII вв. освещают фразеологические единицы sporadически, уделяя большее внимание лексическому материалу» (Бирих 2009, с. 20–21).

Как известно, Фразеологическая комиссия Международного комитета славистов еще в 1995 г. – на Международном симпозиуме в Граце – выдвинула как наиболее актуальную задачу создание историко-этимологических словарей фразеологий. Были подготовлены указатели по русской, чешской, украинской, хорватской, болгарской фразеологии, был издан Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. «Перспективой дальнейших исследований, как пишет В. М. Мокиенко, является более детализированный анализ «тёмных» фразеологических этимологий, расширение славянского и общеевропейского фона такого анализа и составление национальных историко-этимологических словарей славянской фразеологии» (Мокиенко 2018, с. 20). В данной работе будут приведены некоторые размышления, возникшие в процессе разработки историко-этимологического словаря чешской фразеологии.

Разумеется, успех в области этимологических исследований во многом зависит от уровня разработанности исторической лексикологии и лексикографии данного языка. В современном языкознании до сих пор не решены многие важные вопросы теории и истории языка, что затрудняет создание совершенного во всех отношениях словаря истории и этимологии русских или чешских фразеологизмов. Не достижима пока еще и задача, сформулированная автором первого русского фразеологического словаря А. И. Молотковым: „В историческом словаре должен быть собран и описан весь состав фразеологических единиц с древних времен, во всём его разнообразии, с точной соотносённостью единиц по происхождению и употреблению к разным периодам истории языка“ (Молотков 1984, с. 134–135).

Однако, как подчеркнул автор многих работ по истории чешских слов и фразеологизмов И. Немец, словари не могут ждать решения всех теоретических вопросов. Лексикографы и фразеографы должны стремиться к верным и объективным описаниям, а точность их данных будет возрастать одновременно с прогрессом в теоретических разысканиях (Němec 1995, с. 189). Этимологическая разработка фразеологии не терпит замедления, и фразеологи обязаны предпринять следующий (после публикации указателей) по пути к этимологическим словарям шаг – создание по крайней мере выборочного историко-этимологического фразеологического словаря.

Первым этапом работы было изучение всех трудов по истории и этимологии чешской фразеологии. Библиография этих работ была нами собрана в „Библиографическом указателе по истории и этимологии чешских фразеологизмов“, вышедшем в 1998 г. (Stěpanova 1998). Указатель включал все фразеологизмы, которые когда-либо анализировались в чешских научных публикациях, т.е. соблюдались принципы отбора материала, которыми мы руководствовались при составлении указателя по истории и этимологии русской

фразеологии. В Указатель вошло более 3 200 чешских фразеологических единиц и более 4 700 ссылок на разные печатные источники.

На первый взгляд, перед нами солидный перечень источников. Однако более внимательное изучение показывает, что более одной трети работ направлено на описание происхождения так называемых «культурных» фразеологизмов: библейских ФЕ (ок. 20 %) и оборотов античного происхождения (ок. 6 %). Далее следуют объяснения происхождения отдельных заимствованных фразеологизмов (14 %), причем в чешском языке это преимущественно фразеологизмы немецкого происхождения (*mít fojr* (нем. *Fächer – vějíř*), *dělat fóru* (нем. *machen sie uns nichts vor*), *hodit flintu do žita* (нем. *die Flinte ins Korn werfen*) и др.), а в русском – это ФЕ французского (*пробить брешь, карт-бланш, строить куры, золотая молодежь*) и – в меньшей мере – немецкого происхождения (*разбить наголову, с первого абцуга*) (заметим, что если бы такой словарь составлялся в настоящее время, это были бы, несомненно, ФЕ английского происхождения, эти фразеологизмы, разумеется, тоже стали частью нашего словаря: *скелет в шкафу – kostlivec ve skříni*, *вызвать на ковер – zavolat na kobereček*, *моя чашка чая (кофе) – můj šálek čaje (kávy)* *золотой парашют – zlatý padák* и др.).

В русском историко-этимологическом словаре довольно большое место отведено паспортизации фразеологизмов литературного происхождения (*Демьянова уха, Тришкин кафтан, Дама, приятная во всех отношениях* и т.д.), в чешском словаре они занимают более скромное место (*divá Bára, ječet jako Viktorka u splavu, představovat si co jako Hurvínek válku* и др.). Интересной чертой указателя по истории и этимологии чешских фразеологизмов является сравнительно большое количество статей, описывающих игру слов, ср. *na sv. Nikdy, pro strýčka Příhodu, je ženich z Drážďan a ne od Berouna, pan z Nemanic*. Нужно, правда, заметить, что некоторые каламбуры относятся к местным, малоупотребительным, напр. *je z Chamova, je z Chval, poslat do Hořic, přivést z Durdic do Krotějova, být z Balikova* и др. В русской фразеологии к таким немногочисленным оборотам относятся, например, *ехать в Ригу, заехать к Сопикову и Храповицкому, при царе Горохе* и др.

Далее следуют фразеологизмы с именами собственными (*koukat jako Babinský, běhat jako Jura*), ФЕ, связанные с историей или географией (*dopadli jako sedláci u Chlumce, dlouhý jako Lovosice*). И, наконец, сравнительно небольшое количество трудов посвящено этимологии фразеологизмов с устаревшими элементами и затемненной мотивировкой (*koupit za babku, být na jedno brdo, spustit bandurskou, pro böh, letět horempádem, chyba lávky* и др.).

Именно эти фразеологизмы, по нашему мнению, должны представлять собой ядро историко-этимологического словаря. Так называемые интернациональные обороты могут быть описаны кратко – разумеется, с приведением списка литературы. Ср., напр.:

ADONIS

[být] krásný jako Adonis (Adónis). Být velmi krásný, spanilý a pěkně urostlý.

Adónis byl krásný starověký bůh zabitý divokým kancem a na Venušino přání každoročně na půl roku vzkříšený. Spalová 1969, s. 39–40; Pokorný 1976, s. 217–219; SČFI 2009, s. 31.

Неоценимую помощь в раскрытии этимологии ФЕ нам могут – наряду с историко-этимологическими публикациями – оказать также фразеологические словари. Многочис-

ленные этимологические пометы содержит, напр., современный „Slovník české frazeologie a idiomatiky“, созданный под руководством проф. Ф. Чермака (SČFI 2009). Назовем лишь несколько из них: *být jako Alenka v říši divů, ženská [je] velká (tlustá) jako almara, žlutý anděl, zelený anton, mít ánung o čem, je toho jako z apatyky, armáda spásy, být [opálený (černý)] jako ašant, být tlustý jako bagoun, jít s bandurskou na koho* и др.

Весьма важным нам также представляется внимательное изучение словарей прежних эпох, фиксирующих время появления, исходную форму устойчивой единицы или ее компонентов. Так, фразеологизм *bližší košile než kabát*, русск. *своя рубашка ближе к телу*, который современные носители языка знают только в данном виде, первоначально имел иной компонентный состав: *bližší jest těla košile než sukně*, где существительное *sukně* обозначала не юбку, как в современном чешском языке, а теплую одежду из сукна, надеваемую зимой поверх тонкой рубашки (*košile*) (Červenka – Blahoslav 1970).

Внимательное чтение словарей и комментариев их авторов позволяет «выловить» ценнейшие сведения о эволюции оборотов. Так, Я.А. Коменский в своем словаре «*Moudrost starých Čechů*», возникшем в 1631 г., сначала привел этот фразеологизм в форме: *bližší košile než kabát (v. sukně)*, но затем дополнение в скобках было зачеркнуто (Komenský 1901, s. 62, 153), т.е. во время написания словаря эта форма уже ощущалась как устаревшая. Это показывает, что процесс архаизации существительного в значении «теплая одежда из сукна» была закончена в первой половине XVII в.

Поистине сокровищницей историко-этимологических сведений является фундаментальный словарь Вацлава Флайшганса «*Česká přísloví*», переизданный издательством Университета им. Палацкого в 2013 г. к столетней годовщине первого издания (Flajšhans 2013). В этом монументальном труде были собраны устойчивые выражения памятников с начала чешской письменности до начала XVI века.

Хронологические рамки, данные в словаре, позволяют установить не только исконный вид и время возникновения чешских фразеологизмов, но и многих их эквивалентов в других славянских языках, напр. в русском. Так, В. Флайшгансом было установлено, что выражение *pověsit na hřebík co* (повесить что-л. на гвоздь), которое появилось в русском языке сравнительно недавно (прослеживается с начала нашего тысячелетия), в чешском языке существовало уже в середине XVI в., ср. контекст 1561 г.: *siceť to ledakdes na hřebík pověsíme a od svého povolání utečeme* – 1561 (букв. иногда мы это на гвоздь вешаем и от своей профессии убегаем) или контекст XVI в. без уточнения даты: *školní kapsu na hřebík pověsiti* (букв. школьную сумку на гвоздь повесить).

Более того, Вацлав Флайшганс дает у этой статьи помету „заимствованное и освоенное выражение“ и этимологическую справку: из немецкого: *etwas an den Nagel hängen* (Flajšhans 2013, 1, s. 344). Таким образом, перед нами фразеологизм, который был заимствован чешским языком из немецкого не позднее середины XVI века. В русский язык этот фразеологизм попал из английского (*hang up one's boots*) и используется в основном с названиями спортивных атрибутов: *повесить бутсы, ракетку, коньки и т.п. на гвоздь*.

При составлении словаря мы, конечно, будем использовать свой опыт составления этимологического словаря русской фразеологии (Бирих – Мокиенко – Степанова 2005). В частности, мы намерены подчеркнуть интернациональный характер многих фразеологизмов, напр. *špicovat uši* – rus. *навострить уши* – angl. *prick up one's ears* – něm. *die*

Öhren spitzen; věšet hlavu – rus. *вешать голову* – angl. *hang [down] one's head* – něm. *den Kopf hängen lassen*; *svlažit si hrdlo* – rus. *промочить горло* – angl. *wet one's whistle* – něm. *sich die Kehle anfeuchten*; rus. *биться головой об стенку* – angl. *knock (run) one's head against a brick (a stone) wall* – něm. *mit dem Kopf durch die Wand wollen, být na sebe (snášet se) jako kočka se psem (kočka a pes)* – rus. *жить как кошка с собакой* – angl. *cat-and-dog life* – něm. *wie Hund und Katze*; *držít jako kůň* – rus. *работать как лошадь* – angl. *to work like a horse* – něm. *arbeiten wie ein Pferd*; *růst jako houby po dešti* – rus. *расти как грибы после дождя* – angl. *spring up like mushrooms* – něm. *schießt aus dem Boden (wie Pilze) aj.*

Мы собираемся привлечь доступные нам данные исследований фразеологов других славянских стран для развенчивания культурологического толкования некоторых фразеологизмов. В частности, происхождение ФЕ *žít na vysoké noze* – *жить на широкую ногу*, něm. *auf grossem Fuss leben*, fr. *vivre sur un grand pied*, pol. *żyć na wysokiej (welkiej) stopie* многими связывается с английским королем Генрихом II, который, якобы, приказал шить туфли с загнутым носом из-за нароста на ноге. Так, Й.Покорны даже приводит длину загнутого носка туфли, которая была строго определена: принц имел право носить туфли с носками 80 см, барон – 60 см, рыцарь 45 см, а богатый горожанин только 30 см (Pokorný 1976, s. 430).

Однако, В. М. Мокиенко убедительно доказал ошибочность подобного толкования. Нога, как и рука, выступала эталоном длины, именно это значение доказывают многие диалектные примеры: *жить на толстую ногу* – богато, *жить на тонкую ногу* – бедно, *жить на простую ногу* – просто (Мокиенко 1990, с. 72–73). В немецком языке также существует длинный ряд ФЕ данной модели *auf grossem Fuss* – на большой ноге, *auf freiem Fuss* – на свободной ноге, *auf gleichem Fusse* – на равной ноге, *auf halben Fuss stehen* – на половинной ноге, *auf vertraulichem Fuss stehen* – на интимной ноге (Бинович 1956, с. 261–262). В чешской фразеологии мы найдем кальки немецких фразеологизмов: *být na dobré noze*, *být na volné noze*, *být na válečné noze* (SČFI 2009). Это позволяет предположить, что чешский фразеологизм *žít na vysoké noze* является калькой немецкого оборота. Причем, вероятно, калькой довольно поздней, т.к. эта ФЕ не зафиксирована в чешско-немецком словаре Й. Юнгманна (1835–1839), а в словаре Я. Заоралека *Lidová rčení* (1947) фразеологизмы *žít na volné (svobodné, lehké) noze* ‚свободно, весело‘, *žít na velké (vysoké) noze* ‚жить на большую ногу‘, *být na dobré noze s kým* ‚быть в хороших отношениях с кем-л.‘ ‚*být na nepřátelské noze s kým* ‚быть в плохих отношениях с кем-л.‘ снабжены пометой „заимствованное, германизм“ (Zaorálek 1963, s. 246).

Большой помощью для исследователя чешской фразеологии является изданный в Грайфсвальде, а затем в Москве словарь Х. Вальтера и В. М. Мокиенко «Почему немцы так говорят» (Вальтер – Мокиенко 2013), где мы найдем расшифровку многих чешских заимствований из немецкого, напр.: *auf den Buchstaben genau* – do písmene; *jmdm. einen Denkkettel geben (erteilen, verpassen)* – dát komu na pamětnou; *Ehre, dem (wem) Ehre gebührt* – komu čest, tomu čest; *ile mit Weile* – pospíchej pomalu; *mit gleicher Elle messen* – měřit stejným loktem и др.

Поскольку расшифровка истории разных фразеологизмов требует разного по сложности и объему толкования, то и словарные статьи в историко-этимологическом словаре будут различаться по объему и по структуре. На трудности данного типа наталкивались

все этимологи, ср., напр., слова Вацлава Махека: „Jednotlivé výklady se budou zdát nestejněměrné jak v rozsahu, tak i v zpracování. Ale v tomto oboru ještě nepřišla doba pro soustavné a vyčerpávající zpracování, musíme teprve sbírat fakta“ (Machek 1930, s. 9).

Не избежать также гипотетичности отдельных версий, ср. слова П. Я. Черных: „ни в области фонетики, ни в области семантики мы не можем рассчитывать на математически точные результаты; на всех наших этимологических операциях лежит печать вероятности“ (Черных 1999, 1, с. 18). Заранее можно сказать, что ошибок не избежит и наш словарь, но мы надеемся, что он даст импульс новым историко-этимологическим исследованиям в области фразеологии.

Литература

- Бинович, Л. Э.: *Немецко-русский фразеологический словарь*. Москва: Иностранных и национальных словарей, 1956.
- Бирих, А. К.: Русская фразеология в диахроническом аспекте. *Фразеология в прошлом и настоящем*. Санкт-Петербург – Грайфсвальд: Санкт-Петербургский университет – Университет Грайфсвальд, 2009, с. 20–32.
- Бирих, А. К. – Мокиенко, В. М. – Степанова Л. И.: *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Москва: Астрель, АСТ, Люкс, 2005.
- Вальтер, Х. – Мокиенко, В. М.: *Почему немцы так говорят*. Москва: ФЛИНТА, Наука, 2013.
- Мокиенко, В. М.: *Загадки русской фразеологии*. Москва: Высшая школа, 1990.
- Мокиенко, В. М.: Историко-этимологические исследования русской и славянской фразеологии: итоги и перспективы. *Исследования русской и славянской фразеологии в диахронии и синхронии*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2018, s. 7–20.
- Молотков, А. И.: Об историческом словаре русской фразеологии (к постановке проблемы). *Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии*. Тез. докл. Москва: МГУ, 1984, с. 134–135.
- Черных, П. Я.: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Москва: Русский язык, 1999.
- Červenka, M.– Blahoslav, J.: *Česká přísloví*. Praha: Odeon, 1970.
- Flajšhans, V.: *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. D. I–II. Olomouc: Univerzita Palackého, 1913.
- Komenský, J. A.: *Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavená potomkům*. Praha: J. V. Novák, 1901.
- Machek, V. (1930): *Studie o tvoření výrazů expresivních*. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy.
- Němec, I.: Diachronní lexikografie. *Manuál lexikografie*. Praha: H+H, 1995, s. 182–210.
- Pokorný, J.: *Zakopaný pes*. Praha: Albatros, 1976.
- Spalová, O. a kolektiv: *Co to je, když se řekne...* Praha: Svoboda, 1969.
- SČFI: *Slovník české frazeologie a idiomatiky/ hl. red. F. Čermák*. D. 1–4. Praha: LEDA, 2009
- Stěpanova, L.: *Historie a etymologie českých rčení. Bibliografie pramenů*. Praha: Karolinum, 1998.

Zaorálek, J.: *Lidová rčení*. Praha: Československá akademie věd, 1963.

Об устаревших значениях фразеологизмов с корнем *-вер-*

About the out-of-date values of phraseological units with the root of *-ver-*

Ольга Викторовна Герасимович

Abstract

The article about lexicographic material of the Belarusian, Ukrainian and Russian languages reveals the current and outdated values of the spiritual, moral and religious nomination *vera* (also derivatives with *-ver-*) as part of phraseological units, its lexical-semantic features, origin, and also shows the national cultural specificity (ethnospecificity) of individual East Slavic phraseological pictures of the world.

Аннотация

В статье на лексикографическом материале белорусского, украинского и русского языков выявлены актуальные и устаревшие значения духовно-нравственной и религиозной номинации *вера* (также дериватов с *-вер-*) в составе фразеологических единиц, определены её лексико-семантические особенности, происхождение, а также показана национально-культурная специфика (этноспецифичность) отдельных восточнославянских фразеологических картин мира.

Key words: *vera, phraseological picture of the world; national specificity; contrastive cognitive linguistic study, phraseological unit.*

Ключевые слова: *вера, фразеологическая картина мира, этноспецифичность, сопоставительное лингвокогнитивное исследование, фразеологическая единица.*

1. Введение

Семантические исследования лексики, относящейся к морально-этической сфере, безусловно, ведутся согласно принципам современного антропоцентризма, рассматривающего научные объекты „прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования“ (Кубрякова 1995, с. 212). Духовная жизнь человека немислима без осознания феномена „веры“ – глубинной универсалии культуры, осознаваемой „ценностью высшего порядка“ (НФС 2001, с. 157). Именно „вера“, в понимании психологов, выступает системообразующим началом, двигателем и фундаментом человеческой жизнедеятельности (Лихачев 1995, с. 180). По словам русского религиозного философа

И. А. Ильина, „чем глубже мы заглянем в душу человека, тем скорее убедимся, что человек без веры вообще не может жить, так как вера есть главное и ведущее стремление человека, которое определяет его жизнь, взгляды и поступки“ (Ильин 1993, с. 137). Тесным образом с антропологическим направлением в языке связаны проблемы изучения языковой картины мира, культурной коннотации слова (национально-культурного компонента в структуре его лексического значения) и фразеологизма, т.к. „синтаксические связи, присущие слову, входят в характеристику его семантики“ (Шмелев 1964, с. 188).

2. Методология исследования.

Целью исследования является выявление этноспецифичности особого духовного фрагмента восточнославянской фразеологической картины мира, который связан с понятием „вера“. Единство происхождения, близость исторических судеб и территориальная „неразобщенность“ (Функционирование 1981, с. 61) русского, белорусского и украинского народов во многом определили общее направление развития их языков и лексических систем в частности. Согласно результатам исследования Н. В. Сабуркиной „Общее и специфическое в структуре языкового сознания славян (на материале русского, белорусского, украинского, болгарского языков)“ (2005 г.), указанные языки (точнее, единицы ядра языкового сознания представителей данных народов) „обладают высокой степенью структурной и содержательной близости“ (Сабуркина 2005, с. 14). В связи с этим интересным представляется выявить при помощи метода компаративного анализа общие и национально-специфические особенности фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом *-вер-* на материале близкородственных восточнославянских языков.

Следует отметить, что „фразеологизм“ мы понимаем в широком смысле: его нижняя граница – двухсловное образование (при этом один из компонентов может быть служебным словом), верхняя граница – сложное предложение (пословицы). Материалом исследования послужили отобранные методом сплошной выборки афоризмы, включающие в себя дериваты существительного *вера*.

3. Национально-культурные особенности фразеологических единиц.

Материал проанализированных фразеологических словарей белорусского языка („Слоўніка фразеалагізмаў беларускай мовы“ И. Я. Лепешева 2008 г. и „Фразеалагічнага слоўніка Косаўшчыны“ А. Ф. Зайки 2014 г.) позволил выделить следующие ФЕ, включающие в себя существительное *вера* в сочетании с инфинитивами *брать, давать, служить*, императивом *дай*, глаголом *верить* в прошедшем времени в связке с лексемой *черт*:

- *верай і праўдай служыць* ‚честно, преданно‘ (*Вы верай і праўдай служыце сваім гаспадарам, абараняеце іх і іхнюю нарабаваную маёмасць*) (Лепешаў, т. 1, с. 188);
- *не даваць веры (сваім) вачам / не верыць (наверыць) (сваім) вачам* ‚очень удивляться, увидев что-либо неожиданное‘ (*Бандыт.. некалькі секунд не зварухнуўся, нібы не даваў веры сваім вачам*) (Лепешаў, т. 1, с. 354); *Загад вісеў на фанернай дошцы, на якой да*

вайны прыклеявалі плакат з рэкламаю, які будзе кінафільм у кінатэатры. Рая чытала і не верыла вачам сваім) (Лепешаў, т. 1, с. 188);

- не даваць веры сваім вушам / не верыць (наверыць) (сваім) вушам ,очень удивляться, услышав что-либо неожиданное' (Руфіна спынілася. Паволі павярнулася, нібы не даю веры сваім вушам, і, пазнаўшы Віктара, які да яе падбег, здзіўлена, ні слова кажучы, упала яму на грудзі) (Лепешаў, т. 1, с. 354–355); (Казік не верыў сваім вушам. Такім лагодным тонам ніколі не гаварыла з ім бязнося) (Лепешаў, т. 1, с. 188);
- дай ты веры ,выражение несогласия с чем-либо или недоверия чему-либо услышанному или увиденному' (Маслякоў тады тут процьма была, ды ўсе маладзенькія, чысценькія. А то ж во як выцягнуліся! Дай ты веры, як час бяжыць) (Лепешаў, т. 1, с. 357);
- верыў чорт ,кто-либо не вызывает доверия к себе, нет оснований верить кому-либо' (Ох, мачахи! І добрыя ж усе яны без меры, ды толькі чорт ім верыў) (Лепешаў, т. 2, с. 647);
- верыць (наверыць) на слово ,доверять' (Так і быць, паверу табе на слово, пазычу грошай. Але як ашукаеш, то каб і нагі твае на маём надворку ні было) (Зайка 2014, с. 37–38).

Украинский материал был отобран из „Словника фразеологізмів української мови“ 2003 г. и „Фразеологічного словника української мови“ В. Д. Ужченко 1998 г. Сходство с белорусским языком проявляется в наличии синтаксической связи *веры* с инфинитивом *служить* и словом-синонимом *правда* (однако с дифференциацией на одушевленное/неодушевленное), а также устойчивом употреблении глагола *верить* с существительными, обозначающими органы чувств (*глаза, уши*):

- вірою і правдою (служити, послужити): 1. ,со всей преданностью; искренне, преданно (о существах)' (Нехай ясна пані візьме мене до себе за покоївку, я служитиму пані вірою й правдою); 2. ,надежно, долго (о предметах)' (Сумка вірою й правдою служила мені всі ці роки і була добрим, надійним товаришем) (СФУМ 2003, с. 111; Ужченко 1998, с. 18));
- не вірити/ не повірити (своім/ власним) очам ,быть необычайно удивленным, впечатленным, увидев что-либо' (– Стоп! Данько спочатку не повірив власним очам... Виграв!!!) (СФУМ 2003, с. 111);
- не вірити/ не повірити (своім/ власним) вухам ,быть необычайно удивленным, услышав что-либо' (Віталій слухав і вухам не вірив) (СФУМ 2003, с. 111).

В языковом сознании украинского народа (так же, как и белорусского, но в несколько другом ракурсе – ср. *верыў чорт*) присутствует связь духовно-религиозного понятия „вера“ с демоническим началом, проявляемым в сочетании с притяжательным прилагательным *бісова*: фразеологизм *бісової віри*, употребляется для выражения недовольства кем-либо, чем-либо' (Боягузи бісової віри! – гарячився Невкипільий. – Жаток полякалися!) (СФУМ 2003, с. 111).

Устойчивое выражение *вірний собі* ,который всегда придерживается собственных принципов, взглядов, убеждений, привычек, не отступает от них' (Антін пішов у долину. Він був вірний собі. На Катеринину пораду – вдатся до багатіїв – тільки промовчав, а в голові в нього була інша думка: ніті до заможніх господарів) (СФУМ 2003, с. 111) не зафиксировано белорусскими лексикографическими источниками, однако присутствует

в русских (ср. *верный (самому) себе*, последовательный в отстаивании своих взглядов, проявлени своего характера, привычек' (*Я всегда был верен себе как художнику* (ФССРЛЯ, т.1, с. 110); *А Мерзлявий, верный себе, добавил: – Из всех интеллигентов самые лютые начальники получают!* (ФСРЯ 2003, с. 26)).

Национально-специфическими для украинского языка являются устойчивые словосочетания *без віри і честі*, непорядочный, нечестный' (*І де змальовано для нас Його героїв дость, Без віри й честі у ділах, З холодним серцем у грудях*) (СФУМ 2003, с. 111) и *на віру (жити, сидіти)*, без официального оформления брака' (*В селі більше десяти хат, де живуть на віру. І живуть же люди. Не гірш від шлюбних, хозяйнують, статок мають* (М. Котюбинський); *Образливо було думати, що якісь Варці він вірить більш, аніж йї, своїй нареченій, ба навіть дружині своїй тільки й того, що не вінчаній; дружині на віру* (А. Головка); *Зі своєю ж дружиною Матвій жив на віру, твердо вирівши, що так йому буде спідручніше: невінчана жінка таки побоїться з кимось скочити через пліт* (М. Стельмах) (СФУМ 2003, с. 111); *Щось ти, Гнате, вступаєш на поганій шлях... Свою жінку прогнав од себе, зійшовся з другою без шлюбу, а це гріх, святе письмо забороняє жити на віру* (М. Кюцюбинський. „На віру“¹ 1891 г.) (Ужченко 1998, с. 18). Последняя ФЕ заслуживает особого внимания, т.к. сохранила в себе устаревшее значение *веры* как ‚клятвы, присяги‘, соотносимой с ‚истиной, правдой‘ (Шанский 1994, с. 36), – ситуации, возникающей при заключении договорных отношений между обеими сторонами (в данном случае между мужчиной и женщиной²): ср. прагерман. *wēra* ‚договор, обет, союз‘, др.-исл. *Vār* ‚богиня клятвы на верность‘ (Рокорну, т. 1, с. 1165), др.-англ. *wēēr* ‚союз‘, ‚обещание‘, ‚верность‘, ‚дружба‘, др.-исл. *vār* ‚обет, торжественное обещание‘, *vārar* pl. ‚договор‘, ‚обет‘ (Фасмер, т. 1, с. 292–293).

Следуя рассуждениям Ю. С. Степанова и Э. Бенвениста, основу веры как ситуации ‚договора, соглашения‘ составляет именно ‚обещание‘, основанное на взаимном доверии: с одной стороны, это ‚внушение доверия‘, а с другой – ‚ожидание исполнения обещанного‘ (Степанов 1997, с. 266). Для религиозно-мифологического мировосприятия носителей древних языков номинации со значением ‚клятвы, присяга‘ могли относиться прежде всего к верховному божеству: ср., например, слова из послания апостола Павла к евреям: *„Верою и сама Сарра (будучи неплодна) получила силу к принятию семени и не по времени возраста родила; ибо знала, что верен Обещавший“* (К евр. 11:11). В данном случае перед нами ситуация взаимоотношений между Богом и человеком. В индоевропейский период, с дуальным характером пантеона (верховное божество „Небо-отец“ („бог-отец“, „бог Солнца“) и божество „грома“ и „боевой дружины“ (Гамкрелидзе, т. 2, с. 791–792), жертвоприношения воплощают представление о некотором „взаимном обмене“, существующем между „людьми“ и „богами“ (Гамкрелидзе, т. 2, с. 701). Таким образом, отношения между Богом (божествами) и человеком мыслятся в виде определенного договора, обязывающего обе стороны (Религия 2007, с. 177). Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов считают, что „отношения между человеком и богом в древних обществах можно

¹ М. Коцюбинский получил отказ в публикации повести „На веру“ от редактора львовского журнала „Заря“ В. Лукича со следующим объяснением: „сюжет ее таков, который у нас в Галичине считается аморальным. У нас вообще «жить на веру» считают безнравственностью“.

² В качестве синонима предлагается *за домовленістю*, ‚по договоренности‘ (Ужченко 1998, с. 18).

рассматривать в рамках «теории обмена»³ как обмен ‚дарами‘ между богом и человеком, приносящим ‚дары‘⁴ – жертвоприношения богу – взамен благорасположения и благодеяния, ниспосылаемых божеством человеку“ (Гамкрелидзе, т. 2, с. 752). Но данные религиозные представления – это „проецирование на небеса существующих в данной социальной среде взаимоотношений отдельных социальных групп“ (Гамкрелидзе, т. 2, с. 790), в том числе это могли быть и брачные отношения, т.к. исследователями отмечается „почти полное отсутствие терминологии собственно бракосочетания вне связи с терминами общего обмена“ (Гамкрелидзе, т. 2, с. 756). Все отмеченные виды договорных отношений (на основании клятвы), вероятнее всего, сосуществовали параллельно уже на самом раннем этапе, в пользу данного рассуждения можно привести следующую цитату из рассматриваемой работы: „у хеттов при военной клятве (в отличие от **других видов клятвы**), бог Грозы выступает как действующее лицо, мстящее клятвопреступнику“ (Гамкрелидзе, т. 2, с. 795).

В связи с этим понятным становится укр. *віришик*, *вир’ян* ‚сват‘ (ЕСУМ, т. 1, с. 402), рус. арх. *вера* ‚свадебный подарок во время сватовства‘ (*Вѣру давають ѡсьєли я свѣтаю за когѡ, дац подарѡк, потѡм, когдѡ онѣ сойдѡцѡця, обратнѡ отдайѡцца. Спѣрва свѣтосьво, вѣру давають. Подарѡк ѣто назывѡецѡця вѣрой, да богомѡльѡе*) (АОС, т. 3, с. 102), а также с.-х. ‚обручальное кольцо‘⁵ (RHSJ, т. 20, с. 747) (*Кѡпи, синко, вѣре и прстене; / Мајка идее испросит дивојку; Кад је прстен без главе а свуд једнак зове се по туђем имену бурма, а спрски витица или вера*) (РСКНЈ, т. 2, с. 522), хорв. *vjĕrenĩckĩ* ‚помолвочный‘, *vjĕridba* ‚помолвка‘ (*zĕruke* ‚надевание перстня просватанной девушке и взаимное верность/обязательство/соглашение/договор перед свадьбой‘ (RHJ 2000, с. 1409)), *vjĕrenĩk* ‚нареченный, жених‘, *vjĕriti se* ‚обручиться‘ (RHJ 2000, с. 1357).

Афоризмы с дериватами от *вер-* были обнаружены в значительно большем количестве лексикографических источников русского языка (всего 16): фразеологических словарях А. К. Бириха (1996 и 2005 гг.), А. И. Федорова (1983 и 2001 гг.), К. Н. Прокошева (2002 г.), А. Н. Тихонова (2003 и 2004 гг.), М. И. Степанова (2003 г.), Л. А. Войновой (2006 г.), А. Н. Баранова (2007 г.), А. Н. Булыко (2008 г.), А. В. Жукова (2010 и 2015 гг.), Д. Э. Розенталя (2011 г.), Л. В. Антоновой (2013 г.), Т. Л. Федоровой (2013 г.) – в связи с этим анализировалась также частота встречаемости ФЕ (указана в скобках).

С прилагательным *верный* зафиксированы 4 устойчивых словосочетания:

- *верный (самому) себе* ‚последовательный в отстаивании своих взглядов, проявлении своего характера, привычек‘ (в 2-х словарях): *Я всегда был верен себе как художнику*

³ „У древних индоевропейцев, как и в любом другом архаическом обществе, обнаруживаются следы отношений между людьми, строящихся на принципе обмена между ними. Такой «обмен» в широком смысле предполагает как обмен материальными ценностями (принесение «даров» как ранняя форма обмена, предшествующая развитию торговых отношений, взаимные «угощения» и др.), так и обмен взаимными услугами (в том числе в обряде) и духовными ценностями (включая обмен языковыми высказываниями и знаковыми символами)“ (Гамкрелидзе, т. 2, с. 752).

⁴ Кроме того, авторы труда „Индоевропейский язык и индоевропейцы“ полагают значение ‚залог, доверие‘ (известное белорускому, украинскому и сербскохорватскому языкам в варианте ‚кредит, долг‘) производным от ‚верить, доверять‘ и приводят для сравнения лат. *crĕditum* ‚суда, долг, кредит‘ – дериват от *crĕdo* ‚верю, доверяю‘ (Гамкрелидзе, т. 2, с. 800–801).

⁵ Переводной хорватско-русский словарь А. Р. Багдасарова 2003 г. зафиксировал это значение ‚обручальное кольцо‘ у обл. *vera* (Багдасаров 2003, с. 329).

(ФССРЛЯ, т. 1, с. 110); А Мерзлявый, верный себе, добавил: – Из всех интеллигентов самые лютые начальники получают! (ФСРЯ 2003, с. 26);

- *верный своему слову* (1): Тетушка Анна, всегда точная, верная своему слову, не сдержала однако ж, своего обещания (ФССРЛЯ, т. 1, с. 111);
- *верный жене, мужу*, не нарушающий своих супружеских обязательств' (1): Жена давно догадывается, что он не верен ей (ФССРЛЯ, т. 1, с. 110);
- *верный как собака/ пёс/ слуга/ раб*, об очень преданном, верном человеке' (1) (Бирих СФСРЯ 1996, с. 32).

Значение *доверять/ не доверять кому-либо* реализуется в следующих фразеологических оборотах с глаголами *взять, брать, давать, принимать* и др.:

- *взять веру в кого-либо*, почувствовать доверие к кому-л' (устар.) (1): ([Митя:] Я в вас веру, Пелагея Егоровна, взял, что все равно, как матушке своей родной откроюсь) (единичной фиксацией отмечены *вера в себя, в свои силы, уверенность в своих силах, способностях, возможностях*) (Изо всей прежней „гордости и надменности“... замечалась [в Екатерине Ивановне] теперь лишь одна смелая, благородная энергия и какая-то ясная, могучая вера в себя) и *верить в себя, в свои силы, быть уверенным в своих силах, способностях, возможностях*) (Оба подали заявления в медицинский институт – обычное прибежище тех, кто не ладит с математикой и не верит в себя на гуманитарном поприще) (ФССРЛЯ, т. 1, с. 109–110);
- *принимать/ принять на веру что-либо*, доверять полностью, не требуя доказательств' (устар.) (5, но не во всех есть иллюстрации) (Бирих 1996, с. 32; Федорова 2013, с. 51; ФС 2003, с. 57): При нашем невежестве и отсутствии умственного развития ... мы принимаем на веру все и безусловно (ФССРЛЯ, т. 1, с. 109); За то Маркс и хвалил древних скептиков, что они ничего не принимали на веру, во всё пытались разобратся и всё требовали доказать (ФСРЯ 2003, с. 26).
- *брать (взять) на веру что-либо*, относиться серьёзно к сообщению' (1) (ФС 2003, с. 57);
- *давать/ дать веру чему-либо*, доверять полностью, не требуя доказательств' (устар.) (1) (Бирих 1996, с. 32);
- *верить как Богу кому-либо*, доверять полностью кому-либо, не требуя никаких доказательств' (1) (Бирих 1996, с. 32);
- *верить/ поверить на слово кому-либо*, считать истинными слова, заявления, не подкрепленные фактами' (4) (ФСРЯ 2003, с. 26; ФССРЛЯ, т. 1, с. 110; Бирих 1996, с. 32): Мы тебе верим на слово, что ты действительно летом много читал (Булыко 2008, с. 39).
- *не давать веры кому-либо, чему-либо*, не доверять' (1): И вам велит великий государь тому растриге веры не давать (ФССРЛЯ, т. 1, с. 109);
- *выходить/ выйти из веры*, потерять доверие' (2) (ФС 2003, с. 57): А не застрелил меня командующий потому, что я не умолял, не объяснял, а стоял и молчал. Все равно жить не хотел, раз вышел из веры (ФССРЛЯ, т. 1, с. 109).
- *веры неймёт (-ут)*, не верит (-ят)' (устар.) (1): Взаправду ничего нынче не привез.

–Привез! Привез! – кричали мальчишки, цепляясь ему за полу. – Ой ли! слышь, веры еще неймут, а? (ФССРЛЯ, т. 1, с. 109).

Значение ‚религиозное чувство‘ (или его отсутствие) передается следующими ФЕ:

- в вере (быть) ‚быть верующим‘ (1): ([Мария:] Вышел Степан, рубаху застегивает, под рубахой цепка блестит. В вере, значит) (ФССРЛЯ, т. 1, с. 109);
- верить в бога (2); в черта, в чудеса (1); приметы (1): (ФССРЛЯ, т. 1, с. 109–110);
- символ веры ‚свод того, во что человек верит или обязан верить‘ (3): (ФСРЯ 2003, с. 26; ФССРЛЯ, т. 1, с. 109; ФС 2003, с. 57);
- не верить ни в бога, ни в чёрта ‚о полном отсутствии веры во что бы то ни было‘ (1): Подпоручик ... смотрел на лица выходявших из церкви и посмеивался над их задумчивой отрешённостью. Сам он не верил ни в бога, ни в черта, считал, что все они без исключения ходят в церковь затем, чтобы показать на людях свою добропорядочность (ФССРЛЯ, т. 1, с. 110);
- в веру ввести ‚приобщить к какой-либо вере‘ (1): Я сначала мирская была, а потом староверы меня в свою веру ввели (Прокошева 2002, с. 43);
- обращать в свою веру ‚убедить кого-либо в правоте своих взглядов, сделать кого-либо своим единомышленником‘ (1) (Федорова 2013, с. 51);

К двум последними значениям примыкают устаревшие идиоматические выражения *Дунькина вера* ‚семейский религиозный толк, известный в литературе под названием „самочинцы“, которым управляла Авдотья Тюрюканова‘ (*По имени Авдотьи и толк прозвали „Дунькина вера“*. Другими словами, хочешь не хочешь, а молись) и *Окулькина вера*: 1. ‚небольшая раскольническая секта, появившаяся среди забайкальских староверов во второй половине XIX в., члены которой отвергали брак‘; 2. ‚бранное выражение, обозначающее осуждение разводов и оставления семьи‘ (*Ты что, из окулькиной веры, то к одной ходишь, то к другой*) (ФСРГС 1983, с. 23–24).

„Фразеологический словарь“ М. И. Степанова (2003 г.) отразил библейские афоризмы (цитаты из Нового Завета) *вера без дел мертва есть* ‚обещания надо выполнять, словами сыт не будешь‘ и *вера горами двигает* ‚уверенность в справедливости какого-либо дела помогает преодолеть возникающие препятствия‘, а также устойчивое выражение *верую, потому что абсурдно (нелепо)* ‚используется как символ слепой, непоколебимой веры во что-либо, несмотря на очевидные доказательства обратного‘ (ФС 2003, с. 57).

Как и в других восточнославянских, в русском языке наиболее активно используются три типа фразеологизмов с корневой морфемой *-вер-*, сопровождаемые в отдельных словарях пометой *устаревшее* (в белорусских и украинских источниках данная помета отсутствует):

а) *Верой и правдой*⁶/ *верой-правдой*/ и *по вере и по правде (служить кому-либо)* (устар.):

⁶ В обороте отражены устаревшие значения слов: *вера* в древнерусском языке означало ‚верность, доверие‘ и ‚клятва, закон‘ (ср. др.-рус. *вѣра* ‚верность‘, ‚доверие‘; ‚присяга, клятва‘ (*Ставитися ему Ларивону за нашею порукою в Нижнемъ Новѣгородѣ у вѣры, у крестногѣо целованъя, по вся дни и из Нижнево ему не съѣхати*. 1623 г.) (СРЯ XI–XVII вв., т. 2, с. 79–80; Бирих 2005, с. 88; Ларин 1977, с. 31), т.е. своего рода кодекс морали, *правда* – ‚руководство в суде“, ‚руководство при разрешении конфликтов“. Поэтому *верой и правдой* первоначально значило: и по неписанной бытовой морали, по договоренности, и по законам, которыми пользовались в судах (Розенталь 2011, с. 40–41).

верно, честно, преданно' (ФС 2003, с. 57; Бирих 2005, с. 88; Федорова 2013, с. 51) (Здесь любой случайный прохожий охотно сообщит московскому журналисту, что Осетия вошла в состав России добровольно, а осетины верой и правдой служили русскому царю) (Баранов 2007, с. 675); Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи еще службу, сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка (ФССРЛЯ, т. 1, с. 109); ([Борис боярам:] Клянитесь мне, что будете служить Федору по вере и по правде!) (ФСРЛЯ 2001, с. 61); Он служит государственной машине верой и правдой (Булыко 2008, с. 39); Верой и правдой служил рыцарь своему королю (БФСРЯ 2013, с. 77); Ведь это что же такое! Сколько лет служал верой и правдой, а теперь сдают меня в плен (ФСРЯ 2006, с. 57); Тесная квартирка сапожника была наполнена гостями... Из русских чиновников был один будочник, чухонец Юрко.. Лет двадцать пять служил он в сем звании верой и правдой (Розенталь 2011, с. 40–41). Как и в украинском языке, дифференцируются по признаку одушевленность/неодушевленность – верой и правдой служить (прослужить): 1. ,преданно, верно (служить)' (Я ли не усердствовал!.. Служил верой и правдой) (Жуков 2010, с. 87); ...он принадлежит к влиятельному ингушскому роду, который верой и правдой служил Империи, отмечен георгиевскими наградами, заслугами перед советским строем) (Жуков 2015, с. 50); 2. ,долго и надежно (служить; о предметах обихода)' (Когда я садился в автобус, с меня кто-то сорвал шапку. Мою кроличью шапку, которая верой и правдой служила мне вот уже столько лет!) (Жуков 2010, с. 87; Жуков 2015, с. 50). Кроме того, зафиксирована единичная идиома (с пометой устар.) *жить (служить) на веру* ,жить, служить, положившись на слово, на волю нанимателя' (А что, разве купцы жалованья большие назначают?.. – Да он тебя в шею прогонит, коли ты у него жалованья запросишь. Не, ты у купца живи на веру, да на страх) (ФССРЛЯ, т. 1, с. 109), характеризующий договорную ситуацию с другой стороны, а именно: порядочность нанимателя.

- б) *Не верить/ не поверить (своим, собственным) глазам* ,предельно удивляться тому, что увидел' (ФСРЯ 2003, с. 26; ФССРЛЯ, т. 1, с. 110; ФС 2003, с. 57): *Явилась невеста с спокойным лицом; увидев жениха, она вдруг остановилась, как бы не веря своим глазам: видно было, что впечатление, произведённое бухгалтером, превзошло все ее ожидания* (ФСРЯ 2006, с. 57); (устар.) *не верится глазам* (Все так таинственно, так чудно. Глядишь – не верится глазам); *верить/ поверить (своим) глазам* (– Богиня! – сказал Цицерон. – Могу ли я верить своим глазам, чтоб ты, будучи бессмертна, пленилась дурачествами существ, которые едва живыми называться могут?); *не верит (своим) глазам* (устар.) ,не может на взгляд, по внешнему виду, определить, оценить что-либо' (Русский человек глазам не верит, – несколько раз негромко повторил он, ощупывая пальцами металл, из которого были сделаны буквы, – а я к тому же физик. Мне тем более любопытно, Медь... Качественная медь) (ФСРЛЯ 2001, с. 61).
- в) *Не верить/не поверить (своим) ушам* ,страшно удивляться, поражаться чему-либо услышанному' (ФСРЯ 2003, с. 26; ФС 2003, с. 57): *Григорий Иванович.. рассказал все, что случилось. Лиза не верила своим ушам* (ФСРЯ 2006, с. 57).

Особый интерес вызывает тот факт, что в русском и украинском языках слово *вера* и его производные употребляются в составе ФЕ в значении ,кредит, долг' (калька с лат. *crēditum*): рус. устар. *верить/ поверить в долг* ,предоставлять кому-либо кредит': *Я сходил в знакомый*

трактир, в котором я иногда обедал и где мне верили в долг (ФССРЛЯ, т. 1, с. 110); Захар не знал даже, приведётся ли пообедать, потому что дальше Комарева нынче не уйдёшь, а комаревский целовальник Герасимов в долг не верил (ФСРЛЯ 2001, с. 61; ФС 2003, с. 57); современное укр. *продавати на віру* ,продавать в кредит, с оплатой попозже' (СУМ, т. 1, с. 679), *дати на віру* ,дать в кредит' (Онишкевич, т. 1, с. 130). Что касается белорусского материала, то в словарях И. И. Носовича и Я. Станкевича находим примеры устойчивых выражений сходной семантики с глаголами *взяць/ отдаць*: *Возьми на вёру, коли грошей нема. Ты ещэ вёры не отдавэ* (Насовіч 1983, с. 105; Станкевіч 1990, с. 1199).

Сюда же примыкает устаревшее русское идиоматическое словосочетание *верительное письмо* ,письмо банка своему корреспонденту с требованием уплатить определенную сумму лицу, указанному в письме' (ФССРЛЯ, т. 1, с. 110).

Нематериальные отношения доверия определенному государственному лицу нашли выражение в субстантивной ФЕ *верительная грамота* ,правительственный документ, удостоверяющий назначение определенного лица дипломатическим представителем в каком-либо государстве' (ФСРЯ 2003, с. 26): *(Я шла к шведскому королю Густаву V, чтобы передать ему мои верительные грамоты в качестве чрезвычайного посланника и полномочного представителя Советского правительства)* (ФССРЛЯ, т. 1, с. 110).

4. Выводы

Сопоставительный анализ фразеологических систем близкородственных языков позволил определить, что общим в восточнославянской языковой картине мира является активное использование трех типов устойчивых выражений с производными и.-е. **ērā-* ,доверие', ,вера' (Черных, т. 1, с. 141) (Таблица 1). Парное сравнение общего количества совпадений показало, что носителям белорусского и русского языков известен афоризм *верыць (наверыць) на слово / верить (поверить) на слово*, в то время как русские и украинские словари фиксируют ФЕ *верный (самому) себе / вірний собі*. Наибольшее количество национально-специфических особенностей в отношении рассмотренных дериватов зафиксировано значительно превосходящими по численности лексикографическими источниками русского языка.

Таблица 1 – Общие и этноспецифичные фразеологизмы с корневой морфемой -вер- в восточнославянских языках		
Белорусский	Украинский	Русский
<i>верай і праўдай служыць</i>	<i>вірою і правдою (служити, послужити)</i>	<i>верой и правдой/ верой-правдой/ и по вере и по правде (служить кому-либо)</i>
<i>не даваць веры (сваім) вачам / не верыць (наверыць) (сваім) вачам</i>	<i>не вірити/ не повірити (своім/ власним) очам</i>	<i>не верить/ не поверить (своим, собственным) глазам</i>

<i>не даваць веры сваім вушам / не верыць (наверыць) (сваім) вушам</i>	<i>не вірити/ не повірити (своїм/ власним) вухам</i>	<i>не верить/ не поверить (своим) ушам</i>
<i>верыць (наверыць) на слово</i>		верить/ поверить на слово
	вірний собі	верный (самому) себе

Литература

- Pokorny, J.: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern – München: Franke Verl., 1959.
- RHJ – *Rjecnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: M. Krleža; Skolska knj., 2000.
- RHSJ – *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: JAZU, 1971.
- АОС – *Архангельский областной словарь*. Под ред. О. Г. Гецовой. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Баранов, А. Н.: *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. Москва: Мир энциклопедий аванта, 2007.
- Бирих, А. К.: *Русская фразеология: историко-этимологический словарь*. Москва: Астрель: АСТ: Люкс. 2005.
- Бирих, А. К.: *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Булыко, А. Н.: *Фразеологический словарь русского языка*. Минск: Попурри, 2008.
- БФСРЯ – *Большой фразеологический словарь русского языка*. Сост. Л. В. Антонова. – Москва: Дом славянской книги, 2013.
- Гамкрелидзе, Т. В.: *Индоевропейский язык и индоевропейцы = Indo-European and the Indo-Europeans : реконструкция и ист.-типол. анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1984.
- ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови*. Київ : Наук. думка. 1982.
- Жуков, А. В.: *Лексико-фразеологический словарь русского языка*. М.: Астрель: АСТ, 2010.
- Зайка, А. Ф.: *Фразеалагічны слоўнік Косаўшчыны*. Брэст: Брэсцкая друкарня, 2014.
- Ильин, И. А.: *Путь к очевидности*. Москва: Республика, 1993.
- Ларин, Б. А.: *История русского языка и общее языкознание*. Москва: Просвещение, 1977.
- Лепешаў, І. Я.: *Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы*. В 2 т. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.
- Лихачев, Б. Т.: *Философия воспитания*. Москва: Прометей, 1995.
- Насовіч, І. І.: *Слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Беларус. сав. энцыкл., 1983.
- НФС – *Новейший философский словарь*. Минск: Интерпрессервис, 2001.
- Онишкевич, М. Й.: *Словник бойківських говірок*. Київ : Наук. думка, 1984.
- Прокошева, К. Н.: *Фразеологический словарь пермских говоров*. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2002.
- Розенталь, Д. Э.: *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Мир и Образование: Астрель: Оникс, 2011.
- РСКНЈ – *Речник српскохрватског књижевног и народног језика / Српска академија наука и уметности*. Институт за српскохрватски језик. Београд, 1962.
- Сабуркина, Н. В.: *Общее и специфическое в структуре языкового сознания славян (на*

- материале русского, белорусского, украинского и болгарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Моск. гос. ун-т., 2005.*
- СФУМ – *Словник фразеологізмів української мови*. Київ: Наукова думка, 2003.
- СРЯ XI–XVII вв. – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва: Наука, 1975.
- Станкевич, Я.: *Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь*. New York : Lew Sapiega Greatlitvan, 1990.
- Степанов, Ю. С.: *Константы : слов. рус. культуры : опыт исслед.* Москва : Яз. рус. культуры, 1997.
- СУМ – *Словник української мови*. Київ : Наукова думка, 1970.
- Ужченко, В. Д.: *Фразеологічний словник української мови*. Київ: Освіта, 1998.
- Фасмер, М.: *Этимологический словарь русского языка*. Москва : Прогресс, 1964.
- Федорова, Т. Л.: *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: „ЛадКом“, 2013.
- Жуков, А. В.: *Словарь современной русской фразеологии*. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.
- ФСРГС – *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*. Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983.
- ФСРЛЯ – *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Сост. А. И. Федоров. Москва: АСТ, 2001.
- ФС – *Фразеологический словарь*. Сост. М. И. Степанова. Санкт-Петербург: Виктория плюс, 2003.
- ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка*. Сост. Л. А. Войнова. Москва: АСТ: Астрель, 2006.
- ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка*. Сост. А. Н. Тихонов. Москва: Высшая школа, 2003.
- ФССРЛЯ – *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*. Сост. А. Н. Тихонов. Москва: Флинта: Наука, 2004.
- Функционирование – *Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении*. Киев : Наукова думка, 1981.
- Черных, П. Я.: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. 2 т. Москва: Рус. яз. Медиа. 2004.
- Шмелев, А. Д.: *Очерки по семасиологии русского языка*. Москва: Просвещение, 1964.

Засади лексикографічного опрацювання фразеології, мотивованої слов'янською міфологією

The Bases of Lexicographic Studies of the Phraseology Motivated by the Slavic Mythology

Ірина Чибор

Abstract

The article represents the project of the phraseological dictionary of ethnolinguistic type „Demonycon of Slavic Phraseology”, which will reflect the fragments of the spiritual culture of the Slavs preserved in the phraseology in comparative aspect. The principles of lexicographic studies of phraseology motivated by the Slavic mythology are described based on the material of three close Slavic languages – Ukrainian, Polish and Slovak. The separate samples of lexicographic studies of the corresponding phraseological material are represented in ethnolinguistic and comparative aspects.

Анотація

У статті репрезентовано проект фразеологічного словника етнолінгвістичного типу „Демонімікон слов'янської фразеології”, що у порівняльному аспекті відображатиме фрагменти духовної культури слов'ян, збережені у фразеології. Окреслено засади лексикографічного опрацювання фразеології, мотивованої слов'янською міфологією, на матеріалі трьох близьких слов'янських мов – української, польської та словацької. Репрезентовано окремі зразки лексикографічного опрацювання відповідного фразеологічного матеріалу в етнолінгвістичному та порівняльному аспектах.

Keywords: phraseology, phraseological unit, lexicographic studies, phraseological dictionary, ethnolinguistic commentary, ethnoculture, demonymicon.

Ключові слова: фразеологія, фразеологічна одиниця, лексикографічне опрацювання, фразеологічний словник, етнолінгвістичний коментар, етнокультура, демонімікон.

Лексикографічне опрацювання української фразеології має свою давню традицію, починаючи від фіксації фразеологізмів у фольклорних (паремійних) збірках і загальномовних словниках, зокрема перекладних, до систематизації фразеологічних одиниць у тлумачних словниках академічного типу, укладення словників діалектної та індивідуально-авторської фразеології¹

¹ Детально історію української фразеології описано в наукових розвідках Ю. Прадіда (1999; 2007; 2012),

тощо. Сьогодні лексикографи зосереджують свою увагу на створенні словникової продукції, яка б була, за визначенням О. Тищенко (2011, s. 55), своєрідним лексикографічним „зрізом” мовної ситуації з погляду нової та оновленої лексики й фразеології, однак поза увагою лексикографів залишається опрацювання фразеології української мови в етимологічному, етнолінгвістичному чи лінгвокультурологічному аспектах.

Прикладом найновішого лексикографічного опрацювання фразеології є „Лексикон польської та української активної фразеології“ (2018), поява якого стала результатом багаторічної співпраці між Інститутом славістики ПАН та Українським мовно-інформаційним фондом НАН України, а також спільної роботи міжнародного колективу польських і українських лінгвістів В. Сосновського, М. Яскота, Р. Тимошука та Ю. Ганошенка. Укладачі декларують застосування нових підходів до лексикографічного опрацювання фразеологічних одиниць, зокрема використання універсальної семантичної мови-посередника, інноваційну форму опису мовного матеріалу, порівняльний та лінгвокультурологічний підходи (Тимошук – Сосновський 2017, s. 69). Лінгвокультурного характеру Лексикону надає фіксація вибраних фразеологічних культурем², які „часто не мають відповідників, оскільки відбивають культуру певного народу та його мовну картину світу” (Тимошук – Сосновський 2017, s. 71). Актуальність такого підходу до словникового опрацювання фразеологізмів зумовлена загальним спрямуванням сучасних мовознавчих досліджень, як у лінгвокультурологічному, так і в етнолінгвістичному аспекті, на розкриття проблеми взаємозв'язку між мовою і культурою.

Вивчення фразеології у кореляції з духовною культурою, а саме з міфологічними уявленнями етносу сьогодні вже стали традиційними для слов'янського мовознавства (див. праці А. Габовштяка (1977), В. Мокієнка (1986), В. Ужченка (1988), Є. Тредера (1989), А. Аксамітова (1997), А. Кравчик-Тирпи (2001), Я. Івченко (2007), В. Коваля (2011), І. Кузнецової (2011), Л. Савченко (2013), М. Валенцової (2013), І. Чибор (2016) та багатьох інших). Однак фразеологічні одиниці, мотивовані слов'янською міфологією, ще не були предметом лексикографічного опрацювання, зокрема й в етнолінгвістичному аспекті.

Як фразеологічний словник етнолінгвістичного типу бачимо „Демонімікон слов'янської фразеології”, що репрезентуватиме давні міфологічні уявлення слов'ян, закодовані у фразеології. Словник традиційно міститиме перелік фразеологізмів з поясненням семантики та ілюстраціями використання у мовленні, однак важливим складником його словникових статей буде етнолінгвістичний коментар, що в порівняльному аспекті надаватиме інформацію про мотивацію фразеологічної одиниці у кореляції з духовною культурою слов'ян.

Мета запропонованої розвідки – окреслити засади лексикографічного опрацювання фразеології, мотивованої слов'янською міфологією, на матеріалі української, польської та словацької мов, репрезентувати окремі зразки лексикографічного опрацювання

Л. Самойлович (2000), Л. Корнієнко (2014) та інших.

² Р. Тимошук та В. Сосновський термін *культурема* розуміють як „важливі для самоідентифікації певної спільноти слова-ключі, які характеризують, як її відношення до традицій, так і здатність взаємодіяти із сучасним світом” (Nagórko – Łaziński – Burkhardt 2004, s.19 за Тимошук – Сосновський 2017, s. 71) і поширюють його на фразеологію.

відповідного фразеологічного матеріалу в етнолінгвістичному та порівняльному аспектах.

Інспірацією для створення „Демонімікону слов'янської фразеології” слугувала лексикографічна праця польських лінгвістів М. Чешевського і К. Форемняк „Ludzie i miejsca w języku. Słownik frazeologizmów eponimicznych” (2011), що містить фразеологізми, пов'язані з місцями і постатями європейської культури та культурологічний коментар до них. Головно це одиниці, що походять з античної міфології, Біблії, літератури, історії. „Демонімікон слов'янської фразеології” репрезентуватиме надбання слов'янської духовної культури, збережені певною мірою у фразеології, зокрема фрагменти уявлень про язичницьких богів, демонічних і напівдемонічних істот тощо.

1. Макроструктура словника

1.1 Добір реєстрових одиниць

Реєстр пропонованого словника складатимуть фразеологічні одиниці, мотивовані слов'янською міфологією (згруповані навколо опорного слова). До фразеологізмів, мотивованих слов'янською міфологією, відносимо одиниці, образ яких сформувався під впливом міфологічного світогляду слов'ян (див. Чибор 2016, s. 9). З огляду на це фразеологізми дібрано з урахуванням основних ознак міфологічного мислення (анімізм, антропоморфізм, фетишизм, тотемізм, магізм тощо) і давніх уявлень слов'ян, пов'язаних з обожненням явищ і сил природи, одухотворенням природи, з уявленнями про будову світу і місце людини в ньому, з культом предків тощо. Отже, критерієм відбору фразеологізмів до реєстру словника є міфологічна мотивація (певна значима для етносу культурна інформація, етнокод), що корелює з різними елементами слов'янської міфології і може реалізуватися у фразеологічній одиниці на компонентному (напр., укр. *щоб тебе Чорний бог убив!*; словац. *šarkan letí*; пол. *wiedźma kijowska*), семантичному (укр. *Гнат без'ятий – ‘чорт’*; словац. *tá zrastené obočie – ‘уміє чарувати’*) й образному (укр. *на чолі написано у кого*; словац. *je ako vymenený*; пол. *zabić komuś klina w głowę*) рівнях.

1.2 Характеристика мовного матеріалу словника

Сукупність мовних одиниць, що складають реєстр пропонованого словника, – це фразеологія у широкому розумінні терміна, а саме: фразеологічні одиниці – усталені стійкі словосполучення з постійним, відтворюваним за традицією складом компонентів, у якому втрачена їх лексична самостійність і яке виражає цілісне фразеологічне значення, створюване в основному внаслідок переосмислення вільного словосполучення, а також виступає членом речення (Юрчук 1983, s. 26), напр.: укр. *водяного лякати* – ‘тонути’; словац. *meluzína hvízda* – ‘сильний, поривчастий вітер; буревій’; пол. *rójść do lali* – ‘померти’; усталені порівняння – стійкі, відтворювані словосполучення, що містять образний порівняльний компонент (Доброльожа 2003, s. 3), напр.: укр. *зла як відьма*; словац. *krásna ako víla*; пол. *czerwonu jak upiór*; перформативні фразеологічні одиниці – стійкі, відтворювані словосполучення зі структурою дії, що формує вислів комунікативного наміру (Савченко

2013, s. 9) (традиційні формули клятв, божби, проклять, побажань), напр.: укр. *хай йому грець!*; словац. *nech ma tu hrom zabije!*; пол. *niech czort weźmie!*; паремії – стійкі відтворювані одиниці реченнєвої структури (Селіванова 2004, s. 242), зокрема прислів'я та приказки, напр.: укр. *багатому й чорт гроші носить*; словац. *dobre je byť s čertom zadobre*; пол. *deszczyk pada, słońce świeci, czarownica masło kleci* тощо.

1.3 Джерела реєстрових одиниць

Для створення картотеки фразеологізмів української мови слугували такі джерела: паремійні збірки XIX – поч. XXI ст., зокрема „Українські приказки, прислів'я і таке інше” М. Номиса (1864), „Галицько-руські народні приповідки” І. Франка (1901–1910), а також „Приповідки: почув, записав і впорядкував Степан Пушик” (2009), „Фразеологічно-паремійний словник Східної Слобожанщини XIX ст.” (2013); загальномовні фразеологічні словники, серед яких: „Фразеологічний словник української мови: у 2-х книгах”, укладений В. Білоноженко, В. Винник, І. Гнатюк та ін. (1993), „Словник стійких народних порівнянь” О. Юрченка, А. Івченка (1993), академічний „Словник фразеологізмів української мови”, укладений В. Білоноженко, І. Гнатюк, В. Дятчук та ін. (2003); діалектні фразеологічні словники: „Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини” Н. Вархол, А. Івченка (1990), „Фразеологічний словник говірок Нижньої Надніпрянщини” В. Чабаненка (2001), „Сказав, як два зв'язав. Народні вислови та загадки із Західного Полісся і західної частини Волині” Г. Аркушина (2003), „Красне слово – як золотий ключ. Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій” (2003) і „Фразеологічний словник говірок Житомирщини” (2010) Г. Доброльожі, „Словник лексики та фразеології народної медицини й лікувальної магії Кіровоградщини” О. Вікторіної (2006), „Із народу не викинеш: діалектний словник фразеологізмів” (2006) і „Що сільце, то нове слівце: словник фразеологізмів Західного Полісся” (2013) З. Мацюк, „Слова з язика, як бджоли з вулика. Матеріали для словника народних порівнянь подільських і волинських говірок” Н. Коваленко (2011), „Фразеологічний словник лемківських говірок” Г. Ступінської, Я. Битківської (2012), „Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу” В. Ужченка та Д. Ужченка (2013), „Словник волинських фразеологізмів” Н. Кірілкової (2013), лексикографічна праця „Фразеологізми та паремії Чернівеччини: матеріали до словника”, укладачі Г. Кузь, Н. Руснак, М. Скаб (2017).

Фразеологічний матеріал словацької мови дібрано з паремійних (фольклорних) збірок XIX ст., зокрема „Slovenské obyčaje, poveru a čary”, П. Добшинського (1880), „Slovenské přísloví, porekadlá a úsloví” А. Затурецького (1897), із загальномовних лексикографічних праць: „Slovník slovenského jazyka” за редакцією Ш. Пецяра (1959–1968), „Krátký slovník slovenského jazyka” за редакцією Я. Качали, М. Пісарчікової, М. Поважая (2003), „Synonymický slovník slovenčiny” за редакцією М. Пісарчікової (2004), з виданих томів „Slovník súčasného slovenského jazyka”, головні редактори – К. Бузашйова, А. Ярошова (2006–2015), частково з „Slovenský frazeologický slovník” П. Тврдого (1933) та чи з не єдиної фразеологічної праці „Malý frazeologický slovník” Є. Смешкової (1974).

Фразеологізми польської мови почерпнуто з „Nowej księgi przysłów i wyrażen przysłowowych polskich” за редакцією Ю. Крижановського (1969–1978), яка містить різноманітний мовний матеріал починаючи з XVI ст., а також із сучасних фразеологічних праць, зокрема

з „Słownika frazeologicznego współczesnej polszczyzny” за редакцією С. Бомби і Я. Ліберека (2001) та „Wielkiego słownika frazeologicznego języka polskiego” за редакцією П. Мулднера-Нецковського (2003).

1.4 Принцип укладання словникових статей

Реєстр запроєктованого словника буде сформовано за гніздовим принципом, що передбачає групування окремих фразеологізмів навколо опорного слова. Опорне слово є репрезентантом етнокультурної інформації, на основі якої об'єднує певну кількість фразеологічних одиниць. Зазвичай, це спільний для кількох фразеологічних одиниць (етно)компонент. Словникові статті буде подано в алфавітному порядку.

1.5 Показчики фразеологізмів

У структурі словника запроєктовано наявність кількох показників фразеологізмів. Показник фразеологізмів української мови буде укладено відповідно до компонентного складу фразеологізму. Біля кожного повнозначного компонента фразеологічної одиниці, поданого у показнику в початковій граматичній формі в алфавітному порядку, буде розміщено реєстрову фразеологічну одиницю (або кілька) з вказівкою на місце опрацювання у словнику. Таким чином реєстровий фразеологізм у показнику буде наведено у відповідних місцях стільки разів, скільки повнозначних компонентів налічує фразеологічна одиниця.

Показник фразеологізмів словацької мови та показник фразеологізмів польської мови буде укладено в алфавітному порядку з урахуванням усіх компонентів фразеологічної одиниці. Біля розміщеного фразеологізму буде подано український відповідник (за наявності) і вказівку на місце опрацювання у словнику.

2. Мікроструктура словника.

2.1 Будова словникової статті

Опорне слово, що є репрезентантом етнокультурної інформації, закодованої у фразеологізмах. Напр., опорне слово **РУСАЛКА** об'єднуватиме фразеологічні одиниці, походження яких пов'язане з давніми народними уявленнями слов'ян про русалок.

Реєстрова одиниця³ – фразеологізм, поданий у вихідній формі. Вихідна форма фразеологічної одиниці визначається її співвіднесеністю з тією чи іншою частиною мови. Реєстрова форма фразеологізму відображає його варіантність, а також факультативність його компонентів. Напр.: **дідько (диявол) [його (тебе, їх)] знає**, де в () подано варіативний компонент, а в [] – факультативний.

Дефініція. До кожного фразеологізму буде подано виразне тлумачення його значення, напр.: **дідько (диявол) [його (тебе, їх)] знає** – ‘невідомо, незрозуміло’.

Стилістичні характеристики. Відповідні фразеологічні одиниці будуть містити стилістичну характеристику (ремарки) – інформацію щодо актуальності і частотності

³ В оформленні реєстрової одиниці дотримуємося принципів, запропонованих укладачами „Словника фразеологізмів української мови” (2003).

вживання (*заст.* – застаріле; *рідко*), експресивно-емоційного забарвлення (*жарт.* – жартівливе; *ірон.* – іронічне; *зневажл.* – зневажливе; *фам.* – фамільярне; *лайл.* – лайливе; *вulg.* – вульгарне), ареалу поширення (*діал.* – діалектне) тощо.

Ілюстрації – короткі цитати, дібрані з сучасної літератури, преси та Інтернету, що ілюструють значення, стилістичне забарвлення та особливості функціонування реєстрової фразеологічної одиниці.

З метою репрезентації сучасних особливостей функціонування фразеологізмів, для ілюстрації вибрано такі джерела, як сучасна література (художній дискурс), сучасна (щоденна) преса (публіцистичний дискурс), Інтернет, зокрема приватні сторінки, тематичні сторінки, блоги, соціальні мережі тощо.

Ілюстративний матеріал буде дібрано, насамперед, з національних корпусів української, словацької і польської мов:

Корпус української мови (КУМ) – <http://www.mova.info/corpus.aspx>; Slovenský národný korpus (SNK) – <https://korpus.sk>; Narodowy Korpus Języka Polskiego (NKJP) – <http://nkjp.pl>.

Приклади вживання реєстрових фразеологізмів у мережі Інтернет буде відібрано за допомогою пошукового сервісу Google: <https://www.google.com.ua>; <https://www.google.sk>; <https://www.google.pl>.

Фразеологізми слов'янських мов, оформлені як реєстрові одиниці з поясненням значення, стилістичною характеристикою та ілюстраціями використання.

Коментар. Поданий наприкінці словникової статті коментар міститиме відповідну інформацію етимологічного, етнокультурного, лінгвістичного характеру, що пояснюватиме мотивацію фразеологічних одиниць з урахуванням подібностей і відмінностей у кодуванні етнокультурної інформації в різних слов'янських мовах, кореляцію фразеологізмів з міфологічним мисленням і давнім світоглядом слов'ян, а також особливості їхнього функціонування, частотність вживання і можливі структурно-семантичні модифікації в сучасному мовленні (художньому, публіцистичному, розмовному).

Інші словники. У цій рубриці буде вміщено інформацію про реєстрацію фразеологічної одиниці в інших лексикографічних працях.

Фразеологізми, що складатимуть реєстр запроєктованого словника, відібрано з раніше виданих фольклорних і лексикографічних, зокрема й фразеографічних праць (загальномовних і діалектних), що відображають повноту лексикографічного опрацювання фразеологічного матеріалу, зокрема української мови. Плануємо подавати перелік словників, які фіксують реєстровий фразеологізм або його варіанти. Напр.:

Інші словники: [Ном.; Гр.; Дубр.; ФПССС; СФУМ; ФСГЖ; ФСЛГ].

Покликання на інші, пов'язані між собою словникові статті. Напр.:

Покликання: →БІС; →ДІДЬКО.

2.2 Фрагмент словникової статті.

МАРА / MORA / ZMORA

ВИГЛЯДАЄ ЯК МАРА „дуже виснажений, вимучений“. *Двері вже були відчинені. Мама в дверях. Ми поцілувалися. Вона не спускала з мене очей.* – *Виглядаєш, як мара.* – *Ну, аякже, тримали нас довго на кордоні, митники трясли ваших співгромадян та ще*

польські й українські дороги в цю річну пору самі знаєте які... (<http://www.gak.com.ua/creatives/1/38743>).

WYGLĄDA JAK ZMORA „блідо, хворобливо; виснажено“. – *Ja... ostatnio prawie wcale nie grałem. – Uderzyło ci do głowy, że tak świetnie zdałeś na piąty rok? Zrobiłeś sobie wakacje? – o Ja... – Wyglądasz jak zmora. Coś ty wyprawiał? (K. Berwińska). ...kiedy wracasz od kosmetyczki i wyglądasz jak zmora: Wróć pamięcią do czasów, kiedy przysięgał, że możesz sobie źle wyglądać, a on i tak będzie cię kochał... (Cosmopolitan).*

WYGLĄDA JAKBY GO MORA CAŁĄ NOC DUSIŁA, *заст.*

ВСАДИЛА МИ СІ ЯКАСЬ МАРА В ГРУДИ, *діал.* „щось болить у грудях“.

DÁVI/TLAČÍ HO MORA „хтось відчуває тривогу“. *Ako mora dodnes dávi Trenčanov najmä spomienka na nehanebný čin – zbúranie Štefánikovho súsošia v predvečer veľkonočných sviatkov v roku 1953* (<https://www.tsk.sk>).

ZMORA GO MĘCZY (DUSI, TRAPI), *заст.*

JAK ZMORA ze slowem *dusi* – „гнітюче“ „Dzień i noc, jak zmora, dusi myśl, że życie moje stracone bezpowrotnie“ *ponuro wyznaje Wojnicki* (<http://www.archiwum.wyborcza.pl>).

NOČNÁ MORA „щось неприємне, обтяжливе; те, що часто викликає страх, тривогу; погані спогади“. *Nočná mora na Wall Street: Najsilnejší pokles hodnoty akciového trhu v histórii* (<http://www.infovojna.sk>). *Moskovská nočná mora sa vrátila, CSKA uštedril Slovanu obrovský debakel* (<https://hokej.sk>).

МАРА [ЙОГО] ЗНАЄ, *фам.* „уживається для вираження невпевненості, необізнаності в чомусь і т.ін.; невідомо, незрозуміло, хтозна“. *Щоправда, не дуже він там вірив тим книгам, а ще менше панам-директорам, бо ці не раз його в той спосіб «на бас» брали – та все-таки мара його знає? Може, й переборщив дещо... (І. Керницький).*

Коментар. У слов'янській міфології Мара (Мора) первинно – богиня – персоніфікація смерті, зазвичай збірної (мор), пізніше злий дух ночі (сну) (Kempínski 2001, с. 276). В українській етнокультурі Мара – це міфічна істота, найчастіше відьма, загалом дохристиянське уособлення нечистої сили (Жайворонок 2005, с. 353). За однією із версій, походження лексеми укр. *мара* (словац. *mora*, пол. *zmora*) пов'язане з прасл. **morъ* „смерть“, за другою – слова з коренем **mor-* співвідносять з дієсловами прасл. **maniti*, **tamiti* „морочити, обманювати, чаклувати“ (СД III: 178; ЕСУМ III, с. 388–389; ŠESS, s. 368), за третьою – пол. *mora* і *mara* етимологічно виводять від **mer-* „тиснути, толочити“ (Budziszewska 1991, с. 17).

Фразеологія кодує спільнослов'янські уявлення про мару як про напівдемонічну істоту, яка душить людину під час сну, сидючи в неї на грудях (Moszyński 1967, s. 627; EKLS I, s. 371; СД II, с. 341), а також етнокультурну інформацію про зовнішній вигляд мари, про стан і вигляд людини, яку мара мучила вночі. Фразеологія української мови відображає узагальнене трактування мари як нечистої сили. Для словацької фразеології властива деміфологізація уявлень про мару.

Інші словники: Фр.; ССНП; ФСУМ; НКРП; Tvrdý; SSJ; SSSJ.

Покликання:→МАНА;→МАНІЯ;→БЛУД

Отже, запропонований проект фразеологічного словника етнолінгвістичного типу „Демонімікон слов'янської фразеології” поряд з традиційними для української фразеографії

засадами лексикографічного опрацювання фразеологічних одиниць, репрезентує й нові підходи, зокрема створення етнолінгвістичного коментаря, порівняльний аналіз трьох слов'янських мов – української, польської та словацької, групування фразеологізмів навколо опорного слова – репрезентанта етнокультурної інформації, закованої у фразеологічних одиницях. Поданий зразок оформлення словникової статті відображає описані принципи лексикографування фразеологічного матеріалу, які можна модифікувати у процесі укладання словника відповідно до якісного і кількісного складу фразеологічних одиниць у різних слов'янських мовах. Запропонований спосіб зіставлення й опису фразеологізмів уможливує залучення до опрацювання фразеологічних одиниць, мотивованих слов'янською міфологією, з інших слов'янських мов.

Література

- Bąba, S. at al.: *Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*. Warszawa: PWN, 2001.
- Dobšinský, P.: *Slovenské obyčaje, povery a čary*. Bratislava: Pramene, 1993.
- Foremniak, K. at al.: *Ludzie i miejsca w języku. Słownik frazeologizmów eponimicznych*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2011.
- Habovštiak, A.: O názvoch vzdušného víru v slovenských nárečiach. *Kultúra slova*, №11, 1977, s. 78–81.
- Ivchenko, Y.: *Postać diabła we frazeologii i paremiologii polskiej i wschodniosłowiańskiej* [auto-referat rozprawy doktorskiej]. Lublin, 2007.
- Krátky slovník slovenského jazyka*. Kačala, J., Pisárčiková, M., Považaj, M. (ed.). Bratislava: Veda, 2003.
- Krawczyk-Tyrpa, A.: *Tabu w dialektach polskich*. Bydgoszcz: Akademia Bydgoska im. Kazimierza Wielkiego, 2001.
- Müldner-Nieckowski, P.: *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa: Świat książki, 2003.
- Nagórko, A. at al.: *Dystynktywny słownik synonimów*. Kraków, 2004.
- Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Krzyżanowski, J. (ed.). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1972.
- Slovník slovenského jazyka*: v 6 t. Peciar, Š. (ed.), Bratislava: Veda, 1959–1968.
- Slovník súčasného slovenského jazyka*: v 3 t. Jarošová, A., Buzássyová, K. (ed.), Bratislava: Veda, 2006–2015.
- Smiešková, E.: *Malý frazeologický slovník*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974.
- Synonymický slovník slovenčiny*. Pisárčiková, M. (ed.). Bratislava: Veda, 2004.
- Treder, J.: *Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje na tle porównawczym*. Wejherowo: Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej w Wejherowie, 1989.
- Tvrđý, P.: *Slovenský frazeologický slovník*. Praha–Prešov: Nákladem československej grafickej unie, ÚČ. SPOL, 1933.
- Tymoshuk, R. at al.: *Leksykon aktywnej frazeologii polskiej i ukraińskiej*. Warszawa, 2018.
- Záturecký, A.: *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia*. Bratislava: Tatran, 1974.
- Аксамітаў, А.: Беларуская народная міфалогія як крыніца ўтварэння фразеалагічных

- адзінак. In Lewicki, A. – Chlebda, W. (ed.): *Problemy frazeologii europejskiej. T.2: Frazeologia a religia*. Warszawa: Energeia, 1997, s. 75–84.
- Аркушин, Г.: *Сказав, як два зв'язав. Народні вислови та загадки із Західного Полісся і західної частини Волині*. Люблін–Луцьк, 2003.
- Валенцова, М.: Мифологический аспект словацкой фразеологии. In Гура, А., Белова, О., Березович, Е. (ed.): *Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею С.М. Толстой*, Москва: Индрик, 2013, s. 194–202.
- Вікторіна, О.: *Словник лексики та фразеології народної медицини й лікувальної магії Кіровоградщини*. Кіровоград: Центральньо-Українське вид-во, 2006.
- Добролюжа, Г.: *Красне слово – як золотий ключ: Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій*. Житомир: Волинь, 2003.
- Добролюжа, Г.: *Фразеологічний словник говірок Житомирщини*. Житомир: ПП Туловський, 2010.
- Івченко, А. et al.: *Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини*. Братіслава: Словацьке педагогічне вид-во; Пряшів: Відділ укр. літератури, 1990.
- Кірілкова, Н.: *Словник волинських фразеологізмів*. Рівне; Острог: Видавництво Національного університету „Острозька академія”, 2013.
- Коваленко, Н.: *Слова з язика, як бджоли з вулика. Матеріали до словника народних порівнянь подільських і волинських говірок Хмельниччини*. Кам'янець-Подільський: ПП Буйницький, 2011.
- Коваль, В.: *Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение*. Минск: РИВШ, 2011.
- Корнієнко, Л.: *Українська фразеографія другої половини ХХ – початку ХХІ століть: тлумачні та перекладні словники* [автореф. дис. ... канд. філол. наук.: 10.02.01]. Київ: Інститут української мови НАН України, 2014.
- Кузнєцова, І.: *Персонажи демонологии в славянских устойчивых сравнениях: Вестник Орловского государственного университета*, 2011, s. 143–146.
- Мацюк, З.: *Із народу не викинеш: діалектний словник фразеологізмів*. Луцьк: РВВ „Вежа” Волинського державного університету імені Лесі Українки, 2006.
- Мацюк, З.: *Що сільце, то нове слівце: словник фразеологізмів Західного Полісся*. Луцьк: Захарчук В.М., 2013.
- Мокиєнко, В.: *Образы русской речи: ист.-этимол. и этнолингвист. очерки фразеологии*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986.
- Номис, М.: *Українські приказки, прислів'я і таке інше*. Київ: Либідь, 1993.
- Прадід, Ю.: Перекладні фразеологічні словники в Україні. *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского: Серия „Филология”*, Т.20 (59), №1, 2007, s. 79–84.
- Прадід, Ю.: Історія української фразеографії. *Мовознавство*, №1, 2012, s. 31–39.
- Прадід, Ю.: Стан і тенденції розвитку фразеографії на сучасному етапі. *Ученые записки Симферопольского государственного университета*, №10, 1999, s. 97–103.
- Пушик, С.: *Приповідки: почув, записав і впорядкував Степан Пушик*. Івано-Франківськ: Фоліант, 2009.
- Савченко, Л.: *Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови*:

- етимологічний та етнолінгвістичний аспекти*. Сімферополь: Доля, 2013.
- Самойлович, Л.: *Українська фразеологія XIX–поч. XX ст.* [автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01]. Дніпропетровськ, 2000.
- Селіванова, О.: *Нариси з української фразеології: (психокогнітивний та етнокультурний аспекти)*. Київ; Черкаси: Брама, 2004.
- Словник фразеологізмів та паремій Чернівецьчини. Матеріали до словника фразеологізмів та паремій Чернівецьчини*. Кузь, Г. Руснак, Н., Скаб, М., Томусяк, Л. (ed.). Чернівці: Рута, 2017.
- Словник фразеологізмів української мови*. Білоноженко, В. та ін. (ed.). Київ: Наукова думка, 2003.
- Ступінська, Г. at al.: *Фразеологічний словник лемківських говірок*. Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2012.
- Тимошук, Р. at al.: Нові підходи до створення сучасних фразеологічних словників (на матеріалі „Лексикона польської та української активної фразеології”). *Мовознавство*, №2, 2017, s. 69–77.
- Тищенко, О.: Нові й актуалізовані слова та значення (словникові матеріали) у контексті сучасних неословників. *Українська мова*, №1, 2011, s. 55–68.
- Ужченко, В.: *Народження і життя фразеологізму*. Київ: Радянська школа, 1988.
- Ужченко, В. at al.: *Фразеологічний словник східнослов'янських і степових говірок Донбасу*: Вид. 6-е, доповн. й переробл. Луганськ: Видавництво ДЗ „ЛНУ імені Тараса Шевченка”, 2013.
- Фразеологічний словник української мови*: у 2 кн. Білоноженко, В. та ін. (ed.). Київ: Наукова думка, 1993.
- Фразеологічно-паремійний словник Східної Слобожанщини XIX століття*. Ужченко, В. (ed.) Луганськ: Вид-во ДЗ „ЛНУ імені Тараса Шевченка”, 2013.
- Франко, І.: *Галицько-руські народні приповідки*. Т. 1–3. Львів : Наукове товариство ім. Шевченка, 1901–1910.
- Чабаненко, В.: *Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпряниці*. Запоріжжя: Видавництво „Стат і К”, 2001.
- Чибор, І.: *Слов'янська міфологія в українській фразеології*. Київ: Видавець Олег Філюк, 2016.
- Юрченко, О. at al.: *Словник стійких народних порівнянь*. Харків: Основа, 1993.
- Юрчук, Л.: Теоретичні засади реєстру Фразеологічного словника української мови. *Мовознавство*, 1983, № 5, s. 23–32.

Вопрос о варьировании фразеологизмов в истории русского языка¹

Question of Phraseological Units Variation in the History of Russian

Елена В. Генералова

Abstract

The historical nature of the phraseology is depicted at the base of historical dictionaries of Russian and their card files. In our opinion, in the history of language some kind of pro-phraseological fund, extensive group of combinations, actually a base for the idioms formation should be spoken about. In diachrony steady combinations can be allocated at criteria of possible semantic shift and even only a factor of frequent occurrence in the text. The criterion of expressivity and criterion of stability cannot be considered obligatory for steady combinations in the history of language. Variability is a very important feature of functioning of steady combinations in diachrony. First, the component structure of phraseological units is varied though the conclusion about obligation / optionality of components can be made in the history of language. Only at the base of combination fixation in the texts of this period. Secondly, wide variation of steady combinations takes place at different language levels (semantics and the same syntactic model are preserved when phraseological unit components (or their forms) are varied): we can distinguish word-formation variation of separate components, derivation and grammatical variation, grammatical variation, lexical variation.

Аннотация

Историческая природа фразеологии рассматривается на материале исторических словарей русского языка и их картотек. Представляется, что в истории языка следует говорить о своего рода профразеологическом фонде, обширной группе устойчивых сочетаний, фактически базе образования идиом в дальнейшем. В диахронии устойчивые словосочетания могут быть выделены на основе наличия семантического сдвига и частой встречаемости в тексте. Критерии экспрессивности и неизменяемости не могут считаться обязательными при выделении устойчивых сочетаний в истории языка. Вариативность является важнейшей чертой функционирования фразеологизмов в историческом тексте. Во-первых, варьируется компонентный состав фразеологизмов, хотя вывод об обязательности/факультативности компонентов может быть сделан только в зависимости от зафиксированности сочетания в текстах этого периода. Во-вторых, широкая вариативность устойчивых сочетаний имеет место на различных языковых уровнях (когда сохраняются семантика и та же синтаксическая модель, в то время как компоненты (или их формы) могут варьироваться);

¹ The study is funded by the Russian Science Foundation (project No.T 18-012-00224 «The Dictionary of everyday language of Moscow Russia XVI–XVII centuries (issues 8, 9, 10) », implemented at St. Petersburg State University).

различаем словообразовательное, словообразовательно-грамматическое, морфологическое, лексическое варьирование фразеологических единиц.

Key words: historical phraseology, variation, historical dictionaries of Russian, component structure of phraseological units, derivation and lexical variants

Ключевые слова: историческая фразеология, варьирование, исторические словари русского языка, компонентный состав фразеологических единиц, словообразовательные и лексические варианты

1. Введение. Общая характеристика задач и материала исследования

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) составляют неотъемлемую часть словарного состава любого естественного языка на протяжении всей его истории, это сочетания разной степени устойчивости, чрезвычайно разнообразные тематически, генетически, стилистически. Фразеология исторична по самой своей природе прежде всего потому, что устойчивый облик словосочетаний – это всегда продукт исторического развития.

В настоящей статье обсуждаются методологические вопросы несовпадения в синхронии и диахронии понятия фразеологизма, критериев выделения ФЕ и особенностей их существования, а также описывается такая характерная черта функционирования ФЕ в историческом тексте, как вариативность.

Специального исторического фразеологического словаря русского языка на настоящий момент не существует. Происхождение фразеологических оборотов русского языка подробно и всесторонне описывает выдержавший уже не одно переиздание «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой (Бирих – Мокиенко – Степанова 1998), однако представление устаревшего для современного русского языка материала и функционирования фразеологических оборотов в исторических текстах не входило в задачи этого словаря. Базой настоящего исследования послужили материалы общих исторических словарей (толкового типа) русского языка и соответствующих картотек: «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» (СлРЯ XI–XIV), «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII). В значительной степени были использованы материалы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ) и его картотеки, хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета. СОРЯ – это толковый исторический словарь группы памятников (около 300 памятников русского языка периода средневековья) на основе народно-литературного языка, подробно описывающий семантику и фразеологию русского языка XVI–XVII вв. и отражающий языковую стихию складывающегося национального языка; объем бумажной картотеки СОРЯ – около 500 000 единиц, часть картотеки находится в электронном виде, картотека постоянно пополняется. По замыслу Б.А. Ларина, «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» должен был стать «источником для

множества исследований, наблюдений и размышлений, а вместе и богатым собранием фразеологии, этих сгустков и самородков народной мысли, опыта мудрейших, самоцветов слова безвестных и тем не менее чудо-умельцев, гениев русского языка!» (Ларин 2003, с. 657). В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» получают подробное описание все фразеологизмы и устойчивые сочетания слов, зафиксированные в картотеке СОРЯ, при этом «различаются три типа устойчивых оборотов в зависимости от степени семантической спаянности компонентов», дается их подробная семантическая и стилистическая характеристика, приводятся варианты и слова-сопроводители рассматриваемых устойчивых оборотов, указываются особенности синтаксической сочетаемости, фразеологизмы связываются отсылками с другими описываемыми в словаре фразеологическими единицами и словами (Инструкция 2011, с. 36–41), в связи с чем по материалам СОРЯ и его картотеки плодотворно изучение складывающегося фразеологического фонда русского языка в развитии и варьирования ФЕ в истории русского языка.

2. Фразеологические единицы в историческом тексте

2.1. Неоднозначность понятия фразеологизма в диахронии. Критерии выделения фразеологических единиц в историческом тексте

Как известно, в русистике существуют разные мнения об объеме фразеологии: две основные концепции обозначают как «узкое» и «широкое» понимание объема фразеологии. При узком понимании фразеологии фразеологизмами признают только эквивалентные слову объединения более сложного порядка, которые обладают образностью, т.е. за пределы фразеологии выносятся обороты предикативного характера (поговорки, крылатые слова), а также перифразы и сложные термины. А при широком понимании объема фразеологии предметом изучения являются не только собственно фразеологизмы (фразеологические сращения, единства, сочетания), но и поговорки, крылатые слова, т.е. фразеологические выражения, а также сложные термины. В настоящей статье придерживаемся «узкого» понимания объема фразеологии, рассматриваем именно эквивалентные слову устойчивые словосочетания.

Однако принципиально, что статус таких сочетаний в истории языка следует оговорить особо. На синхроническом уровне критериями выделения ФЕ являются постоянство и сложность состава, устойчивость, воспроизводимость и, конечно, идиоматичность. Ряд исследователей настаивает на том, что также обязательным признаком фразеологических единиц является их образность и экспрессивность, однако критерий наличия оценочности и экспрессивно-эмоциональной окраски признается не всеми исследователями в качестве обязательного.

Понятие же фразеологизма и критериев выделения фразеологизмов в истории языка неоднозначны. Прежде всего встает вопрос устойчивости выделяемых как фразеологические сочетаний. Это связано с невозможностью в большинстве случаев установить момент фразеологизации; исторический принцип, по словам Б.А. Ларина, и заключается в учёте «постепенного накопления идиоматичности в развитии от текущих словосочетаний

к неразложимым» (Ларин 1977, с. 147), и Б.А. Ларин подчеркивает, что «семантическая слитность, целостность образуется раньше, скорее. Для „созревания“ грамматической неразложимости нужны века» (Ларин 1977, с. 136). Таким образом, критерий устойчивости и воспроизводимости спорен в связи с невозможностью точного определения, свободным или устойчивым является словосочетание в конкретный исторический момент.

Во-вторых, следует отметить сложность интерпретации понятия экспрессивности на историческом материале: в силу ориентации на образцовые тексты и отсутствия авторского начала, выражение многих эмоций в языке донационального периода стандартизовано и закреплено в виде устойчивых сочетаний. Так, очевидно, именно в исторических текстах (прежде всего в богослужебной и агиографической литературе) сложилась и существовала унаследованная современным русским языком традиция использования такого особого пласта фразеологических единиц, как библеизмы (например, *смертные врата* „конец земной жизни“, *вечное блаженство* „высшее счастье в загробной жизни“) с совершенно определенной оценочностью, при том что исследователи подчеркивают, что наиболее активный период проникновения библейских фразеологических оборотов в русский язык составил примерно три века – с XVI по XIX вв. (Дубровина 2012). С другой стороны, например, хорошо известны и описаны в научной литературе традиционные средства деловой письменности с эмоцией самоуничижения (см. *бедный, беззащитный и беззащитный, голодной смертью помирая, Христовым именем по дворишкам скитаюсь*) – эти сочетания экспрессивны с точки зрения носителя современного русского языка, но в складывающейся стилистической системе XVII в. это штампы, стандартизованные формы описания типичных жизненных ситуаций. Рассматривая этикетные средства деловой письменности XVI–XVII вв., Св. С. Волков делает следующий вывод: «Автор или писец, оформлявший акт, старались не только сообщить о чем-то и попросить помощи, поддержки, решения того или иного вопроса, но и воздействовать на чувства адресата, от воли которого зависело удовлетворение просьбы, и тем самым добиться желаемого результата. Складывающиеся постепенно, отобранные практикой оформления челобитных эмоционально-экспрессивные приемы выражения некоторых типичных для того времени понятий, житейских ситуаций, обстоятельств превратились в систему традиционных стандартизованных средств, которые стали одним из существенных элементов стиля челобитных» (Волков 2006, с. 279–280). Таким образом, экспрессивность ряда сочетаний в истории языка задана жанровой спецификой текстов.

В истории языка устойчивые сочетания, как представляется, могут быть выделены, во-первых (как и на современном материале) на основе возможного семантического сдвига, т.е. в таком случае рассматриваются выделяемые в исторических текстах неразложимые сочетания, обладающие постоянством состава, значения и образностью: *дикое мясо* ‘на рост на долго не заживающих ранах’ (*Указ дикое мясо выводити из ран изожги купоросу маленко да смешати съ ярю пополам да присыпи ино выестъ одним днем а не будет болети* (Леч. Котковой, 191, к. XVII в.)), *с головы до ног* ‘целиком, полностью’ (*Перво шла рота латников з головы до ног в латах числомъ шестьсот члвкъ* (Вести-Куранты V, 22, 1651 г.)), а во-вторых, и на основе только фактора частой встречаемости в тексте: см. *торговый гость* ‘купец’, *беги небесные* ‘движение планет’, *зады платежные* ‘задолженности’, *затейное воровство* ‘ложное обвинение, поклеп’.

В силу выше названного фактора стандартизованности выражения многих эмоций, а также чрезвычайной сложности восприятия эмоционально-экспрессивной окраски на не синхронном уровне, критерий экспрессивности нельзя считать обязательным критерием выделения устойчивых сочетаний в истории языка.

Фактически в диахронии следует, на наш взгляд, говорить о своего рода профразеологическом фонде, обширной группе сочетаний, выделяемых прежде всего на основе фактора частой встречаемости в тексте, фактически базе формирования собственно идиоматического запаса в национальном языке.

2.2. Функции ФЕ в историческом тексте

В современном тексте ФЕ в первую очередь обладают функцией выразительности, экспрессивности. Экспрессивной функцией обладают и ФЕ в историческом тексте: например, **валиться в рот** „легко доставаться“ (*Иного времени долго такова ждать: само царство небесное валится в рот. А ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хочется* (Аввакум. Книга бесед, 127, 1670 г.)), **снять сметану** „взять самое лучшее, выгодное, обычно опережая других“ (*Гсдрь на своихъ подданныхъ какія подати или запросныя денги для воинскаго надобия захочетъ взяти, а сметана уже снята.* (Учен. Ратн. Строения, 20, 1647 г.)), **дьявол прикоснулся** „о совершении какого-л. противоправного поступка“ (*Сажаль де меня губный староста Кирило Коптевъ въ тюрьму, а что де я [губной целовальник П.Шанин] государево слово за собою сказывалъ, и я де того не помню, былъ пьянь, а се въ те поры дьяволь прикоснулся* (Сид, 32, 1626 г.)), в грамотках, частных письмах встречаем бранные устойчивые сочетания (*глухой черт, шишимора деревенский, собачий сын, двори тебе черт*) и др.

Но устойчивые сочетания в историческом тексте – это не только способ сделать текст более выразительным, но очень во многом номинативное и этикетное средство. Важнейшая номинативная функция ФЕ заключается в том, что устойчивые сочетания называют самые разные реалии: это обозначения мер (*большая сажень, ведерной бочонок*), праздников, дат (*госпожино заговейно, великий день*), промышленная и ремесленная терминология (*печь дульная, колода бортная*), названия учреждений (*большой дворец, денежный стол*), должностей (*конюший боярин, наказной гетман*), социальных групп (*бобыль захребетный, люди даточные*), продуктов питания (*вялый сыр, белая рыба*), животных (*глухой тетерев, черный дрозд*), растений (*солодковый дубец, излюдены жабные*) и др. Большинство таких номинативных сочетаний составляют, по словам В.Н. Телии, предметный код культуры, являясь «единицами, в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения» (Телия 1996, с. 235). Фиксируя определенный устойчивый образ, такие сочетания выступают как источник конкретных исторических сведений, дают информацию о материальном мире, культуре ушедших времен. Кроме того, устойчивые сочетания важны в плане изучения этикетности эпохи, т.к. они выступают как титулы (*графская милость, Ваше шляхетство*), этикетные обращения и приветствия (*милый друг, доброе утро*), этикетные формулы (*душевное спасение и телесное здравие, блаженные памяти*), деловые штампы (*не иметь где головы приклонить, слоняться Христовым именем*).

2.3 Варьировани у фразеологизмов в историческом тексте

Фразеологизмы – прекрасный материал для изучения вопросов языкового варьирования, т.к. во фразеологических единицах объединяются все виды формального и формально-смыслового изменения. Проблема фразеологической вариативности – одна из активно изучаемых и дискуссионных в современном языкознании. Большинство лингвистов как основной выделяют следующий признак: варианты не должны нести новой по отношению друг к другу информации, значение единиц должно быть тождественно: см. «структурными вариантами идиомы являются сочетания, допускающие известные формальные вариации второстепенного порядка, не отражающиеся ни на мотивировке идиомы, ни на характере её реализации» (Амосова 1963, с. 100). Существенным вопросом является разграничение фразеологических вариантов и фразеологических синонимов, главным критерием здесь мыслится тот признак, что «фразеологические варианты при общности значений характеризуются полным тождеством образной структуры и экспрессивно-стилистической окраски, что и создаёт возможность параллельного их функционирования в различных контекстах» (Авалиани – Ройзензон 1968, с. 72).

Вариативность может быть выделена как важнейшая черта функционирования ФЕ в диахронии. Причина этой ситуации – общая ненормированность системы в период начального сложения литературного языка: «Это ненормированная система в период расцвета, максимального накопления метонимических изменений значения, внутрисловных вариантов, активности словообразовательных процессов, система как бы на пике своего экстенсивного развития, предвосхищающая качественный скачок последующего периода» (Генералова 2015, с. 84), и в связи с этим очень широкое варьирование всех лексических средств и, в частности, фразеологизмов, на различных языковых уровнях.

2.3.1 Варьирование компонентного состава ФЕ

Во-первых, в диахронии широко варьируется компонентный состав ФЕ.

В истории языка вопрос о том, где проходит граница устойчивого сочетания и контекста, какие слова следует считать обязательными компонентами фразеологизма, а какие – факкультативными, какие – компонентами, а какие – словами-сопроводителями, особенно сложен. Компонентный состав фразеологизмов может достаточно сильно варьироваться. Например, встает вопрос о начальной форме ФЕ **свет видеть (дать)**: ср. *свет видеть* „вернуться с помощью кого-л. к обычной жизни“ (Вина, г. [царь Михаил Федорович], моя страдничья явная взыскалась передъ тобою, г., что хотѣлъ твоимъ царскимъ словомъ свѣтъ видѣть; и слова твоего государева за мною на нихъ [С. Шалине и И. Масленнике] нѣтъ. (Сид, 536, 1644 г.)) или *свет видеть дать* „возвратить кого-л. к обычной жизни; избавить от мучений, страданий“ (Онъ мнѣ даль свѣтъ видѣть, вышель де я изъ полону, и онъ, г., меня поилъ и кормилъ, и въ попы поставилъ безошлинно (Сид, 55, 1630 г.)), или, например, о вхождении лексемы *валить* во фразеологизм **дым столбом (валит)** „о клубах пыли на дороге после проезда кого-л.“ (ср. Только пыль пылит да дым столбом валит (Ист. песни, 335, XVI в.) и И толко ево увидели какъ молодець за ворота выехалъ в чистомъ полѣ лишь дымъ столбом (Кириша Дан., 387, XVIII в.)).

Поскольку в диахронии нельзя выделить момент, когда окончательно формируется облик ФЕ, и часто этот процесс протекает непосредственно на наших глазах, критерием

установления компонентного состава ФЕ здесь может быть только опора на известные письменные источники, т.е. вывод об обязательности/ факультативности компонентов может быть сделан только в зависимости от зафиксированности сочетания в текстах этого периода. Например, судя по текстам, во фразеологизм **вверх дном** в языке XVII – н. XVIII вв., возможно, входили лексемы *дом* и *поставить (поворотить)*: см. контексты, где используется фразеологизм (*дом*) (*поставить, поворотить*) **вверх дном** в значении „привести в беспорядок“: *Похвалялся он Иван дом мой Емельянов поставить вверх дном.* (Сл. Перм. I, 149, 1705 г.), *Филип похваляетца дом ея Марфин поворотить верх дном.* (Там же, 149, 1704 г.).

2.3.2 Варьирование компонентов ФЕ на разных языковых уровнях

В истории языка имеет место также активное варьирование ФЕ на различных языковых уровнях.

- а) Словообразовательное варьирование.** Для текстов старорусского периода характерна очень широкая словообразовательная вариативность, и под словообразовательным варьированием фразеологизмов подразумевается словообразовательное варьирование отдельных компонентов: см. *братская (братственная) дружба* „в формуле, обозначающей дружественные отношения между монархами“, *по чью душу Бог пошлет (зашилет)* „о наступлении смерти кого-л.“, *ходить за дурном (дуровством)* „совершать противоправные поступки“, *галка мушкатная (мушкатовая)* „мускатный орех“, *громовая стрела (стрелка)* „молния“ и т.д. и т.п.
- б) Словообразовательно-грамматическое варьирование.** Этот тип варьирования фразеологизмов также нередко встречается в исторических текстах; в этих случаях варьируется не только словообразовательный облик, но и частеречная принадлежность компонентов: например, *дикий камень (камень дичень)* „твердая горная порода“, *затворить двери щедрой милости (затворить двери милосердия и щедрости) от кого* „перестать покровительствовать кому-л.“, *золото двойник (двойное золото)* „скованные вместе тончайшие пластины золота и серебра“.
- в) Грамматическое варьирование.** При грамматическом варьировании ФЕ сохраняется тождество их семантики и варьируется морфологический облик отдельных компонентов. Вариантами ФЕ в данном случае считаем различные формы слова-компонента фразеологизма при условии сохранения одной и той же синтаксической модели: см. *биться на смерть (до смерти)* – варьируется предложно-падежная форма, *взять в оброк (на оброк, на оброки)* – варьируется предложно-падежная форма, а также число существительного при том же предлоге, *душу (души) не топи (не потопи)* ‘не согреси’ – варьируется падежная форма существительного и вид глагола и т.п.
- г) Лексическое варьирование.** Всегда интересна лексическая вариативность, т.к. «лексическая вариантность фразеологических единиц в наибольшей степени отражает специфику составного знака, где при сохранении его полного тождества может быть произведена замена компонента»(Диброва 197, с. 144), и лексическая вариативность ФЕ широко представлена в памятниках старорусского языка. Например, *бесу (дьяволу) душу продать* ‘согрешить’: *Не возми посулу да не продаи душу диаволу [ne prodaı duschi dyawolu]* (Аноним. разг., 69, сер. XVI в.) и *Промежник, скажи нам прямо на обь стороны*

да не возьми посулу, да бѣсу душу не продай [*bieszu duschi ne prodai vnd vorkop dem diuell de sehle nicht*], ино мы тебѣ за твою стряпню дадим могореца (Разг. Фенне, 410, 1607 г.). Вариантами компонентов фразеологизмов при такой вариативности являются либо синонимы к одному из слов, входящих в состав устойчивого словосочетания, либо члены одной лексико-семантической группы: *скотинный (животинный) дворец* „хозяйственная постройка на усадьбе или близ нее для содержания скота, корма для животных и для других нужд“, *вину класть (возлагать, сказать) на кого* „обвинять“, *душу (голову) положить* „пожертвовать своей жизнью“, *иматься за веру (шерть)* „соглашаться решить судебный спор принесением присяги“, *слава (хвала) Господу Богу* „выражение удовлетворения, радости, благодарности по поводу чего-л.“, *Датская земля (Датский край)* „Дания“, *город порубежный (украинный, польский, польный)* „город, находящийся на границе России“).

В ряде случаев сближение компонентов при лексическом варьировании может быть достаточно произвольным: см., например, интересное устойчивое сочетание из разговорника иностранных купцов *взад лазить (говорить)* „отступаться от своих слов, изменять принятое решение“: *Я себѣ промахнулся да мало просил за свой товар и нынѣ взад не лажу да своим словом не верну* (Разг. Фенне, 286, 1607 г.), *Ты измѣтник... взад ты говоришь* (Там же, 377).

2.4 Явления, смежные с варьированием фразеологических единиц в истории языка

От варьирования ФЕ следует отличать явления, смежные с варьированием ФЕ, но имеющие принципиально другую природу.

Во-первых, от вариантов фразеологизмов следует отличать фразеологизмы типа «открытый ряд», т.е. образование ряда (не всегда конечного) устойчивых сочетаний, созданных по одной модели, но имеющих разный денотат и семантику: например, *бобыль (городовой, государев, монастырский, попов, церковный, посадский, пушкарский)* „с определением, указывающим на тип зависимости: человек, не имевший собственного земельного надела и не обложенный тяглом, плативший особый оброк“.

Ряды таких наименований часто незамкнуты, по сути, это коллокации. Для делового языка XVI–XVII вв. типичны системы таких клише (например, с лексемой *грамота* известно более 90 таких устойчивых сочетаний-обозначений конкретных типов документов и деловых актов: *грамота бережальная, ввозная, духовная, шертная* и т.д. и т.п.) но это не варианты ФЕ, а набор отдельных однотипных фразеологизмов.

От варьирования ФЕ следует также отличать и расчленено-описательные (плеонастические) наименования, являющиеся особенностью языка памятников делового и обиходного содержания XVI–XVII вв. Плеонастические сочетания могут быть заменены однословным синонимом (образующимся по разным моделям), однокоренным с одним из компонентов и включающим в себя, таким образом, семантику второго компонента (т.е. с семантической точки зрения второй компонент можно рассматривать как избыточный): см. *середной день – среда, земляной вал – вал, мир вселенный – вселенная, стремянной конюх – стремянной, духовная грамота – духовная, завязочный мастер – завязочник*. Такая характерная для языка этого периода синонимия тоже не может быть названа

варьированием. Плеонастические сочетания – одно из проявлений свойства избыточности, в целом характерной для неустоявшейся, ненормированной языковой системы XVI–XVII вв.

3 Выводы

- При изучении ФЕ в диахронии следует помнить о несовпадении современного и исторического понимания устойчивого оборота. В истории языка в связи с невозможностью установления точного момента фразеологизации выделяем профразеологический фонд, основу формирования будущих идиом в узком смысле.
- Критериями выделения ФЕ в диахронии являются наличие семантического сдвига и критерий частой встречаемости сочетания в тексте. Основными функциями ФЕ в историческом тексте являются номинативная и этикетная, а также экспрессивная.
- Вариативность выступает как важнейшая черта функционирования фразеологизмов в историческом тексте.
- В связи с ненормированностью языка донационального периода имеет место очень широкая вариативность фразеологизмов: в области компонентного состава и на различных языковых уровнях: словообразовательном, словообразовательно-грамматическом, морфологическом, лексическом.
- От варьирования фразеологизмов следует отличать такие широко распространенные в истории языка явления, как фразеологизмы типа «открытый ряд» и плеонастические расчлененно-описательные сочетания.

Литература

- Авалиани, Ю. Ю. – Ройзензон. Л. И.: О разграничении синонимии и вариантности в области фразеологических единиц. In *Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: Материал 9-го Всесоюзного координационного совещания*. Баку: Институт литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР, 1968, с. 70–77.
- Амосова, Н. Н.: *Основы английской фразеологии*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1963.
- Бирих, А. К. – Мокиенко, В. М. – Степанова, Л. И.: *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998.
- Волков, С. С.: *Стилевые средства деловой письменности XVII в.: на материале челобитных*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006.
- Генералова, Е. В.: Особенности лексико-семантической системы народно-разговорного русского языка XVI–XVII вв. (к вопросу о возможности реконструкции разговорного языка по письменным источникам). In *XLIII Международная филологическая конференция: Избранные труды*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2015, с. 73–88.
- Диброва, Е. И.: *Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке*. Ростов: Издательство Ростовского университета, 1979.
- Дубровина, К. Н.: *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*. Москва: Флинта, Наука, 2012.

- Инструкция к «Словарю обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.». In Мжельская, О.С. (ред.): *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв., выпуск 4 Гагара-Гуца*. Санкт-Петербург: Наука, 2014, с. 5–43.
- Ларин, Б. А.: Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси». In Ларин, Б. А.: *Филологическое наследие*. Санкт-Петербург: Издательство филологического факультета, 2003, с. 656–659.
- Ларин, Б. А.: *История русского языка и общее языкознание*. Москва: Просвещение, 1977.
- СОРЯ: *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. Т. 1–8*. Санкт-Петербург: Наука, 2004–2016, издание продолжается.
- СлРЯ XI–XIV: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 1–11*. Москва: Русский язык, Азбуковник, 1988–2016, издание продолжается.
- СлРЯ XI–XVII: *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30*. Москва: Наука, 1975–2019, издание продолжается.
- Телия, В. Н.: *Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов)*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Список сокращенных названий источников.

- Аввакум. Книга бесед*: Аввакум. Книга бесед. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие сочинения. Москва, 1960.
- Аноним. разг.*: „Ein Ruch Boeck...“ Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert. Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien. 1994.
- Вести-Куранты V*: Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. Изд. подг. В. Г. Демьянов. Отв. ред. В. П. Вомперский. Москва, 1996.
- Ист. Песни*: Исторические песни XVIII–XVI веков (по спискам XVIII–XX вв.). Издание подг. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. Москва – Ленинград, 1960.
- Кирша Дан.*: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подг. А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов. Москва – Ленинград, 1958.
- Леч. Котковой*: Лечебник последней трети XVII в. Издание подг. Н.С. Котковой. Источники по истории русского языка XI–XVII вв. Москва, 1991.
- Разг. Фенне*: Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607. In L. L. Hammerich– R. Jakobson. (eds.) Vol. II: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.
- СиД*: Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1. /Зап. Моск. археолог. ин-та. Т. 14. Москва, 1911.
- Сл. Перм.*: Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Т. I: А–О. Пермь, 2010; Т. II: П–Я. Пермь, 2010.

Rukopisy – jediné padělky našeho národního obrození?

Manuscripts – The Only Counterfeits of Our National Revival?

Olga Palkosková

Abstract

The 18th century was a period in which the foundations of modern Czech literature, industry, commerce, and ultimately banking and modern society gradually developed. It is connected with many events aiming (whether covertly or evidently) to support the idea of Czechness, to celebrate our national history, to promote new ideas, or to revive old ideas and intentions banished to oblivion by the political situation. The Dvůr Králové and Zelená Hora Manuscripts were also a part of this development. Approximately thirty years after the appearance of these manuscripts, fake coins known as Kilián's forgeries were minted. Made in 1849, they were festive coins bearing the motto IN DEO FORTITUDO commemorating some of the personalities connected with the Bohemian Revolt, which took place from 1618 to 1621. They point to a striking political radicalisation of Czech society.

Abstrakt

18. století je dobou, ve které se postupně utvářejí základy české moderní literatury, průmyslu, obchodu, posléze bankovníctví a moderní společnosti. S tím je spojeno mnoho akcí majících (ať skrytě, nebo zjevně) podpořit myšlenku češství, oslavit naše národní dějiny, propagovat nové myšlenky nebo obnovit myšlenky a záměry staré, odkázané do zapomnění politickou situací. Do tohoto vývoje náleží i kauza Rukopisu královédvorského a Rukopisu zelenohorského. Přibližně za třicet let po ní byly vyraženy tzv. Killianovy padělky. Vznikly roku 1849. Byly to oslavné mince s heslem IN DEO FORTITUDO připomínající některé osobnosti spojené se stavovským povstáním z let 1618-1621. Ukazují na výraznou politickou radikalizaci české společnosti.

Keywords: political radicalisation, 1849, coins, manuscripts

Klíčová slova: politická radikalizace, 1849, mince, rukopisy

Na konci 18. století se začíná rozvíjet naše národní obrození. Je to doba, ve které se postupně utvářejí základy české moderní literatury, průmyslu, obchodu, posléze bankovníctví a moderní společnosti. S tím je spojeno mnoho akcí majících (ať skrytě, nebo zjevně) podpořit myšlenku češství, oslavit naše národní dějiny, propagovat nové myšlenky nebo obnovit myšlenky a záměry staré, odkázané do zapomnění politickou situací.

Jak víme, mělo národní obrození u nás několik fází a šlo od nenápadných počátků, v nichž šlo hlavně o probuzení češství, k jeho výrazné politizaci a rozvoji jeho ekonomické základny. Do tohoto kvasu náleží i vznik Rukopisu královédvorského a Rukopisu zelenohorského a jejich objevení. Za celou rukopisnou kauzou stojí, mimo jiných aktérů, Václav Hanka (KČZ, s. 427). Od samého počátku budily na jedné straně nadšení a na straně druhé přinejmenším rozpaky (Lehár, 2004, s. 187–191). Ty však byly utlumeny, neboť tehdejší konstituující se moderní česká společnost právě takovou literaturu nutně potřebovala (KČZ, s. 426) a těžila z ní několik následujících desetiletí. Zároveň převažující hlasy zastánců pravosti rukopisů otvíraly další možnosti. Je třeba dodat, že se v tomto případě jednalo o národně a politicky významný krok, ale z hlediska monarchie a vládnoucího rodu v tehdejší době nijak závažný.

Čas však ubíhal dál. V naší společnosti i v Evropě se udály obrovské změny politické i kulturní. Evropou prošla řada revolucí. Konstituovaly se základy českého kapitálu a kultury a vše směřovalo ve 40. letech 19. století k revolučnímu roku 1848, v němž západní a střední Evropou proběhla vlna revolucí. Rakousko nebylo výjimkou. Na našem území měl tento rok známý průběh. Méně známé jsou však některé detaily. Ty ale vypovídají o stavu společnosti víc než obecně tradovaná historická fakta.

Dokladem o myšlenkovém a politickém vývoji tehdejší české společnosti byla akce z roku 1849. Jednalo se o ražbu měděných mincí, které se v současné literatuře nazývají Killianovy padělky, killianky (podle tehdejšího významného sběratele Viléma Killiana), nebo, šířeji pojato, novoděly (Pol., s. 93–125). Jednalo se o čin zorganizovaný Jindřichem Otakarem Miltnerem a Janem Nepomukem Parisem. Ti nechali, pod vlivem revoluce 1848, vyhotovit oslavné žetony (upomínkové mince) na některé osobnosti spojené se stavovským povstáním z let 1618–1621 (Pol., s. 93–122). Tyto ražby se na základě politického působení opisů a nápisů na nich vyražených dají dělit do dvou skupin. Do první patří žetony, jejichž texty nejsou politicky namířené. Politikum tvoří pouze jméno osoby a její osud po bitvě na Bílé hoře. Byli to např.:

Václav Berka starší z Dubé a Lípy	uprchl	(Pol., s.108)
Bedřich z Bělé a na Rehlovicích	1621 popraven	(Pol., s.108)
Kryštof Harant z Polžic a Bezdrůžic	1621 popraven	(Pol., s. 109)
Kašpar Kaplíř ze Sulevic	1621 popraven	(Pol., s.110)
Vilém Popel z Lobkovic	odsouzen k trestu smrti, změněn na vězení	(Pol., s. 112)
Bohuslav z Michalovic	1621 popraven	(Pol., s. 114)

Do druhé můžeme zařadit ty, na jejichž zadní straně je latinské heslo IN DEO FORTITUDO (V Bohu je síla), (Pol., s. 96). Jedná se o ražby věnované následujícím osobnostem politického života, v době stavovského povstání angažujícím se na straně stavů. Byli to:

Václav Budovec z Budova	1621 popraven	(Pol., s. 109)
Maxmilian Hošťálek z Javořic	1621 popraven	(KČZ, s. 314, Pol., s. 110)
Radslav Kinský mladší z Wchynic	uprchl	(Pol., s. 111)
Kryštof Kober z Kobersberku	1621 popraven	(Pol., s. 111, KČZ, s. 413)

Václav Písecký z Kranichfeldu	uprchl	(Pol., s. 115)
Václav Vilém z Roupova	uprchl	(Pol., s. 116)
Jan Šultys z Felsdorfu	1621 popraven	(Pol., s. 120, KČZ, s. 314)
Jan Wostrovec z Kralovic	odsouzen k trestu smrti, změněn na vězení	(Pol., s. 122)
Jáchym Ondřej Šlik	1621 popraven	(Pol., s. 122, KČZ, s. 314)

Uvedené heslo používaly české evangelické stavy v letech 1619–1620 a je známé z jejich oběžných mincí, které v této době vydávaly (Pol., s. 96–97, Čermák, Skrbek, I., s. 141–161, Skrbek, III., tab. 33–35). V roce 1849 připomínalo nejen stavovské povstání, ale mělo mnohem širší význam. Na původních ražbách ze 17. století bylo totiž vyraženo kolem znaku, tj. českého lva (Skrbek, III., tab. 33–35). Tedy byl vynechán znak orlice (znak Habsburků). Na rubu nesly tyto stavovské mince opis MONETA REGNI BOHEMIAE (někdy ve zkrácené verzi z důvodu nedostatečného místa v opise) kolem vyobrazení české královské koruny, pod kterou je vyraženo datum 1619 a nominální hodnota mince (Skrbek, III., tab. 33–35). Je zde jasně deklarována samostatnost českých zemí.

Tedy jediné heslo v sobě skrývá řadu významových rovin. To pak použité v 19. století směřuje od odkazu k minulosti až po reakci na současné dění. Obsahuje v sobě burcující moment, neboť tzv. killianky byly vydány v roce 1849. To je rok, kdy revoluce v Evropě i u nás ustupují. Mince odkazem na minulost nabádaly k pokračující revoltě. Jejich autoři, případně okruh lidí kolem nich, se tak řadí k radikálnímu křídlu revoluce 1848.

Heslo IN DEO FORTITUDO na ražbách žetonů, vzniklých na památku výše uvedených osob, ukazuje posun ve vývoji české společnosti od doby objevení rukopisů. Bylo nejen připomínkou nadějí počátku 17. století, odboje a jeho tragického konce, který poznamenal vývoj českých zemí na mnoho století, ale vyzývalo k pokračování revoluce započaté roku 1848 a vytyčovalo politické cíle. Už neukazovalo na kulturní zázemí a velikost národa, jako to činily rukopisy, ale ve významovém centru byla odbojná tradice našich stavů.

Bez zajímavosti není věkové složení nám známých aktérů této akce.

Jindřich Otakar Miltner	21 let
Jan Nepomuk Paris	19 let
Václav Jan Seidan (medailér)	32 let
Tomáš Seidan (sochař)	19 let

(Pol., s. 102–105)

Jedná se tedy o mladou generaci našich vlastenců. Tě už zjevně nestačí slovní vlastenectví, ale nabádá k rozhodnému revolučnímu činu. Je zde zřetelná politická radikalizace české společnosti. Odtud vede přímá cesta k říjnu 1918, kterého se však aktéři nedožili.

Zajímavý je i okruh lidí, s nimiž se Jindřich Otakar Miltner a Jan Nepomuk Paris stýkali. Mezi nejzajímavější osoby patří pražský policejní prezident Leopold rytíř Sacher Masoch, ten byl i prezidentem Verein für Numismatik in Prag, jehož byli oba členy (Pol., s. 97), Václav Bolemír Nebeský a Karel Jaromír Erben (Pol., s. 102). Čelné místo v této plejádě osob však zaujímá člověk

známý z rukopisné kauzy. Je jím Václav Hanka (Pol., s. 103). Jím se linie ohraničená rukopisy na jedné straně a ražbami připomínajícími vzbuřence z let 1618–1620 s provokativním heslem IN DEO FORTITUDO uzavírá.

Použité zkratky

KČZ: Bělina, P. at al.: *Kronika českých zemí*, Praha: Fortuna Print, 1999.

Pol.: Polívka, E.: *České početní groše, žetony, kovové známky*, Praha: ČNS, 2003.

Literatura

Bělina, P. at al.: *Kronika českých zemí*. Praha: Fortuna Print, 1999.

Čermák, K. – Skrbek, B.: *Mince Království českého za panování rodu habsburského od roku 1526.*

Díl I. Pardubice 1891–1913.

Lehár, J. at al.: *Česká literatura od počátků k dnešku*. Praha: NLN, 2004, s.187–191.

Polívka, E.: *České početní groše, žetony, kovové známky*. Praha: ČNS, 2003.

Skrbek, B.: *Mince Království českého za panování rodu habsburského od roku 1526.* Díl III. Pardubice 1891–1913.

SOCIOLINGVISTICKÉ ASPEKTY
FRAZEOLOGIE

Z výsledkov sociolingvistického výskumu biblickej frazeológie 1

From the Results of the Sociolinguistic Research of Biblical Phraseology 1

Dana Baláková

Abstract

This paper draws from the broader Slovak-Czech sociolinguistic research with participants from three different generations (young – middle-aged – seniors) equally represented (130 of each group). We will be focusing on the phraseological competency in the narrower sense, that is the phraseosemantic competency of the Czech respondents, in order to identify interpretational discrepancies of selected phrasemes in the intralinguistic (Czech) continuum (with a partial interlinguistic Czech-Slovak overlap).

Abstrakt

Príspevok vychádza zo širšieho slovensko-českého sociolingvistického výskumu, na ktorom participovali predstavitelia troch generácií (mladá generácia – stredná generácia – seniori) v paritnom zastúpení (130 z každej výskumnej vzorky). Zameriame sa na frazeologickú kompetenciu v užšom zmysle – frazeosémantickú kompetenciu českých respondentov za účelom identifikovania interpretačných diskrepancií vybraných frazém v intrajazykovom (českom) kontinuu (s parciálnym interjazykovým presahom česko-slovenským).

Keywords: biblical phraseology, sociolinguistic questionnaire research, generationally differentiated users of Czech language, phraseological competency, phraseosemantic interpretation

Kľúčové slová: biblická frazeológia, sociolingvistický dotazníkový výskum, generačne diferencovaní používatelia českého jazyka, frazeologická kompetencia, frazeosémantická interpretácia

1. Úvod

Názov príspevku zreteľne signalizuje kontextovosť, a to v reláciách širšie koncipovaných výskumov (bližšie Baláková – Kováčová – Mokijenko 2013; Baláková – Kováčová 2017) – jednak k už prezentovaným parciálnym výsledkom na prvom ročníku konferencie *Svět v obrazech a ve frazeologii*, jednak k nadväzujúcemu príspevku V. Kováčovej *Z výsledkov sociolingvistického výskumu 2*, uverejnenom v tomto zborníku.

Ak v našom zornom poli prvého ročníka spomínanej konferencie bol výskum biblickej frazeológie¹ v úze slovenských respondentov z dvoch aspektov [a) identifikácia frazeologickej kompetencie na osi *aktívna znalosť – pasívna znalosť – neznalosť* (Kováčová 2017); b) schopnosť identifikácie pôvodu frazém (Baláková 2017)] v trojgeneračnej komparácii, t. j. v intrajazykovom slovenskom kontinuu, na druhom ročníku konferencie sme sa zamerali v rámci aspektu a) na frazeologickú kompetenciu v užšom zmysle – na frazeosémantickú kompetenciu, t. j. na odpovede *viem vysvetliť*, ktoré zahŕňali snahu respondentov sémanticky interpretovať danú frazému. Rozlišovanie frazeologickej kompetencie v širšom zmysle a frazeologickej kompetencie v užšom zmysle vychádza zo skúseností z predchádzajúcich výskumov dotazníkového typu, ktoré potvrdzujú, že znamienko rovnosti medzi frazeologickým povedomím (aktívne a náležité využívanie frazém v úze, prípadne aspoň ich pasívna znalosť) a frazeologickým vedomím (stanovenie archisémy či ekvivalentného výrazu) neplatí (Mlacek – Baláková – Kováčová 2009, s. 82).

Opozíciu odpovedí *viem vysvetliť – neviem vysvetliť* či už v rámci aktívnej znalosti, alebo pasívnej znalosti sme si všimli jednak v intrajazykovej komparácii slovenskej i českej zvlášť, jednak v interjazykovej komparácii slovensko-českej, čo znamená, že sme vychádzali z odpovedí 780 respondentov (390 na českej a 390 na slovenskej strane – v identickom paritnom zastúpení 130 z každej vzorky), ktorí posudzovali súbor 80 frazém² v päťškálovej diferenciacii [1A – poznám, používam, viem vysvetliť, 1B – poznám, používam, neviem vysvetliť (aktívna znalosť); 2A – poznám, nepoužívam, viem vysvetliť; 2B – poznám, nepoužívam, neviem vysvetliť (pasívna znalosť); 3 – neznalosť].

V interjazykovej komparácii možno konštatovať isté konvergentné tendencie vo vzťahu k odpovediam *neviem vysvetliť* (odpovede 1B a 2B) pri ich celkovej percentuálnej kvantifikácii (výrazná generačná zhoda na slovenskej i českej strane pri mladom pokolení v opozícii k ostatným generačným vzorkám), ale aj vo vzťahu ku konkrétnym jednotkám z posudzovaného súboru intergeneračne, resp. v intra- či aj v interjazykovom kontinuu.

Rozlišovanie frazeologickej kompetencie v širšom a užšom zmysle bolo z hľadiska spracovania dotazníkov náročné vzhľadom na fakt, že pri chybnjej frazeosémantickej interpretácii sme museli odpovede prekategORIZOVAŤ (z 1A či 2A – *viem vysvetliť* do 1B a 2B – *neviem vysvetliť*). Zároveň nám to však umožnilo sledovať isté spoločné diskrepancie v sémantickej interpretácii tej-ktorej frazémy nielen intrajazykovo, ale aj interjazykovo. V našej stati sa sústreďíme na problémové frazémy z pohľadu českých respondentov (v niektorých prípadoch s medzijazykovým presahom), kým nadväzujúci príspevok V. Kováčovej pertraktuje danú problematiku pri vzorke respondentov slovenských. Pozornosť teda venujeme frazémam, ktoré spadali do okruhu odpovedí 1B a 2B po prekategORIZOVANÍ z 1A a 2A.

2. Z výsledkov frazeosémantickej interpretácie českých respondentov

Frazeosémantické diskrepancie v našom príspevku prezentujeme výberovo (ide o najvýraznejšie

¹ Biblickú frazeológiu chápeme v jej širšom vymedzení (bližšie Baláková – Mokijenko 2016).

² Výber frazém vychádzal z medzinárodne koncipovaného projektu, na ktorom participovala česká i slovenská strana (bližšie Ivanov – Mokijenko 2019).

javy), a to v dvoch blokoch: v závislosti od cezgeneračného kontinua intrajazykového a jeho špecifik (2.1); v reláciách interjazykových konvergentných tendencií (2.2).

2.1 Problémové interpretácie v intrajazykovom kontinuu

K problémovým FJ, ktorých sémantická interpretácia vykazovala viac či menej výrazné odchýlky v cezgeneračnom českom kontinuu, patrili nasledujúce FJ: *vypít kalich (pohár) hořkosti [(až) do dna]*; *nést svůj kříž*; *vypustit duši*; *zbloudilá (ztracená) ovce (ovečka)*; *skřípat zuby*. Všetky uvedené frazémy patrili cezgeneračne do centra úzu, t. j. viac ako tri štvrtiny respondentov zo všetkých sledovaných vzoriek ich minimálne pasívne ovládajú.

Spoločným menovateľom prvých dvoch z vymenovaných jednotiek bola nadinterpretácia významu s negatívnymi konotáciami. Frazema viažuca sa na Starý i Nový zákon *vypít kalich (pohár) hořkosti [(až) do dna]*,³ ktorá – vychádzajúc zo Slovníka české frazeologie a idiomatiky (ďalej SČFI) – predpokladala frazeosémantickú interpretáciu ‚vytrpieť či pretrpieť niečo‘ [SČFI 3 z r. 2009, s. 270: ‚(muset) dál nebo do konce něco snášet‘], respondenti nadinterpretovali zdôrazňovaním morálneho pochybenia a trestu za vykonané činy, t. j. významu ‚trpieť vlastnou vinou, pričinením‘ či ‚pykať za svoje hriechy‘.

Pri novozákonnej FJ *nést svůj kříž*⁴ [SČFI 3 z r. 2009, s. 326: ‚snášet něco trpělivě; trpět něco bez protestů‘] sme namiesto významu ‚prijatie svojho údely, hoc aj ťažkého‘ registrovali skôr nadinterpretácie – podobne ako vo vyššie uvedenom prípade – typu zásluhovosti v negatívnom slova zmysle, t. j. ‚znášať následky, pykať za svoje činy, resp. chyby vykonané v živote‘, čo je však od pôvodnému obrazu i odkazu Biblie na míle vzdialené (Ježiš netrpel za svoje hriechy) a čo bolo prekvapujúce vzhľadom na fakt, že na rozdiel od predchádzajúcej frazémy respondenti všetkých troch generačných vzoriek nemali problém s identifikáciou pramennej bázy: úspešnosť jej príslušnosti k biblickému textu sa pohybovala v rozpätí 64–77 % v porovnaní s 28–31 % pri FJ *vypít kalich (pohár) hořkosti[(až) do dna]*.

Ďalšie tri jednotky z intrajazykového kontinua, na ktoré koncentrujeme pozornosť [*zbloudilá (ztracená) ovce (ovečka)*; *skřípat zuby*; *vypustit duši*] pre sémantické diskrepancie zo strany českých probandov, sa tiež vyznačujú spoločným rysom zníženej úspešnosti pri stanovení archaismy – tentokrát ide kontamináciu s inou frazémou. Ako sme v úvode tejto časti signalizovali, všetky tri frazémy patria do centra úzu našich respondentov cezgeneračne (85–99 %). Zároveň ich však českí probandi [s výnimkou mladej generácie pri FJ *zbloudilá (ztracená) ovce (ovečka)*] menšinovo či minimálne spájajú s Bibliou.

FJ *zbloudilá (ztracená) ovce (ovečka)*⁵ bolo možné interpretovať dvoma smermi [SČFI 2 z r. 2009, s. 230: ‚1. člověk, který se (z hlediska společenských norem a konvencí n. pův. v nábož. smyslu) odchyluje, odchýlil od správného, náležitého způsobu jednání a života; 2. člověk, kt. se odklonil, odchýlil od něj. hnutí (pův. nábož.), učení ap., heretik, bludař‘]. V tomto prípade sme sa pri sle-

³ Hospodin má v ruce kalich: víno kvasí, je plné příměsků, z něho nalévá a vypijí je i s kaly až do dna všichni svévolníci země. (Ž 75, 9; aj Iz 51, 17) // Odešel podruhé a modlil se: „Otče můj, není-li možné, aby mne ten kalich minul, a musím-li jej pít, staň se tvávůle.“ (Mt 26, 42; aj Lk 22, 42)

⁴ Kdo nenese svůj kříž a nenásleduje mne, není mne hoden. (Mt 10, 38; aj Lk 14, 27; Mk 8, 34; Jn 19, 17; Hebr 12, 2)

⁵ Co myslíte? Má-li někdo sto ovcí a jedna z nich zbloudí, nenechá těch devadesát devět na horách a nejde hledat tu, která zbloudila? (Mt 18, 12; aj Lk 15, 4)

dovaní odpovědí českých respondentů však strelili so zámenou s inou FJ, konkrétne s FJ *bludná (ztracená) ovce (ovečka)* [ČSFI 2 z r. 2009, s. 230: *bludná/ztracená ovce/ovečka*: ‚člověk (též dítě), kt. se v něj. davu, zmatku, chaosu ztratil a je zcela bezradný, kam jít, má pocit nejistoty ap.‘], ktorej formálna podoba (komponenty *zbloudilá – bludná*) odklonila úvahy respondentov iným smerom, t. j. k opisu situácie, v ktorej sa človek ‚stráca, je zmätený, osamotený‘ a pod.

FJ *skřípat zuby (zubama)*⁶ – hocisa nevyznačovala takým vysokým počtom nesprávnych interpretácií ako pri ostatných frazémach – nás upútala tým, že ju respondenti z dvoch generácií (mladej a strednej) v rámci sebareflexie označovali ako aktívnu súčasť ich úzu. Toto spojenie však definovali jednak v priamom význame ‚vydávať nepríjemné zvuky‘, alebo, postrehnúc obraznosť, spojili ho s nesprávnou emóciou (namiesto zlosti uvádzali nervozitu), či odvodzovali jeho význam od iných frazém: odpovede typu ‚od zimy, strachu‘ od FJ *jektat/klepat zubama* [SČFI 3 z r. 2009, s. 957]; odpovede s významom ‚ovládať sa‘ od FJ *zatnout/zatínat zuby* [SČFI 3 z r. 2009, s. 958], ktorá síce implicitne môže subsumovať význam zlosti, resp. potlačanej zlosti, za korektnú interpretáciu sme to však nepovažovali.

Výpočet jednotiek, pri ktorých sme boli nútení prekategorizovať odpovede, uzatvárame v rámci intrajazykových diskrepancií frazémou *vypustit duši*⁷. V prípade tejto FJ však ide o iný jav. V slovenčine aj v češtine nachádzame frazémy so špecifickou stavbou (Baláková 2011, s. 66–67), ktoré ako konštrukt obsahujú limitné slovesá *íst/mat* v spojení s neurčitkom plnovýznamového slovesa (napr. *íst si oči vyočít*) – v alternácii s neslovesnými gramatickými funktormi, synonymnými časticami vyjadrujúcimi stav pred uskutočnením či neuskutočnením slovesného deja: *div/div že, dobre/dobre že* s plnovýznamovým slovesom v zápore (*div si oči nevyočil // dobre že si oči nevyočil*). V prípade sledovanej frazémy *vypustit duši* teda došlo ku kontaminácii významov dvoch konštrukčne odlišných jednotiek – vyššie spomínaného špecifického typu [SČFI 1 z r. 2009, s. 96: (*dřel se*) *div duši nevypustil*] s významom ‚krajne sa namáhal a jen stěží, s největším vypětím sil to zvládl, dokázal‘ a významu ‚zemřít‘ [SČFI 3 z r. 2009, s. 153: *vydechnout/vypustit duši*]. Dokladujú to početné odpovede respondentov typu ‚naprosté vyčerpaní; jít až za hranice svých sil; pracovat do úmoru, nadměru, na maximum, na doraz; dřít se‘ a podobne.

2.2 Problémové interpretácie v interjazykovom kontinuu

Ako sme signalizovali, diskrepancie na úrovni frazeosémantickej kompetencie možno sledovať nielen v rámci medzigeneračnej komparácie jedného jazykového spoločenstva, ale relevantné odchýlky od správnej sémantickej interpretácie sme pri niektorých frazémach zaznamenali cezgeneračne nielen u českých, ale aj u slovenských respondentov⁸ – svedčia o tom nasledujúce príklady, ktorým venujeme pozornosť z pohľadu českých respondentov.

⁶ Proti spravlivému stroji svévolník pikle, skřípe proti němu svými zuby. (Ž 37, 12; aj Jób 16, 19); // Kdekoli se ho zmocní, povolí ho a on má pěnu u úst, skřípe zuby a strne. Požádal jsem tvé učedníky, aby ducha vyhnali, ale nedokázali to. (Mk 9, 18);

⁷ Lépe bude pro nás stát se jejich kořistí, nežli zemřít žízni. Budeme sice otroky, ale budeme žít a nebudeme se muset dívat vlastníma očima, jak umírají naše nemluvnátka a jak vypouštějí duši naše ženy a děti. (Jdt 7, 27; aj Jb 11, 20; Jer 15, 9; Pl 2, 12) // Ale Ježíš znovu vykřikl mocným hlasem a skončil. (Mt27, 50) // Ježíš pak opět e volaje hlasem velikým, vypustil duši. (pozri <http://www.fit.vutbr.cz/~michal/kr/>)

⁸ Detailne sú analyzované v príspevku V. Kováčovej *Z výsledkov sociolingvistikého výskumu biblickej frazeológie 2 (Čriepky z frazeosémantickej interpretácie slovenských respondentov)*.

FJ vychádzajúca z novozákonného podobenstva *návrat marnotratného (ztraceného) syna*⁹, bola na rozdiel od slovenskej respondentskej vzorky (jej biblický pôvod v cezgeneračnom priemere signalizovalo 85 % opýtaných) z hľadiska biblických filiácií posudzovaná diferencovane: kým česká mladá generácia si jej spätosť s prameňom jednoznačne uvedomovala (83 %), pre strednú generáciu a seniorov bola v tomto smere menej zreteľnou (35 %), z čoho zrejme vyplýval aj vyšší počet nižšie uvedených odpovedí, ktoré aspekt pokánia a odpustenia („lahkomyseľnosť či nerozvážnosť činov, ktoré sa po prehodnotení vlastného konania a následnej ľútosti, stretávajú s odpustením“) nezahŕňali. Kľúčovým slovom pre sémantickú interpretáciu (viac-menej to platilo cezgeneračne) sa stala len lexéma *návrat* a od neho primárne sa odvíjajúce vysvetlenia typu „návrat (syna, dieťaťa či niekoho blízkeho, známeho) po dlhej dobe domov (k rodine, resp. niekam, kde človek dlho nebol)“ alebo „nečakaný, oneskorený či prekvapujúci návrat, sekundárne i konštatácie typu „návrat niekoho „budižkničemu, nepovedeného“, čo nezvládol samostatnosť“, t. j. vysvetlenia síce vychádzajúce z predmetnej frazémy, nevyhnutne však s negatívnymi konotáciami signalizujúcimi skôr vypočítavosť než kajúcnosť. Na základe pozorovaní možno konštatovať, že nielen u slovenských (pozri príspevok V. Kováčovej), ale aj u českých respondentov dochádza k prehodnocovaniu pôvodnej archisémy (podstatou ktorej je pokánie a odpustenie) smerom k dominancii sémanticky kľúčového komponentu *návratu*. Ten spolu s lexémou *syn* v koexistencii špecifikácie *stratený/marnotratný* asocjuje v alternácii uprednostňovanie prvého adjektíva, a tým aj význam kontaktu s niekým (dokonca ani nie nevyhnutne blízkym či pokrvne zviazaným), kto sa objaví (koho stretne či vidíme) po dlhšom čase.

FJ *jíst ze stromu poznání*¹⁰ uviedla do omylu českých respondentov, paradoxne, práve kvôli uvedomeniu si jej spätosti s pretextom (u respondentov všetkých troch generácií figurovala v tomto smere na popredných miestach). Triáda Adam – Eva – jablko asociovala okamžite zákaz a jeho porušenie, čím v podstate predurčila podstatnú časť nesprávnych interpretácií, umocnených zrejme aj poznaním a aktívnym využívaním ďalšej frazémy *Zakázané ovoce nejvíc chutná*¹¹ (táto FJ cezgeneračne patrí do centra frazeologickej kompetencie českých respondentov a zároveň pri nej výrazne prevláda aktívna znalosť nad pasívnou), filiovej k inej časti Biblie. Išlo o odpovede typu „porušiť zákaz, hrešiť, zjesť zakázané ovocie, prvotný hriech...“

Ďalšou frazémou, pri ktorej sme v rámci interjazykovej komparácie zaznamenali isté špecifiká v sémantickej interpretácii, je FJ *biť sa do prs*. Pri dokumentovaní výskytu tohto spojenia v slovenských slovníkoch sme zistili, že jeho sémantická štruktúra zahŕňa (hoci lexikograficky diferencovane, v závislosti od slovníkového zdroja) nielen význam „prejavovať ľútosť“, „veriť sa, dušiť

⁹ „Vstanu, pôjdu k svému otci a řeknu mu: Otče, zhřešil jsem proti nebi i vůči tobě. Nejsem už hoden nazývat se tvým synem; přijmi mne jako jednoho ze svých nádeníků.“ I vstal a šel k svému otci. Když ještě byl daleko, otec ho spatřil a hnutí lítostí běžel k němu, objal ho a políbil. Syn mu řekl: »Otče, zhřešil jsem proti nebi i vůči tobě. Nejsem už hoden nazývat se tvým synem.« Ale otec rozkázal svým služebníkům: »Přineste ihned nejlepší oděv a oblečte ho; dejte mu na ruku prsten a obuv na nohy. Přiveďte vykrmené tele, zabijte je, hodujme a buďme veselí, protože tento můj syn byl mrtev, a zase žije, ztratil se, a je nalezen.« A začali se veselit. (Lk 15, 18-24)

¹⁰ Hospodin Bůh dal vyrůst ze země všemu stromovi žádoucímu na pohled, s plody dobrými k jídlu, uprostřed zahrady pak stromu života a stromu poznání dobrého a zlého. (Gn 2, 9); A Hospodin Bůh člověku přikázal: „Z každého stromu zahrady smíš jíst. Ze stromu poznání dobrého a zlého však nejz. V den, kdy bys z něho pojedl, propadneš smrti.“ (Gn 2, 16-17); Had ženu ujišťoval: „Nikoli, nepropadnete smrti. Bůh však ví, že v den, kdy z něho pojíte, otevrou se vám oči a budete jako Bůh znát dobré i zlé.“ (Gn 3, 4-5)

¹¹ „Kradená voda je sladká a pokoutný chléb blaží.“ (Přís 9, 17)

sa, ale aj význam ‚vystatovať sa, chvastať sa‘ (Peciar 1963, s. 647). V SČFI sa pri FJ *bít se do prsou*¹² alternatívne uvádzajú dva významy [ČSFI 3 z r. 2009, s. 626: *bít se/tlouct se/uhodit se v prsa/do prsou*: ‚1. uznávat svou vinu, chybu ap. a lítostivě a poněkud teatrálně se kát; 2. zaklínat se, dušovat se, snažit se přesvědčit‘]. V prípade, že by sme pri posudzovaní odpovedí českých respondentov vychádzali len z významovej štruktúry zaznamenatej v SČFI, resp. ak by sme v tomto smere brali do úvahy prienik lexikografického zachytenia (významy uvádzané zároveň aj v slovenskom, aj v českom slovníku), museli by sme všetky vysvetlenia typu ‚chváliť sa, vystatovať sa, machrovať‘, t. j. správania prejavujúceho sa ‚priveľkým, neopodstatneným egom, siláctvom‘ s negatívnymi konotáciami na slovenskej i českej strane prekategORIZOVAŤ, a tým aj zvýšiť percento nesprávnych interpretácií. Postupovali sme však veľkorysejšie, berúc do úvahy významy zachytené v staršom, Peciarovom slovníku (heslo *prsia*, s. 647), opodstatnenosť čoho nám potvrdili aj početné sémantické interpretácie tak slovenských, ako aj českých respondentov, ktoré vo výraznej miere potvrdili živosť tohto významu – najmä v súčasnosti.

Poslednou frazémou, ktorú si všimneme v našom príspevku v interjazykovej komparácii, je frazeotextéma *Nevie ľavá ruka, čo robí pravá // Levá ruka neví, co dělá pravá* – i keď nie práve z dôvodu výrazných diskrepancií interpretačného charakteru ako pri ostatných sledovaných jednotkách, ale skôr v intenciách lexikografického spracovania a jeho možnom reflexe zo strany českých respondentov pri sémantickej interpretácii. V aktuálnom Slovníku súčasného slovenského jazyka (Jarošová – Buzássyová, 2011; heslá *ľavý, ľavica*) sa okrem podoby *Nevie ľavá ruka, čo robí pravá* s významom vzájomnej neinformovanosti táto FJ zachytáva aj v citátovej podobe *Nech nevie tvoja ľavá ruka, čo robí pravá; Nech nevie tvoja ľavica, čo robí pravica*, a to ako biblizmus s významom ‚netreba sa chváliť dobročinnosťou‘. V Slovníku české frazeologie a idiomatiky 4 (2009, s. 433) je zachytená v podobe *Levice neví, co dělá pravice* a výklad sa sústreďuje na ‚nekoordinovanosť, protirečivosť‘, avšak s odkazom na pramenný text sa uvádza aj pôvodná podoba (‚Srov. *Nechť neví levice, co činí pravice*‘) s poznámkou, že ide o iný význam¹³. Ako sme preukázali, slovenskí respondenti si cezgeneračne uvedomovali oba významy v kontraste s českými, ktorí ju interpretovali len v jednej línii – prvej, čo zároveň korešpondovalo aj s nízkym posúdením jej filiácie s prameňom (cezgeneračný priemer len 13 %).

3. Záver

Sledujúc intrajazykovú frazeologickú kompetenciu v užšom zmysle pri celkovej percentuálnej kvantifikácii odpovedí *neviem vysvetliť*, vidieť v interjazykovom porovnaní výraznú zhodu (22 % slovenskí respondenti; 23 % českí respondenti) pri mladej generácii na oboch stranách, čo vyplýva z kompatibility vzoriek probandov (vysokoškooláci – slovakisti/bohemisti).

Zaujímavejšie ako tieto štatistické údaje však bolo identifikovanie konkrétnych frazém, pri ktorých respondenti rezignovali na odpoveď, prípadne vágne či nesprávne stanovili archisému

¹² Avšak celník stál docela vzadu a neodvážil se ani oči k nebi pozdvihnout; bil se do prsou a říkal: „Bože, slituj se nade mnou hříšným.“ (Lk 18, 13; aj Lk 23, 48)

¹³ Porov. aj biblický text, z ktorého frazéma vychádza: Když prokazuješ dobrodiní, nechť budit pozornost, jako činí pokrytci v synagogách a na ulicích, aby došli slávy u lidí; amen, pravím vám, už mají svou odměnu. Když ty prokazuješ dobrodiní, ať neví tvá levice, co činí pravice, aby tvé dobrodiní zůstalo skryto, a tvůj Otec, který vidí, co je skryto, ti odplatí. (Mt 6, 2-4)

(čo zvyšovalo vyššie uvedené percentuálne hodnoty), na čo sme sa primárne koncentrovali. Ukazuje sa totiž, že práve z tohto hľadiska možno zaznamenať viac spoločných tendencií tak intergeneračne, ako aj interjazykovo. Okrem spoločného penza identifikovaných problémových frazém sme zaznamenali aj ďalšie konvergentné tendencie: pri hľadaní príčin vyššieho percenta odpovedí 1B/2B (poznám, používam/nepoužívam – *neviem vysvetliť*) sme zhodne na oboch stranách (slovenskej i českej) mohli konštatovať pri frazeotextémach prevládajúcu rezignáciu na odpoveď (vysvetlenie ponúkli sami respondenti tým, že explicitne uvádzali ‚netreba vysvetľovať, je to jasné‘), pri frazeolexémach skôr sémantické diskrepancie (ignorovanie sémantickej transpozície spojení, sémantická simplifikácia či nadinterpretácia, kontaminácia významu dvoch frazém a pod.), ktoré si vyžadovali prekategorizovanie odpovedí – to všetko si vyžadovalo z našej strany osobitnú pozornosť. Umožnilo nám to postrehnúť nielen cezgeneračné intrajazykové špecifiká, ale aj interjazykové interpretačné tendencie významného charakteru: buď rozdielne (*Lavá ruka nevie, čo robí pravá* – polysémická interpretácia verzus monosémická), alebo spoločné – zhodná polysémická interpretácia pri FJ *návrat márnotrútného (strateného) syna* či pri frazéme *biť sa do prs*.

Nazdávame sa, že podobne koncipované výskumy môžu zároveň priniesť relevantné poznatky aj pre oblasť frazeodidaktiky¹⁴ za účelom eliminácie perzistujúcich bielych miest v poznaní európskeho kultúrneho dedičstva intencionálnym návratom *ad fontes* – k Biblii a jej reflexu v biblickej frazeológii.

Literatúra

- Baláková, D.: *Dynamika súčasnej slovenskej frazeológie (fond somatických frazém)*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2011.
- Baláková, D.: Kultúrne dedičstvo v kontinuu (na materiáli biblickej frazeológie) In Janovec, Ladislav (ed.): *Svět v obrazech a ve frazeologii*. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2017, s. 39–50.
- Baláková, D. – Kováčová, V.: *K výskumu biblickej frazeológie*. Ružomberok: Verbum, 2017.
- Baláková, D. – Kováčová, V. – Mokijenko, V. M.: *Nasledíje Biblii vo frazeologii*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013.
- Baláková, D. – Mokijenko V. M.: Nič nové pod slnkom. *Slavistična revija*, č. 2, 2016, s. 113–124.
- Baláková, D. – Walter, H. – Mokijenko, V. M.: *Iz biblejskoj mudrosti*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2015.
- Buzássyová, K. – Jarošová, A. (eds.): *Slovník současného slovenského jazyka. A – G*. [1. zv.]. Bratislava: Veda, 2006.
- Čermák, F. – Hronek, J. – Machač, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky 1. Přirovnání*. Praha: Leda, 2009.
- Čermák, F. – Hronek, J. – Machač, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky 2. Výrazy neslovesné*. Praha: Leda, 2009.
- Čermák, F. – Hronek, J. – Machač, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky 3. Výrazy slovesné*. Praha: Leda, 2009.

¹⁴ Napr. stanovením biblického minima či optima (bližšie Ďurčo 2005, 2007).

- Čermák, F.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky 4. Výrazy větné*. Praha: Leda, 2009.
- Ďurčo, P.: Paremiologické minimum slovenčiny. Výsledky a porovnania. In Blatná, Renata – Petkevič, Vladimír (eds.): *Jazyky a jazykověda*. Praha: FF UK – Ústav Českého národního korpusu, 2005, s. 45–61.
- Ďurčo, P.: Paremiologické optimum slovenčiny. In Chlebda, Wojciech (ed.): *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2007, s. 171–177.
- Ivanov, Je. Je. – Mokijenko, V. M. (eds.): *Lepta biblejskoj mudrosti. Russko-slavijskij slovar biblejskich krylatych vyražennij i aforizmov s sootvetstvijami v germanskich, romanskich, armianskom i gruzinskom jazykach. A – O*. [Tom 1]. Mogilev: Mogilevskij gosudarstvennyj universitet imeni A. A. Kulešova, 2019.
- Ivanov, Je. Je. – Mokijenko, V. M. (eds.): *Lepta biblejskoj mudrosti. Russko-slavijskij slovar biblejskich krylatych vyražennij i aforizmov s sootvetstvijami v germanskich, romanskich, armianskom i gruzinskom jazykach. P – Ja*. [Tom 2]. Mogilev: Mogilevskij gosudarstvennyj universitet imeni A. A. Kulešova, 2019.
- Jarošová, A. (ed.): *Slovník súčasného slovenského jazyka. M – N*. [3. zv.]. Bratislava: Veda, 2015.
- Jarošová, A. – Buzássyová, K. (eds.): *Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L*. [2. zv.]. Bratislava: Veda, 2011.
- Káčala, J. – Pisárčiková, M. – Považaj, M. (eds.): *Krátky slovník slovenského jazyka*. 4. vyd. Bratislava: Veda, 2003.
- Kováčová, V.: Sonda do poznania biblickej frazeológie v medzigeneračnom pohľade. In Janovec, Ladislav (ed.): *Svět v obrazech a ve frazeologii*. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2017, s. 51–63.
- Mlacek, J. – Baláková, D. – Kováčová, V.: *Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby, uplatňovanie, akceptácia*. Ružomberok: Katolícka univerzita – Filozofická fakulta, 2009.
- Peciar, Š. (ed.): *Slovník slovenského jazyka. P – R*. [3. zv.]. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1963.
- Sväté písmo*. Trnava: Spolok sv. Vojtecha, 1996.

Internetové zdroje:

<http://www.biblenet.cz/> (Stiahnuté 12. 2. 2018)

<http://www.fit.vutbr.cz/~michal/kr/> (Stiahnuté 12. 2. 2018)

Z výsledkov sociolingvistického výskumu biblickej frazeológie 2 (Čriepky z frazeosémantickej interpretácie slovenských respondentov)

From the results of the Sociolinguistic Research of Biblical Phraseology 2 (Elements of Phraseosemantic Interpretation by Slovak Respondents)

Viera Kováčová

Abstract

This paper presents a part of the results of the Slovak-Czech sociolinguistic questionnaire research focusing on the area of biblical phraseology. Drawing from the phraseosemantic interpretation of a selected sample of phrasemes of biblical origin by Slovak respondents, the text presents the respondents' decoding of the semantic features of particular phrasemes including the factors which determine particular semantic interpretation. The phraseosemantic interpretation is evaluated not only as correct or incorrect, since the Slovak respondents' answers point at the fact that some recorded „deviations“ from the conventional meaning gain broader interindividual validity and attest to some shifts in cognitive-pragmatic dimensions.

Abstrakt

Príspevok prináša časť výsledkov uskutočneného slovensko-českého sociolingvistického výskumu dotazníkového typu zameraného na oblasť biblickej frazeológie. Vychádzajúc z frazeosémantickej interpretácie vybraného okruhu frazém biblického pôvodu slovenskými respondentmi, text predstavuje respondentské dešifrovanie sémantických vlastností príslušných frazém vrátane faktorov, ktoré príslušnú sémantickú interpretáciu podmieňujú. Frazeosémantická interpretácia sa vyhodnocuje nielen v línii správnosť – nesprávnosť, odpovede slovenských respondentov totiž ukazujú, že isté zaznamenané „odchýlky“ od ustáleného významu nadobúdajú širšiu interindividuálnu platnosť a vypovedajú vlastne aj o istých posunoch v kognitívno-pragmatických dimenziách.

Keywords: biblical phraseology, generationally differentiated users of Slovak language, phraseosemantic interpretation, sociolinguistic questionnaire research

Kľúčové slová: biblická frazeológia, generačne diferencovaní používatelia slovenského jazyka, frazeosémantická interpretácia, sociolingvistický dotazníkový výskum

1. Úvod

Ako názov príspevku napovedá, pri tomto texte treba špecificky zohľadniť jeho súvislostné textové relácie, a to konkrétne prepojenie s príspevkom Dany Balákovej *Z výsledkov sociolingvistickeho výskumu biblickej frazeológie 1*. V oboch príspevkoch totiž predstavujeme istú časť výsledkov slovensko-českého sociolingvistickeho výskumu dotazníkového typu zameraného na biblickú frazeológiu.¹ Zatiaľ čo príspevok D. Balákovej čerpá z výsledkov českých respondentov, v tomto texte sa pozornosť sústreďuje na výsledky slovenskej strany. V rámci textovej nadväznosti sa osobitne žiada spomenúť i to, že prvú časť výsledkov slovenských respondentov v generačnom porovnaní (seniori – stredná generácia – mladá generácia) sme odbornej verejnosti prezentovali práve na prvom ročníku konferencie *Svět v obrazech a ve frazeologii* (24.–26. 11. 2016). Pred dvoma rokmi sme z troch aspektov frazeologickej kompetencie (poznatie, používanie, porozumenie) používateľov slovenského jazyka v oblasti biblickej frazeológie venovali pozornosť dvom: poznaniu skúmaného okruhu biblických frazém a ich používaniu (pozri Kováčová 2017). Nadväzujúc na daný text, v tomto príspevku pokračujeme tretím skúmaným aspektom, t. j. aspektom porozumenia biblickým frazémam, ktorý bol v dotazníkovom výskume reflektovaný nielen diferencovanými odpoveďami *viem vysvetliť – neviem vysvetliť*, ale predovšetkým sémantickou interpretáciou frazém našimi respondentmi.²

V tomto texte zámerne uplatňujeme výberové hľadisko: spomedzi interpretovaných frazém vyberáme predovšetkým tie, ktorých frazeosémantická interpretácia svedčí o istých posunoch v respondentskej percepcii frazém, a to v prípade, ak dané interpretačné reakcie odchyľujúce sa od ustáleného významu frazém zaznamenávame u predstaviteľov všetkých troch generačných zoskupení (seniori, stredná a mladá generácia), teda v slovenskom cezgeneračnom prieniku. Ide o frazémy *návrat márnotrpného (strateného) syna, ješ' zo stromu poznania, jerichovská trúba (trúba jerichova), hlas volajúceho na púšti*. Osobitne sa pristavujeme aj pri frazéme *biť sa do prs* – pri tejto jednotke síce vyššie naznačený typ interpretačných posunov nepozorujeme, no

¹ Aspoň orientačne uvádzame (podrobnejšie informácie prináša príspevok D. Balákovej), že naši respondenti posudzovali súbor 80 biblických frazém, a to z aspektu ich poznania (*poznám – nepoznám*), používania (*používam – nepoužívam*) a porozumenia (*viem vysvetliť – neviem vysvetliť*). Na výskume participovalo celkovo 780 respondentov (390 Slovákov, 390 Čechov) v trojgeneračnom paritnom zastúpení (seniori – stredná generácia – mladá generácia). Dotazníkový výskum sa okrem frazeologickej kompetencie zameriaval aj na schopnosť respondentov identifikovať pramennú zviazanosť daných frazém s Bibliou (určenie biblického východiska; bližšie k výsledkom slovenských probandov z tohto aspektu pozri Baláková 2017). K biblickej frazeológii pristupujeme v širšom chápaní jej rozsahu, t. j. súčasťou hodnoteného súboru boli frazémy spojené s biblickými textami tak priamo, ako i nepriamo: išlo o jednotky, ktoré majú viac-menej citátový charakter, čiže o jednotky s priamym výrazovým náprotivkom v Biblii, o jednotky, ktoré sa síce nenachádzajú priamo v Biblii, ale ktoré sa vytvorili na základe biblických textov, i o jednotky Bibliou rozširované, známe nielen z biblických, ale aj z iných pramenných zdrojov (k problematike chápania biblickej frazeológie pozri napr. Stěpanova 2009; Walter – Fojtů 2012, s. 4; Mlacek 2013, s. 139–140; Baláková – Walter – Mokijenko 2015, s. 31–32, 274–282; Baláková – Mokijenko 2016, s. 114–115; Polívková 2017). Bližšie o našom výskume a o jeho slovensko-českom porovnávacom rozmere pozri v práci *K výskumu biblickej frazeológie* (Baláková – Kováčová 2017).

² Sémantická interpretácia frazém predstavovala pre respondentov najnáročnejšiu úlohu a nimi prezentované interpretácie odkrývajú hneď dve (v dotazníkovom výskume nevyhnutne prepojené) dimenzie: nielen porozumenie interpretovanej frazémy, ale aj formulačnú schopnosť respondentov toto porozumenie výstižne vyjadriť. Pri posudzovaní korektnosti frazeosémantickej interpretácie sme preto zohľadňovali moment vystihnutia interpretačnej podstaty (nie nutne zaznamenania všetkých významových prvkov) vrátane využitia frazeologických synonym. V prípade interpretačných odklonov, nevýstižnosti charakteristik či nesprávne uvádzaných sémantických ekvivalentov sme odpovede klasifikačne prehodnotili (*viem vysvetliť* → *neviem vysvetliť*).

sémantická interpretácia našich respondentov zaujme v reláciách lexikografického spracovania významovej štruktúry tejto frazémy.

2. Z výsledkov frazeosémantickej interpretácie

2.1 Návrat márnokratného (strateného) syna

Ako je známe, frazéma *návrat márnokratného (strateného) syna* vychádza z novozákonného podobenstva o márnokratnom synovi, z podobenstva o pokání a odpustení (Lk 15, 1-32). Popri motíve návratu a odpustenia sa pre sémantické stvárnenie frazémy stal relevantný práve motív pokánia, ľútosti nad predchádzajúcim spôsobom života, porov. „*vyjadruje ľútosť nad predchádzajúcim životným omylom a obrátenie sa na dobrú cestu*“ (Skladaná 2010, s. 455), „*keď niekto vyjadrí ľútosť nad svojím ľahkomyselným životom, vracia sa domov a je mu odpustené*“ (Jarošová 2015, s. 716). Táto jednotka sa vo výsledkoch nášho výskumu ukazuje ako zaujímavá z viacerých dôvodov. K nim patrí i tá skutočnosť, že jej biblické filiácie sú slovenskými respondentmi zreteľne uvedomované, pociťované (jej biblický pôvod v cezgeneračnom priemere signalizuje 85 % odpovedajúcich), čo sa prejavuje aj v odpovediach vzťahujúcich sa na vysvetlenie významu: mnohí respondenti pri frazeosémantickej interpretácii dané podobenstvo explicitne uvádzali ako motivačné východisko frazeologického obrazu.

Popri biblických konotáciách a zvýraznení rozmeru ľútosti v sémantickej interpretácii však značná časť odpovedí svedčí aj o prehodnocovaní, obmieňaní pôvodných sémantických vlastností a toto prehodnocovanie najvýraznejšie zasahuje práve sémantický rozmer ľútosti, pokánia. Ten sa pre posunutý význam stáva irelevantný, prestáva byť jeho súčasťou. Odpovede typu *prichádza ten, ktorý tu dlho nebol, ktorý sa vracia po dlhom čase (domov, k rodine, k ľuďom, s ktorými nejaký ten čas nebol v kontakte...), prišiel ten, ktorého sme dlho nevideli, ktorého sme neočakávali* odkrývajú, že pre respondentov sa kľúčovým stáva motív návratu (*ten, ktorý sa vracia*) zvýraznený v podobe *návrat strateného syna* adjektívnym komponentom *stratený*, signalizujúcim odlúčenosť, absenciu vzájomného kontaktu. Minimálne v podobe *návrat strateného syna* sa tak frazéma stáva polysémickou a k významu s dominanciou ľútosti nad neuváženým, ľahkomyselným konaním pribúda i význam kontaktu s niekým (kto niekam prichádza, vracia sa, dostáva sa s niekým do kontaktu) po dlhšom čase.

2.2 Ješť zo stromu poznania

Frazéma *ješť zo stromu poznania* patrí rovnako ako frazéma *návrat márnokratného (strateného) syna* k jednotkám zreteľne implikujúcim biblické konotácie – v cezgeneračnom priemere až 79% slovenských respondentov ju predstavuje ako jednotku biblického pôvodu. Uvedomovanie si biblických súvislostí sa zreteľne prejavilo i vo frazeosémantickej interpretácii, ako o tom v dotazníkových odpovediach svedčia odkazy na starozákonný biblický príbeh z knihy Genezis o zakázanom strome poznania v pozemskom raji, o pokúšaní a o prvom hriechu prvých ľudí. A hoci príslušný biblický text vo svojich pasážach ponúka kľúč na interpretáciu smerujúcu k sémantickým rozmerom *,nadobúdanie znalostí, poznávanie podstaty vecí, zložitosti a rozporuplnosti reality, dobra a zla*³, dotazníkové odpovede ukazujú, že probandi príslušný biblický text

³ Porov. A Pán, Boh, *dal vyrásť zo zeme stromom všetkých druhov... i stromu života v strede raja a stromu poznania dobra*

percipujú predovšetkým ako text o porušení Božieho zákazu, čo sa prenáša i do preferenčných frazeosémantických interpretačných reakcií *„konať niečo nepovolené, zakázané, nesprávne.“*⁴ Asociatívne (jesť zo stromu poznania, čiže zo zakázaného stromu, t. j. jesť zakázané ovocie) tak značná časť našich respondentov začlenila frazému *jesť zo stromu poznania* do okruhu frazém *jesť (ochutnať) zo zakázaného ovocia – zakázané ovocie – zakázané ovocie najviac chutí*, v ktorých práve významové prvky zakázanosť, nepovolenosť (a neznámosť, lákavosť) sú relevantnou súčasťou ich významu.

2.3 Jerichovská trúba (trúba jerichova)

Na slovenskej strane sú výraznejšie sémantické posuny badateľné i v prípade frazémy *jerichovská trúba (trúba jerichova)*. Ide o frazému motivačne vychádzajúcu z Knihy Jozue – viaže sa na príbeh o páde Jericha, ktorého mestské múry sa zrútili v siedmy deň po zaznení zvuku siedmich trúb a následnom kriku obliehajúcich (Joz 6, 1–27). Význam ohlušujúceho zvuku, ktorý je pre túto jednotku príznačný napr. v ruštine [porov. heslo *jerichonskaja truba* v práci *Lepta biblejskej mudrosti* (Ivanov – Mokijenko 2019, 2. zv., s. 178)], sa v slovenskom frazeologickom fonde spája s inou frazémou: *trúbiť ako Židia pred Jerichom (silno, hlasne kričať)*. Vo frazéme *jerichovská trúba* (resp. *trúba jerichovská*)⁴ sa tieto sémantické vlastnosti nezachovali; pre sémantické vlastnosti spojenia sa stal nosným komponent *trúba* v prenesenom význame ‚nadávka hlúpemu, sprostému človeku‘. V tomto význame⁵ túto frazému predstavujú aj slovníky slovenského jazyka, porov. *„nadávka hlúpemu, nedôvtipnému, ťažkopádnemu človeku“* (Jarošová – Buzássyová 2011, s. 472). Tento význam odráža i jedna časť odpovedí našich respondentov (*hlupák, sprostý človek, trubiroh*). V tej druhej časti odpovedí sa zvyrazňuje neschopnosť udržania zverenej informácie (neudržanie jazyka za zubami), rozširovanie správy či zvereneho tajomstva (vytáranie, roztrúbenie), klebetnosť. Tento typ odpovedí nás preto spätne vracia k významovej charakteristike uplatnenej v slovníkoch. Už sme spomenuli, že slovenské slovníky frazému *jerichovská trúba (trúba jerichova)* vykladajú ako nadávku hlúpemu človeku – takýto odkaz na významovú charakteristiku predstavenú v slovníkoch však nie je úplný, treba totiž dodať, že *Slovník slovenského jazyka* (Peciar 1959, s. 650) popri aspekte hlúposti zachytáva aj aspekt tárajstva (*„nadávka tlčhubovi, hlupákovi“*), čo korešponduje so škálou odpovedí získaných v našom dotazníkovom výskume. A tak hoci L. Dvonč (1977, s. 127) v hodnotiacom pohľade na spracovanie spojenia *jerichovská trúba* v *Slovníku slovenského jazyka* požaduje zúžiť uplatnenú významovú charakteristiku (nadávka hlúpemu človeku, nie tlčhubovi), výsledky nášho sociolingvistického výskumu potvrdzujú, že sémantické rozšírenie *hlúpy človek i tlčhuba* predstavené v Peciarovom *Slovníku slovenského jazyka* (1959) má vo vzťahu k používateľom slovenského jazyka svoje opodstatnenie.

a zla. (Gn 2, 9); ... *v deň, keď budete z neho jesť, otvorí sa vám oči a vy budete ako Boh, budete poznať dobro a zlo* (Gn 3, 5); *I otvorili sa obom oči a spoznali, že sú nahí.* (Gn 3, 7)

⁴ Odborná literatúra pri tejto frazéme pripomína častejší výskyt atributívneho komponentu v postponovanej pozícii (napr. Mlacek 2007, s. 267; Dvonč 1977, s. 127).

⁵ V tejto súvislosti možno spomenúť, že J. Mlacek vo svojej štúdii venujúcej sa chápaniu knižnej frazeológie predstavuje túto frazému ako jeden z príkladov nesúlady medzi významovými a formálnymi ukazovateľmi knižnosti (prítomnosť komponentov knižnej sféry verzus hovorová, expresívna platnosť) s rozhodujúcou váhou sémantických príznakov (Mlacek 2007, s. 267).

2.4 Hlas volajúceho na púšti

Okrídlený výraz *hlas volajúceho na púšti* zdrojovo siaha k novozákonným evanjeliám, k častiam vzťahujúcim sa na Jána Krstiteľa (Mt 3, 3; Mk 1, 3; Lk 3, 4; Jn 1, 23). Napriek tomu, že v slovenskej lexikografickej praxi zatiaľ absentuje veľký reprezentatívny slovník frazeologického typu, táto frazéma patrí medzi tie jednotky, ktoré majú v našich podmienkach svoje stabilné lexikografické zachytenie – s významovou charakteristikou márnosti snahy, úsilia nenachádzajúceho ohlas, podporu ju zaznamenáva Slovník súčasného slovenského jazyka (Jarošová – Buzássyová 2011, s. 91), Krátky slovník slovenského jazyka (Kačala – Pisárčiková – Považaj 2003, s. 184, 605) i Slovník slovenského jazyka (Peciar 1959, s. 477; Peciar 1963, s. 671). J. Skladaná (2012, s. 67–68) konštituovanie tohto významu predstavuje v intenciách pôsobenia Jána Krstiteľa: „... celé jeho pôsobenie bolo zamerané na Ježiša Krista ako Mesiáša. Ak by to tak nebolo, všetka jeho snaha aj jeho tragický koniec, ktorý tušil, by boli márne. Na tom je založené aj spojenie hlas volajúceho na púšti, ktoré sa dodnes veľmi frekventovane požíva ako názor bez ohlasu, márna snaha, mienka, ktorej nikto nevenuje pozornosť“. Zbytočnosť, márnosť snahy, úsilie bez ohlasu však v odpovediach našich respondentov rezonovalo len sporadicky, motívy volania a púšte ich nasmerovali k prosbe, žiadosti o pomoc. V tejto prosbovej reinterpretácii tak zaznamenaný sémantický posun relativizuje i aspekt zbytočnosti, márnosti, a to implicitnou nádejou v naplnenie prosby (úsilie o dosiahnutie pomoci).

2.5 Biť sa do prs

Frazéma *biť sa do prs* patrí u našich respondentov do súboru frazém s vysokou úrovňou správnej frazeosémantickej interpretácie. Treba však dodať, že ide o správnu interpretáciu aspoň jedného z významov tejto frazémy, v rámci ktorých významy *lútosť, kajúčnosť* na jednej strane a *vystatovanie sa, chvastanie sa* na druhej strane možno chápať – v reláciách ich polárnej významovej protichodnosti – ako príklad frazeologickej enantiosémie⁶. Frazeologický obraz kajúčnosti, lútosť i obraz vystatovania sa, hrdenia sa má svoj gestický predobraz (udieranie do hrude konvencionalizované so znakovou hodnotou na jednej strane vlastnej pokory a lútosťi, na druhej strane vlastnej dôležitosti, sebavedomia, sily). V medzinárodnom slovníkovom diele *Lepta biblejskej mudrosti*, spracúvajúcom vybraný okruh frazém pochádzajúcich či vychádzajúcich z Biblie v 19 jazykoch, sa pri výklade gesta odkazuje na starodávny obyčaj spojený so smrťou (smrť panovníkov, blízkych príbuzných) pôvodne symbolizujúci smútok, zúfalstvo (Ivanov – Mokijenko 2019, 1. zv., s. 94). V kresťanskej kultúre sa toto gesto interpretuje ako gesto pokánia – v biblických reláciách sa odkazuje na časti Evanjelia podľa Lukáša, konkrétne na podobenstvo o farizejovi a mýtnikovi (Lk 18, 9–14)⁷ a na pasáž zachytávajúcu reakciu ľudí pod krížom s umučeným Ježišom Kristom (Lk 23, 47–49)⁸.

Keďže bitie sa do prs sa stalo i súčasťou bohoslužobných úkonov, ako liturgické gesto sa jeho

⁶ Ďalšie príklady pozri v práci J. Mlacka Polysémia a homonymia vo frazeológii (1988, s. 68–69).

⁷ Porov. časť evanjeliového textu zaznamenávajúceho postojovú odlišnosť farizeja a mýtnika (Lk 18, 11–13): *Farizej sa postavil a takto sa v sebe modlil: „Bože, ďakujem ti, že nie som ako ostatní ľudia: vydierači, nespravodlivci, cudzoložníci alebo aj ako tento mýtnik. Postím sa dva razy do týždňa, dávam desiatky zo všetkého, čo mám.“ Mýtnik stál celkom vzadu a neodvážil sa ani oči k nebu zdvihnúť, ale bil sa do prs a hovoril: „Bože, buď milostivý mne hriešnemu.“*

⁸ Porov. novozákonný text interpretovaný ako výraz pokánia a obrátenia (Lk 23, 47–49): *„Keď stotník videl, čo sa stalo, oslavoval Boha, hovoriac: „Tento človek bol naozaj spravodlivý.“ A celé zástupy tých, čo sa zišli na toto divadlo a videli, čo sa deje, bili sa do prs a vracali sa domov.*

symbolika vysvetľuje aj veriacim, a to so zacielením na ľudské srdce predstavované jednak ako sídlo vôle, citu, čiže aj hriechu, jednak ako symbol lásky a duchovnosti. Liturgické gesto bitia sa do prs je tak gestom obžaloby ľudského srdca, v ktorom má hriech svoj pôvod, a prejavom túžby v Božie odpustenie kajúcemu srdcu, v jeho obnovenie a pretvorenie.⁹

V úvodnej časti príspevku sme spomenuli, že sémantická interpretácia tejto frazémy našimi respondentmi zaujme v reláciách lexikografického spracovania významu tejto frazémy. V slovníkoch slovenského jazyka sa totiž stretávame s nejednotným spracovaním jej významovej štruktúry: raz sa predstavuje ako monosémická jednotka, takto k nej pristupuje *Krátky slovník slovenského jazyka* (Kačala – Pisárčiková – Považaj 2003, s. 68), ktorý zachytáva iba význam *,prisahať*, inokedy ako polysémická jednotka. Jej najširšiu sémantickú štruktúru zaznamenáva *Slovník slovenského jazyka* (Peciar 1963, s. 647), ktorý význam tejto frazémy predstavuje v dvojčlennej diferenciacii:

- a) dokazovať svoju pravdu, úprimnosť; prejavovať ľútosť; veriť sa, dušiť sa;
- b) vystatovať sa, chvastať sa.

Predstavená významová charakteristika však, nazdávame sa, vypovedá o bohatšej polysémii frazémy, než to z formálneho členenia zápisu vyplýva; výklad významu v časti a) možno totiž vzťahovať na osobitné frazeologické lexie: 1. *prejavovať ľútosť*; 2. *dokazovať niečo (svoju pravdu, úprimnosť)*, *presvedčať o tom, veriť sa, dušiť sa*. Ak sa vrátíme k odpovediam našich respondentov, ich frazeosémantická interpretácia potvrdzuje poznanie tejto frazémy práve v takejto významovej škále: 1. *uznanie chyby, prejavenie ľútosti, kajanie sa*; 2. *presvedčanie o niečom (o svojej pravde, úprimnosti)*, *dušovanie sa*; 3. *vystatovanie sa, chvastanie sa, pýšenie sa, hrdenie sa*. Každý z týchto významov mal v dotazníkových odpovediach svoje frekventované zastúpenie. V prevažujúcej miere odpovedajúci predstavili jeden z významov frazémy, odpovede predstavujúce viac než jeden z významov zároveň sa vyskytli sporadickejšie.

3. Záver

To, že v našom výskume biblickej frazeológie sme pozornosť venovali nielen poznaniu a používaniu biblických frazém, ale aj ich porozumeniu, bola výskumne prirodzená voľba. V tomto kontexte možno spomenúť aj práce českej lingvistky Marie Čechovej, venujúcej časť svojho frazeologického diela i otázkam recepcie frazém používateľmi českého jazyka (1993, 2004/2005, 2007, 2011); v jej príspevku napísanom v spoluautorstve s Kamilou Karhanovou sa pri komunikačnom využití kultúrnych frazém zdôrazňuje potreba vziať do úvahy recepcné schopnosti tých, ktorým je frazeologický obraz určený, pretože inak sa „*mlúvi k hluchým*“¹⁰. A hoci frazeosémantická interpretácia frazém dotazníkovou metódou má isté obmedzenia¹¹, myslíme si, že materiál získaný

⁹ Podrobnejšie pozri napr. v popularizačne ladených textoch vysvetľujúcich symboliku tohto liturgického úkonu veriacim: <http://www.katolickenoviny.sk/38-2001-bitie-sa-do-prs/>; <http://www.toplcany.fara.sk/ministranti/gesta-v-liturgii.html>.

¹⁰ „*Uživatelé (rozuměj mluvčí/pisatelé) by pak vždy měli mít na paměti potenciální recipienty, jejich recepční schopnosti, neboť jinak mluví k hluchým.*“ (Čechová – Karhanová 1995, dostupné na: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?lang=en&art=7245>)

¹¹ K nim náleží napr. otázka vyhodnocovania rezignácie na frazeosémantickú interpretáciu – tú totiž možno považovať nielen za prezentáciu nepoznania, nejasnosti sémantiky frazémy zo strany odpovedajúceho, ale môže ísť aj o pragmaticky podmienenú voľbu respondenta vybrať sa pri vyplňaní dotazníka menej náročnou cestou (frazeosémantická interpretácia

naším dotazníkovým výskumom predstavuje cenný príspevok k poznávaniu respondentského vnímania, prijímania frazém, k poznávaniu respondentského dešifrovania ich sémantických vlastností a k indikácii faktorov, ktoré sémantickú interpretáciu podmieňujú. Získané odpovede majú svoju výpovednú hodnotu nielen v základnej línii správnosť – nesprávnosť interpretácie. V odpovediach našich respondentov totiž zaznamenávame aj interpretačnú líniu, ktorá prekračuje rámec individuálneho nepoznania významu, individuálnej interpretačnej nepresnosti, nesprávnosti či sémantických posunov individuálneho charakteru – isté zaznamenané „odchýlky“ od ustáleného významu nadobúdajú širšiu interindividuálnu platnosť a vypovedajú vlastne aj o istých posunoch v kognitívno-pragmatických dimenziách. A hoci výsledky nášho výskumu pre dané prípady nechceme a ani nemôžeme neobmedzene zovšeobecňovať (opierame sa o výsledky na príklade limitovanej respondentskej vzorky), predsa len cezgeneračný interpretačný prienik umožňuje v týchto prípadoch vysloviť predpoklad, že isté sémantické posuny pozorovateľné v našom výskume sú pozorovateľné i v širšom rozsahu, resp. že širšia výskumná platforma by ich ešte zvýraznila. Snáď najvýraznejšie tento typ posunov na slovenskej strane rezonuje v prípade frazém *návrat strateného syna a trúba jerichovská*. Respondentmi uvádzané frazeosémantické interpretácie *,stretnutie, kontakt s niekým po dlhšom čase¹²; ,nadávka táravému, klebetnému človeku rozširujúcemu získané informácie‘* možno vo vzťahu k významovej štruktúre príslušných frazém vnímať ako signál obmieňania sémantických vlastností, ktoré smerujú k ustáľovaniu ďalšieho významu frazémy, teda ku kreovaniu novej frazeologickej lexie.

Literatúra

- Baláková, D.: Kultúrne dedičstvo v kontinuu (na materiáli biblickej frazeológie). In Janovec, Ladislav (ed.): *Svět v obrazech a ve frazeologii*. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2017, s. 39–50.
- Baláková, D. – Kováčová, V.: *K výskumu biblickej frazeológie*. Ružomberok: Verbum, 2017.
- Baláková, D. – Mokijenko V. M.: Nič nové pod slnkom. *Slavistična revija*, č. 2, 2016, s. 113–124.
- Baláková, D. – Walter, H. – Mokijenko, V. M.: *Iz biblejskoj mudrosti*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2015.
- Čechová, M.: Tzv. kulturní frazeologie v současné komunikaci. In Krošlák, Ema (ed.): *Frazeológia vo vzdelávaní, vede a kultúre*. Nitra: Vysoká škola pedagogická, 1993, s. 40–44.
- Čechová, M.: Znalost a užívání tradiční frazeologie u mládeže (před dvaceti lety a nyní). *Český jazyk a literatura*, č. 4, 2004/2005, s. 161–168.
- Čechová, M.: Znalost a chápání frazémů u české mládeže a u cizinců. In Baláková, Dana – Ďurčo, Peter (eds.): *Frazeologické štúdie. V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii*. Ružomberok: Katolícka univerzita v Ružomberku, Filozofická fakulta, 2007, s. 319–328.
- Čechová, M.: Frazeologie v komunikaci. In Orgoňová, O. (ed.): *Jazyk a komunikácia v súvislostiach III*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2011, s. 151–158.

si vyžaduje vyššiu mieru kognitívneho a formulačného úsilia), a teda nemusí nutne odrážať skutočné neporozumenie frazému. Ďalší limitujúci prvok zasahuje i odpovede s formulačne vyjadrenou frazeosémantickou interpretáciou a súvisí s náročnosťou „pretavenia“ porozumenia frazému do formulačne výstižného vyjadrenia.

¹² Na základe výsledkov českej strany dodávame, že táto interpretačná línia je cezgeneračne zastúpená aj v odpovediach českých respondentov.

- Čechová, M. – Karhanová, K.: K recepci kulturních frazémů v současné komunikaci. *Naše řeč*, č. 3, 1995, s. 138–144. Dostupné na: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?lang=en&art=7245>
- Dvonč, L.: Jericho – jerichovský, či jerišský? *Slovenská řeč*, č. 2, 1977, s. 126–127.
- Ivanov, Je. Je. – Mokijenko, V. M. (eds.): *Lepta biblejskoj mudrosti. Russko-slavianskij slovar biblejskich krylatych vyraženi i aforizmov s sootvetstvijami v germanskich, romanskich, armianskom i gruzinskom jazykach. A – O*. [Tom 1]. Mogilev: Mogilevskij gosudarstvennyj universitet imeni A. A. Kulešova, 2019.
- Ivanov, Je. Je. – Mokijenko, V. M. (eds.): *Lepta biblejskoj mudrosti. Russko-slavianskij slovar biblejskich krylatych vyraženi i aforizmov s sootvetstvijami v germanskich, romanskich, armianskom i gruzinskom jazykach. P – Ja*. [Tom 2]. Mogilev: Mogilevskij gosudarstvennyj universitet imeni A. A. Kulešova, 2019.
- Jarošová, A. (ed.): *Slovník súčasného slovenského jazyka. M – N*. [3. zv.]. Bratislava: Veda, 2015.
- Jarošová, A. – Buzássyová, K. (eds.): *Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L*. [2. zv.]. Bratislava: Veda, 2011.
- Kačala, J. – Pisárčiková, M. – Považaj, M. (eds.): *Krátky slovník slovenského jazyka*. 4. vyd. Bratislava: Veda, 2003.
- Kováčová, V.: Sonda do poznania biblickej frazeológie v medzigeneračnom pohľade. In Janovec, Ladislav (ed.): *Svět v obrazech a ve frazeologii*. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2017, s. 51–63.
- Mlacek, J.: Polysémia a homonymia vo frazeológii. *Slavica Slovaca*, č. 1, 1988, s. 61–73.
- Mlacek, J.: *Štúdie a state o frazeológii*. Ružomberok: Katolícka univerzita, Filozofická fakulta, 2007.
- Mlacek, J.: Cez poznávanie k používaniu biblických frazém v súčasnej komunikácii. In Walter, Harry – Mokijenko, Valerij, M. – Baláková, Dana (eds.): *Die slawische Phraseologie und die Bibel*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald 2013, s. 138–144.
- Peciar, Š. (ed.): *Slovník slovenského jazyka. A – K*. [1. zv.]. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1959.
- Peciar, Š. (ed.): *Slovník slovenského jazyka. P – R*. [3. zv.]. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1963.
- Polívková, J.: Vliv znalosti bible na percepci a recepci frazeologických biblismů. In Janovec, Ladislav (ed.): *Svět v obrazech a ve frazeologii*. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta 2017, s. 447–455.
- Skladaná, J.: *Ukryté v slovách. Trinásta komnata a 131 tajomných slovných spojení*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 2012.
- Sväté písmo*. Trnava: Spolok sv. Vojtecha, 1996.
- Stěpanova, L.: Frazémy biblického pôvodu (na materiále slovenštiny, češtiny a ruštiny). In Kováčová, Viera – Baláková, Dana – Šindelářová, Jaromíra (eds.): *Aspekty literárnovedné a jazykovedné II*. Ružomberok: Katolícka univerzita, Filozofická fakulta 2009, s. 107–119.
- Walter, H. – Fojtů, P.: *Schwarzes Schaf, falscher Prophet, barmherziger Samariter. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2012.

Internetové zdroje:

<http://katolickenoviny.sk/38-2001-bitie-sa-do-prs/> (Stiahnuté 18. 12. 2017)

<http://topolcany.fara.sk/ministranti/gesta-v-liturgii.html> (Stiahnuté 18. 12. 2017)

Znalost a chápání biblické frazeologie v České republice podle dosaženého stupně vzdělání jejích obyvatel

The knowledge and the understanding of Biblical phraseology in the Czech Republic according to the level of education of Czech inhabitants

Jaromíra Šindelářová

Abstract

The aim of the study is to present the partial results of research focused on the level of phraseological competence of today's inhabitants of the Czech Republic with regard to their education level. 80 phraseological units (or phrasemes) of biblical origin (referred to as FJ BP) were evaluated, which reflect not only national, but also European realities. The study population was divided into three groups according to the level of education: (a) with basic education or without education, b) with secondary education with certificate or final exams, c) with university education completed by a bachelor, master or engineering degree). Further the research was focused on the movement of FJ BP on the axis centre – peripherals and the ways of their use in general communication, which belong to productive approaches that can be used to monitor the developmental trends of the language in general relationships. In the first phase the phraseological competence was followed in the sense of phraseosemantic competence, which reflects a deeper level of knowledge including adequate semantic interpretation of FJ BP. In the second phase the phraseological competence the phraseological competence was evaluated in a broader sense (i.e. in terms of active use of FJ BP in the passive knowledge, but without its proper semantic interpretation). The aim of the third phase was to register the respondents' ability to identify the origin of the phraseological units (or phrases).

Abstrakt

Cílem předloženého textu je podat dílčí výsledky výzkumu zaměřeného na úroveň frazeologické kompetence dnešních obyvatel ČR s ohledem na jejich dosažené vzdělání, a to na materiálu 80 frazeologických jednotek biblického původu (dále jen FJ BP), které jsou zrcadlem nejen národních, ale i evropských realit. Šetření bylo orientováno na tři skupiny českého obyvatelstva (a) se základním vzděláním či bez vzdělání, b) se středním vzděláním s výučním listem či maturitní zkouškou, c) s vysokoškolským vzděláním ukončeným bakalářským či magisterským titulem) a na pohyb souboru FJ BP na ose centrum – periférie a způsoby jejich užití při komunikaci, které patří k produktivním přístupům, jimiž lze sledovat vývojové tendence příslušného jazyka v širších vztazích. V první fázi byla sledována frazeologická kompetence v užším smyslu (jako tzv. kompetence frazeosémantická, jež odráží hlubší úroveň znalosti zahrnující adekvátní

sémantickou interpretaci FJ BP), v druhé fázi pak frazeologická kompetence v širším smyslu (tedy z hlediska aktivního užívání FJ BP v úzu včetně pasivní znalosti, ovšem bez její správné sémantické interpretace). Cílem třetí fáze bylo zaregistrovat schopnost respondentů identifikovat původ frazeologické jednotky.

Key words: Bible, christianity, biblical phraseology, phraseological unit, phraseological competency, research, comparative analysis, Czech Republic, education, Czech population

Klíčová slova: Bible, křesťanství, biblická frazeologie, frazeologická jednotka, frazeologická kompetence, výzkum, srovnávací analýza, Česká republika, vzdělání, české obyvatelstvo

1. Úvod – dynamický proces v biblické frazeologii

Vzhledem k dynamickým proměnám ve frazeologii, jež jsou úzce propojeny s životem jednotlivých národů, lze sledovat prostřednictvím výzkumných sond výskyt frazeologických jednotek (dále jen FJ) v přirozených jazycích nejen z hlediska diachronního, ale i synchronního. Závěry takových šetření nám umožňují registrovat jak aktuální změny a pohyb FJ ve frazeologickém fondu různých národů, proměny a vývojové tendence v konkrétních jazycích, tak i odhalovat duchovní stav společnosti a jejích uživatelů v dnešní moderní době. I když biblická frazeologie (zahrnující v širším pojetí motivace Biblí a křesťanskými dějinami) představuje jednu z nejstarších vrstev frazeologie, vyskytují se FJ biblického původu (dále jen BP) i v současnosti ve všech evropských jazycích, přičemž mnohé z nich mají shodné nebo velmi podobné vlastnosti, jiné se od sebe u různých národů odlišují vlastními specifickými rysy. Ty se projevují např. v jejich rozdílné struktuře, odlišných komponentech apod., ale také způsobem, jak v současnosti žijí a využívají se při komunikaci. Podoby původních citátových frazémů bývají však často modifikovány, někdy i významově (blíže viz Baláková 2012, s. 171–172, srov. Šindelářová 2012, s. 604–611, 2013, s. 171–178, 2016b, s. 70–72, 2018a, s. 59–72). Výsledky a závěry těchto frazeologických šetření pak potvrzují, že v biblických frazémích se kontinuálně odrážejí především změny společenské a politické (srov. Baláková 2015, s. 196–207).

Proto lze i dnes, a to především v zemích východního bloku, pozorovat stále velký zájem o FJ motivované Biblí a křesťanstvím, který se projevil v důsledku nedávných geopolitických změn a integračních procesů v Evropě (včetně vzniku a rozšiřování Evropské unie), postupující světové globalizace a zejména pod vlivem zesilujícího celosvětového pohybu obyvatelstva. Důkazem toho, že v poslední době je toto téma nejen mezi kulturology, ale i mezi lingvisty stále velmi živé, je i řada nedávno realizovaných šetření, jejichž výsledky byly publikovány u nás či v zahraničí, viz např. *Лента библейской мудрости* či *Из библейской мудрости* (Baláková – Walter – Mokienko 2012, 2015), *Наследие Библии во фразеологии* (Baláková – Kováčová – Mokienko 2013), *Die slawische Phraseologie und die Bibel* (Walter – Mokienko – Baláková 2013), *K výskumu biblickej frazeológie* (Baláková – Kováčová 2017), *Paremiologická kompetence mladé a střední generace – na materiálu přísloví biblického původu* (Šindelářová 2012, s. 604–611), *Фразеологические библеизмы в чешской речи – результаты проектного исследования* (Šindelářová 2013,

s. 171–178), *Biblická frazeologie v povědomí mladé a střední generace učitelů primárních škol* (Šindelářová 2017b, s. 187–205).

2. Cíle výzkumu a jeho charakteristika

Ve svém výzkumu jsme navázali na několik šetření orientovaných na frazeologickou kompetenci u dětí, mládeže i dospělých, jež byla realizována od konce minulého století až do současné doby jak v domácím českém prostředí (srov. např. Čechová 1985/1986a, 1985/1986b, 1986, 1993, 1995, 2007, Stěpanova 2009, Šindelářová 2007, 2011, 2012, 2013, 2016a, 2016b, 2017a, 2017b, 2018a, 2018b), tak i v zahraničí (Baláková 2012, 2013, Baláková – Walter – Mokienko 2012), a to na základě společného německo-rusko-slovenského vědeckého projektu s názvem *Bible and Christianity in Phraseology* (Greifswald – Petrohrad – Ružomberok 2010–2012), včetně posledního mezigeneračního výzkumu ze slovenského a českého prostředí s názvem *K výskumu biblickej frazeológie* (Baláková – Kováčová 2017).

Cílem našeho šetření bylo zjistit, jak některé internacionalismy BP v současnosti žijí a využívají se při komunikaci mezi obyvateli podle jejich dosaženého vzdělání v různých regionech České republiky (dále jen ČR), tedy z hlediska výskytu FJ BP v centru či na periférii frazeologie. V návaznosti pak na již výše zmíněný německo-rusko-slovenský vědecký projekt s názvem *Bible and Christianity in Phraseology*, jehož cílem bylo sledovat odkaz společného kulturního dědictví v povědomí současné mladé generace na vybraném souboru 80 FJ BP internacionálního charakteru ve třech jazycích (s porovnatelnou východiskovou situací ve změněných společensko-politických poměrech, blíže viz Baláková 2012, 2015, Kováčová 2012, 2015; Baláková – Kováčová – Mokienko 2013, Baláková – Walter – Mokienko 2015) a na neaktuálnější šetření ze slovenského a českého prostředí (Baláková 2017; Kováčová 2017, Šindelářová – Baláková 2018; Baláková – Kováčová 2017), tak i na výzkumné sondy orientované na frazeologickou kompetenci vysokoškolských studentů filologických oborů na Pedagogické fakultě UJEP v Ústí nad Labem (Šindelářová 2012, 2013, 2016a), učitelů v českém primárním školství (Šindelářová 2017a, 2017b), včetně šetření paremiologické kompetence u mladé a střední české generace (Šindelářová 2012), jsme na obdobném principu realizovali i tento náš výzkum v ČR.

Naším záměrem bylo zjistit úroveň frazeologické kompetence u dnešních obyvatel ve všech regionech ČR s ohledem na jejich dosažené vzdělání (v rozsahu aktivní součást úzu – pasivní znalost – neznalost) a souvztažit ji v širším smyslu s frazeologickou kompetencí v užším smyslu, tedy s frazeosémantickou interpretací (tj. schopností vyložit frazém, a to definičně, opisem, event. na základě jiného ekvivalentního výrazu), a dále zaregistrovat schopnost identifikovat původ předložené FJ (viz Baláková 2013, s. 23). Za tímto účelem bylo zapotřebí vyjít i v naší sondě z totožného materiálu (80 FJ BP existujících v německém, ruském, slovenském a českém jazyce) i ze stejného počtu zkoumaných osob (130 respondentů z každé skupiny). Na rozdíl od zahraničního projektu *Bible and Christianity in Phraseology*, jehož cílovou skupinou byli studenti filologických oborů – rusistiky, germanistiky a slovakistiky, byli našimi respondenty občané ČR trvale žijící na našem území ve věku 25–85 let s různou úrovní dosaženého vzdělání.

Do našeho výzkumu byly rovnoměrně zapojeny osoby ČR trvale žijící ve všech čtrnácti krajích ČR (Hlavní město Praha, Jihočeský kraj, Jihomoravský kraj, Karlovarský kraj, Kraj Vysočina,

Královéhradecký kraj, Liberecký kraj, Moravskoslezský kraj, Olomoucký kraj, Pardubický kraj, Plzeňský kraj, Středočeský kraj, Ústecký kraj a Zlínský kraj). Respondenti byli předem vytipováni tak, aby posuzovaný vzorek obsahoval proporční zastoupení jak městských, tak i venkovských obyvatel v příslušném regionu.

Tato sonda do frazeologické kompetence podle dosaženého stupně vzdělání obyvatel byla realizována v průběhu dvou let (2018–2019) formou didaktického testu a zúčastnilo se jí celkem 5 070 občanů ČR, tedy 390 osob z každého kraje. Tyto osoby byly vždy rozděleny do tří skupin (130 respondentů z každé skupiny obyvatel), a to: a) se základním vzděláním či bez vzdělání¹, b) se středním vzděláním s výučním listem či maturitní zkouškou², c) s vysokoškolským vzděláním ukončeným titulem Bc., Mgr., Ing., Ing. arch., MUDr., MDDr., MVDr. apod.³

Rozložení respondentů mužského a ženského pohlaví bylo rovnoměrné – rovnoměrnost byla ověřena chí-kvadrát testem dobré shody a významné odchylky od rovnoměrného rozložení prokázány nebyly ($p = 0,518$). V celkovém složení 51 % žen a 49 % mužů pak tito respondenti posuzovali soubor 80 FJ v češtině jako ve svém mateřském jazyce z hlediska jeho užívání (aktivní znalost – pasivní znalost – neznalost) a s ohledem na jeho BP (identifikace FJ BP).

3. Způsob realizace výzkumu

Na základě didaktického testu, který zahrnoval 80 FJ (biblických internacionalismů), jsme ověřovali, zda jsou osoby z našeho výzkumného vzorku schopny na základě své vlastní zkušenosti posoudit příslušný vzorek FJ BP z hlediska jeho užívání. Respondenti vybírali jednu z pěti možností na třech úrovních: 1A – znám, používám, umím vysvětlit význam (museli uvést přesný význam FJ), 1B – znám, používám, neumím vysvětlit, 2A – znám, nepoužívám, umím vysvětlit (opět museli přesně vyložit význam FJ), 2B – znám, nepoužívám, neumím vysvětlit, 3 – neznám. V těch případech, kdy respondent zařadil posuzovanou FJ BP do kategorie 1A či 2A, avšak její význam uvedl nesprávně, byla pak tato FJ BP přesunuta na úroveň 1B či 2B, v níž pak byla při zpracování výsledků sondy i hodnocena.

Aby mohly být výsledky z českého prostředí dále konfrontovány se závěry již realizovaných mezinárodních šetření, bylo zapotřebí přistoupit ke zjišťování frazeologické kompetence obyvatel

¹ Do této první skupiny byli zařazeni respondenti s ukončeným či neukončeným základním vzděláním v ČR odpovídajícím *primárnímu vzdělávání ISCED 100* a *nižšímu sekundárnímu vzdělávání ISCED 244* podle aktuálního schématu vzdělávacího systému ČR, tedy platného pro škol. či akadem. rok 2018/2019.

² Jde o *vyšší sekundární vzdělávání ISCED 344* zahrnující střední všeobecné vzdělávání s maturitou (čtyřleté studium, event. osmileté či šestileté), *ISCED 345* obsahující střední odborné vzdělávání s maturitou (čtyřleté studium), *ISCED 353* či *352* s výučním listem (tříleté či dvouleté studium). Vzhledem k tomu, že ani jeden respondent z našeho vzorku nebyl absolventem středního odborného vzdělávání se závěrečnou zkouškou (dvouleté či jednoleté studium) v rámci *ISCED 353/253*, není tento typ vzdělání v našem textu uveden. Do této druhé skupiny byli zahrnuti také respondenti, kteří absolvovali nástavbové studium s maturitou (dvouleté studium) v rámci *Post-sekundárního vzdělávání ISCED 354* po ukončení středního odborného vzdělávání s výučním listem.

³ Jde o skupinu respondentů spadajících do *terciálního vzdělávání ISCED 5, 6*, kteří jsou absolventy oborů bakalářských – *ISCED 645* (tříleté až čtyřleté studium). Dále pak měli být do této skupiny začleněni také absolventi vyšších odborných škol – *ISCED 655* (tříleté či tři a půlleté studium), kteří však součástí našeho vzorku nebyli. Dále se jednalo o absolventy vysokých škol oborů magisterských nestrukturovaných – *ISCED 746* (čtyřleté až šestileté studium s tituly Mgr., MgA., MUDr., MDDr.) či magisterských po ukončení bakalářského studia – *ISCED 747* (studium jednoleté až tříleté s tituly Mgr., MgA., Ing., Ing. arch.). Do této skupiny měli být zařazeni také absolventi tříletých či čtyřletých doktorských programů s tituly Ph.D., event. i starším CSc., kteří se však v našem vzorku nevyskytli.

v ČR v našem výzkumu také dichotomicky, a proto jsme využili metodiku vypracovanou hlavní řešitelkou zahraničního projektu D. Balákovou (Baláková 2011, 2012, 2013, 2017, srov. také Kováčová 2011, 2012, 2013, 2015, 2017). U všech tří skupin obyvatel rozdělených podle jejich dosaženého vzdělání jsme pak v každém kraji ČR sledovali jednak frazeologickou kompetenci v širším smyslu, tedy z hlediska aktivního užívání FJ BP v úzu (včetně pasivní znalosti), avšak bez posouzení její správné sémantické interpretace (první fáze výzkumu), jednak frazeologickou kompetenci v užším smyslu, tedy tzv. frazeosémantickou kompetenci, jež představuje vyšší stupeň frazeologické kompetence a odráží hlubší úroveň znalosti zahrnující adekvátní sémantickou interpretaci FJ BP (druhá fáze výzkumu).

Dalším kritériem bylo posoudit 80 FJ BP na ose centrum/jádro – postcentrum – periférie se záměrem určit živost jednotlivých FJ BP z předloženého souboru. Při stanovení hraničních (procentuálních) hodnot těchto tří oblastí různého výskytu FJ BP jsme vycházeli ve shodě s autory mezinárodních projektů ze součtu odpovědí 1AB a 2AB. Stejně jako obdobně orientovaná zahraniční frazeologická šetření byly do prvního pásma zahrnuty FJ BP odpovídající centru frazeologického úzu respondentů v procentuálním rozpětí 100–76 %, v pásmu druhém (zvaném postcentrum) se odráželo rozpětí 75–51 % a do posledního pásma byly řazeny FJ BP s hodnotou 50–0 %, tedy frazémy nacházející se na periférii či na úplném okraji frazeologického úzu respondentů (viz graf č. 1). Menší rádius hraničních hodnot mezi prvními dvěma pásmy oproti dvojnásobné hodnotě periferní oblasti vycházel z aktuálních výsledků a hodnocení FJ BP již dříve realizovaných sond a výzkumů, které respondenti v didaktickém testu označili, neboť v komunikaci všech námi oslovených respondentů (tedy jak osob se základním vzděláním či bez vzdělání, nebo obyvatel se středním vzděláním – s výučním listem či maturitní zkouškou, tak i u jedinců vysokoškolsky vzdělaných s tituly Bc., Mgr. Ing. atd.) se pásmo periférie z hlediska exponovanosti FJ BP jeví podstatně širší než další dva typy pásem. Jde tedy o všechny FJ BP, jež nepřekročily 50% hranici součtu odpovědí 1AB a 2AB a zároveň ani nepřesáhly hodnotu 10 % v kategorii 1AB (srov. Baláková 2013, Baláková – Kováčová 2017).

Graf č. 1: Pásma FJ BP



Metodou komparativní analýzy jsme pak zjištěné výsledky a konkrétní data z našeho šetření navzájem porovnali jak mezi všemi třemi skupinami obyvatel v každém kraji zvlášť a následně i celkově na území ČR, tak i se závěry našeho dřívějšího mezigeneračního šetření mezi pedagogy v českém primárním školství (Šindelářová 2017a, 2017b). Metody matematicko-statistické, které úzce souvisejí s experimentálními, nám umožnily kvantifikovat zjištěná data, a tak přispět k objektivizaci poznání a vyvozených závěrů.

4. Výsledky výzkumu

Nejprve vyhodnotíme specifické výsledky první části sondy, jejímž cílem bylo porovnat živost FJ BP a zjistit jejich preferenční využitelnost v současné češtině, a to na základě frazeologické kompetence všech tří skupin obyvatel trvale žijících v ČR, rozdělených podle jednotlivých krajů a jejich dosaženého vzdělání.

Pro přehlednost získaných hodnot z této části sondy viz tab. č. 1–14, v nichž jsou data řazena podle jednotlivých krajů v pořadí od nejúspěšnějších.

Tab. č. 1 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Hlavní město Praha

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	25 %	36 %	39 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	33 %	41 %	26 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	47 %	51 %	2 %

Tab. č. 2 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Středočeský kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	24 %	31 %	45 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	31 %	39 %	30 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	44 %	48 %	8 %

Tab. č. 3 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Jihočeský kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	22 %	28 %	50 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	29 %	36 %	35 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	42 %	46 %	12 %

Tab. č. 4 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Plzeňský kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	20 %	26 %	54 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	29 %	35 %	36 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	40 %	44 %	16 %

Tab. č. 5 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Karlovarský kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	18 %	25 %	57 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	26 %	34 %	40 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	39 %	44 %	16 %

Tab. č. 6 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Ústecký kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	15 %	23 %	62 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	24 %	31 %	45 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	36 %	43 %	21 %

Tab. č. 7 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Liberecký kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	14 %	22 %	66 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	22 %	30 %	48 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	34 %	41 %	25 %

Tab. č. 8 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Královéhr. kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	13 %	20 %	67 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	21 %	28 %	51 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	32 %	40 %	28 %

Tab. č. 9 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Pardubický kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	12 %	18 %	70 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	20 %	25 %	55 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	30 %	38 %	32 %

Tab. č. 10 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Jihomorav. kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	11 %	17 %	72 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	19 %	23 %	58 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	28 %	37 %	35 %

Tab. č. 11 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Olomoucký kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	10 %	16 %	74 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	18 %	21 %	61 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	26 %	35 %	39 %

Tab. č. 12 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Zlínský kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	9 %	15 %	76 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	17 %	19 %	64 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	23 %	33 %	44 %

Tab. č. 13 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Moravskosl.kraj

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	8 %	12 %	80 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	15 %	17 %	68 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	21 %	32 %	47 %

Tab. č. 14 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaž. vzděl. – Kraj Vysočina

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	6 %	11 %	83 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	13 %	16 %	71 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	20 %	31 %	49 %

Výsledky našeho šetření s cílem posoudit u jednotlivých skupin českých občanů frazeologickou kompetenci v širším smyslu prokázaly na jedné straně poměrně velké rozdíly mezi obyvateli v jednotlivých krajích s ohledem na jejich dosažené vzdělání a na straně druhé fakt, že vysokoškolsky vzdělané osoby předčí ve všech krajích ČR nejen občany se základním vzděláním či bez jakéhokoliv vzdělání, ale i všechny námi oslovené středoškoláky. Lze tedy konstatovat, že ve frazeologické kompetenci občanů ČR se velmi výrazně odráží jejich vzdělanost.

V rámci jednotlivých krajů se umístili nejlépe respondenti z Prahy a nejhůře obyvatelé z Kraje Vysočiny (viz tab. č. 1 a č. 14). Zatímco celkově 35 % obyvatel hl. města a jen 13 % osob z Kraje Vysočiny užívá tematicky vymezené FJ BP aktivně (FJ BP označené na úrovni 1A a 1B), necelých 43 % Pražanů se ve srovnání s 19 % respondentů z Vysočiny hlásí k pasivní znalosti (FJ BP označené na úrovni 2A a 2B) a o něco více než pětina občanů žijících v hlavním městě (22 %) na rozdíl od téměř 68 % osob z Vysočiny označila posuzované FJ BP jako neznámé, tedy jako úroveň 3 (blíže viz tab. č. 1 a č. 14).

I když se pražští respondenti ocitli na nejvyšším místě v naší sondě, což se dalo předpokládat i vzhledem k tomu, že Praha se jako hlavní město poměrně výrazně odlišuje od ostatních krajů v ČR svou vzdělanostní strukturou, neboť představuje nejvýznamnější centrum vysokého školství a sídlo mnoha dalších vzdělávacích institucí, lze konstatovat, že až tak markantní rozdíly mezi ní a dalšími dvěma kraji, a to Středočeským a Jihočeským, prokázány nebyly. Druhé pořadí totiž patří Středočechům, kteří se od pražských respondentů lišili jen v aktivní znalosti souboru FJ BP o 1–3 %, v pasivní znalosti pak o 2–5 % a v neznalosti o 5 %. Obdobně i na třetím místě Jihočeši se od prvního v pořadí pohybovali v rámci aktivní znalosti příslušného souboru s rozdílem 3–5 %, v rámci pasivní znalosti pak s 5–8 %. Větší rozdíl, a to o 10 % horší výsledek, se pak projevil až při posuzování neznalosti předloženého vzorku FJ BP. Ani rozdíly mezi 4. až 12. pořadím jednotlivých krajů (Plzeňský, Karlovarský, Ústecký, Liberecký, Kralovohradecký, Pardubický, Jihomoravský, Olomoucký a Zlínský) nejsou příliš velké, stejně jako mezi dvěma kraji v ČR umístěnými na přičce předposlední (13. Moravskoslezský kraj) a poslední (14. Kraj Vysočina).

Celkové výsledky ze všech krajů v ČR jsou shrnuty do následující tabulky č. 15.

Tab. č. 15 Frazeologická kompetence obyv. podle dosaženého vzdělání v ČR

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	15 %	21 %	64 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	23 %	28 %	49 %
Osoby s vysokoškol. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	33 %	44 %	23 %

Porovnáme-li frazeologickou kompetenci všech oslovených respondentů (viz tab. č. 15), lze konstatovat, že celkově nejlepších výsledků dosáhla ve všech krajích poslední skupina osob s vysokoškolským vzděláním (Bc., Mgr., Ing.), což jsme také předpokládali. Celkem 33 % z nich používá vybraný soubor FJ BP aktivně, což je o 10 % více než u respondentů se středoškolským vzděláním a o 18 % více než u první skupiny (nevzdělaných či jen se základním vzděláním). Logicky pak byla prokázána i nejnižší neznalost FJ BP u vysokoškolsky vzdělaných respondentů (pouze u 23 %) a nejvyšší u první skupiny se základním nebo žádným vzděláním (64 %). U osob se středoškolským vzděláním se projevila 49% neznalost, což bylo o 15 % méně než u obyvatel nevzdělaných nebo jen se základním vzděláním a o 26 % více než u vysokoškoláků.

Na základě konfrontace těchto dat lze konstatovat, že získané hodnoty svědčí o poměrně dobré znalosti posuzovaného souboru FJ BP u třetí skupiny našich respondentů ze všech krajů ČR, neboť u nich celkově převažuje pasivní znalost nad aktivním užíváním i nad neznalostí, což jsme také předpokládali, a to i s ohledem na naše již dříve realizovaná šetření mezi vysokoškolsky vzdělanými osobami (srov. např. Šindelářová 2012, 2013, 2016a, 2016b, 2017a, 2017b, Baláková – Šindelářová 2015, 2018). To však celkově neplatí u 1. skupiny obyvatel (se základním vzděláním či bez vzdělání) a u 2. skupiny respondentů (středoškolsky vzdělaných), neboť jejich neznalost souboru 80 FJ BP je natolik vysoká, že u 1. skupiny zcela převažuje (o 28 %) nad jejich

aktivní i pasivní znalostí a u 2. skupiny je jen o 2 % nižší než jejich aktivní i pasivní znalost, což jsme nepředpokládali.

Pro konkrétní představu je v následující tab. č. 16 uvedeno deset nejužívanějších FJ BP z posuzovaného souboru s procentuálně vyjádřenou hodnotou (řazeno sestupně od nejvyšších hodnot) u všech tří sledovaných skupin ze všech krajů v ČR.

Tab. č. 16 Aktivně užívané FJ BP všemi skupinami respondentů v ČR

1.	42. <i>(jako) v sedmém nebi (být, cítit se)</i>	99,4 %
2.	51. <i>Zakázané ovoce nejvíc chutná.</i>	98,4 %
3.	13. <i>otevřít oči komu</i>	97,1 %
4.	26. <i>Kdo hledá, najde.</i>	96,8 %
5.	46. <i>Oko za oko, zub za zub.</i>	94,0 %
6.	25. <i>skřípat zuby</i>	91,3 %
7.	11. <i>rvát/trhat si vlasy</i>	89,5 %
8.	03. <i>Neházejte perly sviním.</i>	87,8 %
9.	80. <i>Kdo druhému jamu kopá, sám do ní padá.</i>	83,1 %
10.	01. <i>od Adama</i>	81,6 %

Porovnáme-li prvních deset nejužívanějších FJ BP u všech tří skupin obyvatel ze všech krajů v ČR, je patrné, že pouze tři FJ BP se opakují (č. 42 *(jako) v sedmém nebi (být, cítit se)*, č. 51 *Zakázané ovoce nejvíc chutná*, č. 80. *Kdo druhému jamu kopá, sám do ní padá*), zatímco pět FJ BP (46. *Oko za oko, zub za zub*, č. 3 *Neházejte perly sviním*, č. 26 *Kdo hledá, najde*, č. 11 *rvát/trhat si vlasy*, č. 25 *skřípat zuby*) využívají jen respondenti se středoškolským a vysokoškolským vzděláním. Dvě FJ BP (č. 1 *od Adama* a č. 46 *Oko za oko, zub za zub*) pak aktivně uplatňují při komunikaci pouze vysokoškolsky vzdělaní respondenti. U skupiny středoškoláků a vysokoškoláků se pak velmi často vyskytují stejné FJ BP a rozdíl je jen v jejich pořadí.

V konfrontaci s naším mezigeneračním šetřením realizovaným před nedávnem mezi učiteli primárních škol ve všech regionech ČR (blíže viz Šindelářová 2017a, s. 117–133; 2017b, s. 187–205) se ukazuje, že mnohé FJ BP z posuzovaného vzorku se aktivně používají ve všech krajích ČR a odlišují se jen svým pořadím. Např. mezi osm nejčastěji užívaných patří z výše uvedených FJ BP v tab. č. 16 vyjma dvou (č. 10. *Vlasy hrůzou vstávaly/se ježily na hlavě* a č. 16. *sloužit dvěma pánům*) všechny. V návaznosti na naše výzkumné sondy z uplynulých let se projevila shoda také v tom, že se mezi respondenty v jednotlivých krajích nevyskytla ani jedna osoba, jež by alespoň pasivně neznala některou z těchto FJ BP: č. 80. *Kdo druhému jamu kopá, sám do ní padá*, č. 51. *Zakázané ovoce nejvíc chutná*, č. 10 *Vlasy hrůzou vstávaly/ježily se na hlavě*, č. 12 *Všechno má (chce) svůj čas*, č. 26 *Kdo hledá, najde*, č. 42. *(jako) v sedmém nebi (být, cítit se)*, č. 46 *Oko za oko, zub za zub*, č. 1 *od Adama*, č. 5 *na věky věků*, č. 2 *alfa a omega*.

Do následující tab. č. 3 jsme na ukázkou zaznamenali deset nejméně známých FJ BP s procentuální hodnotou zastoupení počtu respondentů, kteří představují všechny tři skupiny obyvatelstva podle dosažené úrovně vzdělání v jednotlivých krajích ČR (řazeno sestupně od nejvyšší hodnoty uvedené v procentech).

Tab. č. 17 Nejméně známé FJ BP u všech skupin respondentů v ČR

1.	79. <i>Šupiny spadly/padaly z očí komu.</i>	9,7 %
2.	73. <i>trubka/pozoun z Jericha</i>	7,9 %
3.	69. <i>třicet stříbrných</i>	6,3 %
4.	57. <i>setřást prach ze svých nohou</i>	5,1 %
5.	52. <i>kost z kostí, tělo z těla koho</i>	3,9 %
6.	53. <i>posílat koho od Heroda k Pilátovi/od Piláta k Herodovi</i>	3,1 %
7.	70. <i>vidět smůtko v cizím oku (a nevidět břevno ve svém)</i>	2,8 %
8.	31. <i>obr (kolos) na hliněných nohách</i>	1,9 %
9.	č. 35 <i>přispět svou hřivnou</i>	1,5 %
10.	48. <i>prst B(b)oží</i>	0,7 %

Z výše uvedeného pořadí posledních deseti FJ BP v tabulce č. 17 lze usuzovat, že téměř identické FJ BP jsou dnes všem skupinám obyvatel v jednotlivých krajích ČR buď již zcela neznámé, nebo jen velmi málo známé. Shoda se projevila u těchto pěti FJ BP: č. 31 *obr (kolos) na hliněných nohách*, č. 53 *posílat koho od Heroda k Pilátovi/od Piláta k Herodovi*, č. 70 *vidět smůtko v cizím oku (a nevidět břevno ve svém)*, č. 73 *trubka/pozoun z Jericha*, č. 79 *Šupiny spadly/padaly z očí komu*. Nepatrné odlišnosti byly zaznamenány pouze u první skupiny obyvatel při hodnocení tří FJ BP, a to č. 48 *prst (B)oží*, č. 57 *setřást prach ze svých nohou* a č. 35 *přispět svou hřivnou*, u dalších dvou skupin obyvatelstva pak při hodnocení jediné FJ BP s č. 69 *třicet stříbrných*.

Třetí úroveň odhaluje počet a procentuální podíl respondentům neznámých FJ BP, jež dosahuje u první skupiny obyvatel (bez vzdělání nebo jen se základní školou) 64 % z našeho souboru FJ BP, zatímco u středoškoláků je to už jen 49 % a u vysokoškolsky vzdělaných pouze 23 %.

Z dalších získaných konkrétních hodnot o FJ BP z posuzovaného souboru, které se ocitly v centrálním pásmu/v jádru (celkem 29 FK BP) z pohledu všech tří skupin obyvatelstva v ČR, uvedeme ukázkově v sestupném pořadí jen prvních deset (všechny s hodnotou 100 %): č. 1 *od Adama*, č. 5 *na věky věků*, č. 9 *návrat ztraceného/marnotratného syna*, č. 10 *Vlasy hrůzou vstávaly/se ježily na hlavě*, č. 12 *Všechno má (chce) svůj čas*, č. 25 *skřípat zuby*, č. 26 *Kdo hledá, najde*, č. 42 *(jako) v sedmém nebi (být, cítit se)*, č. 46 *oko za oko, zub za zub* a č. 51. *Zakázané ovoce nejvíc chutná*.

Kvantitativní statistické vyhodnocení souboru FJ BP tvořících jádro frazeologické kompetence však nelze usouvztažňovat s kvalitativním hlediskem, jež se projevuje mírou aktivního užívání FJ, což dokazují z jedné strany jak čeští, slovenští a němečtí respondenti, tak na straně druhé pak i ruští vysokoškoláci v mezinárodním srovnání (viz Kováčová 2013). Tuto skutečnost nevyvracejí ani výsledky prokázané u všech generací pedagogů primárních škol v České republice (Šindelářová 2017a, 2017b).

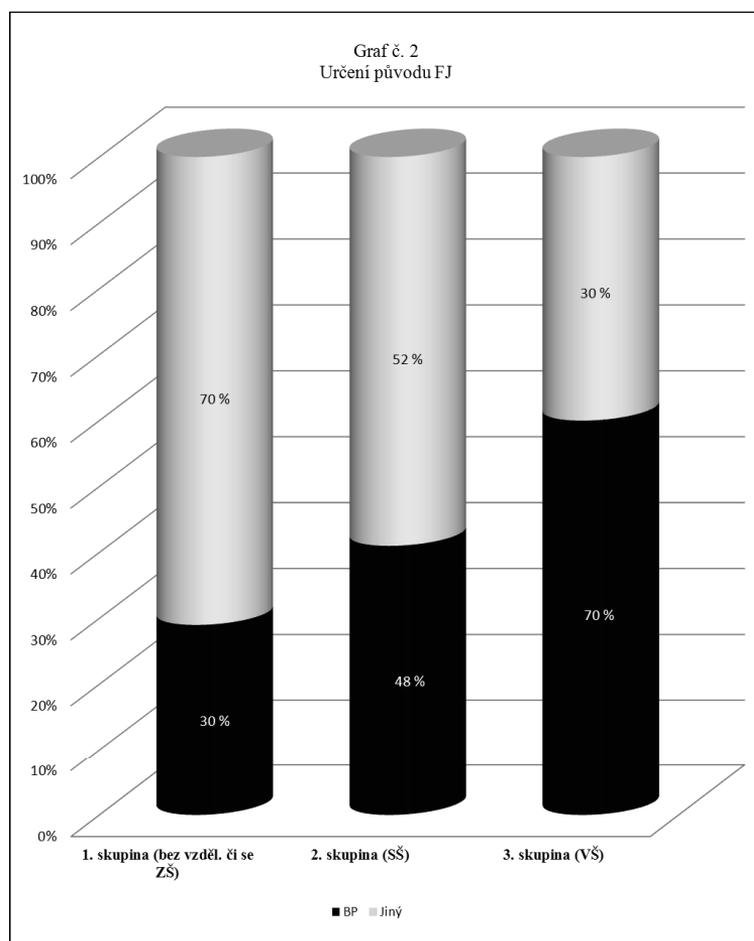
Posentrum tvoří u první skupiny obyvatel (se základním vzděláním či bez vzdělání) z našeho vzorku obyvatel žijících ve všech krajích ČR celkem 15 FJ BP, u druhé skupiny středoškolsky vzdělaných obyvatel pak 22 FJ BP a u vysokoškoláků 40 FJ BP. K prvním deseti FJ BP z předloženého souboru napříč všemi třemi skupinami českého obyvatelstva patří tyto: č. 76 *Pohár/číše trpělivosti přetekl/přetekla* (71,3 %), č. 62 *umývat si ruce* (70,7 %), č. 69 *třicet stříbrných* (68,8 %),

č. 44 kulhat na obě nohy (64,1 %), č. 49 stavět/postavit na písku co (61,4 %), č. 21 vypustit duši (55,9 %), č. 78 jako jeden muž (52,6 %), č. 14 hlas volajícího na poušti (51,9 %), č. 68 sůl země/být solí země (51,7 %) a č. 48 prst B(b)oží (51,5 %).

Na periférii se z pohledu první skupiny respondentů (bez vzdělání či se základní školou) nachází 52 FJ BP, u středoškoláků 39 FJ BP a u vysokoškolsky vzdělaných respondentů pak 10 FJ BP (celkově ze všech tří skupin obyvatel podle dosaženého vzdělání). Na ukázkou viz prvních pět v sestupném pořadí: č. 19 jíst ze stromu poznání (2,9 %), č. 57 setřást prach ze svých nohou (2,8 %), č. 79 Šupiny spadly/padaly z očí komu (1,9 %), č. 52 kost z kostí, tělo z těla koho (1,7 %) a č. 70 vidět smítko v cizím oku (a nevidět břevno ve svém) (0,9 %).

Získané hodnoty z našeho šetření tedy jednoznačně prokazují, že u českého obyvatelstva trvale žijícího v ČR převažuje u druhé a třetí skupiny postavení centra nad oběma dalšími typy, zatímco respondenti z první skupiny řadí nejvyšší počet FJ BP z předloženého souboru na periférii.

Poslední fází naší sondy bylo zjistit, do jaké míry si obyvatelé v jednotlivých krajích ČR uvědomují či neuvědomují biblický původ předloženého vzorku FJ, přičemž to, že všech 80 posuzovaných FJ bylo BP, respondenti před vyplněním didaktického testu nevěděli. Procentuální vyjádření získaných hodnot u všech tří skupin je znázorněno v grafu č. 2.



Škála procentuálního rozptylu se pohybovala u 1. skupiny v rozmezí od 0 % až do 99 %, u 2. a 3. skupiny pak od 1,6 % do 100 %, což je důkazem toho, že středoškoláci a vysokoškoláci si na rozdíl od 1. skupiny v podstatně vyšší míře uvědomují BP FJ a spojují i vyšší počet FJ z našeho vzorku s Biblií.

K deseti FJ s nejnižším procentuálním hodnocením podle BP u všech tří skupin obyvatelstva na našem území patří tyto: č. 80 *Kdo druhému jamu kopá, sám do ní padá* (15,5 %), č. 79 *Šupiny spadly/padaly z očí komu* (14,9 %), č. 25 *skřípat zuby* (14,1 %), č. 44 *kulhat na obě nohy* (14,0 %), č. 27 *ani písmenko, ani čárka, ani ň* (12,4 %), č. 36 *smést z povrchu zemského (ze země) koho, co* (11,1 %), č. 41 *dvojsečná zbraň/dvojsečný meč* (9,9 %), č. 37 *tváří v tvář* (9,3 %), č. 10 *Vlasy hrůzou vstávaly/se ježily na hlavě* (8,1 %) a č. 78 *jako jeden muž* (6,1 %).

Mezi deset nejvýše hodnocených našimi respondenty řadíme tyto FJ BP: č. 4 *Miluj svého bližního jako sebe samého* (100 %), č. 74 *nevěřící T(t)omáš* (92,1 %), č. 32 *v rouše (v rouchu) Adamově/Evině* (88,4 %), č. 6 *Víra hory přenáší* (86,1 %), č. 48 *prst B(b)oží* (85,5 %), č. 9 *návrat ztraceného/marnotratného syna* (83,9 %), č. 73 *trubka/pozoun z Jericha* (82,0 %), č. 43 *mezi nebem a zemí* (80,8 %), č. 65 *S(s)odoma (a) G(g)omora* (80,5 %) a č. 19 *jíst ze stromu poznání* (80,3 %).

Celkové výsledky při určování FJ BP jsou u všech skupin obyvatel trvale žijících v různých krajích ČR důkazem toho, že nejvíce respondentů (nad 80 %) se shodlo na BP u sedmi FJ (FJ č. 4, 74, 48, 32, 9, 6 a 73), zatímco u ostatních FJ z posuzovaného souboru bylo jejich hodnocení z hlediska BP často zcela odlišné. Porovnáme-li totiž blíže všechny tři skupiny respondentů s ohledem na uvědomování si BP jednotlivých FJ zaznamenaných v pořadí 1 až 10 z předloženého souboru, docházíme ke zjištění, že u řady FJ se názory jednotlivých respondentů plně shodují, zatímco u některých FJ jsou zcela rozdílné. Jedná se např. o FJ č. 4 *Miluj svého bližního jako sebe samého*, č. 6 *Víra hory přenáší*, č. 19 *jíst ze stromu poznání*, č. 32 *v rouše (v rouchu) Adamově/Evině*, č. 74 *nevěřící T(t)omáš* či č. 65 *S(s)odoma (a) G(g)omora*, které pokládá většina našich respondentů správně za biblické, zatímco BP ve FJ č. 33 *nést svůj kříž*, č. 43 *mezi nebem a zemí* nebo č. 73 *trubka/pozoun z Jericha* pak většina zástupců 1. skupiny nenachází vůbec. Nejlepších výsledků v této části sondy dosáhli celkově v rámci všech krajů ČR zase vysokoškolsky vzdělaní jedinci, a to především ti nejstarší, kteří si pravděpodobně i pod vlivem své výchovy ke křesťanskému náboženství v dětském období uměli příslušné FJ pocházející z Bible vybavit. Za zajímavé zjištění považujeme to, že podstatně méně úspěšní pak byli mladší zástupci z 2. a 3. skupiny středoškoláků a vysokoškoláků, kteří začali chodit do školy koncem 50. let 20. století, tedy v době bývalého Československa a socialisticky orientovaného školství, jež se vyznačovalo „specifickým“ vztahem ke všemu, co souviselo s Biblií.

Všechny získané hodnoty z frazeologického šetření realizovaného ve všech krajích ČR pak shodně prokazují, že 3. skupina vysokoškolsky vzdělaných respondentů je celkově lépe vybavena frazeologickou i frazeosémantickou kompetencí než ostatní zástupci zbývajících dvou skupin, kteří nezískali žádné vzdělání, nebo jen základní či středoškolské.

5. Závěr

Výsledky naší sondy mezi obyvateli v ČR na základě jejich dosaženého vzdělávání ukázaly, že mnohé FJ z posuzovaného souboru FJ BP jsou z hlediska svého postavení na ose centrum – postcentrum – periférie pro všechny tři skupiny v jednotlivých krajích ČR totožné nebo velmi

podobné. Soubor konkrétních FJ BP internacionálního charakteru, které se nacházejí u všech tří vybraných skupin v centrálním postavení, jsou důkazem toho, že tyto FJ BP jsou i v současné komunikaci na našem území stále živé, a proto by se mohly stát součástí např. frazeologického minima při výuce češtiny jako mateřského jazyka.

Získané údaje z našeho šetření v ČR pak ve shodě se závěry autorů projektu z prostředí ruského, německého a slovenského potvrzují, že adekvátní úroveň frazeologického (a tedy i specifického jazykového) vědomí předpokládající přesnou a správnou znalost významu konkrétní FJ nemusí být nutnou podmínkou úspěšné komunikace, neboť rodilý mluvčí dokáže na základě svého jazykového (a v jeho rámci i frazeologického) povědomí použít FJ vhodným a přijatelným způsobem, k čemuž mu velmi často postačí jen povrchová sémantická znalost příslušné FJ (Kováčová 2012, s. 686).

Věříme, že dosažený přehled o výsledcích frazeologické kompetence se zaměřením na biblickou frazeologii jejich obyvatel podle dosaženého vzdělávání ve všech českých krajích poslouží nejen ke konfrontaci sledovaných jevů na území ČR, nýbrž povede i k vytvoření představy v nadnárodním měřítku o současném společném jádru nebo periférii biblických FJ internacionálního charakteru z hlediska jejich živosti v aktivním a pasivním frazeologickém úzu dnešních obyvatel (s ohledem na uvědomění si původu FJ ve vztahu k Bibli) a i k obecnějším závěrům v souvislosti se sledováním frazeologické kompetence a fondu biblických internacionalismů v povědomí celé evropské populace. Zároveň jsme také přesvědčeni o tom, že prostřednictvím frazeologické kompetence lze sledovat i celkovou úroveň národní vzdělanosti⁴. Výsledky našeho šetření totiž zcela jasně prokázaly, že znalost a chápání konkrétních FJ BP (biblických internacionalismů) a na tomto fondu sledovaná frazeologická a frazeosémantická kompetence dnešních obyvatel ČR je značnou měrou ovlivněna dosaženým stupněm jejich vzdělání.

Závěry takto zaměřených výzkumů pak mohou odhalit jak specificky národní, tak i širší kulturologické a integrační tendence v současném evropském prostředí a zároveň přispět nejen k rozvoji frazeologické kompetence při osvojování mateřských jazyků, ale i jazyků cizích. Věříme, že nejen tato sonda, ale i další obdobné výzkumy potvrdí, že dynamika frazeologického fondu je i v současnosti stále natolik proměnlivá, že je zapotřebí věnovat jejímu synchronnímu zkoumání z různých aspektů stále větší pozornost nejen v národním, ale i mezinárodním měřítku.

Literatura

- BALÁKOVÁ, Dana: Межславянское понимание с фразеологической точки зрения II. In: Mokienko, Valerij – Savčenko, Alexandr (eds): Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2011, s. 206–214.
- BALÁKOVÁ, Dana: Frazeologická kompetencia mladej slovenskej generácie (na materiáli biblickej frazeológie). In: Hordy, Mirosława – Mokienko, Valerij – Szutkowski Tomasz – Walter, Harry (eds.): Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia słowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeologicznym. Szczecin – Greifswald: ZAPOL 2012, s. 171–178.
- BALÁKOVÁ, Dana – WALTER, Harry – MOKIENKO, Valerij M.: Лепта библейской мудрости.

⁴ Blíže o pojmu vzdělanost/národní vzdělanost jako nevyjasněném pojmu pedagogické teorie viz např. Průcha, 2008, s. 275–285.

- Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов. Ružomberok – Greifswald – Sankt-Peterburg: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2012. 140 s.
- BALÁKOVÁ, Dana: Biblická frazeológia v po/vedomí slovenskej, ruskej a nemeckej mladej generácie. In: Walter, Harry – Mokienko, Valerij, M. – Baláková, Dana (eds.): Die slawische Phraseologie und die Bibel. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2013, s. 22–30.
- BALÁKOVÁ, Dana: Dynamika biblickej frazeológie. In: Kováčová, Zuzana (ed.): Slovenčina v kontexte slovanských a neslovanských jazykov. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa 2015, s. 196–207.
- BALÁKOVÁ, Dana: Biblická frazeológia v intra-/interjazykovom slovenskom a českom kontexte I. In: Jazykovedný časopis, 2017, roč. 68, č. 3, s. 459–472.
- BALÁKOVÁ, Dana – ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Межязыковое и межкультурное соответствие русским библеизмам в чешской и словацкой студенческой аудитории (результаты исследования). In: Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ 2015, s. 30–35.
- BALÁKOVÁ, Dana – KOVÁČOVÁ, Viera – MOKIENKO, Valerij M.: Наследие Библии во фразеологии. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013.
- BALÁKOVÁ, Dana – KOVÁČOVÁ, Viera: K výskumu biblickej frazeológie, Ružomberok: Verbum, 2017.
- BALÁKOVÁ, Dana – WALTER, Harry – MOKIENKO, Valerij M.: Из библейской мудрости. Z biblickej múdrosti. Biblische Weisheiten. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2015.
- ČECHOVÁ, Marie: Frazeologie a mládež. In: Český jazyk a literatura, roč. 36, č. 3, 1985/1986a, s. 101–110.
- ČECHOVÁ, Marie: Frazeologie ve škole. In: Český jazyk a literatura, roč. 36, č. 4, 1985/1986b, s. 145–150.
- ČECHOVÁ, Marie: Dynamika frazeologie. In: Naše řeč, roč. 69, č. 4, 1986, s. 178–186.
- ČECHOVÁ, Marie: Kulturní frazeologie v současné komunikaci. In: Naše řeč, roč. 76, č. 4, 1993, s. 179–183.
- ČECHOVÁ, Marie: K recepci kulturních frazémů v současné komunikaci. In: Naše řeč, 1995, roč. 78, č. 3, s. 138–144.
- ČECHOVÁ, Marie: Znalost a chápání frazémů u české mládeže a u cizinců. In: Baláková, Dana – Ďurčo, Peter (eds.): Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy. Ružomberok: Katolícka univerzita 2007, s. 319–328.
- KOVÁČOVÁ, Viera: Межславянское понимание с фразеологической точки зрения I. In: Mokienko, Valerij – Savčenko, Alexandr (eds.): Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald 2011, s. 197–205.
- KOVÁČOVÁ, Viera: Frazeologická kompetencia slovenskej strednej generácie (na materiáli biblickej frazeológie). In: Hordy, Mirosława – Mokienko, Valerij – Szutkowski Tomasz – Walter, Harry (eds.): Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia słowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeologicznym. Szczecin-Greifswald: ZAPOL 2012, s. 686–693.
- KOVÁČOVÁ, Viera: Biblická frazeológia v porovnávacích reláciách frazeologickej kompetencie slovenskej, ruskej a nemeckej mladej generácie. In: Walter, Harry – Mokienko, Valerij,

- M. – Baláková, Dana (eds.): Die slawische Phraseologie und die Bibel. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2013, s. 102–110.
- KOVÁČOVÁ, Viera: K vybraným aspektom súčasného života biblickej frazeológie. In: Kováčová, Zuzana (ed.): Slovenčina v kontexte slovanských a neslovanských jazykov. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa 2015 s. 208–222.
- KOVÁČOVÁ, Viera: Biblická frazeológia v intra-/interjazykovom slovenskom a českom kontexte II. In: Jazykovedný časopis, 2017, roč. 68, č. 3, s. 473–490.
- PRŮCHA, Jan: Vzdělanost/národní vzdělanost: nevyjasněný pojem pedagogické teorie. In: Pedagogika, roč. 58, 2008, s. 275–285.
- STĚPANOVA, Ludmila: Frazémy biblického původu (na materiálu slovenštiny, češtiny a ruštiny). In: Kováčová, Viera – Baláková, Dana – Šindelářová, Jaromíra (eds.): Aspekty literárnovedné a jazykovedné II. Ružomberok: Katolícka univerzita 2009, s. 107–119.
- ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Znalost a chápání frazémů u cizinců. In: Baláková, Dana – Ďurčo, Peter (eds.): Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy. Ružomberok: Katolícka univerzita 2007, s. 343–357.
- ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Фразеология при обучении чешскому языку как родному и иностранному. In: Mokienko, Valerij – Savčenko, Alexandr (eds): Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Sankt-Peterburg: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2011, s. 173–185.
- ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Paremiologická kompetence mladé a střední generace (na materiálu přísloví biblického původu). In: Hordy, Mirosława – Mokienko, Valerij – Szutkowski Tomasz – Walter, Harry (eds.): Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia słowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeologicznym. Szczecin – Greifswald: ZAPOL 2012, s. 604–611.
- ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Фразеологические библеизмы в чешской речи (результаты проектного исследования). In: Walter, Harry – Mokienko, Valerij, M. – Baláková, Dana (eds.): Die slawische Phraseologie und die Bibel. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2013, s. 171–178.
- ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Сравнения как фразеологическая компетенция студентов педагогического профиля начального этапа обучения (результаты исследования). In: Mokienko, Valerij – Volodina, Tatjana – Kuznecova, Irina – Savčenko, Aleksandr (eds.): Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Sankt-Peterburg – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2016a, s. 266–272.
- ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Фразеологические библеизмы в чешской речи (результаты проектного исследования между двумя поколениями в студенческой аудитории). In: Mokienko, Valerij – Tretjakova, Irina – Fokina, Marija (eds.): Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова 2016b, s. 70–72.
- ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Frazeologická kompetence pedagogů v české primární škole (mezi-generační výzkum). In: Didaktické studie, 2017a, roč. 9, č. 2, s. 117–133.
- ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Biblická frazeologie v povědomí mladé a střední generace učitelů primárních škol. In: Janovec, Ladislav (ed.): Svět v obrazech a ve frazeologii. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta 2017b, s. 187–205.

ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Фразеологические сравнения в современном речевом узусе молодого русского поколения в чешской среде. In *Rossica Olomucensia*, 2018a, roč. 57, č. 1, s. 59–72.

ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra: Символ змеи в фольклоре и его отражение в фольклоре и фразеологии (в аспекте преподавания в чешской начальной школе). In: Walter, Harry – Mokienko, Valerij (eds.): *Slawische Phraseologie und Folklore: Ihre linguokulturelle und lexikografische Beschreibung*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slawistik 2018b, s. 110–117.

ŠINDELÁŘOVÁ, Jaromíra – BALÁKOVÁ, Dana: Bible phraseology in future teacher training. In: Jasjko Nikolaj (ed.): *Society and Languages in the Third Millennium. Communication. Education. Translation*. Moskva: RUDN 2018, s. 224–238.

WALTER, Harry – MOKIENKO, Valerij M. – BALÁKOVÁ, Dana (eds.): *Die slawische Phraseologie und die Bibel*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013.

Internetové zdroje:

<https://www.czso.cz/documents/10180/20536250/17023214a04.pdf/e4fe0c99-0c5a-49ee-8d54-cbda60892f1e?version=1.1> (Staženo 9. 8. 2018)

Tento text byl podpořen grantem Studentské grantové soutěže UJEP v Ústí n. L. pod č. UJEP-SGS-2018-43-005-2.

Příslloví a antipříslloví: terminologická úvaha

Proverb and anti-proverb: a terminological discussion

Robert Adam

Abstract

The paper strives to meaningfully define *anti-proverb*. Based on the discussion on the meaning of the term *proverb*, it suggests to consider subverting the traditional positive ethics as the feature that distinguishes *anti-proverb* both from *proverb* and from *para-proverb*.

Abstrakt

Příspěvek se pokouší smysluplně definovat *antipříslloví*. Na základě diskuse o významu termínu *příslloví* navrhuje chápat podvracení tradiční pozitivní morálky jako rys odlišující *antipříslloví* jak od *příslloví*, tak od *parapříslloví*.

Keywords: proverb; anti-proverb; para-proverb; traditional positive ethics

Klíčová slova: přísloví; antipříslloví; parapříslloví; tradiční pozitivní morálka

1

Tento příspěvek se zabývá paremiologickým termínem *antipříslloví*. Lze souhlasit s M. Kuzmovou, že „v českém prostředí se [...] termín *antipříslloví* zatím neprosadil“ (Kuzmova 2017, s. 173): nenajdeme ho v *Novém encyklopedickém slovníku češtiny*, a to ani v hesle Příslloví (Čermák 2017), a není zařazen ani do hesláře *Akademického slovníku současné češtiny* (Kolektiv autorů 2017–). Mimo české prostředí se s tímto termínem běžně pracuje. Autor odpovídajícího anglického termínu *anti-proverb*, přední světový paremiolog W. Mieder, jeho význam vymezuje jako „záměrně změněné (překroucené, parodované) přísloví s novým významem“ (Mieder 2004, s. 281, přel. R. A.); uvádí rovněž, že účelem vytváření antipříslloví je humorná nebo satirická jazyková hra s tradiční moudrostí přísloví (ibid., s. 28) a že antipříslloví často vznikají jednak napodobováním struktury původního přísloví a záměnou některých slov, jednak doplněním původního přísloví o kontradiktornou větu (ibid.).

Z nečetné domácí literatury o antipřísllovích lze uvést článek P. Fojtů, v němž jsou antipříslloví definována jako „transformace přísloví, okřídlených slov a také paremiologické neologismy, které představují smyslové antipóly“ přísloví (Fojtů 2010, s. 17); v samotném textu článku se však k protikladnému smyslu nepřihlíží a jako s antipřísllovími se v něm pracuje např. s jednotkami *lež, má krátké nohy* nebo *kdo je bez miny, ať hodí kamenem*, které ve vztahu ke svým zdrojovým parémii žádný „smyslový antipól“ nepředstavují. Definici zmíněnou Fojtů nedávno výslovně odmítla M. Kuzmova, která jako antipříslloví označuje takové transformace známých přísloví, které mohou fungovat i jako kontextově autonomní výroky (Kuzmova 2017, s. 175). Význam

termínu pak dále rozmlžuje titul jejího článku *Antipřířloví, také přířloví...* (ibid., s. 172). Lze tedy konstatovat, že dosavadní české odborné texty vymezují tento termín způsobem odlišujícími se jak od prvotního vymezení jeho anglického ekvivalentu, tak mezi sebou navzájem.

Výraz *antipřířloví* by měl – podle své utvářenosti – označovat ‚opak přířloví‘ či ‚něco, co se staví proti přířloví‘. Bude tedy třeba posoudit, co je to *přířloví*, a najít ve významu tohoto termínu takový sém, po jehož náhradě opakem vznikne jednotka, již bude vhodné nazvat *antipřířloví*. Právě na toto *anti-* klade důraz J. Mlacek, když píše, že „predpokladom náležitej konceptualizácie tohto pojmu je prítomnosť sém protikladnosti na tematickej rovine a s tým spojený posun aj v ilokučnej štruktúre, v zámere novej jednotky“ (Mlacek 2008, s. 137–138). Mlacek (2008) stejně jako my vyšel ze zjištění, že „[p]ojem antipřířlovie sa vďaka svojmu užšie nešpecifikovanému významu uplatnil v dnešných prácach o paremiológii až priveľmi široko. Uplatnil sa na označenie akejkoľvek zmeny v tradičných parémiách“ (ibid., s. 137), avšak nedospěl k přesné specifikaci onoho „sému protikladnosti na tematické rovině“; v tomto smyslu chceme na jeho příspěvek navázat.

W. Mieder definuje *přířloví* takto: „krátká obecně známá lidová sentence, která obsahuje moudrost, pravdu, morální zásady a tradiční názory v metaforické, ustálené a zapamatovatelné podobě a která je předávána z generace na generaci“ (Mieder 1985, s. 119; Mieder 2004, s. 3, přel. Karel Kučera, dále M). V českém kontextu se o přířlovích uvažuje zpravidla v obecném rámci frazeologie. *Nový encyklopedický slovník češtiny* obsahuje následující definici: „metaforický i nemetaforický frazém propoziční obvykle s didaktickou funkcí, který jistou momentální situaci kategorizuje poukazem na tradovanou zkušenost a často se užívá i jako tradiční poučení, rada, popř. i výtka a kritika“ (Čermák 2017, dále Č). Srovnáme-li obě definice, vidíme několik odlišností. Nápadně se liší genus proximum: definice Č vřazuje přířloví zřetelně do kontextu frazeologie, označujíc ho za frazém propoziční, kdežto podle M je přířloví typem sentence – avšak vzhledem k tomu, že *sentence* vlastně znamená „výpověď“, že propoziční frazémy jsou frazémy s výpovědní funkcí a že českému termínu *frazém* zčásti odpovídají v M charakteristiky *metaforický* a *ustálený*, ukazuje se tento rozdíl jako nezávažný. Dále Č klade velký důraz na funkci přířloví: v první části definice ji označuje jako didaktickou, v druhé uvádí několik funkcí komunikačních; v M jakákoli zmínka o funkci přířloví absentuje. Č si naopak nevsímá sociologických aspektů přířloví, jakými jsou v M charakteristiky *obecně známá* a *předávaná z generace na generaci*. Posledním významným rozdílem je míra pozornosti a vážnosti, s níž obě definice přistupují k obsahu přířloví: zatímco podle Č přířloví *poukazuje* na tradovanou *zkušenost*, podle M *obsahuje* tradiční *moudrost, pravdu* a *morální zásady*.

Skutečnost, že současná česká encyklopedická definice přířloví neobsahuje pojmy jako *pravda* a *moudrost* ani jakýkoli poukaz k tomu, že přířloví souvisejí s morálkou, je symptomatická. V odborné literatuře můžeme najít i přímá popření těchto (podle M definičních!) aspektů přířloví. V recenzi paremiologické monografie F. Schindlera napsal F. Čermák: „Proti dříve vyzdvihované společenské moudrosti, které přířloví do značné míry už pozbyla, mají dnes povahu odlišnou (s. 178), kterou lze obecně spojit s přenosem informace, která má možnost snadného uchování v paměti člověka a která je tak zčásti mnemotechnické povahy“ (Čermák 1995, s. 316). Sám F. Schindler na jiném místě označil domněnku, že přířloví jsou obecně platná a pravdivá, za mylnou (Schindler 1996, s. 265).

Výraz *přířloví* není pouze lingvistickým a folkloristickým termínem: jde o slovo, které je součástí běžné slovní zásoby. *Příruční slovník jazyka českého* (dále *PSJČ*) vyjadřuje jeho význam

takto: „stručná lidová prűpověď, vyslovující obecně platnou životní moudrost, obyč. nějakým přirovnáním n. metaforou“ (Kolektiv autorů 1935–1957); *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* (dále SSČ) takto: „lid. tradicí udržované mravní naučení v ustálené (větné) podobě“ (Kolektiv autorů 2000, s. 338). Neterminologické slovníkové definice tedy na mravní podstatu přísloví a na jejich moudrost poukazují; významovou definici z PSJČ lze dokonce označit za nápadně podobnou výše uvedené definici M. Domníváme se, že **není vhodné, aby se odborné významové definice lexémů, které mají dlouhou kulturní tradici a které jsou stále přítomné v běžné slovní zásobě, výrazně rozcházelý s tím, jak významu těchto výrazů rozumějí uživatelé jazyka**. Považujeme proto odklon novějších českých charakteristik a definic přísloví od tradičního vymezení za cestu špatným směrem.

2

V nedávné minulosti proběhlo v českém prostředí několik výzkumných šetření zaměřených na (tu širší, tu úžeji vymezenou) veřejnost a týkajících se přísloví. Šlo však typicky o výzkumy znalosti přísloví, ať už u reprezentativního vzorku populace (srov. Schindler 1996), nebo u mládeže (např. Čechová 2012, s. 105–119). Při těchto výzkumech však bylo zkoumáno pouze to, zda respondenti dané přísloví znají, popř. zda mu rozumějí, nikoli zda ho považují za přísloví.

Proto jsme v květnu 2018 provedli drobnou průzkumnou minisondou týkající se chápání pojmu přísloví u 19 respondentů-studentů NMgr. studia bohemistických oborů (zcela mimo paremiologický/frazeologický kontext). Respondentům jsme předložili 13 výpovědí s následujícím zadáním: „Prosím napište ke každému přísloví číslici od 0 do 4 vyjadřující míru jeho prototypičnosti: 4 znamená, že jde o víceméně prototypické přísloví, 0 znamená, že podle Vás o přísloví vůbec nejde. U každého čísla nižšího než 4 napište prosím stručné zdůvodnění, čím se daný příklad od prototypického přísloví liší.“ Základem množiny předložených výpovědí bylo osm prvků z první desítky Čermákova paremiologického minima češtiny, sestaveného na základě frekvence v Českém národním korpusu (Čermák 2007). Další tři výpovědi pocházely z první desítky českého paremiologického minima F. Schindlera, sestaveného na základě zjištěné míry známosti u reprezentativního vzorku populace (Schindler 1996). Množinu jsme doplnili o jedno z antipřísloví uváděných Kuzmovou (2017) a o jednu výpověď známou z tzv. normalizačního období, jejíž slovenský pendant za „skutočné antipříslovie“ prohlásil J. Mlacek (2008, s. 137). Celek vypadal takto:

Komu není rady, tomu není pomoci.

Účel světí prostředky.

Nic není zadarmo.

Oko za oko, zub za zub.

Mnoho povyku pro nic.

Pravda vítězí.

Kdo nekrade, okrádá rodinu.

Vlk se nažral a koza zůstala celá.

Všechno zlé je k něčemu dobré.

Kdo se směje naposled, ten má dlouhé vedení.

Boží mlýny melou pomalu, ale jistě.
Co Čech, to muzikant.
Pro dobrotu na žebrotu.

Výsledky sondy ukázaly, že prototypickým příslovím je první uvedené (průměrné hodnocení 4). Na druhé straně stupnice prototypičnosti se umístily výpovědi *Kdo se směje naposled, ten má dlouhé vedení* (1,37), *Pravda vítězí* (1,53), *Kdo nekrade, okrádá rodinu* (1,58), *Nic není zadarmo* (1,89), *Mnoho povyku pro nic* (2,21) a *Co Čech, to muzikant* (2,58). Jako nejméně prototypické přísloví respondenti podle očekávání označili parodickou modifikaci (převzatou z článku Kuzmova 2017) a onu normalizační průpovídku, ale ještě před ní se umístila „okřídlená slova“ *Pravda vítězí*.

Podstatnějšími výsledky než stanovení míry prototypičnosti však pro nás byly argumenty, jimiž respondenti zdůvodňovali, proč tu kterou výpověď nepovažují za (typické) přísloví. Jednou z opakujících se strategií odpovědi bylo označení daného výroku za něco jiného než přísloví, např. za parodii, vtip (*Kdo se směje naposled, ten má dlouhé vedení*), charakteristiku doby (*Kdo nekrade, okrádá rodinu*), floskuli či frázi (*Nic není zadarmo*; *Účel světí prostředky*), heslo či motto (*Pravda vítězí*; *Účel světí prostředky*), citát (*Mnoho povyku pro nic*; *Pravda vítězí*) nebo rčení (*Vlk se nažral a koza zůstala celá*; *Co Čech, to muzikant*).

Vedle toho či spolu s tím se v dotaznících objevila následující zdůvodnění:

- a) nevychází z lidové moudrosti / neodkazuje k lidové moudrosti (*Kdo nekrade, okrádá rodinu*; *Oko za oko, zub za zub*)
- b) neobrazné/přímé (*Nic není zadarmo*; *Mnoho povyku pro nic*; *Pravda vítězí*)
- c) bez obecného poučení / komentář bez poučení (*Kdo se směje naposled, ten má dlouhé vedení*; *Vlk se nažral a koza zůstala celá*; *Mnoho povyku pro nic*)
- d) neposkytuje morální poučení (*Kdo se směje naposled, ten má dlouhé vedení*; *Co Čech, to muzikant*; *Mnoho povyku pro nic*)
- e) morální poučení je převráceno / nevede k pozitivní mravní hodnotě (*Kdo nekrade, okrádá rodinu*)

Podle respondentů by tedy přísloví mělo **odkazovat k lidové moudrosti**, být **obrazné, nárokovat si obecnou platnost** a být **eticky pozitivní**.

3

Nyní se zaměříme na tyto čtyři kvality, probereme je jednu po druhé a položíme si otázku, co se stane, když se právě danou kvalitou výpověď odchýlí od typického přísloví.

Pokud ve slovním spojení *lidová moudrost* akcentujeme přívlastek *lidová*, vyloučíme z mnohiny přísloví výpovědi jiného než folklorního původu (takové výpovědi se někdy označují jako „okřídlená slova“). Pak bychom za přísloví nemohli pokládat výroky, jejichž autor je známý, ani výroky biblického původu. Označovat takové výroky za antipřísloví by však bylo pošetilé, není tu přítomen Mlackův (2008) „sém protikladnosti na tematické rovině“. Ostatně ani významová definice SŠČ nepožaduje po příslovích *lidový původ*, nýbrž pouze *udržování* lidovou tradicí. Pojem *moudrost* pak probereme níže v souvislosti s nárokem přísloví na obecnou platnost.

Na metaforičnosti přísloví, zdá se, trvá definice M, avšak už PSJČ ji označuje pouze za obvyklou a novější definice na ní netrvají vůbec. Prototypická přísloví nepochybně metaforická jsou; domníváme se však, že mezi přísloví lze zařadit i propoziční frazémy neobrazné, např. i proto, že míra obraznosti, tedy vzdálenosti mezi doslovným významem a aktuálním smyslem, může být různá.

Respondenti dále u předložených výroků opakovaně postrádali ponaučení, moudrost či obecné poučení. Je myslím zjevné, že jen některé z výroků jsou formulovány kategoricky a nárokují si obecnou platnost: např. *Nic není zadarmo*, *Všechno zlé je k něčemu dobré*, *Komu není rady, tomu není pomoci*, ale i *Kdo se směje naposled, ten má dlouhé vedení*. Jak je vidět na těchto příkladech, signálem tohoto nároku může být zájmeno – záporné, úplnostní, dvojice *kdo–ten*. Jiné výpovědi, např. *Vlk se nažral a koza zůstala celá* nebo *Mnoho povyku pro nic*, si absolutní platnost nenárokují: nenaznačují, že každý mohutný povyk se děje kvůli maličkosti ani že kvůli každé maličkosti nastane velký povyk apod. Aby nám bylo dobře rozuměno, podotýkáme, že samozřejmě každé přísloví lze funkčně použít jen v určité situaci, k níž se významově hodí, ale o to tu nejde: jen některá přísloví naznačují, že v dané situaci to „jinak být nemůže“. A raději ještě dodáváme, že nechceme tvrdit, že to opravdu „jinak být nemůže“ neboli že přísloví fakticky mají obecnou platnost – jde o to, že si ji nárokují. Ani výpovědi typu *Vlk se nažral a koza zůstala celá* a *Mnoho povyku pro nic* tedy za typická přísloví nepovažujeme, ale za antipřísloví bychom je neoznačili: nárok na obecnou platnost si nečiní, ale chybí u nich „sém protikladnosti“.

Námítka absence obecného ponaučení se objevovala také u výpovědi *Kdo se směje naposled, ten má dlouhé vedení*. Ta si, strukturně vzato, nárok na obecnou platnost činí, ale komunikanti (ani mluvčí, který ji pronáší!) tento nárok neberou vážně. Jakkoli nám tento rys nevážnosti připadá podstatný, nenavrhujeme ho jako ten, jenž má odlišit přísloví a antipřísloví, a souhlasíme s označováním takovýchto výroků za parodické aktualizace parémií.

Odborná definice M a obecná výkladová definice SSČ, uvedené výše, se shodovaly v tom, že vztahovaly přísloví k oblasti morálky, tedy k lidskému chování a jednání a hodnotovému protikladu dobra a zla. V souladu s tím i někteří respondenti naší minisondy odůvodňovali nezařazení některých předložených výpovědí mezi typická přísloví absencí morálního poučení. *Co Čech, to muzikant* vystihuje tradovanou zkušenost, ale pro normy lidského jednání z této zkušenosti nic neplyne. Ani výrok *Vlk se nažral a koza zůstala celá* nám neposkytuje vodítko pro mezilidské vztahy a orientaci v tom, co je dobré a co zlé. Ani zde však podle našeho názoru nejde o antipřísloví (není zde přítomen „sém protikladnosti“): respondenti takové výroky označovali jako *rčení*.

Z oblasti morálky samy sebe tematicky vyčleňují i parodické aktualizace typu *Kdo se směje naposled, ten má dlouhé vedení*. Jejich účelem není řídit chování adresátů a nabízet jim hodnotovou orientaci (byť i v nadsázce), nýbrž pobavit je jazykovou hrou, nečekanou pointou či zrušením obvyklé obraznosti. Za takové aktualizace (jakási *parapřísloví*, na skutečných parémiích *parodicky parazitující*) pokládáme i řadu výroků řazených M. Kuzmovou (2017) mezi antipřísloví, např. *Kdo jinému jámu kopá, je hrobař* nebo *Neříkej hip-hop, dokud ti nepřeskočí*.

Zbývá poslední rys, nesoulad s tradiční pozitivní morálkou. Výpověď je formulována tak, že si činí nárok na obecnou platnost, tematicky se dotýká oblasti (mezi)lidského chování, ale je hodnotově převrácená, odrazuje od ctnosti. V tomto hodnotovém smyslu *se staví proti* mravnímu systému vtesanému do tradičních lidových (i biblických) přísloví, je jejich *opakem, antipříslovím*. Zda taková výpověď vznikla popírající modifikací některého konkrétního přísloví, nebo nemá

přímou předlohu a nárok na obecnou platnost si zajišťuje využitím některé z obvyklých proverbiálních struktur a metaforičností, není podle našeho názoru podstatné. Z výroků obsažených v průzkumné sondě považujeme s. J. Mlackem (2008) za antipřísloví *Kdo nekrade, okrádá rodinu*; z příkladů uváděných Kuzmovou (2017) dále např. *S poctivostí nejdřív pojedeš* nebo *Kdo šetří, má za tři, kdo krade, má za deset*.

Navrhujeme tedy následující definici: antipřísloví je **krátký a zapamatovatelný propoziční frazém**, vzniklý buď modifikací existujícího přísloví (ve smyslu Miederově), nebo nápodobou některé z proverbiálních struktur v daném jazyce obvyklých, který (ať už spíše vážně, nebo žertem) **převrací tradiční pozitivní morálku**.

Článek vznikl v rámci řešení projektu *Progres Q17 – Příprava učitele a učitelská profese v kontextu vědy a výzkumu*. Autor děkuje respondentům za spolupráci.

Literatura

- Čechová, M.: *Řeč o řeči*. Praha: Academia, 2012.
- Čermák, F.: Franz Schindler: Das Sprichwort im heutigen Tschechischen. Empirische Untersuchung und semantische Beschreibung. *Slovo a slovesnost*, 1995, s. 313–316.
- Čermák, F.: *Frazeologie a idiomatika česká a obecná*. Praha: Karolinum, 2007.
- Čermák, F.: Přísloví. In Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (ed.): *Nový encyklopedický slovník češtiny*. 2017. URL: <https://www.czechency.org/slovník/PŘÍSLOVÍ> (staženo 2. 10. 2018).
- Fojtů, P.: Antipřísloví ve slovanských jazycích. In Severa, J. – Hrubá, W. (ed.): *Parémie národů slovanských V*. Ostrava: FF OU, 2010, s. 17–21.
- Kolektiv autorů: *Akademický slovník současné češtiny*. 2017–. URL: <http://www.slovníkcestiny.cz> (staženo 26. 11. 2018).
- Kolektiv autorů: *Příruční slovník jazyka českého*. 1935–1957. URL: <http://psjc.ujc.cas.cz/> (staženo 27. 11. 2018).
- Kolektiv autorů: *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. 2., opravené a doplněné vydání. Praha: Academia, 2000.
- Kuzmova, M.: Antipřísloví, také přísloví... (Tradiční česká přísloví a jejich proměny). In Rusinová, E. (ed.): *Přednášky a besedy z L. (jubilejního) ročníku Letní školy slovanských (bohemistických) studií*. Brno: Masarykova univerzita, 2017, s. 172–182.
- Mieder, W.: *Sprichwort, Redensart, Zitat: Tradierte Formelsprache in der Moderne*. Bern: Peter Lang, 1985.
- Mieder, W.: *Proverbs: a handbook*. Westport, CT: Greenwood Press, 2004.
- Mlack, J.: Súčasný premeny v paremiológii očami textovej lingvistiky. In Vilímek, V. (ed.): *Parémie národů slovanských IV*. Ostrava: OU, 2008, s. 132–138.
- Schindler, F.: *Das Sprichwort im heutigen Tschechischen. Empirische Untersuchung und semantische Beschreibung*. München: Verlag Otto Sagner, 1993.
- Schindler, F.: Sociolingvistické, paremiologické a paremiografické výsledky empirického výzkumu znalosti přísloví (Na základě anket 316 informátorů z Čech a Moravy). *Slovo a slovesnost*, 1996, s. 264–282.

FRAZEOLOGIE, KOGNITIVNÍ
A KULTURNÍ LINGVISTIKA

Фрагмент русско-чешской паремиологической картины мира (поле «Пьянство»)¹

Fragment of the Russian-Czech paremiological picture of the world
(field „Drunkenness“)

Валерий М. Мокиенко

Abstract

The paremiological and phraseological picture of the world described by J. A. Comenius is in many ways universal at the level of general ideographic blocks. Specifically, the linguistic embodiment of such a picture can have a rather pronounced national specificity, the amplitude of which depends on a particular thematic block. The paper offers a comparative analysis of Russian and Czech paremiology of „Drunkenness“ field. While it is more universal for proverbs, for phraseology (idioms and comparisons) it is more specific, which is due to specific sociolinguistic factors.

Аннотация

Паремиологическая и фразеологическая картина мира, обрисованная Я. А. Коменским, во многом универсальна на уровне общих идеографических блоков. Конкретно языковое же воплощение такой картины может иметь достаточно ярко выраженную национальную специфику, амплитуда которой зависит от конкретного тематического блока. В докладе предлагается сопоставительный анализ русской и чешской паремиологии поля «Пьянство». Если для пословиц оно более универсально, то для фразеологии (идиом и сравнений) оно более специфично, что обусловлено конкретными социолингвистическими факторами.

Key words: picture of the world, phraseme, Russian language, Czech language

Ключевые слова: картина мира, фразеологизм, русский язык, чешский язык

Паремиологическая и фразеологическая картина мира, обрисованная Я. А. Коменским в своей знаменитой книге *Orbis Pictus* (Comenius 1657), во многом универсальна на уровне общих идеографических блоков. Показательно при этом, что предшественником знаменитой «*Orbis pictus*» для Я. А. Коменского был его паремиологический сборник «*Moudrost*

¹ The study is funded by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00091 «The world of the Eastern Slavs in a paremiological interpretation: axiological dominants and their linguistic and cultural representation», implemented at St. Petersburg State University).

starých Cechů, za zrcadlo vystavená potomkům» (Komenský 1901). Выросший из собрания слов для книги «Thesaurus linguae Bohemicae», этот сборник был издан первоначально лишь как дополнение к первому изданию «Didaktiky české». Составленный в рукописи около 1630 года, он увидел свет вместе с «Didaktikou českou» только в 1849 году благодаря издательским усилиям «Matice české». Уже сам факт появления этой публикации «Moudrosti» и «Didaktiky» в едином книжном переплёте свидетельствует о том, сколь высоко Я. А. Коменский оценивал дидактические ресурсы паремиологического (resp. фразеологического) материала. Он действительно строил свою дидактическую «картину мира». именно на основе паремий. Вот несколько конкретных примеров из первых глав «Brány...» и «Moudrosti»:

Kapitola Brány

IV. O obloze.

Od času. Od místa.

V. O ohni.

VI. O věcech v povětří se dělajících.

VII. O vodách.

VIII. O zemi.

IX. O kameni.

и т.д.

Kapitola Moudrosti

I. Příslloví od oblahy vzata.

III. Od povětří a větru. Od oblaků, deště, sněhu, mrazu, ledu, hřímání.

VII. Od vody, studnic, řek, moře.

VI. Od země, rovin, hor.

VII. Od kamení.

Перед нами, собственно говоря, – одна из первых в европейской традиции идеографических классификаций лексики и фразеологии в широком смысле последнего термина. Идеография помогла систематизировать большой учебный материал, что и открывало учащимся «bránu do světa». Тематическая группировка паремий с интерпретаций их внутренней формы на долгое время стала одним из ведущих классификационных принципов в славянской паремиологии.

Языковое же воплощение такой картины может иметь достаточно ярко выраженную национальную специфику, амплитуда которой зависит от конкретного тематического блока. Благодаря популярности когнитивного подхода к паремиологии и фразеологии и интенсивным исследованиям в области реконструкции языковой картины мира, лансированным в современную лингвистику А. Вежбицкой (1996) и её многочисленными последователями, многие блоки такой «картинной» мозаики уже изучены. Такие концепты, как «Судьба», «Душа», «Истина», «Обман», «Деньги» и под. уже многократно и всесторонне растиражированы на материале многих языков, особенно славянских, где концепция А. Вежбицкой снискала особую популярность.

При этом, однако, для нас, богемистов и патриотов Чехии и её научных традиций, до сих пор непонятно, почему идеи и «картинное» идеографическое членение мира, предложенное в середине XVII-го века Я. А. Коменским, предано у фразеологов забвению. Предано, несмотря на то, что в самой Чехии идеи «Учителя народов» востребованы в учебной практике, а его книги постоянно переиздаются – особенно в пересказе для школьников и гимназистов. В 2015–2016 гг. министерство культуры Чехии даже объявило конкурс

на грант тем, кто занимается литературным наследием Я. А. Коменского. А конференции в Праге под кодовым названием «Мир в картинках и во фразеологии» – прямое свидетельство того, что в гостеприимной Чехии чтут память того, кто был предтечей современной теории языковой картины мира, когнитологии и концептологии.

Понятно, что современные «реконструкторы» языковой картины мира нацелены прежде всего на позитивные её спектры, ибо стремятся «в лингвокартинках» найти зеркальное отображение национального менталитета, загадочной русской, чешской или немецкой «души», корни материальной и духовной картины народа. Язык, однако, амбивалентен и стремится к диалектическому отражению материального и духовного мира человека. Более того, – в паремиологии и фразеологии негативно оценочная, экспрессивная семантика даже преобладает над позитивной, что заметил ещё один из патриархов фразеологии Л. И. Ройзензон в начале 70-х годов прошлого века (Ройзензон 1972).

Одним из таких явно негативных фрагментов фразеологической картины мира является семантическое поле «Пьянство». Это поле по понятным причинам вызывает меньший интерес у современных реконструкторов языковой картины: ведь коннотативный «лейбл», маркирующий это поле, – явный антикомплимент каждой отдельно взятой «национальной душе».

Правда, если очень постараться, то и это поле может быть превращено в «национальную гордость великоросса», «великочеха» и т.д., ибо само обилие ярких образов и метафор может исследователя подтолкнуть к такой патриотической мысли. Так, С.Б. Цыганков в докладе «Отражение русского менталитета в семантике единиц фразеологической группы «опьянение», сделанном в Туле в 2007 году (Цыганков 2007) пришёл к типичному для искателей собственно русской «картины мира» выводу: «Итак, русская фразеология является отражением культуры русского народа. В единицах фразеосемантической группы «опьянение» отразились: 1) физическое состояние опьянения, в котором пребывает субъект; 2) степень опьянения субъекта; 3) состояние опьянения как причина совершаемых действий, составляющие соответствующие микрогруппы данной группы. ФЕ, входящие во фразеосемантическую группу «опьянение» представляют собой уникальный лингвокультурологический материал, изучение которого способствует более глубокому пониманию «загадочной» русской души» (Цыганков 2007, 109). Как говорится – комментарии излишни. Автор, увлечённый действительно «уникальным» фразеологическим материалом, и не замечает, куда его привели поиски «загадочной русской души». Она, по его мнению, уникальна именно потому, что покоится, вроде восточного джина, на дне бутылки. Причём бутылки, наполненной алкоголем.

Конечно, пьянство на Руси, – как и в других цивилизованных и нецивилизованных странах, – имеет древнюю историю. До сих пор шутливым оправданием распития спиртных напитков служит крылатая фраза, записанная древнекиевским летописцем Нестором – «Веселие Руси есть пити». Эти слова принадлежат князю Владимиру Святославовичу (ум. 1015), Владимиру Красное Солнышко, крестившему в 988 году Киевскую Русь. Узнав от магометанских проповедников, что их религия запрещает употребление вина, он, по свидетельству летописца, якобы ответил на их предложение принять магометанство словами: «Руси веселие есть пити, не может без того и быти».

Конечно, на Руси и в Чехии пили, пьют, и будут пить, что делает сбор слов и выражений

на тему «Пьянство» благодатным материалом для лексикографических обобщений. Не случайно В.И. Даль в своём «Напутном» к собранию «Пословицы русского народа» для иллюстрации своего понимания термина *поговорка* в качестве примеров этого типа единиц приводит именно обороты нашего тематического ряда: «Поговорка заменяет только прямую речь окольною, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает. Она не говорит: он пьян, а скажет: У него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он не свиснет, он закатил за ворот, он по одной половице не пройдет, он мыслете пишет и пр.» (ДП 1957, 20). Естественно поэтому, что попытки описания такого семантического поля предпринимались в разное время в разных странах в разных «дозировках». Известный польский поэт и переводчик Юлиан Тувим, например, издал в 1933 году «Słownik pijacki» («Словарь пьяницы»), который был недавно переиздан с дополнениями (Tuwim 2000). Чешский автор Ченек Зибрт выпустил в начале прошлого века небольшую брошюрку с говорящим названием: «Kolikrát Čech řekne jest opilý» («Сколько раз чех скажет ‘он пьян’») с подбором синонимов, обозначающих пьяного человека (Zíbrt). А совсем недавно эту тему основательно осветили на материалах Чешского национального корпуса М. Копршивова и О. Рихтерова (Kopřivová – Richterová 2018). Этнограф П. Тиханов издал в 1904 г. (Тиханов 1904) небольшую брошюрку под «закодированным» названием «Криптогlossарий», в которой даётся список около 100 русских разговорных и просторечных слов и выражений на тему «выпить».

Немецкая же лингвистика и лексикография давно плодотворно обрабатывает это семантическое поле. Достаточно сказать, что уже в 1890 году в Берлине было издано обширное семасиологическое исследование Германа Шрадера «Das Trinken in mehr als 500 Gleichnissen und Redensarten», в котором сделана попытка представить интересующую нас лексику и фразеологию как единую семасиологическую систему (Schradler 1890). Немало полезных погружений в семантическое поле «Пьянство» можно найти и у современных лингвистов, – в том числе тех, кто анализирует славянскую лексику и фразеологию (ср., напр.: Василевич 1989; Пуиг 1999; Sielicki 1997 и др.).

Моя коллега проф. Л.И. Степанова уже 23 года назад пристрастилась к этой проблематике и в Оломоуце сделала доклад «К динамике чешских фразеологизмов (семантическое поле «пьянство»», где показала, как современная чешская фразеология обогащает свой экспрессивный потенциал на основе именно этой тематической группы (Степанова 1995). Вершиной славистического увлечения данной проблематикой, пожалуй, стал «Русский алкословарь-справочник или Весёлая наука выпивать», созданный под руководством проф. Х. Вальтера целой группой его учеников в Грайфсвальде (словарь Алкословарь 2005). Это в своём роде компактная языковая энциклопедия семантического поля «Пьянства», в которой описано около 5 000 «алкоголических» лексем и фразем. В этом словаре нашли отражение все нюансы оценки пьянства носителями русского языка: – от односторонне решительного осуждения и осмеяния этого порочного явления до шуточного подтрунивания над этой человеческой слабости или даже её апологетики. И это, между прочим, – свидетельство объективного отражения диалектики того фрагмента действительности, который ими описывался. Именно поэтому число паремий, характеризующих пьянство, во всех языках столь велико.

Для пословиц общая характеристика этого явления, в сущности, универсальна,

ибо дидактическая доминанта, им свойственная, концентрирует их семантику либо на полюсе осуждения пьянства, либо шутливо-осмеяния, либо – признания этого порока относительно по сравнению с другими отрицательными свойствами человеческой натуры.

Так, пословица *Пить до дна – не видать добра* или чеш. *Kdo pije rum, udělá bum* (Bachmanová – Suksov 2007, с. 19) решительно осуждают пьянство, как и древняя греческая пословица «Пьянство – маленькое бешенство» (ή μέθη μικρά μανία εστί – Михельсон 2, с. 160) соответствует русской *Пьянство – самовольное сумасшествие* (Соколова 2009, с. 470) или чешской *Vino i moudrého poblázní* (Bittnerová – Schindler 1997, с. 88). Конечно, немало и шутивно-иронических пословиц, которые, на первый взгляд, даже оправдывают этот порок – например, *Пьяный проспится, а дурак никогда* или *Пить – пей, только дело разумеи*, но и в них сокрыто то же дидактическое осуждение пьянства.

Нередко даже пословицы о пьянстве становятся весьма поучительным предостережением от последствий этого порока. Вот полезная паремиологическая констатация, зафиксированная уже в древнечешском языке в XVI-веке: *Žena opilá (ožralá) rufka (kurva) hotová*. В. Флайшганс, сборник старочешских пословиц которого нам с Л. И. Степановой удалось недавно переиздать, приводит и его немецкую параллель – *truncken Weib gemeiner Leib* (Flajšhans 1913 2, с. 1888), что придаёт этой рекомендации общеевропейскую масштабность. Да и в русских собраниях пословиц уже с XVII-го века фиксируются подобные паремии: *Баба пьяна – вся чужа; Пьяная баба чужая; Пьяная баба чужая корысть; Баба пьяна – жопа чужа; Пьяная баба сама не своя*; яросл. *Пьяная баба свиньям прибава (приваба) – т.е. приманка* и под. (Мокиенко – Никитина – Николаева 2010, с. 27). Если бы эту древнюю народную европейскую мудрость соблюдали современные американские мужчины, то брендовая акция под кодовым названием «Me too!» в США потеряла бы, вероятно, свой смысл.

Если пословицы о пьянстве, как мы видели, дидактически более или менее универсальны, то фразеологизмы коннотативно более специфичны, что обусловлено конкретными социолингвистическими факторами. Их семантика и стилистический диапазон более широк, что можно наблюдать даже на примерах литературных языков. Мы с А. К. Бирихом и Л. И. Степановой попытались систематизировать такие различия на русском материале в словаре фразеологических синонимов (Бирих – Мокиенко – Степанова 2009). Вот несколько градаций процесса и результатов опьянения, описанных в этом справочнике:

ПЬЯНСТВОВАТЬ • Заглядывать в рюмку (в рюмочку); прикладываться / приложиться к бутылке; закладывать / заложить (заливать / залить) за галстук. *Шутл.*; закладывать / заложить (заливать / залить) за воротник. *Прост. ирон.*; закладывать / заложить (заливать / залить) за кадык. *Устар. прост. ирон.* Время от времени предаваться пьянству, попить.

Наливать / налить бельмы. *Прост. неодобр.*; наливать / налить глаза. *Прост. неодобр.*; заливать / залить глаза вином. *Прост. неодобр.* Очень сильно напиваться.

Придерживаться рюмочки. *Устар.*; придерживаться стаканчика. *Устар.*; совершать / совершить возлияние (возлияния). *Книжн. высок. или шутл.*; приносить / принести жертву Вакху (Бахусу). *Устар. книжн. шутл.* Иметь пристрастие к алкоголю, любить выпить; регулярно напиваться.

Пить беспробудно; пить беспросыпно; пить без просыпу. *Прост.*; пить не просыхая.

Прост.; пить горькую; пить мёртвую. Напиваться до полного бесчувствия, предаваться безудержному пьянству.

Входить / войти в штопор. *Нов.* Войти в запой.

Заливать / залить горе вином. О сильно пьянствующем с горя человеке.

Промочить (прополоскать) горло (глотку), раздавить бутылочку. *Прост. ум.-ласк.*; пропускать / пропустить по рюмочке (рюмочку, по рюмашке, рюмашку. *Ум.-ласк.*); пропускать / пропустить по маленькой (по махонькой). *Шутл.*; пропускать / пропустить стаканчик (по стаканчику). *Ум.-ласк.* Выпивать немного алкоголя (время от времени).

Пить (напиваться / напитокся) как сапожник; пить как лошадь. *Прост.*; пить как бочка. *Нар.*; пить как бездонная бочка (как бочка с изъяном. *Редко*). *Нар.*; пить как грецкая губка. *Устар.*; пить как мастер портной. *Устар.*; пить как старый морской волк. О много пьющем, не знающем меры в потреблении алкоголя человеке. (с. 166).

ВЫПИВАТЬ / ВЫПИТЬ • Промочить (прополоскать) горло (глотку); раздавить бутылочку. *Прост. ум.-ласк.*; пропускать / пропустить по рюмочке (рюмочку, по рюмашке, рюмашку). *Ум.-ласк.*; пропускать / пропустить по маленькой (по махонькой). *Шутл.*; закладывать / заложить (заливать / залить) за галстук; закладывать / заложить (заливать / залить) за воротник. *Шутл.*; муху раздавить (задавить, зашибить). *Прост.* Выпивать немного алкоголя.

Соображать / сообразить на троих. *Прост.*; скидываться / скинуться по рваному (по рублю, по рублюку). *Грубо-прост.* Покупать алкоголь в складчину для совместного распития.

Раздавить бутылку (косушку). *Прост.*; брать / взять (принимать/ принять) на грудь [*что*]. Выпить спиртного, водки. (с. 45).

НАПИВАТЬСЯ / НАПИТЬСЯ (ПИТЬ) • Напиваться (пить) / напитокся до положения риз. *Прост.*; напиваться (пить) / напитокся до бесчувствия (до потери сознания); напиваться / напитокся до упора. *Прост.*; напиваться / напитокся до чёртиков (до зелёного змия). *Шутл.*; напиваться / напитокся до синего дыму. *Прост.*; напиваться (пить) / напитокся до белой горячки; напиваться (пить) / напитокся до потери пульса. *Нов. шутл.*; напиваться (пить) / напитокся до поросячьего визга. *Презр. шутл.*; напиваться (пить) / напитокся как сапожник; напиваться (пить) / напитокся как свинья. *Грубо-прост.*; напиваться (пить) / напитокся как зюзя. *Прост.*; напиваться (пить) / напитокся как змий; напиваться / напитокся как зонтик. *Нов.*; напиваться / напитокся в доску. *Прост.*; напиваться / напитокся в драбадан. *Устар.* (вдрабадан, в дребадан). *Прост.*; напиваться / напитокся в дребь. *Устар.* (вдребь). *Обл.*; напиваться / напитокся в дрезину. *Прост.*; напиваться / напитокся в дым (в дымину). *Прост.*; напиваться / напитокся в лоск. *Прост.*; напиваться / напитокся в стельку. *Прост.*; напиваться / напитокся как стелька. *Прост.*; напиваться / напитокся в дугу. *Прост.*; напиваться / напитокся вусмерть. *Прост.*; заливать / залить (наливать / налить) глаза; заливать / залить фары. *Прост.*; заливать / залить шары (зенки. *Жарг.*). *Прост.* Очень сильно напиваться, пить; быть пьяницей.

Закладывать / заложить (заливать / залить) за галстук. *Шутл.* Изрядно выпивать.

Прикладываться / приложиться к бутылке. Выпивать.

Хлебнуть (выпить) лишнее. Много выпить; напитокся.

Раздавить (зашибить, задавить) муху. *Прост.* Выпить вина; напитокся.

Совершать / совершить возлияние (возлияния). *Книжн. высок* или *шутл.*; приносить / принести жертву Вакху (Бахусу). *Устар. книжн. шутл.* Выпивать. (с. 101).

ПЬЯНЫЙ • Языком не ворочает; «папа-мама» сказать не может; двух слов сказать (связать, выговорить) не может. Настолько пьян, что потерял способность говорить.

На ногах не стоит; заплетает ногами; пишет (выписывает) ногами вензеля; пишет ногами вавилоны. *Устар.*; выделяет ногами кренделя; пишет ногами мыслете. *Устар.* Настолько пьян, что не способен удержаться в стоячем положении, идет заплетающейся походкой, двигается зигзагами.

В глазах двоится у *кого*. Настолько пьян, что не способен что-л. чётко видеть.

Еле можаху (можахом). *Устар. шутл.*; лыка не вяжет. *Прост.* Настолько пьян, что не способен ничего делать, ничего не может.

Под хмельком; под градусом; под градэ. *Прост.*; под балдой, под банкой. *Прост. шутл.*; под шофе. *Устар.* (подшофе), под шефе. *Устар.* (подшефе). *Прост.*; под мухой; под куражом. *Устар. прост.*; в кураже. *Устар. прост.*; в подпитии. *Шутл.* В состоянии легкого опьянения, опьяняющего возбуждения.

Под [полной] нагрузкой. *Прост.*; в [полном] отрубке. *Жарг.* В состоянии опьянения, изрядно выпив.

Пьян в стельку (как стелька); пьян в доску. *Прост.*; пьян в драбадан. *Устар.* (вдрабадан), в дребадан. *Устар.* (вдребадан). *Прост.*; пьян в дребь. *Устар.* (вдревь). *Обл.*; пьян в дым (в дымину). *Прост.*; пьян в дрезину. *Грубо-прост.*; пьян в дрызг. *Устар.* (вдрызг). *Прост.*; пьян в лоск. *Прост.*; пьян в дугу. *Прост.*; пьян в дупель. *Грубо-прост.*; пьян вусмерть. *Прост.*; мертвецки пьян; напился до упора. *Прост.*; пьян как грецкая губка. *Устар. прост.*; пьян как чурбан. *Прост.*; пьян как колода. *Нар.* Пьян чрезвычайно сильно, до полного бесчувствия и отупения.

Пьян как свинья; пьян как зюзя; пьян как сапожник; пьян как чёрт; напился как змий; напился как Змей Горыныч. *Шутл.*; напился как зонтик. *Нов. жарг.* О напившемся до безобразного состояния человеке.

Напился до чёртиков; напился до зелёного змия; напился до белой горячки; напился до потери пульса. О напившемся до галлюцинаций человеке.

С бодуна. *Жарг.* В состоянии похмелья, алкогольно-абстинентного синдрома. (с. 166–167).

Как видим, даже фразеология, отражённая литературным русским языком, отличается ярким разнообразием. Ещё более ярка и масштабна палитра этого идеографического поля в народной речи. При этом основные структурно-семантические модели её образования, отражённые в литературном языке, и здесь активно воспроизводятся. Так, модель *пьян в стельку, в доску, в драбадан, вдрабадан, в дребадан, вдребадан, в дребь, вдревь, пьян в дым, в дымину, в дрезину, в дугу* и под. чрезвычайно активна в диалектной речи. Вот лишь часть таких оборотов, зафиксированная в наших словарях поговорок (Мокиенко, Никитина 2008) и народных сравнений (Мокиенко – Никитина 2008а), где к каждому из них приводится точная локализация, паспортизация источника и толкование:

пьяный в говно, напиться в грязь, напиться в дребездён, пьяный в дрязинушку, пьяный в дугу, пьян (пьяный) в дугарину, иди в дупель (вдупель), напиться (упиться) в дупель (вдупель), пьян (пьяный) в дупель (вдупель), (напиться) в душло, (пьян, пьяный) в душло,

напиться (упиться) в дыминку, напиться (упиться) в дыминушку, пьяный в дыминушку, пьяный (пьян) в жопу, пьяный в жопелину, пьяный в жопито, пьяный в жопуа, пьяный в каку, (пьян) в какашку, убиться в какашку, напиться в (во) корень, напиться в корягу, пьяный в корягу, пьян (пьяный) в лапшу, пьян в лоскут (в лоскуты), напиться в ляпок, бухой в матину, пьян (пьяный) в матинушку, пьяный в мотину, пьяный в муку, в мясину пьяный, напиться в мясо. пьяный в ноль, пьяный в педаль, становиться/ стать (встать) в пень, пьяный в пополам, напиться в прах, пьяный в прах, напиться в раскалинушку, пьян в раскалинушку, (пьяный) в рубероид, пьян в рямки, пьян в рядку, пьяный в сандаль, надраться в сардельку, пьян (пьяный, бухой) в сиську, в сноп упасть, кривой в сосиску, пьян (пьяный) в сосиску, упиться в сосиску, надраться в сраку, в уматень, (пьян, пьяный) в хлам, укуриться в хлам, (напиться) в шишки.

На первый взгляд может показаться, что эта структурно-семантическая модель уникальная, специфически русская. Однако, именно соответствие структуры, семантики и исходного «ударного» образа этой модели показывает её параллелизм с чешскими характеристиками пьянства. Вот аналогичные выражения, зафиксированные собранием «*Lidová rčení*» Я. Заоралека (Zaorálek 2000, с. 636) и словарём чешской фразеологии и идиоматики под ред. Фр. Чегмака и др. (SČF 2009, 1–4):

opilý na cimprcampř, na cucky, na dranc, na drť, na hadry, na knoty, na maděru, na makotinu, na tančáry, na tatěru, na mol, na molinu, na motyky, na němotu, do němoty, na padř, na rapíci, na ohrabku, na sračku, na ultimo, na žmach, na žmoch и др.

Особое сходство структурно-семантических моделей в тематической группе «Пьянство», естественно, обнаруживают устойчивые сравнения. Их образная мозаика поражает воображение и даже восхищение перед креативностью носителей языка, которые их создавали. Вот лишь часть чешских оборотов такого типа, зафиксированных Я. Заоралеком и составителями словаря чешской фразеологии и идиоматики:

nalitý jak buben, opilý jako snop, opilý jako cikán, napitý jako beleš, jako bouda, jako bukáč, nalítaný jako cepelín, navalený jako čagan, namazaný jako deka, nakulený (navalený) jako děkan, nacáknutej jako Dyjana, ožralý jako dub, napitý jako dudek, naditý jak farář, opilý jako haška, opilý jak kaňka, navalený jako kanón, opilý jako kočička (kočka), nasmolený jako kolomazník, opilý jako měch, opilý jako mol, natažený jako prut, napitý jak sekera, ožralý jak svině, opilý jak štěně, jako štika, jako štok, jako šutky, jako zvíře, napitý jako štětka, jako žbán, jako motyka, namáčaný jak súkeník, jako vápeník, naslopaný jak vůl, nachlámaný jak kráva, namazaný jak zajíc, napitý jak žába, pije jako starý granatník, jako štětkař..

Легко заметить, что такие сравнения образуют компактные блоки, объединённые тождественными или аналогичными образными представлениями – например, анималистическими (*jako dudek, jako kočička (kočka), jako mol, jak svině, jako zvíře, jak vůl, jak kráva, jak zajíc, jak žába*), «профессиональными» (*jako děkan, naditý jak farář, jak kolomazník, jak súkeník, jako starý granatník, jako štětkař, jako vápeník*) и под.

Русские устойчивые сравнения подчиняются той же образной логике и образуют мощные ряды подобного типа. Таковы, например, компаративы с наименованиями представителей разных профессий: *пьян как извозчик, пьяный как кочегар, нализаться как лакей, нажраться как пастух, наутюжиться (настегаться, напороться) как портной*. Конечно, пальму первенства в этом ряду держит *сапожник*, который является одним из

самых употребляемых «эталонов» горького пьяницы в России. Не случайно в народной речи распространено немало вариантов этого сравнения: *пить/ напиться (напиваться, нарезать/ нарезать)* как *сапожник*, (*пьян, пьяный*) как *сапожник*; *надудолиться* как *сапожник*, *накуликатся* как *сапожник*, *налимониться* как *сапожник*; *пить* как *сапожница* ‘о много пьющей женщине-пьянице’ и др.

Сопоставление русской и чешской народной фразеологии этой тематической группы не только показывает много общего в их структуре, семантике и образности, но и позволяет раскрыть этимологию некоторых из них. Так, носитель русского языка уверенно свяжет такие разговорно-просторечные и диалектные устойчивые сравнения, как брян., пск. *пьяный в дугу* (Бойцов 1986; ПОС 10, с. 36), краснояр. *пьян (пьяный) в дугарину* (Бахаева 2005, с. 9) „об очень пьяном человеке“ с *дугой* – «кривой линией в виде полукруга» или «частью конской упряжи из согнутого тонкого ствола дерева, служащей для прикрепления оглобель к хомуту». Однако, такая бытовая «расшифровка» опровергается именно чешской параллелью. Ведь употребительное чешское сравнение *pije jako duha* имеет и расширенный вариант *pije jako duha vodu* и каждый носитель чешского языка уверенно связывает её образ с чеш. *duha* „радуга“. Происхождение этого оборота убедительно раскрывает на основе чешских народных поверий В. Махек: «*píti jako duha: věřilo se, že duha oběma konci spočívajícími na zemi pije vodu, proto bude brzo opět déšť*» (Machek 1971, с. 133). Ср. записанные в архангельских, вологодских и селигерских говорах подобные представления: «Радуга – водопой („радуга“), он воду тянет на дождь. К дождю уж стоят водопои» (СРНГ 4, с. 344); «Радугу называют змеёй: она, опустивши жало своё в воду, набирает в себя воду, а после выпускает, отчего и бывает дождь» (СРНГ 11, с. 303); «Райдуга – анна воду пьёт с озера» (Селигер 2014, 6, с. 36). Это поверье известно большинству славян (СД 4, с. 387), однако в русском сравнении *пьяный в дугу* уже потеряло с ним этимологическую связь. И именно чешское сравнение позволяет вновь эту древнюю мифологическую связь обрести. Ср. также такие русские диалектные выражения, как шутил.-ирон. кар. *идти как радуга* „об идущем шатаясь пьяном человеке“ (СРГК 3, 386), с одной стороны, и кар. *брать воду [в море] как насос* „о радуге, интенсивно черпающей воду из моря“ (КСРГК).

Автор этих строк, занимаясь в начале 70-х годов прошлого века этимологией чешских фразеологизмов, наткнулся на популярное выражение *pije jako holamndr (holendr)* (пьёт как голландец) – „очень много пить, быть пьяницей“. Заглянув в этимологические словари, однако, я обнаружил, что слово *holendr* в них объясняется не как „голландец“, а весьма специализированно – как „машина для дробления тряпичного сырья при изготовлении бумаги, на быстро вращающиеся подшипники которой струйкой текла вода“. Так объяснял это выражение и В. Махек (Machek 1971, с. 174), так оно объясняется и во втором издании монументального словаря чешской фразеологии и идиоматики под редакцией Фр. Чермака и его соавторов: «*Holendr = papírenský stroj spotřebující množství vody je holandského původu*» (ŠČF 2009, 1, с. 117).

Первоначально такая расшифровка поговорки о чешских пьяницах мне показалась убедительно и заманчивой: ведь такой *holendr*, действительно, как бы «пьёт» стекающую на него из жёлоба воду. Но прошло некоторое время и вдруг в пражском трамвае в далёком 1966 году я услышал другое, современное сравнение о пьянице – *pije jako Dán* (пьёт как датчанин). Оно, кстати, так распространилось, что вошло сейчас и в словарь чешской

фразеологии и идиоматики в разных глагольных вариантах: *vožralej (napařenej, zlitej) jako Dán pít jako Dán* (SČF 2009, 1, с. 79). Это подвигло меня на поиск близких сравнений такого рода в русском, чешском и других европейских языках. И действительно, этнонимы как *tertium comparationis* пьяного человека в народной речи отражены. В русском просторечии и диалектах, например, записаны сравнения *насвистаться как немец*, «о напившемся допьяна человеке», где *насвистаться* – «сильно напиться» (Михельсон 1994, 2, с. 475), в костромских и северодвинских говорах – *пьян как грек* «об очень пьяном человеке» (СРНГ 7, с. 131), а в современном молодежном жаргоне – *пьян как сто китайцев* «о человеке в состоянии сильного алкогольного опьянения» (Никитина 2003, с. 279). В народной чешской речи давно бытует сравнение *opilý jako cikán* (Zaorálek 2000, с. 638).

И действительно, никто этот древнейший порок человечества не считает своим собственным, «родной» национальной чертой. Обычно пьяницами оказываются представители других народов: у французов *soûl (gris, ivre) comme un Polonais* «пьёт как поляк», у сербов *пије као Рус* «пьёт как русский», у болгар – *пия катп циганин* «пьёт как цыган» и т.д. Нередко за такими сравнениями видят отражение каких-либо конкретных исторических реминисценций – например, происхождение французского оборота связывают с пребыванием польских солдат во Франции в период Великой империи (Rey – Chantreau 1997, с. 747).

Вот почему в то лето, когда в пражском трамвае я записал оборот *pije jako Dán*, я провёл языковой эксперимент на летних курсах чешского языка в Карловом университете, опросив студентов разных национальностей, с кем они сравнивают своих пьяниц. Результаты опроса оказались поразительны. У датской девушки я спросил, почему чехи считают пьяницами именно датчан, на что она с возмущением ответила, что в датском языке «пьют как норвежцы». Норвежец же мне ответил, что они пьяниц сравнивают со шведами. Между прочим, и в Баварии и Австрии бытует сравнение *trinkt wie Tausend Schweden*. Шведка же сказала мне с достоинством, что у них на родине пьяницы «пьют как финны». Осталось расспросить студента из Финляндии, после ответа которого мне, славянину, проводить дальше этот языковой эксперимент расхотелось. Ведь финн, смущаясь, поведал, что их пьяницы – «пьют как русские». Коннотативный круг, увы, замкнулся...

Этот языковой эксперимент помог мне доказать, что в основе загадочного чешского выражения всё-таки кроется не узко специализированный образ, а обозначение одного из германоязычных народов – голландца (Mokienko 1973). Между прочим, слово *holendr* – не что иное, как заимствование из немецкого *Holländer*. В исторических источниках обнаружили и реальные корни такого представления о пьяницах. Ведь в средние века в Чехию в поисках заработка приезжали голландские плотники и дровосеки, которые (по мнению, конечно, коренных обитателей страны) вдали от родины и семьи пили больше, чем чехи. Кстати, именно такого же происхождения и другой старый фразеологический синоним этого сравнения – *pije jako Flamendr* «пьёт как фламандец». *Flamendr* – фламандец вообще стал в чешском языке бранным обозначением гуляки и дебошира.

История чешского сравнения является, как кажется, хорошим предостережением против сложившихся языковых и культурологических стереотипов. Ведь то, что многие народы собственный язык, нравы, обычаи понимают и любят больше, чем чужие, непонятные, – вполне естественно. Вполне естественно и то, что первая реакция на чужое

и непривычное – отрицательная. Вот почему и такое зло, как «Пьянство» во многих культурах и языках не просто осуждают, но и приписывают его каким-либо иным народам. А если говорят о нём самокритично, как о национальном пороке, то обычно – с долей иронии, шуток, снисхождения, а не прямого осуждения. Лингвистический анализ такого рода фразеологии позволяет восстановить объективную языковую картину пьянства как добровольного сумасшествия. И я уверен, что на нашем дружеском фуршете никто из нас не перейдёт той грани «весёлого искусства выпивать», за которой начинается национализм или, в лучшем случае – патриотизм, а все участники нашей конференции здесь будут равны и толерантны.

Литература

- Русский алкословарь-справочник или Весёлая наука выпивать. Учебные материалы по социолингвистике.* Алварт, Е. – Вовк, О. – Киллат, Г. – Могучая, Л. – Пралат, К. – Руд, Т. – Харабин, Р. – Шромэк, К. – Вальтер, Х. (eds.). Greifswald, 2005.
- Бахаева, Т. Ю.: *Устойчивые сочетания в русских говорах южных районов Красноярского края.* Автореф. канд. дисс. ... филол. наук. Санкт Петербург, 2005.
- Бирих, А. К. – Мокиенко, В. М. – Степанова, Л. И.: *Словарь фразеологических синонимов русского языка.* Москва: АСТ, 2009.
- Бойцов, С. А.: *Устойчивые сравнения в брянских говорах.* Канд. дис... филол. наук. Ленинград, 1986.
- Василевич, А. П.: К исследованию ассоциативного поля слова «выпить». In *Функционирование текста в речевой деятельности.* Москва, 1989, с. 170–182.
- Вежбицкая, Анна: *Язык. Культура. Познание.* Москва: Русские словари, 1996.
- Даль, В. И.: *Пословицы русского народа.* Москва: Художественная литература, 1957.
- КСРГК: *Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей.* Ркр, кафедра русского языка, филологический фак-т СПбГУ.
- Лаврова, Е.: *Отношение к пьянству в пословицах и поговорках русского народа.* Интернет, 28. 10. 2003.
- Ломакина, О. В.: Концепт «ПЬЯНСТВО» и его отражение во фразеологии (на материале русской литературы 2-й пол. XIX в.). In *Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы*, Т. 2. Sofia: Heron Press, 2007, с. 202–206.
- Михельсон, М. И.: *Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний.* Предисловие и комментарии В. М. Мокиенко. – Москва: «Русские словари», 1994.
- Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г.: *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений.* Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
- Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г.: *Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений.* Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
- Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г. – Николаева, Е. К.: *Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц.* Москва: «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
- Никитина, Т. Г.: *Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым.* Мос-

- ква: ООО «Издательство Астрель», 2003.
- ПОС: *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ларин, Б. А. (red.). Ленинград: СПб: изд-во ЛГУ–СПбГУ, 1967–2017.
- Пуиг, М. С.: Сатуративный способ действия в глаголах описания состояния опьянения. *Russistik*, 1999, № 1–2, с. 63–67.
- Ройзензон, Л. И.: Фразеология и страноведение. *Бюллетень по фразеологии*. Самарканд, 1972, № 1, с. 12–19.
- СД 1995–2012: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И.Толстого*. Т. 1, А–Г. Москва: Международные отношения, 1995. Т. 2, Д–К (Крошки). Москва: Международные отношения, 1999. Т. 3, К (Круг) — П (Перепелка). Москва: Международные отношения, 2004. Т. 4, П (Переправа через воду) – С (Сито). Москва: Международные отношения, 2009. Т. 5, С (Сказка) – Я (Ящерица). Москва: Международные отношения, 2012.
- Селигер: *Материалы по русской диалектологии*. Варина, С. Н. –Богданова, Н. В. –Петрова, З. А. А. С. Герд (red.) Вып. 1, А–Г, Санкт Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2003. Вып. 2, Д–И, Санкт Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2004. Вып. 3, К–М, Санкт Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2007. Вып. 4, Н–П, Санкт Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2010. Вып. 5, П, Санкт Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2013. Вып. 6, Р, Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2014, Санкт Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2007. Вып. 7, С–У, Санкт Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2017.
- Соколова, М. И.: *Народная мудрость. Пословицы и поговорки*. Новосибирск: ЗАО ИПП Офсет, 2009.
- СРГК: *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Герд, А. С. (red.). Вып. 1–6, Санкт Петербург: изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ: *Словарь русских народных говоров*. Филин, Ф. П. – Сороколетов, Ф. П. (reds.). Вып. 1–50. Ленинград – Санкт Петербург, 1965–2018.
- Степанова, Л. И.: К динамике чешских фразеологизмов (семантическое поле «пьянство»). In *Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры*. Оломоуц: Оломоуцкий университет, 1995, с. 68–70.
- Тиханов, П.: *Криптогlossарий. Представление глагола выпить*. Санкт Петербург: Типография В.С.Балашева, 1904.
- Цыганков, С. Б.: Отражение русского менталитета в семантике единиц фразеологической группы «опьянение». In *Знание. Язык. Культура. Материалы Международной научной конференции «Славянские языки и культура»*. Тула: изд-во «Петровская Гора», 2007, с. 106–109.
- Bittnerová, Dana – Schindler, Franz: *Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století*. Praha: Karolinum, nakladatelství Univerzity Karlovy, 1997.
- Comenius, Johan Amos: *Orbis Sensualium Pictus*. Levoča, 1657.
- Flajšhans, Václav. *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská*. Díl I (A–N), díl II (O–Ru). Mokienko, Valeriej – Štěpanova, Ljudmila. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.

- Komenský, Jan Amos: Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. Z rukopisu Lesenského. In *Spisy Jana Amosa Komenského*. Číslo 2, Praha, 1901.
- Kopřivová, Marie – Richterová, Olga: Požívání alkoholu a jeho následky z pohledu frazeologie. Ústav Českého národního korpusu, FF UK Praha, 2018 (v tisku)
- Machek, Václav: *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1971.
- Mokienko, Valerij: Pije jako holendr – nebo jako Holendr? *Naše řeč*, 1973, № 2, s. 85–89.
- Rey, Alain – Chantreau, Sophie: *Dictionnaire des expressions et locutions*. Paris : Édités par les Dictionnaires le Robert, 1990.
- Schrader, German: *Das Trinken in mehr als 500 Gleichnissen und Redensarten*. Berlin, 1890.
- SČF 2009 1–4: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Díl 1–4. Čermák, František a kolektiv. Praha: LEDA, 2009.
- Sielicki, Franciszek: Zwrot folklorystyczny „пить питье церковное”. In *Słowianie wschodni. Między językiem a kulturą. Księga jubileuszowa dedykowana Prof. W. Witkowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Kraków, 1997, s. 205–206.
- Tuwim, Julian: *Polski słownik pijacki*. Warszawa: Lech Majewski Studio, 2000.
- Zaorálek, Jaroslav: *Lidová rčení*. Praha: Akademie věd České republiky, 2000.
- Zíbrt, Čeněk: Kolikrát Čech řekne jest opilý. In *Vydrovy besedy XIII*.

Ветер не только в голове: метеоним в русской и чешской картинах мира

The wind is not only in the head: the metonym in the Russian and Czech pictures of the world

Елена Селиверстова

Abstract

A significant fragment of the linguistic picture of the world has been made up of a person's perception of weather phenomena and related associations, their benefits and harms, that is, what are natural phenomena in the real world, but also what they look like to a person, with what they are compared, how they are being rethought and evaluated. Stereotypical ideas about wind in Russian and Czech and both cultures are reflected in different phraseological units. Comparative units, for example, reflect such characteristics as speed (слетать ветерком “fly with a breeze”; *utíkat s větrem o závod*), the ability to make noise, whistle and other sounds (шуметь как ветер в пустую трубу “make noise like the wind in an empty pipe”), the ability to move and eliminate objects (как ветер взял ‘disappeared’; как с ветру ‘unexpectedly appeared’), the ability to physically affect objects – shake, hit, etc. The characteristics of a person reflect the variability and inconstancy, uncontrollability of the wind (*nestálý jako vítr*; свободный как ветер в поле “free as the wind in the field”), surprise and speed of appearance (*přihnát se jako vítr*), quickness, whirling (*točit se jako vítr*).

Аннотация

Значительный фрагмент языковой картины мира составляют представления человека о погодных явлениях связанных с ними ассоциациях, об их пользе и вреде, то есть о том, какими они бывают в реальном мире, но также о том, какими они кажутся человеку, с чем сравниваются, как переосмысливаются и оцениваются. Стереотипные представления о ветре в русском и чешском языке и обеих культурах отражаются в различных фразеологических единицах. В сравнениях, например, отражены такие признаки, как скорость (*слетать ветерком*; *utíkat s větrem o závod*), способность шуметь, свистеть и издавать иные звуки (*шуметь, как ветер в пустую трубу*), способность перемещать и устранять предметы (*как ветер взял* – ‘об исчезнувшем’; *как с ветру* – ‘о неожиданно появившемся’), способность физически воздействовать на них – колебать, трясти, ударять и т.д. В характеристиках человека за счет использования образа ветра отразились переменчивость и непостоянство, неуправляемость (*nestálý jako vítr*, (кто-л.) *свободный как ветер в поле*), неожиданность и быстрота появления (*přihnát se jako vítr*), прыткость, оборотистость (*točit se jako vítr*) и др.

Key words: wind, natural properties, rethinking, Czech, Russian, stereotype, national specifics, similarities.

Ключевые слова: ветер, природные свойства, переосмысление, русский, чешский, стереотип, национальная специфика, сходство.

1. Введение

Человек осуществляет когнитивную деятельность в отношении метеорологических явлений, сопряженных с его существованием и часто определяющих его, и не может поэтому не воспринимать и не осмысливать их. Именно этим объясняется наличие в каждом из языков значительного по объему массива как лексических единиц, так и устойчивых словосочетаний, вербализующих стереотипные представления о самых разных природных явлениях их признаках – о погоде, о смене времен года и их характеристиках (Гукова 2002; Драчук 1990; Маругина – Ламинская 2010; Перфильева 2008; Рябых 2006; У Вэй 2012; Цзу Сюэцин 2009 и др.), о водных пространствах окружающего мира (достаточно вспомнить конференцию 2013 г. в Будапеште, целиком посвященную фразеологическому материалу, вербализующему представления носителей разных славянских языков о воде, и доклады, посвященные установлению общего и национально-специфического в человеческом восприятии одной из четырех природных стихий – в виде водоемов: реки, моря, океана, омута и проч.; см., в частности: Артемова 2013, Бочина 2013; Осадчая 2013; Прохорова, Чекулай 2013; Селиверстова 2013; Vychnáčová 2013 и др.; ср. также: Ван Хунвэй 2017 и др.).

Способы вербализации концепта «Гроза» стали предметом изучения в диссертационной работе О. С. Фисенко (2005), в ходе которой автор для определения структуры концепта опирается на описание взаимоотношения его компонентов – метеоконцептов «молния», «дождь», «град», «гром», «осадки», «ветер» и «состояние атмосферы», рассматривает «обыденные и научные когнитивные признаки, которые актуализируются в различном наборе и объеме в процессе речевой деятельности в разных профессиональных и коммуникативных ситуациях осмысления и обсуждения концепта» (Фисенко 2005).

А. А. Рольгайзер, прежде чем обратиться к концептуальной универсалии «звезда», вербализованной средствами двух языков – русского и французского, очерчивает весьма широкий круг исследований, обращенных к этнической концептуальной картине мира и рассматривающих базовые концепты мира природы – «погода», «цветок», «дерево», «ландшафт», «радуга», «небо», «луна», «солнце» и многие другие (Рольгайзер 2013).

В современных исследованиях, ориентированных на изучение картины мира и отдельных ее фрагментов, концептосферы и ее элементов, представляющих, как непосредственно воспринимаемый носителями языка мир укладывается в определенные когнитивные модели, «реализованные в языковых знаках», и языковые схемы, объединяющие «различные формы и способы выражения в соответствующем языке знаний об отдельных фрагментах мира» (Пименова 2005, с. 17–18), выделена система метеорологических

концептов – *метеонимов*, связанных с различными аспектами материальной и духовной жизни человека (там же, с. 81–82).

К настоящему моменту рассмотрены, например, в качестве самостоятельных такие явления, как различные виды осадков – снега, дождя и града, объединенных своей водной природой и анализируемых учеными на разном языковом материале (см. работу Т. Н. Тимковой, 2013). Так, в рамках одного языка весьма детальное исследование, направленное на выявление тонких нюансов в осмыслении и оценке дождя как проявления «народной метеорологии», вербализованных средствами русского языка, предпринято В. П. Васильевым (2003), представившим в результате анализа явления, номинируемого лексемой *дождь* и вербализаторами *капля, дождевка, брызги, выпадасть, горошины* и др., более 30 признаков различного свойства – физического, интенсивного, консистенциального, количественного, аксиологического, территориального свойства (см. также работу, посвященную культурно маркированному классу языковых единиц, отражающих представление о граде: Васильев 2007).

Убедительно показаны сходство и различия в стереотипных представлениях, явленных в языковых воплощениях концептов-метеонимов – дождя, снега, града, характерных для носителей двух культур и языков: французов и русских (Домбровская 2006), русских и китайцев (Ма Сянфэй 2017).

Интерес, проявляемый к векторам осмысления и оценки языковых единиц, номинирующих отдельные явления природы и в том числе – метеонимы, объясняется, с одной стороны, значительностью лексико-семантических парадигм, объединяющих вербализаторы близких или одних и тех же явлений (ср., например, слова *ветер, вихрь, шквал, ураган, тайфун, торнадо, метель* и проч.), впечатляющей совокупностью признаков и определенных лингвокультурных установок, связанных с подобными концептами. Например, в собрании чешских пословиц – словаре Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлера – приводятся паремии, реализующие стереотипные представления о способности ветра повалить слабого, немощного (*Dnes člověk, že by skály lámal, a zítra by ho větřík povalil* BŠ: 68), о неразумности и рискованности противодействия ветру (*Proti větru těžko pískat; Proti větru nelze (těžko) čurat* BŠ: 35, 72, 83), о подчиненности ветру флюгера (*Na makovici korouhvička po větru se obrací* BŠ: 106) и послушности парусов (*Jak vítr duje, tak plachty se obracejí* BŠ: 106) и т.д.

Ветер входит в число метеонимов – лексем, характеризующих строение атмосферы и её частей, а также тепловые, электрические и воздушные явления в ней. Это один из базовых концептов, связанных с различными аспектами материальной и духовной жизни (Пименова 2005, с. 81–82), о чем свидетельствует как весьма значительная группа представленных в русском языке их лексических вербализаторов, так и объем отражающих эти явления устойчивых выражений – фразеологизмов, пословиц, сравнений.

Ветер – природное явление, присутствующее в нашей жизни в той или иной степени почти постоянно. Поэтому не удивительно многообразие словосочетаний, в которых отражается представление о нем носителей языка, восприятие и оценка влияния ветра на нашу жизнь и его весьма разнообразных «способностей». Например, такой признак ветра, как его способность производить весьма широкий спектр разнообразных звуков,

вербализуется, согласно данным Национального корпуса русского языка, значительной парадигмой глаголов: ветер *свистит, гудит, поет, шумит, воет, стонет, ревет, шуришит* и т.д. А в повести Д. Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра», где «обезумевшие ветры Иудейской пустыни» являются чуть ли не действующим лицом, звучит «целый оркестр»: *всхлипнуть, заплакать, подсвистывать, застонать, запричитать, заохать* и др. (см. подробнее: Селиверстова 2016).

Многочисленные характеристики ветра проецируются на иные явления и предметы окружающей жизни. Ассоциативный спектр концепта ветер делает его актуальной лексической единицей, широко используемой в медиатекстах (Сегал – Мартынюк 2017, с. 52–53). Анализ лексикографических данных о лексеме *ветер* (vent) и других способах номинации ветра во французском языке позволяют Ю. Е. Ломоносовой выявить особые признаки концепта «ветер», появление которых объясняется географическим положением Франции, ее климатическими особенностями и т.д. Не менее важными видится исследователю и способность говорящих использовать сведения о ветре для выражения утилитарной и гедонистической оценки (Ломоносова 2008, с. 65)¹.

Наиболее важные векторы восприятия ветра запечатлелись в устойчивых выражениях языка – сравнениях, поговорках и пословицах, хотя и они не исчерпывают многообразия выделяемых говорящими черт и проводимых ассоциаций. Славянский языковой материал, особенно в части устойчивых выражений, обнаруживает, как правило, известную долю совпадений, объясняемую как близостью языков, так и сходством взглядов на окружающий мир².

Опираясь на словари устойчивых выражений русского и чешского языков, мы выделили совокупность изречений и оборотов, в которых в той или иной форме отразилась какая-либо черта ветра. Приведем небольшую статистику: индекс Словаря-тезауруса современной русской идиоматики А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского позволяет насчитать 30 оборотов с компонентом *ветер*, а вместе с данными Большого словаря поговорок В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной эта цифра составляет 75 единиц – и это не считая многих устойчивых сравнений, которые мы также привлекаем к анализу. Источниками чешского материала послужили преимущественно Словарь чешской фразеологии и идиоматики под редакцией Ф. Чермака и чешско-русский фразеологический словарь В. М. Мокиенко и Альфреда Вурма. Словарь пословиц Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлера существенно пополняет этот массив.

Приводя собранный нами материал и обнаруженные представления, отразившиеся в устойчивых выражениях двух языков, мы идем от русского материала, сопровождая его комментариями о наличии или отсутствии в чешском языке и культуре близких (аналогичных) мотивов, ассоциаций и лингвокультурных установок. Это позволит нам выявить стереотипные представления – как совпадающие или близкие в двух языках и культурах, так и этномаркированные, отмеченные ощутимой спецификой.

¹ К этому материалу обращаются также Е. В. Ильина (2013), Лю Яньчунь (2012) и др.

² К таким выводам приходят, например, авторы в результате анализа массива устойчивых сравнений славянских языков – русского, польского, чешского, хорватского и др., образно характеризующих крепкий сон человека (Николаева – Селиверстова 2016).

2. Результаты исследования

Сущность ветра, состоящая в том, чтобы ДУТЬ (1) «нести, гнать струи воздуха, приводить воздух в движение» (СРЯ.1, с. 454) и дающая возможность перемещать, удалять какие-либо предметы – отразилась в выражениях, реализующих семантику появления и исчезновения.

2.1 В речевой формуле *Каким ветром [занесло, принесло]*(кого-л. / что-л. / куда-л.)? акцентируется, как указывают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, в первую очередь незнание и непонимание причин **появления** чего-л./ кого-л. СТ: 559. Ср. также: [*Как с ветру (с ветра)*] – „О неожиданно явившемся куда-л. человеке“ БССр.: 93.

Интересно шутивное осмысление причин беременности, вина за которую вследствие недостатка информации возлагается на ветер: *ветер под подол попал* – „О женщине, забеременевшей и родившей вне брака“ БСПог.: 81; *найти по ветру* БСПог.: 82; *ветром надуло* СТ: 756. Для последнего из выражений приводятся в словаре поговорок под ред. В. М. Мокиенко и иные значения: Неодобр. „О чем-л., нажитом нечестным способом; Шутл. О чем-л. появившемся неожиданно, неизвестно откуда“ БСПог., с. 82.

Чешских аналогий мы не обнаружили ни в первом, ни во втором случае.

2.2 Широко представлен в русских устойчивых выражениях мотив **отсутствия, бесследного исчезновения** вследствие **сдувания, сметания, выдувания** ветром: *как ветром сдуло* (кого-л., что-л.) СТ: 305; *как (словно, точно) ветром сдуло (сдунуло, смело) [с лица земли]* – Неодобр. „О внезапном и бесследном исчезновении кого-л., чего-л.“; *как порывом ветра сдуло* БССр., с. 529. Ср. также диалектные сравнения: *как ветер слизал/ сдул* кого – Волгогр. „О пропавшем, исчезнувшем, убежавшем человеке“ БССр.: 92; *как ветер взял* – Арх. „Об очень быстро исчезнувшем, распроданном, расхвачанном (напр., о привезенных в магазин товарах)“ БССр., с. 92.

Представление о том, что брошенное (или упавшее) и подхваченное ветром легко и быстро исчезает, развеивается, вербализуется в оборотах, имеющих в обоих языках и указывающих на **бездумную и неоправданную трату денег, имущества** и проч. (**расточительность**). Ср. рус. *пустить/ пускать по ветру* (что-л.) СТ, с. 834; [*бросать*] *деньги на ветер* СТ, с. 834; *бросать (кидать, швырять, пускать) на ветер (по ветру); развеивать по ветру* БСПог., с. 81, 83 и чешский эквивалентный оборот *vyhazovat peníze do větru* MW, с. 582. С образом ветра сочетается и представление о домово́й трубе как пути, по которому можно что-либо утратить бесследно, исключая тем самым какой-либо иной, положительный результат или позитивную перспективу: *высвистеть* (что-л.) *как ветер в трубу* – Неодобр. „О человеке, беззаботно и быстро промотавшем большое состояние, истратившем какие-л. деньги“ БССр., с. 92.

Семантику бездумных и неоправданных трат реализуют и выражения *рыться на ветер* – Неодобр. „Растрчивать деньги впустую“ и *пойти на ветер* – „Быть растрченным (о деньгах, имуществе и т.п.)“ БСПог., с. 82. Тем более интересно на этом фоне выражение *жить на ветер*, одно из значений которого – „жить легкомысленно, расточительно“ БСПог., с. 82; ср. также: *жить ветром* – Неодобр. „О чьей-л. **ветреной, легкомысленной, наполненной**

сиюминутными заботами **жизни**“ БССр., с. 93. В свете приведенных выражений смысл, выражаемый сочетанием «делать что-л. на ветер», представляется клишированной характеристикой различных легкомысленных, бездумных, расточительных и потому осуждаемых действий, а разнообразие глаголов, вступающих в сочетание с предложно-падежной формой *на ветер* (и др.), свидетельствует в пользу самостоятельности данного адвербиального выражения, что и отмечено в Большом словаре русских поговорок (БСПог., с. 82).

2.3 Способность ветра **разметать, разнести в разные стороны** отразилась в русском обороте *как ветром разнесло* – Неодобр. „О людях, разъехавшихся в разные стороны“ БССр.: 93 и в чешском выражении *pustit něco do větru* со значением „упомануть о чем-л., что разнесётся, т.е. станет достоянием широкого круга людей; проболтаться“ Č., с. 270.

2.4. Легкость, с которой ветер способен **носить (переносить, разносить) незначительные по весу предметы**, распространяется носителями языка на многие явления, подчиняющиеся силе ветра: ср.: *хоть на ветер бросай, хоть за ветром пускай* – „О чем-л. очень легком, невесомом“ БСПог., с. 82. Близка к этому характеристика очень худого, болезненного человека, имеющего незначительный вес: *хоть по-за ветром пусти* – Неодобр. или шутил.-ирон. БСПог., с. 82; *хоть ветром шатай* БСПог., с. 82. Ассоциация весовой легкости с ветреностью и непостоянством зафиксирована в выражении *Куда ветер дует, [туда и его несет]* – „О легкомысленном, непостоянном человеке“ БСПог., с. 82. Весьма специфически используется мотив переноса чего-либо ветром в обороте о наведении на кого-л. сглаза, порчи: *послать по ветру* на кого БСПог., с. 82.

Одна из ядерных ассоциаций в общей совокупности векторов осмысления ветра – это перенос способности ветра на восприятие **речи** и мотивация ее оценки говорящими. Так, русская и чешская пословицы *Собака лает – ветер носит* СТ, с. 281 и *Pes štěká, vítr odnáší* ВЃ, с. 95 предлагают не придавать значения чужим словам, не считать их важными, пренебречь содержащимся в них негативным смыслом и т.д. Ср. также близкое по смыслу русское изречение *Чужие речи, что ветер в поле* – Пренебр. „Слова людей переменчивы, преходящи“ БССр., с. 93, не стоит принимать их всерьез. Хотя здесь, как нам кажется, нельзя исключить и следующее толкование: „На чужое мнение нельзя воздействовать, оно свободно и неуправляемо“.

Аналогия между тем, что подвластно перемещению ветром, и тем, что **не имеет особой важности** (легкость есть проявление незначимости, пустоты), усматривается и в сравнении *лаяться, что ветер носит* – Арх. Неодобр. „О чьей-л. пустой, бессмысленной брани, ругани“ БССр., с. 92. Как видим, значение „всякое; всё, что носимо ветром, т.е. все без разбора“ порождает и иной семантический оттенок – „**бессодержательность, бессмысленность**“.

Русский оборот *говорить/ сказать на ветер* выступает также и в значениях „**лгать**“³ и „говорить тихо, невнятно, с опаской“ БСПог., с. 81.

³ Ср.: «Иван Захарыч чувствовал, что говорит на ветер, что кредиту у него нет, что он и не имеет права надеяться... [П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)].

Отсутствие воздействия слова на слушающего также может быть передано с использованием образа речи, уносимой ветром и потому не имеющей эффекта: (говорить что кому) *как на ветер* – Неодобр. „О **бесполезности разговора** с кем-л., увещаний, поучений“ БССР., с. 92. Семантика бесполезности реализуется чешским фразеологизмом *pusťit něco do větru*, что значит „игнорировать, не внимать, пренебречь сказанным“ Č., с. 270, „наплевать“.

Пустое сотрясение воздуха и **бессодержательность** речи характеризуют и чешские обороты с образом ветра *řeči (slova) do větru* – „пустые, напрасные“ MW, с. 582; *házet slova do větru* MW, с. 475, а также пословица *Planá slova vítr odnáší* BŠ., с. 121 (букв. Пустые, бесполезные слова ветер уносит).

Весомость слов и, следовательно, ответственность за них, **верность** данному кому-либо **обещанию** также характеризуются с учетом возможностей ветра. Ср.: *бросать слова на ветер* и *не бросать слов/слова на ветер* – **бесследность унесенного ветром** здесь приравнивается к **безрезультатности, безответственности, неискренности** СТ, с. 367, 432. Ср. чеш.: *mluvit (plácát, kafrat) do větru* MW, с. 582; *nemluvit do větru* – „трезво оценивая ситуацию, в своих угрозах, обещаниях, обязательствах осознавать полноту ответственности“ Č., с. 270. Семантика безответственности или, наоборот, трезвого, серьезного отношения к делу подтверждается и контекстами обоих языков. Например, в чешском: «*Plácání do větru*» Nepochopím, jak člověk, který nic neumí, jen *plácát nesmysly*, má odvalu se ještě veřejně ukazovat! Napište konečně něco pozitivního a hlavně splnitelného! [Parlamentní Listy.cz]⁴. Да, не спорьте, Иван Арнольдович, я ведь уж понял. Я же *никогда не говорю на ветер*, вы это отлично знаете. [М. А. Булгаков. Собачье сердце (1925)]. Таким образом, ветер становится барометром серьезности отношения к делу, ответственности за свои слова и действия

2.5 Представление о **порывистости** ветра, способного **погасить огонь** или, наоборот, **раздуть** пламя, легло в основу нескольких диалектных выражений. Так, поговорка *ветер задул лампадку* имеет значение (перм.) „кто-либо умер“ БСПог., с. 81, а выражение *как ветер дунул* (брянск.) – говорит „о ком-л. внезапно умершем“ БССР., с. 92.

2.6 Свойство ветра иметь определенное **направление** и ощутимую силу, делающие **бесполезным противодействие ему**, породили в обоих языках такие выражения о тщетности усилий и проявления упорства, как *дуть против ветра* – „противиться, возражать, не подчиняться“ БСПог., с. 82; *плевать против ветра* СТ, с. 916; *мочиться (ссать) против ветра* – Неприл., сниж. СТ, с. 916; сравнения (делать что-л.) *все равно, что половик против ветра трясти*; *все равно, что плевать (ссать) против ветра* – (Вульг.) Прост. Ирон. 1. „О совершенной бесполезности каких-либо действий, сопротивления, борьбы, уговоров кого-л.“ 2. „О риске, что чьи-л. действия обернутся против действующего“ БССР., с. 93, 519. Мотив противодействия ветру широко представлен и в чешской фразеологии: *foukat (plivat) proti větru*; *močit (čurat) proti větru*; *jít (plout) proti větru* MW, с. 583; Č., с. 269.

⁴ URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/profilu/Ing-Aleksandra-Udzenija-2463/otazka/Placani-do-vetru-111666> (дата вхождения: 11.11.2018)

С направлением ветра связаны и такие выражения, как *на семи ветрах* – „о месте, открытом всем ветрам“ РСС, с. 591; БСПог., с. 82 и *роза ветров* – „ветры, дующие одновременно в разных направлениях, графическое изображение повторяемости направления ветров в каком-н. определенном месте“ РСС, с. 591.

3. Достаточно активен в русской фразеологии – при отсутствии в чешском языковом сознании – и мотив **замещения (или вымещения/ выдувания) ветром** в каком-либо пространстве (помещении, сосуде) необходимого там **содержимого** – например, теплого воздуха из помещения.

3.1 Так, оборот *в (чьих-л.) карманах гуляет (свистит) ветер* (снижен.) СТ, с. 822; БСПог., с. 81 говорит о **бедности, безденежье**. Полное отсутствие в карманах денег, которым, по жизненной логике, положено там быть, подчеркивается глаголом *гуляет* („перемещается в разных направлениях на широком свободном пространстве“ СРЯ1, с. 357).

Отсюда, как нам представляется, и значение жаргонного выражения *ветер в хате*– „о квартире, где свободно и просторно, где нечего, помимо ветра, взять“ БСПог., с. 81.

3.2 Аналогичным образом мотив «гуляющего ветра», но уже в голове, формирует в русской фразеологии семантику **несерьезности, легкомыслия, ненадежности**: *с ветром в голове* СТ, с. 737; *ветер [гуляет, свистит, ходит] в голове* (чьей, у кого) СТ, с. 737, БСПог., с. 81. Использование образа ветра для характеристики легкомысленного человека обнаруживается и в чешском обороте *je do větru* (букв. кто-либо на ветер) MW, с. 582.

Семантика несерьезности, легкомысленного отношения к чему-либо проявляется и в оборотах иной структуры, но также основанных на образе ветра: (кто-либо) *вей ветер* – Волг. Неодобр. „О непостоянном, ненадёжном человеке“; *Ветер на уме* у кого. Разг. Устар. Неодобр. „О легкомысленном поведении, несерьёзном отношении к делу“ БСПог., с. 81⁵.

4. Один из устойчивых параметров ветра в языковой картине мира – его **СКОРОСТЬ**, о чем нам сообщают, как правило, в сводках погоды, поэтому понятна и логична связь упоминания ветра с характеристикой в устойчивых сочетаниях **высокой скорости передвижения** человека или предмета. Ср. рус. *бегать/ бежать/ лететь [быстро] как/ словно ветер* – „О быстро, стремительно бегущем человеке“; „О всаднике“ БССр., с. 92; *(про)нестись, (про)мчаться, (про)лететь, перескочить* (что) и т.п. *как ветер* – „О стремительно движущемся человеке, животном, транспорте“ (ср. вихрь, стрела, ракета) БССр., с. 93. Сравнение *как ветер* обнаруживается в самых разных сочетаниях: *быстрый как ветер* – „Об очень быстром, стремительном и порывистом в движениях человеке“ БССр., с. 92; *делать/сделать что как ветер* – Пск. Одобр. „Об очень быстром, порывистом исполнении чего-л.“ БССр., с. 92; *как ветром пронесло* – „О чем-л. быстрым, стремительном“ БССр., с. 93. Ср. также показ быстрого перемещения во фразеологизмах *с ветерком* СТ,

⁵ Это подтверждается и данными ассоциативных ловарей, где приведено слово *ветер*, названное в качестве реакции на стимулы *пустоголовый, балбес, безмозглый, беспечность* РАС.2, с. 78.

с. 181 и *слетать ветерком* (куда, за чем) БССР., с. 91. Для показа высокой скорости передвижения в чешском языке, помимо совпадающих с русскими оборотов *běhat / hnát se / přiběhnout / přihnát se jako vítr* MW, с. 583, используется мотив соперничества с ветром – *jet (uhánět, běžet) s větrem o závod* (букв. бежать, гнаться с ветром наперегонки) Č., с. 269, MW, с. 582, однако сравнение человека с ветром – *je jako vítr* MW, с. 583 – может говорить носителю чешского языка и о сноровке, позитивно оцениваемом умении делать что-либо быстро: *je do práce jako vítr* MW, с. 583, об общем жизненном тоне, непосредливости, проворстве женщины: *mít vítr v sukních* (букв. у нее ветер в юбках) MW, с. 583.

5. Ассоциация ветра с **жизненными трудностями, невзгодами** порождается, на наш взгляд, представлением о границе между домом (помещением) и внешней средой, улицей, продуваемой ветрами (отсюда и оборот [*выйти/сходить*] *do ветру (ветра)* – Эвфем. „Об отправлении естественной надобности“ СТ, с. 753, БСПог., с. 82). Характеристика тяжелого существования представлена в обороте *жить на ветер* (во 2-м знач.) – Прибайк. БСПог., с. 82, что объясняется, вероятно, сложными условиями жизни, трудностью передвижения и выполнения работы при сильном ветре. Интересно, что представление о «ветреной погоде» распространяется и на психоэмоциональную обстановку: *жить на ветру (на стуже)* – „Об отсутствии сердечности, теплоты“ БСПог., с. 82.

6. Способность ветра **воздействовать** на явления живой природы (деревья, кусты, цветы и др.), предметы – ветер *качает, мотает, треплет, завивает* и т.д.⁶ – и, конечно, человека не могла не отразиться в устойчивых выражениях обоих языков. Ср.: *гнутьяся/шататься как тростник (тростинка, былинка) на ветру; раскачиваться как ясень под ветром; ровно ветром пошатывает кого-либо* – „О шаткой походке пьяного“ БССР., с. 93; *ветром шатает кого-л.* – „О слабом, болезненном“; *прыгать/запрыгать как скорлупочка на ветру* БССР., с. 93.

Легкость, с которой ветер подхватывает предметы, может в переносном смысле распространяться и на человека. Ср. выражение *ветром подбит (подшит)*, характеризующее пустого, легкомысленного человека РСС, с. 591, который, вероятно, с легкостью может пуститься в сомнительные авантюры. Близким к этому, на наш взгляд, является чешский оборот *je pořád ve větru* – „вечно его где-то носит, он где-то шляется“ MW, с. 583.

Весьма выразителен образ в обороте *трепаться (треплется) как кобылячий хвост на ветру*, пренебрежительно характеризующем, с одной стороны, болтливого человека, пустомелю, а с другой – распутного, разбитного человека БССР., с. 93.

7. Бесспорна способность ветра создавать колебания воздуха и ПРОИЗВОДИТЬ определенные ЗВУКИ, в том числе – за счет контакта воздушных потоков с попадающимися на его пути стационарными предметами. Так, ветер, согласно контекстам, гудит *в проводах*,

⁶ Ср.: «Ветер *треплет* волосы, мы несемся по шоссе, прямому как стрела. [Екатерина Завершнева. Высота (2012)]; Летний ветер *мотает* Зелень длинных ветвей. [Михаил Кралин. «Двух голосов переключка» (Иван Бунин и Анна Ахматова) (2002) // «Наш современник», 2002.06.15]; Ветер *качает* кроны деревьев. Инжир, айву, алычу. [В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)]; И видел женщину, <...> глядевшую сумрачными глазами за околицу, где ветер *завивает* пыль. [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность (1954)].

в стропилах колокольни, в соснах/ в березах, в рыболовных снастях⁷ и т.д. Это порождает ряд звуковых ассоциаций, отразившихся в устойчивых выражениях, например: *как ветер в трубу* выть – „о монотонном, с завываниями, свисте“ БССР., с. 93; *шуметь как ветер в пустую трубу (в пустой трубе)* – Народн. Неодобр. „О впусую шумящем, затевающем скандал человеке“ БССР., с. 93; *шумный как ветер* – Жарг. Шутл. „Об очень пьяном, шумном, скандальном“ БССР., с. 93.

Образ звучащего в трубе ветра – отнюдь не случаен: в его основе реальные жизненные наблюдения за вибрацией стенок трубы при порывах ветра. Ср. строки Федора Сологуба:

Ветер в трубе
Воет о чьей-то судьбе, —
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит (Ветер в трубе...).

Образ становится неким эталоном как в оценке физического состояния, так и в характеристике умственных способностей человека. Ср.: *у голове гудить (гудёт), как ветер в трубе* – Кубан. Неодобр. „О болезненном ощущении гула в голове (при повышенном давлении)“, Шутл. „О состоянии похмелья“ БССР., с. 92. Звук ветра в голове, свидетельствующий о пустоте «сосуда» – *в голове у кого гудит, как ветер в трубе*, – формирует негативно-ироническую семантику: „О пустоголовом, неумном человеке“.

8. Ветер как имеющий определенную силу, скорость и направление становится в языковом сознании говорящих параметром, определяющим везение и жизненный успех. Знание того, *откуда ветер дует*, и русском языке, и в чешском – ср. *znát (vědět, cítit, tušit, poznat), odkud fouká (vane, věje) vítr* MW, с. 583 – сопряжено с пониманием причин каких-либо процессов и событий, чьих-либо поступков и поведения. В русском разговорно-иронический оборот *знать, откуда (куда) ветер дует* выступает в значении „Иметь исключительное чутье на изменение обстановки, обстоятельств и уметь быстро (часто угодливо и лицемерно) к ним приспособливаться“ БСПог., с. 82. Здесь, таким образом, проявляется и семантика ловкости, хитрости, но также и беспринципности, конформизма, более явно выступающая в русских выражениях *смотреть, куда ветер дует* БСПог., с. 82 и *держат нос по ветру* СТ, с. 529.

Семантику беспринципности реализует и образ предмета, подчиняющегося ветру и вызывающего аналогию с бесхарактерным, корыстным и т.п. человеком, легко меняющим свои взгляды под влиянием обстоятельств, ситуации: *Kam vítr, tam plášť* (букв. куда ветер, туда и плащ) Č., с. 269; *točit se po větru* Č., с. 271 (букв. крутиться по ветру) – оборот отсылает нас к образу послушного ветру флюгера.

Как показывает наш материал с одной стороны, ветер может «способствовать» преуспеваю, и для чешского языкового сознания здесь актуально несколько образов: *chytit vítr* Č., с. 269 (букв. поймать ветер) – „с выгодой для себя и с перспективой

⁷ Ср. также: *Ветер гудит в медных старинных пушках*, словно это не пушки, а сигнальные трубы. – Оооо! – глухо зовут они. [Юрий Дружков (Постников). Волшебная школа (1984)]. *Ветер гудит в выбитых окнах*, где-то что-то поскрипывает, и – ни огонька. Темно. Холодно. Пусто. [Олег Глазов. Заговорщик (2000)].

сориентироваться в обстановке, вовремя почувствовать назревающие тенденции“; *mít vítr v zádech* Č., с. 270 – „сложившаяся ситуация, условия способствуют преуспеваю, выгоде“. Весьма актуален в наши дни образ ветра в парусах: ср. *nabírat vítr do plachet* (букв. набирать ветер в паруса) – „развиваться, набирать силу“. Образ ветра, необходимого для движения парусника, используется и в оборотах, противоположных по значению: *hnát někomu vítr do plachet* MW, с. 583 (букв. гнать ветер в паруса кому-л.) и *brát (sebrat) vítr z plachet někomu* – „обезоружить, лишит козырей“ (букв. забрать ветер из чьих-л. парусов) MW, с. 583. Интересно, что русский оборот *чувствовать ветер в [своих] парусах* помещается авторами фразеологического словаря в раздел «Успех, победа» (СТ, с. 889). На наш взгляд, этот оборот характеризует состояние уверенности, куража, боевого настроения.

Интересно в русской фразеологии различие, выявляемое между выражением *Ветер (вам) в спину!* – речевой формулой выпроваживания, сопровождаемого чувством облегчения (ср.: *Валите в свой Париж, ветер вам в спину!* СТ, с. 411), и выражением с близкой внутренней формой – *Попутного ветра!* БСПог., с. 82, вербализующим пожелание удачи.⁸

Предчувствие грядущих перемен, особенно негативных, помогает избежать их нежелательных последствий за счет своевременных шагов: ср. чеш. *Brát vítr* – ‘принюхиваться, чуют’ MW, с. 583, *mít dobrý vítr* – фактически речь идет о некоем шестом чувстве, способности предугадывать.

Ветер связан в наших представлениях с понятиями подветренной и наветренной сторон, что отражается в выражениях, характеризующих избираемую кем-либо трусоватым, неуверенным безопасную позицию, отличную от другой, более рискованной – *být za větrem, postavit se (schovat se) za větrem* (букв. быть / встать/ спрятаться за ветром) Č., с. 269–270.

9. Оставляя в стороне всем известные физиологические «ветры» (*mít větry* Č., с. 271; *пускать ветры* СТ, с. 753), остановимся еще на одной особенности осмысления ветра как проявлении **свободы, отсутствии ограничений**. В русском языковом сознании методом ассоциативного эксперимента была установлена связь воли, отождествляемой со свободой, с небом, птицей, полетом, простором, ветром, стихией и т.д. (Петровых 2002, с. 216). Ср. выражение *свободный (свободен) как ветер* СТ, с. 616; *вольный (свободный) как ветер [в поле]* – „о совершенно свободном, не связанном никакими обязательствами, делами, заботами человеке“ МНСр., с. 92; диал. *просторный как ветер* – Ирк. „О чем-л. не ограниченном в пространстве“ МНСр., с. 92. Семантика свободы подразумевает и свободу перемещения, и свободу от каких-либо серьезных дел, обязательств перед кем-л., непостоянство, чем и объясняется неодобрительное отношение к человеку, сравниваемому с ветром в поле: так говорится о легкомысленном, несерьезном человеке, ветреннике; о непостоянном, ненадежном, о свободном, вольном, способном мгновенно исчезнуть: ср. *Ищи [как] ветра в поле!* СТ, с. 30.

10. Одна из распространенных обобщенных мотивировок – «осуществлять невозможное,

⁸ Образ попутного ветра используется в речи, по данным словаря-тезауруса, и в таких сочетаниях, как *ждать попутного ветра, поймать попутный ветер* и др., осмысляясь как некая помощь, благоприятные условия, забота, протекция и др. С, с.: 687.

нереальное действие» – объясняет проявление семантики „бездельничать“ в выражениях с образом ветра: *пинать ветер, глотать ветер* БСПог., с. 82; чеш. *ondulovat vítr* Č., с. 270 (букв. делать завивку (прическу) ветру).

11. Нельзя не отметить особо современное использование образа ветра в чешских оборотах *dostat/mít z někoho vítr*, выразительно характеризующих состояние, которое отчасти можно определить с помощью русского экспрессивного разговорного глагола *достать*. Ср.: *Он меня достал!* Авторы словаря приводят ряд ситуаций, располагающих к использованию этого фразеологизма: придирчивый начальник, безрадостная и утомительная работа, экзамены и проч., т.е. трудности/ неприятности, которых хочется избежать, которые пугают, страшат и отравляют существование Č., с. 270. Так, на вопрос, заданный в интернет-чате, *Máte z někoho vítr?* получены ответы нескольких респондентов, указавших а) на свою жену, утомляющую его в повседневной жизни; б) на стоматолога, который гоняет по малейшему поводу свою пациентку в больницу; в) на ситуации, которые никак не удается контролировать, и т.д.⁹

12. Выводы

Итак, суммируя наши наблюдения, можно сказать, что обиденное восприятие ветра носителями русского и чешского языков и культур, отраженное в устойчивых выражениях, весьма многоаспектно, что свидетельствует о месте этого метеоявления в жизни, а представлений о нем – в ментальном пространстве говорящих.

В обнаруженной системе представлений выделяются преобладающие признаки и «способности» ветра. Так, основная масса мотивов проистекает из свойства ветра *дуть* и уносить/переносить легкие предметы. Это такие мотивы, как «неожиданное появление» или, наоборот, «бесследное исчезновение» – предметов реального мира, но также и сказанных слов, данных обещаний, взятых обязательств. Как видим, во многом это касается **речевых** проявлений, однако в чешских культуре и языке отсутствует перенос способности ветра уносить без следа легкое/ невесомое → на восприятие речи и мотивацию ее оценки говорящими.

Подвластность легких по весу предметов **перемещению** ветром порождает семантику пустоты и, как следствие, незначимости перемещаемого, бессодержательности, бессмысленности. Этот вектор осмысления проецируется на человека, который воспринимается через образ ветра – как легкомысленный, не вызывающий доверия, недостаточно взрослый.

Образ вольного ветра – символа **свобода** и **неуправляемости** никем и ничем – также объясняется его экстралингвистической природой: дует куда хочет.

⁹ См. ответы: 1. Jedna osoba, ze které mám vítr, by se v naší domácnosti našla. Zhruba před devětatřiceti roky jsem jí ve stavu hlubokého omámení smyslů řekl ano, aniž jsem domyslel důsledky toho, že si mě za tu dobu přečte lépe, než katechismus. 2. Já mám vítr z událostí, které nemůžu ovlivnit. A pak mám respect z něčeho nebo někoho, co se dá ovlivnit. 3. Vítr mám jenom ze soudů. Tam se mi opravdu nikdy nelíbilo. Jinak občas nepříjemný pocit před návštěvou u zubaře. 4. Konkrétně bych mohla jmenovat svou zubařku, která mě přepošle se sebemenším problémem do nemocnice na ambulanci, byť to není třeba. Z toho lítání po obrovském komplexu nemocnice mám více než jen vítr; <https://www.odpovedi.cz/otazky/mate-z-nekoho-vitr>

Способность улавливать **направление** дующего ветра и придерживаться наветренной или подветренной стороны может служить показателем (а то и гарантом) благополучности существования и такой человеческой черты, как принципиальность или беспринципность. В чешском языке, в отличие от русского, активно используется образ наполняемых ветром парусов, которые становятся символом удачи, продвижения перспективы.

Важен для говорящих и признак **скорость**, широко вербализуемый фразеологическими средствами и характеризующий скорость передвижения/ перемещения и способность к быстрому реагированию, и акцент на направлении ветра, которому нет смысла противодействовать, вредя самому себе. Этот вектор осмысления вербализуется весьма активными в современном употреблении чешскими и русскими оборотами.

Наличие **ветра** в каком-либо **пространстве** свидетельствует о пустоте и расценивается как недостаток: в кармане – денег, в голове – ума, серьезности, в мягком месте (заднице) – усидчивости, основательности.

В меньшей степени отразилась во фразеологизмах способность ветра производить шум.

В качестве итога отметим, что при достаточном количестве показанных совпадений в трактовке ветра в двух языках достаточно ощутимы и расхождения в расстановке акцентов в каждой из культур.

Сокращения

- СТ: Баранов, А. Н. – Добровольский, Д. О. – Киселева, К. Л. [и др.]: *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8000 идиом современного русского языка*. Москва: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
- БССр.: Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г.: *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва: Олма, 2008.
- БСПог.: Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г.: *Большой словарь русских поговорок*. Москва: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007.
- РАС: Караулов, Ю. Н.– Черкасова, Г. А. – Уфимцева, Н. В. – Сорокин, Ю. А. – Тарасов, Е. Ф.: *Русский ассоциативный словарь. В 2 т.* Москва: АСТ Астрель, 2002.
- РСС: *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений.* под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 3. Москва: Азбуковник, 1998.
- СРЯ: *Словарь русского языка*. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп.: В 4 т. Москва: Русский язык, 1983.
- ВŠ: Bittnerová, D. –Schindler, F.: *Česká přísloví*. Praha, 1997.
- Č.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. R–Ž*. Red. F. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Praha: Akademia, 1994.
- MW Mokienko, V. – Wurm, A.: *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2002.

Литература

- Артемова, О. А.: Белорусские и английские фразеологизмы с компонентом вада/ water: сравнительно-сопоставительный аспект. In «Вода» в славянской фразеологии и паремииологии. *Water in slavonic phraseology and paremiology. В 2-хтт.* Будапешт: Изд-во «Тинта», 2013, с. 117–122.
- Бочина, Т. Г.: Ассоциативно-вербальный блок «вода» в русской паремике. In «Вода» в славянской фразеологии и паремииологии. *Water in slavonic phraseology and paremiology. В 2-хтт.* Будапешт: Изд-во «Тинта», 2013, с. 169–173.
- Ван Хунвэй: Фразеологизмы с элементом “вода” в русской лингвокультуре на фоне китайского языка: лингвокультурологический подход. In Ван Хунвэй – Янь Кай. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2017, №5 (71), Ч. 3, с. 64–67.
- Васильев, В. П.: Концепт дождь и особенности его организации. In *Мир человека и мир языка: коллективная монография*. Вып. 2. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003, с. 184–229.
- Васильев, В. П.: Базовый концепт как элемент когнитивно-идеографического областного словаря In В. П. Васильев – Э. В. Васильева: *Слово: фольклорно-диалектологический альманах*. Благовещенск: АмГУ, 2007, с. 17–34.
- Гукова, Л.Н.: Концепт «зима» в языковой картине мира А.С. Пушкина. In *А.С.Пушкин и мировой литературный процесс: сб. науч. ст. по материалам науч. конф., посвящ. памяти проф. А.А. Слюсаря*. Санкт-Петербург: Астропринт, 2002, с. 284–292.
- Домбровская, М. В.: Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Драчук, В. И.: Концепт «зима» в русской поэтической картине мира (на материале русской лирики 19 века), 1990. [Электронный ресурс] – conf.sfu-kras.ru (доступно на 24.01.2019).
- Ильина, Е. В.: Объективация концепта ветер в языковой картине мира поморов (на материале «Словаря поморских речений» К. П. Гемп). *Международный научно-исследовательский журнал*. Екатеринбург, 2013, №4 (11), Ч. 2, с. 80–82.
- Ломоносова, Ю. Е.: Концепт «Ветер» во французском языке. *Вестник РУДН. Серия «Лингвистика»*, № 2, 2008, с. 61–68.
- Лю Яньчунь: *Метеорологическая лексика и фразеология в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012.
- Маругина, Н. И. – Ламинская, Д. А.: Концепт «природа» в русской и английской языковых картинах мира. *Язык и культура*, 2010, №2, с. 36–46.
- Николаева, Е. К. – Селиверстова, Е. И.: Представление о крепком сне в славянских языках (на материале устойчивых сравнений). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, Т. 61/2, 2016, с. 325–343. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Осадчая, М.Н.: Фразеологизмы «водной» семантики в пространстве художественного дискурса О. Мандельштама. In «Вода» в славянской фразеологии и паремииологии. *Water in slavonic phraseology and paremiology. В 2-х тт.* Будапешт: Изд-во «Тинта», 2013, с. 458–464.

- Пименова, М. В.: Методология концептуальных исследований. In *Антология концептов*. Волгоград, 2005.
- Перфильева, Н. Ю.: *Специфика вербализации концепта «погода» средствами русского и английского языков*: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2008.
- Прохорова, О. Н. – Чекулай, И. В.: Лексема вода в фразеосемантическом пространстве современных европейских языков. In *«Вода» в славянской фразеологии и паремиологии. Water in slavonic phraseology and paremiology. В 2-х тт.* Будапешт: Изд-во «Тинта», 2013, с. 514–518.
- Рольгайзер, А. А.: Концептуальные исследования природного мира (на примере концептов 'звезда' и 'étoile'). *Вестник КемГУ*, 2013, № 4(56), Т. 1, с. 169–173.
- Рябых, Е. Б.: *Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков)*: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.
- Сегал, Н. А. – Мартынюк, А. Я.: Концепт ветер в русскоязычных медиатекстах. *Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Русская филология*, 2017, № 5, с. 51–57.
- Селиверстова, Е. И.: Вода и водоем в русской паремиологии: бинарные отношения. In *«Вода» в славянской фразеологии и паремиологии. Water in slavonic phraseology and paremiology. В 2-х тт.* Будапешт: Изд-во «Тинта», 2013, с. 554–560.
- Селиверстова, Е. И.: Текст из музыки или музыка в тексте? (Роман Д. Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра»). *Филология и культура. Philology and Culture*, 2016, № 2 (44), с. 131–136.
- Тимкова, Т. Н.: Специфика вербализации концепта снег в турецкой языковой картине мира. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*, 2013, с. 355–358.
- У Вэй: Зима в русском паремиологическом пространстве (на фоне китайского языка). *Мир русского слова*, 2012, №3, с. 50–52.
- Фисенко, О. С.: *Концепт гроза в русском языковом сознании*: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. [Электронный ресурс] –<http://cheloveknauka.com/kontsept-groza-v-russkom-yazykovom-soznanii>(доступно на 24.01.2019)
- Цзу Сюэцин: *Национально-культурные концепты времен года в русской языковой картине мира (на фоне китайской)*: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009.
- Brychnáčová, Irena: Pohyb ve / na vodě / v proudu v české frazeologii. In *«Вода» в славянской фразеологии и паремиологии. Water in slavonic phraseology and paremiology. В 2-х тт.* Будапешт: Изд-во «Тинта», 2013, с. 174–179.

Символ и представление знаний идиоматическими средствами языка (на примере английских идиом с компонентом hand)

Symbol and representation of knowledge by the idiomatic means
of language (on the example of the English idioms with the component
hand)

Ирина Г. Подгорбунская

Abstract

The article is devoted to the analysis of the representation of knowledge of power by the idioms of the English language with the hand component. The language cognitive model is presented, it reflects the concept of POWER. The hand component is considered as a symbol of the concept under study. Since the symbol is used in different areas of knowledge for organizing, systematizing this knowledge and presenting it as a specific model, it has been established that the idioms under study can be part of a scenario of manifestation of power and domination.

Аннотация

Статья посвящена анализу репрезентации знания власти идиомами английского языка с компонентом hand. Представлена языковая когнитивная модель, отражающая концепт POWER. Компонент hand рассматривается в качестве символа исследуемого концепта. Так как символ находит применение в разных областях знания для упорядочивания, систематизации этих знаний и представления их в качестве определенной модели, установлено, что исследуемые идиомы могут быть частью сценария проявления власти и господства.

Key words: the embodied cognition approach, field of representation, level of abstraction, idiom, concept, symbol

Ключевые слова: телесно ориентированный подход, область репрезентаций, уровень абстракции, идиома, концепт, символ

1. Введение

С конца 1980-х – начала 1990-х годов в эпистемологии и когнитивной науке интенсивно

развивается телесно ориентированный подход («the embodied cognition approach»). В рамках этого подхода внимание фокусируется на «отелесненности» процесса познания, иными словами, на инкарнированности познания, телесной облеченности всякого познающего существа, телесных детерминантах познавательной активности человека и других живых существ.

Известный американский профессор психологии Уильям Джеймс утверждал, что «Тело есть центр бури, начало координат, настоящее место напряжения в цепи нашего опыта. Всё вращается вокруг него и ощущается с его точки зрения» (James 1981, p.594).

В связи с этим стоит упомянуть работу известных ученых Дж Лакоффа и М. Джонсона «Philosophy in the flesh», в которой они излагают свое мнение для описания оптимального функционирования человека в повседневной жизни: «Мы можем формировать понятия только благодаря телу. Поэтому, всякое возможное понимание о мире, самих себе и других может быть выражено только в понятиях, сформированных нашими телами» (Lakoff – Johnson 1999, с. 557).

Другой американский философ, поэт, писатель и культурный критик Раймонд Таллис в своей книге «The Hand: A Philosophical Inquiry into Human Being», исследуя руку, как часть человеческого тела, утверждает, что ее развитие и взаимодействие с остальной частью тела привело к самосознанию и заложило основы уникального чувства. Рука вдохновила использование инструментов, которые стали доминировать в человеческой жизни, что привело к появлению сложных символических систем, а главное языка, которые лежат в основе цивилизации (Tallis, 2003, с. 125).

Сфера опыта, связанная с рукой, репрезентируется через язык таким образом, что, чем больше опыт, тем шире область репрезентаций. Многие биологические структуры осознаются нами, когда вовлечены в определенную деятельность, – иначе мы не смогли бы их регулировать и направлять. Рука, как «инструмент инструментов» прочно связана со средой и с процессом взаимодействия с ней.

2. Основная часть

2.1. Компонент hand как символ

На начальном этапе развития языка человек мог назвать только конкретные и чувственные предметы и действия, другими словами, передать весь мир своих чувств и эмоций, который связан с определённым объектом. Понятие символа Н. Д. Арутюнова объясняла таким образом: «Особенности сенсорных механизмов и их взаимодействия с психикой позволяет человеку сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое. Это устройство действует постоянно, позволяя человеку улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом» (Арутюнова 1990, с. 9).

В этом плане представляет интерес позиция А. Пятигорского и М. Мамардашвили, которые отмечают, что «символы есть репрезентация не предметов и событий, а сознательных посылок, результатов сознания, содержательностей сознания. При этом символы могут выступать как в качестве прямого «обозначения» сознания, так и обозначать нечто предметоподобное, косвенно репрезентирующее сознание» (Мамардашвили – Пятигорский 1997, с. 87).

Человек, используя символ, как самостоятельную действительность, создавал мифологические образы. В своих работах о мифе А. Ф. Лосев писал, что «миф всегда говорит не о механизмах, но об организмах и даже больше того, о личностях, о живых существах. Его персонажи суть не отвлечённые идеи и методы построения и осмысления чувственности, но сама эта чувственность, дышащая жизненной теплотой и энергией» (Лосев 1991, с. 46). Таким организмом для создания мифа было человеческое тело – наиболее универсальный и совершенный из всех символов. Рука, сжимающая скипетр, меч или державу, символизирует власть, указующая рука – знак руководства.

Имя *hand* тесно связано с языковым символом. Символ как понятие, находит применение в разных областях знания для упорядочивания, систематизации этих знаний и представления их в качестве определенной модели. В рамках общей теории семиотики символ определяется как знак, « который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы другого, более абстрактного и общего содержания, причем вторичное значение, которое может выражать понятие, не имеющее особого выражения, объединяется с первичным под общим означающим» (Шелестюк 1997, с. 125).

В нашем исследовании лексема *hand* (*рука*) представлена в виде компонента во фразеологической единице, которая является единицей языка вторичной номинации и выполняет особую функцию в символизации мира. Фразеологическая единица способна воплощать в себе устойчивые символические смыслы, которые можно назвать универсальными, если это касается человеческого тела.

В процессе эволюции языка чувственный образ начинает мыслиться отвлеченно и становится символом. В нашем конкретном случае изображение руки означает не только руку, но также власть, контроль и руководство. То есть оно является символом, т.к. символ существует там, где представление чувственной действительности содержит значение, её превосходящее.

Отражение предметов и явлений действительности в качестве чувственного образа компонента *hand* является в конечном счете источником символа.

2.2. Компонент *hand* как символ концепта POWER

Рассматриваемый в нашем исследовании компонент *hand* в качестве символа концепта *POWER*, выполняет смыслопорождающую функцию и служит для образования ментальных структур.

Компонент *hand*, превратившись в образ, порождает образную составляющую идиомы, главный компонент создания метафоричности. В. Шмидт относит идиомы к оборотам речи, «которые посредством образности символически обозначают другое значение» (Schmidt 1967, с. 233). В большинстве идиом существует метафорическая основа, поэтому идиома и метафора находятся в одном языковом пространстве.

Д. О. Добровольский считает, что образная составляющая является «частью плана содержания идиомы» (Добровольский 1996, с. 71–93). Именно образная составляющая фиксирует когнитивные метафоры и поддерживает концепт в языковом сознании.

Определение названия концепта, в котором образная составляющая является его непосредственной частью, проводится с помощью идиом, воспроизводимых индивидами той или иной общности и зафиксированными во фразеологических словарях.

Компонент *hand* выражает изначально культ низшей материальной силы, ибо вся история человечества во многом выглядит как летопись насилия. «Тень насилия, или силы, запечатленная в законе, стоит за каждым действием правительства, и, в итоге любое правительство полагается на солдат и полицию в деле придания силы своей воли» (Тоффлер 2002, с. 36). В то же время существует мнение, что власть – это сила, оказывающая воздействие на тело, душу и ум, пронизывая их полностью.

Власть, будучи абстрактным понятием, исключает ее прямое восприятие, и только с помощью идиом оно может быть онтологизировано непосредственно в языке. «Метафоры, – как полагают Дж. Лакофф и М. Джонсон, – как лингвистические выражения возможны именно потому, что они имеются в концептуальной системе человека» (Лакофф – Джонсон 1987, с. 129).

Когнитивный концепт *POWER*, выраженный идиомами с компонентом *hand* составляет фрагмент общего семантического поля *POWER*, а связи между отдельными идиомами и соответственно между когнитивными элементами посредством концептуальной доминанты – образной составляющей, которая является основной характеристикой данного фрагмента общего концепта *POWER*.

Концептуальная доминанта показывает, что в когнитивных сферах так же, как и в материальных, все должно быть взаимосогласовано и системно взаимосвязано, поэтому выявление других связей необходимо для понимания концепта *POWER* как целостности. Здесь следует руководствоваться известным принципом, согласно которому «высшее знание об объективной действительности – это знание о структурных отношениях» (Рапопорт 1969, с. 75). Если исходить из того, что «язык – это поверхностная структура, выражающая глубинные концептуальные конструкции – знания» (Сергеев 1987, с. 7), то можно предположить, что в представлении знаний анализ структурных отношений имеет большое значение, так как они /структурные отношения / являются до некоторой степени отражением функционирования нашего сознания, с одной стороны, и, поверхностной структуры языка, с другой.

Таким образом, понятие концепта *POWER* может быть переведено из абстрактной плоскости «неуловимого мира духа» в материальный мир с помощью основного критерия – образной составляющей семантического поля *POWER*. Выявление образной составляющей или, другими словами, концептуальной доминанты сделает возможным осуществление функциональной систематизации и классификации идиом.

2.3. Классификация идиом с компонентом *hand* по уровням абстракции

Идиомы выражают разную степень отвлечения от первоначального значения слов-компонентов. В зависимости от степени абстрагирования от первичного значения слов, являющихся базой соответствующей идиомы, будем различать вслед за А. В. Куниным три уровня абстракции (Кунин 1996, с. 35). К первому уровню относятся идиомы, значения которых мотивированы лексическим значением отдельных компонентов. Составные части идиомы сохраняют семантические свойства своего первичного значения. Например:

take in hand

Исследуем словарные дефиниции:

1) to take responsibility for a situation or problem and deal with it:

*We've asked the solicitor **to take the matter in hand**, so we must wait for his instructions.* (LID 1998, с. 152)

Мы попросили адвоката заняться нашим делом, поэтому мы ожидаем его инструкций.

2) *to begin to control or look after sb/smith, especially in order to make improvements in their behaviour, their performance, etc:*

*That child is very badly behaved; someone should **take her in hand**.* (OID 2002, с. 154)

Ребенок ведет себя очень плохо, кому-то следует взять его в руки.

В приведенных примерах идиома *take in hand* сохранила свои базовые / первичные / значения.

Следующий уровень абстракции характеризуется большей степенью отвлеченности от первичного значения исходных составляющих идиомы, причем один из компонентов все-таки сохраняет свое первоначальное значение. Например:

to get / have the upper hand

Компоненты „get“ или „have“ сохранили свое первичное значение –

1) *to get or have more power than someone or something else*

*The wind finally stopped, allowing firefighters **to get the upper hand** against the forest fire* (OID 2002, с. 423)

Ветер, наконец, остановился, позволив пожарным справиться с огнем в лесу.

2) *To get or have power or control over sb.*

*„The police claim they **have the upper hand** in their fight against the drug dealers.* (OID 2002, с. 425)

Полиция утверждает, что у них есть преимущество в борьбе с наркодилерами.

Третий уровень абстракции характеризуется отсутствием первичных значений, составляющих идиомы, например:

have sb eating out of (the palm of) your hand

1) *used in order to emphasize that someone is willing to do whatever you want them to do.*

*Young and beautiful actor soon **had** Hollywood **eating out of her hand**.* (OID 2002, с. 151)

Вскоре весь Голливуд подчинился молодому и прекрасному актеру.

2) *have sb. completely in your control so that they will do whatever you want.*

*Once they knew that they would never be able to escape without his help, he **had** them **eating out of his hand**.* (OID 2002, с. 99)

Как только они узнали, что они никогда не смогут убежать без его помощи, он заставил беспрекословно его слушаться.

Идиома *eat out of (the palm) one's hand* отражает действительность в рамках общей фразеологической картины мира, причем ее значение является актом номинации, имеющего основу в некоторой реальной ситуации, а именно, кормить кого-то с руки или ладони.

Эта ситуация зафиксирована в сознании носителей языка в виде сцены и играет роль связующего звена между двумя картинами мира – актуальной языковой и картиной мира говорящего. Поэтому компонент „*hand*“ сохранил свое первоначальное значение, а идиома в целом может быть включена в прототипический сценарий власти в качестве его составляющей.

2.4. Идиомы с компонентом *hand* в контексте

В каждой идиоме частное проявление слова *hand* как реального символа связано с другими её компонентами. За счёт взаимодействия их значений возникают «новые смыслы» (Телия 1981, с. 74), которые обеспечивают семантическую спаянность идиом.

К внешним связям ментальной структуры концепта *POWER*, выраженной идиомами с компонентом *hand* отнесем контекстные связи, т.е. когда смысл идиом может быть понят только из контекста, а основной компонент *hand* еще не символ в простом словосочетании, но уже является таковым в идиоме. Чтобы понять, насколько идиомы, обозначающие концепт *POWER*, зависимы от контекста и связаны с ним внешними взаимообусловленными связями, приведем несколько примеров, содержащих эти идиомы.

Первоначальное значение исследуемого компонента *hand* – часть тела, орудие проявления физической силы для осуществления господства.

Но в идиомах *a heavy hand, in hand, long hands, a firm hand, a high hand* компонент *hand* давно перестал использоваться по первоначальному значению, а является символом господства, контроля и власти.

To have (be) in hand- держать в руках, в подчинении.

The voters were tired of the Vice President, but at least they knew who he was. Lake remained a mystery to many. Lake, who had the nomination in hand, needed the experience. (Grisham 1994, с. 249)

Избиратели устали от вице-президента, но, по крайней мере, они знали, кто он. Лейк оставалось загадкой для многих. Он, у которого номинация была в руках, нуждался в опыте.

To get the upper hand – одерживать победу, иметь превосходство

John West's mob had the weight of experience on their side, and were getting the upper hand, when several policemen batoned their way into the struggling mass and endeavoured to restore order. (БФС 1998, с. 356)

Сторонники Джона Уэста имели массу опыта и имели превосходство, когда несколько полицейских пробивались в борющуюся массу и пытались восстановить порядок.

With a high hand- с высокомерием

It seems to me you're trying to run things with a pretty high hand of late. You talk as though you settled my affairs for me. (БФС 1998, с. 346)

Мне кажется, вы пытаетесь управлять делами довольно высокомерно в последнее время. Вы говорите так, как будто вы решили мои дела за меня.

Have long hands – быть влиятельным, могущественным человеком

His father is a powerful man – has long hands – reaches as far as he can. (БФС 1998, с. 350)

Его отец – могущественный человек, он пользуется большим влиянием и старается распространить его, где только возможно.

A firm hand – твердое руководство

It would have been a totally different game if the referee had taken a firm hand from the start (БФС 1998, с. 348).

Это была бы совершенно другая игра, если бы судья был строг с самого начала.

With a high hand – высокомерно

He acted with a very high hand in this matter, without even asking for anyone else's opinion (БФС 1998)

Он действовал очень эгоистично в этом вопросе, даже не спрашивая чьего-либо мнения.

Идиомы, употребленные в контексте, имеют одну и ту же концептуальную доминанту – преднамеренное господство через принуждение и применение силы.

3. Заключение

Проведенный анализ английских идиом с компонентом hand убедительно показывает, что компонент hand в исследуемых идиомах репрезентирует концепт власти в качестве символа, который выполняет смыслопорождающую функцию и служит для образования ментальных структур. В то же самое время семантическая спаянность идиом возникает за счет взаимодействия всех компонентов идиомы, при которой возникают «новые смыслы», несмотря на их разный уровень абстракции.

Понятие концепта POWER переводится из абстрактной плоскости в материальный мир с помощью образной составляющей компонента hand исследуемых идиом. Приведенные примеры идиом ярко демонстрируют сценарий проявления власти и господства.

Список использованной литературы:

- Арутюнова, Н. Д.: *Метафора и дискурс: Теория метафоры*. Москва: Наука, 1990, с. 315–345.
- Гегель, Г. В. Ф.: *Лекции по эстетике. О символе вообще*: In Гегель Г. В. Ф.: *Эстетика*, т. 2. Москва: Наука, 1969.
- Добровольский, Д. О.: *Образная составляющая в семантике идиом*. *Вопросы языкознания*, № 1, 1996, с. 71–93.
- Кунин, А. В.: *Курс фразеологии современного английского языка*. Москва: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.
- Лакофф, Дж. – Джонсон, М.: *Метафоры, которыми мы живем: Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва: Едиториал УРСС, 1987.
- Лосев, А. Ф.: *Философия. Мифология. Культура*. Москва: Наука, 1991.
- Мамардашвили, М. К. – Пятигорский, А. М.: *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Рапопорт, А.: *Различные подходы к общей теории систем*. In *Системные исследования*, Москва: Наука, 1969, с. 55–79.

- Сергеев, В. М.: Когнитивные методы в социальных исследованиях. In *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва: Прогресс, 1987, с. 3–20.
- Телия, В. Н.: *Типы языковых значений*. Москва: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1981.
- Тоффлер, Э.: *Метаморфозы власти*. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Шелестюк, Е. В.: О лингвистическом исследовании символа. *Вопросы языкознания*, № 4, 1997, с. 125–142.
- Grisham, J.: *The Brethren*. New York: Dell Books, 1994.
- James, W.: *The Principles of Psychology*. Cambridge (MA) and London (England): Harvard Univ. Press, 1981.
- Lakoff, G. – Johnson, M.: *Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books, 1999.
- Schmidt, W.: *Deutsche Sprachkunde*. Berlin: Volk und Wissen: Volkseigener Verlag, 1964.
- Tallis, R.: *The Hand: A Philosophical Inquiry Into Human Being*. Edinburgh University Press, 2003.

Словари:

- LID: *Longman Idioms Dictionary*. Harlow and London: Addison Wesley Longman Limited, 1998.
- OID: *Oxford idioms dictionary for learners of English*. Oxford University Press, 2002.
- БФС: Кунин, А. В.: *Большой англо-русский фразеологический словарь*. Москва: Живой язык, 1998.

Протодискурсивные условия фраземосемиозиса

Protodiscursive conditions of phraseosemiosis

Н. Ф. Алефиренко – Miroslav Puža

Abstract

Here are considered the problems of generation and interpretation of phrasemes associated with the emergence of pre-sign forms of accumulation and storage of information contained in the cognitive derivational base of phraseme formation. There is stated an idea that the pre-sign stage of the process of semiosis and understanding of phrasemes is a cognitive model. It precedes not only the formation of the semantic structure of a phraseme, but also its perception. Since the cognitive model of phraseosemiosis is a scheme for the embodiment of the discursive meaning verbalized by the phraseme of a discursive event and the discourse stored in consciousness is a form of its indirectly derived existence.

Abstrakt

Рассматриваются проблемы порождения и интерпретации идиом, связанные с возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации, содержащейся в когнитивно-деривационной базе фразеомобразования. Проводится мысль о том, что дознаковой стадией процесса семиозиса и понимания фразем является когнитивная модель, которая предшествует не только формированию семантической структуры фраземы, но и её восприятию. Поскольку когнитивная модель фраземосемиозиса является схемой воплощения дискурсивного смысла, вербализуемого фраземой дискурсивного события, а хранимый в сознании дискурс – формой его косвенно-производного существования.

Key words: phraseosemiosis, phraseme, idiom, mental model, inner form, synergy, diskursive-modal concept

Ключевые слова: фраземосемиозис, фразема, ментальная модель, внутренняя форма, дискурсивно-модусный концепт, синергия

С точки зрения современной лингвопрагматики фраземосемиозис – разновидность семиозиса вообще, который понимается нами как особая коммуникативная деятельность языкового знака и коммуниканта, воспринимающего знак. Специфика фраземосемиозиса обуславливается косвенно-производной речемыслительной деятельностью в сопряжении (а) с различными уровнями обыденного познания, (б) структурой фразеомобразующего концепта и (в) ассоциативно-образной вариативностью самой фраземы.

Выделенные факторы, определяющие сущность фраземосемиозиса связаны с возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации, содержащейся во фразеобразующей базе, и её преобразованием в смысловую структуру фраземы (Алефиренко 2018, с. 48). Такими предзнаковыми формами форматирования знания служат внутренняя форма фраземы, образ и гештальт как на этапе порождения фразеометрического высказывания, так и на этапе его восприятия.

В определении А.А. Потебни, «внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» (Потебня 1089, с. 98). Определение крылатое, глубокое и достаточно широкое. Причём «широкое» настолько, что позволяет интерпретировать внутреннюю форму языкового знака неоднозначно: как 1) элемент сознания; 2) элемент семантической структуры знака (Л. Р. Зиндер); 3) способ выражения понятия через слово (в этой ипостаси Р. А. Будагов считает её лексико-семантической сущностью); 4) как элемент значения. Как видим, под внутренней формой слова понимается или (а) признак, связывающий название с его денотатом, или (б) сама эта связь, характер и способ такой связи, «способ передачи понятия через значение» (Левковская 1962, с. 134). Понятно, что внутренняя форма фразем требует дополнительных размышлений. Необходимо учитывать их вторичный языковой статус, образность, комбинаторную связь с миром предметной и языковой семантики.

Будем исходить из того, что внутренняя форма такого парадоксального с точки зрения логики образования как фразема есть преломлённое в когнитивной метафоре смыслового содержания дискурсивно-модусного концепта. Она показывает, какими косвенно-производными средствами представляется коммуникантам когнитивная метафора – и дискурсивный субстрат фразеологической семантики.

Это, конечно, гипотетическое определение. Оно настолько широко, что позволяет интерпретировать внутреннюю форму фраземы как деривационно-семантическую категорию, связанную с планом выражения фраземы, с соответствующим её компонентным составом. В несколько иной интерпретации, внутренняя форма фраземы – структура, структурно-семантическая модель, позволяющая ассоциативно проникнуть в смысловую глубину связи компонентного состава фраземы с её обобщённо-целостным значением (Блинова, 2007).

Для понимания внутренней формы фразем (знаков косвенно-производной номинации) достаточно перспективной является теория Н. Д. Голева, рассматривающая внутреннюю форму языкового знака в языке, речи и языковом сознании (Голев, 2008, с. 7). Это тем более важно для понимания внутренней формы фраземы – продукта лингвокреативного мышления.

В языковом и речевом аспектах внутренняя форма фраземы может рассматриваться и как продукт системного устройства языка, и как фактор гармонизации содержания и формы фраземы. Как элемент языкового сознания внутренняя форма фраземного знака – средство косвенно-производного взаимодействия его означающего и означаемого, точнее, средство перевода содержания формы в форму содержания. В последнее время всё чаще говорят о тождественности содержания фразем в языковом сознании носителей разных языков, что даже при обилии подтверждающих эту мысль примеров требует, как нам представляется, дополнительных размышлений.

Начнём с того, что тождественность содержания соотносимых в разных языках фразем может наблюдаться даже при наличии у них разных внутренних форм. Однако этот факт лишь свидетельствует о том, что внутренняя форма фраземы является элементом системной организации каждого отдельно взятого языка.

Тождественными оказываются отнюдь не внутренние формы фразем, а их когнитивные модели. Это замечание касается и внутренней формы слова. «В ряде случаев слова разных языков, обозначающие один и тот же предмет, заключают в себе в качестве основания номинации различные признаки, которые, однако, в равной степени могут рассматриваться как объективные. Такие признаки обнаруживаются, например, в русском слове *половик* и немецком *Läufer* <...>. Подобные лексические единицы как бы дополняют друг друга с точки зрения фиксированности в них объективных признаков восприятия» (Варина, 1976, с. 233, 239). Нередко разные признаки объекта, отраженные через различную внутреннюю форму, могут порождать сходные ассоциативные образы в сознании носителей различных языков. В связи с этим необходимо определить значение термина *образность*.

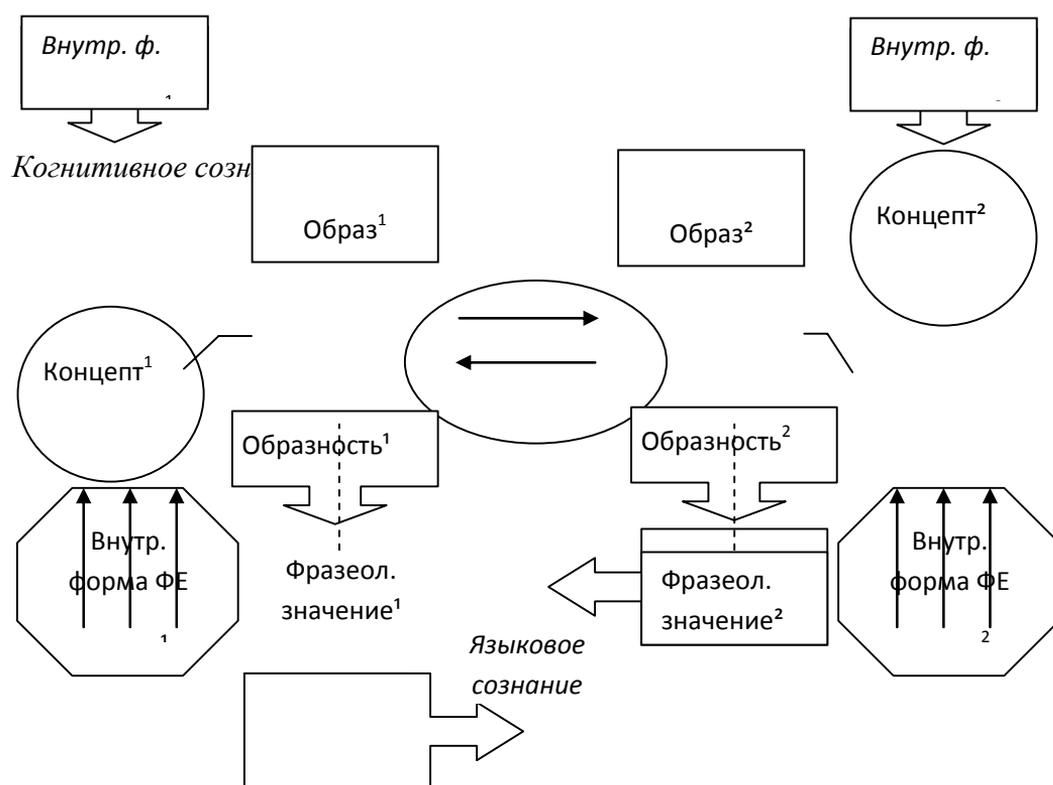
Наиболее обстоятельно теория языковой образности представлена в работах Е. А. Юриной. Исследователь предлагает рассматривать образность как в системе языка, так и в восприятии его носителей.

В системе языка образность – лексико-семантическая категория, обобщающая структурно-семантические свойства фразем. Её сущность обнаруживается в способности фраземы обозначать определенное «явление внеязыковой действительности... в ассоциативной связи с другим явлением, не тождественным обозначаемому, на основе реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой действительности» (Юрина, 2005, с. 14). Образность как явление ментальное образуется за счёт способности языковых единиц вызывать в нашем сознании наглядные представления, яркие картины, на фоне которых мы воспринимаем предметно-вещественное и понятийно-логическое содержание этих единиц.

Исходя из представленных суждений, можно заключить, что образность фраземы по своей природе синергийна, поскольку фокусирует в себе энергетику языковой и когнитивной семантики. И в силу этого образность принадлежит к антропоцентрической сфере языка. Правда при этом, стоит задуматься над противопоставлением Е. А. Юриной внутренней формы и образности. Она полагает, что «в отличие от внутренней формы, безусловно, являющейся языковым феноменом, образность принадлежит к антропоцентрической сфере языка». Во-первых, является ли внутренняя форма языковым феноменом? Во-вторых, сущность образности не в том, что она принадлежит антропоцентрической сфере языка (к этой же сфере относится и внутренняя форма знака), а в её синергетике, так как возникает образность языковой единицы в результате слияния двух энергий: одна из них индуцируется лингвокреативными особенностями человеческой психики, а другая – экстралингвистическими факторами человеческого познания. Этим, как правило, и объясняется интерференция, сопровождающая восприятие фразем неродного языка под влиянием автохтонного (образной системы родного языка – ядра любого этноязыкового сознания). Это ещё один аргумент в защиту этноязыковой уникальности фраземки, формирующей неповторимую национально-культурную ауру каждого отдельно взятого языка. Однако транслируемость фразеологической образности в межъязыковом

пространстве стимулирует поиск понятия, через которое можно было бы её объяснить. Таким стало понятие межъязыковой образности фразем. Оно рассматривается нами как понятие когнитивистики, которое, в отличие от внутриязыковой образности фразем, определяется не только через формальную близость внутренней формы в разных фраземах, но и с опорой на соотносительность ментального моделирования в сознании носителей разных языков при восприятии когнитивно-дискурсивного контура соотносимых фразем.

Межъязыковая образность фразем не является исключительно языковым феноменом, поскольку по своей синергетической природе порождается взаимодействием нескольких неязыковых явлений. Взаимосвязь между компонентами межъязыковой образности можно отразить в следующей схеме.



Итак, фразема, с учётом составляющих её содержание (семантической структуры и внутренней формы), вызывает в сознании носителей определенные концепты, порожденные совокупностью ассоциаций, связанных с данной внутренней формой. Причём аналогичные ментальные модели фразем с разными внутренними формами способны создавать в сознании носителей схожие концепты в тех случаях, когда различные

внутренние формы в двух (или нескольких) языках вызывают у разноязычных носителей сходные ассоциации. В этом случае и представляется уместным употребление термина «межъязыковая образность» в принятом нами значении.

Схема демонстрирует иерархию отношений между внутренней формой фраземы, концептом и межъязыковой образностью. Особая роль здесь принадлежит внутренней форме фраземы, которая является первичным стимулом для образования концептов и через них – для формирования межъязыковой образности. Впрочем, эту же роль выполняют внутренние формы и других (прямых и вторичных) номинативных единиц языка. В когнитивной фразеологии, изучающей единицы с категориально значимой асимметрией означаемых и означающих, отношения между внутренней формой фраземы и порождаемыми ею ментальными образованиями являются не прямыми и даже не вторичными, а косвенно-производными. Дело в том, что межъязыковая образность фразем создаётся не тождественностью их внутренних форм (внутренние формы фразем связаны с субъективными слоями концептов), а сходными ассоциациями, актуализирующими визуальные ментальные модели аналогичных типовых денотативных ситуаций.

Внутренняя форма, образ и образность фраземы связаны генетически. Образ – это предметно-чувственное отражение в сознании человека номинируемого объекта в форме образов, картин и фреймов, возникающих у коммуникантов. Образность – свойство фразем сохранять и воспроизводить образ в процессе их использования в речи. Общность представлений (в форме образов, картин и фреймов), возникающих в языковом сознании (Э. В. Кармацкая), образует фокус этноязыковой уникальности каждой фраземы. Как показала Н. Н. Панченко в исследовании одной фразе-семантической группы, образное воплощение обжуливания, надувательства, обмана в ФЕ обоих языков имеет в основе своей общую идею манипулятивного воздействия на субъект, которую каждое этноязыковое сознание выражает по-своему. Полными эквивалентами из 44 русских и 44 английских сопоставляемых фразем являются лишь 2 (4): рус, пускать *пыль в глаза*, англ. *throw dust in smb's eyes*; рус, мутить *воду*; англ. *muddy the water*, совпадающие по значению, лексическому составу, образности и грамматической структуре. «Большая же часть исследуемых фразеологизмов при сопоставлении образных ассоциаций в двух языках характеризуется различиями в образной основе при идентичном значении и однотипной структуре», при этом образно-ассоциативный потенциал русских ФЕ шире и разнообразнее сопоставляемых ФЕ английского языка (Н. Н. Панченко).

Хотя признание этноязыкового своеобразия фразем в каждом из национальных языков стало общепринятым фактом, методы его обнаружения должны стать для когнитивной фразеологии первоочередной задачей (Paivio, 1986). При этом мы исходим из трёх методологических установок: (а) одним из способов выявления национально-культурной специфики фразем является анализ их внутренней формы, этноязыковой образности и уровня идиоматичности; (б) степень выраженности этноязыковой образности в большинстве случаев является зеркальным отражением уровня идиоматизации устойчивых сочетаний слов; (в) образ и образность – категории когнитивно-дискурсивной лингвистики, для осмысления которых привлекается особый невербализованный когнитивный феномен – гештальт.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф.: *Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса*. Москва: Флинта-Наука, 2018.
- Потебня, А. А.: Мысль и язык. In Потебня А. А.: *Слово и миф*. Москва: Правда, 1989.
- Блинова, О. И.: *Мотивология и её аспекты*. Томск: Издательство Томского университета, 2007.
- Варина, В. Г.: Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц. In *Принципы и методы семантических исследований*. Москва: Наука, 1976.
- Голев, Н. Д.: Лингвистика метаязыкового сознания (проблемы и перспективы). In *Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей*. Кемерово: Барнаул, 2008, с. 7–13.
- Левковская, К. А.: *Теория слова. Принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала*. Москва: Высшая школа, 1962.
- Панченко, Н. Н.: *Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков)*. Волгоград, 1999.
- Бирих, А. К. – Мокенко, В. М. – Степанова, Л. И.: *Русская фразеология историко – этимологический словарь*. Москва, 2005.
- Георгиева, С.: Познание культуры через фразеологию. In *Слово, фраза, текст*. Москва 2002, с.108–113
- Мокиенко, В. – Степанова, Л. – Малинский: *Русская фразеология для чехов*. Оломоуц 2008.
- Čechová, M.: Kulturní frazeologie v současné komunikaci. *Naše řeč*. 1976, № 4, s. 179–183.
- Čermák, F.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Academia Praha, 1988.
- Martinková, M.: *Rusko-český frazeologický slovník*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1953.
- Mokienko, V. – Wurm, A.: *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc, 2002.
- Paivio A.: *Mental representations: A dual coding approach*. New York: Oxford Univ. Press, 1986.
- Vencovská, M. a kol.: *Rusko-český slovník*. Nakladatelství Leda, 2002.

Современная русская игровая фразеология в психолингвистическом аспекте

Modern Russian gaming phraseology in psycholinguistic aspect

Мария Захарова

Abstract

The article is devoted to the study of modern gaming phraseology. *Gaming phraseology* means the rethinking of classical idioms and phraseological expressions within the framework of a language game, which is typical for the modern Russian language situation in colloquial speech and, especially, in the Internet space, as well as the creation of original gaming expressions of this type. Such texts the author proposes to call the *gaming aphorism* to consider in the study of gaming text. The material of the study was both the observation of the existing linguistic situation and the psycholinguistic experiment aimed at revealing the attitude of modern Russian speakers to phraseology in general and game phraseology in particular. The study revealed that, firstly, the majority of young native speakers do not feel the paremiological space around, and, secondly, linguistic experiments, generating gaming phraseology, associated with the desire to rethink the stable expression, perceived as faceless patterns.

Аннотация

Статья посвящена изучению современной игровой фразеологии. Под игровой фразеологией подразумевается переосмысление классических идиом и фразеологических выражений в рамках языковой игры, характерное для современной русской языковой ситуации в разговорной речи и, особенно часто, в интернет-пространстве, а также создание оригинальных игровых выражений такого типа. Подобные тексты автор предлагает называть игровыми афоризмами и рассматривать в рамках изучения игрового текста. Материалом исследования послужило как наблюдение за существующей языковой ситуацией, так и психолингвистический эксперимент, направленный на выявление отношения современных носителей русского языка к фразеологии, в целом, и игровой фразеологии, в частности. В результате исследования выявлено, что, во-первых, большинство молодых носителей языка не ощущают паремиологического пространства вокруг, а, во-вторых, лингвистические эксперименты, порождающие игровую фразеологию, связаны со стремлением переосмыслить устойчивые выражения, воспринимаемые как безликие шаблоны.

Keywords: gaming text, gaming aphorism, phraseology, psycholinguistics, language consciousness, language picture of the world, language game (speech play).

Ключевые слова: игровой текст, игровой афоризм, фразеология, психолингвистика, языковое сознание, языковая картина мира, языковая игра.

Введение

В современной лингвистике существуют разные термины для обозначения устойчивых текстов, входящих в культурное сознание индивида и отражающих его видение картины мира: фразеологизмы, паремии, лингвокультуры, поговорочные выражения и т. д. Сам термин «фразеология» употребляется в двух значениях: узком, собственно лингвистическом, и широком, когнитивном, психолингвистическом, лингвокультурологическом: «идеоматизированная репрезентация культуры», по точному замечанию Н. Ф. Алефиренко. Мы будем говорить о фразеологии именно в этом, широком, значении – как об одном из наиболее явных способов репрезентации не только самой национальной культуры, но и изменений, происходящих в сознании носителей языка и находящихся свое отражение в национальной культуре и национальной языковой картине мира, соответственно.

Объектом нашего исследования станет явление, называемое нами *игровой афоризм*– фразеологические выражения (по классификации Н. М. Шанского), являющиеся результатом лингвокреативной деятельности носителей языка по переосмыслению классических фразеологизмов всех типов, или квазифразеологизмы, созданные в процессе лингвокреативной деятельности носителей языка по модели классических фразеологизмов, но фактически являющиеся окказиональными игровыми текстами (Захарова 2015).

Предметом исследования станет восприятие игровых афоризмов носителями современного русского языка, а также статус этого явления в их языковом сознании.

Гипотезой исследования стало предположение, что игровая фразеология, в основном, связана со стремлением избавиться от стертых метафор и «избитых» выражений, реализуя зафиксированное в сознании образованных носителей русского языка постмодернистское стремление найти что-то новое в мире, где уже все сказано. Поэтому чаще всего игровая фразеология – это разрушение устойчивых конструкций людьми с высоким уровнем развития коммуникативной компетенции.

В связи с этим основной **целью** стало выявление отношения носителей русского языка к классическим и игровым фразеологическим выражениям и восприятия игровых афоризмов современным русским языковым сознанием. Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач**:

Анализ механизмов создания и использования игровых афоризмов в современном русском языке.

Изучение восприятия классической и игровой фразеологии носителями современного русского языка.

Осмысление статуса современного игрового афоризма в языковом сознании.

Для достижения поставленной цели и решения указанных задач мы посчитали целесообразным сформировать **методологию исследования** на стыке методов классической

лингвистики, когнитивной науки и психолингвистики. Изучение языковых явлений на современном этапе развития науки вне осмысления языкового сознания и личности, продуцирующей и воспринимающей эти явления в процессе своей жизнедеятельности, очевидно, уже не может давать результаты, релевантные актуальным задачам. Особенно, когда объектом исследования является фразеология, изначально формирующаяся в поле национального языкового сознания.

Кроме традиционных методов наблюдения, описания и анализа языковых явлений, мы посчитали целесообразным обратиться к экспериментальному методу актуализации языкового сознания испытуемых и когнитивному моделированию смысловых полей, позволяющему объяснять наблюдаемые факты и формировать представление о структуре мыслительной деятельности при порождении и осмыслении изучаемого языкового явления.

В качестве основных трудов, составляющих **теоретическую базу** нашей работы, следует назвать работы по теории языковой игры и лингвокреативной деятельности Т. А. Гридиной (Гридина 1996, Гридина 2002), исследования по языковой игре в зоне фразеологии Н. Ф. Алефиренко (Алефиренко 2014) и В. М. Мокиенко (Мокиенко 2012), а также работы Г. Ф. Рахимкуловой (Рахимкулова 2003, Рахимкулова 2004) по сущности явления, именуемого «игровой текст».

Терминология исследования нуждается в следующих комментариях:

- Как уже было сказано выше, в качестве основного нами используется термин **игровой афоризм**. Явление, обозначаемое данным понятием, весьма разнородно по проявлению и, соответственно, по способам научного описания, однако по механизму реализации, нам представляется возможным, объединить все типы его проявления в единое целое, в то же время отграничив его от сходных проявлений других языковых и речемыслительных механизмов. Мы понимаем под игровым афоризмом все варианты осознанного (не ошибочного) порождения носителем языка конструкций, **имитирующих** зафиксированные в языке фразеологизмы в широком значении этого термина, по форме, употреблению и/или представлению в речи. В отличие от реального фразеологизма, ставшего таковым в результате усвоения носителями языка и многократной ретрансляции в схожих условиях, игровой афоризм по сути своей явление окказионального плана, уподобленное своим автором реальным фразеологизмам. Усвоение и ретрансляция игрового афоризма какой-либо социальной группой или социумом в целом вполне возможны, при выполнении соответствующих условий перехода выражения, цитаты или фразы в разряд фразеологизмов, однако с фактом его появления напрямую это никак не связано.
- Термин **языковая игра**, хорошо известный в современной науке, но имеющий много различных пониманий и определений, используется нами для обозначения *любого преднамеренного целевого нарушения языковой, речевой, коммуникативной или лингвокультурной нормы*, вне зависимости от возникновения комического эффекта. Мы, безусловно, согласны с тем, что в подавляющем большинстве случаев языковая игра реализует лудическую, гедонистическую, эстетическую и/или лингвокреативную функцию, но, вместе с тем, убеждены, что, одновременно с этим, субъект речи, создающий или ретранслирующий языковую игру, преследует какую-либо прагматическую цель,

связанную с организацией общения и/или деятельности. Таким образом, ключевым признаком языковой игры становится преднамеренность нарушения, осознаваемая или ощущаемая субъектом речи, а ключевой и обязательной функцией – прагматическая цель этого нарушения.

- И, наконец, последний из терминов, нуждающихся в комментировании, - **игровой текст**. В лингвистических исследованиях этот термин появляется относительно недавно и, потому, демонстрирует некоторую вариативность понимания. Г. Ф. Рахимкулова определяет его следующим образом: «Под игровым текстом имеется в виду такой художественный текст, главной задачей которого является установление особых, игровых взаимоотношений между читателем и текстом» (Рахимкулова 2004, 18). Полностью разделяя представление о том, что «игровыми» следует называть лишь такие тексты, которые не могут существовать вне непосредственного контакта с читателем, мы понимаем игровой текст «как художественное произведение, материальное тело которого есть не цель авторского замысла, а лишь средство построения взаимодействия автора и читателя, которое направлено на решение задач, не имеющих прямого отношения к содержанию и идейному миру самого произведения» (Захарова 2018, 134–135). В этом плане наблюдается значимое сходство между языковой игрой и игровым текстом: при реализации замысла происходит разделение механизма и интенции автора, т.е. место вопроса «что было сказано?» при когнитивной интерпретации этих явлений занимает вопрос «зачем это было сказано?» (хотя, разумеется, их фактическое сопоставление в принципе не представляется возможным, так как явления эти разного порядка: языковая игра представляет собой одну из форм лингвокреативной деятельности языковой личности, тогда как игровой текст есть результат такой деятельности; языковая игра является одной из техник, применяемых при создании игрового текста).

Последнее замечание имеет особое значение для данного исследования, так как именно этот аспект (разделение механизма и замысла, содержания текста и содержания автора) связывает игровые явления с фразеологией как таковой. В отличие от лексических единиц значение фразеологизма, а следовательно, и цель его включения в высказывание, не может быть выведена из значения составляющих его языковых единиц. В. М. Мокиенко отмечает: «Языковая игра – это словесный парадокс, некоторая «антитеза» всему привычному, нормативному, устойчивому в языке. Именно благодаря такой парадоксальности языковая игра порождает основной целевой эффект – прагматизирует высказывание, выворачивает его на формальную или семантическую «изнанку», делая его экспрессивным. А поскольку одним из категориальных свойств ФЕ является именно экспрессивность, то эта единица как нельзя лучше соответствует парадоксальности игры. Собственно, фразеология по своей языковой функциональной природе также является языковым парадоксом. Парадоксом иного рода, чем языковая игра, но во многом обеспечивающим эффект, создаваемой последней» (Мокиенко 2012, 102).

Н. Ф. Алефиренко еще более категоричен: «Фраземика – древнейший продукт языковой игры, хотя фраземодеривация – процесс вечный и ныне продолжает, играя языковой комбинаторикой, обогащать экспрессивно-образную подсистему языка всё новыми единицами. Фраземы – пожалуй, древнейшие дериваты языковой игры, поскольку само

восприятие жизни как игры присуще человеческому сознанию издревле» (Алефиренко 2014, 6).

Однако мы все же позволим себе сосредоточиться на собственно **игровой фразеологии** – креативном переосмыслении нормативной фразеологии в языковом сознании носителей современного русского языка, нашедшем свое отражение в создании языковых единиц, называемых нами **игровыми афоризмами**, которые могут представлять разные типы игровых текстов и реализовывать собственные когнитивные, психологические, лингвистические и прагматические задачи.

Глава 1. Игровой афоризм как игровой текст

В качестве вступительного замечания представляется необходимым отметить, что в данном исследовании нас интересуют в первую очередь не собственно лингвистические механизмы создания игрового афоризма, многократно и подробно описанные в научной литературе (Санников 1999, 298–300; Алефиренко 2014 и др.), а механизмы психолингвистические и когнитивные, изучение которых позволяет ответить на вопрос, почему носители языка обращаются к игровому афоризму и какие цели и задачи они при этом ставят перед собой и реципиентами своего вербального воздействия.

1.1 Игровой афоризм как самостоятельное произведение

Если хочешь быть счастливым, будь им.

Козьма Прутков

В своей статье, посвященной игровой фразеологии, Н.Ф. Алефиренко именует языковую игру «феноменом постмодернистской лингвистики», разумеется, подразумевая активизацию интереса к данному явлению в лингвистических исследованиях конца XX века, поскольку само явление языковой игры в аспекте обмана ожиданий реципиента упоминается еще в «Риторике» Аристотеля. Однако пристальное внимание лингвистов к языковой игре не случайно возникает именно в этот период. Во-первых, лингвистические исследования начинают активно привлекать данные и методы смежных наук, осознавая невозможность дальнейшего изучения языкового материала в отрыве от его создателя и носителя – возникают психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, которые начинают постепенное обращение лингвистики от материала речевой деятельности к ее целям, задачам и создателям, а именно в этой области возможно изучение игровых процессов в языке. В то же время постмодернистская лингвистика обращает свое внимание на языковую игру еще и потому, что эстетика постмодернизма в сочетании с формированием информационного общества активно стимулирует игровые процессы мышления, порождающие лингвокреативную деятельность языковой личности. И, в первую очередь, катализатором этого процесса становится ощущение, обозначенное Станиславом Ежи Лецем в классическом игровом афоризме «*Все уже сказано до нас*»: осознание того, что все возможные мысли, идеи и события уже были описаны и поименованы, стимулирует поиск новых форм выражения, т.е., в том числе, переосмысления, переделывания существующих (и, прежде всего, осознаваемых как устойчивые) форм выражения мысли, что, собственно, и лежит в основе игровой фразеологии как языкового явления.

Однако классическим данный афоризм является не только потому, что признается одной из наиболее точных формулировок, описывающих эстетику постмодернизма, но и потому, что он представляет один из двух классических типов игрового афоризма – **афоризм, созданный именно в таком качестве, в качестве афоризма**. Суть игры в данном случае находится за рамками собственно языковых явлений. Сам по себе текст такого афоризма может быть абсолютно нормативен. Более того, обычно он и по содержанию, и по форме вполне вписывается в рамке стандартного, нормального афоризма. Парадокс же и сама игра заключается в том, что обычно афоризм (фразеологизм, идиома, крылатое выражение, пословица) становится таковым не по воле своего создателя, а в результате коллективной деятельности носителей языка, принявших и многократно ретранслировавших показавшуюся им удачной фразу, изначально локализованную в конкретной речевой ситуации и не претендующей на последующую ретрансляцию. Игровой же афоризм не имеет реального коммуникативного контекста. Он создается своим автором не в процессе коммуникации, а изначально как самостоятельный текст, претендующий на статус устойчивого выражения и представляемый реципиентам именно в этом качестве, уже как состоявшийся афоризм.

В данном случае игра происходит не в пространстве текста, а в зоне взаимодействия автора и читателя. Автор декларирует свой текст как мудрую мысль и предлагает читателю взаимодействовать с ней соответствующим образом – как с афоризмом (фразеологизмом, пословицей), прошедшим этап отбора, анализа и оценки национальным сознанием. Сталкиваясь с текстами подобного рода, реципиент, полагаясь на адекватность предшествующего контроля, оценивает их содержание не критично, изначально предполагая наличие в них некоего разумного и полезного навыка, наблюдения или рекомендации, которую следует воспринять и использовать.

Естественно, для того, чтобы создать текст такого рода умышленно, необходимо соблюсти формальные, смысловые и функциональные требования, позволяющие реципиенту опознать имитационный текст как подлинный. В частности, необходимы включенность в национальный и мировой контекст, соответствие национально-языковой картине мира и наличие нескольких смысловых уровней, различающихся по глубине восприятия и оценки действительности. Однако, в отличие от нормативного афоризма, качество которого проверено временем и употребление, игровой афоризм воспринимается как качественный потому, что реципиент опознает его как афоризм.

Произведения такого рода в русской культуре имеют достаточно давнюю историю, начиная с Козьмы Пруткова и заканчивая современными афористами, например, Владимиром Вишневым. Любопытно отметить, что успешность таких афоризмов определяется как раз по тому, становятся ли они достоянием национального языкового сознания (частично пройдя путь нормативного афоризма и войдя в фонд национальных фразеологических выражений) или остаются произведением определенного автора.

1.2 Игровой афоризм как переосмысление существующего

Одна голова – хорошо, а две – уже некрасиво...

Второй вариант классического игрового афоризма – самый частотный его вид в современном языковом пространстве – это искажение, изменение или переосмысление

хорошо известного, уже существующего устойчивого выражения. Именно этот тип игрового афоризма чаще всего становится объектом лингвистического анализа, так как в его основе лежит стандартный механизм языковой игры – осознанное нарушение существующей нормы, в данном случае, нормы неизменности формы (устойчивое сочетание) и идеоматичности значения (значение не выводится из значений составных элементов) фразеологизма.

Действительно, здесь нельзя не согласиться с позицией В. М. Мокиенко, фразеология представляет один из наиболее подходящих для языковой игры фрагментов языкового материала. Сущность языковой игры, с точки зрения коммуникативного взаимодействия, – это, прежде всего, *обман ожиданий реципиента*. Этим обусловлен и часто возникающий при игровом взаимодействии комический эффект. В процессе коммуникации реципиент вербального воздействия мысленно простраивает дальнейшее развитие коммуникативного акта, исходя из текущей ситуации и вербальных и ситуационных предпосылок. Это обеспечивает быстроту принятия реципиентом коммуникативных решений и возможность частой и быстрой смены ролей коммуникантов. Субъект речи, реализующий игровую стратегию, в свою очередь прогнозирует ожидание реципиента и нарушает его, вербализуя непрогнозируемый финал. Это вызывает у реципиента кратковременный когнитивный шок, разрешающийся в большинстве случаев смеховой реакцией, так как обычно языковая игра для реципиента не имеет реальных или ощущаемых фатальных последствий, которые могут вызвать негативную реакцию.

Фразеология чрезвычайно удобна для реализации данной речевой тактики, так как устойчивость конструкции автоматически подсказывает любому реципиенту однозначный невариативный финал, изменение которого легко вызывает ощущение обманутого ожидания. Более того, игра с фразеологизмом позволяет успешно реализовать и еще одну задачу – стимулирование критического мышления реципиента в заданном субъектом речевого воздействия направлении. Восприятие фразеологической единицы таково, что при стимулировании реципиента с помощью начальных элементов устойчивой единицы в его сознании сразу же возникает ее полное значение, так как оно нечленимо и присуще всему фразеологизму целиком. Следовательно, опознание фразеологизма есть опознание его значения. Предъявление реципиенту иного финал уже не может ничего изменить – полное значение фразеологизма актуализировалось в сознании реципиента, а значит, новое значение – значение игровой единицы – накладывается на существующее, сравнивается и сопоставляется с ним. Происходит не разрушение фразеологизма из-за буквализации его значения, а наложение смыслов, стимулирующее критический анализ исходного значения фразеологизма. Исходное значение, буквализация и значение нового игрового афоризма одновременно актуализируются в сознании реципиента, накладываясь одно на другое.

1.3 Игровой афоризм как квазицитата

Главная проблема цитат в интернете в том, что люди сразу верят в их подлинность.

В. И. Ленин

Квазицитаты – это фразы, приписываемые тем, кто их не говорил, или отличающиеся от того, что реально было сказано. Отличие игровых квазицитат в том, что ошибочная

атрибуция в них является не ошибкой, а осознанным и демонстративным нарушением нормы, преследующим определенные цели, наиболее частной из которых является как раз демонстрация ошибочной атрибуции. Задачей реципиента в этом случае становится поиск аргументов ошибочности атрибуции в соотношении содержания или формы сказанного и образа декларируемого автора.

Квазицитаты – это классический элемент игрового текста, так как грамотная расшифровка авторской интенции вызывает у реципиента не только позитивные эмоции на фоне ощущения интеллектуального успеха, но и определенные мысли и суждения, актуализированные не самим текстом, а той интеллектуальной работой, которая была проведена фактически по заданию автора и прогнозировалась им еще в фазе замысла текста. Дешифровка авторского замысла вызывает не только удовлетворение реципиента, но и ощущение общности с автором и одновременной противопоставленности «остальным» – тем, кто по-прежнему воспринимает квазицитату как подлинную ссылку на авторитет и не знает того, что известно автору и реципиенту.

В подавляющем большинстве случаев текст квазицитаты является продуктом авторского сознания, тогда как декларируемым автором квазицитаты становится хорошо известное потенциальным реципиентам лицо, которое, с их точки зрения, может являться автором подобного афоризма. Это позволяет на первом этапе взаимодействия ввести реципиента в заблуждение и реализовать тактику обманутого ожидания. Необходимым это является потому, что фаза заблуждения в рамках построения игровой коммуникации выступает своеобразным детектором «свой-чужой», позволяющим отсеивать реципиентов, не соответствующих заданным автором критериям, в качестве которых чаще всего выступают достаточно высокий интеллектуальный уровень, общий с автором набор фоновый знаний и близость картины мира автора и реципиента. «Свой» (или просто подходящий для реализации авторского замысла) реципиент должен выйти из фазы заблуждения, ощутив когнитивный диссонанс при сопоставлении смысла сообщаемого и образа автора, существующего в его сознании. Вслед за этим наступает фаза обманутого ожидания, когда реципиент осознает, что цитата и декларируемый автор не могут находиться в одном смысловом пространстве. Затем уже начинается полноценное коммуникативное взаимодействие с реальным автором квазицитаты, в процессе которого происходит выявление и дешифровка реципиентом авторской интенции и замысла автора.

1.4 Игровой афоризм как квазиэпиграф

Надо действовать тонко.

Молоток

Квазиэпиграф во многом близок явлению квазицитаты и используется классических игровых текстах. Родоначальником квазиэпиграфов в современной литературе принято считать основателя направления юмористического фэнтези – американского писателя Роберта Асприна. Пример, приведенный в данном разделе, взят из его первого романа «Еще один великолепный миф» (1978).

Механизмы восприятия квазиэпиграфа реципиентом и принципы осуществления коммуникативного взаимодействия автором в обоих случаях идентичны.

С одной стороны, квазиэпиграф фактически и есть квазицитата, так как представляет

собой изречение (реальный или игровой афоризм), более или менее демонстративно приписываемое какому-либо автору. С другой стороны, в качестве автора или источника квазиэпиграфа может быть предложено кто и что угодно, тогда как квазицитата обычно приписывает вполне определенному и известному реципиентам лицу. Различие это, очевидно, объясняется коммуникативной ситуацией: для имитации квазицитаты необходимо соблюдение внешнего сходства с явлением цитирования значимых для социума личностей, мысли которых претендуют на афористичность. Так как смысловая ценность квазицитаты не бесспорна, имитация обеспечивается значимой для реципиента атрибуцией.

Квазиэпиграф находится в пространстве игрового текста, где его статус поддерживается, в первую очередь, формальными признаками – расположением и оформлением. Это достаточные условия для имитации явления в сознании реципиента.

Квазиэпиграф выполняется в пределах игрового текста функции нормативного эпиграфа, отличаясь от него только своей игровой природой. Для квазиэпиграфа одинаково значимыми является и текст, и атрибуция, так как заложенное автором значение, дешифровка которого поможет реципиенту правильно сориентироваться в содержании последующего текста, возникает только при сопоставлении смысла текста и представлений о декларируемом авторе, существующих в сознании реципиента. В зоне несовпадения формируется новый смысл, отсутствующий в реальном текстовом пространстве. И именно он является фактическим эпиграфом к дальнейшему повествованию.

В приведенном примере фактический смысл эпиграфа можно представить в следующей схеме:



1.5 Игровой афоризм как способ осмысления действительности

В современно интернет-пространстве, помимо указанных, существует и еще один тип игровых афоризмов, собственно родившийся и развившийся именно в поле интернет-

коммуникации. Для нее характерна внешняя открытость межличностных отношений, когда для вступления в коммуникативное взаимодействие необходимо лишь наличие средства передачи своих мыслей, согласия собеседников, знакомства с ним не требуется, любые внешние ограничители коммуникативных связей (пол, возраст, социальный статус, сфера общения и прочее) отсутствуют. Внешнее формальное равенство коммуникантов, сложившееся в том числе и в результате исходного формирования интернет-пространства и норм существования в нем преимущественно людьми молодого возраста, приводит к тому, что на современном этапе нормативной формой коммуникации здесь является изложение собственной позиции по любому вопросу, а также обнародование наблюдений за окружающим миром в любой форме.

Стремление познать мир вокруг и самого себя и сразу же обнародовать полученные выводы, вполне характерное для людей молодого возраста, в интернет-пространстве получает разнообразные креативные формы, одной из которых и является игровой афоризм. В рунете стандарты создания и представления игровых афоризмов такого типа сформировались в рамках проектов «Вредные цитаты» и «Правда жизни»:



– изображение (обычно рисунок) и игровой афоризм (обычно ярким, игровым шрифтом), традиционно размещенные на белом фоне.

В последнее время наблюдается тенденция замещения рисунка и белого фона цветным фоном или фоновым изображением, объединяющим циклы игровых афоризмов.

Этот тип игровых текстов достаточно разнороден по языковым механизмам: здесь встречаются и переосмысления реальных фразеологических выражений, и изложение собственных наблюдений, имитирующее по форме устойчивые выражения, и, как в приведенном примере, обыгрывание устойчивых выражений путем включения их в новый устойчивый контекст, меняющий ракурс восприятия и формирующий новые смыслы.

Объединяет все эти проявления общая цель – представление верного, с точки зрения автора, взгляда на наблюдаемые явления. Совпадение точки зрения автора

с представлениями значимой части интернет-сообщества, так же, как этот механизм действовал в реальном языковом пространстве при фразеологизации точного экспрессивного выражения, приводит к массовой ретрансляции выражения и включению его в языковую картину мира определенного сообщества или социума в целом. Это позволяет говорить о формировании в интернет-пространстве новых фразеологических единиц, постепенно проникающих в общенациональную языковую картину мира.

Глава 2. Восприятие игрового афоризма носителями русского языка

Для осмысления статуса классической и игровой фразеологии в современном языковом сознании мы обратились к экспериментальной деятельности. В эксперименте участвовало порядка ста молодых носителей русского языка (студенты московских вузов 1–2 курсов разных направлений образования). Для всех участников эксперимента русский язык является родным. Все они сдавали государственный экзамен по русскому языку при окончании школы и продемонстрировали уровень знаний, достаточный для поступления в московские государственные вузы. Уровень речевой компетенции участников эксперимента оценивается как высокий: орфографических, пунктуационных, грамматических, речевых ошибок тестовые материалы участников эксперимента не содержат.

2.1 Сущность эксперимента

В *первой фазе* эксперимента участникам было предложено ответить на несколько вопросов, касающихся фразеологии:

- Что такое фразеологизм?
- Где вы встречали фразеологизмы?
- Используете ли вы фразеологизмы в своей речи?
- Используют ли фразеологизмы люди в вашем окружении?
- Если да, что это за люди?
- Встречались ли вы с искаженными, неправильными фразеологизмами?
- Как вы считаете, чем вызваны эти искажения?
- Как вы относитесь к таким искажениям?

Эта фаза эксперимента преследовала несколько целей: во-первых, анализ ответов, данных в свободной форме, позволил выявить фактический уровень речевой компетенции участников эксперимента; во-вторых, были получены статистические данные, связанные с осознаваемой носителями языка ролью фразеологизмов в современном русском языковом пространстве; в-третьих, ответы респондентов позволили судить об их способности к саморефлексии и осознанию наблюдаемых речевых и коммуникативных явлений. Ключевой задачей этой фазы было выявить существующие представления о игровом афоризме. Нас интересовало:

1. Смогут ли носители языка опознать данное явление по определению «искаженный фразеологизм»?
2. Какую причину возникновения таких искажений они предложат?
3. Какую позицию займут по отношению к игровым явлениям в языке?

Вторая фаза эксперимента была направлена на выявление уровня фразеологической компетентности участников эксперимента. Им было предложено три задания (каждое задание выполнялось на отдельном бланке, который сдавался непосредственно после выполнения задания):

- В течение трех минут записать максимальное количество фразеологизмов (специально оговаривалось, что *можно привести любые примеры: фразеологизмы, пословицы, поговорки*)
- Продолжить известные фразеологизмы:
Одна голова хорошо...
Два сапога...
В тихом омуте...
Баба с возу...
Ждать у моря...
Ни рыба...
Медвежья...
В чужой монастырь...
На безрыбье...
После дождичка...
- Объяснить значение известных фразеологизмов:
Одна голова – хорошо, а две – лучше.
Биться как рыба об лед.
В тихом омуте черти водятся.
Море по колено.
Вилами на воде писано.
Ждать у моря погоды.
Комар носа не подточит.
Спустя рукава
Бить баклуши
Ни рыба ни мясо.

Ключевых задач в этой фазе было две: подтвердить или опровергнуть гипотезу о снижении фразеологической компетентности молодых носителей современного русского языка, а также проверить, будут ли предложены при выполнении первого задания не нормативные, а игровые фразеологизмы, а при выполнении второго задания – игровые варианты продолжения фразеологизма.

Целью **третьей фазы** эксперимента было выявление представлений носителей языка об игровой фразеологии. Участников эксперимента, в завершение работы, попросили привести примеры игровых фразеологизмов. Задача была поставлена следующим образом: *привести известные вам примеры удачных искажений (изменений) устойчивых выражений.*

2.2 Восприятие носителями языка фразеологического пространства в целом

В первой фазе эксперимента были получены следующие данные:

- Только 9% опрошенных утверждали, что *часто* используют фразеологизмы в речи, 39% опрошенных выбрали вариант *редко* и *крайне редко*, 4% указали, что *никогда* не используют в своей речифразеологизмы. Наиболее интересным представляется тот факт, что 22% опрошенных отказались отвечать на данный вопрос, *затруднившись* оценить наличие фразеологизмов в собственном активном словаре, при том, что само понятие фразеологизм не вызвало у опрошенных затруднений.
- 56% опрошенных указали, что *никто* из их окружения не использует фразеологизмы в речи; оставшиеся ответы оказались распределены между тремя частотными вариантами: *старшие, родные* (учитывая возраст опрошенных, это фактически вариант ответа *старшие*), *образованные* (ответы были даны в свободной форме и затем сгруппированы по частотным семам); 13% опрошенных не смогли ответить и на этот вопрос.

Эти два блока данных позволяют нам предположить, что большинство молодых носителей языка не ощущают паремиологического пространства вокруг себя, маркируя его как принадлежность речи более старших и более образованных носителей языка, чем они сами. Нам кажется возможным предположить, что проблема заключается не только в том, что фразеологические единицы уходят из активного словаря (это явление отмечается многими исследователями), но и в том, что носители языка перестают осознавать наличие в языке данных единиц и фиксировать их употребление в своей и чужой речи, сохраняя, в то же время, понимание этих единиц и способность к их грамотному использованию.

Данные, полученные во второй фазе эксперимента, подтверждают выдвинутые предположения. Действительно, только 26% респондентов имеют паремии в активном словаре в достаточном количестве, а 22% опрошенных за три минуты не смогли привести ни одного примера, еще 23% процесса сделали в приведенных примерах значимые смысловые ошибки. В то же время 86% опрошенных полностью справились с третьим заданием и смогли дать верное объяснение всем десяти предложенным выражениям. Еще 9% не дали ответа или дали неверный ответ лишь в 1-3 случаях, справившись с остальными примерами. Второе задание дало сходные результаты: более 70% опрошенных дали верные ответы на все стимулы.

Таким образом, мы видим, что фразеологическая компетенция молодых носителей языка, действительно, демонстрирует падение уровня активного владения, при сохранении высокого уровня пассивного владения русской фразеологией.

2.3 Восприятие носителями языка игровой фразеологии

Первая фаза эксперимента продемонстрировала, что осознанное знакомство с игровой фразеологией, позволяющее опознать в стимуле «искаженный фразеологизм» игровой афоризм, характерно не для всех молодых носителей языка. Шутку, иронию, игру назвали в качестве причины возникновения искажений при использовании устойчивых выражений 39% опрошенных, из 26% указали на осознанный, умышленный характер искажения. Показательно, что те же 26% показали достаточное активное владение нормативной фразеологией, о чем шла речь в предыдущем разделе.

Положительно оценили явление «искаженных фразеологизмов» 34% респондентов, 17% из которых указали, что положительно оцениваются искажения только при

умышленном характере ошибки, т.е. прямо указали на игровой характер «искаженного фразеологизма».

Во второй фазе эксперимента игровые афоризмы в той или иной форме присутствовали в работах 21% респондентов. Любопытно, что 4% участников эксперимента при выполнении первого задания не смогли вспомнить ни одного нормативного фразеологизма, зато привели более трех игровых афоризмов.

При выполнении второго задания игровые афоризмы встретились также только в 4% работ, причем игровое окончание получили только стимулы *Одна голова – хорошо...* и *Ни рыба...* В первом случае были предложены два варианта: *...а с телом лучше / ...а две – уже некрасиво*, во втором – только один: *...ни колбаса*. Остальным стимулам во всех работах были предложены нормативные финалы (естественно, за исключением случаев отсутствия ответа).

Третья фаза эксперимента подтвердила предположения, возникшие при анализе материалов предшествующих этапов: 82% респондентов не смогли выполнить предложенное задание, прямо или косвенно отказавшись его выполнять. Из оставшихся 18% только половина смогла привести приемлемые примеры игровых афоризмов, остальные предприняли попытку самостоятельно создать игровой афоризм, в целом, не увенчавшуюся успехом.

Таким образом, эксперимент подтвердил, что лингвокреативная деятельность связана с общим уровнем развития языковой компетенции и не является нормативным видом деятельности для рядового носителя языка. Способность верно идентифицировать и интерпретировать игровые афоризмы была проявлена теми респондентами, которые продемонстрировали наиболее высокий уровень речевого развития. Самостоятельное же продуцирование игрового текста оказалось сложным для подавляющего большинства участников эксперимента, несмотря на их принадлежность к креативной и образованной части социума.

2.4. Общие итоги эксперимента

Анализируя игровую фразеологию и механизмы ее реализации в коммуникативном взаимодействии, мы сформировали структуру эксперимента таким образом, чтобы найти подтверждение нашему представлению о схеме реализации языковой игры во фразеологической сфере, а также проследить, оказало ли игровое фразеологическое пространство влияния на современных носителей русского языка.

Эксперимент, с одной стороны, подтвердил наши представления: носители языка, действительно, легко достраивают известные им фразеологизмы по начальным фрагментам, что подтверждает: стимул в виде начальной части фразеологизма, если он известен реципиенту, всегда вызывает в его сознании целостное значение фразеологизмы. Также было в очередной раз подтверждено, что для полноценного восприятия, а тем более продуцирования языковой игры необходим высокий уровень языковой, речевой и коммуникативной компетенции и достаточная степень креативности языкового сознания.

С другой стороны, уровень знания игровой фразеологии носителями русского языка

оказался крайне слабым, что ставит под сомнение предположение о формировании в этой сфере новых общенациональных фразеологизмов. В то же время отдельные примеры игровой фразеологии тем не менее нашли свое отражение в работах участников эксперимента, а следовательно, и в их языковой картине мира.

Заключение

Проведенное исследование позволяет, как нам представляется, утверждать, что современная русская игровая фразеология, как и фразеологическая система русского языка в целом, реализует задачу более глубокого осмысления и более точного описания национальной картины мира. Разрушение нормативных фразеологизмов в рамках языковой игры фактически приводит к переосмыслению устойчивых шаблонных форм и коррекции их смыслов в рамках современного представления о мире.

В рамках игрового текста и творческого переосмысления действительности игровая фразеология также способствует углублению миропонимания реципиента, стимулируя его мыслительную деятельность, направленную на поиск и выявление противоречий и закономерностей, позволяющих лучше понять окружающий мир.

В процессе формирования общего коммуникативного пространства между автором и читателем игровая фразеология последовательно разрушает нормативное взаимодействие «человек – текст», позволяя читателю перейти в позицию реципиента прямого авторского воздействия и установить коммуникативные отношения не с текстом, написанным автором, а непосредственно с самим авторским сознанием и его индивидуально-личностным представлением о действительности.

Список использованных материалов

- Алефиренко, Н. Ф.: Фразеология и языковая игра. In *SlavicaNitriensia* 3, 2014, 1, s. 5–19.
- Гридина, Т. А.: Языковая игра как лингвокреативная деятельность. In *Язык. Система. Личность. Языковая игра как лингвокреативная деятельность. Формирование языковой личности в онтогенезе*. Екатеринбург, 2002.
- Гридина, Т. А.: *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. педагог. ун-та, 1996.
- Захарова, М. В.: Игровой текст в истории русского литературного языка. In *Язык как материал словесности: XXI научные чтения (20 октября 2018 г. Москва / К 95-летию профессора А. И. Горшкова*. Казань : Бук, 2018, s. 133–142.
- Захарова, М. В.: Современный иронический афоризм как игровой текст. In *Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л.И. Осиповой*. Москва: ВивидАрт, 2015, s. 64–75.
- Мокиенко, В. М.: Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла. In *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації*, 2012 Т. 25 (64), № 2 (1), s. 100–109.
- Рахимкулова, Г. Ф.: *Олакрез Нарцисса: Проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2003.

Рахимкулова, Г. Ф.: *Языковая игра в прозе Владимира Набокова (к проблеме игрового стиля): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Ростов-на-Дону, 2004.

Санников, В. З.: *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва: Языки русской культуры, 1999.

Колористика фразеологических анатомических терминов

Coloristics of phraseological anatomic terms

Е. М. Какзанова

Abstract

The article describes terminological anatomic color-related phraseological units. In accordance with the object of the article, 19 phraseological anatomic terms with the color component were singled out. The identified tasks included the description of semantic kinds of selected terms, their place in the language system and the comparative analysis of models for building the analyzed phraseological units in Russian, German, English and Latin microsystems. The problem statement is conditioned by the poor status of theoretical problems connected with the study of terminological color-related phraseological units and their semantics, with semantic processes forming the basis of terminological meaning in the phraseology and with the need to solve different problem in the applied linguistics. Scientific aspects of the color theory, terminological anatomic color-related phraseological units were considered from the perspective of cognitive science and anthropocentric paradigm.

Аннотация

Целью статьи является описание терминологических анатомических цветофразеологизмов. В соответствии с целью статьи были отобраны 19 фразеологических анатомических терминов с колоративным компонентом. Были сформулированы задачи описания семантических свойств отобранных терминов, определения их места в системе языка, а также проведения сопоставительного анализа моделей построения исследуемых фразеологизмов в микросистемах русского, немецкого, английского и латинского языков. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью теоретических проблем, связанных с изучением терминологических цветофразеологизмов и их семантики, с семантическими процессами, лежащими в основе формирования терминологического значения во фразеологии, а также с необходимостью решения различных задач прикладной лингвистики. Научные аспекты теории цвета, анатомические терминологические цветофразеологизмы рассмотрены в свете когнитивистики и антропоцентрической парадигмы.

Keywords: phraseology, color-related phraseological unit, term, anatomy, color, anthropocentric paradigm, comparative analysis

Ключевые слова: фразеология, цветофразеологизм, термин, анатомия, цвет, антропоцентрическая парадигма, сопоставительный анализ

Введение

Современное состояние и перспективы изучения фразеологии находятся в русле когнитивного направления в языкознании. Наиболее информативными при лингвокогнитивном анализе концептосферы предстают словная (лексемная) и сверхсловная (свободные словосочетания, фразеологизмы) номинации, поскольку они служат способом порождения, развития, рецепции и хранения знания (Батырова 2005, с. 11). По мнению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, фразеологизмы являются когнитивным феноменом в том смысле, что образная составляющая фразеологизма, даже если она не влияет непосредственно на актуальное значение, является частью плана содержания (Баранов – Добровольский 2008, с. 21). Одной из значимых когнитивных категорий в осмыслении окружающего мира человеком в когнитивистике рассматривается цвет.

Проблема языкового восприятия цвета заинтересовала ученых уже в середине XIX в. (Завьялова 2011, с. 14). Р. М. Фрумкина использует термины «имена цвета» (ИЦ) и «мир цвета» – «порождение нашего глаза и мозга» (Фрумкина 2001, с. 25) и говорит о феноменологии мира цвета, о психолингвистических и психофизических факторах, о том, как они отражаются и структурируются в языке.

Процесс возникновения и развития цветообозначений в различных языках является своего рода языковой универсалией (Багана – Еркова 2014, с. 5). Анализируя цветообозначения, В. Г. Кульпина изучает двусоставные фразеологизмы с цветовым компонентом и вводит понятие «цветофразеологизм» (Кульпина 2001, с. 145), под которым понимает фразеологический термин цвета и утверждает, что он является неотъемлемым смысловым компонентом словосочетания, усиливая его экспрессивность. При этом экспрессивность в сфере фразеологии Н.С. Ильющенко называет интенсивной выразительностью (Ильющенко 2013, с. 56), а в качестве интенсивов в данной статье выступают прилагательные цвета. Ж. Багана и Д. Н. Еркова определяют цветофразеологизмы как устойчивые единицы языка, представленные различными структурами и содержащие компонент цвета (Багана – Еркова 2014, с. 12).

По мнению А. В. Кунина, следующий показатель устойчивости образует минимальную фразеологическую устойчивость: устойчивость употребления, т.е. показатель того, что фразеологизм является единицей языка, общественным достоянием в данном языковом коллективе, а не индивидуальным оборотом, употребленным тем или иным автором (Кунин 1996, с. 25). Н.А. Завьялова добавляет, что устойчивость – это ограничение на образование вариантов (Завьялова 2011, с. 29).

В любом языке цветообозначения играют существенную роль в жизни людей. При этом они не только дают информацию об осмыслении картины мира различными культурами, но и помогают лучше осмысливать терминологию. Терминологическая фразеологизация представляет собой языковой процесс, в результате которого возникает новая фразеологическая терминологическая единица, что, по мнению С.С. Алешкевича, обогащает экспрессивно-фразеологические ресурсы языка (Алешкевич 2008, с. 94). В случае с анатомической цветовой терминологией, которая является предметом настоящей статьи, речь идёт не об идиомах, или фразеологических сращениях (по классификации В.В. Виноградова), но идёт о терминологических цветофразеологизмах типа *красные кровяные*

тельца, серое вещество, фразеологический статус которых в системе языка исследуется в соответствующем параграфе.

1. Место фразеологических анатомических терминов в системе языка

В. В. Виноградов выделил три основных типа фразеологических единиц:

1. Фразеологические сращения – устойчивые сочетания слов, не мотивированные внутренней формой.
2. Фразеологические единства – устойчивые сочетания слов с прозрачной внутренней формой.
3. Фразеологические сочетания – выражения, в которых одно из слов употреблено в прямом значении, а второе – во фразеологически связанном (Виноградов 1977, с. 142, 143, 144).

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский называют фразеологические сочетания коллокациями (Баранов – Добровольский 2008, с. 67).

В случае с фразеологическими сочетаниями взаимодействие компонентов фразеологизма может быть почти нормативным, они легко сочетаются и переплетаются без создания ярко выраженного стилистического эффекта. В целом степень номинативной самостоятельности компонентов фразеологизма определяется тем, насколько они похожи на слова свободного употребления: совпадают ли (и насколько) их значения со словарными значениями соответствующих слов, насколько полны их грамматические парадигмы, способны ли они употребляться отдельно от фразеологизма и взаимодействовать с контекстом; количество этих показателей определяет меру номинативной самостоятельности компонентов фразеологизма (Зеленкина 2001, с. 15).

Рассматриваемые в нашей статье фразеологические анатомические термины с колоративным компонентом больше всего подпадают под определение фразеологических сочетаний. Они образуются реализацией несвободных, связанных значений слов и привлекают внимание своей необычной сочетаемостью. В то же время в научной литературе их иногда называют «несвободными словосочетаниями» и определяют их положение как пограничное между фразеологизмами и свободными словосочетаниями. При этом отмечается, что несвободные словосочетания характеризуются аналитичностью, воспроизводятся в готовом виде, легко приходят на ум носителям родного языка, психологически воспринимаются как лексические единства (Волкова 2004, с. 5).

Автор настоящей статьи хотел бы оговориться, что несвободными рассматриваемые в статье словосочетания являются исключительно в рамках анатомической терминологии. В детерминологизированном значении они могут превращаться в свободные словосочетания с иной степенью устойчивости. Так, цветофразеологизм, или несвободное словосочетание *белое вещество* в детерминологизированном значении может означать «зубной порошок», «соль», «сахар», «пищевую соду» и т.п.

Ещё один аргумент в пользу того, что рассматриваемые цветофразеологизмы могут считаться несвободными словосочетаниями – это невозможность сочетаемости

с синонимами. Так, мы не можем заменить цветофразеологизм *серое вещество* на словосочетание «серый материал». Во втором случае словосочетание теряет свой терминологический смысл.

Согласно классификации А. В. Кунина, фразеологические единицы делятся на идиомы, идиофразеоматические и фразеоматические сочетания. Исходя из того, что фразеоматические сочетания характеризуются отсутствием переосмысленного, или переносного фразеологического значения, А. В. Кунин предлагал рассматривать их как устойчивые словосочетания нефразеологического характера (Батырова 2005, с. 7), с чем автор настоящей статьи не может согласиться. Вспомним В. Н. Телию, которая считала, что в широком смысле под фразеологией в современной лингвистике понимается всё то, что воспроизводится в готовом виде, не являясь словом (цит. по: Батырова 2005, с. 6).

Существует также мнение, что рассматриваемые в статье сверхсловные комплексы находятся на пересечении терминологии и фразеологии (Банкова 1989, с. 1). Мы считаем, что терминам подобного рода ничто не мешает быть фразеологизмами.

Неоднозначность трактовки статуса терминологических цветофразеологизмов обусловлена их двойственной природой, отличающей их от традиционных фразеологизмов общелитературного языка и предопределяющей их функционирование в узкоспециальной сфере.

Слова общелитературного языка, выступающие в роли опорного компонента таких терминологических фразеологизмов, сами по себе терминологического значения часто не имеют – *покров, бугор, ветвь, линия, пятно*, – но приобретают характер термина на уровне словосочетания. Получается, что в терминологическом фразеологизме лексема фактически теряет самостоятельное значение. В то же время анализируемых терминологических цветофразеологизмах прослеживается мотивированность, их внутренняя форма является, в основном, говорящей, что соответствует определению В. Г. Кульпиной о цветофразеологизмах (Кульпина 2001, с. 160).

Ж. Багана и Д. Н. Еркова выделяют четыре семантически-мотивированные группы цветофразеологизмов, причем медицинские цветофразеологизмы-термины, которые исследуются в настоящей статье, входят, по их мнению, в группу цветофразеологизмов, обозначающих явления материальной и духовной культуры (Багана – Еркова 2014, с. 63, 73, 74), хотя автор настоящей статьи уверен, что они входят в группу цветофразеологизмов, обозначающих человека, поскольку для анализируемых анатомических цветофразеологизмов характерно регулярное присутствие в человеческом бытии. Этот факт позволяет сделать вывод об антропоцентрическом характере анатомических терминологических цветофразеологизмов. Они отражают существование человека, а их анализ позволяет ориентироваться в анатомическом образе человека.

2. Методология исследования

Методология исследования обусловлена целью, задачами и спецификой анализируемого в статье материала.

Методологическую основу составляют фундаментальные идеи, касающиеся сущностных характеристик языка и языковых функций – понимание языка как системы формирования

знаний человека, в том числе и о нем самом, соотношение языковой и понятийной картин мира, философия языка, антропоцентризм языка. Антропоцентризм является одним из принципов современной лингвистической парадигмы. При этом антропоцентризм фразеологической системы не вызывает сомнений у исследователей. Терминологические цветофразеологизмы антропоморфной направленности составляют важную часть фразеологического фонда языка и являются широко употребительными в научной речи. Анализируя лексику антропоцентрической направленности, А. А. Уфимцева относит физические характеристики человека к биолого-физиологической и антропологической сфере проявления человека и считает, что основой разделения лексики антропоцентрической направленности выступают природные или приобретённые характеристики человека (Ильющенко 2013, с. 74).

Е. А. Андреева рассматривает аксиологическую парадигму во фразеологии и относит жизнь и здоровье человека к витальным ценностям, располагающимся на базовом уровне аксиологической шкалы конвенциональных ценностей (Андреева 2011, с. 105).

Наряду с антропоцентризмом и системностью как основными постулатами методологии исследования, упомянем деятельностный методологический постулат. Под деятельностью З. И. Комарова понимает процесс человеческой активности в его взаимодействии с окружающим миром для достижения определённых целей, а потому вне человеческой деятельности не существует ни сам язык, ни его познание (Комарова 2012, с. 28).

2.1 Используемые методы

В работе комбинируются различные методы исследования. Для изучения фактов языка в его синхронном аспекте автор воспользовался универсальным описательным методом и его методиками – наблюдением, обобщением, интерпретацией и классификацией.

На первом этапе исследования автором были выделены фразеологические анатомические термины с колоративным компонентом, зафиксированные лексикографически. Таким образом, к отбираемым фразеологическим единицам предъявлялись следующие требования: тематическое единство (анатомия), наличие цветообозначения в составе и представленность в словарях. Последний критерий доказывает тот факт, что отобранные фразеологизмы являются единицами языка, общественным достоянием, а не индивидуальным оборотом, употребленным тем или иным автором.

При отборе цветофразеологизмов речь шла об анатомических понятиях, которые практически всегда присутствуют в организме человека и патологией не являются. Из исследования исключаются также анахронизмы, например, «чёрная желчь» как один из четырёх телесных соков, известных Книдской врачебной школе в V веке до н.э.

На втором этапе исследования с помощью метода лексикографического толкования выявляются значения фразеологических анатомических терминов с колоративным компонентом. Значения самого колоративного компонента в составе фразеологических анатомических терминов выявляются методом компонентного анализа лексики.

Исследуемый материал подводит к такому механизму фразеобразования, в результате которого образуются самостоятельные цветофразеологизмы, что происходит при включении фразеологизмов в контекст. О контексте свидетельствуют лексикографическая фиксация отобранных цветофразеологизмов, а также присутствие данных терминологических

словосочетаний в научной литературе. Так, в описании магнитно-резонансной томографии головного мозга читаем: «В белом веществе определяются единичные очаги субкортикальной гиперинтенсивности размерами до 2 мм – вероятно, сосудистого генеза».

В конце исследования автор воспользовался методикой наблюдения и сопоставления языковых фактов. Основой для её применения послужили результаты ономазиологической интерпретации цветофразеологизмов, которая дает представление об их сходстве и различии на материале родственных и неродственных языков – русского, немецкого, английского и латыни.

3. Научные аспекты теории цвета

Колоративный компонент в составе фразеологических анатомических терминов представляет интерес для лингвистических исследований с разных точек зрения: собственно-лингвистической, психолингвистической, философской, культурной. В культуре человечества цвет всегда имел большое значение вследствие его тесной связи с философским и эстетическим осмыслением мира, а сам цвет и цветообозначения являются объектом исследования многих наук – философии, психологии, этнологии, языкознания, а также смежных с ними дисциплин - этнолингвистики и психосемантики (Багана – Еркова 2014, с. 4).

Физическая характеристика цвета как ощущения, которое получает человек при попадании ему в глаз световых лучей, встречается уже в теории цвета у древнегреческого учёного Аристотеля (384 до н.э. – 322 до н.э.) и ирландского философа Дж. Беркли (1685–1753). Аристотель считал, что цвет есть нечто видимое, а значит – воспринимаемое зрением. Причем цвет и вне зрения является чем-то видимым, поскольку уже обладает готовой для восприятия формой и содержит все необходимые условия видения (Месяц 2013, с. 30). Дж. Беркли добавляет, что первичным и специфическим образом цвет есть объект зрения, но вторичным образом это объект воображения, потому что цвет, который поистине воспринимается только зрением, может быть, тем не менее, почувствован через воображение, если будут услышаны, например, слова «синий» или «красный» (Беркли 2015, с. 191).

Й. В. Гёте называл свойственные глазу цвета физиологическими, как необходимое условие зрения (Гёте 2015, с. 327)

Способность различать цвета составляет существенную часть возможностей зрительного восприятия человека, многое материальное и нематериальное в окружающем мире воспринимается благодаря цвету (Багана – Еркова 2014, с. 4).

Цвет как способ описания некоторых частей и полостей тела является необходимой составляющей визуально-терминологической картины мира. В этом случае цвет является «эффективным каналом коммуникации, сложной знаковой системой» (Завьялова 2011, с. 12).

Человек описывает свое тело и его органы при помощи тех цветов и оттенков, которые он сам видит.

В своё время мы рассмотрели логическую структуру атрибутивных медицинских

терминов из области эндокринологии (Какзанова 2018). Основываясь на концепции Р. Карнапа, мы исследовали наблюдаемые и диспозиционные термины и предположили, что логическая классификация терминов может быть применима к атрибутивным терминам из любой области медицинской науки. Согласно концепции философа и логика Р. Карнапа (1891-1970), язык каждой науки распадается на язык теории и язык наблюдений. Язык наблюдений пользуется так называемыми наблюдаемыми терминами, т.е. терминами, объективирующими ту или иную экспериментальную проверку. К их числу можно отнести, например, атрибут «красный».

На примере предложения «Данная роза красна» был назван ряд условий, которые должны быть соблюдены при проведении экспериментальной проверки, или визуального наблюдения. Такими условиями являются наличие определённого освещения (чтобы при его отсутствии, например, в сумерках, красная роза не казалась чёрной; ведь, по Аристотелю, не одно и то же бытие у цвета и у восприятия этого цвета); расстояние до наблюдаемого объекта; устройство, с помощью которого осуществляется наблюдение; продолжительность самого наблюдения (чтобы зрительное впечатление успело появиться); количество единичных наблюдений (актов замера) (чтобы убедиться, что полученное наблюдение не обманчиво).

Наблюдаемым терминам противопоставляются диспозиционные термины (предикаты), которые указывают на предрасположение объектов обнаруживать некоторые свойства лишь в определенных условиях, например, «горячий», «сгибаемый», «растворимый». Как видим, примерами наблюдаемых и диспозиционных терминов являются прилагательные, т.е. термины, относящиеся к категории признака.

Предположим, что цветовые фразеологические анатомические термины относятся к наблюдаемым, и посмотрим, насколько верно наше предположение.

3.1 Экскурс в историю цветообозначений

Ссылаясь на В. А. Московича, Ж. Багана и В. Д. Еркова утверждают, что имеется всего шесть цветообозначений – пурпурный/purple, синий/blue, зеленый/green, желтый/yellow, оранжевый/orange, красный/red, – которые покрывают весь цветовой спектр, а, значит, их можно назвать основной системой цветообозначений. Остальные цветообозначения образуют подсистемы, уточняющие основную схему (Багана – Еркова 2014, с. 14). А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова и С. С. Мищенко отмечают, что в первой половине XVIII века к семи основным русским цветам спектра философ Кантемир в своей «Оде в похвалу наук» причислял следующие наименования: «один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвёртый зелёный, пятый жёлтый, шестой рудожёлтый, седьмой красный». В этом списке отсутствовал синий, а также не было ещё фиолетового и оранжевого цветов, которые позже стали популярными и сейчас входят в набор 12 основных цветоименований, вытеснив соответствующие фиалковый и рудожёлтый (Василевич – Кузнецова – Мищенко 2005, с. 22).

Нам ближе мнение Н. А. Завьяловой, которая относит к основным колоративам лингвоцветовой картины мира восемь цветов радуги, или ахроматические цвета (красный/red, оранжевый/orange, жёлтый/yellow, зелёный/green, голубой/blue, синий/indigo, лиловый/violetvs.purple) + коричневый (brown) и розовый (pink), а также хроматические

цвета – белый(white), черный (black), серый (gray) – всего 13 цветов (Завьялова, с. 87). А. Вежбицкая подчёркивает что названия цветов относятся к универсальным понятиям (Вежбицкая 1996, с. 282).

Согласно гипотезе английских ученых Б. Берлина и П. Кея, абсолютно все языки имеют термины, обозначающие белый и чёрный цвета. Ученые разработали следующую схему развития основных цветообозначений: сначала появляются названия белого и чёрного цветов, затем к ним добавляется название красного цвета, далее – зелёного и жёлтого, следом – синего и, наконец, коричневого. После этого в любой последовательности и за небольшой отрезок времени появляются названия фиолетового, розового, оранжевого и серого цветов. Эта схема возникновения и развития цветообозначений, по мнению учёных, является универсальной для всех языков (Багана – Еркова 2014, с. 6).

Несмотря на то, что многие исследователи говорят о том, что основная функция большинства цветообозначений – выразить как можно большее число оттенков цвета, к основным колоративам лингвоцветовой картины мира относятся, как было отмечено выше, 13 цветов. Из них во фразеологических анатомических терминах употребляются шесть – *красный, жёлтый, голубой, белый, чёрный, серый*, при этом наиболее частотными являются прилагательные *белый* (лат. *albus*) и *серый* (лат. *griseus*). К аналогичному выводу на материале современной анатомической английской терминологии пришла и Т. П. Мокрицкая (Мокрицкая 2010). Наиболее частотные прилагательные группы анатомических терминологических цветофразеологизмов представляют собой ядерное микрополе цветообозначений, входящих в состав фразеологических анатомических терминов.

4. Анатомические терминологические цветофразеологизмы

Автором настоящей статьи были выделены 19 фразеологических анатомических терминов с колоративным компонентом, зафиксированных лексикографически – *белая (соединительная) ветвь (симпатического ствола); серая (соединительная) ветвь (симпатического ствола); желтая связка; красные кровяные тельца; белые кровяные тельца (белые клетки крови); желтое тело; серое вещество; белое вещество; серый бугор; белая линия; белая спайка (спинного мозга); серые столбы; серый покров; желтый костный мозг; красный костный мозг; красное ядро; чёрное вещество (или черная субстанция); голубоватое место (или голубоватое пятно)*. При этом два последних фразеологизма имеют, как видим, синонимы. Следует отметить, что синонимия компонентов широко представлена во фразеологии. Она встречается у фразеологизмов, состоящих друг с другом в разнообразных системных связях и бывает как собственно фразеологической (как в данном случае), так и неспецифической (Зеленкина 2001, с. 19). Согласно А. В. Кунину, фразеологические синонимы – это кореферентные фразеологизмы, относящиеся к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью не совпадающие по лексическому составу, имеющие общие и дифференциальные семантические компоненты и различающиеся или совпадающие в стилистическом отношении (Кунин 1996, с. 130).

Структурно рассмотренные цветофразеологизмы представляют собой группу «колоративное прилагательное + существительное», причем компоненты словосочетания

соединены атрибутивной связью. Считается, что атрибутивная синтаксическая модель является наиболее удобной для выражения и раскрытия научных понятий, предопределяя основные направления номинативной лексики в языке при создании терминологической лексики (Банкова 1989, с. 6).

Каждое цветообозначение, входящее в состав фразеологизма, имеет помимо фразеологических значений значение своего цвета. Так, одно из значений белого цвета – сам белый цвет, белизна; белый материал; одно из значений красного цвета – сам красный цвет; одно из значений желтого цвета – сам желтый цвет, желтизна, желтеть; одно из значений серого цвета – сам серый цвет, а также болезненный; одно из значений черного цвета – сам черный цвет, чернота; черная краска, чернь; черное пятно (Завьялова 2011, с. 88, 93, 96, 99, 108]. Несмотря на то, что цвет есть нечто видимое, а чёрное как представитель темноты вряд ли может считаться видимым в собственном смысле этого слова, Аристотель неоднократно признаёт его видимым и причисляет к цветам (Месяц 2013, с. 39).

К органам человека относятся две соединительные ветви. Одна из них несет предузловые (миелиновые) волокна от клеток боковых рогов спинного мозга. Она белого цвета (эти ветви имеют от восьмого шейного до второго-третьего поясничного спинномозгового нерва) и называется *белой соединительной ветвью* (лат. *ramus communicans albus*). Другая соединительная ветвь несет послеузловые (преимущественно безмиелиновые) волокна от узлов симпатического ствола в спинномозговой нерв. Она более темного цвета и носит название *серой соединительной ветви* (лат. *ramus communicans griseus*).

Желтые связки позвоночника (лат. *ligamentum flava*) — это соединительнотканые структуры, которые обеспечивают соединение дуг соседних позвонков. Связки состоят из фиброзно-эластичной ткани желтоватого цвета.

Красные кровяные тельца, или эритроциты – это клетки крови позвоночных животных (включая человека) и гемолимфы некоторых беспозвоночных. Цитоплазма эритроцитов богата гемоглобином – пигментом красного цвета, содержащим атом железа, который способен связывать кислород и придаёт эритроцитам красный цвет.

Белые кровяные тельца, или лейкоциты – это собирательное понятие, введённое в XIX веке и сохраняемое для простоты противопоставления «белая кровь – красная кровь». Сам термин «лейкоциты» переводится с греческого как «белые клетки крови», потому что по своему строению лейкоциты напоминают белые или бесцветные шарики.

Жёлтое тело яичника (лат. *corpus luteum*) — временная железа внутренней секреции в женском организме, образующаяся после овуляции и вырабатывающая гормон прогестерон. Название *жёлтое тело* получило благодаря жёлтому цвету своего содержимого.

Серое вещество (лат. *substantia grisea*) – главный компонент центральной нервной системы позвоночных животных и человека, включающий клеточные тела нейронов, нейриты, глиальные клетки, а также капилляры.

Противопоставляется **белому веществу** (мозга), не содержащему тел нейронов и состоящему главным образом из пучков аксонов, покрытых миелиновыми волокнами. Цветовая дифференциация белого и серого вещества нервной ткани обусловлена белым цветом миелина. Серое вещество живых тканей имеет серо-коричневую окраску, которую придают кровеносные капилляры и клеточные тела нейронов.

Серый бугор – это участок гипоталамуса, образующий полый выступ нижней стенки третьего желудочка, расположенный впереди сосцевидных тел и соединяющийся посредством воронки с гипофизом. В сером бугре находятся ядра серого вещества.

Серый покров (мозолистого тела). Мозолистое тело – самая большая комиссура, т.е. точка соединения частей человеческого тела. Она находится на дне продольной щели и соединяет новую кору левого и правого полушарий, объединяя (координируя) функции обеих половин мозга в единое целое. На верхней поверхности мозолистого тела располагается тонкий слой серого вещества – серый покров (лат. *indusium griseum*).

Белая линия (живота) – это волокнистая структура передней брюшной стенки, расположенная по срединной линии у человека и других позвоночных. Цвет структуры обусловлен тем, что она образована преимущественно коллагеном, или белком соединительной ткани.

Белая спайка (спинного мозга) (лат. *commissura alba*) – это спайка в виде пластинки белого вещества спинного мозга, расположенной спереди от центрального канала. Она образована преимущественно миелиновыми нервными волокнами, соединяет правый и левый передние канатики.

Серые столбы (спинного мозга) (лат. *columnae griseae*) – это парные продольные выступы серого вещества спинного мозга.

Красный костный мозг отвечает за кроветворение, поскольку целиком состоит из кроветворной ткани и стромы (ретикулярной ткани). Красный костный мозг базируется на наличии в нем кровяных стволовых клеток, это делает его важнейшим звеном в процессе кроветворения. Он представляет собой полужидкое вещество, которое располагается в губчатом веществе плоских костей, и имеет темно-бордовый цвет.

В отличие от красного мозга, **желтый костный мозг** состоит преимущественно из жировых клеток, наполненных пигментом; из-за этого он имеет желтый цвет.

Красное ядро (лат. *Nucleus ruber*) – это структура в среднем мозге, участвующая в координации движений. Цвет красного ядра обусловлен железом, которое присутствует по крайней мере в двух различных формах: в виде гемоглобина и ферритина. Красное ядро находится в покрышке среднего мозга рядом с черной субстанцией.

Чёрная субстанция, или **чёрное вещество** (лат. *Substantia nigra*) – это составная часть экстрапирамидной системы, находящаяся в области четверохолмия среднего мозга. Клетки этой субстанции богаты одной из форм природного пигмента меланина - нейромеланином, который и придаёт ей характерный тёмный цвет.

Голубоватое место, или **голубоватое пятно** (лат. *locuscoeruleus*) – это участок голубоватого цвета в верхнебоковой части ромбовидной ямки ствола головного мозга снаружи от верхней ямки; соответствует проекции чувствительного ядра тройничного нерва. Гранулы меланина внутри нейронов голубоватого места придают ему синий цвет.

Реальные объекты зрения мы видим, а то, что мы видим, мы знаем, говорил Дж. Беркли (Беркли 2015, с. 198). Как известно, с точки зрения психолингвистики цвета в колоративном компоненте содержится субъективное начало – зрение, и, таким образом, наше предположение, что все фразеологические анатомические термины с признаком цвета являются наблюдаемыми, подтверждается.

В своё время Н. А. Завьялова, проанализировав соответствующую научную литературу, назвала девять основных функций цвета: изобразительную, эстетическую; экспрессивную функции, функцию стимуляции психических процессов, функцию коммуникации, сигнальную, защитную, аттрактивную и идентификационную функции (Завьялова 2011, с. 12–13). По её мнению, изобразительная функция реализована на примере словосочетаний, обозначающих визуальные характеристики предметов (Завьялова 2011, с. 58). Учитывая наш вывод о том, что все анатомические терминологические цветофразеологизмы являются наблюдаемыми, можно говорить о наличии у них изобразительной функции.

Терминологические фразеологизмы являются нейтральными устойчивыми словосочетаниями, а экспрессивность им придаёт именно колоративный компонент. Таким образом, можно говорить и о наличии экспрессивной функции у рассмотренных фразеологизмов.

В соответствующем параграфе настоящей статьи автор, ссылаясь на Н. А. Завьялову, говорил о том, что цвет является эффективным каналом коммуникации, передачи информации. Это свидетельствует о наличии коммуникативной функции у анатомических терминологических цветофразеологизмов.

Сигнальная функция проявляется у анатомических терминов, скорее, опосредованно, чем явно. Например, как известно, в *красных кровяных тельцах* находится гемоглобин. Он является основой эритроцитов. Гемоглобин в организме человека синтезируется и разрушается непрерывно. Если баланс синтеза и расхода нарушен, возникает дефицит красного пигмента крови, что сигнализирует о наличии того или иного заболевания.

С сигнальной функцией в данном случае связана аттрактивная функция, т.е. функция привлечения внимания. Цвет свидетельствует о наличии или отсутствии патологии в организме.

Идентифицирующая функция способствует расширению и уточнению знания.

Разделы анатомии человека, в которых представлены фразеологические термины с колоративным компонентом, – это остеология (учение о костях), синдесмология (учение о соединениях частей скелета), спланхнология (учение о внутренних органах пищеварительной, дыхательной и мочеполовой систем), ангиология (учение о кровеносной и лимфатической системах) и анатомия нервной системы (неврология) (учение о центральной и периферической нервной системах).

5. Сопоставительный анализ анатомических терминологических цветофразеологизмов в разных языках

Мышление и восприятие, по мнению Э. Сепира и Б. Уорфа, не могут не зависеть от того, на каком языке говорит человек. В то же время нельзя отрицать возможность возникновения в разных языках, как родственных, так и неродственных, фразеологизмов при аналогичных социально-бытовых условиях, что может обусловить совпадение образной основы этих фразеологизмов и их семантики (Алешкевич 2008, с. 5). В настоящее время можно считать доказанным тот факт, что все фокусные цвета легко воспринимаются представителями всех культур. В то же время, каждый язык «рисует» свою картину, изображающую

действительность несколько иначе, чем это делают другие языки (Завьялова 2011, с. 15, 17, 30). Правда, к цветовым фразеологическим анатомическим терминам это относится в меньшей степени.

Я сравнила термины на русском языке и на латыни с терминами на немецком и английском языках. Оказалось, что цветовые фразеологические анатомические термины остаются таковыми в 14 случаях из 19 в немецком языке и в 15 случаях из 19 в английском языке: (нем.) *weißer Verbindungsast* / (англ.) *white ramuscommunicans*, (нем.) *grauer Verbindungsast* / (англ.) *gray ramuscommunicans*, (нем.) *gelbe Bänder* / (англ.) *yellow ligaments*, (нем.) *rote Blutkörperchen* / (англ.) *red bloodcells*, (нем.) *weiße Blutkörperchen* / (англ.) *white bloodcells*, (нем.) *graue Substanz* / (англ.) *gray substance*, (нем.) *weiße Substanz* / (англ.) *white substance*, (нем.) *grauer Höcker* / (англ.) *gray tuber*, (нем.) *weiße Linie* / (англ.) *white line*, (нем.) *rotes Knochenmark* / (англ.) *redmarrow*, (нем.) *gelbes Knochenmark* / (англ.) *yellow bonemarrow*, (нем.) *roter Kern* / (англ.) *red nucleus*, (нем.) *schwarze Substanz* / (англ.) *black substance*.

В английском языке присутствует термин *серые столбы* (*graycolumns*), который в немецких словарях отсутствует.

Термин *жёлтое тело* остается фразеологическим в английском языке (*yellow body*), а в немецком теряет свои фразеологические функции и превращается в сложное существительное с колоративным компонентом – *Gelbkörper*.

Термин *серый покров* присутствует в электронных немецком и английском словарях только на латыни. Предлагаемый в Интернете немецкий синоним «*grauer Schleier*» имеет помету «кинотехника» и значение «серая вуаль».

Термин *белая спайка* в бумажном медицинском словаре немецкого языка есть только на латыни (*commissuraalba*); в электронном английском словаре есть вариант *white commissure*.

Термин *голубоватое место*, или *голубоватое пятно* отсутствует в немецких электронных и бумажных словарях, его нет даже на латыни. В английском электронном словаре есть только вариант на латыни.

Как видим, модели построения фразеологических анатомических терминов с колоративным компонентом в микросистемах русского, немецкого, английского и латинского языков в основном совпадают. Н. С. Ильющенко отмечает, что для полных эквивалентов характерен высший уровень фразеологических соответствий, а для частичных эквивалентов – высокий уровень соответствий (Ильющенко 2013, с. 154).

Заключение

Учитывая отсутствие единого терминологического аппарата описания цветообозначений во фразеологической картине мира, в статье обосновывается статус анатомических терминологических словосочетаний с колоративным компонентом как фразеологических. При этом на основании научных концепций теории цвета был сделан вывод, что рассмотренные цветофразеологизмы однозначно относятся к наблюдаемым.

Перспективы дальнейшего развития фразеологии, в том числе цветофразеологизмов, связаны с когнитивным направлением в лингвистике.

В конце XX века формирование антропоцентрической парадигмы способствовало

обращению лингвистической проблематики к человеку. Явление совпадения образной основы анатомических терминологических фразеологизмов с цветовым компонентом и их семантики, отражающее сходство мыслей и понятий у разных народов, представляет интерес для теории фразеологии. Таким образом, анатомия человека представляется людям, говорящим на разных языках, в одинаковом цвете. Из выделенных Н. А. Завьяловой девяти функций цвета для фразеологических анатомических терминов релевантными являются изобразительная, экспрессивная, коммуникативная, косвенно сигнальная и аттрактивная функции, а также идентифицирующая функция. Растущий интерес к созданию основы эффективной коммуникации в научной картине мира вносит вклад в коммуникативную теорию. Результаты проведённого исследования можно использовать в разработке некоторых теоретических проблем лингвистики, а также в переводческой практике, фразеологии и терминологических исследованиях.

Список использованных материалов

- Алешкевич, С. С.: *Актуальные модели и этапы фразеологизации в современном английском языке*. Белгород: Кооперативное образование, 2008.
- Андреева, Е. А.: *Аксиологическая парадигма русской и немецкой фразеологии*. Казань: Печать-Сервис, 2011.
- Багана, Ж. – Еркова, Д. Н.: *Цветофразеологизмы русского и испанского языков в лингвокультурном аспекте*. Москва: ИНФРА-М, 2014.
- Банкова, О. К.: *Терминологическое значение в английской фразеологии (проблемы формирования и функционирования)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1989.
- Баранов, А.Н. – Добровольский, Д. О.: *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак, 2008.
- Батырова, А. Ф.: *Функционально-когнитивный потенциал английских и русских глагольно-именных фразеоматических словосочетаний и его развёртывание в тексте*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2005.
- Беркли, Дж.: *Теория зрения, или зрительного языка, показывающая непосредственное присутствие и проведение божества; защищённая и объяснённая. В ответ анонимному автору*. Перевод с англ. В: Вавилов, Сергей. *Глаз и солнце*. Санкт-Петербург: Амфора, 2015, с. 191–239.
- Василевич, А. П. – Кузнецова, С. Н. – Мищенко, С. С.: *Цвет и названия цвета в русском языке*. Москва: КомКнига, 2005.
- Вежицкая, А.: *Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия*. В: Вежицкая, Анна: *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари, 1996, с. 231–291.
- Виноградов, В. В.: *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке*. В: Виноградов, В. В.: *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва: Наука, 1977, с. 140–161.
- Волкова Н. В.: *Сопоставительный анализ несвободных субстантивных сочетаний в русском и немецком языках*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: РУДН, 2004.

- Гёте, Й. В.: К учению о цвете. Перевод с нем. В: Вавилов, Сергей. *Глаз и солнце*. Санкт-Петербург: Амфора, 2015, с. 322–414.
- Завьялова, Н. А.: *Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011.
- Зеленкина, О. Ю.: *Состав фразеологического кода английского языка (на материале номинативных и номинативно-коммуникативных фразеологических единиц)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2001.
- Ильющенко, Н. С.: *Семантические корреляции в системе английских и русских антропоморфных фразеологизмов*. Москва: Университетская книга, 2013.
- Какзанова, Е. М.: Логическая структура атрибутивных эндокринологических терминов. В: *Язык медицины. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 6. Самарский государственный медицинский университет*. Самара: Издательство Криптен-Волга, 2018, с. 50–53.
- Комарова, З. И.: *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике*. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета, 2012.
- Кульпина, В. Г.: *Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках*. Москва: Московский Лицей, 2001.
- Кунин, А. В.: *Курс фразеологии современного английского языка*. Москва: Высшая школа; Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996.
- Месяц, С. В.: Аристотель о природе цвета. В: *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. № 1(2), 2013, с. 28-39.
- Мокрицкая, Т. П.: Цветовые определения в современной анатомической терминологии. В: *Межкультурная коммуникация и современные технологии обучения иноязычному профессионально ориентированному общению в неязыковом вузе. Сборник научных статей преподавателей кафедры иностранных языков УО ФПБ МИТСО*. Минск: МИТСО, 2010, с. 210-214.
- Фрумкина, Р. М.: *Психоллингвистика*. Москва: Издательский центр «Академия», 2001.

Список лексикографических источников

- Большая медицинская энциклопедия*. В 30 томах / Под редакцией академика Б. В. Петровского. Москва: Советская энциклопедия, 1974–1989.
- Concise Medical Dictionary*. London: Oxford University Press, 2010.
- Reuter, P.: *Springer Wörterbuch Medizin*. Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag, 2005.
- www.multitrans.ru (доступно на 15.01.2019)

FRAZEOLOGIE,
BELETRIE A PŘEKLAD

Концептосфера писателя сквозь призму фразеологического фонда (на материале языка Л. Н. Толстого)

The writer's conceptual sphere through the prism of the phraseological fund (on the material of the language of L. N. Tolstoy)

О. В. Ломакина

Abstract

The description of the concept sphere implies a consistent consideration of individual concepts in the context of the writer's entire creative heritage, i.e. taking into account not only artistic, but also diary, epistolary memoirs, journalistic texts that complement the individual picture of the world. The purpose of this work is to show the role of phrase means in the construction of the conceptual sphere of L. N. Tolstoy, calling the most important for the writer the concepts of „sin”, „faith”, „death”.

In the context of Tolstoy's creativity, the concept of „faith” is associated with the concept of „death.” The linguistic material showed that the concept of „faith” in the context of the works of L.N. Tolstoy should be considered bipolar, while the most productive phraseological unit in the verbalization of this concept is phraseological units to serve God. For a writer in the dyad of conventional values of „faith - disbelief”, it is faith that is important that explains the transition to another state - after life. The concept of „in”, despite the polar position in relation to the concept of „faith”, is an important and component conceptual sphere of L.N. Tolstoy. In quantitative terms, proverbs prevail with the same phrase-phrase, thanks to which the author's idea is reflected. In Tolstoy's works, this concept is revealed through the concepts of „adultery”, „avarice” and „drunkenness.” In the life-death value dyad, the units characterizing death dominate quantitatively, which is connected both with the subject matter of Tolstoy works and with the writer's constant reflection on the search for answers to eternal questions. Death is not for L. N. Tolstoy's anti-value, he accepts death as a new state.

Аннотация

Описание концептосферы подразумевает последовательное рассмотрение отдельных концептов в контексте всего творческого наследия писателя, т.е. с учётом не только художественных, но и дневниковых, эпистолярных, мемуарных, публицистических текстов, дополняющих индивидуальную картину мира. Цель данной работы – показать, какова роль фразеосредств в построении концептосферы Л. Н. Толстого, назвав наиболее важные для писателя концепты «грех», «вера», «смерть».

В контексте толстовского творчества концепт «вера» связан с концептом «смерть». Языковой материал показал, что концепт «вера» в контексте творчества Л. Н. Толстого

следует считать биполярным, при этом наиболее продуктивным фразеологизмом в вербализации данного концепта является ФЕ *служить Богу*. Для писателя в диаде конвенциональных ценностей «вера – неверие» важна именно вера, которая объясняет переход в другое состояние – после жизни. Концепт «грех», несмотря на полярное положение по отношению к концепту «вера», является важным и составляющим концептосферу Л. Н. Толстого. В количественном плане преобладают паремии с одноименной фразеолексемой, благодаря которым отражается авторская идея. В толстовском творчестве этот концепт раскрывается посредством концептов «прелюбодеяние», «сребролюбие» и «пьянство». В ценностной диаде «жизнь – смерть» в количественном отношении преобладают единицы, характеризующие смерть, что связано как с тематикой толстовских произведений, так и с постоянной рефлексией писателя, поиском ответов на вечные вопросы. Смерть не является для Л. Н. Толстого антиценностью, он принимает смерть как новое состояние.

Key words: phraseology, phraseological unit, proverb, L. N. Tolstoy language, linguistic personality

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, пословица, язык Л. Н. Толстого, концепт, концептосфера.

1. Введение

Описание концептосферы – языковой системы, преломлённой через призму как общекультурных, так и индивидуально-авторских концептов того или иного писателя, – подразумевает последовательное рассмотрение отдельных, связанных между собой концептов в контексте всего творческого наследия писателя, т.е. с учётом не только художественных, но и дневниковых, эпистолярных, мемуарных, публицистических текстов, дополняющих индивидуальную картину мира. Однако при анализе авторской концептосферы в первую очередь следует анализировать произведения художественной литературы, каждое из которых включает следующие уровни: «концепт – идея, концепт – авторский замысел, концепт – образ, концепт – художественный прием, концепт – языковой элемент» (Левитская 2004, с. 64).

Цель данной работы – показать, какова роль фразеосредств в построении концептосферы Л. Н. Толстого, назвав наиболее важные для писателя концепты «грех», «вера», «смерть».

2. Методология исследования

Методы проведённого исследования включают описательно-аналитический метод, предусматривающий непосредственное наблюдение анализируемых явлений в конкретных речевых условиях, а также описание средств вербализации концептов. При анализе материала мы принимали во внимание лингвокультурологический (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, Ф. Ф. Фархутдинова) и когнитивный (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев)

подходы к изучению концепта, но в основе нашего исследования лежит синкретичный лингвоконцептуальный подход, который совмещает идеи когнитологии и лингвокультурологии (С. А. Аскольдов, Д. С. Лихачев, И. А. Стернин, З. Д. Попова, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик и др.), где знак – слово – понятие рассматривается как языковая единица, способная формировать концепт, который является фрагментом культуры (Жданова 2004, с. 151), результатом «столкновения словарного значения слова с личным опытом человека» (Лихачев 1997, с. 281). Кроме того, функционально-контекстологический метод использовался при отслеживании закономерностей отбора и использования писателем фразеологического ресурсов русского языка (было представлено в работах И. В. Губбенет, Г. В. Колшанского, А. В. Кунина, А. М. Мелерович); приём сплошной выборки, получивший обоснование в работах по корпусной лингвистике, – при отборе языкового материала из «Полного собрания сочинений» Л. Н. Толстого (1928–1958 гг.) и лексикографических источников.

Методика ценностного шкалирования, апробированная нами в процессе анализа языка народных драм Л. Н. Толстого (Ломакина 2006) и применённая впоследствии (Ломакина 2018), позволила выделить репертуар концептов, составляющих концептосферу писателя: витальную дихотомию «жизнь – смерть», концепты «мужик – баба», «грех», «вера», «семья», «дом» и др. Исследование концептов включало толкование лексемы по отражающему язык начала – 1/3 XIX в., знакомый Л. Н. Толстому, «Словарю живого великорусского языка» В. И. Даля; культурологическое представление концепта, анализ контекстов, в которых происходит вербализация концепта посредством фразеологических единиц (ФЕ).

3. Концептосфера Л.Н. Толстого сквозь призму фразеологического фонда

3.1. Концепт «вера»

Концепт «вера» относится к числу базовых для русского сознания концептов и является ключевым для Л. Н. Толстого: писатель в трактате «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» обращается к завету Христа о непротивлении злу, что находится в русле православного вероучения. Вместе с тем Л. Н. Толстого интересовали и другие религии, что нашло отражение в сборниках «На каждый день», «Круг чтения», «Мысли мудрых людей на каждый день».

Приведём толкование лексемы *вера*, данное в ТСД: „уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; || верование; отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; || совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство“ (ТСД 1, с. 813–814).

Перечислим ФЕ, участвующие в раскрытии концепта «вера», проиллюстрировав их контекстами.

Репрезентация концепта «вера» связана с ФЕ, включающими компонент *Бог*: *молить Бога, служить Богу, жить для Бога*:

— Но я увидел ее и простил. И счастье прощенья открыло мне мою обязанность. Я

простил совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан, и **молю Бога** только о том, чтоб он не отнял у меня счастья прощения! («Анна Каренина»); Я об одном не перестаю **молить Бога**, *ton cousin*, — отвечала она, — чтоб он помиловал его и дал бы его прекрасной душе спокойно покинуть эту... («Война и мир»)

В приведённых примерах ФЕ *молить Бога* употребляется в значении «выражая кому-либо глубокую благодарность, обращаться к Богу с просьбой о милости к этому человеку» (ФСРЛЯ 1, с. 383), происходит актуализация сем „признание истин, открытых Богом“; „вероисповедание“, а герои предстают верующими людьми. Нельзя не отметить, что в первом примере смысловыми актуализаторами являются лексемы *прощение, простить* и аллюзия на библейский текст, во втором – *помиловать*, что даёт основание говорить о верующем как о человеке, полном любви друг к другу, исповедующем толстовский принцип *непротивления злу <насилием, злом>*.

ФЕ *служить Богу* встречается в текстах различных жанров и стилистической организации:

*И всякий убивающий вас будет думать, что он тем **служит богу**. Так будут поступать, потому что не poznали ни отца, ни меня, но я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что я сказал (Ин. XVI, 20 2–4)* (Послесловие к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866–1894»); *Чем меньше будет у человека потребностей, тем легче ему будет **служить богу** и людям и потому тем больше он получит истинного блага увеличением в себе любви («Христианское учение»); Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей. Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дорожке благодетельствованных мною для людей. Но ведь была доля искреннего желания **служить Богу**?» — спрашивал он себя, и ответ был: «Да, но все это было загажено, заросло славой людской. Да, нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской. Буду искать его» («Отец Сергей»).*

В первом примере раскрывается энантиосемический смысл: служащий Богу исповедует заповеди Божьи, поэтому не может быть убийцей. Употребление данной ФЕ во втором контексте объясняется тематически и направлено на изложение истин Божьих. В третьем контексте анализируемая единица позволяет подвести итог размышлений героя, выразить его отношение к вере и её роли в жизни, при этом создаётся фразеологически насыщенный контекст (благодаря фразеологическим актуализаторам *под предлогом, жить для Бога*), в котором экспрессия достигается за счёт серии повторов (*был, быть, не был, была, был; жил, живёт, жил* и др.). Градация *под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей* показывает авторское понимание и представляет концепт «вера» как биполярный: жизнь для Бога, вера в Бога означает жизнь для людей, а не во имя сиюминутной славы (уход Л. Н. Толстого от идеи коммюфотности и коммюфотного поведения).

В статье «К рабочему народу» писатель употребляет антонимичные ФЕ *перестать служить мамону и начать служить Богу*, что помогает семантизации рассматриваемой единицы и представляет сему „признание истин, открытых Богом“, „отказ от материальных ценностей“:

А потому рабочим для того, чтобы освободиться от того угнетения, в котором их держат правители и богатые, есть только одно средство: отказаться от тех основ, которыми они руководствуются в своей жизни, т. е. **перестать служить мамону и начать служить Богу** («К рабочему народу»).

Наряду с ФЕ, вербализаторами концепта «вера» служат паремии. В романе «Война и мир» писатель использует пословицы *Молитва, которая сдвигает горы / Молитва сдвинет гору*, вариант пословицы *Вера и гору с места сдвинет* (Михельсон 1, с. 173):

«Как она молилась! – вспомнил он. – Видно было, что вся душа её была в молитве. Да, это та молитва, которая сдвигает горы, и я уверен, что молитва её будет исполнена. Отчего я не молюсь о том, что мне нужно? – вспомнил он. – Что мне нужно? Свободы, развязки с Соней. Она правду говорила, – вспомнил он слова губернаторши, – кроме несчастья, ничего не будет из того, что я женюсь на ней. Путаница, горе татап... дела... путаница, страшная путаница! Да я и не люблю её. Да, не так люблю, как надо. Боже мой! выведи меня из этого ужасного, безвыходного положения! – начал он вдруг молиться. – Да, молитва сдвинет гору, но надо верить и не так молиться, как мы детьми молились с Наташей о том, чтобы снег сделался сахаром, и выбегали на двор пробовать, делается ли из снега сахар. Нет, но я не о пустяках молюсь теперь», – сказал он, ставя в угол трубку и, сложив руки, становясь перед образом («Война и мир»).

Как видно из примера, Л. Н. Толстой включает в контекст романа «Война и мир» данную пословицу для раскрытия образа княжны Марьи. Этот отрывок относится к внутренней речи Николая Ростова, который, борясь со своими чувствами, сомневаясь в том, кого любит, с восторгом вспоминает встречу с княжной в церкви. Позже он возвращается к этому эпизоду и будто любит княжну Марью, воздающей молитву. Употребляемая паремия помогает более полно раскрыть характер княжны Марьи, показать ее духовные качества, религиозность, жертвенность, способность любить бескорыстно и всепрощающе. Не случайно и употребление в качестве актуализаторов однокоренных слов *молитва* (2), *молиться* (3), относящихся к концепту «вера». Для духовной эволюции Николая этот эпизод тоже является поворотным: самоотверженность и самоотречение княжны во время молитвы являет собой пример настоящей веры в Бога. Соотнося своё поведение с поведением княжны Болконской, он осознает ничтожность прежних желаний. Николаю не хватает душевной открытости, глубокой веры, именно поэтому он вспоминает детство – самый чистый и искренний период в жизни человека. Анализ контекста помогает объяснить выбор писателем паремии в изменённом виде: действительно, молитва направляет усомнившегося героя, помогает выбрать правильный путь, а паремия помогает показать отношение героев к вере.

В контексте толстовского творчества концепт «вера» получает вербализуется посредством ФЕ и пословиц. Важным вербализатором является ФЕ *служить Богу* – своеобразный закон жизни человека.

3.2. Концепт «грех»

Грех, «закрывающий в себе общую идею о противостоянии Господу, непризнании его единым Сущим, нарушении Его заповедей и законов» (Николаюк 1998, с. 116), является одним из основных объектов библейской истории. Это понятие раскрывается путем

оценивания отношения человека к другим, его поведения в социуме, представлений о системе ценностей (прежде всего – духовных).

Приведём толкование лексемы *грех*, данное в ТСД: „поступок, противный закону Божию; вина перед Господом. Наследный грех. Вина или проступок; ошибка, погрешность; более грешок, грешки. Беда, напасть, несчастье, бедствие, подразумевая: за грехи наши. В тесном знач. Распутство“ (ТСД 1, с. 904).

По наблюдениям М. Н. Бушаковой, ФЕ с компонентом *грех* «наиболее употребляемы в церковно-религиозной сфере и присущи языковому сознанию верующих людей» (Бушакова 2005, с. 39). Этот факт объясняется наличием в составе концепта «грех» фразеологических ресурсов – ФЕ и пословиц, содержащих одноименную лексему, которая характеризуется глубинным культурологическим и конфессиональным смыслом. Концепт «грех» вбирает в себя не только ФЕ, включающие компонент *грех*, но и единицы, связанные с концептом, отражающие многомерное содержание этого понятия (зло, жестокость, лживость, жадность, прелюбодеяние, пьянство и т. п.), а иногда образующие сопредельные концепты. Таким образом, можно говорить о многослойном концепте, образованном путём гиперо-гипонимических отношений.

В количественном отношении в русском языке превалируют пословицы. Так, «Большой словарь русских пословиц» содержит почти 220 единиц с одноимённым компонентом (БСРП, с. 220–223), в то время как «Фразеологический словарь русского литературного языка» менее 20 (ФСРЛЯ 1, с. 162–163). Однако некоторые ФЕ не служат раскрытию понятийной стороны концепта (*не грех, от греха* и др.), поэтому не анализируются.

Рассмотрим случаи употребления паремий с компонентом *грех*, вербализующих обозначенный концепт:

— *По всему ты, Иван, вольному свету ходишь и ездешь, а я на печи который год лежу, ты и думаешь, что ты все видишь, а я ничего не вижу. Нет, малый, тебе ничего не видно; тебе злота глаза замстила. Чужие-то грехи перед собой, а свои за спиной. Что сказал: он худо делает! Кабы он один худо делал, зла бы не было. Разве зло промеж людьми от одного заводится? Зло промеж двоих. Его плохоту тебе видно, а свою не видать. Кабы он один был зол, а ты бы хорош, зла бы не было. Бороду-то ему кто выдрал? Копну-то исполную кто поднял? По судам-то кто его волочил? А все на него воротись. Сам плохо живешь, оттого и худо. Не так я, брат, жил и на тому вас учил. Мы с стариком, с отцом его, разве, так жили? Мы жили как? — по-соседски («Упустишь огонь – не потушишь»).*

Закрыв глаза старик, помулявил губами, как будто с силами собирався, и опять открыл глаза и сказал:

— *Проживете. С богом жить будете — проживете.*

Помолчал еще старик, ухмыльнулся и сказал:

— *Смотри ж, Ваня, не сказывай, кто зажег. Чужой грех покрой. Бог два простит.*

И взял старик свечку в обе руки, сложил их под сердцем, вздохнул, потянулся и помер («Упустишь огонь – не потушишь»).

В представленных примерах концепт «грех» связан с дихотомией «свой-чужой». Писатель через выбранного героя – старика, находящегося на грани смерти, сообщает противоречивую истину. Благодаря авторской семантизации в пределах минимального контекста, мы понимаем, что, с одной стороны, каждый должен видеть прежде всего

свои грехи, осознавать совершаемые ошибки, с другой – при неразглашении тайны можно получить прощение Бога. Последнее указывает на возможность каждого человека, выполняющего заповеди Божьи, стать нравственным, а значит, приблизиться к Богу, это говорит о религиозной морали, содержащейся в народном рассказе «Упустишь огонь – не потушишь».

В следующем контексте также обнаруживается связь концепта «грех» с концептом «Бог»:

Баба. *Согрешила перед Богом. **Один Бог без грехов!*** («Первый винокур», д. 4, явл. 3)

В приведённом ниже примере обнаруживается связь концепта «грех», вербализованного ФЕ *не вводит / не ввести в грех*, и концепта «вера», который отражает суть княжны Марьи из романа «Война и мир»:

*Князь Андрей любил жену, она умерла, ему мало этого, он хочет связать свое счастье с другой женщиной. Отец не хочет этого, потому что желает для Андрея более знатного и богатого супружества. И все они борются, и страдают, и мучают, и портят свою душу, свою вечную душу, для достижения благ, которым срок есть мгновенье. Мало того, что мы сами знаем это, – Христос, сын Бога, сошел на землю и сказал нам, что эта жизнь есть мгновенная жизнь, испытание, а мы всё держимся за нее и думаем в ней найти счастье. Как никто не понял этого? – думала княжна Марья. – Никто, кроме этих презренных божьих людей, которые с сумками за плечами приходят ко мне с заднего крыльца, боясь попасться на глаза князю, и не для того, чтобы не пострадать от него, а для того, чтобы его **не ввести в грех**. Оставить семью, родину, все заботы о мирских благах для того, чтобы, не прилепляясь ни к чему, ходить в посконном рубище, под чужим именем с места на место, не делая вреда людям и молясь за них, молясь и за тех, которые гонят, и за тех, которые покровительствуют: выше этой истины и жизни нет истины и жизни!* («Война и мир», т. 2)

В контексте толстовского творчества концепт «грех» проявляется не только на самом элементарном уровне благодаря языковым элементам – ФЕ и пословицам, но и на уровне текста.

В драме «Власть тьмы» тема греха имеет концептуальное значение: греховной сущностью наделены многие герои.

Анисья. *Помирал бы лучше сам. Все одно не помирает, только **греха на душу взяла*** («Власть тьмы», д. 2, явл. 8).

В уста Акима, выразителя авторских идей в драме «Власть тьмы», писатель вкладывает слова, являющиеся для него непреложными истинами. Аким с трепетом произносит слово Бог, относясь к нему как к высшему и справедливому началу. Если в первой реплике Аким говорит об обиде, то после ответа Никиты в уста Акима писатель вкладывает пословицу *Грех за грех цепляет, за собою тянет*, значение которой актуализирует ФЕ *завязнуть в грехе* и повторением формы глагола *завязнуть*, представляющей собой «осколок» этой ФЕ. Создание фразеологически насыщенного контекста усиливает экспрессию, Л. Н. Толстой показывает разнополярных персонажей – праведника Акима и грешника Никиты:

Аким. *Говорил я тебе, Тае, про сироту, что обидел ты сироту, Марину, значит, обидел.*

Никита. *Эк помянул. Про старые дрожжи не поминать дважды, то дело прошло...*

Аким. *Прошло? Не, брат, это не прошло. Грех, значит, за грех цепляет, за собою тянет, и завяз ты, Микишка, в грехе. Завяз ты, смотрю, в грехе. Завяз ты, погруз ты, значит* («Власть тьмы», д. 3, явл. 15).

Одним из грехов, показанных в текстах и порицаемых писателем, является пьянство. В художественных текстах Л. Н. Толстого концепт «пьянство» является сопредельным концепту «грех», поскольку сопутствует грехопадению человека, потерявшего совесть и ставшего на путь порока (Катюша Маслова из романа «Воскресение»). В романах «Анна Каренина», «Война и мир» пьянство является отрицательной характеристикой героя, для чего писатель использует пословицы, показывающие ироничное отношение к пьянству: *Первая рюмка – колом, вторая – соколом, а после третьей – мелкими птишечками* («Анна Каренина»), *Пьян да умен – два угодя в нем* («Воскресение»).

Толстовская пьеса «Первый винокур, или Как чертёнок краюшку заслужил» содержит антиалкогольную мораль, формируемую за счёт фразеоконфигурации – ряда градационных сравнений (*пить*) как *лисицы, как волки, как свиньи*, предложения-актуализатора *Из волков свиньями поделались*, ФЕ *поднялась лисья, волчья и свиная кровь*, и фразеологического окказионализма *звериная кровь*, который выступает в контексте как гипероним по отношению к согипонимам. Эта пьеса содержит писательское представление о пьянстве, а анализируемый концепт предстаёт здесь как концепт – идея.

Назовём фразеовербализаторы концепта «пьянство» в художественных произведениях Л. Н. Толстого: *Вешний путь не дорога, с пьяным речь не беседа; Вино пили, стаканчик не крепкий был – проливали, Пей, да ума не теряй; Пили, ели, кудрявчиком звали; попили, поели – прощай, шелудяк; пить, как бочка, пьяный-распьяный, пропить последнюю копейку, потопить горе*.

Другим грехом, порицаемым писателем, является сребролюбие, что находит отражение в следующих единицах: *Без денег горе, а с деньгами вдвое; Деньги всему голова; шальные деньги* и др.

Концепт «прелюбодейство» как составляющий концепта «грех» проходит в контексте толстовского творчества от элементарного уровня в виде фразеологических вербализаторов (например: *Девичий стыд до порога, а переступила – и забыла; Умел гулять, умей и концы хоронить; На чужих жен не зарься, а свою береги*) до концепта-идеи («Анна Каренина», «Отец Сергей»). Стоит отметить также, что к драме «Власть тьмы», повестям «Дьявол» и «Крейцера соната» приводит библейский эпиграф (Мф. V, с. 28, 29).

Таким образом, концепт «грех» является частью концептосферы Л. Н. Толстого, наряду с концептами «прелюбодейство», «пьянство», «сребролюбие», составляющими данное понятие. В количественном отношении преобладают единицы, раскрывающие концепт «пьянство», что отражает поведенческие реалии толстовских героев.

3.3. Концепт «смерть»

В раскрытии концепта «смерть» участвуют следующие ФЕ и паремии: *стоять на краю гроба; стоять на краю гибели; стоять одной ногой в гробу; стоять по пояс в гробу; на одре смерти; выпустить требуху; отправить в большое путешествие; Бог прибрал; Бог дал; Бог и взял; от Бога не уйдёшь; до последнего звонка; сложить старые кости на покой;*

В смерти и животе Бог волен; В смерти и животе Бог волен; Думка за горами, смерть за плечами; двух смертей не бывать, а одной не миновать и др.

Большая часть перечисленных единиц, служащих вербализаторами концепта «смерть», коннотативно окрашены, имеют генетическую, функционально-стилистическую характеристику. Представленные ФЕ реализуют два значения: 1. „переход из состояния бытия в состояние небытия“, 2. „процесс прекращения жизнедеятельности“.

Первое значение передаёт фразеосерия со стержневым глаголом *стоять*: *стоять на краю гроба; стоять на краю погибели; стоять одной ногой в гробу; стоять по пояс в гробу*. Эти ФЕ, употребляющиеся с целью эвфемизации, частотны как для художественных произведений, философских трактатов, так и для эпистолярных текстов Л.Н. Толстого. Например: *И жизнь так на краю погибели надо было одному, без одного человека, который бы понял и пожалел его* («Смерть Ивана Ильича»); *Я стою одной ногой в гробу и мне не к чему подделываться* (Письмо С. П. Прокопенко, 14 августа 1892 г.); *Если разуместь жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рая – постоянного блаженства, то совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, то есть рождения новой жизни ...* («Ответ на определение синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма»).

Стоит отметить, что все примеры представлены в текстах, созданных Толстым после 80-х гг. XIX в. – времени духовного кризиса писателя, когда он искал ответы на вечные вопросы бытия. Кроме того, в третьем примере в качестве фразеологических актуализаторов использованы лексемы и ФЕ, относящиеся к диаде «жизнь-смерть», наиболее яркие среди которых следующие: *загробная жизнь, второе пришествие, смерть, вечная жизнь*.

Связь с концептом «Бог» обнаруживается в следующем контексте: *<...> если же бы она была совсем человек, то у ней была бы вера в бога, и она бы говорила и думала, как говорят верующие бабы: «Бог дал, бог и взял, от бога не уйдёшь»*. Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и её детей вне власти людей, а во власти только бога ... («Крейцера соната»).

В представленном примере наблюдаем создание фразеологически насыщенного контекста за счёт двух единиц – пословицы *Бог дал, Бог и взял* и ФЕ *от Бога не уйдёшь*. Кроме того, писатель включает лексемы, помогающие репрезентации концепта и указывающие на единство ценностной диады «жизнь-смерть».

Философское отношение к жизни и смерти обнаруживается в следующем отрывке, включающем пословицу *Двух смертей не бывать, а одной не миновать*: *«Видно ты, Тимофеич, умнее нашего; нас, дураков, и спрашивать нечего. Веди, куда знаешь. Двух смертей не бывать, а одной не миновать»* («Ермак»).

В творческом наследии писателя выделяется повесть «Смерть Ивана Ильича», где рассматриваемый концепт вынесен в название; одна из сюжетных линий романа «Анна Каренина» тоже связана с прекращением жизни, что даёт основание рассматривать концепт как идею произведения.

Концепт «смерть» относится к числу общекультурных, обладает индивидуальной

и общественной значимостью, что находит отражение в языке, прежде всего на лексическом и фразеологическом уровнях. Представленный материал показал, какова роль фразеологии в репрезентации этого концепта. В количественном отношении преобладает фразеологическая серия ФЕ (*стоять на краю гроба; стоять на краю погибели; стоять одной ногой в гробу; стоять по пояс в гробу*), отражающая физическое и моральное состояние писателя в течение двух последних десятилетий жизни, что даёт основание считать эти ФЕ ядерной зоной концепта. Пословицы, вербализующие обозначенный концепт, находятся на периферии. Контекстуальное окружение анализируемых ФЕ создаёт тематически насыщенный контекст благодаря включению лексических и фразеологических средств, служащих вербализации концепта «смерть».

4 Заключение

Изучение природы ценностей и средства их репрезентации в языке является перспективным направлением современной лингвистики, опирающейся идеи антропоцентризма. Лингвокультурологический подход, предполагающий рассмотрение языка и культуры как единое и взаимно дополняющее друг друга начало, позволяет представить ценностные ориентации Л. Н. Толстого посредством анализа его концептосферы, тем самым показать отношение писателя к окружающей действительности и объяснить поведенческие модели.

Таким образом, проанализированные общекультурные концепты «вера», «грех», «смерть» для концептосферы Л. Н. Толстого имеют важное значение, находясь в ядре.

В контексте толстовского творчества концепт «вера» связан с концептом «смерть». Триада самодержавие – православие – народность была определяющей для русского сознания в течение продолжительного времени (согласно В. В. Колесову это «идеологема русского общества»). Учитывая биографические факты жизни Л. Н. Толстого, можно было бы предположить индивидуальное наполнение обозначенного концепта, однако языковой материал показал, что концепт «вера» в контексте творчества Л. Н. Толстого следует считать биполярным, при этом наиболее продуктивным фразеологизмом в вербализации данного концепта является ФЕ *служить Богу*. Про писателя нельзя сказать, что его религиозное чувство было бессознательным, воспитанным семьёй или обществом. В течение жизни писатель искал ответы на вечные вопросы, ставшие благодаря Толстому прецедентными текстами: «В чём моя вера?», «Чем люди живы?», «За что?». Для писателя в диаде конвенциональных ценностей «вера – неверие» важна именно вера, которая объясняет переход в другое состояние – после жизни. Концепт «грех», несмотря на полярное положение по отношению к концепту «вера», является важным и составляющим концептосферу Л. Н. Толстого. В количественном плане преобладают паремии с одноименной фразеолеммой, благодаря которым отражается авторская идея. В толстовском творчестве этот концепт раскрывается посредством концептов «прелюбодеяние», «сребролюбие» и «пьянство». В ценностной диаде «жизнь – смерть» в количественном отношении преобладают единицы, характеризующие смерть, что связано как с тематикой толстовских произведений, так и с постоянной рефлексией писателя, поиском ответов на вечные вопросы. Смерть не является для Л. Н. Толстого

антиценностью, он принимает смерть как новое состояние (наблюдается метафорическая эвфемизация).

Перспективой дальнейшей работы является описание таких концептов, как «пьянство», «богатство», «зло» и др., что позволит представить концептосферу Л. Н. Толстого более детально.

Библиография

- Бушакова, М. Н.: Особенности функционирования фразеологических единиц с компонентом «грех»: лингвокультурологический аспект. In Усачева, Н. Б. (отв. ред.): *Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской*: Вып. 2. Курган, 2005, с. 37–40.
- Жданова, В. В.: Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-исторического сознания. In *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках*. Москва, 2004, с.151–160.
- Левитская, Н. А. – Ломакина, О. В.: Анализ мифологем и концептов как путь к пониманию литературного произведения. In *Жанрологический сборник*. Выпуск 1. Елец, 2004, с. 62–65.
- Лихачев, Д. С.: Концептосфера русского языка. In Нерознак, В. П. (ред.): *Русская словесность*. Москва, 1997, с. 280–287.
- Ломакина, О. В.: *Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль*: Москва, 2018.
- Ломакина, О. В.: *Фразеология народных драм Л.Н. Толстого: состав и особенности употребления*: Дис. ... канд. филол. наук, Белгород, 2006.
- Николаюк, Н. Г.: *Библейское слово в нашей речи*: Словарь-справочник. Санкт-Петербург, 1998.

Словари

- БСРП: Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г. – Николаева, Е. К.: *Большой словарь русских пословиц*. Москва, 2010.
- Михельсон, М. И.: *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2-х т.* Москва, 1997.
- ТСД : Даль, В.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва, 1998.
- ФСРЛЯ: Фёдоров, А. И.: *Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т.* Москва, 1997.

„Filipika proti příslovím“ ve dvou německých překladech románu *Saturnin*

„Philippic against proverbs“ in the comic novel *Saturnin* – a comparison of two German translations

Pavel Sojka

Abstract

Saturnin, Zdeněk Jirotka's comic novel published in 1942, has been translated into eleven languages so far. There are two German translations, the older one by Norbert Chotaš (1959), and the more recent one by Joachim Bruss (2007). This paper summarises both the correspondence and the difference concerning one particular passage of the novel: the well-known „philippic against proverbs“ containing 24 proverbs.

Abstrakt

Humoristický román Zdeňka Jirotky *Saturnin* (1942) byl zatím přeložen do jedenácti jazyků. Do němčiny byl román přeložen dvakrát (1959 a 2007), pokaždé jiným překladatelem. Tento příspěvek popisuje shody a rozdíly v překladu jedné konkrétní pasáže textu: jde o 24 přísloví ve známé „filipice proti příslovím“.

Keywords: proverbs, translation, Czech, German, Zdeněk Jirotka, *Saturnin*, comic novel

Klíčová slova: přísloví, překlad, čeština, němčina, Zdeněk Jirotka, *Saturnin*, humoristický román

1. Úvod

Přísloví jsou nejznámějším tradičním typem propozičních frazémů, ač v rámci tohoto typu tvoří výraznou menšinu, necelých 10 % (viz Čermák, 2007, s. 57). Podat přesnou definici přísloví není ale zdaleka tak snadné, jak by se na první pohled mohlo zdát. Jako východisko nám poslouží Čermákova definice: „V zásadě se za přísloví chápe ustálený větný výraz, někdy metaforický, který vyjadřuje pravdu založenou na tradované zkušenosti a zdravém rozumu.“ (Čermák, 2013, s. 5)¹ V monografii *Proverbs: their lexical and semantic features* však nalézáme tvrzení zdánlivě protichůdné: „Semantically and formally, proverbs appear to be far from the accepted view that

¹ To odpovídá Čermákově definici v *Novém encyklopedickém slovníku češtiny*: „Metaforický i nmetaforický frazém propoziční obvykle s didaktickou funkcí, který jistou momentální situaci kategorizuje poukazem na tradovanou zkušenost a často se užívá i jako tradiční poučení, rada, popř. i výtky a kritika.“ (Čermák, 2016)

They primarily or exclusively convey an accepted truth used in a prominently didactic way, prototypically by elders to youngsters.“ (Čermák, 2014, s. 38) Příčinou tohoto rozporu je podle autorova názoru skutečnost, že přísloví lze zkoumat interdisciplinárně: nejprve se jimi zabývala etnografie, posléze lingvistika (zejm. frazeologie), ale též literární věda, historie či právo. Různé úhly pohledu vedou samozřejmě k různým definicím, přičemž žádná z nich nemá univerzální platnost: „It does have, in fact, many faces depending on the point of view taken.“ (ibid., s. 91)

Cílem tohoto příspěvku je analýza přísloví v jednom konkrétním literárním textu, přesněji řečeno způsob, jakým jsou přísloví z originálního, českého textu přeložena do německého jazyka. Skutečnost, že daný literární text byl do němčiny přeložen dvakrát, nabízí pochopitelně možnost srovnání dvou překladatelských řešení.

2. Překlad přísloví jako translatologický problém

Překlad idiomů představuje z hlediska translatologie obtížný problém, neboť jejich převedení vyžaduje nejen dobrou znalost výchozího i cílového jazyka, ale i jistou míru tvořivosti: „Vynalézavosti je zapotřebí k vtipnému přeložení slovní hříčky, ke vkusnému převedení charakterizačního jména, ke vhodné substituci přísloví a k volbě stylisticky svěžího výrazu.“ (Levý, 1955, s. 73) Každý idiom, tedy i přísloví, představuje lexikální jednotku: „Kde slovo nemá význam samo o sobě, nýbrž jen jako součást celku, překládá se celek bez ohledu na významy jednotlivých slov.“ (Levý, 2012, s. 118)

Při převodu idiomu do cílového jazyka se překladateli nabízí několik možností: 1. formálně i významově identický idiom (jestliže v cílovém jazyce existuje), 2. významově identický, ale formálně modifikovaný idiom, 3. významově identický, ale formálně odlišný idiom, 4. neidiomatický opis, 5. rezignace na překlad (viz Krejčí, 2015, s. 57n.) Tyto kategorie použijeme i v případě porovnání dvou německých překladů románu *Saturnin*.

V případě přísloví jakožto zvláštního druhu idiomu hraje však roli také kulturní příbuznost jazyků: v evropském prostoru je důležitým zdrojem přísloví jednak antická kultura, jednak bible. Shodná biblická a antická přísloví se tedy objevují i v jazycích geograficky vzdálených, avšak kulturně příbuzných: tato shoda se označuje jako tzv. shoda očekávaná (ibid., s. 59). Přesto však můžeme i v kulturně příbuzných jazycích nalézt přísloví stejného významu, avšak vycházející z jiné obraznosti. Zde se překladatel musí mít na pozoru, aby nevhodně zvoleným ekvivalentem nepřevodl do cílového jazyka realii, která v kultuře výchozího jazyka neexistuje.² Kromě toho může nastat i situace, kdy jednomu přísloví ve výchozím jazyce odpovídá více variant v jazyce cílovém: právě zde může překladatel osvědčit svůj cit pro konkrétní komunikační situaci, v níž je dané přísloví použito.

3. Dva německé překlady románu *Saturnin*

Humoristický román *Saturnin* byl doposud přeložen do jedenácti jazyků: polštiny (1958),

² Pro češtinu to explicitně formuluje Levý, jeho postřeh má však obecnou platnost: „Na stopy českého prostředí je nutno dávat pozor při substituci přísloví, lidových rčení, místních a historických narážek.“ (Levý, 2012, s. 113) Francouzský teoretik Antoine Berman považuje nahrazování idiomů a přísloví jejich „ekvivalenty“ v cílovém jazyce přímo za projev etnocentrismu (viz Zehnalová, J. et al., 2015, s. 33).

srbochorvatštiny (1958), němčiny (1959 a 2007), estonštiny (1961), slovinštiny (2001), angličtiny (2003), španělštiny (2004), italštiny (2006), lotyštiny (2010), francouzštiny (2011) a ruštiny (2013).

Z uvedeného výčtu vyplývá, že do němčiny byl román přeložen dvakrát. Oba překlady od sebe dělí téměř půl století. Autorem prvního z nich (1959) byl Norbert Chotaš. Informací o Norbertu Chotašovi není k dispozici mnoho, z údajů v Souborném knihovním katalogu ČR však můžeme s vysokou pravděpodobností soudit, že Saturnin byl jediným českým beletristickým dílem, které Chotaš přeložil.³ Naproti tomu Joachim Bruss, autor překladu vydaného roku 2007, je překlada-tem nepoměrně zkušenějším: do němčiny přeložil řadu textů Václava Havla, příležitostně se věnoval i textům Jiřího Gruši či Pavla Kohouta.⁴

Německý překlad přísloví v románu Saturnin se stal v nedávné minulosti tématem dvou bakalářských prací (Edrová 2013, Sehnalová 2013). Obě tyto práce však analyzují pouze překlad z roku 2007.⁵

4. Přísloví v románu Saturnin

Sotva bychom v české literatuře našli dílo, v němž hrají přísloví tak významnou roli jako v humo-ristickém románu Zdeňka Jirotky Saturnin (1942). Mohli bychom to říci přesněji: sotva bychom našli literární dílo, v němž je užívání přísloví dominantní charakteristikou konkrétní postavy. V případě románu Saturnin je nositelkou přísloví teta Kateřina. Jde o postavu většinou směš-nou, místy politováníhodnou, někdy však i vyloženě negativní. Teta Kateřina ráda moralizuje, je nesmírně vztahovačná a s oblibou se stylizuje do role oběti nelítostného osudu. V jednání druhých lidí dovede vždy nalézt závažné mravní nedostatky a vždy má po ruce nějaké přísloví, jímž může tyto nedostatky komentovat. Pro tuto svou vlastnost není mezi lidmi oblíbena a titulní postava románu, sluha Saturnin, pro ni dokonce vymyslí nelichotivou, leč trefnou přezdívku *poskakující mudrosloví národa slovanského*.⁶

Pro účely tohoto příspěvku jsme vybrali pasáž, v níž se na relativně malé ploše vyskytuje velké množství přísloví. Jde o známou „filipiku proti příslovím“, jež je součástí dvanácté kapitoly a patří k nejzdařilejším pasážím celé knihy. Filipiku pronáší doktor Vlach, postarší sarkastický muž, jenž se s tetou Kateřinou často dostává do sporů. Komický efekt filipiky spočívá jednak v tom, že doktor Vlach záměrně zasazuje přísloví do zcela nevhodných situačních kontextů, jednak v tom, že některá přísloví záměrně vykládá doslova (ignoruje tedy jejich přenesený význam). Celkem se ve filipice vyskytuje následujících 24 přísloví:

Každý je svého štěstí strůjce (1), Koho bůh miluje, toho křížkem navštívuje (2), Trpělivost přináší růže (3), Tak dlouho se chodí se džbánem pro vodu, až se ucho utrhne (4), Mladý může, starý musí (5), Kdo chce kam, pomozme mu tam (6), S poctivostí nejdál dojdeš (7), Není šprochu, aby na něm

³ Chotaš příležitostně překládal do němčiny populárně naučné knihy, kromě toho hrál i v několika československých fil-mech (ve všech vystupoval v rolích nacistických vojáků). Nejznámějším z nich je film *Smrt si říká Engelchen* (1963) podle předlohy Ladislava Mňačka.

⁴ Joachim Bruss působil též jako předseda Česko-německého fondu budoucnosti.

⁵ Autor tohoto příspěvku pracoval ve starším textu věnovaném překladu dvou slovních hříček v románu Saturnin s oběma německými překlady (viz Sojka, 2016).

⁶ Jde o zřejmou narážku na *Mudrosloví národa slovanského ve příslovích* (1852) F. L. Čelakovského.

nebylo pravdy trochu (8), *Kdo lže, ten krade* (9), *Kdo do tebe kamenem, ty do něho chlebem* (10), *Není všechno zlato, co se třpytí* (11), *Kdo pozdě chodí, sám sobě škodí* (12), *Jak se do lesa volá, tak se z lesa ozývá* (13), *Kdo za pecí sedá, jiného tam hledá* (14), *Co tě nepálí, nehas* (15), *Pes, který štěká, nekouše* (16), *Kráva zajíce nedohoní* (17), *Čistota je půl zdraví* (18), *Veselá mysl je půl zdraví* (19), *Lepší vrabec v hrsti než holub na střeše* (20), *Každá liška chválí svůj ocas* (21), *Sytý hladovému nevěří* (22), *Komu není rady, tomu není pomoci* (23), *Pozdě bycha honit* (24).

Z výčtu je patrné, že Jirotko zvolil přísloví všeobecně známá. Platí to i dnes: 21 přísloví z výše uvedených čtyřadvaceti nalezneme v *Základním slovníku českých přísloví* (2013)⁷, přičemž 14 z nich je dokonce obsaženo i v Paremiologickém minimu češtiny⁸, jež zachycuje sto nejfrekventovanějších českých přísloví dle korpusu SYN 2005 a jež tvoří závěrečnou kapitolu Slovníku (Čermák, 2013, s. 132nn.).

Zvolená přísloví patří tedy až na výjimky k paremiologickému jádru češtiny a odrážejí základní lidské zkušenosti. Vezmeme-li navíc v úvahu i kulturní blízkost češtiny a němčiny, neměl by převod těchto přísloví do němčiny činit překladatelům zásadní potíže. Kromě jazykové erudice překladatelů tu ovšem mohou hrát roli i jiné faktory, především míra překladatelových translologických poznatků a úroveň sekundární literatury, s níž překladatel může pracovat. V tomto směru mají samozřejmě výhodu autoři novějších překladů. Kvalitu jejich práce však mohou ovlivnit i faktory velmi přízemní, například čas, který dostanou od nakladatelství k dispozici.

5. Porovnání dvou německých překladů „filipiky“

V této části příspěvku srovnáme překlady 24 přísloví obsažených ve filipice doktora Vlacha, a to z hlediska jejich sémantické a formální ekvivalence⁹. Jako orientační východisko nám poslouží pět způsobů možného překladu idiomu, jež jsme uvedli v části 2. Ačkoli budeme porovnávat především obě překladatelská řešení, v některých případech se samozřejmě nebudeme moci vyhnout i srovnání s českým originálem: především tam, kde budeme chtít posoudit vhodnost konkrétního překladatelského řešení.

6. Referenční zdroje

Za základní referenční zdroj jsme zvolili pětisvazkový *Deutsches Sprichwörter-Lexikon* (1867–1880) Karla Friedricha Wilhelma Wandera, dosud největší slovník německých přísloví. Od jeho úplného vydání uplynulo sice již téměř sto čtyřicet let, avšak vzhledem k tomu, že přísloví představují tradiční, velmi starou složku frazeologického inventáře jazyka, je tento zdroj velmi dobře použitelný. Wander byl navíc obeznámen i s tematicky spřízněnými příručkami z jiných kultur, mj. ve svém slovníku odkazuje i na Čelakovského *Mudrosloví*. Z hlediska srovnání obou

⁷ Ve Slovníku tedy nenalezneme pouze tři přísloví: *Koho bůh miluje, toho křížkem navštívuje* (2), *Kdo za pecí sedá, jiného tam hledá* (14) a *Kráva zajíce nedohoní* (17).

⁸ Jsou to přísloví č. 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 16, 20, 22, 23, 24.

⁹ Místo tradičního pojmu ekvivalence bychom mohli použít modernější pojem *komunikativní překlad* (viz Knittlová et al., 2010, s. 29).

překladů je navíc důležitý i fakt, že Wanderův slovník mohl (vzhledem k době jeho vydání) využít jak Norbert Chotaš, tak Joachim Bruss.

V konkrétních, problematičtějších případech využíváme pro doplnění i další zdroje: tematický slovník *Duden* (Drosdowski 1992), *Dictionary of European proverbs* (Strauss 2012) a v případech srovnání s češtinou rovněž *Základní slovník českých přísloví* (Čermák 2013).

V zájmu stručnosti odkazů budeme na referenční zdroje odkazovat zkráceně: W1867–80 (Wanderův slovník), D1992 (Duden), DEP2012 (Strauss 2012) a ZSČP2013 (Čermák 2013).

7.1 Sémantická ekvivalence, formální totožnost

Do první skupiny jsme zařadili ta přísloví, která jsou v obou německých verzích přeložena zcela totožně. Nalezli jsme jich celkem sedm, jak ukazuje Tabulka 1:

Tabulka 1: Sémantická ekvivalence, formální totožnost

ČEŠTINA	P1959 i P2007
Každý je svého štěstí strůjce.	Jeder ist seines Glückes Schmied.
Tak dlouho se chodí se džbánem pro vodu, až se ucho utrhne	Der Krug geht so lange zum Brunnen, bis er bricht.
S poctivostí nejdál dojdeš.	Ehrlich währt am längsten.
Není všechno zlato, co se třpytí.	Es ist nicht alles Gold, was glänzt.
Jak se do lesa volá, tak se z lesa ozývá.	Wie man in den Wald ruft, so schallt es heraus.
Pes, který štěká, nekouše.	Hunde, die bellen, beißen nicht.
Komu není rady, tomu není pomoci.	Wem nicht zu raten ist, ist nicht zu helfen.

Všech sedm dokladů náleží k úzkému jádru českých i německých přísloví. Svědčí o tom fakt, že všechna tato přísloví nalezneme ve W1867–80, D1992 i v ZSČP2013¹⁰. Formální variantnost těchto přísloví sice není nulová (např. W1867–80 některé varianty nabízí), v běžném úzu však zřejmě převládá jedna ustálená forma.

7.2 Sémantická ekvivalence, formální modifikace

Tuto skupinu tvoří pět přísloví. Jde opět o přísloví velmi běžná, ve W1867–80 jsou obsažena všechna. Přehled podáváme v Tabulce 2.

Tabulka 2: Sémantická ekvivalence, formální modifikace

ČEŠTINA	P2007	P1959
Trpělivost přináší růže.	Geduld trägt Früchte.	Geduld bringt Rosen.
Kdo lže, ten krade.	Wer lügt, der stiehlt auch.	Wer lügt, der stiehlt.

¹⁰ Dokonce jsou všechna i v Paremiologickém minimu češtiny.

Kdo pozdě chodí, sám sobě škodí.	Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben.	Wer zu spät kommt, hat das Nachsehen.
Co tě nepálí, nehas.	Was dich nicht brennt, das lösche nicht.	Was mich nicht brennt, das blas' ich nicht.
Lepší vrabec v hrsti než holub na střeše.	Besser einen Spatz in der Hand als eine Taube auf dem Dach.	Besser einen Sperling in der Hand als eine Taube auf dem Dach.

7.2.1 V případě přísloví *Trpělivost přináší růže* je základní německou variantou *Geduld bringt Rosen* (Chotaš), tu nalezneme ve všech referenčních zdrojích. Variantu *Geduld trägt Früchte* neobsazuje žádný z referenčních zdrojů, Wanderův slovník nabízí toliko variantu *Geduld ist ein bitteres Kraut, aber es trägt süsse Früchte*¹¹.

7.2.2 Překlad přísloví *Kdo lže, ten krade* je v obou verzích téměř totožný, Joachim Bruss navíc přidává slovo *auch*. Referenční zdroje se ovšem shodují na variantě *Wer lügt, der stiehlt*.

7.2.3 Zajímavý je překlad přísloví *Kdo pozdě chodí, sám sobě škodí*. Překvapuje nás, že ani jeden z překladatelů nepoužil pro zachování rýmu německý ekvivalent *Wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muss nehmen, was übrig bleibt*. Varianta zvolená Chotašem (*Wer zu spät kommt, hat das Nachsehen*) je však součástí všech referenčních příruček, jde tedy o překlad zcela adekvátní. Brussovo řešení – *Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben* – nefunguje v němčině jako přísloví: jde o výrok připisovaný Michailu Gorbačovovi.

7.2.4 Překlady přísloví *Co tě nepálí, nehas* se liší jednak osobním zájmenem v akuzativu (*dich* vs. *mich*), jednak slovesem ve druhé větě (*löschen* vs. *blasen*). Z hlediska osobního zájmena je patrně uzuálnější Brussova varianta *dich*, u slovesa ve druhé větě je naopak častější Chotašova varianta *blasen*.

7.2.5 V přísloví *Lepší vrabec v hrsti než holub na střeše* se od sebe překlady liší pouze pojmenováním *vrabce*, přičemž Brussovo řešení *Spatz* je patrně frekventovanější.

7.2.6 Celkově můžeme říci, že Chotaš přeložil všechna dotyčná přísloví frazeologicky, kdežto Bruss se ve dvou případech rozhodl pro variantu, která v němčině jako přísloví nefunguje.

7.3 Sémantická ekvivalence, formální rozdílnost

Do této skupiny patří pouze dvě přísloví, jak ukazuje Tabulka 3:

Tabulka 3: Sémantická ekvivalence, formální rozdílnost

ČEŠTINA	P2007	P1959
Koho bůh miluje, toho křížkem navštěvuje.	Des Kreuzes schickt Gott denen viel, die er in den Himmel will.	Wen Gott liebt, den züchtigt er.
Není šprochu, aby na něm nebylo pravdy trochu.	Etwas bleibt immer hängen.	Ist manches was man spricht auch Narrheit, enthält es doch ein Körnchen Wahrheit.

¹¹ V překladu *Trpělivost je hořká bylina, přináší však sladké plody*.

7.3.1 V případě přísloví *Koho bůh miluje, toho křížkem navštěvuje* zvolili oba překladatelé jiné formální řešení. Zatímco Bruss se patrně inspiroval Wanderovým slovníkem (ten nabízí přísloví přesně ve znění, v jakém je používá Bruss), Chotaš převzal své řešení z Bible, konkrétně z novo-zákonního Listu Židům¹². Brussův překlad je patrně o něco přesnější, Chotašovo řešení si však dovolujeme označit za sémanticky ekvivalentní.

7.3.2 I přísloví *Není šprochu, aby na něm nebylo pravdy trochu* vedlo oba překladatele k odlišným formálním řešením. Zatímco Bruss použil překlad latinského úsloví *Semper liquid haeret*¹³, Chotaš vytvořil rýmovaný pandán, o jehož frazeologickém charakteru však můžeme pochybovat, neboť se nám jej nepodařilo dohledat¹⁴.

7.4 Částečná či úplná sémantická ne-ekvivalence

U následujících tří přísloví zvolili překladatelé řešení, která nejsou zcela ekvivalentní (Tabulka 4).

Tabulka 4: Částečná či úplná sémantická ne-ekvivalence

ČEŠTINA	P2007	P1959
Mladý může, starý musí.	Jung kann man, alt muss man.	Heute rot, morgen tot.
Kdo chce kam, pomozme mu tam.	Reisende soll man nicht aufhalten.	Was du nicht willst, daß man dir tu, das füg auch keinem anderen zu.
Sytý hladovému nevěří.	Der Satte glaubt dem Hungrigen nicht.	Trau, schau wem.

7.4.1 Přísloví *Mladý může, starý musí* vyjadřuje myšlenku, že smrt je součástí života a může přijít kdykoli. Joachim Bruss zvolil překlad víceméně doslovný, avšak *Jung kann man, alt muss man* se nevyskytuje v žádném referenčním zdroji, patrně tedy v němčině jako přísloví nefunguje. Za odpovídající německý protějšek můžeme považovat přísloví *Der Tod nimmt Alt und Jung* (W1867–1880, DEP2012).

Chotaš naopak zvolil řešení frazeologické – přísloví *Heute rot, morgen tot* obsahuje už Wanderův slovník. Toto přísloví se však používá jako komentář v situaci, kdy někdo nečekaně zemře (viz Drosdowski, 1992, s. 590). Domníváme se proto, že překladatelská řešení nejsou zcela ekvivalentní: obě sice tematizují smrt, avšak přísloví *Heute rot, morgen tot* v sobě obsahuje moment její překvapivosti. Tento sémantický, možná přesněji sémanticko-pragmatický rys není v Brussově řešení obsažen. Na druhou stranu je však Chotašovi třeba přičíst k dobru, že české přísloví přeložil frazeologicky, kdežto Bruss se spokojil s překladem víceméně doslovným, avšak nefrazeologickým.

7.4.2 Přísloví *Kdo chce kam, pomozme mu tam* používáme tehdy, chceme-li vyjádřit, že úmysl druhého člověka považujeme sice za chybný či pošetilý, avšak nehodláme dotyčnému bránit, aby tento úmysl uskutečnil. Tomuto významu nejlépe odpovídá německé přísloví *Des Menschen*

¹² Židům 12, 6: *Koho Pán miluje, toho přísně vychovává, a trestá každého, koho přijímá za syna.*

¹³ V překladu *Vždy něco ulpí*. Autor výroku není znám.

¹⁴ Jako ustálené spojení funguje pouze poslední část Chotašova překladu, tedy *ein Körnchen Wahrheit* (zrníčko pravdy).

*Wille ist ein Himmelreich*¹⁵. Toto řešení však nezvolil ani jeden z překladatelů. Frazém *Reisende soll man nicht aufhalten*¹⁶, jež použil Joachim Bruss, vyjadřuje, že člověka, který nechce někde setrvat, nemáme zdržovat: má tedy užší význam než české *Kdo chce kam, pomozme mu tam*. Vezmeme-li však v úvahu kontext, do něhož je přísloví ve filipice zasazeno, můžeme tento překlad označit za vyhovující¹⁷.

Chotašovo řešení *Was du nicht willst, das man dir tu, das füg auch keinem anderen zu* odpovídá českému *Co sám nechceš, nečiň jinému*. Chotaš tedy zvolil jiný úhel pohledu: dozorce by neměl držet trestance ve vězení nikoli proto, že si to oni sami nepřejí, ale proto, že by si to na jejich místě nepřál ani on sám. Tato obrácená perspektiva však překladu neškodí, v daném kontextu ji lze zcela akceptovat.

7.4.3 Příklad *Sytý hladovému nevěří* přeložil Joachim Bruss doslovným německým protějškem *Der Satte glaubt dem Hungrigen nicht* (W1867–80, DEP2012). Chotaš zvolil řešení *Trau, schau wem*, což významově odpovídá českému *Důvěřuj, ale prověřuj*. Protože přísloví *Sytý hladovému nevěří* a *Důvěřuj, ale prověřuj* jsou významově odlišná¹⁸, musel Chotaš pozměnit kontext, jak vyplývá z Tabulky 5:

Tabulka 5: Změna kontextu u přísloví č. 22

Č	Přísloví <i>syty hladovému nevěří</i> je míněno tak, že ten sytý nevěří hladovému, že by měl takový hlad.
N1959	Das Sprichwort: Trau, schau wem! ist so zu verstehen, daß man nicht zu jedem ersten besten Vertrauen haben soll. ¹⁹

7.4.4 Celkově tedy můžeme konstatovat, že u každého ze tří uvedených přísloví zvolil každý z překladatelů jiné řešení. Význam českých přísloví vystihl poněkud přesněji Bruss, naopak Chotaš se přiklonil k volnějším řešením, a proto musel v jednom případě pozměnit kontext českého originálu.

7.5 Vynechání přísloví v P1959

Poslední skupinu tvoří sedm přísloví, která Bruss převedl, avšak Chotaš je ve svém překladu vynechal. Přehled podává Tabulka 6. Protože přísloví jsou přeložena pouze v jedné německé verzi, uvádíme vedle Brussova překladu i údaj o tom, zda jeho řešení mají oporu ve Wanderově slovníku:

¹⁵ Viz Drosdowski, 1992, s. 485.

¹⁶ Je obsaženo ve W1867–80.

¹⁷ „Běda dozorcí vězňů, který by pomáhal trestancům na svobodu a hájil se příslovím *kdo chce kam, pomozme mu tam*.“ (Jírotka, 1990, s. 169) V tomto případě je varianta *Reisende soll man nicht aufhalten* vhodná, neboť vězňové většinou ve vězení nechtějí setrvat.

¹⁸ *Sytý hladovému nevěří* znamená, že těžko můžeme posoudit, jak se v určité situaci cítí druhý člověk, jestliže jsme se sami v takové situaci nikdy neocitli. Příklad *Důvěřuj, ale prověřuj* nabádá k tomu, abychom druhým lidem nedůvěřovali slepě.

¹⁹ Překlad by mohl znít následovně: „Příklad *Důvěřuj, ale prověřuj* znamená, že nemáme na potkání kdekomu věřit.“

Tabulka 6: Vynechání přísloví v překladu P1959

ČEŠTINA	P2007	W1867–1880
Kdo do tebe kamenem, ty do něho chlebem.	Wer dir Steine bietet, dem vergelt's mit Brot.	NE
Kdo za pecí sedá, jiného tam hledá.	Der sucht den anderen im Ofen, der selbst im Ofen wohnt.	ANO
Kráva zajíce nedohoní.	Eine Schnecke holt keinen Hasen ein.	ANO
Čistota je půl zdraví.	Reinlichkeit ist die halbe Gesundheit.	ANO
Veselá mysl je půl zdraví.	Froher Mut ist die halbe Gesundheit.	PŘIBLIŽNĚ: Froher Mut ist <i>halbes Leben</i> . ²⁰
Každá liška chválí svůj ocas.	Jeder Fuchs lobt seinen Schwanz.	PŘIBLIŽNĚ: Jeder Fuchs lobt seinen <i>Bau</i> .
Pozdě bycha honit.	Wennich holt den Verzehrman nicht ein.	ANO

7.5.1 Z tabulky vyplývá, že ve čtyřech případech má Brussovo řešení ve Wanderově slovníku plnou oporu²¹. U dvou dalších přísloví je shoda s Wanderovým slovníkem jen částečná, neboť Bruss zvolil doslovný překlad českého protějšku.

Pouze jediné Brussovo řešení – *Wer dir Steine bietet, dem vergelt's mit Brot* – nemá ve Wanderově slovníku oporu, a protože jsme je nenalezli ani v žádném jiném zdroji, můžeme usuzovat, že v němčině jako přísloví nefunguje.

7.5.2 V Chotašově překladu jsou všechna uvedená přísloví vynechána a vždy je vynechán i celý kontext, do něhož je přísloví v Jirotkově originálu zasazeno. Toto řešení vyvolává samozřejmě obecnou otázku, zda lze vynechání určité pasáže textu považovat za přípustnou překladatelskou strategii. Translatologové nebyli v této otázce vždy zajedno. Zatímco Nida v textu z roku 1964 konstatuje, že vynechávání je žádoucí tehdy, má-li se zabránit nadbytečnosti vyjádření, nebo tehdy, jestliže by překlad působil v cílovém jazyce nepatřičně²², Savory ve své práci *The art of translation* upozorňuje i na existenci opačného stanoviska²³.

Názor na to, zda lze v překladu vynechávat či naopak přidávat, souvisí samozřejmě s otázkou, zda od překladu očekáváme věrnost, či nikoli. Tento prastarý translatologický spor je dnes snad již vyřešen. Zdá se totiž být zřejmé, že „suma informací obsažených v translátu není identická se sumou informací obsažených ve výchozím textu“ (Fišer, 2009, s. 20) Toto tvrzení platí i v případě, že překladatel nic nevynechá ani nepřidá. Někdy však překladatel „musí měnit sémantickou

²⁰ Wander u tohoto hesla odkazuje i na Čelakovského *Mudrosloví*.

²¹ Zajímavé je přísloví *Kdo za pecí sedá, jiného tam hledá*, neboť Wander je označuje za přísloví finské. Nahlédneme-li do kanonické sbírky finských přísloví *Suomen kansan sananlaskuja* (1842), jejímž autorem je zakladatel moderní spisovné finštiny Elias Lönnrot, toto přísloví tam skutečně nalezneme: *Se toista uunista etsii, joka itse uunissa asuu*.

²² „Omission is required to avoid redundancy and awkwardness.“ (Nida, 1964, s. 228)

²³ „A translation may add to or omit from the original. A translation may never add to or omit from the original.“ (Savory, 1968, s. 50) Tuto pasáž cituje i Levý: „Překlad může k originálu něco přidávat nebo z něho něco vynechávat. vs. Překlad by neměl nikdy k originálu nic přidávat a nic z něho vynechávat.“ (Levý, 2012, s. 34)

informaci výchozího sdělení“ (ibid.) a v takovém případě je jednou z možných strategií i vynechání. Často se to přitom děje právě u idiomů, jak upozorňuje Bakerová: „As with single words, an idiom may sometimes be omitted altogether in the target text. This may be because it has no close match in the target language, its meaning cannot be paraphrased or for stylistic reasons.“ (Baker, 1992, s. 77) Neexistence odpovídajícího protějšku v cílovém jazyce může být samozřejmě způsobena i kulturními rozdíly²⁴.

7.5.3 V případě Chotašova překladu Saturnina lze vynechání sedmi výše uvedených přísloví sotva zdůvodnit kulturními rozdíly. Brussův překlad dokazuje, že všechna tato přísloví jsou do němčiny převeditelná.²⁵

Teoreticky přichází v úvahu možnost, že v českém vydání Saturnina, s nímž Chotaš pracoval, bylo oněch sedm přísloví rovněž vynecháno. Tuto hypotézu lze však snadno vyvrátit: ve všech českých vydáních Saturnina, která Chotaš mohl znát (1942–1959²⁶), má filipika proti příslovím nezměněnou podobu, obsahuje tedy všech 24 přísloví (viz část 4).

Dalším možným vysvětlením je cenzurní zásah.²⁷ Vzhledem k době vydání překladu – 50. léta 20. století – nelze tuto možnost zcela vyloučit. Na první pohled sice není zřejmé, co by zrovna na těchto sedmi příslovích mohlo tehdejší cenzuře vadit, na druhou stranu je ale pravda, že komunistická cenzura dokázala často vidět satirický osten či pokus o zesměšnění konkrétního komunistického funkcionáře i tam, kde o to autor vůbec neusiloval.

Jakkoli možnost cenzurního zásahu nevyklučujeme, domníváme se, že Chotaš ona přísloví vynechal spíše proto, že nenalezl vhodný německý ekvivalent.²⁸ Připomínáme, že Chotaš nebyl zkušený překladatel beletristických textů. Nevíme také, s jakými příručkami pracoval (znal Wanderův slovník?). Je dokonce možné, že se při překladu spoléhal jen na své vlastní jazykové znalosti. Kromě toho také nevíme, zda jeho překlad nevznikal v časové tísní.

8. Závěr

Porovnání dvou německých překladů Jirotkovy „filipiky proti příslovím“ potvrzuje fakt, že přísloví jakožto specifický typ frazému představuje z translátologického hlediska značný problém, a to nejen lexikálně-sémantický, ale též komunikačně-pragmatický. V obou německých překladech jsme konstatovali existenci různých překladatelských řešení téhož problému: od úplné formální a sémantické ekvivalence přes větší či menší sémantické i formální modifikace (případně i změnu kontextu) až po rezignaci na překlad.

²⁴ Viz nedávno publikovaný text V. K. Sharma: „Omissions mean dropping of word/s that usually takes place when there is no equivalent word/s in the target culture. This procedure can be the outcome of the cultural clashes that exist between the source language and the target language.“ (Sharma, 2015, s. 6) Jako příklad uvádí Sharma překlady z angličtiny do arabštiny.

²⁵ Platí to i o překladech do ostatních jazyků (s výjimkou lotyštiny, lotyšský překlad jsme z tohoto hlediska neprozkoumali): pouze ve španělštině vynechal překladatel tři přísloví, ve všech ostatních jazykových verzích převedli překladatelé všechna přísloví, byť za cenu různých překladatelských ústupků.

²⁶ V tomto období vyšel román šestkrát: 1942, 1943, 1946, 1948, 1954, 1959.

²⁷ Za toto upozornění děkujeme editorovi sborníku PhDr. Ladislavu Janovcovi, Ph.D.

²⁸ Oněch sedm přísloví není navíc to jediné, co Chotaš v překladu vynechal. Například ve 22. kapitole je vynechána celá pasáž o Šemíkovi a Horymírovi.

Primární literatura

- Jirotka, Zdeněk: *Saturnin*. Vyd. 11. Praha: Československý spisovatel, 1990.
Jirotka, Zdeněk: *Saturnin*. Přel. Joachim Bruss. Praha: Karolinum, 2007.
Jirotka, Zdeněk: *Saturnin*. Přel. Norbert Chotaš. Praha: Artia, 1959.

Sekundární literatura

- Baker, Mona: *In Other Words: A Coursebook on Translation*. London: Sage Publication, 1992.
Čermák, František: Příslaví. In: P. Karlík et al. (eds.): *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Vyd. 1. Praha: Lidové noviny, 2016. Dostupné online na adrese <https://www.czechency.org/slovník/P%C5%98%C3%8DSLOV%C3%8D>.
Čermák, František: *Proverbs: their lexical and semantic features*. Burlington: University of Vermont, 2014.
Čermák, František: *Základní slovník českých přísloví*. Praha: Lidové noviny, 2013.
Čermák, František: *Frazeologie a idiomatika česká a obecná. Czech and general phraseology*. Praha: Karolinum, 2007.
Drosdowski, Günther: *DUDEN. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Mannheim: Dudenverlag, 1992.
Edrová, Kateřina: *Sprichwörter im kontrastiven Vergleich der tschechischen und deutschen Auflage des Romans Saturnin*. Bakalářská práce. Brno: Pedagogická fakulta MU, 2013.
Fišer, Zbyněk: *Překlad jako kreativní proces. Teorie a praxe funkcionalistického překládání*. Brno: Host, 2009.
Knittlová, Dagmar et al.: *Překlad a překládání*. Olomouc: FF UP, 2010.
Krejčí, Pavel: *Srbská frazeologie v českém a bulharském překladu: kontrastivní analýza*. Brno: FF MU, 2015.
Levý, Jiří: *Umění překlada*. 4., upravené vydání. Praha: Apostrof, 2012.
Levý, Jiří: Překladatelský proces – jeho objektivní podmínky a psychologie. *Slovo a slovesnost*. 1955, 16(2), s. 65–87.
Nida, Eugene: *Toward a science of translating: with a special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Leiden: Brill, 1964.
Savory, Theodore: *The art of translation*. 2., rozšířené vydání. Londýn: Cape, 1968.
Sehnalová, Kamila: *Komparativní analýza českých, anglických a německých přísloví v Jirotkově Saturninovi*. Bakalářská práce. Praha: Pedagogická fakulta UK, 2013.
Sharma, Vipin Kumar: The relevance of addition, omission and deletion (AOD) in translation. *International Journal of Translation*. 2015, 27(1–2), s. 1–12.
Sojka, Pavel: *Ví Bůh, nebo Výbuch? Dvě slovní hříčky a jejich cizojazyčné překlady*. In: E. Hájková et al. (eds.): *Moudří milují pověsti*. Praha: Pedagogická fakulta, 2016. s. 111–120.
Strauss, Emanuel: *Dictionary of European proverbs*. Londýn: Routledge, 2012.
Wander, Karl Friedrich Wilhelm: *Deutsches Sprichwörter-Lexikon*. 1867–1880. Dostupné online na adrese http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=Wander.
Zehnalová, Jitka et al.: *Kvalita a hodnocení překlada: modely a aplikace*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2015.

Некоторые функции фразеологизмов в поэзии Иосифа Бродского

Some of the functions of phraseological units in Joseph Brodsky's poetry

Ilja Aleksandrovič Sněgirev

Abstract

Despite the great interest to the poetry of Joseph Brodsky and his poetic language, some aspects of his poetics are still poorly studied. This paper attempts to distinguish the features of idiomatic expressions / phraseological units usage and their functioning in a poetic text.

Аннотация

Несмотря на огромный интерес к поэзии Иосифа Бродского и его поэтическому языку, некоторые аспекты его поэтики все ещё остаются недостаточно изученными. В данной работе предпринимается попытка отметить особенности использования идиоматических выражений и их функционирования в поэтическом тексте.

Keywords: Joseph Brodsky, phraseological units, poetic language, poetics.

Ключевые слова: Иосиф Бродский, фразеологизмы, стихотворный язык, поэтика.

1. История вопроса

После того, как обсуждение поэзии Иосифа Бродского стало возможным в России, появилось много работ, посвященных философскому, филологическому и лингвистическому анализу его произведений. Вместе с тем, в изучении творчества поэта остаются еще некоторые лакуны, нуждающиеся, по крайней мере, в обозначении.

Вопрос о функциях фразеологизмов как элемента стихотворного языка Иосифа Бродского, как ни странно, остался недостаточно изученным. В настоящей работе предпринимается попытка отметить некоторые особенности использования идиоматических выражений и их функционирование в поэзии Нобелевского лауреата.

2. Методология исследования.

Данное исследование построено на основе формального метода и классических работ ОПОЯЗа с учетом вклада Пражского лингвистического кружка, в том числе вышедших в этот период совместных тезисов Ю. Н. Тынянова и Р. О. Якобсона. Предложенные Ю. Н. Тыняновым понятия «единства и тесноты стихового ряда» в сочетании с принципами

лингвистического анализом стиха в работах Р. О. Якобсона до сих пор остаются перспективными для исследовательской работы.

Вместе с тем для определения авторской стратегии, изучения вопросов репрезентации и самопрезентации необходимо обращаться и к биографическому методу, путь даже и как к вспомогательному. Так изучение интервью поэта позволит прояснить воззрения поэта на язык, косвенно нашедшие отражение в его подходе к отбору языкового материала.

3. Иосиф Бродский и философия языка

Для Иосифа Бродского было характерно представление о поэте как орудии языка. В Нобелевской лекции он выразил это следующим образом: «Поэт, повторяю, есть средству существования языка. Или, как сказал великий Оден, он - тот, кем язык жив» (Бродский, 1987). И далее: «Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку». В эссеистике или интервью Нобелевского лауреата много подобных стремящихся стать афоризмами высказываний, отражающих представление о диктате языка или о служении поэта языку.

Данный корпус высказываний поэта позволяет не только убедительно реконструировать лингвофилософские взгляды поэта, отмечая его близость Хайдеггеру или постструктуралистам (Тюкина 2003), но и дает некоторые основания для рассуждения на тему особенностей индивидуально-авторских стратегий Бродского, относящихся скорее к области стилистики, нежели философии.

Из эссе поэта, его интервью, лекций для студентов можно сделать вывод, что поэт стремился, прежде всего, отразить язык во всей его полноте. Быть голосом всего языка, если воспользоваться метафорой самого поэта.

Косвенным следствием подобного отношения к отбору языкового материала является обширный словарный запас поэта. Запас, который, помимо количественного объема (Лев Лосев (2006) приводит цифру в 20 000 слов), отличался еще и качественным разнообразием.

Данная разнородность лексического состава давно уже стала общим местом в разговоре о поэзии или эссеистике Бродского. Даже его интервьюеры отмечали позитивную реакцию поэта на точно найденное слово, новую идиому или иную лингвистическую удачу.

Любопытно, что на протяжении диалогов с Соломоном Волковым, Бродский иронизирует над лингвистической невинностью своего визави, теряющегося при словах «бичи» (опустившиеся, спившиеся люди), «Гуталин» (прозвище Сталина в Ленинграде 50-х годов), «шизо» (штрафной изолятор), «очко» (туалет, отверстие в туалете) и т. д. (Волков 1998).

Помимо сниженной лексики, эта «всеядность» распространялась и на лексику для поэзии нетипичную. Водном из своих эссе перечисляя то, чему может научиться у прозы поэт, он заключил: «Немногому: вниманию к детали, употреблению просторечия и бюрократизмов, в редких случаях – приемам композиции (лучший учитель коей – музыка)» (Бродский 2016, с. 819).

При этом следует заметить, что разнородность лексики в поэзии Бродского, вопреки некоторым сложившимся предубеждениям, не предполагала одного лишь снижения. Так

в Нобелевской лекции он говорил: «на сегодняшний день чрезвычайно распространено утверждение, будто писатель, поэт в особенности, должен пользоваться в своих произведениях языком улицы, языком толпы. При всей своей кажущейся демократичности и осязаемых практических выгодах для писателя, утверждение это вздорно» (Бродский, 1987). Отсюда, наряду с просторечиями, вульгаризмами, сниженной лексикой соседствовали библеизмы, архаизмы и лексика торжественная.

Закономерно, что частью этой осознанной ориентации на разнородность лексического состава, на стилистические перепады и стилистическую ломку были и фразеологизмы.

4. В данной работе приводится попытка описания некоторых стратегий использования Иосифом Бродским фразеологизмов.

4.1 Фразеологизм как средство создания «речи персонажа».

Прежде всего, фразеологизмы используются Бродским в довольно традиционной роли средства создания «речи персонажа». В этом случае их функция – служить маркером речи, чаще всего обладающей ярко выраженной стилистической окраской. В поэзии автор при создании портрета персонажа должен учитывать компрессию языкового материала, поэтому экспрессивно окрашенная речь персонажа становится одним из способов создания портрета.

Повествовательная поэзия малохарактерна для русской лирической традиции, драматическая поэзия встречается несколько чаще, однако тоже уступает малому лирическому стихотворению как самому распространенному жанру в русской поэзии. Однако для Бродского, помимо русской традиции была характерна и ориентация на поэзию западную, прежде всего, англоязычную и, в меньшей степени, польскую, где эти формы поэтического текста более распространены. Не вызывает сомнения, что использование экспрессивно-окрашенной лексики широко распространено в повествовательной поэзии как средство создания речи персонажа. Именно в этом качестве фразеологизмы присутствуют в текстах повествовательных или в текстах, построенных как монолог персонажа, не являющегося лирическим героем и не отождествляемого с ним. Так сделана, например, баллада Киплинга «Томму», построенная на сочетании торжественной лексики в «припевной» части суперстрофы и речи кокни в куплетной, где описываются те или иные сцены из жизни английского рядового.

У Бродского есть несколько текстов, которые можно определить как повествовательные или, по крайней мере, ориентирующиеся на повествовательную традицию. Но наиболее ярко описываемая функция фразеологизмов выражена в стихах, представляющих собой диалог, как «Лесная идиллия» (неопубликован), или полилог, как «Представление» (первая публикация – 1989 г.). Два этих текста связаны между собой генетически (Лосев Комментарий) и, вероятно, восходят к «Балу в опере» Юлиана Тувима (Бараш 2013). При всем различии общей интенции «Лесной идиллии» и «Представления» у них совпадают общая тематика и ритмическая организация. Закономерно совпадение и общей стратегии использования фразеологизмов.

Название стихотворения «Представление» апеллирует ко всем значениям этого слова, однако, в наибольшей степени обращается именно к значению «театрального

представления». Строфа стихотворения организована особым образом – это суперстрофа (Гаспаров 2004, с. 193), состоящая из шести длинных строк, написанных 8-стопным хореем (размер довольно редкий для русской поэзии) и шести коротких, написанных хореем 4-хстопным. Сам по себе 4-хстопный хорей с подобным распределением ударений обладает в русской поэзии специфической семантикой, восходящей, вероятно, к маргинальным жанрам. Строфическое деление на длинные и короткие субстрофы в составе одной суперстрофы совпадает с делением смысловым. Длинные строфы содержат в себе общие размышления об истории России, появление различных исторических фигур – Пушкин, Толстой, Николай I т.д. Короткие строфы – это своеобразный голос хора (см. приведенное выше высказывание Бродского о композиции и музыке), разнородные реплики, несвязанные каким-то общим содержанием, повествовательной или временной последовательностью. Закономерно, что большая часть устойчивых фразеологических конструкций сосредоточена именно в «коротких» строфах. Имитация речи толпы, простого человека требует определенных лексических решений. Так, вторая строфа содержит сразу несколько идиоматических конструкций:

Прячась в логово свое
волки воют «Е-мое».

«Жизнь – она как лотерея».
«Вышла замуж за еврея».
«Довели страну до ручки».
«Дай червонец до получки».

Большая часть этих выражений – либо просторечные конструкции, например, „Довели страну до ручки“ или «дай червонец до получки», либо и вовсе бранные как «Ё-моё». В похожем стиле написаны и остальные короткие строфы:

«Не смотри в глаза мне,
дева: все равно пойдешь налево».
«У попа была собака».
„Оба умерли от рака

«Раз чучмек, то верит в Будду».
«Сукой будешь?» «Сукой буду».

«Пойти налево» – идиоматическое выражение, обозначающее измену или, по версии Лосева, «потерю девственности» (Лосев 2011, с. 453), а фраза «Сукой буду» – вариантом еще более грубого идиоматического выражения со значением клятвенного уверения в чем-либо.

Лев Лосев в комментариях к «Представлению» писал, что для Бродского, особенно в молодости, было характерно неприятие фразеологических оборотов в силу общей неприязни к всевозможным штампам и клише, в том числе, речевым (Лосев 2011, с. 449).

Вероятно, по мысли поэта, штампы речи были связаны со штампами в мышлении.

Однако было бы неверно утверждать, что фразеологизмы в «Представлении» выступают лишь в качестве средства создания сниженной речи или как обозначения речи, лишенной творческого начала, клишированной. Они просто маркеры РЕЧИ.

Так, идиоматическим выражением открывается и заканчивается финальная строфа стихотворения. Тогда среди макабрического хора появляется голос матери:

От любви бывают дети.
Ты теперь один на свете.
Помнишь песню, что, бывало,
я в потемках напевала?
Это – кошка, это – мышка.
Это – лагерь, это – вышка.
Это – время тихой сапой
убивает маму с папой.

Речь матери открывается идиоматическим выражением «от любви бывают дети», а ее колыбельная содержит, по крайней мере, один фразеологизм – «тихой сапой». Однако это несколько не снижает общей тональности, показывая, что при определенных обстоятельствах, фразеологизмы вполне могут быть частью высказывания лирического и индивидуального.

4.2 Фразеологизм как маркер речи автора

Вторая функция фразеологизмов сходна по своему характеру с первой. Если в первом случае фразеологизмы являются маркером речи персонажа, то во втором они выступают маркером речи автора. Фразеологизмы являются маркером произведения, построенного как речевое обращение.

Закономерно, что данная функция полнее всего раскрывается в произведениях, относящихся к жанрам послания или стихотворениям «на смерть». И послание, и погребальная элегия риторичны по своему происхождению и, как следствие, содержат элементы того, что Б. Е. Эйхебаум называл говорным стихом (Эйхенбаум, 1969).

Так, в стихотворении «Михаилу Барышникову» (1992 г., второе из дружеских посланий, обращенных к танцору) во второй строфе содержится ряд конструкций, представляющих собой трансформацию фразеологизмов:

Теперь поливают нас, и все реже – ливень.
Кто хочет сует нам в ребро свой бивень.

Глагол «поливать» здесь часть усеченного вульгарного фразеологизма со значением ругать, хулить, отзываться о ком-то неодобрительно. Значение строки «Кто хочет сует нам в ребро свой бивень» менее очевидно. Она может быть производной от идиоматического выражения «седина в бороду, в бес в ребро» или выражения «сунуть под ребро» (ударить ножом). Вполне возможна и контоминация этих двух фразеологизмов. В четвертой строфе:

Помнишь скромный музей, где не раз видали
одного реалиста шедевр «Не дали»?

В данном случае, название картины Репина «Не ждали» по замечанию Л. Лосева «заменено созвучным просторечным выражением, означающим, что говорящему было отказано в сексуальных утехах» (Лосев 2011, с. 461).

Эта речевая направленность, хоть в меньшей степени, чем дружескому посланию, присуща и стихотворениям «на смерть». От прочих стихотворений «на смерть», «Памяти Геннадия Шмакова» отличается обстоятельствами своего создания. Оно написано спустя год после смерти балетного критика Геннадия Шмакова, бывшего близким другом поэта. Отсюда возникающая в этом стихотворении толи фамильярная, толи интимная близость тона:

Извини за молчанье. Теперь
ровно год, как ты нам в киловаттах
выдал статус курей слеповатых
и глухих — в децибелах — тетерь
<...>

Сотрапезник, ровесник, двойник,
молний с бисером щедрый метатель,
лучших строк поводырь, проводник
просвещения, лучший читатель!
<...>

Ты теперь на все руки мастак —
бунта листьев, падения хунты —
часть всего, заурядный тик-так;
проще — топливо каждой секунды.
<...>

Длинный путь от Уральской гряды
с прибауткою „вольному — воля“
до разряженной внешней среды,
максимально — магнитного поля!

В приведенных выше строфах в том или ином виде присутствуют идиоматические выражения и производные от них, причем самого разного происхождения. Этого могут быть и просторечия: «глухая тетерь», «мастак на все руки». Могут быть нейтральные – «вольному – воля». Или, восходящие к Библии, как «молний с бисером щедрый метатель». Все это задано речевой установкой текста, его общей интенцией.

4.3 Фразеологизм как средство создания стилистической неровности

Функции фразеологизмов в поэзии Бродского не ограничиваются лишь задачами маркирования речи персонажа или обозначения того, что стихотворение выстроено как

обращение лирического героя. Фразеологизмы создают характерный для поэта перепад между различными стилистическими пластами, ощущение стилистического сдвига.

В качестве примера того, как фразеологизм (в исходном или в трансформированном виде) используется для обозначения этого сдвига можно привести стихотворения «Ария»:

Что-нибудь из другой
оперы, типа Верди.
Мало ли под рукой?
Вообще -- в круговерти.
Безразлично о ком.
Трудным для подражания
птичкиным языком.
Лишь бы без содержанья.

Вполне в духе описанного Ю. Н. Тыняновым явления «единства и тесноты стихового ряда» просторечный фразеологизм «из другой оперы» присутствует в тексте и как фразеологизм (со значением «что-то иное») и в качестве собственного внешнего омонима – в буквальном, прямом смысле из другой оперы.

Поток отрывистых конструкций завершается еще одним трансформированным фразеологизмом: «птичкиным языком» (исходный варианта «птичий язык»). Помимо собственного самого фразеологизма в качестве возможного предтекста этой строки можно указать еще и доклад секретаря ЦК, председателя Идеологической комиссии Л. Ф. Ильичева, где, лишенное идейности, пришедшее из-за океана искусство охарактеризовано как «птичий жаргон бездельников и недоучек» (Ильичев 1964, с 58–59).

Собственно, именно на таком эффекте и построено знаменитое «Не выходи из комнаты».

Не выходи из комнаты. О, пускай только комната
догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито
эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.
Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.

Здесь фразеологизмы, относящиеся к различным стилистическим пластам, сталкиваются друг с другом. Трансформированный афоризм Рене Декарта распространяется, просторечным выражением «в сердцах», и вся строфа завершается еще одним просторечием: «На улице, чай, не Франция». Псевдофилософские размышления растворяются в быте, в бытовой речи.

5. Выводы.

Безусловно, тремя, описанными выше стратегиями, функции фразеологизмов в поэзии Иосифа Бродского не исчерпываются. Сам процесс изучения и использования

идиоматических выражений приносил поэту наслаждение (Бродский2007), поэтому не может быть до конца сведен к авторским стратегиям, если только речь не идет о глобальной стратегии поэта – представить, воплотить язык во всей его полноте. Вместе с тем, кажется, что отмеченные закономерности дают некоторое представление о функциональной стороне идиоматики стихотворного языка Иосифа Бродского.

Литература

- Бараш, О.: „Представление“ Бродского и „Бал в опере Тувима“: типологическое родство или интертекстуальная связь? In Supa, W. (red.): *W kręgu problemów antropologii literatury: antropologia codzienności*. Białystok, 2013.
- Бродский, И.: *Нобелевская лекция* [Электронный ресурс]<http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt>. Доступно на 31.01.2019.
- Бродский, И.: *Большая книга интервью*. Москва: Захаров, 2007.
- Бродский Поэт и проза. In Бродский, И.: *Власть стихий*. Санкт-Петербург, 2016.
- Волков, С.: *Диалоги с Иосифом Бродским*. Москва: Независимая газета, 1998.
- Гаспаров, М.: *Русский стих начала XX века в комментариях*. Москва, 2004.
- Ильичев, Л.: Основные задачи идеологической работы партии. In *Пленум ЦК КПСС 18-21 июня. 1963 г.* Стенографический отчет. Москва, 1964.
- Лосев, Л.: *Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии*. Москва, Молодая гвардия, 2006.
- Лосев Л.: Комментарий. In Бродский, И.: *Стихотворения и поэмы в 2 т.* Санкт-Петербург, Пушкинск. дом, 2011.
- Тюкина, С.: *Понятие поэтической онтологии как проблема философского знания*. Диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. Москва, 2003.
- Эйхенбаум, Б.: *О поэзии*. Ленинград, 1969.

Metaphors *Lost & Found* In Translation: A „Genetic“ Translation of the Book of Jonah

Metaforické ztráty a nálezy v překladu: „genetický“ překlad knihy Jonáše

Róbert Bohát

Abstract

What (and how much) is lost (or found) in translation? Using the MIPVU method, this case study found that ca. 60 % of the metaphorical concepts were lost in translation from Hebrew to English (NASB), while 17 % of the metaphors in the translated text were newly introduced („found“ in translation). The Metaphor Density of the translation was 64 % lower than that of the original, and Metaphor Diversity decreased by 58 %. To make up for at least some of these losses, a biomimetic approach to translation is proposed here: a Genetic Translation. Just like the eukaryotic cell, this Genetic Translation simultaneously contains the original, its transcribed version (or transliteration), a literal (word-under-word) interlinear translation (concordant and reflecting the original syntax), a separate literal translation (still word-for-word, but now with the host language syntax), followed by a dynamic equivalence (or thought-for-thought) translation similar to the protein produced by the ribosomes. Sample Genetic Translation of a few passages is given to illustrate how the conceptual losses could be restored to the reader of the translation.

Abstrakt

Co (a kolik) je ztraceno (či nalezeno) v překladu? Tato případová studie pomocí metody MIPVU vedla k závěru, že cca 60 % metaforických konceptů bylo ztraceno při překladu z hebrejštiny do angličtiny (NASB) a 17% metafor v přeloženém textu bylo nových („nalezených“ v překladu). Metaforická hustota byla v překladu o 64 % nižší než v originále a metaforická diverzita poklesla o 58 %. K odčinění aspoň některých z těchto ztrát je v této práci navržen biomimetický přístup k překladu: genetický překlad. Stejně jako eukaryotická buňka, tento genetický překlad současně obsahuje originál, jeho transkripci (nebo přepis do jiné abecedy), doslovný meziřádkový překlad (slovo pod slovem – konkordantní, zrcadlí původní syntax), další doslovný překlad (respektující syntax cílového jazyka) spolu s překladem dynamicky ekvivalentním, podobným proteinu vyprodukovanému v ribosomech. V práci je uvedeno i několik ukázek, jak genetický překlad může vrátit ztracené metaforu čtenářům překladu.

Key words: conceptual conservation, Metaphor Density & Diversity, Genetic Translation, biomimetics in linguistics, conceptual metaphors, conceptual losses and shifts in translation, linguistic worldview (picture of the world), the Translation Paradox, Jerome' Dilemma

Klíčová slova: konceptuální konzervace, metaforická hustota a diverzita, genetický překlad,

biomimetika v jazykovědě, konceptuální metafory, konceptuální ztráty a posuny v překladu, jazykový obraz světa, paradox překladu, Jeronýmovo dilema

1. Introduction

„Born in the East and clothed in Oriental form and imagery, the Bible walks the ways of all the world with familiar feet and enters land after land to find its own everywhere. It has learned to speak in hundreds of languages to the heart of man. ... No man is poor or desolate who has this treasure for his own.“ (Van Dyke 1922, p. 11–12) As of 2017, the Bible „learned to speak“ 3324 languages that have at least a portion of it translated, making it the most translated text in history, a „model organism“ for the scientific study of (not only) inter-lingual translation. (Global Scripture Access Report 2017) Furthermore, Gadamer argued: „The process of translating comprises in its essence the *whole secret of human understanding* of the world and of social *communication*.“ (in: Biguenet & Schulte, 1989, p. ix; emphasis added) If that is the case, what can we learn from the most translated book in history?

The immediate impulse of this study was my research of cognitive metaphors of learning and the observation – while teaching at an English speaking international high school – that in academic communication, some cognitive metaphors seem to be „lost on the students“ when translated from one language (or culture) to another; they seem to be „lost in translation“ even when transferred by the „correct“ lexico-grammatical „equivalents“.

To assess the conceptual aspect of the „mystery“ of translation, a case study seemed necessary: the book of Jonah was chosen because it is relatively short, internationally well known and widely translated. The next question was: how much of the Good Book's „oriental form and imagery“ (or the original form and imagery of any text) is preserved (or lost, or changed) in translation, and exactly what is it that is „lost“?

Martin Luther, one of Europe's celebrated translators, wrote about reading the Bible: „The Hebrews drink out of the fountain, but the Grecians out of the springs that flow from the fountain: the Latins out of the pits.“ (Luther 1818, p. 430) This thought-provoking metaphor is one of a whole spectrum of opinions on the difference between reading the original and its translations in (not only sacred) literature; from the optimism of Henry Van Dyke (quoted above) through to the Italian „traduttore traditore“, as well as claims that „poetry by definition is untranslatable“ (Jakobson 1992, p. 151; compare Humboldt 1992, p. 55; Paz 1992, p.155) because words are like snowflakes as „no two snowflakes are alike“ (Rabassa 1989, p. 1).

Michelangelo's statue of Moses in Rome is a lasting monument, a materialized example of not only what gets *lost* in translation (Moses' „shining“ face from Exodus 34:29), but also what is *found* or *smuggled into* translation – in this case Moses gained horns. The Hebrew *qaran* 'or *panav* means „shined [the] skin of his faces“; Jerome's rendition as *cornuta esset facies sua* (i.e. „horned was the face of him“) seems to have seen the word „*qeren*“ (horn) in the word „*qaran*“ (radiated, shined). Thus, it seems that in this double translation (first interlingual from Hebrew to Latin, then intersemiotic from Latin to stone) about Moses, the Latins „drank“ from a very murky „pit“, a „muddy puddle“, to paraphrase Luther. (compare Jakobson 1992, p. 145)

However, the cognitive, social and ethical impacts of conceptual mistranslation go beyond

a disfigured artistic representation. A classical example is the *imposition of Ptolemaic Geocentric worldview* into some translations of Psalm 104:5 (and 93:1, etc.) saying about the earth: „It shall not be *moved* for ever and ever.“ (Douay-Rheims translation) First, the text was *mistranslated* and then misused as one of many „authoritative proofs“ that „the earth is stationary“; yet, the original says „*bal timoT*“, i.e. „it will not *totter* (slip)“ (cf. Psalm 60:2; 94:18), but certainly does *not* mean a *motionless* state. (Psalm 121:3). Thus, while thinking they were reading the Bible’s worldview, people were in fact reading the translator’s own view based on the Ptolemaic worldview; this, in turn, led to centuries of an artificial conflict between the Bible and science¹.

Conceptual mistranslation is also connected to one of the horrors of the 20th century. Kawai argues that a technically „correct“ but conceptually incomplete (and thus misleading) translation of the Japanese Government’s use of the word „*mokusatsu*“ in response to the Potsdam Declaration might have contributed to „a tragedy of errors“ that led to the bombing of Hiroshima and Nagasaki². (Kawai 1950, p. 409) This raises a question: Does translation (or communication in general) *always* and *necessarily* lead to similar distortions? And is there a way to undo such losses or shifts, especially when the stakes are high?

The first goal of this research is to identify one aspect of the conceptual integrity of the text, namely, metaphors and metonymies³, to establish a clearer understanding of *what* is lost, gained or changed conceptually in translation. The second goal is to quantify *how much* of this conceptual-metaphorical aspect is lost (or gained). In other words, if we live, love and learn by metaphors, how can conceptual shifts impact our communication, worldviews and learning? Is it possible to strive for a „conceptual conservation“ or a „conservation of metaphoricality“ in translation?

This case study first identified the metaphorical units that were lost or gained in the translation from Hebrew into English (New American Standard Bible, NASB). Next, a biomimetic approach (inspired by the living cell’s gene expression and hence called „Genetic Translation“) was tested as to whether it can help a reader who does not speak the original language to restore the lost metaphors, and clearly expose those metaphors that were „smuggled in“ from the receptor language and culture. The results show that even an accurate translation suffers from significant conceptual losses of more than 60 % of the original metaphors. However, imitating nature’s *transcription* and *translation* processes *can* recover the conceptual losses and help readers deepen their understanding of the original’s concepts embodied in metaphors.

2. Methodology

This research was done within the framework of the Conceptual Metaphor Theory (Lakoff and Johnson 1980; Lakoff 1993) and my research into cognitive metaphors of learning. The book of Jonah is a suitable case study with a clear and relatively simple narrative structure of 4 chapters,

¹ Similarly, the unjustified translation of *re'em* (wild bull, auroch) as „unicorn“ in the 17th century King James Version (and Douay-Rheims) creates an illusion of a fairy tale and artificially „mythologizes“ the Biblical narrative which is explicitly anti-mythological. (2 Peter 1:16)

² The word can be understood as „to be silent, withdraw comment“ or „to ignore“. Kawai adds: „Who knows but that save for the fateful word *mokusatsu*, Japan might have been spared the horror of the atomic bomb which came only a few days later!“ (Kawai 1950, p. 413)

³ Throughout this article, the reference to „metaphors“ or „metaphorical units“ includes metonymies, personifications, somatisms and other non-literal uses of words for the sake of brevity.

offering two text types (3 narrative chapters and a poetic psalm) for comparison. It is a relatively short text with 692 words in Hebrew and 1281 words in NASB. While small size in itself is a limitation, the advantage is that it is a manageable mini-corpus as *a starting point* in studying the metaphorical concepts „lost and/or found“ in translation. By virtue of being one of the most translated stories, this analysis could later be extended to other languages and other translations within the same language.

2.1 On Translation, Words and World(view)s

2.1.1 Theoretical Background of Translation

„Translating consists in reproducing in the receptor language the closest natural equivalent of the source-language message; first in terms of meaning and secondly in terms of style.“ (Nida and Taber, 1974, p. 77; cf. Furuli 1999, p. 1) Jakobson adds: „We distinguish three ways of interpreting a verbal sign: it may be translated into other signs of the same language, into another language, or into another, nonverbal system of symbols. These three kinds of translation are to be differently labeled:

1. Intralingual translation or *rewording* is an interpretation of verbal signs by means of other signs of the same language.
2. Interlingual translation or *translation proper* is an interpretation of verbal signs by means of some other language.
3. Intersemiotic translation or *transmutation* is an interpretation of verbal signs by means of signs of nonverbal sign systems.“ (Jakobson 1992, p. 145)

In view of the above, Gadamer's words point to an important aspect of translation: „**Reading is already translation**, and translation is translation for the second time.“ (in Biguenet & Schulte 1989, p. ix; emphasis added; compare Rabassa 1989, p. 6; Paz 1992, p. 152) Hence, translation is the *translator's reading* recorded in a different language, and if Eco analyzed the role of the reader in co-creating a story (i.e. *lector in fabula*, Eco 2010), it seems appropriate to consider the role of the translator-reader in the story (*interpres in fabula*).

In this view, the translator would be the first reader, the first *lector in fabula*, and the reader of the translation would be the second reader, i.e. *the reader of another reader's reading* who gets the translator „added“ to the text. This increases the distance between the original and the final reader, and it is no wonder that Rabassa claimed that „a word in translation is at two removes from the object under description“ because „a word is nothing but a metaphor for an object or, in some cases, for another word;“ therefore, he suggests the concept of „translation as metaphor“. (Rabassa 1989, p.1; compare Paz 1992, p. 154)

Hence, Furuli's question is relevant: „How can a general or lay reader who does not know the original languages assess the effects on the message of the original text after it has undergone translation into his vernacular? Also, how can a translator prepare his translation with the interests of the readers in view?“ (Furuli 1999, p. xviii)

Eco adds: „Every sensible and rigorous theory of language shows that a perfect translation is an impossible dream. In spite of this, people translate... The majority of Christians have read the Gospels in translation (every nation in a different language), but all of them believe that Jesus was crucified and John the Baptist beheaded, and not vice-versa.“ (2001, p.x) Humboldt expressed

it similarly: „It has repeatedly been observed and verified by both experience and research that **no word** in one language is **completely equivalent** to a word in another, if one disregards those **expressions** that **designate purely physical objects**. In this respect, languages are synonymic; **each** language **expresses a concept somewhat differently**, placing the **nuance** in each instance one step higher or lower on the ladder of perceptions.“ (Humboldt 1992, p.55; emphasis added)

Building on Eco's words through the lens of Humboldt, it is easier to *translate denotations* of physical objects and events, such as the mode of execution of Jesus and John. Yet, when it comes to cross-cultural communication (itself a form of translation even when performed in the same language), *translating the concept* of Jesus' death as a ransom sacrifice (Hebrew concepts of *pidyon* and *qorban ha-kofer*) is much more difficult than translating the method of his execution⁴.

2.1.2 A Brief History of the Trouble with Translation: What Gets Lost

In the second century B.C.E., the translator of the apocryphal book of *Ecclesiasticus* (Ben Sirach) wrote: „For the same things uttered in Hebrew, and translated into another tongue, have **not the same force** in them...“ (Ecclesiasticus, Prologue – KJV; emphasis added) More than 500 years later, Jerome stated: „The Greek Septuagint, after all, **lacks the flavor** of the Hebrew original.“ (To *Vincentius and Gallienus*; in: Arrowsmith 1975, p. 359; emphasis added) What could constitute the „force“ and the „flavor“ of the original mentioned above?

In the 860s C.E., the Slavic translator *par excellence*, Constantine (Cyril) introduced his translation of the Gospels (*Evangeliarium*) into Old Church Slavonic with the following comments: „Greek, when translated into another language, cannot always be reproduced identically, and that happens to each language being translated. It often happens that a word that is **beautiful** in one language is not so in another, and what is **horrible** in one language is not so in another; **the main thing** in one language is not so in another. And a **masculine noun is feminine** in another language, such as the Greek masculine nouns *potamos*, *astir*, but in Slavonic it is feminine *rěka*, *hvězda* [river, star].“⁵ (in Vašica 2014; *italics* original, bold and square brackets added) Jakobson comments: „Even such a category as grammatical gender, often cited as merely formal, plays a great role in the mythological attitudes of a speech community.“ (Jakobson 1992, p. 149)⁶

Jerome also said: „...it is extremely difficult to preserve in translation the **particular verbal felicities** of a foreign language. The original meaning, for instance, may be conveyed in a single word – a word which has no single Latin equivalent. If the translator tries to catch **the full meaning**,

⁴ Including the metaphor John used of Jesus as „the Lamb of God“ (John 1:29); a Slovak man brought up in the spirit of Marxism asked: „Why do Christians offend Jesus by calling him a ram? The honorary metaphor was **lost on** the atheist reader and turned the expression into an apparent offence.

⁵ Translated by the author from the Czech version: „Neboť nemůže se vždy stejně vyjadřovat řecký jazyk, když je překládán do jiného jazyka, a v každém jazyku, když je překládán, se mnohdy stává, (že slovo v) jednom jazyku krásné, v druhém (jím není), a co v jiném je strašné, (v druhém nikoli; co) v jednom značí věc hlavní, to v druhém (nikoli. A jméno mužské) v druhém jazyku je ženské, jako řecké mu(žské jméno) *potamos*, *astir*, ale slovansky ženské *rěka*, *hvězda*.“ (Konstantin Cyril, in: Vašica, 2014) with partial editing according to Jakobson's translation (1992, p.150).

⁶ Jakobson mentions psychological research that „showed that Russians, prone to personify the weekdays...represented Monday, Tuesday, and Thursday as males and Wednesday, Friday and Saturday as females“ based on the grammatical gender of the respective words. (1992 p. 150) Similarly, in Biblical Hebrew, the word *ir* (city) is feminine, which leads to an array of feminine personifications of cities as „daughters“, „virgins“, „wives“, „mothers“, „prostitutes“, etc. This feminine feel does not come as naturally in languages whose word for „city“ is masculine, such as Russian („gorod“) or neutral, as in Czech and Slovak (město/mesto).

he must resort to lengthy paraphrase. To these difficulties must be added the problems of *word-order*, differences *in case* and *rhetorical figures*, and finally, *the native genius* of the language itself.“ (To *Vincentius and Gallienus*; in: Arrowsmith 1975, p. 359; emphasis added)

From this brief overview it emerges that translators speak of a certain elusive „*force*“, „*full meaning*“, „*native flavor*“ and „*genius*“, as well as „*word order*“ and „*verbal felicities*“, „*beauty*“, „*horror*“ and „*grammatical gender*“ that is lost in translation.

Although this list is nowhere near exhaustive, it provides a „foretaste“ of what might be included in what Isaac Newton referred to when he wrote: „I suppose in sacred prophesies we are to regard chiefly the Jewish [sic, i.e. Jewish] *way of speaking*.“ (Newton; in: Yahuda Ms. 1.1; 2004; compare with Luther’s expression „Hebrew *kind of speaking*“, Luther 1818, p. 430; emphasis added in both) This „way of speaking“ could be included – with all the aspects mentioned above and more – in Humboldt’s concept of *Weltansicht*, or Bartminski’s *językowy obraz świata* (JOS, Bartminski 2016), translated either as „linguistic picture of the world“ (Zinken 2004) or as „the linguistic worldview“ (Glaz, Danaher, & Lozowski, 2013).

Furthermore, this linguistic worldview could include categorical *prototypes* (compare Lakoff and Johnson 1980, pp. 122–125; Rosch 1978) and Bartminski’s cultural *stereotypes* and *cognitive definitions* (Bartminski 2016; Glaz, Danaher, & Lozowski, 2013).

According to Underhill, George Steiner „stresses the importance of *Weltansicht* for language and, consequently, for translation (which becomes, if we adopt Humboldt’s perspective) a voyage between different worldviews.“ (2009, p.19) Thus, translating „worlds“ (i.e. worldviews) is even more challenging than translating words.

This raises the question: whose worldview am I reading in a given translation – the author’s or the translator’s? As demonstrated in the introduction, „invasive“ worldviews can be as destructive as an invasive species’ intrusion into an ecosystem.

„Can a translation preserve the sense of a text by changing its reference? One could say that a good translation is not concerned with the denotation but with the connotation of words ... The word *connotation* is an umbrella term used to name many, **many kinds of non-literal senses of a word**, of a sentence, or of a whole text. That words, sentences, and texts **usually convey more than their literal sense** is a commonly accepted phenomenon, but the problems are (i) how many **secondary senses** can be conveyed by a linguistic expression, and (ii) which ones a translation should preserve at all costs.“ (Eco 2001, p. 8-9; bold emphasis added) „Probably the most difficult aspect of translation is the necessary but often futile attempt to preserve or convey a **cultural milieu** and its concomitants through words.“ (Rabassa 1989, p. 10; emphasis added)

This point relates to the translators’ own cultural milieu and belief systems.

„Neutral’ translations do not exist and are not even desirable. Translation *is* interpretation, and the interpreter’s theological view of a passage or a discourse is an important factor because it is certainly present with many other factors when a text is translated.“ (Furuli 1999, p. xv) In parallel with translation, Furuli points to a paradigm shift in medicine: from the practice of the ‚all-knowing, authoritative physician’ to the principle of getting and respecting the patient’s *informed consent*. Then he continues: „In the same way, the translator used to have the final say, and the reader had to accept the translated text without having any means to control the translator’s linguistic knowledge or his or her theology and bias. This author believes that, to the greatest possible extent, readers of the Bible should have the possibility of ‚informed consent’

and be given the tools to make ‚informed choices.‘ This is possible only with a concordant or literal translation. While idiomatic translations serve a great need, they should not be the only translations available.“ (1999, p. xvi)

In contrast with Furuli’s view, Octavio Paz argues: „I do not mean to imply that *literal translation is* impossible; what I am saying is that it is not translation. It is *a mechanism*, a string of words that helps us read the text in its original language. It is *a glossary* rather than a translation, which is always a literary activity. Without exception, even when the translator’s sole intention is to convey meaning as in the case of scientific texts, *translation implies a transformation of the original.*“ (Paz 1992, pp. 154–155; emphasis added) Rabassa develops the idea of transformation: „It is a form of adaptation, making the new metaphor fit the original metaphor, and in a bad translation the results can be most procrustean.“ (Rabassa 1989, p.2)

The trouble with all of the approaches above is that they inevitably present an „either-or“ dilemma; either a translation is literal („word-for-word“ and thus concordant, but often difficult to understand) or it is **dynamically equivalent** („thought-for-thought“, highly readable and intelligible, but potentially misleading).

The goal of this Genetic Translation proposal is to demonstrate that we can have it both ways (*sub utraque specie*, to use the Hussite phrase): the *conceptual integrity* of a text can be preserved without having to sacrifice the benefits of either of the two approaches. This will empower readers to participate in the translation *process* („*lector in interpretationis*“), to „check“ the translator’s linguistic and cultural choices, compare them with the concepts present in the two types of literal translation, and to give or withdraw their informed consent.

2.2 Metaphor Identification & Quantification

First, in order to evaluate the degree of the conceptual loss and/or shift in translation, metaphors were identified, assorted and quantified in both the Hebrew original of Jonah as well as in the NASB translation.

Metaphors were identified according to the MIPVU method, summarized as follows:

1. „Read the whole text or transcript to understand what it is about.
2. Decide about the boundaries of words.
3. Establish the contextual meaning of the examined word.
4. Determine the basic meaning of the word (most concrete, human-oriented and specific).
5. Decide whether the basic meaning of the word is sufficiently distinct from the contextual meaning.
6. Decide whether the contextual meaning of the word can be related to the more basic meaning by some form of similarity.“ (Steen 2007, p. 12; Pragglejaz 2007)

Metaphor density was determined as the relative frequency of Metaphor Related Words (MRW, i.e. all words that constituted metaphorical expressions or phrases); this was counted as MRW per 100 word tokens of the text (MRW/100, i.e. percentage of the text; cf. Nacey 2013, p. 135). The *metaphorical units* (MU) included various types of *metaphor*, including *personification* and *somatisms*; *metonymies* were included and quantified separately; in the final analysis, metaphors and metonymies were put together in the sum total of MU for each chapter. The process of metaphor identification and quantification was repeated 3 times for each language.

Another type of conceptual characteristic is *ritual* viewed as *action metaphor* (or enacted metaphor). Lakoff and Johnson argued: „Religious rituals are typically metaphorical kinds of activities, which usually involve metonymies – real-world objects standing for entities in the world as defined by the conceptual system of the religion. The coherent structure of the ritual is commonly taken as paralleling some aspect of reality as it is seen through the religion.“ (1980, p. 234) Also: „The metaphors we live by, whether cultural or personal, are partially preserved in ritual. Cultural metaphors, and the values entailed by them, are propagated by ritual. Ritual forms an indispensable part of the experiential basis for our cultural metaphorical systems. There can be no culture without ritual.“ (Lakoff and Johnson, 1980, p. 234)

2.3 Proposed Solution: A Test

„A translation can never equal the original; **it can approach it**, and its quality can only be judged as to accuracy by how close it gets.“ (Rabassa 1989, p. 1; emphasis added) If translation is a *process of approaching*, then various types of translation can help readers to get more or less close to the semiotic wholeness of the original, including its *conceptual integrity*. The problem of *conceptual loss and shift* in translation has been addressed in many ways since ancient times. As outlined above, the main innovation of this proposal is that it is based on *biomimetics*.

Although biomimetics is more common in applied natural sciences, there are good reasons to apply it in linguistics; Prodi argued that ‚biology is pure natural semiotics.‘ (Prodi 1986) Eco was reportedly impressed by Prodi’s idea „that instead of thinking whether cells speak like us, the question should be asked whether we speak like cells“ (Kull 2018, pp. 352–364) Hence, there might be a case for examining the idea of a „topological“ similarity between the biological *gene expression* and the mental process of *intralingual*, *interlingual* and *intersemiotic* translation. Meantime, the cell’s gene expression can be a meaningful inspiration for human translation.

2.3.1 Some of the Previous Solutions

Another „new“ aspect in Genetic Translation is that instead of the *exclusive* „either-or“ approach, it works as an *inclusive* combination of previous approaches.

In the 3rd century C.E., Origen of Alexandria published the so-called *Hexapla*, i.e. the „six-columnner“, an edition which included the *original* Hebrew text in the first column, a *transliteration* of Hebrew into the Greek alphabet in the second column, followed by four columns with a different translation in each: Aquila, Symmachus, the Septuagint (LXX) and Theodotion. (Figure 1) This way the readers could compare the different available translations with the original even if they did not read Hebrew.

Figure 1: A Passage from Origen's Hexapla (Psalm 46)*

Hebrew	Hebrew Transliterated	Aquila	Symmachus	LXX	Theodotion
שׂיר	ΣΙΡ	ΑΣΜΑ	ΩΔΗ	ΨΑΛΜΟΣ	ΩΔΗ
אלהים	ΕΛΩΕΙΜ	Ο ΘΕΟΣ	Ο ΘΕΟΣ	Ο ΘΕΟΣ	Ο ΘΕΟΣ
לנו	ΛΑΝΟΥ	ΗΜΙΝ	ΗΜΙΝ	ΗΜΩΝ	ΗΜΩΝ
מחסה	ΜΑΑΣΕ	ΕΛΠΙΣ	ΠΕΠΟΙΘΗΣΙΣ	ΚΑΤΑΦΥΓΗ	ΚΑΤΑΦΥΓΗ
ועז	ΟΥΟΖ	ΚΑΙ ΚΡΑΤΟΣ	ΚΑΙ ΙΣΧΥΣ	ΚΑΙ ΔΥΝΑΜΙΣ	ΚΑΙ ΔΥΝΑΜΙΣ
עזרה	ΕΖΡΑ	ΒΟΗΘΕΙΑ	ΒΟΗΘΕΙΑ	ΒΟΗΘΟΣ	ΒΟΗΘΟΣ
בצרות	ΒΕΣΑΡΩΘ	ΕΝ ΘΛΙΨΕΣΙΝ	ΕΝ ΘΛΙΨΕΣΙΝ	ΕΝ ΘΛΙΨΕΣΙ	ΕΝ ΘΛΙΨΕΣΙΝ
נמצא	ΝΕΜΣΑ	ΕΥΡΕΘΕΙΣ	ΕΥΡΙΣΚΟΜΕΝΟΣ	ΕΥΡΕΘΗΣΕΤΑΙ	ΕΥΡΕΘΗ
מאד.	ΜΩΔ.	ΣΦΟΔΡΑ	ΣΦΟΔΡΑ	ΗΜΙΝ ΣΦΟΔΡΑ	ΣΦΟΔΡΑ

*Transcribed according to The New Schaff-Herzog Encyclopedia.

Another attempt to recover what was lost in translation is the *interlinear translation*; this means that under each Hebrew (or Greek) word in the original, there is a word in the target language and in a parallel column there is a „dynamic equivalence“ translation for comparison. Some interlinears attach numbers from Strong's *Exhaustive Concordance* to each word in the original; this allows the reader to look up the dictionary definition and concordance of a given term relatively quickly.

However, the usefulness of an interlinear translation depends on its methodology; some provide the „basic“ dictionary meaning of each word, others simply take a word from the reference translation and place it under the original word.

A comparison of two interlinear translations of Daniel 6:25 [=verse 24 in the original] illustrates the problem. Speaking about the punishment for „men who had maliciously accused Daniel“ (NASB), the *Biblehub's* interlinear reads: „Men these who had accused had accused who Daniel“⁷. Why is the expression „had accused“ repeated twice under two different words (with two different Strong reference numbers)? Kohlenberger's interlinear says: „The-men these who they-chewed-up pieces-of-him of Daniel.“ (1987, p. 461) This Aramaic expression *achalu qarcohi di Daniyyel*, („they-ate pieces of Daniel“) is a **phraseological and metaphorical** idiom for slander, false accusation. The metaphor **SLANDERING IS EATING A PERSON** triggers a reaction of horror and disgust, a **strong condemnation of slander**⁸, as serious as cannibalism. Yet, the loss of this metaphor means that the *horror is lost* in English (and at least one interlinear).

A foreignizing *literal* translation is another approach to making important texts accessible to other cultures. Young's Literal Translation (YLT, originally of 1862, still reprinted) provides an interesting case study; it is known as „the most literal“ translation in English. Despite its undeniable advantages, a brief passage will demonstrate that literalness does not guarantee a protection against

⁷ Available at: <https://biblehub.com/interlinear/daniel/6-24.htm>; accessed on February 2, 2019.

⁸ Compare this metaphor with the Greek etymology of the word *sarcasm* and the Arabic expression *akala laHma akhihi*, i.e. he slandered, lit. „ate the flesh of his brother“.

conceptual losses. The YLT says in Jonah 4:1,2: „And it is grievous unto Jonah – a great evil – and he is displeased at it; and he prayeth unto Jehovah, and he saith, `I pray Thee, O Jehovah, is not this my word while I was in mine own land -- therefore I was beforehand to flee to Tarshish -- that I have known that Thou [art] a God, gracious and merciful, slow to anger, and abundant in kindness, and repenting of evil?“ (cf. Table 12 below)

In verse 1, the Hebrew text says *va-jichar lo* („and it *burned* to him“), with an underlying ANGER IS FIRE metaphor. (cf. Kövecses 2000) The „great evil“ is literally „big evil“; the BIG IS GREAT metaphor is lost. In verse 2, the expressions „*rachum*“ and „*erech apayim*“ are translated correctly as „merciful“ and „slow to anger“; still, this rendering is conceptually emptied of the underlying metaphor of WOMB IS MERCY (*rachum* is derived from *rechem* – „womb“) and LONG IS PATIENT + NOSE IS ANGER (*erech apayim*, literally: „long of two nostrils“). In only 2 verses, 5 conceptual metaphors were lost in translation⁹, which is understandable, for even the literal translation has to be intelligible to the target audience. Yet, this intelligibility comes at a price: the loss of the original metaphors. A multi-column *Genetic Translation* proposed below can solve this problem.

2.2.1 „Genetic“ Translation: Linguistic Biomimetics

Biology uses linguistic terminology (typically viewed as metaphors, e.g. „gene *expression*“, „*transcription*“ or „*translation*“), and in popular science literature we read similar expressions: „You carry *an epic poem* in your cells. *It’s an incomparable, sprawling, unique, meandering saga*. About a decade ago, fifty years after the discovery of the double helix, our ability *to read DNA* had improved to the degree that it was transformed into *a historical source, a text to pore over*. ... Your genome is the totality of your DNA, *3 billion letters of it*...“ (Rutherford 2017, p. 4; emphasis added) Maybe we can revert the metaphor of DNA as „an epic poem“ or „saga“ that we can „read“ and start *reading* and *translating* our epic poems the way living cells read and translate their DNA „saga“ into proteins.

Therefore, I would like to propose that *making our translations similar to the eukaryotic cell’s semiosis* could be a solution to the problem of conceptual loss and shift in translation. This can be achieved by imitating the cell’s gene expression – by placing the *original* (corresponding to DNA) and the *transliteration* (analogous to the transcription into mRNA), the *mirroring literal translation* (like raw mRNA before splicing, i.e. taking out segment that will not be included in translation), the „*readable*“ *literal translation* (like mRNA after splicing) and the „*final*“ *Anglicized text* (corresponding to the functional protein) together in parallel, all on the same page (see Tables 12, 13 below). (Alberts et al., 1998, pp. 211–234; Snustad and Simmons, 2009, pp. 286, 316)

Thus, the *original* text (DNA), its *transcribed* („rewritten“) version in a different „alphabet“ (mRNA), as well as its *translated* version (the proteins, quite different chemically from DNA and RNA) *coexist in parallel* – they share the same space and time within the same cell. Could we do something similar in linguistic translation?

Just like the cell, the *Genetic Translation* will start with a transcription or transliteration of the Hebrew text into the Latin alphabet; then, a mirroring literal translation will be performed

⁹ The only translation known to me (as of early 2019) that does justice to these metaphors is Chouraqui’s version in French: „Él graciant et *matriciel*, toi, *long de narines*, multiple en chérissement, et qui reconforte du malheur.“ (Jonah 4:2)

word-under-word, following exactly the syntax and phraseology of the original (like the „primary transcript“ of unedited mRNA *before* splicing out the introns). The Latin transliteration will also be given in a separate column to ensure easier reading. The next column will give a more reader friendly literal translation – similar to mRNA *after* splicing out the introns. (Alberts et al., 1998, p. 218). Only then, in the last (left) column, the Anglicized text as an „idiomatic“ translation (or „dynamic equivalence“) will be included (parallel to the functional protein). This translation would Anglicize i.e. *domesticate* the text.

3. Results

First, the outcomes of the metaphor identification process will serve as a gauge of the degree of **the conceptual integrity conservation** (or lack thereof) across languages. The second part will use a *sample Genetic Translation* (of Jonah 4:1,2) to demonstrate a way of restoring what was lost in translation.

3.1 Conceptual Integrity through the Lens of Metaphors „Lost and Found“

As for Jonah chapter 1, more than 60 % of the metaphorical units (MU) were lost in translation. In the Hebrew original, a total of 29 MUs were identified (with 31 MRW), two of which were metonymies. (see Table 1) With 255 total word tokens, the MRW frequency was 12.2 MRW per 100 words, i.e. 12.2 % of the text. In NASB, the same number of 31 MRW were identified; however, there were only 19 MUs in English (one of which was a metonymy). With a total of 499 words in chapter one (almost twice the number of words in Hebrew), the MRW relative frequency in English was 6.2 MRW per 100 words, i.e. 6.2 % of the text. In terms of relative frequency, NASB lost almost a half of the original metaphorical density. (see Table 1)

As for the „conservation of metaphoricity“ across languages, a total of 19 Hebrew MUs were lost (65.5 % of the original 29) and 9 non-original English MUs were *found* in translation, i.e. they appear in English but not in the original. These 9 new MUs represent 5 different metaphors – **falling** asleep (1x), **accounting** metaphors (3x); calamity „**strikes**“ (2x), word „**coming**“ (1x), „**sound**“ asleep (1x). The 10 metaphorical units that were preserved in translation made up only 2.4 % of the target (receptor) language text, which makes the conceptual loss even more impactful.

Table 1: Metaphorical Units in Hebrew & English (NASB): Jonah, Chapter 1.

Metaphor	Freq. (Hebrew)	MRW	Reference	Freq. (NASB)	MRW	Reference
UP (<i>Or.</i>)	3x	3	1:2,3	3x	5	1:2,3
ON (<i>Or.</i>) / Prep. ('al)	6x	6	1:2,7,11, 12 [2x], 14('al);	3x + 1	4	1:14 „call on the Lord“ added; missing in 1:2,11,12 [1x]
DOWN (<i>Or.</i>)	1x	1	1:4	1x + 1*	3	Added 1:5 (fall asleep)
JOURNEY (<i>Str.</i>)	2x	4	1:11,13	0	0	0
Face (<i>Som.</i>)	4 x	4	1:2,3 [2x],10	0	0	0

<i>Personification</i>	3x	3	1:11,12, 15	1x + 3	6	1:1 „word came, saying“; 1:7,8 (calamity strikes -2x); 1:11,12 missing
BIG IS SIGNIFICANT	5x	5	1:4 [2x]; (1:10, 16); (1:12)	0	0	0
CLEAN IS INNOCENT	1x	1	1:14	0	0	0
TO STAND IS TO STOP	1x	1	1:15	0	0	0
GIVE/PUT (=ascribe to us/ al <i>TITEN</i> aleynu dam naqi)	1x	1	1:14	1x	1	1:14
<i>Metonymy:</i> SOUL IS LIFE	1x	1	1:14	0	0	0
<i>Metonymy:</i> BLOOD IS DEATH	1x	1	1:14	1x	1	1:14
n/a	n/a	n/a	n/a	SOUND - 1x	2	1:5 - „sound asleep“ (=intense)
n/a	n/a	n/a	n/a	ACCOUN- TING - 3x	9	1:7,8,14 - „on whose account“
Total	29x	31		O: 10; T: 19	O: 12; T: 31	

Legend: Or. – Orientational metaphor; struct. – structural metaphor; Som. – somatism; O – original; T – total;
* the plus sign (+ number) indicates that a non-original metaphor in a given category was detected.

Jonah chapter 2 is a poetic psalm that lost 60 % of the original metaphors in translation. Although this loss is significant, it also means that *not all* metaphors were lost; 40 % of the metaphors were preserved. The Hebrew text (114 tokens, 93 types) had 10 MUs (and 10 MRW). Hence, the relative frequency of 8.8 MRW per 100 words or 8.8 % of the text. NASB has 205 word tokens and 8 MRW; the relative frequency is 3.9 MRW per 100 words (3.9 % of the text, less than a half of the original). As for the *conceptual transfer*, 4 original metaphors were preserved, 6 were lost and 1 new MU was added („roots of the sea“ in 2:6 [v. 7 in Hebrew]). The 4 preserved metaphor have 7 MRW in NASB (as opposed to 4 MRW in the original), making up 3.4 % of the English text. (see Table 2)

Table 2: Metaphorical Units in Hebrew & English (NASB): Jonah, Chapter 2.

Metaphor	Freq. (Hebrew)	MRW	Reference	Freq. (NASB)	MRW	Reference
UP (<i>Or.</i>)	1x	1	2:7	1x	2	2: 6[H/7]#
Prep.: (majim <i>ad</i> nefesh – water <i>up to</i> the soul) (<i>Or.</i>)	1x	1	2:6	0	0	0
Prep.: (,al = upon) (<i>Or.</i>)	1x	1	2:8	0	0	0
M/JOURNEY – (prayer comes)	1x	1	2:8	1x	1	2:7 [H/8]#
S/BELLY – (belly of sheol) (<i>Som.</i>)	1x	1	2:3	0	0	0
S/HEART – (heart of sea) (<i>Som.</i>)	1x	1	2:4	1x	1	2:3 [H/4]#
S/EYES – (God’s eyes) (<i>Som.</i>)	1x	1	2:5	0	0	0
M/NARROW – (tsarah = ,narrow one ² = distress)	1x	1	2:3	0	0	0
M/BARS – (bars/latches of earth)	1x	1	2:7	1x	1	2:6 [H/7]#
Metonymy: SOUL IS LIFE	1x	1	2:6	0	0	0
n/a	n/a	n/a	n/a	1x	1	2:6 – roots of mountains
Total	10x	10		O:4; T:5	O:5; T: 6	

[H/7] – verse numbering in Hebrew is sometimes different from English; the number in square brackets shows the verse in Hebrew.

Chapter 3 seems to have the highest level of *conceptual fidelity* or *conservation of metaphoricality* in translation. In Hebrew, 10 different metaphors with 15 MUs and 18 MRW were identified for word metaphors, and 23 MRWs for 5 types of metaphorical rituals (Table 3b). With 139 word tokens in Hebrew (105 word types), the relative frequency is 29.5 MRW in 100 words (29.5 % of the text). From the 258 word tokens in NASB, a total of 23 MRWs were found for word metaphors (in 7 different types); for rituals (action metaphors): 5 types and 39 MRW. The total MRWs for all MUs add up to 62 MRWs out of 258 words, i.e. 24 MRW per 100 words (24 % of the text). Although metaphorical rituals are fully preserved, there is a difference in word metaphors. The relative frequency of word metaphors in Hebrew is 12.9 MRWs per 100 words (12.9 %), whereas in NASB it was 8.9 MRWs per 100 (8.9 %), i.e. a 3 % decrease in the relative frequency (accounting for 2 metaphor types lost: the somatism of „nose“ (NOSE IS ANGER, in 3:9) and the personification of the word „arriving“ (in 3:6); paradoxically, this lost personification reappeared elsewhere (in 3:1, see Table 3a) – but this, too, is a conceptual shift (or drift) in the text.

Table 3a: Metaphorical Units in Hebrew & English (NASB): Jonah, Chapter 3.

Metaphor	Freq. (Hebrew)	MRW	Ref.	Freq. (NASB)	MRW	Reference
UP	2x	2	3:2,3	2x	2	3:2,3
Overthrow	1x	1	3:4	1x	1	3:4
Journey	4x	6	3:8,9,10	2x	10	3:8,10
VIOLENCE IS AN ITEM	1x	2	3:8	1x	4	3:8
HEAT IS ANGER	1x	1	3:9	1x	2	3:9 (burning anger)
Nose (<i>Som.</i>)	1x	1	3:9	0	0	0
+1 /Hands (<i>Som.</i>)	1x	1	3:8	1x	2	3:8
Personification: (word arrived)	1x	1	3:6	1x#	2	3:1# „word came“
Big	2x	2	3:5,7	0	0	0
Small	1x	1	3:5	0	0	0
Total	15x	18		O:8; T:9	O: 21; T:23	

a case in which the same metaphor is absent in the verse where the original has it but present in a verse where the original does not have it.

Table 3b: Rituals as Metaphorical Actions (Heb. & Eng., Jonah, Chap. 3.)

Metaphor	Frequency (Hebrew)	MRW	Reference	Frequency (NASB)	MRW	Reference
Fasting	4x	9	3:5,7	4x	15	3:5,7
Wearing sackcloth	3x	6	3:5,6,8	3x	12	3:5,6,8
Taking off the royal garb	1x	3	3:6	1x	4	3:6
Got up from his throne	1x	2	3:6	1x	4	3:6
Sat in the ashes	1x	3	3:6	1x	4	3:6
Total	10x	23	4	10x	39	4

Metaphorical rituals in chapter 3 suffered practically no conceptual loss: the MRW relative frequency in Hebrew was 16.5% and in English it was 15.1%. Could it be that rituals are better conserved due to a significant degree of *denotative elements*, i.e. linguistic signs representing concrete objects and gestures, such as „sackcloth“, „dust“, „sitting in ashes“, etc.? However, the related *connotational concepts* of „repentance“, „mercy“ and „forgiveness“ that these rituals embody remain challenging to carry over into a new (language) code; these may need to have their original connotative sense clarified in an explanatory note.¹⁰

¹⁰ For example, shaking one's head means „no“ in most European countries, but „yes“ in Bulgaria. Also, many (though not all) colors are relatively easy to translate denotatively; yet, intercultural differences in their conceptual meanings are

Jonah chapter 4 had the highest conceptual losses. The Hebrew text (184 tokens, 125 types), had 19 metaphors (with 26 MRW) and 1 metonymy (1 MRW), i.e. 20 MUs with 13 different metaphor types. This means a relative frequency of 10.9 MRW/100 words (10.9%). NASB has 319 word tokens and 4 types of metaphor with 14 MRW; this is 4.4 MRW/100 words (4.4% of the text) – a drop by 60%. Inasmuch as only 4 out of 13 different metaphors were „conserved“, almost 70% of the metaphorical diversity was lost.

Table 4: Metaphorical Units in Hebrew & English (NASB): Jonah, Chapter 4.

Metaphor	Freq. (Hebrew)	MRW	Reference	Freq. (NASB)	MRW	Reference
UP (<i>Or.</i>)	1x	1	4:7	0	0	0
UPON (<i>Or.</i>)	2x	2	4:9,11	0	0	0
RIGHT (<i>Or.</i>)	1x	1	4:11	1x	2	4:11
LEFT (<i>Or.</i>)	1x	1	4:11	1x	1	4:11
ANGER IS HEAT	4x	8	4:1,4,9	0	0	0
BIG	1x	1	4:1	0	0	0
LONG	1x	1	4:2	0	0	0
TAKE A SOUL – (qach ... et)	1x	2	4:3	1x	5	4:3
FAMILY („son of“) (<i>Struct.</i>)	2x	4	4:10	0	0	0
WOMB (<i>Som.</i>)	1x	1	4:2	0	0	0
NOSE (two nostrils) (<i>Som.</i>)	1x	1	4:2	0	0	0
STRIKE	2x	2	4:7,8	1x	5	4:8
Metonymy SOUL IS LIFE	1x	1	4:3	0	0	0
n/a	n/a	n/a	n/a	1	1	4:11 hand
Total	19x	26	10 diff. verses	O: 3x; T: 4x	O:13 T: 14	3 diff. verses

Overall, the metaphorical losses and shifts in the process of Anglicizing Jonah seem to be significant. The complete Hebrew text (all 4 chapters) has 692 word tokens with 85 MRW, and the relative frequency of 12.3 MRW per 100 words (i.e. 12.3% of the text is metaphorical). NASB has 1281 words and 74 MRW, i.e. 5.8 MRW per 100 words (i.e. 5.8% of the English text is metaphorical). It seems that the higher degree of „wordiness“ in English accounts for at least one aspect of the conceptual loss – the *conceptual dilution*, a decrease in metaphor density, inasmuch as the relative frequency of the MRW per 100 words is less than 50% of what the original has. Out of the 73 MUs (occurrences of metaphor in the original, including repetitions of the same metaphor), only 25 MUs were conserved, equivalent to only 34.2% of the original (and a loss of 65%). (See Table 5)

not self-evident. For example, the color of *mourning* in Eastern Europe is *black*, but in Hinduism it is *white* (Gupta 2011, p. 256). An „accurate“ translation saying that someone was „wearing white“ could be (mis)read as a sign of joy in Europe, but as a sign of sadness in India.

As for the *metaphorical diversity*, the original text has 31 different types of metaphor, the NASB had 19 of those types preserved (by chapter: 6 + 4 + 6 + 3), i.e. only 42.2 % of the metaphorical diversity was preserved and almost 58 % of the diversity was lost. In addition, 8 new metaphors were added (by chapter: 5 + 1 + 1 + 1), constituting 17.8 % of the text with non-original conceptual material.

Table 5: Summary of Word Metaphors Lost and Found in the Book of Jonah

Jonah/Chapter	Heb. Freq.	Heb. Diversity	Heb. MRW	English Freq.	Eng. Div.	English MRW	New MU
Chapter 1 (narrative)	29x	12	31	Original: 10x Total: 19x	6	Original: 12 Total: 31	5
Chapter 2 (poetic)	10x	10	10	Original: 4x Total: 5x	4	Original: 5 Total: 6	1
Chapter 3 (narrative)	15x	10	18	Original: 8x Total: 9x	6	Original: 21 Total: 23	1
Chapter 4 (narrative)	19x	13	26	Original: 3x Total: 4x	3	Original: 13 Total: 14	1
Total	73x		85	Original: 25x Total: 37x		Original: 51 Total: 74	

The answer to the first research question about the extent of metaphorical loss (and/or shift) in translation is: the reader of the English NASB version is deprived of 58 % of the original metaphorical diversity, but has ca. 17 % foreign metaphors introduced from English; in terms of overall metaphor frequency (including repeated metaphors), the reader of this translation does not know about 65 % of the original metaphors; in terms of relative frequency, there is a 50 % drop in English. Conceptually speaking, Jonah of translation is not exactly the same as Jonah of the original; there has, indeed, been a transformation of the text; with 17 % of the translator's culture and worldview brought into the text, we can conclude that the reader of NASB is not reading a book that is conceptually identical with the original. This approach could perhaps be useful for a conceptual evaluation of various translations (in the same language, as well as across languages) to determine the CONCEPTUAL DIFFERENCE or question of conceptual proximity, approximation, conservation and/or integrity.

Another aspect of the question of „what is lost in translation“ is qualitative: which metaphors were completely lost, which were reduced (or increased) in frequency, and which ones are the „intruding“ metaphors (comparable to invasive species in biology)? The metaphorical structure (or „make up“ or „identity“ or „fingerprint“ or metaphorical „profile“) of the Hebrew original is summarized in Tables 6–11 below.

Table 6: Orientational & Prepositional Metaphors of the Hebrew book of Jonah

Metaphor Type	Chapter 1	Chapter 2	Chapter 3	Chapter 4	Total
1. Right	0	0	0	1x	1x
2. Left	0	0	0	1x	1x
3. Up	3x	1x	2x	1x	7x
4. Down	1x	0	0	0	1x
5. On/ Upon	6x	1x	0	2x	9x
6. Up to (,ad)	0	1x	0	X	1x
Total	10x	3x	2x	5x	20x

Table 7: Structural Metaphors in the Hebrew Book of Jonah

Metaphor Type	Chapter 1	Chapter 2	Chapter 3	Chapter 4	Total
1. Journey	2x	1x	4x	0	7x
2. Clean	1x	0	0	0	1x
3. Bars	0	1x	0	0	1x
4. VIOLENCE = ITEM	0	0	1x	0	1x
5. Heat	0	0	1x	4x	5x
6. Family (son)	0	0	0	2x	2x
Total	3x	2x	6x	6x	17x

Table 8: Metaphorical Somatisms in the Hebrew Book of Jonah

Metaphor Type	Chapter 1	Chapter 2	Chapter 3	Chapter 4	Total
1. Face	4x	0	0	0	4x
2. Eyes	0	1x	0	0	1x
3. Nose	0	0	1x	1x	2x
4. Hands	0	0	1x	0	1x
5. Heart	0	1x	0	0	1x
6. Belly	0	1x	0	0	1x
7. Womb	0	0	0	1x	1x
Total	4x	3x	2x	2x	11x

Table 9: „Size“ Metaphors in the Hebrew Book of Jonah

Metaphor Type	Chapter 1	Chapter 2	Chapter 3	Chapter 4	Total
1. Big	5x	0	2x	1x	8x

2. Small	0	0	1x	0	1x
3. Long	0	0	0	1x	1x
4. Narrow	0	1x	0	0	1x
Total	5x	1x	3x	2x	11x

Table 10: Personification & Metonymies in the Hebrew Book of Jonah

Metaphor Type	Chapter 1	Chapter 2	Chapter 3	Chapter 4	Total
1. Personification	3x	0	1x	0	4x
2. Metonymy: Soul is life	1x	1x	0	1x	3x
3. Metonymy: Blood is death	1x	0	0	0	1x
Total	5x	1x	1x	1x	8x

Table 11: Metaphorical Verbs in the Hebrew Book of Jonah

Metaphor Type	Chapter 1	Chapter 2	Chapter 3	Chapter 4	Total
1. STAND = STOP	1x	0	0	0	1x
2. GIVE = PUT AS	1x	0	0	0	1x
3. OVERTHROW = DESTROY	0	0	1x	0	1x
4. TAKE = DESTROY	0	0	0	1x	1x
5. STRIKE = AFFECT	0	0	0	2x	2x
Total	2x	0	1x	3x	6x

There were 73 MUs in the whole book of Jonah in Hebrew, with 45 different types of metaphor. The most frequent (with 20 MUs) were orientational metaphors (mostly in prepositions). The second largest group of metaphor types was the structural metaphor category with 17 MU of 6 different types, followed by somatisms (7 types) and „size“ metaphors (4 types) with 11 MUs each.

The reduction of metaphorical diversity in the translation of the whole book includes the metaphorical „dilution“ (decrease in metaphor density, i.e. relative frequency of some metaphors) as well as complete disappearance, a true „loss“ of some metaphors. There are 14 metaphor types that disappear in translation: the somatisms of FACE, BELLY, EYES, NOSE, WOMB; the „size“ metaphors of BIG, SMALL, LONG, NARROW; the structural metaphor of CLEAN IS INNOCENT; the metaphorical verb STANDING (STILL) IS STOPPING; the orientational metaphorical preposition in „**UP TO** soul“ (*‘ad nephesh*); the family metaphor of SON („son of night“); and the metonymy of SOUL IS LIFE. Thus, some parts of the original „treasure“ and of its semiotic ecosystem are significantly lost and reduced in the English version.

3.2 Sample „Genetic“ Translation

Given the conceptual losses and shifts documented above, the call for a more transparent approach to translation seems to be justified. The biomimetic approach of the Genetic Translation

aims to present translation „as what it truly is“ – as a *process*. This multifaceted juxtaposition of the original and its receptor language counterparts allows the reader to participate at least partially in the process of „transformation“ of the original; it empowers the reader by allowing him or her to see „inside the translator’s kitchen“, so to speak. This way, even if „translanguaging“ or „languicizing“ the original (i.e. Anglicizing, Slovakizing, Bohemicizing, etc.) makes some conceptual losses or shifts inevitable, the reader will be able to reclaim what was lost and clearly identify what was „added“ as „invasive“. Also, while the literal translation preserves the brevity of the text, the „liberal“ translation can employ *similes* to restore at least some of the original metaphors and allusions.

A first sample of this approach is given in Table 12 below; the metaphorical units that were lost in NASB as well as in „the most literal“ YLT (analyzed in section 2.2.1) are clearly visible (bold, italicized and underlined in the interlinear „mirroring“ translation). To prevent the loss of grammatical gender, color-coding feminine words in red (in the interlinear section) should let the reader see „the genders lost“. Words in black indicate masculine gender where applicable.

Table 12: A Sample *Genetic Translation* of Jonah 4:1,2¹¹

Anglicized Text	Literal Translation	Transliteration	Hebrew, Transliteration & Interlinear
Jonah felt bad about this, real bad; so much so that he was <i>inflamed</i> with anger.	And it was bad to Jonah, a <i>big</i> badness, and it <i>burned</i> to him.	va-yera' el Yonah ra'ah <i>gdolah</i> va- <i>yichar</i> lo.	1 וירע אל יונה Yonah el va-yera' Jonah to And-it-was-bad רעה גדולה ויחר לו lo va-yichar <i>gdolah</i> ra'ah To-him and-it-burned <i>big</i> badness
So, Jonah prayed to Jehovah ¹¹ , saying: “Well, Jehovah, wasn’t that what I said while in my homeland? That’s exactly why I decided to flee to Tarshish! I <i>knew</i> that you are a God who is gracious and merciful <i>like a loving mother</i> who <i>takes long</i> to get upset* and whose loyal love is so abundant that it can even move you to pity the people whom you meant to punish by allowing something bad to happen to them.	And he prayed to Jehovah (Yahweh) and he said: Please, Jehovah (Yahweh), was not this my word while being on my soil? Thus I moved forward to run away to Tarshish, because I knew that you (are) God gracious and merciful, slow to anger and abundant in loyal love and One who feels pity over the badness.	va-yitpalel el Yehvah va-yyomer: Anah, Yehvah, ha-lo zeh dvari 'ad heyoti 'al adamati 'al ken qiddamti li-broach Tarshisha ki yada'ti ki atah El chanun ve- <i>rachum, erech</i> <i>apayim</i> ve-rab chesed ve-nicham 'al ha-ra'ah.	2 ויתפלל אל יהוה ויאמר va-yomer Yehvah el va-yitpalel and-he-said Jehovah to and-he-prayed אנה יהוה הלא זה דברי dvari zeh ha-lo Yehvah anah word-my this whether-not Jehovah ,please, עד היותי על אדמתי על כן ken al adamati 'al heyoti ad thus on soil-my on being-of-me until קדמתי לברח תרשישה Tarshishah li-broach qidamti Tarshish-to to-run-away moved-forward-I כי ידעתי כי אתה אל חנון chanun El atah ki yada'ti ki gracious God you that knew-/because ורחום ארך אפים apayim erech ve-rachum <i>nostrils(2) long-of and-wombed</i> ורב חסד ונחם על הרעה ha-ra'ah 'al ve-nicham chesed ve-rab the-badness on and-who-pities loyal-love and-abundant

*Alternatively: „it takes long for anything to get up his nose“

¹¹ “Strictly speaking, the proper nouns cannot be translated...” (Paz 1992, p. 156) The Divine Tetragrammaton (YHWH or JHVH) is a proper name par excellence, so following the widespread (but unfounded and superstitious) tradition of “translating” it as “LORD” or “l’Éternel” (the Eternal) is wrong both conceptually and semantically; conceptually: because a general noun is never an adequate replacement for a proper name; semantically, because the Hebrew “JHVH” does not come from a root meaning “lord” or “eternity”, but from the root “havah”, i.e. “become”. Religious superstition has created an inauthentic metaphor IMPERSONAL TITLE IS A PERSONAL NAME with “procrustean” effects (cf. Rabassa 1989, p. 2) of depersonalizing the personal God of the Bible, breaching “the rights of the text” by overstepping “the limits of interpretation”. (Eco 1990, pp. 6-7) As for the transcription Yahweh vs. the traditional Jehovah: from the conceptual conservation point of view, either form is acceptable as long as it preserves the personal character of the proper Name.

Additionally, this approach – although far from solving all problems – helps make up for the losses in *phonetic features* and *playfulness*. Translating puns (paronomasia) typically leads either to the preservation of the meaning and loss of pun, or the preservation of the playful language, but the loss of meaning. An example of this is the playful mockery against the prophet Isaiah in chapter 28 (verse 10) of his book; imitating a child-like babble, his opponents reduce his message to „*tsav la-tsav, tsav la-tsav, qav la-qav, qav la-qav*“, i.e. „command to command, command to command, measure to measure, measure to measure“. (cf. Vlková 2004) The „literal“ English translation is neither funny, nor „punny“, so to speak. Could we provide the reader with **both** the meaning and the pun?

Table 13 is an attempt to allow the reader access to the *phonetic playfulness* of the original, the *meaning* behind it, as well as a *playful dynamic equivalence* in English (and some other languages in the footnote). Again, although there is a semantic shift in the Anglicized text, the reader *can* know *how much* of a shift there is and *what exactly is lost* thanks to the mirror-like literal rendition under the Hebrew text, and thus he or she can „hear“ (and pronounce) the Hebrew sounds associated with the pun and evaluate the degree of success (or lack thereof) in the Anglicized text in terms of the degree of its closeness to the original.

Table 13: A Sample Solution Enabled by Genetic Translation – Isaiah 28:10¹²

Anglicized Text	Literal Translation	Transliteration	Hebrew, Transliteration & Interlinear
For it's all these "dos and don'ts, dos and don'ts", "yard so hard, yard so hard", a little bit here, a little bit there, a little bit everywhere... ¹²	Because [it's] command to command, command to command, measuring line to measuring line, measuring line to measuring line, a little there, a little there...	Ki tsav la-tsav tsav la-tsav qav la-qav qav la-qav ze'ir sham ze'ir sham	<p>כִּי צוּ לְצוּ צוּ לְצוּ צוּ לְצוּ</p> <p>la-tsav tsav la-tsav tsav ki to-order order to-order order b/c</p> <p>קוּ לְקוּ קוּ לְקוּ קוּ לְקוּ</p> <p>la-qav qav la-qav qav lq-line line to-line line</p> <p>זַעִיר שָׁם זַעִיר שָׁם</p> <p>sham ze'ir sham ze'ir there a-bit there a-bit</p>

Finally, explanatory notes could be included in footnotes as necessary to give explicit connections to the linguistic picture of the world (or worldview) of the source language culture, cultural and historical background, etc. This could include comments on metaphors preserved in the etymological¹³ word roots, prepositions, etc.

¹² I propose this rendering for Czech: "kaž zakaž, kaž zakaž, měř zaměř, měř zaměř, tak trochu šprochu, tak trochu šprochu (prostě všehochuf)"; Slovak: "káž zakáz, káž zakáz, miera zviera, miera zviera, cól sem, cól tam (nám už je to všetko jedno)."; Spanish: "anda y manda, anda y manda, cuerda que pierda, cuerda que pierda, un poquito acá, un poquito allá". Compare with: Isaiah 28:10 in NET: "Indeed, they will hear meaningless gibberish, senseless babbling, a syllable here, a syllable there." Good News Translation: "He is trying to teach us letter by letter, line by line, lesson by lesson." (cf. Vlková 2004; Vlková and Plátová 2018, p. 174).

¹³ Some call such „etymological“ metaphors „dead“; yet, it seems more fitting to call them „dormant“ metaphors because although they may „sleep“ at times, they can easily be „reawakened“ – as in the metaphor of „drawing out“ in the Latin source of the word „education“ in some circles.

This could enable the readers' immersion in the original writers' thinking, categories, worldviews, and allow them to collect evidence for *cognitive definitions* of the Bible's *cultural key words*. (Bartminski 2016; Wierzbicka 1997)

4. Conclusion

Human cognition and communication have produced what we could call the *Translation Paradox*: we know that „a perfect translation is an impossible dream. In spite of this, people translate.“ (Eco 2001, p. x) This inevitably leads to *Jerome's* (and every translator's) *Dilemma*: „If I translate word for word, the result is ludicrous; if I am forced to change the words or rearrange them, it will look as though I had failed in my duty as a translator.“ (*To Vincentius and Gallienus*; in: Arrowsmith 1975, p. 359)

The case study of the book of Jonah confirms that in a traditional „one step, one text“ translation (which is really a „snapshot“ of one stage of the process only), there are inevitable conceptual losses, shifts and additions (intrusions or invasions from the receptor language). Except for the well-conserved metaphorical rituals, there were losses in excess of 60 % of the original **metaphors**. Although the most poetic second chapter suffered significant losses, the biggest loss (of 70 %) occurred in the *most emotional* and *abstract* chapter 4 of the book (discussing the concepts of mercy, anger, loyal love, etc.). In other words, a person who reads the English NASB translation *only* will never know that there were 14 metaphors he or she was deprived of and that the translation is more than 60 % „less metaphorical“ than the original (both in relative frequency and metaphor diversity).

Yet, this is not to belittle the hard work of translators; in the words of Jerome: „Given that this is the state of affairs, I implore you, dear reader, not to consider my work a reproach upon the ancients [i.e. the preceding translators]“.¹⁴ (Prologus Galeatus, in *Vulgata* 1994) Similarly, the purpose of this research is to propose a way to make the good work a little better, especially where most of the previous attempts to cut the Gordian knot of translation have had to be exclusive: either *literal* or *dynamic*, either *foreignization* or *domestication*. (Klitgård 2009, p. 375; Venuti 1995)

The *Genetic Translation* tries to resolve this issue by being inclusive like living cells: it provides the *transliteration* of the original *sound*, two types of literal translation (*word-under-word* that mirrors the original verbatim and *word-for-word* that respects the host language syntax) and a natural-sounding *thought-for-thought* translation.

This could resolve the Translator's Dilemma: the reader has **both** the literal and the „liberal“ translation; the literal translation can foreignize by mimicking the original idioms and phraseology, while the thought-for-thought version can domesticate the text to make it „readable“ and „natural“. This juxtaposition would also prevent the incoherence of „mixing“ the two approaches that Schleiermacher warned against; placed in parallel, they would give the reader the benefits (and limitations) of both.

Moreover, the result is not one single text, but a dynamic *ecosystem* of six interacting texts,

¹⁴ Translated by the author from Latin: „Quae cum ita se habeant, obsecro te lector, ne laborem meum reprehensionem aestimes antiquorum.“ (*Prologus Galeatus*, in *The Vulgata*)

inviting comparison and metacognitive reading (cf. Tables 12 and 13 above). The Genetic Translation shows *translation* as it really is – as a „translanguaging“ process, a mechanism, and an interaction with emergent properties and potentials. It is like the proverbial *deep end swimming pool*: a beginner can benefit from the „shallower“ end of dynamic translation (to fulfill the function of a denotative „equivalence“), and a serious student can „dive deep into“ the right hand columns with the original, the transliteration and the literal translation (as tools for analyzing the original connotations and concepts)¹⁵.

This approach could help avoid „hybridizing worldviews“ – allowing translator’s own worldviews to creep into the translation unnoticed like an invasive species into an ecosystem. As the concept of *mercy* in Jonah 4 demonstrated, an English translator cannot help losing the metaphor of „womb“ (with its allusion to the unconditional motherly love) in translating the word *rachum* into English as „merciful“¹⁶. A Slavic, German or Spanish translator will typically translate it as „milosrdný“, „barmherzig“ and „misericordioso“, echoing a different (originally Latin) somatism of the „heart“; the good news is that at least there is a *somatism for somatism*; yet, in as much as the Biblical concept of the „heart“ is different from its European counterpart, there is still an inauthentic shift in translation. (cf. Bohát 2018)

This shows the advantage of *juxtaposing* the dynamic translation with the literal and the original: the reader will not necessarily see all the original metaphors in the Anglicized text, but neither will he or she „lose“ them – they will be visible in the parallel columns. This way the reader becomes a co-translator empowered to evaluate the distance between the translation and the original.

Furthermore, if (and when) a „non-native“ metaphor (or worldview) appears in translation, the *reader will be able* to know that it is not original, but perhaps brought in by the conceptual nature of his or her mother tongue (or due to the translator’s bias and prejudice). In this manner, the readers will indeed be able to give (or withdraw) their informed consent¹⁷. To paraphrase Luther – even if they cannot drink directly from the fountain, they will at least be able to take a sip from it. They will have a way of distinguishing the author’s voice from that of the translator.

The difference between the traditional single text translation and the multi-text Genetic Translation is like the difference between a snapshot and a time-lapse photo. To illustrate: I presented several colleagues with a snapshot of a caterpillar and asked them to write down what they saw. All of them wrote that they saw a *caterpillar* (and not a juvenile butterfly in metamorphosis, although that is exactly what a caterpillar is). The same group was then showed a time-lapse photo of the *process* of metamorphosis (showing the stages of the caterpillar, chrysalis and imago); again, unanimously, they all wrote that they saw the *butterfly metamorphosis*. The snapshot focuses our minds on one stage of the process, the caterpillar, without paying attention to the

¹⁵ This meticulous approach to conceptual conservation is obviously more relevant for certain types of texts (sacred scriptures, religious and philosophical classics, etc.) than others (e.g. technical manuals).

¹⁶ Naturally, the „translatability“ of concepts and metaphors is influenced also by typological differences between the source and host languages, etymological (dis-)similarities, homonymies, etc. For example, Arabic translators have a real equivalent of the word „rachum“ – *rahīm*; other languages can use a simile: „like a loving mother“ which could restore at least a part of the „motherly“ aspect of mercy. (See Table 12)

¹⁷ This is not to say that metaphors *found* in translation are always „bad“. Lakoff and Johnson (1980, pp. 144-145) show how a foreign student *found* a useful metaphor in the phrase „solution of my problems“ (as a CHEMICAL SOLUTION), although the native speakers did not „hear“ the metaphor.

process or to the butterfly it will become. The time-lapse photo focuses on the process and that is how we perceive it.

Based on this analogy, we could use the metaphor TRANSLATION IS METAMORPHOSIS to illustrate the idea of **conceptual integrity** or **conceptual conservation**. *Genetically*, there is no difference between the caterpillar and the butterfly; the form and developmental stages are different, but the biological species and its genome are the same. Similarly, a translation could be considered „good“ or „successful“ if the outcome in the receptor text remains (not only) conceptually „of the same species“ (preserving the same concepts and worldviews) as the original, even if the form (words and letters) is different – like the caterpillar and the butterfly. Although this is an ideal goal, it is worth striving for even if it cannot be perfectly realized.

Thus, juxtaposing the different stages of the process of translation could create a similar time-lapse effect for the readers and help them not to forget that the text under consideration – say, the book of Jonah – is still a Hebrew book clothed in its „oriental form and imagery“ (none or very little of which will be lost), but now it is in the process of „trying on“ the clothes of the English form and imagery. This way we could mimic nature’s law of conservation of energy; on the surface it may seem that some energy is „lost“, but in fact the energy is conserved (though transformed as heat). Similarly, in Genetic Translation we could try to undo the apparent „losses“ in semiotic „heat“ (e.g. the inevitable losses of metaphor, as in translating *rachum* as *merciful* or *erech apayim* as *slow to anger*) by showing the interlingual „metamorphosis of concepts“ *in process*, in the mechanism in the interlinear „mirroring“ translation. This could be one way to avoid a dissipation of meaning and maintain a *semiotic conservation of meaning(s)*. True, the two „caterpillar“ stages of literal translation are not going to be considered beautiful by the target language standard, but neither are literal caterpillars renowned for their beauty; yet, the butterfly’s beauty is not „lost“; it is the very outcome of the gradual development of the caterpillar stages.

In terms of interlingual semantic and conceptual approximation, translation is also similar to a remake of an older film – spectators who only see the remake will not (be able to) know how much of the original setting, culture, concepts and connotations is lost. However, if they can see the original film and read the book that inspired it, they will be able to appreciate the previously „unseen“ and unknown aspects of the book, the first film as well as the remake itself. Similarly, a translation involves not only interlingual but also inter-cultural transfer; giving the readers a chance to partake of the original „form and imagery“ in which the original is „clothed“ will mean bringing them at least one step closer to the original culture and to the author. (cf. Schleiermacher 1992) In terms of the Ancient Greek culture: replacing the conceptual „logs“ would not necessarily change the nature of the „Theseus’ ship of the text“.

This „open“ approach can make the translation process more transparent. It would allow the reader to see what the translator and the native speaker can see, without compromising the rules of the receptor language, and allowing for a more accurate assessment of the interlingual differences. Hence, maintaining a text’s **conceptual integrity** (compare Dlamini 2016) in the juxtaposition of the multiple stage translation texts could help us work toward a „law“ of the *conceptual conservation* (of metaphoricality, *inter alia*).

Needless to say, the traditional continuum of translation – literal, interlinear and dynamically equivalent – have their legitimate place and function depending on the genre (text type), cultural and historical context of the work (including the target audience), its prosodic properties and

effects in the original, allusion and reference framework, phraseological, idiomatic and paremiological properties, etc. The biomimetic approach proposed here would be an addition to the continuum, an extension of it – but one step forward in a long and fascinating journey.

Its relevance and usefulness could be summed up as follows: the Genetic Translation provides a solution to the Translator's Dilemma and helps recover the metaphors lost (and identify the ones found) in traditional translation. After all, a different word picture leads to a different experience in the mind of the reader of the translation with different associations, connotations and inauthentic metaphorical extensions. If it is true that „we live by“ metaphors, we stand to lose some of the „life“ of the original writers' texts, including their Linguistic Picture of the World or worldview (Humboldt 1992; Bartminski 2016) Genetic Translation could thus create a platform or „interface“ that makes cross-cultural and cross-linguistic metacognition explicit and empowers readers to reflect on it.

The Biomimetic approach could also help develop students' *conceptual fluency* in language learning, to understand „the ways in which a culture organizes its world conceptually“. (Yu 2007, p. 299, Danesi 2016) Making the original phraseological units, idioms and metaphors more „visible“ in their natural/authentic context would be one of the main goals of the mirroring interlinear translation; this could make learning those aspects of language more effective. The transcription could be useful for the beginners learning the foreign script.

Arguably, even after 1000 or more years of „exposure“ to the Biblical worldview and its concepts, most European readers have not yet completed the Humboldtian „voyage between worldviews“. (Underhill 2009)

What is more, preserving the original connotations and collocations in the interlinear (and the literal) translation column would allow the reader access to the categories and stereotypes of the original, making it easier to develop a more accurate cognitive definition of key terms (Bartminski 2016). This is especially important in sacred literature, which has the status of the word of God for the community of believers.

Humboldt argued: „...translation, especially poetic translation, is one of the most necessary tasks of any literature, partly because it directs those who do not know another language to forms of art and human experience that would otherwise have remained totally un-known, but above all because it increases the expressivity and depth of meaning of one's own language.“ (Humboldt 1992) Hence, the biomimetic approach to translation can help deepen intercultural understanding and respect, as well as enrich each others cognitive toolbox and cultural experience. Nowadays we tend to describe the cell's gene expression as metaphors of what we do when we transcribe and translate; maybe one day we will say that what we humans do with texts is a metaphor of what cells have been doing since the appearance of life on Earth.

Furthermore, if it is true that „the universe is made of stories, not of atoms“ (Rukeyser 1968), then it is imperative for intercultural understanding to try to get as accurate an account of each other's stories as possible, especially the immortal stories with lessons in mercy towards the „other“, such as the story of Jonah. A story that has lost its original metaphors is no longer the same story; the examples shown in the introduction demonstrate that sometimes the consequences of *conceptual mistranslation* can have immense impact socially or epistemologically.

To borrow Van Dyke's metaphors, if a text is „to speak ... to the heart of man,“ it needs to „speak“ his mother tongue with conceptual fluency and be domesticated; yet, if „no man“ is to

be „poor or desolate who has this treasure for his own“, only a mirroring literal translation can *preserve* the gems of the original treasure. (1922, p. 11–12) Solomon said: ‚Go to the ant and become wise‘ (Proverbs 6:6), implying that there is much to be learned from nature beyond its description; having „gone“ to the living cell, we can try to learn from it to have our translation „cake“ and „eat it“. This could be another step in fathoming the „secret of human understanding of the world and of social communication.“ (Gadamer, in Biguenet & Schulte 1989, p. ix)

Bibliography

- Alberts, B. et al.: *Základy buněčné biologie. Úvod do molekulární biologie buňky*. Espero Publishing. Ústí nad Labem, 1998.
- Alt, Albrecht, et al.: *[Torah, Neviim u-Khetuvim] = Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.
- Bartminski, J.: *Jazyk v kontextu kultury. Dvanáct statí z Lublinské kognitivní etnolingvistiky*. Karolinum. Praha. 2016
- Bible Hub: www.biblehub.com
- Bohát, R.: „Srdce moudrého je po jeho pravici“. K jazykovému obrazu srdce v biblické knize Příslaví. In Vaňková, I. – Šťastná, L. (eds.): *Horizonty kongnitivně-kulturní lingvistiky II. Metafory, stereotypy a kulturní rozrůzněnost jazyků jako obrazů světa*. Edice Varia. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2018.
- Danesi, M.: Conceptual Fluency in Second Language Teaching: An Overview of Problems, Issues, Research Findings, and Pedagogy.“ *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, vol. 5, no. 1, 2016, pp. 145–153. doi:10.7575/aiac.ijalel.v.5n.1p.145.
- Dlamini, P. D. M.; *Lost in translation? An exploration of conceptual integrity in the translation of graded readers from English into IsiZulu*. School of Arts University of KwaZulu-Natal, 2016.
- Eco, U.: *The Limits of Interpretation*. Indiana: Indiana University Press, 1990.
- Eco, U.: *Lector in Fabula*. Praha: Academia, 2010.
- Floor, S. J.: Four Bible Translation Types and Some Criteria to Distinguish Them. *Journal of Translation*, Volume 3, Number 2, 2007.
- Furuli, R. *The Role of Theology and Bias in Bible Translation*. Elihu Books, Huntington Beach, California. 1999.
- Gadamer, H. G.: To what extent does language prescribe thinking? In Biguenet, J.- Schulte, R.: *The Craft of Translation*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Glaz, A. – Danaher, D. – Lozowski, P.: *The Linguistic Worldview. Ethnolinguistics, Cognition, and Culture*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013.
- Global Scripture Access Report. United Bible Societies*. UK Hub, Stonehill Green, Westlea, Swindon, 2017.
- Gupta, R.: Death Beliefs and Practices from an Asian Indian American Hindu Perspective. *Death Studies*, 35:3, p. 244–266, 2011. doi:10.1080/07481187.2010.518420
- Humboldt, W. von: From Introduction to His Translation of *Agamemnon*. In: R. Schulte – Biguenet, J.: *Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
- Jakobson, R.: On Linguistic Aspects of Translation. In R. Schulte – Biguenet, J.: *Theories of*

- Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
- Kawai, K.: Mokusatsu, Japan's Response to the Potsdam Declaration. *Pacific Historical Review*, Vol. 19, No. 4, Nov., 1950, pp. 409–414.
- Klitgård, I.: The Translator's Invisibility: A History of Translation. *English Studies*, 90, No. 3, pp. 375–376, 2009.
- Kövecses, Z.: The concept of anger: Universal or culture specific? *Psychopathology*, 33, No. 4, pp. 159–70, 2000.
- Kuhn, T. S.: Possible Worlds in History of Science. *Possible Worlds in Humanities, Arts and Sciences*, 1988, pp. 9–32.
- Kull, K.: Umberto Eco on the biosemiotics of Giorgio Prodi. *Sign Systems Studies*, 46, No.2/3, 2018, pp. 352–364.
- Lakoff, G. – Johnson, M.: *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Lakoff, G.: The contemporary theory of metaphor. In A. Ortony (ed.): *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, pp. 202–251.
- Luther, M.: The Familiar Discourses of Dr. Martin Luther (The Great Reformer), which he held with various learned men ... Collected first together by Dr. Antonius Lauterbach. Translated from the High German into the English tongue, by Captain Henry Bell; revised and corrected by Joseph Kerby, V.D.M. Sussex Press, Lewes. Printed and Sold by John Baxter, and Published in LONDON, 1818.
- Nacey, S.: *Metaphors in Learner English [Metaphor in Language, Cognition, and Communication, 2]*. Amsterdam — Philadelphia, PA: John Benjamins, 2013.
- Nida, E. A. – Taber, C. R.: *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: Brill, 1974.
- Paz, O.: Translation: Literature and Letters. In: R. Schulte – Biguenet, J.: *Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
- Prodi, G.: [Interview.] In Marrone, G. (ed.), *Dove va la semiotica?* (Quaderni del Circolo Semiotico Siciliano 24.) Palermo: Circolo Semiotico Siciliano, 1986. In Kull, Kalevi.: Umberto Eco on the biosemiotics of Giorgio Prodi. *Sign Systems Studies*, 46, No.2/3, 2018, pp. 352–364.
- Pragglejaz Group. (). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*, 22, No .1, 1–39, 2007.
- Rabassa, G.: No two snowflakes are alike: translation as metaphor. In Biguenet, J. – Schulte, R.: *The Craft of Translation*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Rosch, E.: *Principles of Categorization*. In Rosch, E. – Lloyd, B. B. (eds), *Cognition and categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978, pp. 22–47.
- Rukeyser, M.: *The Speed of Darkness*. Random House, New York, 1968.
- Rutherford, A.: *A Brief History of Everyone Who Ever Lived: The Human Story Retold Through Our Genes. The Experiment*. New York: LLC, 2017.
- Schleiermacher, F.: On the Different Methods of Translating. In: R. Schulte – Biguenet, J.: *Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida*. The University of Chicago Press, Chicago, 1992.
- Snustad, D. P. – Simmons, M. J.: *Genetika*. Brno: Masarykova univerzita, 2009.
- Steen, G.: Finding Metaphor in Discourse: Pragglejaz and Beyond. In *Cultura, lenguaje y representación / Culture, Language and Representation*, vol. V, 2007, pp. 9–25.

- Stein, D. E. S.: God's Name in a Gender-Sensitive Jewish Translation. *SBL Forum*, 2006. Online: <http://sbl-site.org/Article.aspx?ArticleID=552>
- Underhill, J.: *Humboldt, Worldview and Language*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
- Van Dyke, H.: *Companionable Books*. New York: Charles Scribner's Sons, 1922.
- Vašica, J.: Sv. Konstantina Cyrila Předmluva k slovanskému překladu Evangeliáře. In: *Literární památky epochy velkomoravské*. Vyšehrad, Praha, 2014.
- Vlková, G. I.: ‚Žvást na žvást?‘ Interpretace Iz 28,10.13 v kontextu knihy proroka Izaiáše, *Studia Theologica* 17, Olomouc: VUP, CMTF UP, roč. VI., č. 3, str. 1-13, ISSN 1212-8570, 2004.
- Vlková, G. I. – Plátová, J.: *Izaiáš*. Komentovaný překlad řecké septuagintní verze. Vyšehrad. Praha, 2018.
- Wierzbicka, A.: *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford University Press, 1997.
- Yu, N. (2007). 5. The Chinese conceptualization of the heart and its cultural context. *Applied Cultural Linguistics Converging Evidence in Language and Communication Research*, pp. 65–85.
- Zinken, J.: *Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin*. In *Metaphorik.De.*, No. 7, pp. 115–136, 2004.

Асноўныя тэндэнцыі пры перакладзе біблейных фразеалагізмаў на беларускую мову

The main trends in the translation of phraseological units from the Bible into Belarusian language

Вольга Уладзіміраўна Фурс

ДНУ „Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі“

Abstract

The article is devoted to the consideration of phraseological units in the Belarusian translations of the Gospel of Matthew, created in the XX – beginning of the XXI centuries. The main factors that determined the differences in the translation of stable combinations are found out, and the main trends and zones of strong variation are determined.

Анацыя

Артыкул прысвечаны разгляду фразеалагізмаў у беларускіх перакладах Евангелля ад Матфея, створаных у XX – пачатку XXI стагоддзя. Выяўлены асноўныя фактары, якія вызначылі адрозненні ў перакладзе ўстойлівых спалучэнняў, вызначаны асноўныя тэндэнцыі і зоны моцнага вар’іравання.

Key words: phraseological units, translation of the Gospel, variation, Belarusian language, inter-language repulsion.

Ключавыя словы: фразеалагізмы, пераклад Евангелля, варыянтнасць, беларуская мова, міжмоўнае адштурхоўванне.

Цяжкасць перакладу ўстойлівых адзінак даўно адзначана мовазнаўцамі (Влахов 1980, с. 179), яна выяўляецца „як пры семантызацыі – выяўленні значэння, сімвалічнага поля і функцыянавання ў дадзеным кантэксце – так і ў плане выражэння – пошуку адэкватных паводле вобразнасці, значэння і стылістычнай афарбоўкі зваротаў на мове перакладу“ (Мароевич 1983, с. 49).

Біблійная фразеалогія як сукупнасць выразаў, якія ўзыходзяць у паходжанні да Бібліі, уключае у сябе ўстойлівыя і ўзнаўляльныя звароты. Паводле структуры біблейныя фразеалагізмы дзеляцца на дзве групы: звароты, суадносныя са словазлучэннямі (уласна

фразеалагізмы) і звароты-сказы, якія ў афарыстычнай форме выражаюць настаўленні, парады, перасцярогі, забароны і г.д. (Дубровіна 2012, с. 11). Мы ў сваім даследаванні будзем звяртацца пераважна да другога тыпу выказванняў – біблейнай афарыстыкі.

Прынята лічыць, што адной з найбольш актуальных для фразеалагізмаў у рускай мове з'яўляецца пытанне варыянтнасці ці фармальнай зменлівасці (Мелеровіч 2011, с. 271). У поўнай меры гэта датычыцца і біблейнай фразеалогіі ў беларускіх перакладах.

Перадача біблейнай афарыстыкі сродкамі беларускай мовы ўскладняецца яшчэ і тым, што беларусам яна вядома пераважна з рускай мовы, у якую яна прыйшла ў абсалютнай большасці з царкоўнаславянскай. Паводле Н. Б. Мячкоўскай, храналагічна працэс разгортваўся наступным чынам: „зразумеласць царкоўнаславянскай Бібліі паступова зніжалася, а папулярныя біблеізмы ў царкоўнаславянскай абалонцы працягвалі выкарыстоўвацца“ (Мечковская 2007, с. 109). Наша даследаванне мае адной са сваіх мэт прааналізаваць, наколькі беларуская біблейная афарыстыка захоўвае пераемнасць з царкоўнаславянскімі перакладамі.

На сённяшні дзень беларуская біблейная афарыстыка прадстаўлена найбольш поўна ў шасцімоўным даведачным выданні „Лепта библейской мудрости“ (Лепта 2014). Гэта выданне не можа лічыцца вычарпальным, паколькі абмежавана колькасцю прыведзеных фразем (135 адзінак) і ўлічвае толькі пераклад Васіля Сёмухі, а не зважае на значную колькасць варыянтаў у іншых перакладах Святога Письма на сучасную беларускую мову. Вось чаму неабходнасць вывучэння наяўных моўных адзінак і выбар агульнапрымальных з іх шэрагу застаецца надзвычай актуальнай задачай у беларускай філалогіі.

Мы ўжо звярталіся да перакладаў Евангелля паводле Мацвея на сучасную беларускую мову, супастаўляючы тэксты розных жанрава-стылістычных тыпаў: афарызмаў, наратыўных фрагментаў, аргументатыўных фрагментаў. Колькасныя вынікі праведзенага даследавання паказалі, што прыналежнасць фрагментаў тэксту да пэўных жанрава-стылістычных тыпаў з'яўляецца істотным фактарам, які ўплывае на колькасць асобных выпадкаў вар'іраванняў. Для кожнага з разгледжаных тыпаў быў вызначаны каэфіцыент насычанасці варыянтамі, роўны суадносінам агульнай колькасці адрозненняў да сукупнага памеру тэкстаў. Найбольшая ступень вар'іравання – 28% – была вылучана ў наратыўных фрагментах, 25% – у перакладах аргументатыўных фрагментаў, найменшая ступень – 22% – у перакладах афарыстыкі (Фурс 2009, с. 14). Праверка статыстычнымі метадамі пацвердзіла, што праведзенае даследаванне дазваляе з верагоднасцю 95% спрагназаваць інтэрвал, у якім будзе знаходзіцца сярэдняе колькасць адрозненняў у іншых фрагментах тэкстаў разгледжаных жанрава-стылістычных тыпаў (Фурс 2009).

Абапіраючыся на папярэднія вынікі, мы прааналізавалі яшчэ шэраг біблейных афарызмаў і павялічылі колькасць разгледжаных перакладаў да адзінаццаці. У нашым даследаванні мы звярнемся да наступных перакладаў Евангелля паводле Мацвея на сучасную беларускую мову: евангельскага прапаведніка Лукі Дзекуця-Малея і грамадскага дзеяча Антона Луцкевіча (Лодзь, 1926–1927; Хельсінкі, 1931; Лондан, 1948; Таронта, 1991); ксяндза Вінцэнта Гадлеўскага (Вільня, 1939; Гродна, 1998); Яна Станкевіча (Нью-Йорк, 1973); першаіерарха Беларускай аўтакефальнай праваслаўнай царквы айца Мікалая (Мацукевіча) (Таронта, 1988); пісьменніка і перакладчыка Анатоля Клышкі (Мінск, 1989–

1992; 2014); Біблейскай камііі Беларускай праваслаўнай царквы¹ (Мінск, 1991; 2007); прафесійнага перакладчыка Васіля Сёмухі (Мінск, 1995, 2002); грамадскага дзеяча Міхася Міцкевіча (Мічыган, ЗША, 1998); ксяндза Уладзіслава Чарняўскага (Мінск, 1999; 2003; 2012), Секцыі па перакладзе літургічных тэкстаў і афіцыйных дакументаў Касцёла Камііі Божага Культы і Дысцыпліны Сакрамэнтаў пры ККББ² (Мінск, 2012), пастара пратэстанцкай царквы Антонія Бокуна (Мінск, 2016).

У даследаванні разглядаецца 70 біблейных афарызмаў з Евангелля паводле Мацвея. Прааналізаваныя афарызмы з’яўляюцца ўзнаўляльнымі і агульнавядомымі цытатамі з прамоў Ісуса Хрыста. Для выяўлення моўных асаблівасцей было праведзена сістэматычнае супастаўленне перакладаў з грэчаскім рэканструяваным „тэкстам большасці“ (II ст.), з лацінскай Вульгатай (405), з перакладам Я. Вуйка на польскую мову (1599) як самым аўтарытэтным падчас стварэння большасці каталіцкіх перакладаў, з Елісавецінскай (Сінадальнай) Бібліяй (1751).

Вызначальныя рысы ў беларускіх перакладах біблейнай фразеалогіі.

Дэталёвы разгляд фразеалагізмаў з Евангелля паводле Мацвея ў перакладах на сучасную беларускую мову, выкананых на працягу ста год на тэрыторыі розных краін, на розных варыянтах беларускай мовы (дарэфарменным, т.зв. „тарашкевіцы“, і паслярэфарменным), у межах розных канфесій, паказаў, што, нягледзячы на параўнальна невялікую колькасць адрозненняў, усё ж магчыма вылучыць агульныя тэндэнцыі. Акрэслім некаторыя зоны слабага вар’іравання і спынімся больш падрабязна на зонах, дзе вар’іраванне праяўляецца найбольш моцна.

Параўнальна нешматлікімі і не вызначальнымі для перакладаў устойлівых фрагментаў з’яўляюцца фанетычныя і марфалагічныя варыянты. Параўнальна рэдкімі з’яўляюцца змены граматычных значэнняў, змена некаторых з іх (напрыклад, часавай формы дзеяслова) звязана, як правіла, са зваротам перакладчыкаў да іншых крыніц: каталікоў В. Гадлеўскага і У. Чарняўскага да Вульгаты і перакладу Я. Вуйка.

Так, пры перакладзе дзеяслова, адпаведнага грэч. *αντιστηναι* – „супраціўляцца, супраціўіцца“ (Грэчаска-рускі слоўварь Новаго Завета, с. 28), лац. *resistere*, цсл. **ПРОТИВІТИСЯ** (Мц. 5.39 – *А Я кажу вам: не праціўцеся злomu*³, пераклад У. Чарняўскага) толькі ў двух перакладах, Экзархата і Сёмухі, захоўваецца інфінітыўная форма (*не працівіцца*). Астатнія ж абіраюць форму адзіночнага альбо множнага ліку цяперашняга часу. Дзекуць-Малей, Гадлеўскі, Станкевіч, а. Мікалай, Экзархат, Сёмуха, Міцкевіч і Чарняўскі ўжываюць форму будучага часу замест цяперашняга ў перакладзе выказніка *будзе чыстае*, які каардынуецца з дзейнікам *вока*. Форма будучага часу прыведзена таксама ў лац. *fuerit*, цсл. **БУДЕТЬ** (Мц. 6.22 – *калі вока тваё будзе чыстым*).

Паколькі для афарызма як малога літаратурнага жанру характэрныя лаканічнасць,

¹ Тут і далей – Біблейская камісія.

² Тут і далей – Секцыя.

³ Тут і далей ў якасці ілюстрацыі прыведзены пераклад У. Чарняўскага, калі не ўказана іншае.

сцісласць, дакладны падбор лексічных адзінак, структурная ўраўнаважанасць, пры перакладзе адзначаецца параўнальна невялікая колькасць структурных змен.

Тыя змены, якія адбываюцца, найчасцей абумоўлены адрозненнем у пабудове сказаў у беларускай і грэчаскай мовах і маюць на мэце наблізіць разгортванне фразы да звыклага ў беларускай мове:

1. Змена парадку разгортвання фразы з'яўляецца сінтаксічнай рысай, якая падлягае вар'іраванню ў найбольшай ступені, і гэта варыяцыя сустрэкаецца абсалютна ва ўсіх разгледжаных беларускіх перакладах. У адрозненне ад класіфікацыі, прапанаванай С. А. Важнікам (Важнік 2007, с. 7), мы не ўключаем змены парадку слоў у лік сінтаксічных архаізмаў, паколькі ў перакладах біблейнага тэксту гэты від варыянтнасці ўзнікае найперш праз „адшурхоўванне“ ад інверсіі, ненатуральнай для звыклай пабудовы фразы ў беларускай літаратурнай мове.

У перакладах Гадлеўскага, Станкевіча, а. Мікалая адбываецца змена парадку слоў: *не адным хлебам*, параўн. грэч. οὐκ ἔστιν ἄρτις μόνος ζήσεται ἀνφρωποζ, цсл. **НЕ W ХЛѢБЕ ЕДИНѢМЪ ЖИВѢ БУДЕТЪ ЧЕЛОВѢКЪ** (Мц. 4.4).

Ва ўсіх беларускіх перакладах адбываецца змена парадку слоў пры перакладзе спалучэння, адпаведнага грэч. μή ποιοῦν καρπὸν καλὸν (цсл. **НЕ ТВОРИТЪ ПЛОДА ДОБРА**) (*кожнае дрэва*), што не прыносіць добрага плода (Мц. 3.10).

Усе беларускія перакладчыкі змяняюць парадак слоў у частцы, адпаведнай грэчаскаму ὄφθαλμός σου ο δεξιός „вока тваё правае“ – параўн. *бо калі тваё правае вока горшыць цябе, вырві яго ды адкінь ад сябе* (Мц. 5.29).

Дзекуць-Малей, Гадлеўскі, Біблейская камісія, Сёмуха, Клышка, Міцкевіч змяняюць парадак слоў у фразе, адпаведнай грэч. δύοῖ κυριοῖς δουλεύειν (лац. *duobusdominisservire*, цсл. **ДВѢМА ГОСПОДИНОМА РАБОТАТИ**) – *служыць двом паном* у перакладзе Дзекуць-Малей. У гэтых жа перакладах, а таксама ў Станкевіча і а. Мікалая інверсія сустрэкаецца ў перадачы словазлучэння, адпаведнага грэч. грэч. Θεῷ δουλεύειν (лац. *Deoservire*, цсл. **БОГЪ РАБОТАТИ**) (Мц. 6.24 – *Ня можаце служыць Богу* (Дзекуць-Малей).

Такім чынам, мы назіраем у большасці беларускіх перакладчыкаў імкненне найперш наблізіць пераклад да сучаснага чытача, зрабіць парадак слоў прамым, традыцыйным для беларускай мовы, хаця гэта і аддалае ад першакрыніц.

2. Захаванне ў фразеалагічных спалучэннях архаічных сінтаксічных канструкцый.

У большасці беларускіх перакладаў захоўваюцца канструкцыі, якія з'яўляюцца састарэлымі ў сучаснай літаратурнай мове, маюць кніжны характар, але складаюць адметнасць біблейнага тэксту, з'яўляюцца прэцэдэнтнымі для чытачоў. Для большай відавочнасці параўнаем адпаведныя вершы з перакладамі на сучасную польскую мову.

Усе беларускія перакладчыкі пакідаюць форму *ўбогія духам* (Мц. 5.3), якая захоўвае стылістыку біблейнага тэксту. У сучаснай польскай мове падобная форма (*ubodzy duchem*) мае выразнае кніжнае адценне і сустрэкаецца толькі ў фразеалагічных канструкцыях, але практычна не ўжываецца ў сучасных перакладах (Kozłara 2001, s. 252–253).

Усе беларускія перакладчыкі прыводзяць спалучэнне *соль зямлі* (Мц. 5.13), у той час

як у адзінаццаці польскіх перакладах прыведзены тры варыянтныя формы перадачы: *sól ziemia, sól dla ziemi, sól ziemi* (Koziara 2001, s. 125).

Атрыманья вынікі карэлююць з высновамі даследчыцы Я. Казлоўскай-Доды, што „толькі частка фразеалагічных адзінак, прычым даволі малая, цалкам агульная для абедзвюх моў: беларускай і польскай [...] Колькасць біблейскага ў розных мовах розная, як розныя шляхі развіцця моў, так і ўплывы біблейных тэкстаў на мову розныя“ (Казлоўская-Дода 2013, с. 256).

2.1 Перадача сінтаксічнай канструкцыі з дзеясловам-звязкай *ёсць* адбываецца ў беларускіх перакладах даволі непаслядоўна. Перакладчыкі захоўваюць адпаведную словаформу толькі ў найбольш прэцэдэнтных афарыстычных тэкставых фрагментах.

Так, усе перакладчыкі, акрамя Чарняўскага, захоўваюць просты іменны выказнік *ёсць*, выражаны дзеясловам у форме 3 ас. адз. л., у афарыстычных вершах Мц. 5.3, 5.10: *ix ёсць Царства Нябеснае* (Дзекуць-Малей) і пад.

3. Уплыў царкоўнаславянскай, лацінскай і польскай моў на лексічны склад, які ў меншай ступені выявіўся пры перакладзе іншых фрагментаў, з’яўляецца даволі значным для перакладаў біблейнай афарыстыкі.

3.1 Царкоўнаславянскі ўплыў адзначаецца ў тых выпадках, калі выбар лексемы з шэрага падобных абумоўлены яе падабенствам да царкоўнаславянскага варыянта. Звяртаецца ўвага і на адваротную з’яву – калі перакладчыкі імкнуцца „адштурхнуцца“ (адаліць свой пераклад) ад цсл. крыніцы шляхам замены маркіраваных царкоўнаславянскіх маў. На факты адштурхоўвання ад рускай мовы ў беларускім словаўтварэнні звяртае ўвагу А. А. Лукашанец, адзначаючы падабенства тэндэнцыі да нацыяналізацыі ў 20-ыя гг. XX ст. і напрыканцы XX ст. „з той толькі розніцай, што ў 20-я гады гэты працэс насіў „глабальны“ характар адштурхоўвання як ад рускай, так і ад польскай моў, а ў канцы стагоддзя мае аднабаковую накіраванасць (адштурхоўванне ад рускай і тым самым збліжэнне з польскай)“ (Лукашанец 2003, с. 67).

Пры перадачы слова, адпаведнага грэч. Βασιλεία „царская ўлада; царскае правленне, ўладчыцтва“ (Грэчаска-рускі слоўнік Новага завета 1997, с. 45) (Мц. 5.3, 5.10, 6.33, 18.3, 19.24) пераклады размяжоўваюцца паводле традыцыі і канфесійнай прыналежнасці: Дзекуць-Малей, Біблейская камісія, Сёмуха, Клышка абіраюць слова *царства* (параўн. з цсл. **Царствіе**), Гадлеўскі – *каралеўства* (параўн. з *królestwo* ў перакладзе Вуйка). Гэты выбар адлюстроўвае тое, што Я. М. Верашчагін назваў „духам“ перакладчыцкай традыцыі (Верашчагін 2000, с. 220).

Разгляд перакладаў афарызмаў з Нагорнай пропаведзі (разгледжаны вершы Мц. 5.3, 5.4, 5.5, 5.6, 5.7, 5.9, 5.10) дазваляе вызначыць стаўленне перакладчыкаў да маркіраваных царкоўнаславянскіх маў. Большасць перакладчыкаў, асабліва праймаючага веравызнання, вельмі асцярожна падыходзіць да выкарыстання царкоўнаславянскага перакладу. У перакладах можна вылучыць два шырокія кірункі: замацаванне за словамі з каранем *благ-* значэння „добры“ (як у царкоўнаславянскай і рускай мове) ці „ліхі“.

Сярод прыхільнікаў ужывання слова *блага* ў значэнні „злы, ліхі, дрэнны“ ці неўжывання яго ў беларускай мове ўвогуле перакладчык Евангелля Міхась Міцкевіч, які скардзіўся ў лісце да сябра-паэта Юркі Віцьбіча: „І што найбольш дае клопату – гэта 3–4 словы: *благословен* ці *благословение, благодать, блажен* і некаторыя іншыя, але гэтыя – проста бяда... І нашто гэта тое славянскае „благо“ перарабілася ў нашай мове на дрэнь? „(Юрэвіч 1999, с. 267–268), а таксама айцец Аляксандр Надсан, перакладчык літургічных тэкстаў: „Пераклад гэтага слова стварае нямаляы цяжкасці. Можна было б пакінуць царкоўнаславянскае *благасловіць* (не *благаславіць*), калі б ня тое, што слова *благі* ў беларускай мове мае адмоўнае значэнне („Глумачальны слоўнік беларускай мовы“ дае іх аж сем)“ (Надсан 2001, с. 35). Перакладчык Васіль Сёмуха лічыў, што „раўназначнасці ў перакладах быць не можа, паколькі розныя і мовы, і семантычныя палі лексікі. Узяць тое ж самае „благо“: па-руску гэта – „добро“, „блага“ па-беларуску – „плохо“ (Шапран 2002). Гэткая жа думкі прытрымліваўся і Алег Пятровіч: „[...] прыхільнікі гэтай пазіцыі („абаперціся не на жывое беларускае слова, а на «царкоўнаславянскую традыцыю».“ – В.Ф.) упарта спрабуюць, не зважаючы на рэальную моўную сітуацыю, ужываць у беларускіх тэкстах адносна Хрыста царкоўнаславянскае слова „благой“, якое ў беларускай мове мае не станоўчы, а адмоўны сэнс, і таму яго выкарыстанне, мякка кажучы, некарэктна“ (Пятровіч 2001, с. 76). Даследчыца І.Каліта адзначае: „Беларуская мова пры агульнай адмоўна-ацэначнай характарыстыцы лексемы *блага* адлюстроўвае дыяхронныя змены, звязаныя з прасоўваннем праваслаўя на беларускія землі“ (Каліта 2010, с. 136).

Пазіцыя Біблейскай камісіі глумачыцца ў прадмове да выдання „Святога Дабравесця паводле Матфея“, дзе адзначаецца „адсутнасць агульнапрынятых беларускіх эквівалентаў для славянскіх слоў з каранем *благ-* (*благодать, благословение, блаженный* і інш.)“ (Ад беларускай 1991, с. 7), а таму ў тэксце перакладу застаюцца славянскія словы (*блажэнныя* – Мц. 5.3-5.11). Магчымасць ужывання слова *блажэнны* ў беларускай мове ў такім значэнні абгрунтавана ў працы І. А. Чароты „Беларуская мова і Царква“. У якасці доказаў шырока цытуюцца фальклорныя крыніцы (замовы, вясельныя формулы), творы М. Гарэцкага, Янкі Купалы, В. Ластоўскага, Л. Геніюш (Чарота 1997, с. 99–108). Беларускі перакладчык і паэт Масей Сяднёў таксама лічыў, што „мы неразумна зракаемся сваёй спадчыны – славянізмаў, уважаючы іх толькі прыкметай рускай мовы“ (Сяднёў 1994, с. 3). І. Будзько звяртае ўвагу на неаднолькавае суіснаванне кампазітаў з пачатковым *блага-* і *дабро-* ў розныя гістарычныя перыяды: калі для старабеларускай мовы перавага была за словамі з кампанентам *блага-*, то на працягу XX ст. яны суіснуюць паралельна, прычым „лексікаграфічныя крыніцы аддаюць перавагу кампазітам з пачатковым кампанентам *блага-* (і яго скарочанай форме *бла-*)“ (Будзько 2018, с. 23).

У беларускіх перакладах слова *блажэнныя* прысутнічае толькі ў Біблейскай камісіі, Гадлеўскі прапануе варыянт *багаслаўлены*, Сёмуха – *дабрашчасныя*, Чарняўскі – *шчасныя*, хаця гэтае слова ў ТСБЛІМ мае памету „размоўнае“ (Суднік 1996, с. 766). Астатнія ж перакладчыкі сыходзяцца на лексему *шчас(в)лівыя*. Як адпаведнік грэч. εὐλογεῖτε (**БЛАГОСЛОВИТЕ**) толькі Біблейская камісія прыводзіць слова *благаслаўляйце*, Дзекуць-Малей і а. Мікалай ужываюць слова *слаўце*, Гадлеўскі – *добра чынецце*, Станкевіч – *дабраслаўце*, Клышка – *бласлаўляйце*, Сёмуха – *дабраслаўляйце*, Міцкевіч – *ласкавы будзьце*, Чарняўскі, Секцыя пры Касцёле і Бокун – *маліцеся* (Мц. 5.44).

У перакладах Дзекуця-Малея, Гадлеўскага, а. Мікалая, Клышкі, Сёмухі, Бокуна слова *благі* двойчы ўжываецца ў значэнні „дрэнны“ (Мц. 12.33 – або *прызнайце дрэва благім і плод яго благім*), і гэты выпадак разглядаецца намі як „адштурхоўванне“ ад цсл. мовы.

3.1. Паланізмы, якія сустракаюцца толькі ў каталіцкіх перакладах, – гэта словы *пан* (Мц. 10.24 – *і слуга ня вышэй за пана свайго*) – параўнаем з *pan* у перакладзе Я. Вуйка), *звятрэ* – адпаведна польск. *zwietrzeje* – у перакладзе Гадлеўскага (Мц. 5.13 – *калі-ж соль звятрэе, то чым яе зрабіць салёнаю*).

Гадлеўскі і Чарняўскі ўжываюць лексему *згінуў* з дыярэзай, якая, хутчэй за ўсё, з’явілася пад уплывам *zginąły* перакладзе Вуйка (Мц. 5.29 – *бо лепш для цябе, каб згінуў адзін з тваіх членаў*), Чарняўскі ўжывае слова *горшыць*, Бокун – *згаршае* (адпаведна *gorszy* ў Вуйка) (Мц. 5.29 – *бо калі тваё правае вока горшыць цябе*). Уплывам польскага *rokój czuności* можна патлумачыць словазлучэнне *чынячыя супакой* у перакладах Гадлеўскага (*багаслаўлены супакой чынячыя*), Станкевіча і айца Мікалая (*шчасьлівыя чынячыя супакой*) (Мц. 5.9).

Гадлеўскі услед за Вуйкам абірае форму *міласэрдзе атрымаюць*, параўнаем з *miłoserdzia dostąpią* ў перакладзе Вуйка (Мц. 5.7 – *багаслаўлены міласэрныя, бо яны міласэрдзе атрымаюць*), у Чарняўскага прыводзіцца вельмі падобная форма, якая адрозніваецца парадкам слоў – *атрымаюць міласэрнасць*, у перакладзе Секцыі – *спазнаюць міласэрнасць*.

Гадлеўскі выкарыстоўвае лексему *узрост* (Мц. 6.27 – *А хто з вас можа клапацячыся дадаць да свайго ўзросту адзін локаць?*), грэч. ἡλικίαν – „жыццё ці рост“, менавіта ў Мц. 6.27, якая ў спалучэнні *дадаць да свайго ўзросту адзін локаць* выглядае не адпаведнай з пункту гледжання норм беларускай літаратурнай мовы і, верагодна, з’явілася пад уплывам *przудаć do wzrostu swego lokieć jeden* у Вуйка. Спалучэнне *шкоду ўчыніць* у перакладзе Чарняўскага з’явілася пад уплывам *szkodę poniosł* у Вуйка (Мц. 16.26 – *бо што за карысць чалавеку, калі ўвесь свет здабудзе, а душы сваёй шкоду ўчыніць*).

Гадлеўскі, Чарняўскі, Секцыя і Бокун ужываюць прыметнік *цэзарава*, Станкевіч – *цэсарава* (Мц. 22.21 – *тое, што цэзара, аддайце цэзару*). Гэтыя выпадкі можна лічыць наследаваннем заходняй (рымскай) традыцыі, параўн. польскае *cesarski*. Іншыя перакладчыкі выбіраюць слова *цараву* (Дзекуць-Малей) ці *кесарава* (праваслаўныя перакладчыкі).

3.2. Уплыў крыніцы перакладу адлюстроўваецца не толькі непасрэдна праз запазычванне лексем, але і на ўзроўні граматыкі, пабудовы словазлучэнняў і сказаў, а таксама пры выбары слоў з сінанімічнага рада.

Біблейская камісія, Сёмуха і Міцкевіч услед за цсл. абіраюць форму *памілаваны будуць* (параўн. **ПОМІЛОВАНИИ Б҃Д҃УТЬ**) (Мц. 5.7 – *блажэнныя (добрашчасныя) міласэрныя, бо яны памілаваны будуць*).

Варыянты *праведных і неправедных* (Біблейская камісія, Сёмуха) з’явіліся пад уплывам цсл. **ПРАВЕДНЫМ И НА НЕПРАВЕДНЫМ**, паколькі ў астатніх беларускіх перакладах прыводзіцца адпаведна прыметнікі *справядлівых і несправядлівых* (Мц. 5.45 – *і насылае дождж на праведных і няправедных*). Словаформа *чуеш* („бачыш, заўважаеш“) у Станкевіча і а. Мікалая надзвычай блізкая да цсл. **Ч҃ЕШИ** (Мц. 7.3 – *а бярвяня ў воку сваім ня чуеш*).

Слова *дасца*, ужытае ў перакладах Біблейскай камісіі і Сёмухі, не ўласцівае для сучаснай беларускай мовы, можна патлумачыць уплывам цсл. **ДАСТСА** (Мц. 7.7 – *прасіце, і дасца вам*).

Уплыў царкоўнаславянскай мовы (**оувѣдѣно вѣдетъ**) адчувальны ў варыянце *не было б уведана* (Біблейская камісія, Сёмуха) (Мц. 10.26 – *бо няма нічога схаванага, што не выкрылася б, і таёмнага, што не было б уведана*).

В. Гадлеўскі і У. Чарняўскі ўжываюць спалучэнні адпаведна *каторыя церпяць праслед дзеля справядлівасці* і *што пераслед церпяць* у адрозненне ад астатніх беларускіх перакладчыкаў, якія прыводзяць аднаслоўныя адпаведнікі (*праследаваныя, гнаныя* і пад.) для перадачы грэч. дзеепрыметніка *δεδιωµένοι* (διωκω „праследаваць, гнаць“), verb. part. perf. pass. (Мц. 5.10 – *шчасныя, што пераслед церпяць дзеля справядлівасці*). Разыходжанні ў каталіцкіх перакладах можна патлумачыць зваротам да Вульгаты і перакладу Я. Вуйка, дзе прыведзены падобныя спалучэнні *qui persecutionem patiuntur* і *którzy cierpią prześladowanie*.

У перакладах Гадлеўскага і Чарняўскага заўважаецца змена парадку ўжывання аднародных членаў (*ні іржа, ні моль*). Гэта абумоўлена выбарам іншай першакрыніцы: параўн. лац. *neque erigo nequet inea; ani rdza, ani mól* у Вуйка (Мц. 6.20). Гадлеўскі прыводзіць канструкцыю *просторная ёсць дарога*, ужываючы дзяслоў-звязку *ёсць*, не ўласціваю для беларускай мовы, пад уплывам польск. *przestronnajestdroga* (Мц. 7.13). Станкевіч і а. Мікалай захоўваюць асаблівасць кіравання польскай мовы: *увыйдзеце* (*увойдзеце*) да (Мц. 18.3) – параўн. з *wejdziecie do* ў перакладзе Вуйка.

Высновы

Найбольш распаўсюджанай варыянтнай з’явай у перакладах біблейнай фразеалогіі з’яўляецца змена парадку разгортвання фразы, каб наблізіць яе да традыцыйнай для беларускага маўлення. Разам з тым, шэраг фразеалагічных спалучэнняў, якія трывала ўвайшлі ў маўленне, у тым ліку праз рускую мову, застаецца аднолькавым і нязменным ва ўсіх беларускіх перакладах.

Іншамоўны ўплыў у перакладах афарыстыкі заўважаецца найперш у перакладзе Біблейскай камісіі, што звязана з заяўленай арыентацыяй на царкоўнаславянскі пераклад, а таксама ў перакладзе Вінцэнта Гадлеўскага, які знаходзіўся пад значным уплывам польскага перакладу Якуба Вуйка. У цэлым жа для перакладаў біблейнай афарыстыкі хутчэй уласцівая адваротная тэндэнцыя – „адштурхоўванне“ ад маркіраваных царкоўнаславянізмаў, што звязана з імкненнем аддаліць пераклад ад вядомага беларускім чытачам царкоўнаславянскага.

Спіс скарачэнняў

- Біблейская камісія: Святое Дабравесце паводле Матфея. *Евангеліе Госпада нашэго Іісуса Хрыста: на чатырх яз.: элін., славян., рос. і белорус. : с параллельнымі месцамі*. Мінск: Беларус. Экзархат, 1991.
- Бокун: Эвангелье паводле Мацьвея. *Новы Завет. Кніга прыповесцяў: са старажытнагрэцкай і старажытнагебрайскай на беларускую мову нанова перакладзены*. Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2016.
- Вуйк (Wujk): *Ewangelia według Św. Mateusza*. Kraków: Wydaw. Apostolstwa Modlitwy, 1962.

- Вульгата: *Evangelium Secundum Matthaeum. Biblia Sacra Vulgata: editionis Sixti V. et Clementis VIII Pont. Max. Jussu recognita atque edita.* Roma: Typis S. C. de Propaganda Fide, 1886.
- Гадлеўскі: Святая Эванэлія Езуса Хрыста паводле Матэуша. *Чатыры Эванэліі.* Гродна: Гродзен. Рым. Катал. Дыяцэзія, 1998.
- Грэчаскі: Τοῦ Καταῖ Ματθαίου Ἀγίου Ευαγγεῖλιον. *Евангелие Господа нашего Иисуса Христа: на четырёх яз.: эллин., славян., рос. и белорус. : с параллельными местами.* Минск: Белорус. Экзархат, 1991.
- Дзекуць-Малей: Паводле Мацьвея Сьвятое Эвангелье. *Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста.* Лондан: Брыт. і замеж. бібл. т-ва, 1948.
- Клышка: Паводле Мацьвея Святое Дабравесце. *Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста.* Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2014.
- а. Мікалай: Сьвятое Эвангелье паводле Мацея. *Новы Запавет Госпада і Збаўцы нашага Ісуса Хрыста.* Таронта: [б.в.], 1988.
- Міцкевіч: Эвангелье паводле Мацьвея. *Мацьвея і Марка Евангеліе.* Michigan: GrandRapids, [1998].
- Секцыя: Святое Эвангелле паводле Мацьвея. Святое Эвангелле. Мінск: Про Хрысто, 2012.
- Сёмуха: Паводле Мацьвея Сьвятое Дабравесце. *Новы Запавет і Псалтыр.* Мінск: Бацькаўшчына, 1995.
- Станкевіч: Эвангелія паводле сьвятога Мацьвея. *Сьвятая Біблія: кн. сьвятога пісьма Старога й Новага закону.* – Нью Ёрк: [б. в.], 1973.
- Царкоўнаславянскі: **Ѡ** **Матѳея** **Ѡ** **тѳо** **Ѡ** **благѳѳствованіѳ.** *Евангелие Господа нашего Иисуса Христа: на четырёх яз.: эллин., славян., рос. и белорус. : с параллельными местами.* Минск: Белорус. Экзархат, 1991.
- Чарняўскі: Эвангелле паводле Мацьвея. *Новы Запавет.* Мінск : Бібл. т-ва ў Рэсп. Беларусь, 2003.

Літаратура

- Будзько, І. У.: *Беларускія пераклады Старога Запавету ў кантэксте фарміравання беларускай рэлігійнай тэрміналогіі: вынікі міжмоўнага, міжканфесійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння.* Мінск: Чатыры чвэрці, 2018.
- Важнік, С. А.: Сінтаксічныя архаізмы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове: да праблемы вызначэння і кваліфікацыі. *Граматычны лад беларускай мовы. Шляхі гістарычнага развіцця і сучасныя тэндэнцыі.* Мінск: Права і эканоміка, 2007, с. 7–12.
- Верещагін, Е. М.: *Біблеістыка для всех.* Москва: Наука, 2000.
- Влахов, С.: *Непереводимое в переводе.* Москва: Международные отношения, 1980.
- Греческо-русский словарь Нового Завета.* Рус. перевод и редактирование В.Н. Кузнецовой при участии Е.Б. Смагиной и И.С. Козырева. – Москва: Российское Библейское Общество, 1997.
- Дубровіна, К. Н.: *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре.* Москва: Флинта: Наука, 2012.
- Евангелие Господа нашего Иисуса Христа: на четырёх яз.: эллин., славян., рос. и белорус.: с параллельными местами.* Минск: Белорус. Экзархат, 1991, с. 6–8.

- Казлоўская-Дода, Я.: Біблейная фразеалогія беларускай і польскай моў: агульнае і рознае. *Studia Białorutenistyczne*, n. 7, 2013, s. 245–258.
- Каліта, І.: Семантычная стратыфікацыя „блага“ ва ўсходнеславянскіх мовах. *Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych*. Siedlcy: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2010, s.131–139.
- Koziara, S.: *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Kraków: Wydaw. Nauk. AP, 2001.
- Лента біблейскай мудрасці : біблейскія крылатыя выразення і афорызмы на руском, англійском, беларуском, немецком, словацком і украінском языках.* in Д. Балакова at al (eds.). Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2014.
- Лукашанец, А. А.: Сучасныя працэсы ў словаўтварэнні беларускай мовы: да праблемы міжмоўнага збліжэння і адштурхоўвання. *Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка : XII Міжнар. з’езд славістаў, Любляна, 2003 г. : дакл. беларус. дэлегацыі*. Мінск: Беларуская навука, 2003, с. 52–69.
- Мароевич, Р.: Проблема перевода фразеологизмов на родственный славянский язык. *Тетради переводчика*. Москва, 1983, вып. 20, с. 49–57.
- Мелерович, А. М. – Мокиенко, В. М.: *Современная русская фразеология (семантика — структура — текст)*. Кострома: Издательство Костромского государственного университета, 2011.
- Мечковская, Н. Б.: Почему в русском языке библейских фразеологизмов больше, чем в английском, словенском или польском, и почему русские библеизмы часто ироничны? *Южнославянские языки в их истории и современном состоянии*. Минск: ИП Логвинов, 2007, с. 103–112.
- Надсан, А.: Працягваючы справу сьвятых апосталаў славянаў: развагі перакладчыка літургічных тэкстаў. *Хрысціянства і беларуская культура*. Мінск: ГА „Міжнародная асацыяцыя беларусістаў“, 2001, с. 29–39.
- Пятровіч, А.: Беларускае слова ў перакладах Святога Пісання. *Хрысціянства і беларуская культура*. Мінск: ГА „Міжнародная асацыяцыя беларусістаў“, 2001, с. 75–83.
- Суднік, М. Р.: *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. Мінск : БелЭн, 1996.
- Сяднёў, М.: Наша спадчына – стараславяншчыны. *Наша слова*, 24.08, 1994, с. 3.
- Фурс, В. У.: *Сучасныя беларускія пераклады Евангелля наводле Мацвея: характар і фактары варыянтнасці выкладаў аднаго зместу ў тэкстах розных тыпаў : аўтарэф. дысертацыі на атрым. вучон. ступ. канд. філалагічных навук*. Мінск: Права і эканоміка, 2009.
- Чарота, І.: Каб не прапаў скарб: Беларусы і царкоўнаславянская спадчына. *Літаратура і мастацтва*, 6.06, 1997, с. 14–15.
- Шапран, С.: Святое пісанне от Василя. *Белорусская деловая газета*, 07.06, 2002, с. 3.
- Юрэвіч, Л.: *Камэнтары*. Мінск: [без выд.], 1999.

Frazeologie v textech skupiny Kabát

Phraseology in the lyrics of the rock group Kabát

Pavína Žalmanová, Univerzita Karlova, Praha

Abstract

Phraseology is a commonly encountered phenomenon, namely in songs' lyrics. This is further proven by this paper, which deals with lyrics of songs, specifically with lyrics of songs by the rock group „Kabát“. This work mostly studies the phrasemes and their variants inclusive of the motivation for their usage.

Abstrakt

Frazeologie je jev, se kterým se setkáváme velice často, a to i v písňových textech. To dokazuje i tento příspěvek, který se zabývá právě písňovými texty, konkrétně texty rockové skupiny Kabát. Zkoumány byly různé varianty frazémů včetně motivace jejich užití.

Keywords: phraseology, variants, music group Kabát, rock music, lyrics of songs

Klíčová slova: frazeologie, frazeologické varianty, skupina Kabát, rocková hudba, písňové texty

1. Úvod – charakteristika skupiny a jejích textů

Česká rocková skupina Kabát funguje již 25 let a jejími členy jsou Josef Vojtek, Tomáš Krulich, Radek „Hurvajs“ Hurčík a Milan Špalek, který občas společně s Otou Váňou píše texty. Co se týče žánru hudby, dají se zařadit do treshmetalů, klasického rocku i hard rocku.

Jejich texty se dají rozdělit do skupin podle témat. Jednou takovou skupinou tzv. „protestsongy“, které kritizují současné společenské či politické situace a jsou tedy stále aktuální. Jedná se např. o písně *Kdoví jestli* nebo *Buldozerem*. Další skupinou jsou písně, jejichž témata jsou zájmy členů skupiny, např. cestování, což je vidět na textu písně *Corrida*. V neposlední řadě se pak v textech objevují témata užívání si života (*Irský hody*) nebo westernu (*Rio Grande*), z nichž některé už téměř zlidověly.

V textech se objevuje velké množství metafor, přirovnání, frazémů, ale i vulgarismů. Především v písních pozorujeme jazyk nespisovný.

2. Metodologie

Celkem bylo analyzováno 155 písňových textů z let 1991–2015, přičemž vyjmuta byla výběrová alba *Suma sumárum* (2001) a *Suma sumárum* (2004) a tzv. „live“ CD (tedy záznamy z živých koncertů) *Živě* (1992), *Po čertech velké koncert* (2009) a *Banditi di Praga – Turné 2011* (2011).

Ačkoli to nebylo předmětem práce, zkoumané texty byly upraveny, jelikož nekorespondovaly nahrávky s přepsanými texty na neoficiální stránce www.ikabati.cz. Dále byly odstraněny gramatické chyby a chyby, které by bránily porozumění. Texty byly také formálně sjednoceny, byla odstraněna interpunkce na konci veršů, což v některých případech snižovalo orientaci v textu.

Frazémy jsou rozděleny podle slovníků Františka Čermáka,¹ tedy na přirovnání, výrazy neslovesné, výrazy slovesné a výrazy větné. Ty jsou pak dále děleny podle variant (které jsou chápány ve shodě s Jozefem Mlackem²) lexikálních, morfoloogických, syntaktických, stylistických, autorových, popř. kontaminačních. Některé varianty souvisí s utvářením textu vzhledem k flektivnosti jazyka, a je tedy nutné frazém zařadit do kontextu.

3. Přirovnání

V textech nenajdeme mnoho přirovnání a už vůbec žádné invarianty. Jedná se tedy o různé typy variant a aktualizací.

3.1. Morfoloogické varianty

Morfoloogické varianty frazémů se v textech vyskytují pouze v několika případech, a to např.: „vylít sem jak čert“³ od invariantu „vyletět odněkud jak čert“⁴, dále „rostou nám tak jako houby po dešti“⁵ od inv. „rostou nám tak jako houby po dešti“⁶ a v neposlední řadě „von letěl jako šíp“⁷ od inv. „letět jako šíp/šípka“⁸. Většinou se tedy jedná o změnu osoby, popř. čísla.

3.2. Lexikální varianty

Lexikální změny frazémů jsou nejčastěji motivovány rýmem nebo rytmikou písňě. Je to např. frazém „já jenom pil, jak zákon káže“⁹ ve srovnání s „(bejt) vožralej jak zákon káže“.¹⁰ Pro ukázkou motivace rýmem zde uvedu celou sloku:

„Co po mě chtěj ty stráže?

Proč železa mi dávaj, já jenom **pil**

Jak zákon káže¹¹

Já ten jejich zákon zle pochopil“

¹ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 1. – 4.* 1983 a 2009.

² MLACEK, Jozef. *Slovenská frazeológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1977.

³ Píseň „Blues folsomské věznice“ (Čert na koze jel, 1997).

⁴ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 71.

⁵ Píseň „Kdo si nechce hubu spálit“ (Dole v dole, 2003).

⁶ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 118.

⁷ Píseň „Wonder“ (Čert na koze jel, 1997).

⁸ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 347.

⁹ Píseň „Piju já, piju rád“ (Země plná trpaslíků, 1995).

¹⁰ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 396.

¹¹ Zde i dále zvýraznila Pavlína Žalmanová.

Jako další příklady lze uvést „*znělo to jak Paganini*“¹² od inv. „*hrát jako Paganini*“¹³ nebo „*slzy jako hráchy (měly ty dámy, když jsem jim mával)*“¹⁴ od inv. „*prolévat slzy jako hráchy*“¹⁵

3.3. Kontaminační varianty

Jako kontaminační varianty chápeme takové, jež jsou spojením dvou či více frazémů. Některé spojené frazémy jsou v povědomí posluchačů či čtenářů, ačkoli ve *Slovníku české frazeologie a idiomatiky* jako jeden frazém chápány nejsou.

Jednou z takových variant je frazém „*krásná jak sen*“¹⁶ který Čermák rozděluje na invarianty „*krásná jako ze sna*“¹⁷ a „*je to jako sen/ve snu*“¹⁸. Lidé jistě znají i následující variantu „*zmizel jako pára nad hrncem*“¹⁹ co je ale rozděleno na „*zmizet/ztratit se/vytratit se jako pára*“²⁰ a „*být jako pára nad hrncem*“²¹

3.4. Autorské varianty

Tato skupina variant je v textech nepočtenější, nicméně ve slovnících je nalézt nelze. Jde totiž o autorské varianty, které vymýšlejí textaři přímo pro potřebu textu tak, aby se do něj intencně zapojily. Často ve frazémech zobrazují současnou společenskou nebo politickou situaci. Důležitou a viditelnou složkou je zde expresivita, což je jedna z nejpodstatnějších vlastností frazému.²²

Na ukázkou zde uvedu jen několik příkladů, např. varianta „*cejtitsou jak romadur*“²³ je aktualizací frazému „*smrdět jako...*“²⁴. Naopak frazém „*facka jak od Macka*“²⁵ je odrazem politické situace, kdy na sněmu České stomatologické komory v roce 2006 napadl Miroslav Mlacek tehdejšího ministra zdravotnictví Davida Ratha.

Dále lze zmínit varianty „*(svět na tebe) čeká jak rozvodněná řeka*“²⁶ nebo „*proteče jak voda*“²⁷

4. Výrazy neslovesné

Neslovesných výrazů se v textech vyskytuje ještě méně než přirovnání, ovšem invariant je podstatně více, a to: „*dobrák od kostí*“²⁸, „*divá Bára*“²⁹, „*černá ovce*“³⁰ a „*kůže líná*“³¹

¹² Píseň „Malá dáma“ (Corrida, 2006).

¹³ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 249.

¹⁴ Píseň „Bahno“ (Dole v dole, 2003).

¹⁵ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 121.

¹⁶ Píseň „Kanibal Hanibal“ (MegaHu, 1999).

¹⁷ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 422.

¹⁸ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 313.

¹⁹ Píseň „Peří, prach a boky“ (Banditi di Praga, 2010).

²⁰ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 255.

²¹ Tamtéž.

²² JANOVEC, Ladislav. *Nevětné frazémy v nové slovní zásobě* (in *Neologizmy v dnešní češtině*). str. 147.

²³ Píseň „Čejeni“ (Čert na koze jel, 1997).

²⁴ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Přirovnání*. 1983. str. 448.

²⁵ Píseň „Cesta do Kadaně“ (Corrida, 2006).

²⁶ Píseň „Bahno“ (Go Satane Go, 2000).

²⁷ Píseň „Corrida“ (Corrida, 2006).

²⁸ Píseň „Go Satane Go“ (Go Satane Go, 2000).

²⁹ Píseň „Bára“ (Go Satane Go, 2000).

³⁰ Píseň „Kůže líná od Kolína“ (Corrida, 2006).

³¹ Tamtéž.

4.1. Morfologické varianty

V textech nacházíme pouze jedinou morfologickou variantu, a to „*plnou polní*“³² od inv. „*v plné polní*“³³ kde je jednoznačnou motivací rytmus písně a rým.

4.1. Lexikální varianty

Ani lexikálních variant nenajdeme v textu o mnoho více, konkrétně zde můžeme uvést dva případy. Prvním je varianta „*hochu zlatá*“³⁴ od inv. „*holka zlatá*“³⁵ u které je důvodem změny to, že se v písni mluví o dialogu dvou mužů.

Druhou variantou je „*rajská hudba*“³⁶ ale ačkoli Čermák uvádí jako invariant „*andělská/božská hudba*“³⁷ tento případ není zcela jednoznačný. Český národní korpus totiž uvádí pouze jeden případ užití frazému „*andělská hudba*“ a jedno použití frazému „*božská hudba*“. Naopak ale zjišťujeme dvacet dva záznamů o použití spojení „*rajská hudba*“. Můžeme tedy říci, že toto slovní spojení je v procesu frazeologizace, nicméně prozatím ho vnímáme jako variantu.

4.3. Syntaktické varianty

I u toho typu variant nalézáme pouze jeden příklad, a to „*mana nebeská*“³⁸ kde pozorujeme změnu slovosledu. Zde je motivací rytmus písně:

„*Mně nikotin bejvá vitamínem,
Rum to je moje mana nebeská*“

4.4. Stylistické varianty

V případě obou dvou stylistických variant, které jsme v textech našli, se jedná o transformaci do nespisovné češtiny. Jde o varianty: „*zakopanej pes*“³⁹ od inv. „*zakopany pes*“⁴⁰ a „*pátý přes devátý*“⁴¹ od „*páté přes deváté*“⁴²

4.5. Kontaminace

Kombinačními variantami myslíme ty varianty, u kterých není jasné, který postup byl při jejich tvoření uplatněn. V případě varianty „*nervy pevný*“⁴³ od inv. „*silné/ocelové nervy*“⁴⁴ pozorujeme změnu syntaktickou, tedy změnu slovosledu, jejíž motivací byla rytmika písně. Dále vidíme změnu lexikální, což bylo motivováno rýmem, a konečně pak zaznamenáváme změnu stylistickou, tj. transformace do nespisovného jazyka.⁴⁵

³² Píseň „Kdo neskáče není Švéd“ (Banditi di Praga, 2010).

³³ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy neslovesné*. 2009. str. 259.

³⁴ Píseň „Dr. Bambus“ (Má ji motorovou, 1991).

³⁵ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy neslovesné*. 2009. str. 103.

³⁶ Píseň „Dávám ti jeden den“ (Země plná trpaslíků, 1995).

³⁷ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy neslovesné*. 2009. str. 112.

³⁸ Píseň „Táhni dál“ (Děvky ty to znaj, 1993).

³⁹ Píseň „Cirkusovej stan“ (Dole v dole, 2003).

⁴⁰ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy neslovesné*. 2009. str. 244.

⁴¹ Píseň „Matky a závity“ (Banditi di Praga, 2010).

⁴² ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy neslovesné*. 2009. str. 241.

⁴³ Píseň „Kdoví jestli“ (Corrida, 2006).

⁴⁴ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy neslovesné*. 2009. str. 209.

⁴⁵ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. 2009. str. 107.

5. Výrazy slovesné

Výrazů slovesných nacházíme v textech poměrně velké množství. Lze nalézt i několik invariant, které ovšem František Čermák zařazuje mezi výrazy neslovesné. Jedná se o frazémy: „*práskat fousama*“⁴⁶, „*metat kozelce*“⁴⁷, „*sekat latinu*“⁴⁸, „*jet na doraz*“⁴⁹, „*je to k nevěře*“⁵⁰ a „*co hrdlo ráčí*“⁵¹

5.1. Morfologické varianty

Vedle kombinovaných variant jsou právě morfologické varianty zastoupeny nejvíce. Téměř všechny varianty se buď přizpůsobují kontextu transformací do 2. či 3. osoby singuláru, nebo do 1. osoby singuláru, kdy se zpěvák ztotožňuje s textem. Příkladem jsou následující frazémy: „*dám na to krk*“⁵² od inv. „*dát na to krk*“⁵³, „*je v Pánu*“⁵⁴ od „*být v Pánu*“⁵⁵ a „*zachovej klid*“⁵⁶ od „*zachovat klid*“⁵⁷

5.2. Syntaktické varianty

Těchto variant, u kterých pozorujeme změnu slovosledu, jsme našli pouze tři. U všech tří variant je motivací změny rým. Jsou to varianty: „*proti proudu plout*“⁵⁸ od „*plout proti proudu*“⁵⁹, „*z plna hrdla se smát*“⁶⁰ od „*smát se z plna hrdla*“⁶¹ a „*za břicho se popadat*“⁶² od „*popadat se za břicho*“⁶³

5.3. Kombinované varianty

U několika frazému došlo i k více změnám najednou, proto je nazýváme variantami kombinovanými. V následujícím příkladu došlo ke změně morfologické i syntaktické: „*vtipnou kaši jed*“⁶⁴ od inv. „*jíst vtipnou kaši*“⁶⁵. Další kombinací je pak změna morfologická společně se změnou lexikální: „*všechno je jen navoko*“⁶⁶ od „*dělat něco (jen) naoko/navoko*“⁶⁷. Ani u jednoho příkladu není jasné, která změna je primární, proto zde mluvíme o obou změnách.

6. Výrazy větné

Tato skupina je v naší práci poslední. Na tomto místě ale nejprve uvedeme, že František Čermák

⁴⁶ Píseň „Láda“ (Čert na koze jel, 1997).

⁴⁷ Tamtéž.

⁴⁸ Píseň „Go satane Go“ (Go satane Go, 2000).

⁴⁹ Píseň „V pekle sudy válej“ (Go satane Go, 2000).

⁵⁰ Píseň „Matky a závity“ (Banditi di Praga, 2010).

⁵¹ Píseň „Ber“ (Go satane Go, 2000).

⁵² Píseň „Centryfuga“ (Colorado, 1994).

⁵³ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. 2009. str. 318.

⁵⁴ Píseň „Rebel“ (Má ji motorovou, 1991).

⁵⁵ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. 2009. str. 540.

⁵⁶ Píseň „Satan Klaus“ (Čert na koze jel, 1997).

⁵⁷ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. 2009. str. 282.

⁵⁸ Píseň „Proti proudu“ (Do pekla/do nebe, 2015).

⁵⁹ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. 2009. str. 625.

⁶⁰ Píseň „Až si pro mě přijdou“ (Colorado, 1994).

⁶¹ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. 2009. str. 216.

⁶² Píseň „Až si pro mě přijdou“ (Colorado, 1994).

⁶³ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. 2009. str. 61.

⁶⁴ Píseň „Ou jipi jé“ (Colorado, 1994).

⁶⁵ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. 2009. str. 276.

⁶⁶ Píseň „Dávno už vím“ (Země plná trpaslíků, 1995).

⁶⁷ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy slovesné*. 2009. str. 121.

popisuje větné výrazy jako „ustálené idiomatické a frazeologické věty (...) různého druhu jakožto kombinace minimálně dvou slovních druhů.“⁶⁸ Dále uvádí, které typy do slovníku uvedl, ale zároveň uvádí i ty, které do něj zařazeny nebyly, tedy klišé, dobové frazémy, které už se nepoužívají, axiomy, fyzikální nebo matematické poučky, nefrazeologické kolokace a konstrukce, které nejsou ustáleny.⁶⁹

V této skupině se překvapivě objevují z velké části invarianty, a to: „*je to síla*“⁷⁰, „*A přece se točí!*“⁷¹, „*Chraň tě Bůh!*“⁷², „*Pochodem vchod!*“⁷³ nebo „*Co já vim?*“⁷⁴

6.1. Morfologické varianty

V obou variantách, které jsme v textech našli, se jedná o transformaci do 2. osoby plurálu a v obou případech spatřujeme motivaci v tom, komu je píseň určena, tedy posluchačům v první písni a mravencům v písni druhé. Jsou to varianty: „*to si pište*“⁷⁵ od inv. „*to si piš*“⁷⁶ a „*tady vám pšenka nekvete*“⁷⁷ od „*tady mu pšenka nepokvete*“.⁷⁸ Ve druhém případě se vyskytuje ještě jedna morfologická změna, a to změna vidu, která je motivována rytmikou.

6.2. Lexikální varianty

Ani tato část nenabízí mnoho variant, nicméně několik příkladů zde uvést můžeme: „*ty teda vypadáš*“⁷⁹ od „*ty ale vypadáš*“⁸⁰ nebo „*boží mlejny nemelou*“⁸¹ kde se jedná o negační transformaci a zároveň zde byla vypuštěna část „*pomalou, ale jistě*“, která by byla v písni vzhledem k negaci zbytečná, a navíc by narušila rytmiku i rým písně.

6.3. Syntaktické varianty

Ani zde nevynecháváme varianty syntaktické, jde především o varianty: „*vyhraje ten, kdo uteče*“⁸² od „*kdo uteče, vyhraje*“.⁸³ U této varianty je motivací změny rým a přidání slova „ten“ je přízpusobeno rytmice:

„*Kostlivci pochodujou,
Co vypijou, to proteče
Bacha, už tě sledujou
Vyhraje ten, kdo uteče*“

⁶⁸ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy větné*. 2009. str. 9.

⁶⁹ Tamtéž, str. 9-10.

⁷⁰ Píseň „Sex, drogy, rock ‘n’ roll“ (Má jí motorovou, 1991).

⁷¹ Píseň „Opilci v dějinách“ (Děvky ty to znaj, 1993).

⁷² Píseň „Hej moralisti“ (Děvky ty to znaj, 1993).

⁷³ Píseň „Dole v dole“ (Dole v dole, 2003).

⁷⁴ Píseň „Buldozerem“ (Corrida, 2006).

⁷⁵ Píseň „Kdoví jestli“ (Corrida, 2006).

⁷⁶ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy větné*. 2009. str. 742.

⁷⁷ Píseň „Mravenci“ (Go satane Go, 2000).

⁷⁸ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy větné*. 2009. str. 742.

⁷⁹ Píseň „Ou jipi jé“ (Colorado, 1994).

⁸⁰ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy větné*. 2009. str. 987.

⁸¹ Píseň „Pohromy“ (MegaHu, 1999).

⁸² Píseň „Kostlivci“ (Corrida, 2006).

⁸³ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy větné*. 2009. str. 924.

Co se týče syntaktických variant, dle Ladislava Janovce sem patří ty, jejichž částí je tzv. „potencionální složka“.⁸⁴ V tomto případě mluvíme o doplněné variantě: „je mi **nějak** šoufl“⁸⁵ od „je mi šoufl“.⁸⁶

7. Závěr

Záměrem této práce bylo poukázat na specifické aspekty slovní zásoby z hlediska frazeologie. Největší část hudebních textů skupiny Kabát tvoří totiž právě frazémy, z nichž nejvíce byly zastoupeny výrazy neslovesné. Co se pak týče typů variant, nejčastěji byly zastoupeny varianty morfologické a lexikální. U morfologických variant záleželo převážně na obsahu písni, případně na tom, jestli byla píseň někomu určena, nebo jestli se v textu jednalo o samotného aktéra písni. U lexikálních variant byl motivací změn většinou rým a rytmika písni. Nejméně pak byly zastoupeny varianty stylistické, tedy transformace do nespisovné češtiny. Důvodem pro tyto změny bylo pravděpodobně to, že se autoři chtěli více přiblížit svým posluchačům.

8. Zdroje

- ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 1: Přirovnání*. Praha: Academia, 1983.
- ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 2: Výrazy neslovesné*. Praha: Leda, 2009.
- ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 3: Výrazy slovesné*. Praha: Leda, 2009.
- ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 4: Výrazy větné*. Praha: Leda, 2009.
- MLACEK, Jozef. *Slovenská frazeológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1977.
- JANOVEC, Ladislav. Nevětné frazémy v nové slovní zásobě. In: MARTINCOVÁ, Olga. *Neologismy v dnešní češtině*. Praha: ÚJČ AV ČR, 2005.

⁸⁴ JANOVEC, Ladislav. *Nevětné frazémy v nové slovní zásobě* (in: *Neologismy v dnešní češtině*), str. 154.

⁸⁵ Píseň „Jen jsem ztratil směr“ (Země plná trpaslíků, 1995).

⁸⁶ ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy větné*. 2009. str. 882.

FRAZÉMY V KONTAKTU

Příslloví v jazycích střední Evropy na základě údajů z databáze SprichWort

Proverbs in Central European languages based on information from the database SprichWort

Tamás Tölgyesi, Universität Wien

Abstract

300 proverbs are analysed in the study not only in Czech, Slovak, Polish, Slovenian, Croatian and Russian but also in German, English, French and Hungarian. These can be grouped as follows: 1. biblical idioms, 2. quotations from ancient works, 3. folk wisdom from Latin, 4. proverbs of unknown origin, 4.1 proverbs in Central European languages.

Abstrakt

V příspěvku je podrobena analýze 300 přísloví nejen v češtině, slovenštině, polštině, slovinštině, chorvatštině a ruštině, ale i v němčině, angličtině, francouzštině a maďarštině. Zkoumané idiomy se dají rozčlenit do těchto skupin: 1. biblické frazémy, 2. citáty z antických děl, 3. lidové moudrosti z latiny, 4. přísloví neznámého původu, 4.1 přísloví v jazycích střední Evropy.

Keywords: proverbs, Central European language area, language contacts between German, Czech, Slovak, Polish, Slovenian, Croatian and Hungarian

Klíčová slova: přísloví, středoevropský jazykový areál, jazykové kontakty mezi němčinou, češtinou, slovenštinou, polštinou, slovinštinou, chorvatštinou a maďarštinou

Úvod

Jako základ pro tento výzkum posloužilo 300 přísloví z databáze SprichWort.¹ Databáze dokumentuje aktuální úzus vybraných přísloví v němčině, slovinštině, slovenštině, češtině a maďarštině, které jsou v rámci platformy propojeny. Frekvence výskytu přísloví byla ověřena v korpusech. Vedle informací o významu, zvláštnosti užití, konstantnosti a běžných variantách je možné nalézt řadu autentických textových příkladů (dokladů z korpusu), v nichž se přísloví vyskytují (pro více informací viz <http://www.sprichwort-plattform.org/>).

¹ SprichWort je mezinárodní projekt, který je zaměřen na společné rysy a rozdíly v současném užívání přísloví v různých jazycích. Projekt koordinuje Filozofická fakulta Univerzity v Mariboru (Slovinsko). Podílejí se na něm lingvisté a počítačovní specialisté z těchto univerzit: Szeged (Maďarsko), Trnava (Slovensko), Zlín (Česko), TU Graz (Rakousko) a také IDS Mannheim (Německo).

Zajímalo nás, jestli se zkoumaná přísloví vyskytují i v polštině a chorvatštině. Ten fakt, že daný frazeologismus funguje ve většině jazyků střední Evropy, z daleka neznamena, že je typický pro zmíněný jazykový areál. Velice často jde o celoevropský výraz latinského původu.

Při práci nám nejvíce pomohl Slovník české frazeologie a idiomatiky (SČFI 2009), ve kterém jsou uvedeny nejen německé, ale i anglické, francouzské a ruské ekvivalenty, popř. eventuální latinský pramen u téměř každého hesla.

Zkoumané frazeologismy lze rozčlenit do těchto skupin: 1. biblické frazémy, 2. citáty z antických děl, 3. lidové moudrosti z latiny, 4. přísloví neznámého původu, 4.1 přísloví v jazycích střední Evropy.

Pokud to lze, uvádíme výchozí přísloví a jeho pramen, potom české, německé, slovenské, slovinské a maďarské ekvivalenty z databáze SprichWort. Dále následují příslušné polské, chorvatské, anglické, ruské a francouzské frazémy z vlastní excerptce.² Sémantické ekvivalenty jsou v závorkách. Význam přísloví citujeme ze SprichWortu. Na závěr připojujeme své poznámky k jednotlivým tvarům.

1. Biblické frazémy

Křesťanská tradice tvoří základ evropské identity a Bible je v tomto dědictví zásadním dílem. Několik známých pasáží z Písma se stalo příslovími, která dodnes používají lidé bez ohledu na své vyznání.

Mt 22,21

č. *Dejte císaři, co je císařovo, a Bohu, co je Božího.*

něm. *Gebt dem Kaiser, was des Kaisers ist, und Gott, was Gottes ist.*

slk. *Čo je cisárovo cisárovi, čo je božie, Bohu.*

sln. *Dajte cesarju, kar je cesarjevega, in bogu, kar je božjega.*

maď. *Adjátok meg a császárnak, ami a császáré, és Istennek, ami Istené.*

pol. *Oddajcie więc Cezarowi to, co należy do Cezara, a Bogu to, co należy do Boga.*

chor. *(Po)dajte dakle caru carevo, a Bogu Božje.*

angl. *Render unto Caesar the things that are Caesar's, and unto God the things that are God's.*

fr. *Rendez (donc) à César ce qui est à César, et à Dieu ce qui est à Dieu.*

rus. *Кесарю – кесарево, а Бозы – Бозово.*

Přísloví vyjadřuje přesvědčení, že člověk má respektovat jak instituce světské a plnit z toho plynoucí povinnosti, tak i sféru duchovní.

Mt 6,24

č. *Nelze sloužit dvěma pánům.*

něm. *Man kann nicht gleichzeitig zwei Herren dienen.*

slk. *Nemožno naraz slúžiť dvom pánom.*

² Za prověření chorvatských, polských a ruských přísloví vděčím Sinišovi Habijanovi (JÚLEŠ SAV Bratislava), vídeňským kolegům Przemysławu Chojnowskému a Natálii Korině (Institut für Slawistik, Universität Wien).

sln. *Ne morete služiti dvema gospodarjema.*
maď. *Nem lehet egyszerre két urat szolgálni.*
pol. *Nikt nie może służyć dwom panom.*
chor. *Nitko ne može služiti dvojici gospodara.*
angl. *No man can serve two masters.*
fr. *Nul ne peut servir deux maîtres.*
rus. *Никто не может служить двум господам.*

Přísloví konstatuje fakt, že nelze vykonávat činnosti, které si ve své podstatě odporují, nebo plnit přání názorově zcela odlišných lidí či zájmových skupin.

Přísloví 26,27 *Kdo jámu kopá, do ní upadá, a kdo valí kámen, na něj se obrací.*
č. *Kdo jinému jámu kopá, sám do ní padá.*
něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, fällt selbst hinein.*
slk. *Kto druhému jámu kope, sám do nej spadne.*
sln. *Kdor drugemu jato koplje, sam vanjo pade.*
maď. *Aki másnak vermet ás, maga esik bele.*
pol. *Kto pod kim dołki kopie, sam w nie wpada.*
chor. *Tko drugome jatu kopa, pada sam u nju.*
angl. *(What goes around comes around. / Curses, like chickens, come home to roost. / The chickens come home to roost.)*
fr. *(Tel est pris qui croyait prendre.)*
rus. *He рои другому яму, сам в неѣ попадѣшь.*

Přísloví popisuje zkušenost, že ten, kdo jiným úmyslně škodí, časem pocítí negativní důsledky svého konání. K novým transformacím přísloví viz Tölgyesi 2020.

2. Citáty z antických děl

Druhým pilířem evropské kultury je antická literatura. Citáty z antických děl se velice často užívají v celé Evropě, někdy i mimo ni.³

Lat. *Bis dat, qui cito dat* ‚dvakrát dává, kdo rychle dává‘, Publilius Syrus, Myšlenky B 25.
č. *Kdo rychle dává, dvakrát dává.*
něm. *Wer schnell gibt, gibt doppelt.*
slk. *Kto včas dáva, dvakrát dáva.*
sln. *Kdor hitro da, dvakrat da.*
maď. *Kétszer ad, aki gyorsan ad.*

³ V databázi SprichWort se ojediněle objevují i citáty z děl středověkých a novověkých (např. angl. *Something is rotten in the state of Denmark*, William Shakespeare, Hamlet I,4, č. *Je něco shnilého ve státě dánském*, něm. *Es ist etwas faul im Staate Dänemark*, slk. *Je niečo zhnité v štáte dánskom*, sln. *Nekaj gnilega je v deželi Danski*, maď. *Valami bűzlik Dániában*, pol. *Źle się dzieje w państwie duńskim*, chor. *Nešto je trulo u državi Danskoj*, fr. *Il y a quelque chose de pourri au royaume du Danemark*, rus. *Неладно что-то в Датском государстве*), kterými se v tomto článku nezabýváme.

pol. *Kto szybko daje, dwa razy daje.*
chor. *Dvostruko daje tko brzo daje.*
angl. *He gives twice who gives quickly.*
fr. *Qui donne tôt, donne deux fois.*
rus. *Вдвойне дает тот, кто дает быстро.*

Příslloví konstatuje fakt, že pomoc musí být rychlá a musíme se pro ni rozhodnout bez delšího váhání, pak je také účinnější.

Lat. *Cornix cornici oculum non confodit* ‚vrána vráně oči nevyklove‘, Macrobius Ambrosius Theodosius, Saturnalia 7,5,2.

č. *Vrána vráně oči nevyklove.*
něm. *Eine Krähe hackt der anderen kein Auge aus.*
slk. *Vrana vrane oko nevykole.*
sln. *Vrana vrani ne izkljuje oči.*
maď. *Holló a hollónak nem vájja ki a szemét.*
pol. *Kruk krukowi oka nie wykole.*
chor. *Vrana vrani oči ne vadi / kopa.*
angl. *Hawks will not pick out hawks' eyes.*
fr. *(Les loups ne se mangent pas entre eux.)*
rus. *Ворон ворону глаз не выклюет.*

Příslloví vyjadřuje zkušenost, že lidé se špatnými vlastnostmi jsou solidární a navzájem si neškodí. V angličtině se říká ‚jestřábi jestřábům oči nevyklovou‘.

Lat. *Dimidium facti, qui coepit, habet* ‚kdo začal, půl díla vykonal‘, Quintus Horatius Flaccus, Listy 1,2,40.

č. *S chutí do toho a půl je hotovo.*
něm. *Frisch gewagt ist halb gewonnen.*
slk. *S chuťou do toho, pol je hotovo.*
sln. *(Kdor riskira, profitira.)*
maď. *Jó kezdet fél siker.*
pol. *Dobry początek to połowa roboty / sukcesu.*
chor. *(Tko (ne) riskira, (ne) profitira.)*
angl. *A good start is half the work / battle.*
fr. *Commencer, c'est avoir à moitié fini.*
rus. *Доброе начало полдела откачало.*

Příslloví vyjadřuje zkušenost, že nadšení a elán, popř. zdravé riziko jsou základem úspěchu při každé lidské činnosti. Sln. a chor. přísloví odpovídají spíše něm. *Wer wagt, gewinnt*, maď. *Aki mer, az nyer* ‚kdo se odváží, vyhraje‘, srov. č. *Odvážnému štěstí přeje*, slk. *Odvážnemu šťastie praje*.

Lat. *Exercitatio artem parat* ‚cvičení dává umění‘, Publius Cornelius Tacitus, *Germania* 24,1.
č. *Cvičení dělá mistra.*
něm. *Übung macht den Meister.*
slk. *Cvik robí majstra.*
sln. *Vaja dela mojstra.*
maď. *Gyakorlat teszi a mestert.*
pol. *Ćwiczenie czyni mistrza.*
chor. *Vježba čini majstora.*
angl. *Practice makes perfect.*
fr. *La maîtrise s'acquiert par la pratique.*
rus. *Навык мастера ставит.*

Příslolí vyjadřuje přesvědčení, že na počátku každého úspěchu musí být hodně námahy a cviku. Platí to obzvláště v případě, kdy chceme spolehlivě zvládnout určitou činnost. Slk./pol. *majster*, sln. *mojster* a chor. *majstor* jsou z něm. *Meister* (Newerkla 2011, s. 282). Č. *mistr* a pol. *mistrz* pocházejí přímo z lat. *magister* (Machek 2010, s. 365).

Lat. *Malum nullum est sine aliquo bono* ‚žádné zlo není bez nějakého dobra‘, Plinius st., *Přírodověda* 27,2.
č. *Všechno zlé je pro něco dobré.*
něm. *Kein Nachteil ohne Vorteil.*
slk. *Všetko má svoje pre a proti.*
sln. *Vsaka slaba stvar je za nekaj dobra.*
maď. *Minden rosszban van vmi jó.*
pol. *Nie ma tego złego, co by na dobre nie wyszło.*
chor. *Svako zlo za neko dobro.*
rus. *Нem худа без добра.*

V přísloví se odráží zkušenost, že i negativní věc může v konečném důsledku přinést i něco pozitivního.

Lat. *Mens sana in corpore sano* ‚zdravý duch ve zdravém těle‘, Decimus Iunius Iuvenalis, *Satiry* 10,356.
č. *Ve zdravém těle zdravý duch.*
něm. *In einem gesunden Körper wohnt ein gesunder Geist.*
slk. *V zdravom tele zdravý duch.*
sln. *Zdrav duh v zdravem telesu.*
maď. *Ép testben ép lélek.*
pol. *W zdrowym ciele zdrowy duch.*
chor. *U zdravom tijelu zdrav duh.*
angl. *A healthy mind in a healthy body. / Healthy mind, healthy body.*
fr. *Un esprit sain dans un corps sain.*
rus. *В здоровом теле здоровый дух.*

Příslloví vyjadřuje přesvědčení, že tělesné zdraví je nezbytným předpokladem pro mentální výkony. V němčině se kromě výše uvedeného ‚ve zdravém těle bydlí zdravý duch‘ také jednoduše říká *Gesunder Geist in gesundem Körper* ‚ve zdravém těle zdravý duch‘.

Lat. *Nemo in amore videt* ‚nikdo v lásce nevidí‘, Sextus Propertius, Elegie 1,14,18.

č. *Láska je slepá.*

něm. *Liebe macht blind.*

slk. *Láska je slepá.*

sln. *Ljubezen je slepa.*

maď. *A szerelem vakká tesz.*

pol. *Miłość jest ślepa.*

chor. *Ljubav je slijepa.*

angl. *Love is blind.*

fr. *L'amour est aveugle.*

rus. *Любовь слепа.*

Příslloví vyjadřuje zkušenost, že zamilovaný člověk na milovanou osobu pohlíží nekriticky a opomíjí její či jeho negativní vlastnosti. V konečném důsledku je ochoten udělat pro milovanou osobu cokoli. Maď. přísloví znamená ‚láska činí člověka slepým‘. Kromě toho se také říká *A szerelem vak* ‚láska je slepá‘.

Lat. *Ne sutor ultra crepidam* ‚švec ať neposuzuje víc než střevíc‘, Plinius st., Přírodověda 36,85.

č. *Ševče, drž se svého kopyta.*

něm. *Schuster bleib bei deinen Leisten.* [sic!]⁴

slk. *Šuster, drž sa svojho kopyta.*

sln. *Le čevlje sodi naj kopitar.*

maď. *Szuster maradjon a kaptafánál.*

pol. *Pilnuj, szewcze, swego kopyta.*

angl. *Cobbler, stick to your last. / The cobbler should stick to his last.*

fr. (*Chacun son metier, les vaches seront bien gardees.*)

rus. (*Всяк сверчок знай свой шесток.*)

Příslloví vyzvedává zásadu, že člověk by se měl věnovat tomu, na co má dostatek schopností a talentu, a neměl by zabíhat do oblastí a profesí, pro které mu chybí zkušenosti. Frazémy občas fungují jako konzervační prostředky pro archaismy (viz k tomu Tölgyesi 2009a, s. 353; 2009b, s. 501; 2011a, s. 36; 2011b, s. 72; 2014, s. 153; Bielič 1969, s. 12). V maďarském přísloví se stále vyskytuje zastaralá přejímka z němčiny *suzter* místo dnes běžného *cipész* od maď. *cipő* ‚bota‘. Něm. *Schuster* je přes střhn. *su(s)ter* a sthn. *sutari*, *suter* z lat. *sutor* (Kluge 2002, s. 829).

⁴ Správně: *Schuster bleib bei deinem Leisten*. Za upozornění na tuto častou chybu působenou lidovou etymologií slova *Leisten* patří předsedovi Frazeologické komise při Mezinárodním komitétu slavistů profesoru Harrymu Walterovi (Universität Greifswald) velký dík (srov. také DUDEN 2007, s. 676).

Lat. *Potius sero quam numquam* ‚lepší pozdě než nikdy‘, Titus Livius, Dějiny 4,2,11.

č. *Lepší pozdě než nikdy.*

něm. *Besser spät als nie.*

slk. *Radšej neskoro ako nikdy.*

sln. *Bolje pozno kot nikoli.*

maď. *Jobb későn, mint soha.*

pol. *Lepiej późno niż wcale.*

chor. *Bolje ikad nego nikad.*

angl. *Better late than never.*

fr. *Mieux vaut tard que jamais.*

rus. *Лучше поздно, чем никогда.*

Příslovní hodnotí fakt, že ačkoli některé věci trvají dlouho, je lepší, když se uskuteční třeba i se zpožděním, než kdyby se neuskutečnily vůbec.

Lat. *Suae quisque fortunae faber* ‚každý svého štěstí strůjce‘, Gaius Sallustius Crispus, Dopis Caesarovi 1,1.

č. *Každý je strůjcem svého štěstí.*

něm. *Jeder ist seines Glückes Schmied.*

slk. *Každý si je strojom svojho šťastia.*

sln. *Vsak je svoje sreče kovač.*

maď. *Mindenki a maga szerencsésének (a) kovácsa.*

pol. *Każdy jest kowalem swojego losu / szczęścia.*

chor. *Svatko je kovač svoje sreće.*

angl. *Every man is the architect of his own fortune.*

fr. *Chacun est l'artisan de sa fortune / de son bonheur.*

rus. *Всяк (человек) своего счастья кузнец.*

Příslovní zdůrazňuje význam odpovědnosti každého jednotlivce, ať už jde o úspěch, či neúspěch v životě. Č., slk., angl. a fr. přísloví zachovala ekvivalenty lat. *faber* ‚strůjce‘. Naproti tomu se v němčině, slovinštině, maďarštině, polštině, chorvatštině a ruštině říká ‚každý je kovářem svého štěstí‘. Ve slovenštině se používá také *Každý je kováčem svojho šťastia*. Maď. *kovács* [kova:ɟ] bylo přejato z jihoslovanských jazyků (sln./chor./srb. *kovač*, bul. *ковач*), popř. ze slk. *kováč*.

Lat. *Tute hoc intristi, tibi omne est exedendum* ‚ty sis to nadrobil, ty musíš vše teď vyjíst‘, Publius Terentius Afer, Formio 318.

č. *Co sis nadrobil, to si taky sněž.*

něm. *Die Suppe, die man sich einbrockt, muss man auch auslöffeln.*

slk. *Kto si čo navaril, nech si aj zje.*

sln. *Pojej, kar si skuhal.*

maď. *Amit főztél, edd meg.*

pol. *Nawarzyłeś piwa, to musisz je teraz wypić.*

chor. *Kusaj kašu koju si zakuhao.*

angl. (*As you make your bed, so you must lie on it.*)

fr. (*Comme on fait son lit, on se couche.*)

rus. *Сам заварил кашу, сам и расхлёбывай.*

Příslloví poukazuje na známou pravdu, že každý musí nést zodpovědnost za negativní důsledky svých činů nebo rozhodnutí. V něm. frazému je ‚polévka‘, v pol. ‚pivo‘, v chor. a rus. ‚kaše‘, srov. také č. *Kaši, co sis navařil, si musíš sníst* (SČFI 2009, s. 520). Angl. a fr. příslovím odpovídá č. *Jak si usteleš, tak si lehneš.*

Lat. *Vestis virum reddit* ‚šaty dělají muže‘, Marcus Fabius Quintilianus, *Výchova řečníka* 8,5.

č. *Šaty dělají člověka.*

něm. *Kleider machen Leute.*

slk. *Šaty robia človeka.*

sln. *Obleka naredi človeka.*

maď. *A ruha teszi az embert.*

pol. *Nie szata czyni / zdobi człowieka.*

chor. *Odijelo čini čovjeka.*

angl. *Clothes make the man.*

fr. *L'habit fait l'homme. / L'habit fait le moine.*

rus. *He одежда красит человека, а добрые дела.*

Příslloví obsahuje poznatek, že oblečení a zevnějšek mohou výrazně ovlivnit náš prvotní pohled na určitého člověka. V polštině a ruštině se naopak používají přísloví ‚člověka nedělají šaty (ale dobré skutky)‘.

3. Lidové moudrosti z latiny

Lat. *Aurora habet aurum in ore* ‚ráno má zlato v ústech‘.

č. *Ranní ptáče dál doskáče.*

něm. *Morgenstund hat Gold im Mund.*

slk. *Ranná hodina, zlatá hodina.*

sln. *Rana ura, zlata ura.*

maď. *Ki korán kel, aranyat lel.*

pol. *Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje.*

chor. *Tko rano rani, dvije sreće grabi.*

angl. (*The early bird catches the worm.*)

fr. *Le monde / L'avenir appartient à ceux qui se lèvent tôt. / À qui se lève matin, Dieu donne la main.*

rus. *Кто рано встаёт, тому бог (но)даёт.*

Příslloví vyjadřuje přesvědčení, že včasné vstávání zaručuje větší šanci na úspěch a umožňuje zvládnutí více aktivit. Něm. přísloví odpovídá lat. originálu. Rus. frazém se shoduje s pol. ‚kdo

ráno vstane, tomu Pán Bůh dá'. Maď. přísloví znamená ‚kdo ráno vstane, najde zlato'. V angl. přísloví ranní ptáče nedoskáče dál, ale chytí červa, srov. něm. *Der früher Vogel fängt den Wurm*.

Lat. *Capta avis est melior quam mille in gramina ruris* ‚chycený pták je lepší než tisíc v polích'.
č. *Lepší vrabec v hrsti než holub na střeše*.

něm. *Lieber den Spatz in der Hand als die Taube auf dem Dach*.

slk. *Lepší vrabec v hrsti, ako holub na streche*.

sln. *Bolje vrabec v roki kot golob na strehi*.

maď. *Jobb ma egy veréb, mint holnap egy tüzok*.

pol. *Lepszy wróbel w garści niż gołąb na dachu*.

chor. *Bolje vrabac u ruci nego golub na grani*.

angl. *A bird in the hand is worth two in the bush. / Better an egg today than a hen tomorrow*.

fr. *(Un tiens vaut mieux que deux tu l'auras. / Mieux vaut tenir que courir.)*

rus. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*.

Prísloví vyjadřuje přesvědčení, že je mnohem lepší obětovat veškeré úsilí dosažení realistického cíle, než se upínat k nejistým cílům spojeným s velkým rizikem a malou nadějí na uskutečnění. V lat. originále je *avis* ‚pták'. V angličtině se říká ‚lepší jeden pták v hrsti než dva na střeše, popř. ‚lepší dnes vejce než zítra slepice'. V č., něm., slk., sln., pol. a chor. přísloví se vyskytují ‚vrabec' a ‚holub'. Maď. frazém znamená ‚lepší dnes vrabec než zítra drop'. V rus. přísloví se také objevují jiné druhy ptáků ‚lepší sýkora v ruce než jeřáb pod nebem'.

Lat. *Cudendum ferrum, quando micat igne calente* ‚železo se má kout, dokud svítí ohněm žhavým'.

č. *Kuj železo, dokud je žhavé*.

něm. *Man muss das Eisen schmieden, solange es heiß ist*.

slk. *Železo treba kuť za horúca*.

sln. *Kuj železo, dokler je vroče*.

maď. *Addig üsd a vasat, amíg meleg!*

pol. *Kuj żelazo, póki gorące*.

chor. *Željezo se kuje dok je vruće*.

angl. *Strike while the iron is hot*.

fr. *Il faut battre le fer quand / pendant / tant il est chaud*.

rus. *Куй железо, пока горячо*.

Prísloví vybízí k urychlenému jednání a využití situace příhodné pro uskutečnění určitých cílů, neboť později už může být všechno mnohem komplikovanější a nedosažitelnější.

Lat. *De gustibus (et coloribus) non est disputandum* ‚o chuti (a barvách) se nediskutuje'.

č. *Proti gustu žádný dišputát*.

něm. *Die Geschmäcker sind verschieden. / Über Geschmack lässt sich nicht streiten*.

slk. *Proti gustu žiaden dišputát*.

sln. *Kolikor ljudi, toliko okusov.*
maď. *Ízlések és pofonok különbözök.*
pol. *O gustach się nie dyskutuje.*
chor. *O ukusima se ne raspravlja.*
angl. *There's no accounting for taste.*
fr. *Des goûts et des couleurs, on ne discute pas.*
rus. *На вкус и цвет товарищей нет.*

Příslloví konstatuje přesvědčení, že lidé mají různé názory a také jiný vkus, což je třeba vždy respektovat. V původním přísloví jde nejen o chuť, ale i o barvy, viz. fr. a rus. frazémy. Zvláštní je, že v maď. přísloví jsou místo barev facky: ‚vkusy a facky jsou různé‘.

Lat. *Mille viae ducunt hominem per saecula Romam* ‚tisíce cest už po staletí přivádějí lidi do Říma‘
č. *Všechny cesty vedou do Říma.*
něm. *Alle Wege führen nach Rom.*
slk. *Všetky cesty vedú do Ríma.*
sln. *Vse poti vodijo v Rim.*
maď. *Minden út Rómába vezet.*
pol. *Wszystkie drogi prowadzą do Rzymu.*
chor. *Svi putovi vode u Rim.*
angl. *All roads lead to Rome.*
fr. *Tous les chemins mènent à Rome.*
rus. *Все дорогу ведут в Рим.*

Příslloví vyjadřuje přesvědčení, že různá řešení, rozličné cesty a způsoby mohou nakonec vést ke kýženému cíli.

Lat. *Monoculus inter caecos rex* ‚mezi slepými jednooký králem‘
č. *Mezi slepými jednooký králem.*
něm. *Unter den Blinden ist der Einäugige König.*
slk. *Medzi slepými je jednooký kráľ.*
sln. *V deželi slepih je enooki kralj.*
maď. *Vakok közt a félszemű a király.*
pol. *Wśród / W krainie ślepców jednooki jest królem.*
chor. *U zemlji slijepih jednooki je kralj.*
angl. *In the land of the blind, the one-eyed man is king.*
fr. *Au royaume des aveugles, les borgnes sont rois.*
rus. *(На безрыбье и рак рыба.)*

Příslloví konstatuje fakt, že kvality či úspěchy mohou být někdy relativní, neboť do značné míry záleží na tom, s čím a s kým se dané hodnoty porovnávají, v podprůměrném prostředí musí průměrný člověk nutně vyčnívat. Lat. originálu se nejvíce podobají č., něm., slk. a maď. přísloví.

Sln., chor., angl. a fr. frazémy začínají se slovy ‚v zemi, království apod. slepých‘. V polštině se používají obě varianty.

Lat. *Non omne quod nitet aurum est* ‚ne všechno, co se třpytí, je zlato‘.

č. *Není všechno zlato, co se třpytí.*

něm. *Es ist nicht alles Gold, was glänzt.*

slk. *Nie je všetko zlato, čo sa blyští.*

sln. *Ni vse zlato, kar se sveti.*

maď. *Nem mind arany, ami fénylik.*

pol. *Nie wszystko złoto, co się świeci.*

chor. *Nije zlato sve što sja.*

angl. *All that glitters is not gold.*

fr. *Tout ce qui brille n'est pas or.*

rus. *He все (то) золото, что блестит.*

Říká se, když něco při důkladnějším zkoumání není tak dobré, jak se to jeví na první pohled.

Lat. *Nulli rosae deest spina* ‚není růže bez trní‘.

č. *Není růže bez trní.*

něm. *Keine Rose ohne Dornen.*

slk. *Niet ruže bez trňov.*

sln. *Ni vrtnice brez trnja.*

maď. *Nincsen rózsza tövis nélkül.*

pol. *Nie ma róży bez kolców.*

chor. *Nema ruže bez trnja.*

angl. *Every rose has its thorns.*

fr. *Il n'y a pas de roses sans épines.*

rus. *Нет розы без шипов.*

Přísloví slouží jako komentář v situaci, v níž člověku začne být zřejmé, že příjemné věci jsou často doprovázeny věcmi nepříjemnými a překážkami.

Lat. *Omne trinum perfectum* ‚všechno (co je) po třech (je) dokonale‘.

č. *Do třetice všeho dobrého.*

něm. *Aller guten Dinge sind drei.*

slk. *Do tretice všetko dobré.*

sln. *Vse dobre stvari so tri.*

maď. *Három a magyar igazság.*

pol. *Do trzech razy sztuka.*

chor. *Za sreću je potrebno troje.*

angl. *Third time lucky. / Third time's a charm. / All good things come in threes.*

fr. *Jamais deux sans trois.*

rus. *Бог любит троицу.*

Příslloví vyjadřuje přání, aby se něco podařilo na třetí pokus. Maď. přísloví znamená ‚tři(krát) je maďarská pravda‘. Mezi frazémy v daných jazycích jsou lexikální rozdíly, ale každý z nich vyjadřuje, že trojka přináší štěstí.

Lat. *Scopae recentiores semper meliores* ‚novější košťata vždy lepší‘.

č. *Nové koště dobře mete.*

něm. *Neue Besen kehren gut.*

slk. *Nová metla dobre metie.*

sln. *Nova metla dobro pometa.*

maď. *Új seprű jól seper.*

pol. *Nowa miotła dobrze / lepiej zamiata.*

chor. *Nova metla dobro / bolje mete.*

angl. *A new broom sweeps clean. / New brooms sweep clean.*

fr. (*Tout nouveau, tout beau. / Ferveur de novice ne dure pas longtemps.*)

rus. *Новая метла по-новому метёт.*

Příslloví konstatuje zkušenost, že nový člověk ve funkci nebo v kolektivu zpočátku k práci přistupuje velmi aktivně, přináší nové myšlenky a snaží se horlivě plnit své povinnosti.

Lat. *Una hirundo non facit ver* ‚jedna vlaštovka nedělá jaro‘.

č. *Jedna vlaštovka jaro nedělá.*

něm. *Eine Schwalbe macht noch keinen Sommer.*

slk. *Jedna lastovička leto nerobí.*

sln. *Ena lastovka še ne prinese pomladi.*

maď. *Egy fecske nem csinál nyarat.*

pol. *Jedna jaskółka wiosny nie czyni.*

chor. *Jedna lasta ne čini proljeće.*

angl. *One swallow doesn't make a summer.*

fr. *Une hirondelle ne fait pas le printemps.*

rus. *Одна ласточка весны не делает.*

Příslloví poukazuje na skutečnost, že na základě ojedinělé události či faktu nelze předčasně vyvozovat závěry a daný jev zobecňovat, protože první náznak ještě nemusí znamenat trvalou nebo dlouhodobou změnu. Podle latinského originálu se v č., sln., pol., chor., fr. a rus. přísloví vyskytuje ‚jaro‘. Naproti tomu obsahuje něm., slk., maď. a angl. frazém slovo ‚léto‘.

Lat. *Vix canis mordere suevit, usquequaque qui latrat* ‚obvykle nekouše pes, který pořád štěká‘.

č. *Pes, který štěká, nekouše.*

něm. *Hunde, die bellen, beißen nicht.*

slk. *Pes, ktorý breše, nehryzie.*

sln. *Pes, ki laja, ne grize.*

maď. *Amelyik kutya ugat, az nem harap.*

pol. *Pies, co bardzo szczeka, nie bardzo kąsa.*

chor. *Pas koji laje ne grize.*
angl. *Barking dogs never / seldom bite.*
fr. *(Tout) chien qui aboie ne mord pas.*
rus. *Лающая собака не кусает(ся).*

Říká se, když člověk, který je agresivní a útočný, kupodivu nepředstavuje velké nebezpečí. V polštině se používá také *Krowa, która dužo ryczy, mało mleka daje* ‚která kráva mnoho řve, ta málo mléka dává‘.

4. Příslloví neznámého původu

4.1 Příslloví v jazycích střední Evropy

Příslloví kromě biblických frazémů, citátů z antických děl a lidových moudrostí z latiny mají většinou neznámý původ. Mezi nimi se nacházejí i frazeologismy charakteristické pro jazyky střední Evropy.

č. *Potmě je každá kráva černá.*
něm. *Nachts sind alle Katzen grau.*
slk. *V noci je každá krava čierna.*
sln. *Ponoči so vse krave črne.*
maď. *Sötétben minden tehén fekete.*
pol. *W nocy wszystkie koty szare.*
chor. *U mraku je svaka krava crna.*
angl. *All cats are grey in the dark.*
fr. *La nuit, tous les chats sont gris.*
rus. *В темноте все кошки серы.*

Říká se, když např. při rozhodování nelze přihlédnout k detailům a méně zjevným vlastnostem. Pozoruhodné je, že se ‚kráva‘ vyskytuje jen v č., slk., sln., maď. a chor. přísloví. Nejen v němčině, polštině, angličtině, francouzštině a ruštině, ale i v italštině, španělštině, portugalsštině a rumunštině je ‚kočka‘ (srov. it. *Di notte tutti i gatti sono bigi / grigi*, šp. *De noche todos los gatos son pardos*, por. *De noite todos os gatos são pardos*, rum. *Noaptea toate pisicile sunt negre.*) V češtině také funguje varianta *Potmě je každá kočka černá*.

č. *Hlad je nejlepší kuchař.*
něm. *Hunger ist der beste Koch.*
slk. *Hlad je nejlepší kuchár.*
sln. *Lakota je najboljša kuharica.*
maď. *Az éhség a legjobb szakács.*
pol. *Głód jest najlepszym kucharzem.*
chor. *Glad je najbolji kuhar.*
angl. *(Hunger is the best sauce.)*

fr. *La faim est le meilleur cuisinier.*

rus. (*Голод не мѣтка.*)

Příslloví vyjadřuje zkušenost, že když je člověk hladový, přestává být vybíravý. Pak mu chutná i to, co by za normálních okolností nejedl. Předpokládáme, že přísloví pochází z francouzštiny. Výrazy z fr. gastronomie se často dostávaly prostřednictvím němčiny do jazyků střední Evropy, např. č. *panýrovat*, slk. *panírovať* a maď. *paníroz* jsou z profesní mluvy vídeňské kuchyně (Tölgyesi 2017a, s. 274). Něm. *panieren* bylo přejato přes fr. *paner*, fr. *pain* z lat. *panis* ‚chléb‘ (Kluge 2002, s. 677). V angličtině se říká ‚hlad je nejlepší omáčka‘, zatímco se v ruštině používá ‚hlad není teta‘.

č. *Nechval dne před večerem.*

něm. *Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben.*

slk. *Nechvál dňa pred večerom.*

sln. *Ne hvali dneva pred nočjo.*

maď. *Nyugtával discsérd a napot.*

pol. *Nie chwal dnia przed zachodem słońca.*

chor. *Ne hvali dan prije večeri.*

angl. (*Don't count your chickens before they're hatched. / Don't count your chickens before they've hatched. / Don't count your chickens before they hatch.*)

fr. (*Il ne faut pas vendre la peau de l'ours avant de l'avoir tué.*)

rus. (*Не говори «зон», пока не перескочишь.*)

Příslloví varuje před ukvapenými a předčasnými pozitivními závěry a nabádá k opatrnosti při hodnocení jakékoli činnosti, to by totiž mělo přijít až na úplný závěr. V češtině existuje varianta *Nechval dne na vzchodu slunce*. Ehegötz uvádí také *Nie chwal dnia przed wieczorem* (Ehegötz 1990, s. 67). V angličtině se říká ‚nepočítej svá kuřata předtím, než se vylihnou‘. Fr. frazém zní ‚neprodávejte medvědovu kůži, než ji zabijete‘, srov. č. *Nerozdělujme kůži medvěda, který ještě běhá po lese*. Rus. přísloví odpovídá č. *Neříkej hop, dokud nepřeskočíš*.

č. *Jistota je jistota.*

něm. *Sicher ist sicher.*

slk. *Istota je istota.*

sln. *Ziher je ziher.*

maď. *Biztos, ami biztos.*

chor. *Ziher je ziher. / Sigurno je sigurno.*

Příslloví konstatuje fakt, že člověk je občas nucen být ve svém konání ostražitější a opatrnější, aby předešel možným negativním následkům. V takovém případě se spoléhá na osvědčené postupy a cesty. V češtině se říká i *Sichr je sichr. / Zichr je zichr. / Jistota je sichr / zichr*. Tvar *sichr* [sɪxɪ] odráží výslovnost slova *sicher* v Rakousku [sɪçɐ], zatímco se *zichr* [zɪxɪ] vyslovuje podobně jako v Německu [zɪçɐ]. Ve slovenštině se také vyskytuje *Zicher je zicher*. V maďarštině se ještě používá *Biztos, ami ziher*. Č. *sichr / zichr*, slk. *zicher*, sln./chor. *ziher*, maď. *ziher* ‚jistý‘ jsou z něm.

sicher. Germanismus v daném přísloví je často důkazem toho, že celý frazém pochází z němčiny (Tölgyesi 2017b, s. 306–307).

č. *Nemá smysl vynalézat lék proti hlouposti.*

něm. *Gegen Dummheit ist kein Kraut gewachsen.*

slk. *Proti hlúposti nieto lieku.*

sln. *Proti neumnosti ni zdravila.*

maď. *Hülyeség ellen nincs orvosság.*

pol. *(Głupich nie sieją, sami się rodzą.)*

chor. *(Nema kraja ljudskoj gluposti.)*

Přísloví konstatuje fakt, že nerozumné jednání na tomto světě vždycky bylo a nepodaří se nám ho zcela vymýtiti ani racionálními argumenty. Chor. frazém odpovídá č. *(Lidská) hloupost nemá hranice*, slk. *(Ludská) hlúposť nemá hraníc*, dt. *(Die menschliche) Dummheit hat keine Grenzen*, maď. *(Az emberi) hülyeségnek nincs határa*.

č. *Nic se nejí tak horké, jak se to uvaří.*

něm. *Nichts wird so heiß gegessen wie es gekocht wird.*

slk. *Polievka sa neje taká horúca, ako sa navarí.*

sln. *Nobena juha se ne poje tako vroča, kot se skuha.*

maď. *Nem eszik olyan forrón a kását, mint ahogy főzik.*

pol. *(Nie taki diabeł straszny, jak go malują.)*

angl. *(Things are never as bad as they seem (at first sight).)*

rus. *(He так страшен черт, как его малюют.)*

Říká se, když něco, co se nejdřív zdá jako obtížné, nemožné nebo dokonce bezvýchodné, nakonec vůbec nemusí dopadnout špatně. Č. *Žádná polívka se nejí tak horká, jak se uvaří* (SČFI 2009, s. 363–364) se shoduje se slk. a sln. příslovím. Maď. frazém a č. *Žádná kaše se nejí tak horká, jak se uvaří* jsou identické. V angličtině se říká ‚nic není tak zlé, jak se zpočátku zdá‘. Pol a rus. přísloví znamená ‚démon není tak hrozný, jak je malován‘.

č. *Čert se vždy vysere na tu větší hromadu.*

něm. *Der Teufel scheißt immer auf den größten Haufen.*

slk. *Čert serie na najväčšiu kopu.*

sln. *Hudič serje na kup.*

maď. *A kutya is a dombra szarik.*

angl. *(Money makes money. Money goes to money.)*

Přísloví vyjadřuje zkušenost, že štěstí nebo úspěch zaznamenají často ti, kteří ho vůbec nepotřebují, protože mají všechno. SČFI uvádí *Čert vždycky na větší hromadu dává / klade* (SČFI 2009, s. 154, s. 1135). Sbíрка maďarských přísloví a rčení od Margalitse z 19. století obsahuje ještě kromě maď. *Kutya is a dombra marik* ‚i pes sere na hromadu‘ také maď. *Ördög is a dombra marik* ‚i čert sere na hromadu‘ (Margalits 1897, s. 660).

č. *Trpělivost přináší růže.*
něm. *Geduld bringt Rosen.*
slk. *Trpezlivosť ruže prináša.*
maď. *A türelem rózsát terem.*

Příslloví vyjadřuje přesvědčení, že jenom trpělivost a vytrvalost mohou zaručit úspěšné dosažení cíle. Zdá se, že zmíněný frazém funguje jen v centrálních jazycích středoevropského jazykového areálu, tj. němčině, češtině, slovenštině a maďarštině.

Závěr

Zjistit, která přísloví jsou pro středoevropský jazykový areál charakteristická, není nejsnadnějším úkolem, protože se frazémy z jazyků národů bývalé Habsburské monarchie musí konfrontovat s anglickými, francouzskými a ruskými ekvivalenty, aby se ukázalo, že nejde o fenomén celoevropský (popř. celosvětový). Profesor František Čermák mi před několika lety napsal: „Ta myšlenka areálového srovnávání je cenná a držte se jí. Právě ve frazeologii je vidět, jak se jazyky ovlivňovaly.“ (29. 11. 2016) I kvůli tomu si to chci zvolit jako téma svého habilitačního projektu.

Zkratky jazyků

angl. = anglický, bul. = bulharský, č. = český, fr. = francouzský, chor. = chorvatský, it. = italský, lat. = latinský, maď. = maďarský, něm. = německý, pol. = polský, por. = portugalský, rum. = rumunský, rus. = ruský, slk. = slovenský, sln. = slovinský, srb. = srbský, sthn. = starohornoněmecký, střhn. = středohornoněmecký, šp. = španělský

Literatura

- Bělič, Jaromír: Poznámky o postavení německých přejatých slov v dnešní češtině. In Krauss, Werner – Stieber, Zdzisław – Bělič, Jaromír – Borkovskij, Viktor Ivanovič (eds.): *Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur. Hans Holm Bielfeldt zum 60. Geburtstag.* Berlin: Akademie-Verlag, 1969, s. 7–18.
- DUDEN. *Das große Buch der Zitate und Redewendungen.* Mannheim: Dudenverlag, 2007.
- Ehegötz, Erika (et al.): *Phraseologisches Wörterbuch Polnisch-Deutsch.* Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1990.
- Kluge, Friedrich: *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.* Berlin: Walter de Gruyter, 2002.
- Machek, Václav: *Etymologický slovník jazyka českého.* Praha: NLN, 2010.
- Margalits, Ede: *Magyar közmondások és közmondásszerű szólások.* Budapest, 1897.
- Newerkla, Stefan Michael: *Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen (= Schriften über Sprachen und Texte 7).* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. Dostupné na adrese <https://www.peterlang.com/view/title/45221>

- SČFI = Čermák, František (et al.): *Slovník české frazeologie a idiomatiky 4. Výrazy větné*. Praha: Leda, 2009.
- SprichWort-Plattform*, 2008-2010. Dostupné na adrese <http://www.sprichwort-plattform.org/>
- Tölgyesi, Tamás: *Lexikální germanismy v dnešní češtině. Studie kontaktovělingvistická*. Piliscsaba: PPKE 2009a. Dostupné na adrese <http://mek.oszk.hu/08400/08488/>
- Tölgyesi, Tamás: Vojenské výrazy přejaté z němčiny v českém, slovenském a maďarském jazyce. In Ondrejovič, Slavomír (ed.): *Varia XVI*. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, 2009b, s. 500–506.
- Tölgyesi, Tamás: Lexikální germanismy v původní české verzi Haškova románu *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války* a jejich ekvivalenty v německém a maďarském překladu na základě InterCorpu. In Čermák, František (ed.): *Korpusová lingvistika Praha 2011, 1. InterCorp* (= Studie z korpusové lingvistiky. Svazek 14). Praha: Nakladatelství Lidové noviny / Ústav Českého národního korpusu FF UK, 2011a, s. 29–44.
- Tölgyesi, Tamás: K vojenskému názvosloví habsburské armády (1620-1918). *Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica XXIX*, 2011b, s. 71–79.
- Tölgyesi, Tamás: Germanismy v původní české verzi Haškova románu *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války* a jejich ekvivalenty v německém, slovenském a maďarském překladu. In Kiss Szemán, Róbert – Mészáros, Andor (eds.): *Na úprku před sebou samotími*. Praha: Akropolis, 2014, s. 146–163.
- Tölgyesi, Tamás: Austriazismen in der mitteleuropäischen Küche. In Szczęk, Joanna – Kałasznik, Marcelina (eds.): *Intra- und interlinguale Zugänge zum kulinarischen Diskurs I* (= Beiträge zur Fremdsprachenvermittlung, Sonderheft 24). Landau: VEP, 2017a, s. 271–281.
- Tölgyesi, Tamás: Frazeologismy v jazycích střední Evropy. In Janovec, Ladislav (ed.): *Svět v obrazech a ve frazeologii / World in Pictures and in Phraseology*. Praha: PedF UK, 2017b, s. 303–309.
- Tölgyesi, Tamás: Kdo jinému jámu kopá... Transformace přísloví ve slovanských jazycích, němčině a maďarštině. In Arkhanhelska, Alla (ed.): *Новое в русской и славянской фразеологии*. Olomouc: VUP, 2020, s. 446–450.

Srovnání vybraných českých a slovinských frazémů s komponentem pojmenování hmyzu

Comparison of selected Czech and Slovenian Phrases with an Insect's Name Component

Zdeňka Kohoutková, Univerza v Ljubljani

Abstract

The Czech phrases containing names of 24 insects species selected from the Dictionary of Czech Phraseology and Idiomics will be compared to the same or similar phraseological Slovenian units based on their meaning and form. We will deal with significance and formal equivalence as well as cognitive differences which can be described on the basis of the comparison of the studied segment of both languages.

Abstrakt

České frazémy obsahující pojmenování 24 druhů hmyzu vybrané ze Slovníku české frazeologie a idiomatiky budou na základě svého významu a formální podoby srovnány s významově stejnými či podobnými frazeologickými slovinskými jednotkami. Budeme se zabývat významovou a formální ekvivalencí i kognitivními rozdíly, které je možno na základě srovnání zkoumaného segmentu obou jazyků popsat.

Keywords: phraseology, phrasem, Czech, Slovenian, insect, comparative, translation

Klíčová slova: frazeologie, frazém, český jazyk, slovinský jazyk, hmyz, srovnávání, překlad

Frazém jako součást lexikálního systému je po mnoha stránkách specifický. Je to uzavřená víceslovná jednotka, charakteristická tím, že součet významů lexikálních komponentů není stejný jako význam frazému. Frazém je ustálenou kombinací alespoň dvou slovních forem téhož nebo různých slovních druhů, pro niž je příznačné to, že alespoň jeden z jejích komponentů se v daném významu a funkci kombinuje pouze s jediným komponentem dalším (v jediném frazému, idiomu), nebo s několika málo dalšími. (Čermák 1994, s. 9). K hlavním kritériím, kterými se frazémy vymezují, patří: ustálenost, reprodukovatelnost, celistvost pojmenování po stránce znakové i sémantické, víceslovnost, syntaktická ustrnulost, utvořenost více či méně nemodelovým způsobem, přítomnost dvou polysémních komponentů, nesoučtovost významů komponentů, vázaný význam komponentu, sémantická nerozložitelnost, nezaměnitelnost komponentu, přítomnost archaismu, ekvivalentnost slovu, obraznost paradigmatická vázanost komponentu, transformační defektivnost, emocionálnost, expresivnost, aj. (Čermák 1985, s. 168.). Velice často hraje důležitou roli při tvoření frazémů právě expresivita, tedy vyjádření citově zabarveného

vztahu ke skutečnosti. Frazémy slouží k tomu, abychom se mohli vyjádřit jiným, zajímavějším, obraznějším způsobem a abychom si mohli názorněji představit či označit osoby takové, jaké jsou se všemi dobrými i špatnými vlastnostmi (Keber 1998, s. 6).

Podle formální a syntaktické struktury můžeme frazémy rozdělit do dvou základních skupin na :

1. Kolokační (např. přirovnání, neslovesná slovní spojení, slovesná slovní spojení) – patří sem víceslovné frazémy, které samy o sobě netvoří větu.
2. Propoziční (např. pranostiky, přísloví, pořekadla, tzv. okřídlená slova) – jsou to frazémy, které jsou promluvami ve formě vět nebo souvětí (Čermák 1985, s. 212–219).

Frazémy lze chápat jako formálnijazykové ztvárnění nějaké představy (idiomu). Idiomy jsou úzce vázány na kognitivní funkci jednotlivých jazyků a kulturně historické souvislosti, a proto mohou mít v různých jazycích různé formální ztvárnění, a naopak stejně lexikálně ztvárněný frazém může mít v různých jazycích různý význam. Tyto rozdíly se projevují zejména při překládání frazémů do cizích jazyků, přičemž může nastat několik situací:

a) formálně ekvivalentní frazémy: v obou jazycích jsou frazémy stejné, obsahují stejné lexikální komponenty a mají stejný význam; b) významově ekvivalentní frazémy: mají rozdílné lexikální komponenty, ale stejný význam; c) neexistuje frazémový ekvivalent ve druhém jazyce a překládáme je nefrazémově při zachování významu. Tyto rozdíly mezi frazémy a zároveň i problémy při překládání existují nejen mezi geneticky vzdálenými jazyky, ale i mezi jazyky vývojově i kulturně a historicky blízkými – např. mezi češtinou a slovinštinou. Navíc lexikální i systémová podobnost obou jazyků může být na překážku právě při rozpoznávání, chápání a překládání frazémů, i když jde o dva slovanské jazyky, které byly po dlouhá staletí ovlivňovány němčinou.¹ Systematicky téma překládání, významové či formální ekvivalence českých a slovinských frazémů zpracováno nebylo,² a proto se budeme v předkládané studii věnovat srovnání systematicky shromážděných českých a slovinských frazémů, které ve svém formálním ztvárnění obsahují pojmenování hmyzu. Právě pojmenování hmyzu bylo vybráno proto, že člověk přirozeně žije v obklopení zvířaty a v interakci s nimi, a tak se dostala jejich pojmenování do mnoha frazémů, což je výrazné i u podskupiny říše zvířat – u hmyzu. Hmyz je rozšířen po celém světě, tyto zástupci fauny nás obtěžují, vadí nám jejich bzúčení a někteří z nás se jich bojí. Většina druhů hmyzu u člověka vzbuzuje negativní konotace (např. *veš*, *sršeň* nebo *štěnice*), které se objevují ve velké míře jak v českých, tak i ve slovinských frazémech. Ne všechny druhy hmyzu jsou však na obtíž, např. *včela* je pro člověka velmi užitečná a to se odráží také v užití tohoto segmentu v obou jazycích, někdy ve významu frazému hraje roli na příklad vzhled hmyzu (*mít nohy jako komár*).

Ve studii jsou zpracovány české frazémy s pojmenováním hmyzu vypsané ze *Slovníků české frazeologie a idiomatiky* (Čermák 2009) a knihy *Názvy zvířat v české frazeologii a idiomatice*

¹ Staletý vliv němčiny na oba jazyky se odráží i ve frazémech, např. v češtině *to je jak když blecha štípne*, v němčině *das ist ein Flohbiß* ve významu „to skoro nebolí“. Na oba jazyky měly vliv také jazyky slovanské, na příklad chorvatské *radim kao crv* odpovídá slovinskému *priden kot črv* (pilný jako červ), (Keber, 1996: s. 14).

² Především materiálové studie lze najít v některých diplomových pracích Filozofické fakulty Univerzity v Lublani (Kos 2010, Balantič 2012, Petraš 2012, Weith 2012, Kariž 2014, Bajec 2015, Guček 2015, Pauer 2015, Tomšič 2016, Jereb 2016), Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně (Kohoutková 2011), rozsáhlejší a systematictější studie však k dispozici nejsou.

(Mrhačová 1999). Celkem bylo shromážděno 131 jednotek, v nichž se objevilo pojmenování 24 druhů hmyzu a spolu s odvozeninami ze základních pojmenování je to 37 slov. Jako zdroj slovinských frazémů jsme použili *Slovar slovenskih frazemov* (Keber 2011), *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (1994) a *Hrvatsko-slovenski frazeološki rječnik* (Menac 1992), zde jsme našli 129 frazémů s komponentem pojmenování hmyzu, celkem tedy budeme pracovat s 260 frazémy. Na základě významu a formální podoby budeme srovnávat české a slovinské frazémy s významově stejnými či podobnými frazeologickými slovinskými jednotkami, v případě, že nemají frazémový ekvivalent, uvedeme nefrazémový překlad. Takto frazémy rozdělíme do skupin, ve kterých budeme pro ilustraci uvádět vždy jen vybrané příklady, protože nám rozsah článku neumožňuje jejich vyčerpávající výčet.

Shromážděné frazémy (celkový počet 260) jsme podle syntaktické struktury rozdělili na:

V češtině:

a) Kolokační

- Slovesné (42) např.: *dělat z komára velblouda; nasadit brouka do hlavy*
- Neslovesné (23) např.: *bleší trh; jepičí život; noční můra; vosí pás*
- Přirovnání (64) např.: *šťastný jako blecha; drzý jako štěnice; líný jako veš*

b) Propoziční

- Přísloví (1) např.: *Kdo se psy lehá, s blechami vstává.*
- Pořekadla (1) např.: *Hnal by blechu pro groš přes strniště.*
- Pranostiky (0)

Ve slovinštině:

a) Kolokační

- Slovesné (32) např.: *delati iz bolhe slona; imeti črva na prstu; loviti muhe*
- Neslovesné (18) např.: *vreča bolh; črv dvoma; podrepna muha*
- Přirovnání (66) např.: *skakati kot bolha; umirati kot črvi; garati kot mravlja*

b) Propoziční

- Přísloví (1) např.: *Kdor laže s psi, se zbudi s bolhami.*
- Pořekadla (10) např.: *Orel muh ne lovi.; Komar ima malo sala.*
- Pranostiky (2) např.: *Kadar je dosti bolha, bo polno ajda.*

Polovinu, tedy největší počet frazémů s komponentem lexikálního zpodobnění hmyzu, tvoří přirovnání, to vymezujeme jako ustálené a idiomatické pojmenování sloužící k označení a hodnocení podobnostního vztahu mezi jménem, určeným v konkrétním kontextu, a předem daným modelem. Podobnost objektů je vždy jen shodou několika jejich vlastností, lze ji tedy chápat jako souhrn stejných a rozdílných rysů, přičemž podíl stejných rysů většinou převažuje. (Čermák 1983, s. 466). Sémantická struktura přirovnání je v češtině i slovinštině velmi podobná, protože systém jazyka ani syntax se příliš neodlišují (Kd) – R – (Tk) – k – Kt (*Lukáš je líný jako veš; Peter je len kot uš.*), kde označuje:

Kd – comparandum, tj. referent určovaný kontextem (*Lukáš; Peter*);

R – relátor, tj. relační prvek obvykle verbální povahy (*je; je*);

Tk – tertium comparationis, tj. znak nebo vlastnost, kterou má Kd a Kt společnou (*líný; len*);
k – komparátor, tj. formální znak signalizující podobnostní vztah (*jako, jak; kot*);
Kt – comparatum, tj. zobecněný model, prototyp, k němuž je kontextem Kd vztažen (*veš; uš*).

Většina výrazů vyskytujících se v přirovnání patří mezi běžná a frekventovaná slova s poměrně vysokou mírou kolokability. Na levé straně, tj. před komparátorem, se setkáváme hlavně s verbem a adjektivem, na pravé straně, tj. za komparátorem, se objevují obvykle substantiva a substantivizovaná adjektiva (Čermák 1983, s. 475). V přirovnáních s komponentem lexikálního zpodobnění hmyzu (celkem 130 přirovnání) rozlišujeme tyto základní kombinace:

Pro češtinu:

V k S (36 přirovnání): *skákat jako blecha, umírat jako mouchy, kroutit se jako červ, zašlápnout někoho jako červa; být jako štěnice; dorážet jako vosy; hemžit se jako mravenci*³

V + A k S (17 přirovnání): *být šťastný jako blecha, pilný jako včelka, dotěrný jako mouha, líný jako veš; být přelétavý jako motýl; být malý jako mravenec; být drzý jako štěnice*

V k klauze (7 přirovnání): *mluvit, jako když blecha kašle; tváří se, jako by mu uletěly včely; vypadá, jako by cvrčky louskal; tváří se jako mouchy sežerte si mě; to je, jako když blecha štípně*

V S k S (4 přirovnání): *to je písmo jako blechy; mít nohy jako komár; mít pás jako vos*

Pro slovinštinu:

V k S (42 přirovnání): *skakati kot bolha; izgledati kot zbiratelj bolh; zvijati se kot črv; plaziti se kot črv; garati kot mravlja; misliti kot mravlje; biti kot stenica; žreti kot uš; biti kot govnač*

V + A k S (22 přirovnání): *biti priden kot čebela; biti delaven kot mravlja; biti majhen kot mravlja; biti pijan kot muha; biti tečen kot osa; biti razdražen kot sršen; biti len kot trot*

V k klauze (1 přirovnání): *bežati, kot bi sršeni podili koga*

V S k S (1 přirovnání): *imeti noge kot komar*

U přirovnání se nejčastěji vyskytuje struktura V k S, která je pro uživatele jazyka explicitní a může být např. rozšířena o další substantivum v Gen. *být jako pytel blech*, v Ak. *jít na něco jako vos* na med, v Lok. *mít někoho rád jako veš v kožichu*.

Plně ekvivalentních frazémů s komponentem pojmenování hmyzu, tedy se stejnou lexikální strukturou a stejným významem jsme našli v češtině a slovinštině 34, tedy celkem 68 frazémů, což činí čtvrtinu ze všech získaných frazémů pro analýzu, z toho 18 přirovnání, 9 neslovesných frazémů, 6 slovesných frazémů a 1 pořekadlo.

Příklady formálně ekvivalentních frazémů v češtině a slovinštině

Ve frazémeh se nejčastěji objevují druhy hmyzu, které nás obklopují (*moucha, komár, včela, veš, blecha* atd.). Těžko bychom hledali frazém s *mandelinkou, kučlankou* či *strašilkou*. Naopak jsme zjistili, že neexistují žádné frazémy s druhy hmyzu, které jsou v naší bezprostřední blízkosti jako *sluněčko*, avšak použitím slova *beruška* označujeme člověka velmi blízkého či milovaného,

³ Může být doplnění substantivem valenční, nevalenční, v předložkovém nebo nepředložkovém pádě.

berušku můžeme nahradit také jinými zástupci hmyzu a docílíme stejného významu – *brouček*, *čmeláček*.

bleší trh – ekv. *boljši trg*

malý brouček – ekv. *majhen hrošček*

červ pochybnosti – ekv. *črv dvoma*

bylo jich tam jako kobylek – ekv. *bilo je jih kot kobilic*

mít nohy jako komár – ekv. *imeti noge kot komar*

zabít dvě mouchy jednou ranou – ekv. *ubiti dve muhi na en mah*

být malý jako mravenec – ekv. *biti majhen kot mravlja*

píchnout do sršního hnízda – ekv. *dregniti v sršenje/sršenovo gnezdo*

být jako štěnice – ekv. *biti kot stenica*

být pilný jako včela – ekv. *priden kot čebela*

jít na něco jako vosá na med – ekv. *iti na kaj kot osa na med*

mít vosí pás – ekv. *imeti osji pas*

Příklady frazémů se stejným významem, stejným komponentem pojmenování hmyzu, ale jinou formou v češtině a slovinštině

Podskupinou formálně ekvivalentních frazémů mohou být takové frazémy, které mají stejný význam, stejný komponent pojmenování hmyzu, ale jinou formu, resp. syntaktickou strukturu. Těchto frazémů je z celkového počtu jen malé množství, ale stojí za zmínku. Z nashromážděného materiálu jsme takovýchto frazémů zaznamenali celkem 13: 3 přirovnání, 3 slovesné frazémy, 3 neslovesné frazémy, ve 4 případech se jedná o rozdílnou syntaktickou strukturu. V některých případech je zohledněna v každém z jazyků jiná vlastnost nebo činnost téhož hmyzu:

být jako pytel blech – *obnašati se kot bi imel bolhe*

ubohý/bídny červ – *biti len črv*

knihomol – *biti knjižni črv / knjižni molj*

dotěrný jako moucha – *podrep na muha*

být lidská veš – *biti kot uš*

Příklady významově ekvivalentních frazémů s jinou formou a jiným komponentem pojmenování zvířete v češtině a slovinštině

Další skupinu tvoří frazémy, které nejsou formálně-strukturně stejné, nemají stejný komponent pojmenování zvířete, ale mají stejný význam, mluvíme tedy o významové ekvivalenci. Na základě idiomu (představy) je můžeme spárovat. Alespoň v jednom ze srovnávaných frazémů je zastoupeno pojmenování hmyzu. Přirovnáváme k ději nebo k vlastnosti, kdy sloveso a adjektivum zůstává stejné a liší se pouze komponent. Jedná se o těchto 6 párů frazémů:

plazit se jako šnek – ekv. *plaziti se kot črv (červ)*

dřít jako mezek – ekv. *garati kot mravlja (mravenec)*

množit se jako myši – ekv. *množiti se kot mravlje* (mravenci)
dělat z komára velblouda – ekv. *delati iz muhe slona* (dělat z mouchy slona)
mačkat se jako sardinky – ekv. *zmečkati se kot stenice* (štěnice)
líný jako veš – ekv. *len kot trot* (trubec)

Příklady českých frazémů bez slovinského frazémového ekvivalentu

Ze shromážděných frazémů je celkem 78 českých frazémů bez slovinského ekvivalentu, z toho 41 přirovnání, 30 slovesných frazémů, 6 neslovesných frazémů a 1 pořekadlo. České frazémy bez slovinského frazeologického ekvivalentu mohou být v mnoha případech dobře srozumitelné. Vzhledem k obecně známému vzhledu daného druhu hmyzu a jeho vlastnostem dokážeme odhadnout význam frazému, přestože ve druhém jazyce se toto slovní spojení jako frazém nevykytuje, např. *být drzý jako štěnice, jsou žraví jako egyptské kobylky, dorážet na někoho jako sršni*. Na druhou stranu se můžeme setkat s frazémy, které jsou zavádějící, a při jejich překladu resp. vysvětlení si nemůžeme pomoci s jinými ekvivalentními frazémy ve slovinštině. V tomto případě se automaticky spoléháme na naši zkušenost a pokoušíme se dešifrovat jednotlivé komponenty frazému. Pokud ale frazém v daném jazyce neexistuje, pomůžeme si volným slovním spojením nebo prostým slovem, což ale bude postrádat specifickou frazeologickou expresi, např. *bleší písmo; tváří se, jako by mu uletěly včely*. Pokud ale neupozorníme, resp. nevysvětlíme frazém, jako např. *scházejí se jako švábi na pivo*, mohou se Slovinci mylně domnívat, že na pivo přicházejí Němci, pejorativní označení pro Němce se ve slovinštině používá výraz *Šwab*. Dešifrovat frazémy jako *vypálit či otrávit červa, přemýšlet nad nesmrtelností brouka, nasadit někomu švába do hlavy* mohou být při nejmenším problematické. Z celkového množství nashromážděných frazémů jsme vytipovali ty, které nemají frazémový ekvivalent ve slovinštině a odhadnutí jejich významu by mohlo být problematické. Ze subjektivního hlediska je význam nejméně poloviny českých frazémů (zde 37) bez frazémového ekvivalentu ve slovinštině pro Slovince těžko odhadnutelný:

být šťastný jako blecha – „být velmi šťastný“
být jako blecha – „být velmi malý, drobný, skoro neviditelný“
bleší písmo – „nečitelné, drobné písmo“
hledat na všem blechy – „hledat chyby tam, kde nejsou“
hnal by pro groš blechu přes strniště – „lakomý člověk“
mluvit jako když blecha kašle – „mluvit velmi potichu“
je to, jako když blecha štípne – „to skoro nebolí“
nasadit někomu brouka do hlavy – „něco/někdo nás nutí přemýšlet o něčem“
dělat mrtvého brouka – „přetvařovat se, že se nás něco netýká“
mít brouky v hlavě – „být něčím znepokojený“
přemýšlet nad nesmrtelností brouka – „přemýšlet o ničem, o nedůležitých věcech“
vypadá, jako by louskal cvrčky – „velmi hubený člověk“
otrávit/vypálit červa – „napít se alkoholu pro dobré trávení“
zašlápnout někoho jako červa – „lehce se někoho zbavit“
být obtížný jako hmyz – „být velmi otravný a dotěrný“
přemýšlet nad nesmrtelností chrousta – „přemýšlet o nedůležitých věcech“

být hubený jako chroust – „velmi hubený člověk“
jepičí život – „velmi krátký život“
žraví jako egyptské kobylky – „mnoho a často jíst“
být slabý jako komár – „hubený a slabý člověk“
je na něm sádla jako na komáru – „velmi hubený člověk“
přít se o komáří sádlo – „hádat se kvůli maličkosti“
být jako motýl – „opilý člověk“
být jako mouchy snězte si mě – „být bez zájmu“
mít (své) mouchy – „mít své chyby, nedostatky“
moucha mu přeletěla přes nos – „něco špatného se stalo a teď má špatnou náladu“
vychytat (na něčem) mouchy – „odstranit poslední nedostatky“
hemžit se jako mravenci – „pohybovat se v prostoru různými směry“
mravenci mu běhají po zádech – „cítit brnivý, mrazivý pocit“
nasadit někomu škvora do ucha – „přimět někoho nad něčím přemýšlet“
být drzý jako štěnice – „být velmi dotěrný“
mít švába na mozku – „být hloupý, omezený“
nasadit někomu švába do hlavy – „přimět někoho nad něčím přemýšlet“
slézat se jako švábi na pivo – „přijít někam pomalu bez nadšení a zájmu“
tváří se, jako by mu uletěly včely – „překvapeně, smutně“
mít někoho rád jako veš v kožichu – „někoho nemít rád“
bylo jich tam jako vši – „velmi mnoho“

Příklady slovinských frazémů bez českého ekvivalentu

Stejná situace je u slovinských frazémů bez českého frazémového ekvivalentu. Zda existují v obou jazycích stejné, resp. podobné frazémy zjišťujeme s mírou osvojení druhého jazyka. Podle námi zjištěných informací z frazeologických slovníků má pouhá čtvrtina ze zkoumaných frazémů svůj formální ekvivalent ve druhém jazyce. Slovinských frazémů bez českého ekvivalentu je ze shromážděného materiálu celkem 72, z toho 43 přirovnání, 13 slovesných frazémů, 10 pořekadel, 4 neslovesné frazémy a 2 pranostiky. Ve slovinštině lze nalézt nápadně větší množství pořekadel než v češtině. Na základě zkušeností opět můžeme odhadnout význam frazémů, např. *gledati kot sršen* (hledět jako sršeň) „rozzlobeně se dívat“, *žrati kot uš* (žrát jako veš) „velmi mnoho jíst“, *biti nekje kot stenica* (být někde jako štěnice) „být cizincem, nežádanou osobou“. Jak ale rozluštíme frazémy jako např. *izgledati kot zbiratelj bolh* (vypadat jako sběratel blech), zde už se naše kognitivní schopnosti rozcházejí, jedná se o člověka špinavého, chudého, vytrvalého nebo bláznivého? Pokud uslyšíme, že *kmalu bo tam, kje ni muh* (brzy bude tam, kde nejsou mouchy), nevíme, kam dotyčný odejde, protože na světě existuje mnoho míst, kde nejsou mouchy, v tomto případě ve významu „brzy zemře“. Jestliže uslyšíme, že *bilo je jih kot rusov* (bylo jich jako rusů), může to v češtině evokovat obyvatele Ruska, ale málokdo si vzpomene na nepříjemný druh švába. Dešifrovat mnohé frazémy tak může být náročné a při chybné interpretaci zcela nemožné, a proto uvádíme ty (35 jednotek), jejichž význam je pro Čecha těžko odhadnutelný, s překladem do češtiny a opisem významu:

izgledati kot zbiratelj **bolh** (vypadat jako sběratel blech) – „špinavý, neupravený člověk“
 biti kot **bolhe** na potepuški mački (být jako blechy na toulavé kočce) – „mít něčeho mnoho“
 Če maraš psa, maraš tudi njegove **bolhe**. (Když máš rád psa, máš rád také jeho blechy) – „mít rád někoho i s jeho nedostatky“
 dati komu **bolho** v uho (dát někomu blechu do ucha) – „rozdřáždít někoho“
 imeti česa kot berač **bolh** (mít něčeho jako žebrák blech) – „mít něčeho mnoho“
 Kadar je dosti **bolha**, bo polno ajda. – „Když je dosti blech, bude hodně pohanky.“ (pranostika)
 poskakovati kot **bolhe** po psu (poskakovat jako blechy po psovi) – „být nestálý“
 Dokler lípa cvete, ji ne manjka **čebel**. (Dokud lípa kvete, nechybí jí včely.) – „dokud se někomu daří, má kolem sebe hodně lidí“
 razmišljati kot **čebela** (přemýšlet jako včela) – „přemýšlivý a organizovaný člověk“
 biti tiho kot **črički** za božič (být potichu jako cvrčci o Vánocích) – „úplné ticho“
čriček mi dela družbo (cvrček mi dělá společnost) – „slyšet neznámé zvuky“
 Ko začne **čriček** peti, se začne gozdje mehčati. – „Když začne cvrček zpívat, začne měknout hroznové víno.“ (pranostika)
 leteti kot **čriček** po ponvi (letět jako cvrček na pánvi) – „rychle a zmateně se pohybovat“
 hrana za **črička** (jídlo pro cvrčka) – „malá porce jídla“
 biti delaven kot **črv** (být pracovitý jako červ) – „být velmi pracovitý“
 ima **črva** na prstu (mít červa na prstu) – „mít hnisavý zánět na prstu“
 plaziti se kot **črv** (plazit se jako červ) – „něco dlouho trvá“
 biti kot **govnač** (být jako chrobák) – „nepříjemný, otravný člověk“
 Ni treba po vsakem **komarju** mahati. (Není se potřeba ohnat po každém komárovi) – „není vše tak špatné, jak se zdá“
 garati kot **mravlja** (dřít jako mravenec) – „velmi těžce pracovat“
 množiti se kot **mravlje** (množit se jako mravenci) – „velmi rychle se rozmnožovat“
 biti kot **muha** brez glave (jako moucha bez hlavy) – „být zmatený, neorientovat se“
 biti pijan kot **muha** (být opilý jako moucha) – „být velmi opilý“
 imeti drugih **muh** (mít jiné mouchy) – „mít jiné plány, myšlenky“
 biti vseh **muh** poln (být plný všech much) – „velmi lstivý a zlý člověk“
 kmalu bo tam, kjer ni **muh** (brzy bude tam, kde nejsou mouchy) – „brzy zemře“
 modna **muha** (módní moucha) – „aktuální módní trend“
 Orel **muh** ne lovi. (Orel mouchy neloví.) – „chytrý člověk se nezabývá maličkostmi“
 V sili še hudič **muhe** žere. (V nouzi i čert žere mouchy.) – „v nouzi je vše dobré“
 ne biti od **muh** (nebýt od much) – „být důležitý, dobrý člověk“
 bilo je jih kot **rusov** (bylo jich jako rusů) – „velmi mnoho“
 gledati kot **sršen** (hledět jako sršeň) – „dívat se rozzlobeně“
sršen piči za devet **os** (sršeň píchne za devět vos) – „být velmi silný“
 biti nekje kot **stenica** (je někde jako štěnice) – „být cizincem, nežádanou osobou“
 biti kot **strigalica** (být jako škvor) – „hubený, slabý člověk“
 žreti/jesti kot **uš** (žrát/jíst jako veš) – „hodně jíst“

Představa, s níž je spojen určitý druh hmyzu, v každém jazyce souvisí s citovým zabarvením, expresivitou, resp. konotací pozitivní či negativní. Kromě formální a významové ekvivalence frazémů tak můžeme pozorovat i různé konotace. Frazémy bychom tedy mohli rozdělit na ty s pozitivní a ty s negativní konotací, ale toto rozdělení je do určité míry vždy subjektivní a je těžké vymezit přesnou hranici mezi oběma skupinami, protože se opírá o dojem a interpretaci určitého mluvčího. Tímto způsobem netřídíme srovnání vzhledu např. *vosí pás, nohy jako komár, malý jako mravenec*, protože jsou většinou neutrální a záleží na kontextu, v jakém jsou použity. Ze shromážděného materiálu vyplývá, že představy o hmyzu a zkušenosti s ním spojené jsou v obou jazycích podobné, což se odráží i ve frazeologii. Na příklad *sršeň* má ve frazémehch jednoznačně negativní konotaci, oproti tomu frazémy se *včelou* bychom zařadili mezi ty s pozitivní konotací *pilný jako včelka / priden kot čebela*. V češtině však existuje i frazém, který čistě pozitivní není *tváří se, jakoby mu uletěly včely* tedy „divně, smutně“. V některých případech je těžké určit, kdy se jedná o pozitivní či negativní konotaci např. *bylo jich tam jako kobylek / bilo je jih tam kot kobilic*, ve významu „velmi mnoho“, je řekneme neutrální, ale v určitém kontextu může nabýt i velmi negativního zabarvení.

Ve frazeologii se tedy nejčastěji vyskytují jednotky s negativní konotací v češtině s komponentem *veš, sršeň, štěnice*, ve slovinštině *bolha, črv, muha*. Naopak české frazémy s deminutivy *brouček, motýlek, včelka* a slovinské s výrazy *hrošč, čebela* mají vesměs pozitivní konotaci. U frazémů obsahujících pojmenování ostatních druhů hmyzu nelze jednoznačně určit, zda se jedná o pozitivní, neutrální nebo negativní konotaci.

Závěr

V obou jazycích bylo shromážděno srovnatelné množství frazémů s komponentem pojmenování hmyzu (129 slovinština a 131 čeština), jejich formální struktura je podobná, ale pouze čtvrtina frazémů je ekvivalentní formálně i významově. Největší počet ekvivalentních frazémů najdeme mezi jednotkami s komponentem pojmenování *mouchy, červa, blechy a vosy*, zatímco žádný s komponentem pojmenování *chrousta, rusa, švába* či obecně *hmyzu*. (viz tab. 1).

Tab. 1: Četnost výskytu pojmenování hmyzu a jejich derivátů ve formálně ekvivaletních českých a slovinských frazémehch.

hmyz/kuželka	Počet ekv. frazémů
vosa/osa + vosí/osji	6
červ/črv	5
moucha/muha + muší/mušji	4
blecha/bolha + bleší/boljši; mravenec/mravlja;	3
veš/uš + všivý/ušiv; sršeň/sršen; včela/čebela;	2
komár/komar; mora/můra; štěnice/stenica; jepice/enodnevnica; motýl/metulj; cvrček/čriček; kobylka/kobilica; brouk/hrošč;	1
chrobák/govnač; chroust/majski hrošč; rus/rus; škvor/strigalica; šváb/ščurek, hmyz/kuželka	0

Českých frazémů bez slovinského ekvivalentu je celkem 78 a slovinských bez českého ekvivalentu 72, tedy přibližně stejný počet. Z celkového počtu frazémů je zhruba čtvrtina zcela ekvivalentních, čtvrtina frazémů nemá český ekvivalent a čtvrtina frazémů nemá slovinský ekvivalent. Poslední čtvrtina zahrnuje významově ekvivalentní frazémy se stejným komponentem pojmenování hmyzu, ale jiným formálním a syntaktickým ztvárněním, a frazémy se stejným významem, ale jinou formou a jiným komponentem pojmenování zvířete.

Také četnost výskytu pojmenování jednotlivých druhů hmyzu ve frazémech je v češtině a slovinštině velmi podobná (viz tab. 2). Nejčastěji se vyskytuje ve frazémech *moucha/muha*. Na dalších čtyřech místech se frekvence výskytu pojmenování v obou jazycích také příliš neliší: *červ*, *blecha*, *vosa* a *veš*, a tato tendence pokračuje i u ve frazeologii méně zastoupených druhů hmyzu jako *škvor*, *trubec* či *šváb*.

Podobně jako četnost zastoupení názvů hmyzu ve frazémech je ve slovinštině a češtině srovnatelná i konotace, kterou tyto jazykové jednotky mají a která je převážně negativní.

Tab. 2: Četnost výskytu pojmenování hmyzu ve frazémech v češtině a slovinštině:

moucha	23	muha	25
blecha	17	črv, bolha	13
červ, vosa	11	osa	11
veš	10	sršen	10
brouk	7	uš	9
štěnice, komár, sršeň	6	mravlja, čriček	7
šváb, mravenec	5	stenica, komar	6
cvrček, motýl, můra, včela	3	čebela, trot	4
chroust, kobylka, jepice	2	enodnevnica, metulj, mora, ščurek, hrošč	2
škvor, trubec, trubec, hmyz, chrobák, jepice	1	govnač, kobilica, rus, strigalica	1
rus	0	hrošč, majski hrošč, žuželka ⁴	0

Literatura:

Bajec, M.: *Primerjava frazemov s komponento poimenovanja štirih osnovnih elementov oheň, voda, země, vzduch (ogenj, voda, zemlja, zrak) v češkem in slovenskem jeziku: (na podlagi primerov iz frazeološkega slovarja): diplomsko delo*. Ljubljana, 2015.

Balantič, B.: *Češki pregovori, njihove slovenske ustreznice, pomen in izvor: diplomsko delo*. Ljubljana, 2012.

Čermák, F. – Hronek, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přírovnání*. Praha: Academia, 1983.

⁴ V překladu do češtiny: 1. moucha; 2. červ; 3. blecha; 4. vosa; 5. veš, sršeň; 6. cvrček, mravenec; 7. štěnice, komár; 8. včela, trubec; 9. jepice, motýl, můra, šváb; 10. hovníval, kobylka, rus, škvor, beruška; 13. brouk, chroust, hmyz.

- Čermák, F. a kol.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné*. Praha: Academia, 1994.
- Čermák, F. – Hronek, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné*. Praha: Academia, 1988.
- Čermák, F. – Hronek, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy větné*. Praha: Leda, 2009.
- Filipec, J. – Čermák, F.: *Česká lexikologie*. Praha: Academia, 1985.
- Guček, T.: *Analiza prevoda frazemov v hrvaški in češki jezik na primeru Lainškovega romana Namesto koga roža cveti : diplomsko delo*. Ljubljana, 2015.
- Jereb, L.: *Primerjava monokolokabilnih besed v češčini in slovenščini : (na podlagi dela: František Čermák: Periferie jazyka. Slovník monokolokabilních slov): magistrsko delo*. Ljubljana, 2016.
- Kariž, R.: *Primerjava frazemov in idiomov s sestavino poimenovna čustev v slovenščini in češčini : diplomsko delo*. Ljubljana, 2014.
- Keber, J.: *Živali v prispodobah I*. Celje: Mohorjeva družba, 1996.
- Keber, J.: *Živali v prispodobah II*. Celje: Mohorjeva družba, 1998.
- Keber, J.: *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana: Založba ZRC, 2011.
- Kohoutková, Z.: *Frazemi s komponento žuželke v češčini in slovenščini*. Diplomová bakalářská práce. Brno, 2011.
- Kos, T.: *Frazemi v Haškovem Švejkju in njihov prevod v slovenščino : diplomsko delo*. Ljubljana, 2010.
- Menac, A.: *Hrvatsko-slovenski frazeološki rječnik*. Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, 1992.
- Mrhačová, E.: *Názvy zvířat v české frazeologii a idiomatice*. Ostrava: Ostravská univerzita, 1999.
- Pauer, A.: *Primerjava in analiza frazemov s sestavino glava v slovenščini in češčini : diplomsko delo*. Ljubljana, 2015.
- Petraš, M.: *Prevod frazemov iz slovenskega v češki in slovaški jezik na primeru knjige Alamut, avtorja Vladimirja Bartola : diplomsko delo*. Ljubljana, 2012.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: DZS, 1994.
- Tomšič, T.: *Podoba živali v čeških in slovenskih frazemih: diplomsko delo*. Ljubljana, 2016.
- Weith, B.: *Primerjava frazemov s komponento poimenovanja živali v češkem in slovenskem jeziku : (na podlagi primerov iz frazeološkega slovarja) : diplomsko delo*. Ljubljana, 2012.

СЛОН в русской и английской фразеологии¹

An ELEPHANT in Russian and English phraseology

Мария Марковна Вознесенская

Abstract

The paper provides the contrastive-comparative description of idioms with zoonym component *elephant* in Russian and English Phraseology (*sdelat' iz mukhi slona, slon v posudnoy lavke, rodina slonov, razdacha slonov, a white elephant, to see pink elephants, to see the elephant, the elephant in the room/in the corner etc.*). Different characteristics of *an elephant* reflected in the inner form of Russian and English idioms are described. Russian phraseology focuses on such its attributes as a big size and exotic origins. A result of a „big size“ characteristic is that comparative construction *kak slon* represents the function Magn in modern Russian slang. English Phraseology besides big size and exotic origins of the animal emphasizes its thick skin, good memory and colour attributes. The comparison of inner form and actual meaning of Russian and English idioms shows that they don't have an interlingual identity; most of the idioms are motivated by different images and have different meanings.

Аннотация

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному описанию внутренней формы и актуального значения русских и английских фразеологизмов с зоонимным компонентом *слон/elephant*: (*сделать из мухи слона, слон в посудной лавке, родина слонов, раздача слонов; a white elephant, to see pink elephants, to see the elephant, the elephant in the room/in the corner* и др.). В результате анализа выделяются признаки слона, лежащие в основе внутренней формы русских и английских идиом. Русская фразеология фокусируется на таких признаках слона, как большой размер и экзотическое происхождение. Признак большого размера имеет своим следствием то, что сравнительный оборот *как слон* употребляется в современном молодежном сленге в функции Magn. В английском языке помимо большого размера и экзотичности отмечается толстая кожа, хорошая память слона и цветовые атрибуты. Сравнение образных основ и значений показало, что среди рассматриваемых идиом нет полных эквивалентов и что большинство фразеологизмов базируется на различных образных ситуациях, метафорическое переосмысление которых имеет разные семантические следствия, отраженные в актуальном значении. Отмечается высокая фразеологическая активность компонента *слон* в современных разговорных выражениях русского и английского языков.

Key words: Russian language, English language, phraseology, contrastive-comparative description, inner form, actual meaning, zoonyms, elephant.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19-012-00396.

Ключевые слова: русский язык, английский язык, фразеология, сравнительно-сопоставительное описание, внутренняя форма, актуальное значение, зоонимы, слон.

ООН объявила Год Слона. В Индии опубликовали книгу «Слон», во Франции издали буклет «Любовь у слонов», в Советском Союзе выпустили трехтомник «Россия – родина слонов»; «Классики марксизма-ленинизма о слонах», «Слон до, во время и после Великой Октябрьской революции», в Болгарии вышел четырехтомник. Первые три тома – перепечатка советского издания, и четвертый том под названием «Болгарский слон – лучший друг советского слона»
(Старый советский анекдот)

1. Зоонимный компонент в составе фразеологических единиц

Существенную часть фразеологического фонда европейских языков составляют фразеологические единицы (ФЕ), в состав которых входят названия животных (зоонимы), выступающие в своих переносных значениях. В основе таких значений лежат различные признаки и свойства животных – реально им присущие или приписываемые, зафиксированные как интегральные или дифференциальные семантические признаки основного значения, либо относящиеся к его коннотативной части. (Апресян 1995, с. 156–157; Вардзелашвили 2002). Обычно эти значения антропоцентричны, т.е. используются для характеристики различных сфер, связанных с человеком. Можно говорить и о двойной «антропоцентричности», особенно когда речь идет о каких-либо «психических» характеристиках того или другого животного. Действительно, когда мы говорим, *смелый как лев*, то сначала мы это качество «приписали» животному, а потом стали использовать для характеристики человека. (Lakoff – Turner 1989, с. 195–196). Некоторые из этих признаков носят достаточно универсальный характер, совпадая в разных, иногда весьма далеких, языках. Другие же специфичны именно для конкретного языка. Выявление и описание и тех, и других признаков может дать важную национально-культурную информацию, характеризующую мировидение народа, говорящего на этом языке.

Задача настоящей статьи – сравнительно-сопоставительное описание русских и английских фразеологизмов с зоонимным компонентом *слон/elephant*: *делать из мухи слона; слона-то я и не заметил; [как] слон в посудной лавке; слон и моська; а моська, знает она сильна, что лает на слона; что слону дробина; слон на ухо наступил (кому-л.); раздача слонов; Россия – родина слонов; родина слонов; the elephant in the room; the elephant in the corner; to see the elephant; a white elephant; to see pink elephants; to have a memory like an elephant.*² Нас будут интересовать, какие признаки этого животного были «отобраны»

² Русские идиомы извлечены из (Баранов – Вознесенская – Добровольский и др. 2015; Ожегов – Шведова 1992), английские – из (Oxford Dictionary of English Idioms 2009; Oxford Idioms Dictionary for learners of English 2010;

русской и английской фразеологией, как они отразились во внутренней форме этих выражений и какое актуальное значение соответствующих фразеологизмов формируется на основе семантического переосмысления этих признаков.

2. Русский слон (фразеологизмы русского языка с компонентом слон)

Рассмотрим основные особенности фразеологических выражений с зоонимным компонентом *слон* в русском языке.³ В толковых словарях русского языка дефиниция слова *слон* содержит указание на такие его дифференциальные семантические признаки как большой размер и среда обитания. Слона определяют как „наивеличайшее“, „известное огромностью своей“, „крупнейшее“, „крупное“, животное, обитающее в „жарком поясе“, „жарких странах“, „тропических странах“, „тропических Африке и Азии“. Кроме того, в словарных толкованиях описываются особенности внешнего вида слона – наличие хобота, бивней и толстой кожи. Также у слова *слон* выделяется второе переносное значение „о высоком, толстом, неуклюжем человеке“ (Словарь Академии Российской 2005; Даль 1995; Толковый словарь русского языка 1935–1940; Словарь русского языка 1981–1984; Ожегов – Шведова 1992).

Русская фразеология следует «лексикографической традиции» – во всех русских фразеологизмах с компонентом *слон* актуализуются признаки или большого размера или экзотического происхождения этого животного. Так, большие размеры слона зафиксированы в выражениях *делать из мухи слона*; *слона-то я и не заметил*. Первая идиома имеет значение „неоправданно преувеличить значимость какого-либо отрицательно оцениваемого события (в том числе его последствий)“ (Баранов – Вознесенская – Добровольский и др. 2015, с. 503). Выражение известно со времен античности, встречается в греческом и латинском языках, употребляется в современном французском языке (*faire d'une mouche un éléphant*). В английском языке эквивалентом идиомы *делать из мухи слона* считается фразеологизм *make a mountain out of a molehill* (букв. «делать гору из кротовьего холмика»).

Интересно, что в словаре (The Oxford Dictionary of English Proverbs 1970, с. 270–271) зафиксировано выражение *he changes a fly into an elephant* (букв. «он превращает муху в слона»), проиллюстрированное примером из «The first tome or volume of the Paraphrase of Erasmus upon the newe testamente» – переведенного на английский язык в 1548 году Николасом Удаллом (Nicholas Udall) латинского перевода Нового Завета Эразма Роттердамского: *The Sophistes of Grece coulde through their copiousness make an Elephant of a flye, and a mountaine of a mollehill*. Исследователи предполагают, что выражение *make an Elephant of a flye* является здесь переводом латинской пословицы, содержащейся в тексте Эразма Роттердамского, а выражение *make a mountaine of a mollehill* добавлено, скорее всего, самим переводчиком на английский язык. И именно это выражение закрепилось в английском языке.

Cambridge International Dictionary of Idioms 2002).

³ Более подробно о зоониме *слон* в составе русских фразеологизмов см. в (Вознесенская 2011).

Выражение *слона-то я и не приметил* по происхождению цитата из басни И. А. Крылова «Любопытный» (1814). Оно используется, когда мы хотим сказать, что „кто-либо не заметил самого главного, важного“. Видно, что в этих двух выражениях (*делать из мухи слона; слона-то я и не приметил*) признак слона „большой размер“ переосмысливается как нечто „значимое и важное“.

Большие габариты слона имеют различные следствия. Слон осмысливается как неуклюжий и неповоротливый, что находит выражение в идиоме [*как*] *слон в посудной лавке*. Это выражение может использоваться для обозначения как «физической», так и «психической» неуклюжести – бестактного, бесцеремонного, неделикатного поведения: *Появляясь в маленькой хатке, он производил впечатление слона в посудной лавке, и что-то непременно ронял, ахал, руками всплескивал, поворачивался и смахивал с полки, разбивал окончательно; или наступал на одного из белоснежных сказочных котов, которых и звали-то по-человечьи: Ваня – Маня – Сидор.* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы); *Очевидно, что после вынужденного отступления оппозиции в апреле, она перегруппировалась и получила новую поддержку Румынии, которая действует, как слон в посудной лавке, и откровенно намекает, что не считает Молдову полноценным государством.* (Комсомольская правда). В английском языке эти же значения имеет идиома *a bull in a china shop* (букв. «бык в магазине фарфора»), где эталоном громоздкого животного, оказавшегося в несвойственной ему «среде обитания» является не слон, а бык.

Другое следствие большого размера слона – его большой вес, что отражается в идиоме *слон на ухо наступил* (*кому-л.*), имеющей вариант *медведь на ухо наступил* (*кому-л.*) и обозначающей человека, который „совсем лишен музыкального слуха“ (Фразеологический словарь русского языка 2006). Предполагается, что большое животное обладает силой и неуязвимостью. Именно эти признаки лежат в основе выражений *слон и моська; а моська, знать она сильна, что лает на слона; что слону дробина*. Два первых оборота восходят к басне И. А. Крылова «Слон и Моська» и построены на противопоставлении большого, сильного, уверенного в себе, спокойного животного и маленькой, агрессивной, но не имеющей никаких шансов одержать верх собачонки, и употребляется для характеристики противников, находящихся в «разных весовых категориях». Во внутренней форме идиомы *что слону дробина* профилируется признак неуязвимости слона, связанный с его размерами и особенностями строения. Используя выражение *что слону дробина*, мы обозначаем, что „чего-либо совершенно недостаточно, чтобы произвести какой-либо ощутимый эффект, оказать какое-либо существенное воздействие“: *Протестов хватало и на трибунах. Некоторые болельщики, недовольные периодом правления Моуриньо, выставили язвительные баннеры. «Письменные обращения» были подкреплены громкими ругательствами. Однако Жозе подобные выпады – что слону дробина. Привык уже.* (Советский спорт).

Интересна идиома *раздача слонов*, употребляющаяся в современном русском языке в двух противоположных значениях. *Раздачей слонов*, с одной стороны, называют „вручение подарков, призов, премирование, награждение“, а с другой – „наказание (получение выговора, разноса, нагоняя)“, ср. два контекста: *В марте тает снег, активизируются сумасшедшие, а творческих людей тянет на раздачу премий. Только-только театральная*

тусовка распихала по карманом «Золотые маски», и казалось, что следующим уже станет «Оскар». Ан нет, тут как тут подвалила еще одна российская **раздача слонов**. Правда, на этот раз более скромная: 14 марта в арт-клубе «Ностальжи» состоится вручение ежегодной джазовой премии «ДжазУхо». (Московский комсомолец); Только в Подмоскovie было снято с должностей пять начальников городских УВД, а двенадцать ответственных работников главка на сей раз отделались дисциплинарными взысканиями. Но наряду с **«раздачей слонов»** было одно назначение, положительно воспринятое во внутренних войсках. (Московский комсомолец). Выражение имеет книжное происхождение, встречается в фельетоне М. Зощенко «Всюду жизнь» (1928), где говорится о «дармовой раздаче слонов», и в 6-ой главе «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова, где на «извлеченной» Остапом Бендером афише в перечне различных развлечений и чудес обещается «материализация духов и раздача слонов».

Экзотическое происхождение слона отражено во внутренней форме выражений *Россия – родина слонов* и *родина слонов*, возникших на основе анекдота времен советской власти, в котором высмеивались необоснованные претензии Советского Союза на первенство во всех областях деятельности (см. эпиграф к настоящей статье). В современном употреблении *родина слонов* может обозначать как Советский Союз, Россию, так и любую другую „страну, организацию, незаслуженно приписывающую себе лидирующее положение, достижения и заслуги в какой-либо сфере“: *Поэтому действовать придется решительно, но осторожно, вводя свои новшества, понятные и принимаемые населением, но не забывая оглядываться на опыт других стран. Зачем изобретать велосипед, когда он давно выпускается в разных модификациях и неплохо себя зарекомендовал. Если наша страна действительно встает на путь, ведущий к цивилизации и процветанию, она наконец должна перестать быть вечной «родиной слонов».* (Российские вести); *Открытие, впрочем, уже сделано раньше, в Америке, современной «родине слонов», и состоит в том, что детей надо сизмальства вводить в курс интимных отношений между взрослыми дядями и тетями, чтобы загодя избежать нежелательных последствий.* (Литературная газета).

Видно, что внутренняя форма большинства русских идиом с компонентом *слон* основана на признаке „большой размер“. Эта основная характеристика слона, «отобранная» русской фразеологией, имеет интересные следствия. В современном молодежном сленге выражение *как слон* встречается в различных контекстах, характеризующих разные стороны человека – его физические и психические действия и состояния. Приведем некоторые примеры, взятые из русскоязычной части Интернета – речевого общения в форумах, чатах, блогах: *И теперь он довольный и веселый, как слон; Потом позвонила большому Николаю, он, спокойный и грустный, как слон, не захотел со мной общаться - плохо ему...; «Ты, наверное, умная как слон. С такими-то образованиями!; Занимаюсь творчеством, dj на радио! Веселая, порядочная и добрая, как слон!; Пришел солдат с войны к себе в деревню, ну и, понятно, врет, как слон; Предлагаешь молчать, как слон? Журналисты - не политики и не юристы, наше дело - освещать события, а не исправлять подлые «ошибки» юристов и власти; Вот и я боюсь размякнуть..., меня вообще нельзя жалеть – начинаю реветь как слон; Я хоть и большая, но жутко трусливая, как слон; Сегодня я полдня проходила злая как слон! Пришлось изменить расписание работы, теперь кроме дома и работы я ничего не буду*

видеть!; Я, может быть, идиотка и **тупая как слон**, но я так и не поняла - что такого было в этих разговорах?; Приезжай, звони!!! Давай быстро, без паники!!! Я **свободен как слон!**; И девушки на мне уже не виснут гроздьями. **Один, как слон**, слоняюсь вечерами поздними...; О, у нас тоже жара, и я **пыю как слон!**; Наверно, надо не только обедать, но и ужинать в офисе. А то прихожу вечером с работы, **голодная как слон** и наедаюсь на ночь глядя; Так вот прошло уже три дня, а он никак не может у меня остаться, дела у него допоздна, потом **спит как слон**; Во-первых, в этом году я впервые в жизни по-настоящему втюрился, без всяких понтов **влюбился как слон**, и чем больше думаю над всем этим, тем больше понимаю - да, так и было. Но это позади; Я, собственно, **здорова как слон**. Это у меня друзья просто болезные...; Шурка **живучий как слон!!!**; Стал заниматься бизнесом (производство и коммерция), вполне удачно и мощно. **Работал как слон и пил как слон**. Это сделало свое дело; Когда там уже наступят майские праздники..., не хочу работать - **устала как слон**, нет, как **стадо слонов...**, завтра опять на работу...; Левка вообще все стал делать наперекор, говоришь ему „нельзя“ - тут же идет и делает, **упрямый как слон**; Сначала встретила с одним молодым человеком, **хитрый, как слон**, но зато очень «любезный»...

В приведенных примерах сравнительный оборот *как слон* выполняет усилительную функцию, обозначая высокую степень проявления признака или осуществления действия – „очень довольный“, „очень спокойный“, „очень грустный“ и т.п. Известно, что конструкция «как + типичный обладатель признака» является одним из распространенных способов выражения значения усиления в русском языке или, по терминологии теории Смысл↔Текст, лексической функции Magn (Убин 1995; Иорданская – Мельчук 2007). В роли «типичного обладателя признака» часто выступают наименования животных, при этом в русской идиоматике за каждым животным обычно закреплен один (реже несколько) признаков, хотя встречаются случаи, когда один признак приписывается нескольким животным: *врать/брехать как сивый мерин*; *молчать как рыба [об лёд]*, *нем/молчалив как рыба*; *реветь/выть как белуга/белугой*; *тихо какмышь/мышка*; *тащиться... как уж по стекловате*; [*драться/сражаться...*] *как лев*; *труслив как заяц*; *злой как волк/собака*; *глупый как баран*; *вольный/свободный как птица*; *один как сыч*; *пить как лошадь*; *как свинья напиться/пьян...*; *голоден как волк/собака*; *спать как сурок*; *влюбиться/втюриться как кошка (в кого-л.)*; *здоров/здоровый как бык/лошадь*; *живуч/живучий как кошка*; *работать... как вол/ишак/лошадь/пчелка*; *устать как собака*; *упрямый как осёл*; *замёрзнуть/промокнуть/дрожать как цуцик*; *хитрый как лиса*; *сильный как лев*. Как видно из вышеприведенных контекстов употребления оборота *как слон* в современном молодежном сленге *слон* способен заменить любое из животных в устойчивых сравнительных оборотах, становясь «типичным обладателем любого признака», и тем самым конструкция *как слон* может рассматриваться как новый универсальный интенсификатор русского языка, формирующийся на наших глазах. Именно большой размер *слона* позволяет ему превратиться в Magn, как пишет исследователь, «большой размер выделяется на общем фоне, бросается в глаза, т.е. в конечном счете действует на человека. Отсюда значительная группа Magn'ов от прилагательных большого размера: *гигантский, исполинский, колоссальный* и т.п.» (Кустова 2011, с. 261).

3. Английский слон (фразеологизмы английского языка с компонентом *elephant*)

Дефиниции слова *elephant* в толковых словарях английского и американского английского языков в основном совпадают с русскими толкованиями слова *слон*. (Oxford Advanced Learner's Dictionary 2010; English Oxford Living Dictionaries 2019; Cambridge Dictionary 2019; Collins Dictionary 2019; Merriam-Webster Dictionary 2019).

Слон (*elephant*) описывается как очень большое („a very large“, „extremely large“), самое большое из ныне живущих животное (the „largest living land animal“). Указывается на особенности внешнего вида слона – наличие хобота („a trunk“), бивней („tusks“) и толстой кожи („thick grey skin“), говорится о происхождении и среде обитания („There are two types of elephant, the African and the Asian“; „native to Africa and southern Asia“; „tropical Africa“; „south-eastern Asia“; „Elephants live in India and Africa“) У слова *elephant* выделяется и переносное значение „one that is uncommonly large or hard to manage“. Тем не менее, отметим несколько любопытных отличий английских толкований от русских. Так, в Оксфордских словарях и словаре Вебстера содержится указание на большие уши слона („large ears“), в словаре Вебстера на основании размера ушей проводится различие между Африканским („large-eared mammal“) и Индийским („a relatively small-eared mammal“) слонами. В Кембриджском и Коллинзовском словарях описывается функция слоновьего хобота („to pick up things“). Также почти во всех дефинициях приводится объяснение того, что хобот – это длинный нос, а бивни – зубы. Ни в одном из известных нам толковых словарей русского языка эти признаки *слона* не нашли отражения. Сами английские толкования в разных словарях так же отличаются друг от друга по набору признаков, и только признак большого размера присутствует во всех определениях слова *elephant*.

Естественно, что и английская фразеология не могла «не приметить слона», вернее, его огромный размер. Так, образ, лежащий в основе выражений *the elephant in the room*; *the elephant in the corner* (букв. «слон в комнате»; «слон в углу»), построен на противопоставлении большого животного и не свойственного ему места, в котором оно очутилось. При помощи этих фразеологизмов обозначается „серьезная проблема, о которой все осведомлены, но которую не замечают, предпочитая не упоминать ее“ („a serious problem that everyone is aware of but which they ignore and choose not to mention“): *The growing budget deficit is the elephant in the room that nobody wants to talk about* (Oxford Idioms Dictionary for learners of English 2010). Приведем еще несколько контекстов, иллюстрирующих употребление рассматриваемого выражения: *It's an OK article, but Rodriguez ignores the elephant in the room when discussing Kasparov's political fortunes in Russia: he's Jewish; But the Iraq issue was the elephant in the room, the issue that the two leaders could not ignore; It's time for both sides to acknowledge the elephant in the room: we are exporting America's quality of life*⁴.

Английская идиома *the elephant in the room* частично совпадает по внутренней форме и значению с русским выражением *слона-то я и не приметил*: в обеих идиомах большой слон переосмысливается как нечто важное, главное, серьезное, что нельзя не заметить,

⁴ Примеры извлечены из (English Oxford Living Dictionaries 2019).

на что невозможно не обратить внимание. Но следствия из этой образной ситуации, отразившиеся в актуальном значении фразеологизмов, в русском и английском языке различаются: если в русском языке слон все-таки оказался не замечен, и произошло это не намеренно, то в английском языке образ устроен сложнее – слона «как бы» не замечают и делают это специально, т.е. на самом деле замечают, но делают вид, что его нет. Соответственно, русское выражение характеризует невнимательного, рассеянного или недалекого человека, а при помощи английского фразеологизма описывается поведение, наиболее точно определяемое русской идиомой *страусиная политика*.

Также английское выражение *the elephant in the room* и русская идиома [как] слон в посудной лавке имеют схожую модель внутренней формы – «большое животное в не свойственном ему месте», но в актуальном значении фразеологизмов получают выражение разные признаки, профилирующиеся в исходных образах. Для русского языка оказывается важным, в каком именно месте очутился слон: контраст между хрупкими и бьющимися предметами, находящимися в посудной лавке, и большими размерами слона переосмысливается как неуклюжесть, неловкость. В английском же языке непривычное место нахождения животного призвано подчеркнуть заметность, ощутимость его присутствия, что находит отражение в части актуального значения идиомы „серьезная проблема, о которой все осведомлены“ („a serious problem that everyone is aware“). Интересно, что в словаре «A Dictionary of Confusable Phrases» (Dolgoplov 2010) в качестве похожих английских выражений, представляющих затруднения и могущих вызвать путаницу, приводится пара *like a bull in a china shop • like an elephant in the room*. По всей видимости, именно одинаковая модель внутренней формы, лежащая в основе этих выражений, послужила причиной их включения в названный словарь.

Особенности строения слона – его толстая кожа – находит отражение во внутренней форме выражения *have the hide of an elephant/rhinoceros* (букв. «иметь шкуру как у слона/носорога»), которое используется для обозначения человека, которого „очень трудно обидеть, потому что его не волнует, что о нем говорят люди“ („to be very difficult to upset because you do not care what people say about you“) (Macmillan Dictionary 2009–2019). В русском языке прилагательное *толстокожий* имеет переносное значение „не способный к тонкому восприятию, грубый, неотзывчивый“ (Ожегов – Шведова 1992) и часто употребляется с компаративом *как слон*. Видно, что одна образная основа имеет разные семантические следствия в русском и английском языках. Отметим, что представление о «непробиваемости» слона восходит к греческим и латинским выражениям (Михельсон 1912).

Представление о слоне как о редком и экзотическом животном лежит в основе идиомы *to see the elephant* (букв. «видеть слона»), которая имеет значение „повидать мир, приобрести жизненный опыт“ („see the world; get experience of life.“): *These men have all seen the elephant and represent a typical cross-section of the...staff in general.* (The Oxford Dictionary of Idioms 2004). В русской идиоматике сходной семантикой обладает фразеологизм *видать виды* в 1-м значении „иметь большой жизненный опыт, приобретенный в результате частого решения различных сложных проблем, задач и т.п., что осмысливается как знание, полученное в процессе длительного зрительного наблюдения разнообразных ситуаций“.⁵

⁵ Толкование из «Академического словаря русской фразеологии» (Баранов – Вознесенская – Добровольский и др.

Выражение *to see the elephant* пришло из американского варианта английского языка. Считается, что оно широко употреблялось в США в середине XIX века во время Гражданской войны и Золотой лихорадки. Во время Вьетнамской войны идиома *to see the elephant* обозначала солдата, „уже участвовавшего в сражениях, имевшего опыт боевых действий“: *A man who has been there and done that, who has seen the face of the man he kills; he is described as having „seen the elephant“.* (Michael Caufield. *The Vietnam Years*) (Tom Dalzell 2014). В *The Oxford English Dictionary* у выражения *to see the elephant* выделяется еще одно значение – „осматривать достопримечательности большого города“ („to see <...> the sights (as of a large city)“). То же значение в английском языке имеет и другой фразеологизм *to see the lions* (букв. «видеть львов»), где в качестве редкого, экзотического животного выступает лев. Отмечается, что раньше *to have seen the lions* часто значило „иметь большой жизненный опыт“ („In early use often meant to have had experience of life“) Происхождение выражения отсылает к истории Лондона, когда в Тауэре размещался один из старейших в мире зверинцев, где содержались, в том числе, и львы. (*The Oxford English Dictionary* 1989). В основе рассматриваемых выражений (*to see the elephant, to see the lions*) лежит одна внутренняя форма «видеть редкое, экзотическое животное», метафорически переосмысляемая как „увидеть нечто, заслуживающее внимания, осматривать достопримечательности“.

Идиома *a white elephant* (букв. «белый слон») представлена во всех словарях британского английского и американского варианта английского языка: многотомных и карманных, толковых и фразеологических, рассчитанных как на носителя английского языка, так и на иностранцев, см., например: (*The Oxford English Dictionary* 1989; *Webster’s Third New International Dictionary* 1986; *Collins COBUILD Idioms Dictionary* 2011; *Oxford Idioms Dictionary for learners of English* 2010; *Spears* 1998; *Longman Pocket Idioms Dictionary* 2001)⁶. Выражение чрезвычайно интересно и с точки зрения образа, лежащего в его основе, и теми смыслами, которые оно выражает. Рассмотрим его подробнее.

Образная основа фразеологизма *a white elephant* отсылает к истории, культуре и легендам государства Сиам. Белый слон-альбинос считался в древнем Сиаме священным животным и был символом королевской власти. На флаге государства (который так и назывался «*The White Elephant Flag*» (букв. «Флаг Белый слон») изображен белый слон на красном фоне. Обладание белым слоном было почетным и показывало высокое положение и богатство его владельца. Так как белые слоны были сакральными животными, их нельзя было использовать как рабочую силу. Поэтому если правитель Сиамы дарил кому-нибудь из своих подданных белого слона, это было одновременно и благословением, и проклятием для получателя. С одной стороны, он был отмечен высшей, королевской милостью, а с другой, ему приходилось тратить огромные средства на содержание «подарка», часто новый владелец разорялся, не в силах содержать священного белого слона. Существует легенда, что таким изощренным способом (даря белого слона) правитель Сиамы наказывал неугодных ему подданных. Считается, что легенда стала известна в Англии в XVII веке, а в XIX

2015, с. 98). Курсивом в толковании выделена экспликация внутренней формы.

⁶ Естественно, что говоря о «всех» словарях, мы имеем в виду только те, которые находились в нашем распоряжении.

веке выражение *a white elephant* начало употребляться в переносном смысле, обозначая „ненужную, бесполезную вещь“ (Ammer 2013, с. 495).

Яркая образная ситуация, к которой отсылает внутренняя форма выражения *a white elephant*, имеет своим следствием то, что в современном английском языке рассматриваемая идиома имеет несколько значений, в каждом из которых профилируются определенные признаки исходного образа:

1. „бесполезная, ненужная владельцу вещь, которая, тем не менее, может стоить денег и представлять интерес для других“: *Grandma’s ornate silver is a white elephant; no one wants it but it’s too valuable to discard.*
2. „что-либо, редкое и/или имеющее ценность, но обходящееся слишком дорого (в содержании, обслуживании и т.п.)“: *The cottage at the lake had become a real white elephant – too run down to sell, yet costly to keep up.*
3. „какой либо план, проект, предприятие, осуществление которого потребовало больших вложений, а результат не оправдал ожиданий и потраченных средств“: *The pavilion has become a £14 million steel and glass white elephant.*⁷

На базе первого значения выражения *a white elephant* в английском языке образуются устойчивые сочетания *white elephant stall* (букв. «прилавок белого слона»); *white elephant sale* (букв. «распродажа белого слона»). Так называются распродажи ненужных вещей, устраиваемые или самими владельцами в своих домах или дворах, или благотворительными организациями на различных мероприятиях в целях сбора средств: *I gave that horrible vase to the white-elephant stall at the charity fair, and Mrs Granger actually bought it.*⁸

Отметим, что в русском языке словосочетание *белый слон* не является идиомой и не имеет никаких отрицательных коннотаций. Например, в России существует кинопремия «Белый слон», вручаемая Гильдией киноведов и кинокритиков России. Вот как сами учредители в шуточной форме рассказывают об истории названия премии: «Слон – священное критическое животное, исторически являющееся официальным символом Гильдии. Согласно мифу, Слон вытаптывает антихудожественные побеги, а также поливает и удобряет побеги художественные. У него зоркие глаза и чуткие уши, обеспечивающие оптимальное качество рецепции аудиовизуальных произведений. Любимое занятие кинокритиков – слоняться с фильма на фильм. Археологами найден первый в мире фильм, запечатлевший на скале в Андах 476 фаз слоньего бега, и если промчаться вдоль этих наскальных рисунков со скоростью 24 кадра в секунду, то они сольются в движущееся изображение.» (Кинопресса. Сайт гильдии киноведов и кинокритиков).

Если белые слоны хоть редко, но встречаются в природе, то розовые слоны точно не существуют, но... присутствуют в английской фразеологии. Идиома *to see pink elephants* (букв. «видеть розовых слонов») имеет значение „видеть галлюцинации, вызванные тяжелым алкогольным опьянением или приемом наркотиков“: *If you were seeing pink elephants, it would be serious; It’ll take more than a few shots of Wild Turkey before you start seeing*

⁷ Примеры, иллюстрирующее употребление идиомы в 1 и 2 значениях из (Ammer 2013, с. 495); в 3 значении из (Collins Dictionary. Collins, 2019).

⁸ Иллюстративный пример из (Longman Pocket Idioms Dictionary, 2001).

pink elephants; *Because they were out for the night, the students were living it up and then getting drunk enough to see pink elephants and the like.*⁹ В русском языке близкое значение у идиомы (допить/напиться) до [зеленых] чертей. Как видно, и в той и в другой идиоме внутренняя форма содержит указание на несуществующих в реальности слонов розового цвета и зеленых чертей, способность видеть которых переосмысливается как галлюцинации.

Этим связь английского слона с вредными привычками не исчерпывается. В онлайн-словаре англоязычного сленга (Urban Dictionary 1999-2019) отмечаются разнообразные разговорные значения выражения *pink elephants*. Например, таблетки экстази на сленге называются *pink elephants*. Приводится объяснение этого употребления – сами таблетки розового цвета, и на них изображен слон. В этом же значении используется и просто слово *elephant*. Помимо таблеток экстази *elephant* на уличном жаргоне может обозначать и другое наркотическое вещество – марихуану. Также в сленге употребляется выражение *elephant(,s) trunk*, которое имеет значение „пьяный“, основанное на ритмическом созвучии слов *trunk* («хобот») и *drunk* («пьяный») (Ayto; Simpson, 1992, p. 64).

И последнее, на чем мы остановимся – это хорошая память «английского слона». Сравнительный оборот *to have a memory like an elephant* имеет значение „иметь хорошую память“ („to be very good at remembering things“):

I remember where I first saw her – it was at Tim Fisher’s party about ten years ago.

Yes, you’re right – you’ve got a memory like an elephant!’ (Cambridge International Dictionary of Idioms 2002, с. 451).¹⁰

4. Вместо заключения: русский слон vs. english elephant

Подведем некоторые итоги. Мы рассмотрели фразеологизмы русского и английского языков, в состав которых входит зоонимный компонент *слон/elephant*. Были выявлены признаки этого животного, зафиксированные во внутренней форме рассматриваемых фразеологизмов. Русская фразеология фокусируется на больших размерах слона и связанных с ним признаках неуклюжести, тяжести, спокойствия и неуязвимости (*делать из мухи слона; слона-то я и не приметил; [как] слон в посудной лавке; слон и моська; а моська, знать она сильна, что лает на слона; что слону дробина; слон на ухо наступил (кому-л.)*), отмечается и иноземное происхождение слона (*Россия – родина слонов; родина слонов*). В английской фразеологии представлено большее количество признаков: это и уже упомянутые большой размер (*the elephant in the room; the elephant in the corner*), толстая кожа (*have the hide of an elephant/rhinoceros*), редкость, экзотичность (*to see the elephant; a white elephant*), а также хорошая память (*to have a memory like an elephant*) и цветовые характеристики (*a white elephant; to see pink elephants*). Видно, что некоторые из этих признаков являются общими для двух языков и совпадают с признаками, фиксируемыми в словарных дефинициях слова *слон*. Другие же являются произвольными и специфичными для каждого из языков.

⁹ Иллюстративные примеры из (English Oxford Living Dictionaries, 2019).

¹⁰ Вспомним роман Агаты Кристи, озаглавленный «Elephants Can Remember» (в русском переводе «Слоны помнят долго»).

Если сравнивать проанализированные русские и английские фразеологизмы по шкале тождество – неполное тождество – различие¹¹ их образных основ, компонентного состава и актуального значения, то можно сказать следующее. Полных эквивалентов, т.е. единиц, имеющих одинаковые образную составляющую, лексико-синтаксический состав и актуальное значение, среди русских и английских фразеологизмов с компонентом *слон/elephant* не выявлено. Так же рассмотренные идиомы не обнаруживают полного тождества при отдельном сопоставлении их образных основ, компонентного состава и значений. Можно говорить только о неполном тождестве внутренней формы выражений [*как*] *слон в посудной лавке* и *the elephant in the room; the elephant in the corner*, сходство между которыми основывается на одной модели внутренней формы «большое животное в не свойственном ему месте». Частичное сходство внутренней формы и значений наблюдается у идиом *слон-то я и не заметил* и *the elephant in the room; the elephant in the corner; толстокожий [как слон]* и *have the hide of an elephant/rhinoceros*. Во всех остальных случаях русские и английские идиомы с компонентом *слон/elephant* демонстрируют различия как в образных ситуациях, лежащих в их основе, так и в актуальных значениях, полученных в результате метафорических переинтерпретаций исходных образов.

Несмотря на отмеченные выше различия, в проанализированных идиомах и русского и английского языков прослеживается некоторый общий принцип семантического соотношения между компонентами внутренней формы. Слоны осмысляются через принцип «парадоксального контраста»: это и противопоставление по размеру (*делать из мухи слона; слон и моська; а моська, знать она сильна, что лает на слона*), и контраст между слоном и не свойственным ему местом обитания (*[как] слон в посудной лавке* и *the elephant in the room; the elephant in the corner; Россия – родина слонов; родина слонов*), и использование «неправильного» оружия (*что слону дробина*), и приписывание слону несуществующей окраски (*to see pink elephants*).

Хотя количество рассмотренных русских и английских идиом с компонентом *слон/elephant* невелико – не больше 10 единиц в каждом из языков, *слон/elephant* характеризуется высокой фразеологической активностью, о чем свидетельствует появление и употребление новых выражений с этим компонентом в разговорной речи и сленге. Во внутренней форме этих новых выражений отражаются и получают дальнейшее развитие признаки *слона*, зафиксированные в «старых» словарных идиомах (использование сравнительного оборота *как слон* в функции *Magp* в русском языке; обозначение различных наркотических веществ при помощи выражения *pink elephants* в английском).

В заключение отметим, что многие из проанализированных фразеологизмов имеют литературное происхождение, также их образная основа и история появления связана с различными легендами и историческими событиями. Таким образом, проведенное исследование русских и английских фразеологизмов с компонентом *слон/elephant* позволило выявить интересную языковую, страноведческую и культурологическую информацию, характеризующую особенности восприятия мира говорящими на русском и английском языках.

¹¹ «Тождество, неполное тождество и различие» – три основных вида отношений, которые обнаруживаются при межъязыковых сопоставлениях (Райхштайн 1980, с. 24).

Литература

- Апресян, Ю. Д.: Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) In Апресян Ю. Д.: *Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995, с. 156–177.
- Вардзелашвили, Ж. А.: *Метафорическая картина мира в русском языке*. Дисс. ... докт. филол. наук:10.02.03. Тбилиси, 2002.
- Вознесенская, М. М.: Слоны в русской фразеологии. *Русская речь* 2011 №2, с. 117–123.
- Иорданская, Л. Н. – Мельчук, И. А.: *Смысл и сочетаемость в словаре*. Москва: Языки славянских культур, 2007.
- Кустова, Г. И.: Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN’ы-прилагательные. In *Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна*. Москва: Языки славянских культур, 2011, с. 256–267.
- Райхштейн, А. Д.: *Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии*. Москва: «Высшая школа», 1980.
- Lakoff, G. – Turner, M.: *More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor*. The University of Chicago Press, 1989.

Словари

- Баранов, А. Н. – Вознесенская, М. М. – Добровольский, Д. О. – Киселева, К. Л. – Козеренко, А. Д.: *Академический словарь русской фразеологии*. 2-е изд., испр. и доп., Москва: ЛЕКСПУС, 2015.
- Баранов, А. Н. – Вознесенская, М. М. – Добровольский, Д. О. – Киселева, К. Л. – Козеренко, А. Д.: *Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты*. 2-е изд., испр. и доп., Москва: «ЛЕКСПУС», 2018.
- Даль, В.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва, 1955.
- Кинопресса. Сайт гильдии киноведов и кинокритиков. <http://kinopressa.ru/> (доступно на 28.01.2019).
- Михельсон, М. И.: *Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии*. Санкт-Петербург, 1912.
- Ожегов, С. И. – Шведова, Н. Ю.: *Толковый словарь русского языка*. Российская АН Институт русского языка. Москва: Азъ LTD., 1992.
- Словарь Академии Российской (1789–1794)*. Том пятый. Москва: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2005.
- Словарь русского языка в четырех томах*. Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1981–1984.
- Толковый словарь русского языка*. Под редакцией Д. Н. Ушакова. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва, 1935–1940.
- Убин, И. И.: *Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков*. Москва, 1995.
- Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А. И. Молоткова. Москва: АСТ: Астрель, 2006.

- Ammer, Ch.: *The American Heritage Dictionary of Idioms: American English Idiomatic Expressions & Phrases*. Second Edition. Houghton Mifflin, Boston, New-York, 2013.
- Ayto, J. – Simpson, J.: *The Oxford Dictionary of Modern Slang*. Oxford university Press: Oxford, New York, 1992.
- Cambridge Dictionary*. Cambridge University Press, 2019 <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (доступно на 28.01.2019)
- Cambridge International Dictionary of Idioms*. Cambridge University Press, 2002.
- Collins COBUILD Idioms Dictionary*. HarperCollins Publishers, 2011.
- Collins Dictionary*. Collins, 2019 <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (доступно на 28.01.2019).
- Dalzell, Tom: *Vietnam War Slang: A Dictionary on Historical Principles*. Routledge, 2014.
- Dolgoplov, Yuri: *A Dictionary of Confusable Phrases. More Than 10,000 Idioms and Collocations*. McFarland & Company, Inc., Publishers, 2010.
- English Oxford Living Dictionaries*. Oxford University Press, 2019 <https://en.oxforddictionaries.com/> (доступно на 28.01.2019).
- Longman Pocket Idioms Dictionary*. Pearson Education Limited, 2001.
- Macmillan Dictionary*. Springer Nature Limited, 2009–2019. <https://www.macmillandictionary.com/> (доступно на 28.01.2019).
- Merriam-Webster Dictionary*. Merriam-Webster, Incorporated, 2019. <https://www.merriam-webster.com/> (доступно на 28.01.2019).
- Oxford Advanced Learner's Dictionary*. 8th edition. Oxford University Press, 2010.
- Oxford Dictionary of English Idioms*. 3 ed. Edited by John Ayto. Oxford University Press, 2009.
- Oxford Idioms Dictionary for learners of English*. Second edition. Oxford University Press, 2010.
- Spears, R. A.: *NTC's Thematic Dictionary of American Idioms*. NTC Publishing Group, 1998.
- The Oxford Dictionary of English Proverbs*. Third Edition. Oxford, 1970.
- The Oxford Dictionary of Idioms*. Edited by Judith Siefring. Second edition. Oxford University Press, 2004.
- The Oxford English Dictionary*. Second edition. Volumes V, VIII Clarendon PRESS. Oxford, 1989.
- Urban Dictionary*. 1999-2019 <https://www.urbandictionary.com/> (доступно на 28.01.2019).
- Webster's Third New International Dictionary*. Merriam-Webstr Inc., 1986.

Украинский фразеологизм в русском тексте (коммуникативно-прагматические особенности)

Ukrainian phrasemes in Russian texts (communicative and pragmatic features)

Ирина Кошман

Abstract:

The article discusses the functional features of phraseological Ukrainianisms in Russian-language commentaries to online mass media texts available in the Ukrainian part of the World Wide Web (Internet). It describes the use of phraseological Ukrainianisms in different communicative models of Internet commentaries. Specific examples show the role of phraseological Ukrainianisms in the achievement of such communicative and pragmatic properties as 'laconism', 'expressivity', 'devirtualization of language personality', and 'identification of insiders'.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования украинизмов-фразеологизмов в текстах комментариев на русском языке к массмедийным интернет-текстам, выложенным в украинском сегменте интернета. Описывается употребление украинизмов-фразеологизмов в различных коммуникативных моделях интернет-комментариев. На конкретных примерах показывается роль украинизмов-фразеологизмов в реализации таких коммуникативно-прагматических показателей, как 'лаканизм', 'экспрессивность', 'развиртуализация языковой личности' и 'маркирование своего'.

Key words: phraseme, Ukrainianism, online commentary, online text, communication, cross-linguistic interaction.

Ключевые слова: фразеологизм, украинизм, интернет-комментарий, интернет-текст, коммуникация, межъязыковое взаимодействие

Важной особенностью современной русской речи Украины является активное включение украинских элементов разных типов. Украинизмы используются для именования актуальных феноменов (*громада, заробітчанин, копанка, майдан*), исторических явлений (*гетьман, мазепинець, Руїна, самостійник*), культурных артефактов (*баранець, дідух, лялька-мотанка, писанка*), традиций (*зелені свята, маланка, святвечір, щедрування*), мифических существ (*вовкулак, мавка, мольфар, сіроманець*), обиходно-бытовых предметов (*галушка, гуля, капуста, хата*) и т. д. Как замечает У. Вайнрайх, «в то время как одноязычный

в пополнении своего словаря полагается на исконный лексический материал и на те заимствования, которые были переданы ему предшественниками, двуязычный индивид имеет в своем распоряжении как постоянно присутствующий источник лексических инноваций еще один язык» (Вайнрайх 1979, с. 98). Также украинизмы вводятся в тексты для достижения разнообразных экспрессивно-оценочных эффектов.

В перечне украинских элементов, которые входят в русские тексты, украинизмы-фразеологизмы представляют особый интерес. Это обусловливается прежде всего языковой природой фразеологизма как единицы воспроизводимой, семантически не элементарной, обладающей национально-специфическим колоритом.

Целью данного исследования является описание межъязыкового взаимодействия в русских текстах как специфической особенности русских текстов Украины новейшего времени. Материалом для исследования послужили комментарии на русском языке к массмедийным интернет-текстам, выложенным в украинском сегменте всемирной паутины.

Ценность интернет-текстов как материала, фиксирующего современные языковые тенденции, отмечалась неоднократно. М. Ю. Сидорова пишет о том, что «отражение в компьютерной коммуникации языковых явлений, существовавших и существующих до и помимо Интернета, – гораздо более объемно» (Сидорова 2006, с. 5). Т. Н. Колокольцева замечает, что коммуникация в интернете является самой подробной документальной фиксацией современного состояния языка и зеркалом основных тенденций его развития (Колокольцева 2012, с. 6).

Интернет-коммуникация преодолевает антиномию «устное / письменное». Н. Б. Мечковская отмечает, что собственно языковая черта коммуникативных жанров в интернете «состоит в поразительном гибриде двух стихий – письма и устной речи» (Мечковская 2016, с. 441). Г. Н. Трофимова считает, что в интернете возникает особый феномен – устно-письменная речь. «Начинает разрушаться само соотношение книжности с основой на письменной речи и разговорности, базирующейся на принципах речи устной. Границы форм речи становятся размытыми, в результате функционирования в Интернете появляется особый тип речи, суть которого точнее всего определяется как “письменно-устная” речь» (Трофимова 2011, с. 83).

Интернет-комментарий как жанр вполне коррелирует с указанными свойствами – в нем сложным образом соединяются тяготение к устной традиции (неподготовленность, синхронность, диалогичность, непрофессиональный адресант и отсутствие редакторской обработки) и особенности письменной речи (фиксированность, асинхронность и сохранность). Комментарии в интернете представляются вполне надежным источником, отражающим тенденции, присущие современной русской речи Украины.

Вслед за И. Г. Сидоровой, под интернет-комментарием понимается «текст, в котором вербально определяется коммуникативное действие личности, которая демонстрирует себя через открытую публикацию своего мнения/оценки» (Сидорова 2014, с. 161).

Разнонаправленность коммуникации как специфическое свойство в интернет-СМИ обуславливает выделение по признаку ‘коммуникативное намерение’ трех моделей интернет-комментариев: комментарий-реакция на интернет-текст, комментарий-реакция на комментарий интернет-комментатора и комментарий, реализующий потребность

языковой личности в коммуникации и не связанный с реакцией на интернет-текст или комментарий интернет-комментатора.

Украинизмы-фразеологизмы как единицы, обладающие определенным лингвистическим статусом, сложной семантикой и явной оценочностью, встречаются во всех коммуникативных моделях интернет-комментариев, т. е. используется для достижения различных коммуникативных целей:

1. Комментарий-реакция на интернет-текст:

VV: *Трое на одного, бить ногами лежачего, бросаться стульями, хватать за волосы и бить головой Дония о трибуну Рады – вот это «по-донецки». Банда «доиграется» <...> что у народа «терпець урветься»* (<http://korrespondent.net>)¹; **Злюка Кор:** *Что у сожителя в уме, то у дуры на языке. Обоє – рябоє* (<http://censor.net.ua>); **три– п'ятнадцять:** *тут ни смеяться ни плакать уже не хочется – та хай вам гець тупые придурки* (<http://censor.net.ua>); **Gala SS:** *Вот уж «точняк». «Не в бровь, а в глаз». Аж завидки беруть. Еснслово* (<http://defence-line.org>)²;

2. Комментарий-реакция на комментарий интернет-комментатора:

сидор сидоров: *Не вводите людей в оману, если не владеете вопросом* (<http://censor.net.ua>); **Богдан Подзізей:** *Ты опять за рыбу гроши –ты только <...> но нечего дельного предлагаешь* (<http://censor.net.ua>); **Лена Волконская:** *так что неправы те кто <...> маразматиком называет... Этот «маразматик» ворует деньги так шо гай шумить...* (<http://blogs.korrespondent.net>); **alexandrshamov:** *Та не говорите, байдиків б'ють* (<https://censor.net.ua>)³;

3. Комментарий, реализующий потребность языковой личности в коммуникации и не связанный с реакцией на интернет-текст или комментарий интернет-комментатора:

Джон Рембо: *Слепой траст и слепой же взгляд на проблемы армии! Хай йому грець!* (<http://censor.net.ua>); **marinamarinina:** *Зачем ждать какого-то там сезона? бравые хозяйственники укладывают асфальт сейчас, несмотря на снег. И это в Киеве. Так что «дороги ремонтируются и полным ходом» – тут ты 100% прав! Життя по-новому идет, аж гай шумить!* (<https://censor.net.ua>); **Lfor:** *Но, если вспомнить, что там где-то могилы моих предков <...> и, возможно, какие-то далекие родственники, то щем бере* (<http://defence-line.org>)⁴.

¹ Здесь и далее в тексте интернет-комментария сохраняется авторская орфография и пунктуация. В некоторых случаях допускается сокращение текста.

² Выделенные фразеологизмы фиксируются украинскими словарями: *завидки беруть (взяли)* (Грінченко 1958, т. 2, с. 16; Білодід, т. 3, с. 46; Ужченко 1998, с. 53); *обоє рябоє* (Олійник 1991, с. 114; Білоноженко 1993, с. 573; Ужченко 1998, с. 162); *терпець увірвався (урвався, пропав) / уривається* (Білодід, т. 10, с. 95; Олійник 1991, с. 174; Білоноженко 1993, с. 880; Ужченко 1998, с. 183); *хай (нехай) йому (їй, їм) грець* (Грінченко 1958, т. 1, с. 324; Білодід, т. 2, с. 164; Олійник 1991, с. 192; Білоноженко 1993, с. 197).

³ *Аж гай гуде (шумить)* (Білодід, т. 11, с. 562; Білоноженко 1993, с. 168; Ужченко 1998, с. 26); *байдики бити* (Білодід, т. 1, с. 89; Олійник 1991, с. 12; Білоноженко 1993, с. 23–24; Ужченко 1998, с. 8); *вводити (ввести) в оману* (Білодід, т. 1, с. 305; Олійник 1991, с. 20); *знов за рибу гроші* (Білодід, т. 8, с. 526; Олійник 1991, с. 64; Білоноженко 1993, с. 200).

⁴ *Щемить серце* (Олійник 1991, с. 203).

Анализ интернет-комментариев позволяет говорить о нескольких коммуникативно-прагматических задачах, решаемых включением фразеологизма-украинизма в русский текст:

I. 'Лаконизм'.

Для жанра интернет-комментария параметр 'лаконизм' является чрезвычайно значимым. Жанр предполагает небольшой объем, который, с одной стороны, регулируется конвенционально – редакциями интернет-СМИ, которые в окне интернет-комментария или указывают предельное количество символов, или автоматически ограничивают поле комментария. С другой стороны, объем жанра не безразличен самим интернет-комментаторам: как правило, длинные комментарии не одобряются в интернет-среде, осуждаются, используется даже специальный интернет-мем – «*многа букафф*».

Фразеологизм-украинизм, как любой фразеологизм, позволяет экономить речевые усилия – емко и коротко передавать сложные смыслы. Например:

а) **Гыг с Вами:** *Потом все удивляются и чухают потылицы, что Украина и украинцы – недолуги? Пока сами украинцы еще чухают потылицы, они уже гонят сюда свое «однозначное мнение»* (<http://censor.net.ua>)⁵.

В текст комментария украинизм-фразеологизм вводится дважды, при этом, что интересно, реализует разные значения многозначной единицы. В первом случае реализуется значение 'задумываться, не зная, что делать, как выйти из затруднительного положения', во-втором – 'ничего не делать, быть нерешительным' (Білоноженко 1993, с. 960). Очевидно, что оба значения являются не элементарными.

б) **BogusTruba:** *кому какое дело, что сказал этот продажный недоумок, по которому тоже веревка плачет у народа урвавсь терпець – он начал защищать себя сам* (<http://korrespondent.net>).

В этом случае фразеологизм имеет значение 'исчезла всякая возможность выдерживать что-либо, окончательно потеряны покой и душевное равновесие' (Білоноженко 1993, с. 880), которое также представляется сложным.

II. 'Экспрессивность'.

Указание на то, что фразеологизмы являются средством выражения субъективных значений, сформулировано в рамках традиционной фразеологии давно и является общеизвестным. В. А. Маслова подчеркивает, что «фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т. е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» (Маслова 2001, с. 81).

Экспрессивное насыщение интернет-комментариев является, прежде всего, результатом использования экспрессивно-маркированных фразеологизмов-украинизмов. Например:

⁵ Чухати / почухати потилицю (Олійник 1991, с. 201; Білодід, т. 7, с. 407; Білоноженко 1993, с. 960).

а) **Ольга Леон:** *Вот о немцах не будем... Не напали бы они – напал бы Сталин, обоє рябое* (<https://censor.net.ua>).

Словари фиксируют стилистическую окрашенность единицы *обоє рябое*, хотя стилистическая оценка в них различается: *неодобрительное* (Олійник 1991, с. 214) и *пренебрежительное* (Білоноженко 1993, с. 573; Ужченко 1998, с. 162). Общим в квалификации словарей является отнесение стилистического значения фразеологизма к отрицательному стилистическому спектру. Интересно, что русский аналог описываемому фразеологизму *два сапога пара* (Ужченко 1998, с. 162) оценивается словарями русских фразеологизмов либо как *нейтральное* (Молотков 1968, с. 407; Тихонов 2004, т. 1, с. 305), либо как *ироничное* (Федоров 2008, с. 593).

б) **Alland Y:** *очень просто, заказываешь соцопрос, и тебе нарисуют хоть черта лысого* (<https://censor.net>).

Фразеологизм *чорта лысого* словари оценивает как *вульгарное* (Білоноженко 1993, с. 573) или *ругательное* (Ужченко 2013, с. 528).

Кроме этого, экспрессивное насыщение комментариев осуществляется с помощью функционально маркированных единиц. Например:

а) **Karlson:** *Цирк на дроті. Насколько я помню, то американские оккупационные войска (по факту) базируются в Дойчляндии, а не наоборот* (<https://petrimazepa.com>).

б) **Michael:** *Торопится, сволочь, видно что-то почувал. Сподіваюся тим «щось» буде великий гаплик* (<https://defence-line.org>).

в) **IvanShebanov:** *А тут получается – эффекта как-то мало, образование в «дуні», а жмот как полководец победитель* (<http://korrespondent.net>).

Фразеологизмы такого типа включаются в словари, содержащие функционально ограниченные единицы. Выделенные фразеологизмы фиксирует словарь украинского жаргона – *гаплик* (Ставицька 2005, с. 102), *у дуні* (Ставицька 2005, с. 131) и *цирк на дроті* (Ставицька 2005, с. 360).

Однако не только экспрессивная или функциональная маркированность фразеологизма-украинизма способна повышать экспрессивный градус комментария. Особая выразительность возникает как следствие контакта языков, на языковом стыке: вкрапление фразеологизма-украинизма в русский текст всегда экспрессивно значимо. На стыке языков порождают тонкие стилистические смыслы – насмешка, неодобрение, ирония и под. Например:

Анатолій Лукин: *А выборы тышком нышком могут больше ему дать чем ненужные усилия, за которые ещё и санкций добавят* (<https://ua.censor.net.ua>); **странник:** *Это его спасло, вернее дало время на выждать: куди вітер подме. а насчёт 9 грамм история очень мутная* (<https://petrimazepa.com>); **LevLevin:** *Теперь вот уже три месяца бегаёт, как коньяка) То есть... кто-то с ней постоянно остается в квартире. То мамаша, то братья...* (<https://censor.net.ua>)⁶.

⁶ *Куди вітер віє (дме)* (Білодід, т. 1, с. 687; Білоноженко 1993, с. 132); *тышком нышком* (Олійник 1991, с. 202); *як коньяка* (Ужченко 2013, с. 275).

Важно отметить, что всех случаях «не-нейтральность» (В. Н. Телия) легко «прочитывается» интернет-коммуникантами. Выразительность же комментариев такого типа вполне органична в рамках публицистического дискурса, общая тональность которого традиционно определяется как соединение «стандарта и экспрессивности» (В. Г. Костомаров).

III. 'Развиртуализация языковой личности'

Виртуальность языковой личности – автора интернет-комментария – проявляется в использовании специального имени (ника), возможности конструировать личностные характеристики (пол, возраст, гражданство, социальные статусы и т. д.), использовать различные маски – политические, культурные, речевые и т. д. И. Г. Сидорова пишет, что «реальная личность в виртуальном дискурсе практически не ощутима: меняется характер общения, человек может использовать совершенно иной эмоционально-стилевой формат общения. Даже при предоставлении определенной информации о человеке (анкетные данные, необходимые при регистрации), нет полной достоверности в их истинности, так как зачастую наблюдается обратный процесс – сокрытие информации или презентация ложных данных» (Сидорова 2014, с. 163).

Таким образом, имеется явное противоречие между коммуникативными задачами жанра интернет-комментария (выражение собственного мнения) и практикой интернет-комментирования (скрыть реальную личность). Этот феномен требует пристального анализа.

Использование фразеологизмов-украинизмов позволяет рассмотреть некоторые реальные – не виртуальные – черты личности. Точнее, языковой личности на разных ее уровнях. На нулевом уровне (вербально-семантическом) – это билингв, личность, владеющая ресурсами русского и украинского языков. На когнитивном (тезаурусном) уровне – это личность, легко оперирующая, по словам Ю. Н. Караулова, бинарными ментальными структурами, организующими ее картину мира (Караулов 2006, с. 115). При этом следует учесть, что это сложная картина мира билингва, в которой соединяются / сосуществуют представления о мире, «овеществляемые разными языками».

Личность интернет-комментатора является лингвокреативной, реализующей в конкретных речевых актах выбор языковых средств одного из языков, в данном случае – выбор фразеологизма-украинизма. Очевидно, что в большинстве случаев фразеологизм-украинизм имеет русский аналог, т. е. выбор украинской единицы – это сознательное языковое действие личности, играющей на языковых гранях и стыках. Например:

а) **PeterSimonoff**: *Потому как, «распил» и «откат» это ноу-хау от киян, а «понаехало» – всегда будут **пасту задних*** (<http://zn.ua>).

Фразеологизму *пасту задніх* (Грінченко 1958, т. 3, с. 100; Білодід, т. 6, с. 90; Білоноженко 1993, с. 609) соответствует русский аналог *плестись в хвосте* (Олійник 1991, с. 125).

б) **Аватар**: *опять за рыбу гроши? Какое нам дело, кого закопали 80 лет назад...* (<https://petrimazepa.com>).

Согласно словарю, аналогом единицы *знов за рибу гроші* (Білодід, т. 8, с. 526; Білоноженко 1993, с. 200) является фразеологизм *опять двадцать пять* (Олійник 1991, с. 64).

Такой личностью также выбирается способ представления фразеологизма-украинизма: как показывают примеры, в большинстве случаев выбирается формат вкрапления (оригинальная языковая упаковка) или способ передачи украинского звучания средствами русской графики:

Евгений О.: *И абсолютным противником верхоглядства и конъюнктурности, которыми сегодняшнее информпространство насыщено по самі віниця (: А кому то (я не исключение) финальные песенки клоунов, за деньги спюющих на абсолютно любую тему, хоть патриотическую, хоть на корпоративе у денежного мешка московитского, «забылы паморокы» в свое время (<https://defence-line.org>)⁷.*

IV. 'Маркирование своего'

Как известно, одним из важных положений современной фразеологии является определение статуса фразеологических соединений как единиц, в которых концентрируется национально-специфический опыт. В. Н. Телия пишет о том, что «типичность образов, лежащих в основе значения фразеологизмов, а также включенность в них символов или эталонов миропонимания – это плод коллективного представления <...> лингвокультурной общности о некотором групповом опыте» (Телия 1996, с. 249).

Введение в комментарии украинизмов-фразеологизмов определенным образом очерчивает круг «своих» – коммуникантов, обладающих национально-специфическим знанием. Они способны расшифровать культурные смыслы, апелляции к традициям и представлениям украинцев. Например:

а) **Юрий Радухин:** *Если Яценюк собрался обслуживать интересы Ахметова, – который пока не определился, но официально играет сегодня всё ещё на стороне Януковича и «Семьи» – то Арсений будет «водити козу», и это очень скоро станет очевидно (<http://korrespondent.net>)⁸.*

В данном контексте фразеологизм имеет значение 'имитировать какую-то деятельность; ходить вокруг да около'. Однако в нем явно отражается культурный опыт украинцев и живой обряд, связанный с традицией празднования Маланки и Василя (Щедрий вечір, 13–14 января).

б) **ОлегК:** *Основная политическая сила любой страны – средний класс. До которого студенту, любой страны, извините, как до Киева раком (<https://petrimazera.com>).*

Культурный смысл фразеологизма в этом случае не сводится только к упоминанию украинского топонима. Языковой личности предлагается расшифровать зафиксированные в украинизме представления о пространстве, его преодолении и оценке.

⁷ *Забивати / забитипамороки* (Грінченко 1958, т. 3, с. 90; Білодід, т. 6, с. 36; Білоноженко 1993, с. 297); *по [самі] віниця* (Білоноженко 1993, с. 130).

⁸ *Козу водити* (Грінченко 1958, т. 2, с. 264).

Таким образом, русские интернет-тексты Украины новейшего времени свидетельствуют о том, что в картине мира языковой личности в ситуации межъязыкового взаимодействия, стыка языков и культур значительный фрагмент украинского национально-специфического знания закрепляется в ментальных сущностях, которые оязыковываются украинскими фразеологизмами – воспроизводимыми, передаваемыми из поколения в поколения феноменами. Украинские фразеологизмы в интернет-комментариях активны, полифункциональны, их прагматика многослойна и специфична. А это позволяет говорить о возникновении специфического языкового приема в русской речи Украины, что в свою очередь приводит к трансформации языковых норм.

Кроме того, употребление фразеологизмов-украинизмов – это обращение к своему коммуниканту – языковой личности, для которой является вполне органичным переход на русский / украинский язык в соответствующей коммуникативной ситуации и создание смысловых и стилистических эффектов на украинско-русских языковых стыках.

Literature

- Білодід, І. К. (за ред.): *Словник української мови: в 11-тт.* Київ: Наукова думка, 1970–1980.
- Білоноженко, В. М. (уклад.): *Фразеологічний словник української мови.* Київ: Наукова думка, 1993.
- Вайнрайх, У.: *Языковые контакты: состояние и проблемы исследования.* Киев: Вища школа, 1979.
- Грінченко, Б. (упор.): *Словарь української мови: в 4-тт.* Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1958.
- Караулов, Ю. Н.: *Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности.* Москва: КомКнига, 2006.
- Колокольцева, Т. Н.: Предисловие. In: Колокольцева, Т. Н. – Лутовинова, О. В. (науч. ред.): *Интернет-коммуникация как новая речевая формация.* Москва: Флинта: Наука, 2012.
- Маслова, В. А.: *Лингвокультурология.* Москва: Академия, 2001.
- Мечковская, Н. Б.: *История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета.* Москва: Флинта, 2016.
- Молотков, А. И. (ред.): *Фразеологический словарь русского языка.* Москва: Советская энциклопедия, 1968.
- Олійник, І. С. – Сидоренко, М. М.: *Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник.* Київ: Радянська школа, 1991.
- Сидорова, І. Г.: *Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, соціальна сеть, коментарий): дис. ... канд. філол. наук.* Волгоград, 2014.
- Сидорова, М. Ю.: *Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение.* Москва: 1989.ru, 2006.
- Ставицька, Л.: *Український жаргон: словник.* Київ: Критика, 2005.

- Телия, В. Н.: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Тихонов, А. Н. (ред.): *Фразеологический словарь современного русского языка: в 2 тт.* Москва: Флинта: Наука, 2004.
- Трофимова, Г. Н.: *Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты*. Москва: РУДН, 2011.
- Ужченко, В. Д. – Ужченко, Д. В.: *Фразеологічний словник східнословобанських і степових говірок Донбасу*. Луганськ: Видавництво ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2013.
- Ужченко, В. Д. – Ужченко, Д. В.: *Фразеологічний словник української мови*. Київ: Освіта, 1998.
- Фёдоров, А. И.: *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель: АСТ, 2008.

К проблеме славянского языкового взаимодействия

On Slavic language interaction

Е. К. Николаева

Abstract

The article is devoted to the problem of language interaction in Polish and East Slavic languages phraseology. Polish had a significant impact on the formation of the phraseology of the East Slavic languages of the late XVI - early XIX century, which led to the emergence of similar Polish-Ukrainian-Belarusian-Russian phraseological units. It is often very difficult to determine the donor language. In some cases, the idiom (or proverb) could migrate from one language to another, enriching itself with new elements (in terms of vocabulary or semantics) and returning to the donor language in a new capacity. In the search for the source of phraseology in the report the author proposes to consider the date of the earliest fixation of the unit, the extended context of its use, which may contain linguistic or ethnographic details that help to identify the donor language and the productivity of the structural and semantic model, as well as to take into account the possible bilingualism of the author who first used the phraseological unit.

Аннотация

Статья посвящена проблеме языкового взаимодействия в области фразеологии на материале польского и восточнославянских языков. Польский язык оказал значительное влияние на формирование фразеологического фонда восточнославянских языков конца XVI – начала XIX в., что привело к появлению сходных польско-украинско-белорусско-русских фразеологизмов. Определить язык-донор часто представляется весьма затруднительно. В ряде случаев фразеологизм мог мигрировать из одного языка в другой, обогащаясь новыми элементами (в области лексики или семантики) и в новом качестве возвращаться в язык источник. В поисках источника фразеологизма в докладе предлагается обращать внимание на дату наиболее ранней фиксации единицы, на расширенный контекст ее употребления, который может содержать языковые или этнографические детали, помогающие опознать язык-источник, на продуктивность структурно-семантической модели, а также учитывать возможный билингвизм автора, впервые употребившего фразеологизм.

Key words: loanword, phraseological unit, East Slavic languages, Polish language, linguistic affinity, etymology.

Ключевые слова: заимствование, фразеологизм, восточнославянские языки, польский язык, языковая близость, этимология.

I. Введение. Постановка проблемы

Специфической сложностью исследования заимствований внутри славянских языков является фактор их языковой близости, т.е. «малая выразительность признаков заимствования» по выражению Л. А. Булаховского (Булаховский 1951, с. 37). Известный венгерский исследователь польско-белорусско-украинско-русских языковых и культурных контактов древнего периода А. Золтан в сравнительно недавно вышедшей монографии отмечал, что сходство лексики (формирование общего лексического фонда) славянских языков обусловлено не только генетически, но в значительной же степени обязано активному культурному и языковому взаимодействию этих языков, которое прослеживается в истории всех славянских языков после распада праславянского единства. Так, в XV–XVII вв. чешский литературный язык оказал заметное влияние на формирование польского литературного языка, а во второй пол. XVII — нач. XVIII в. польский язык сыграл значительную роль в формировании словарного состава русского литературного языка. А русский литературный язык в XVIII–XIX вв., в свою очередь, стал источником многочисленных заимствований для новоболгарского и новосербского литературных языков (см. Булаховский 1951; Золтан 2014, с. 13).

Рассуждая о сложных взаимоотношениях славянских (точнее, польского и восточнославянских) языков, А. Золтан замечает, в частности, что многие полонизмы в русском языке XV–XVI вв. появились позже, чем в украинском и (или) белорусском языках (западнорусском языке) и, вероятнее всего, вошли в русский язык через их посредничество (см. Золтан 2014, с. 15). Не исключает значения украинского и белорусского как языков-посредников для польских заимствований в русском языке XVII в. и Л. А. Булаховский. Однако все исследователи крайне осторожны в выводах об источниках славянских заимствований. Это касается не только слов, но и устойчивых выражений, т.е. фразеологии в широком понимании этого термина, о чем и пойдет речь.

2. Анализ материала

Часть 2.1

В польском языке есть шуточный оборот *zarobił jak Zabłocki na mydle*, зафиксированный с 1696 г. (позднее, с середины XIX в., он стал чаще употребляться в форме *wyszedł jak Zabłocki na mydle*). Судя по фиксациям в фундаментальном собрании польских пословиц и поговорок „Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich” (далее – НКРР), этот оборот был широко известен. Возникли даже шуточные рифмованные пословицы, обыгрывающие „неудачный бизнес” Заблочкого: *Zarobił jak Zabłocki na mydle, Sworacki na bydle, Kurzeniewski na hucie, Rymsza na reducie; Zarobił jak Zabłocki na mydle, Konopacki na bydle, Niemojewski na gęsiach, a Odziemski na śledziach* (НКРР 3, s. 812). По структурно-семантической модели «заработал как кто-то на чем-то „ничего не заработал“» образовался целый ряд фразеологизмов *Zarobił jak Trentowski na jajach* (1874); *Wyszedł jak Tański na sieczce* (1894). Первичным, однако, был оборот о Заблочком, модель возникла значительно позже – во второй половине XIX века.

Ю. Кшижановский предположил, что оборот возник из различных анекдотов о За-

блоцком-купце, который решил обогатиться, торгуя мылом. По одной версии, чтобы не платить пошлину, он спрятал мыло, прикрепив его под судном. Естественно, мыло в воде «смылилось». По другой, судно дало течь, и мыло в воде растворилось (НКРР, 3, s. 812). По третьей, возы, на которых перевозилось мыло, перевернулись и весь товар упал в реку (Jurasz 1989, s. 144). В каждой из этих версий обыгрывается способность мыла растворяться в воде. Т. Юраш, предположил, что оборот мог возникнуть в период развития мануфактурного производства в Польше. Но проблема в том, что оборот в языке зафиксирован раньше (в XVII веке), чем возникло мануфактурное производство в Польше (XVIII веке) (Jurasz 1989, s.144).

Белоруссы считают этот оборот своим, и носители языка и сейчас предлагают собственные версии рождения этой поговорки (эти версии представлены в современных белорусских интернет-газетах).

Так, в Шумилинском районе жители деревни Заоболь до сих пор помнят пана Заблоцкого, который последним владел этими землями. Среди здешнего народа до сих пор живет поговорка: «Заработал, как Заблоцкий на мыле». Вот как они объясняют рождение этого фразеологизма:

— *«Этот пан был очень хитрый. Как-то он узнал, что в Риге нет мыла. Ну вот, закупил он его здесь несколько ящиков и, чтобы сэкономить, приказал мужикам погрузить их на плоты и доставить по реке: Оболь ведь впадает в Двину, а Двина — в Рижский залив и Балтийское море. Через две недели, а именно столько занимал весь путь, он поехал их встречать. Открывают ящики — а там одна пена, вода все мыло размыла. С тех пор пошло: работаешь себе в убыток — значит, как Заблоцкий на мыле.»* <https://www.sb.by/articles/na-grebne-volny-40486.html>¹.

А жители Слуцкого района с красочными деталями рассказывают о пане Забродском (даже показывают дом, где он жил), который решил «заняться коммерцией, то есть, по-нынешнему, предпринимательской деятельностью. На одной из мыловарень района он закупил огромное количество мыла, потратив большую сумму денег. Купить-то купил, а как распорядиться товаром, куда везти на реализацию, Забродский как-то и не подумал. И хотя мыло — товар не скоропортящийся, торго у него, ну, никак не получалось. Сельский люд, конечно, покупал мыло, но в очень малых количествах.

Мало одной беды — пришла и другая: мыло облюбовали мыши. Уж больно оно им вкусным показалось. Так часть товара ушла на корм грызунам, а уцелевшее мыло Забродский всё-таки сбыл по бросовой цене. Конечно же, окупить свои вложения в такую коммерцию у него не получилось, да ещё и в долгах остался.

С тех пор и появилась поговорка «Заработал как Забродский на мыле». <https://kurjer.info/2016/12/25/everyday/>².

В сборнике «Белорусские пословицы и поговорки» И. И. Носовича (1852 г.) встречается оборот *выйграв, як Заблоцкий на мыле* и приводится польская версия неудачного «мыльного» бизнеса Заблоцкого (Носович 1952, с.8). Белорусский исследователь И. Я. Лепешев рассматривает этот оборот как общий польско-белорусский (Лепешаў 1993, с. 52).

¹ доступно на 15. 9. 2018

² доступно на 15. 9. 2018

Но также широко известен этот оборот (и с тем же значением) и в украинском языке – *заробити як Заблоцький на милі*. Он зафиксирован в Днепропетровской, Львовской, Полтавской, Волынской, Житомирской обл. (Ивченко – Юрченко 1993, 56). Причем, в украинском языке есть еще сравнение с аналогичным значением *вийшов як заболотей на милі*. И. Франко писал: „Заболотейми в Нагуєвичах називають селян із наддністрянських сіл, як Грушів, Колодруби і т.п. Вони ходять звичайно дуже брудно від невилазного болота, в якому живуть. Чи звідси пішла приповідка про кепський успіх мила у тих людей, чи вона взята з польського: не беру ся рішати“ (Франко 1907, 141). Однако украинский фразеолог А. Ивченко решительно отверг эту версию: „Франко розв'язав це питання на користь апелятивної природи компонента *заболотей*, вирвавши його з широкого варіативного ряду, порівняйте, вийшов як Заблоцький на милі (Бердичев, Номис, 206), виграв як Заблоцький на милі (с. Сквородки, Теодорович, 243), вийшов як Заботний на милі (с. Ясениця Сільна, Дрогобицький пов., Франко 1901, 170)“ (Ивченко 1993, с. 157).

И в конце XX в. этот оборот появляется в качестве русской поговорки в сборнике В. Д. Чернелева «Русские поговорки 7777» (Чернелев 1998, с. 114). Никаких упоминаний о происхождении оборота нет, более того, придумана новая и очень легкомысленная «этимологическая» версия: «Заблоцкий – герой старинной «мыльной оперы», все участники которой ходят в мыле и поскользываются на обмылках, причем действие то и дело прерывается рекламой моющих, стирающих и ополаскивающих средств» (Чернелев 1998, с. 351). В 2008 г. оно было зафиксировано в «Большом словаре русских народных сравнений» с пометой *Нов.* и со ссылкой на сборник В. Д. Чернелева (БСРНС 2008, с. 204). Выражение не зафиксировано в НКРЯ, но встречается в интернете: *Заработал, как Заблоцкий на мыле, это не про неё. Наталья знает, как заработать деньги на, казалось бы, обычных вещах. Уже несколько лет девушка занимается мыловарением.* <https://schuchin.info/zhitelnica-shhuchina-sozdaet-jekskljuzivnoe-mylo>³.

Таким образом, этот оборот широко распространен в трех славянских языках (польском, украинском и белорусском) и с конца XX в. встречается в русском. Однако первичен, видимо, был все же польский оборот, судя по дате фиксации, по обилию вариантов и продуктивности модели. Как мы видели выше, это допускают и украинские (И. Франко) и белорусские исследователи (И. Я. Лепешев). Но при этом каждый народ имеет своих национальных «героев» этой мыльной трагедии. А существовали ли эти персонажи, а если и существовали, то имели ли отношение к «мыльному бизнесу»? Представляется, что связь фамилии *Заблоцкий* (*Zabłocki*, укр. *Заблоцький*, *Заболоцький*, *Заблотний*) и слова *мыло* не случайна (это отражается и в версии И. Франко и не противоречит версии А. Ивченко). Польское *bloto* по-русски грязь, *zabłocony* – грязный. Таким образом, речь идет не о конкретных людях, а о «говорящей фамилии», внутренняя форма которой совпадает в польском, украинском и белорусском языках (в русском языке она уже несколько затемнена), и о несовместимости двух понятий – грязи и мыла, точнее, грязного человека и мыла. Поэтому именно эта фамилия была выбрана поляками для героя анекдотов про контрабанду мыла, бизнес белорусского Заблоцкого тоже связан с мылом, а в русском языке он присутствует как герой «мыльной оперы», и тесно связан с рекламой моющих

³ доступно на 15. 9. 2018

средств или производством модного сейчас мыла ручной работы. Из какого славянского языка в конце XX в. этот оборот пришел в русский язык остается загадкой. Словарь В. Д. Чернелева не является в строгом смысле слова словарем, это, скорее сборник, не содержащий никаких региональных помет или контекстов употребления. А именно контекст и регион первого употребления ФЕ может подсказать из какого славянского языка он попал в русский язык. Учитывая место публикации сборника (г. Кишинев) и место работы составителя – Приднестровский государственный университет – можно предположить украинское посредничество. Однако это все лишь предположения, что и в очередной раз подтверждает сложность анализа межславянских заимствований, вызванную языковой и культурной близостью этих языков.

Часть 2.2

Иногда слова и выражения кочуют из одного языка в другой, обогащаясь различными новыми смыслами и оттенками значений, а фразеологизмы иногда и новыми компонентами, и часто уже в новом качестве и форме возвращаются в язык-источник.

Как произошло, например, с выражением, зафиксированным в словаре В. И. Даля: *Я ващец, ты ващец, а кто же хлеба напашец* (Даль 1, с. 169). На первый взгляд эта пословица воспринимается как чистый полонизм в русском языке, ср. *Ja waszeć i ty waszeć, któż nam chleba napaszeć?* (НКРР, 2, s. 783). Вежливое обращение в среде шляхты (*waszeć*) – типично польская реалья, отсутствующая в России (в словаре В. И. Даля к этой пословице даже дано пояснение «т.е. барин: вы, ваша милость» (Д 1, с. 169). Но при анализе этой пословицы выяснились интересные детали, не позволяющие так однозначно трактовать это выражение.

В польском языке эта пословица, содержащая насмешку над мелкой небогатой шляхтой, фиксируется с 1696 г. в форме *Ja waszeć, ty waszeć, a któż nam posłuży?* И только в 1894 г. (через 200 лет) в словаре С. Адальберга фиксируется форма *Ja waszeć i ty waszeć, któż nam chleba napaszeć?* (НКРР, 2, 783). В то время как русский вариант этой пословицы мы находим уже в сборнике пословиц А. И. Богданова 1741г.: *Я ващец, ты ващец, а кто ж хлеба напашец?* (ППЗ 1961, с. 118). Это на 150 лет раньше фиксации в польских лексикографических источниках. Известно, что польская лексикография значительно опережала российскую и по полноте представления материала, и по методам его описания. Вряд ли вариант пословицы с компонентом *chleb* оказался незафиксированным в более ранних источниках, тем более что редактор и составитель НКРР, Ю. Кжижановский, обратил на этот оборот особое внимание и в своем труде „*Mądrej głowie dość dwie słowie*“ (т. 3, с. 161).

Заслуживает внимания и тот факт, что в белорусском языке этот вариант пословицы был зафиксирован раньше, чем в польском, причем первоначально (в 1852 г.) в сборнике «Белорусские пословицы и поговорки» И. И. Носовича в искаженном виде: *Я ващець и ты ващець, хто нам хлеба не пашець* (Носович 1852, с. 69). Что может свидетельствовать в пользу заимствования из русского. Несколько позже ошибка (опечатка?) была им исправлена на «напашец» в «Словаре белорусского наречия» (Носович 1870, с. 45).

В чем тут дело?

Вполне вероятно, в конце XVII – начале XVIII в., когда политические, культурные и языковые связи Польши и России были особенно тесны, выражение *Ja waszeć, ty waszeć,*

a któż nam posłuży попало в русский язык из польского и было творчески переработано: к первой части польской пословицы была добавлена шутивная русская концовка *кто ж хлеба напашец*, где насмешка усиливалась использованием типичного для польского языка глагольного окончания (неправильного в данном случае с точки зрения польской грамматики), позволяющего образовать рифмованную пословицу. Следует обратить внимание, что в остальных польских вариантах рифма отсутствует. А в русском языке все варианты, отраженные, например, в словарях В. И. Даля, рифмованные: *Я ващец, ты ващец, а кто ж хлеба напашец?*, *Ты ващец, я ващец, а кто же хлебопашец?* *Ты ващец, я ващец, а кто же будет хлеба пашец?* (ДП 1, с. 195; Д 1, с. 169; Д 4, с. 553).

Ироническое (каламбурное) обыгрывание польской формы вежливого обращения в шляхетской среде получило дальнейшее развитие в русском языке: в сборнике И. М. Снегирева (Снегирев 1848, с. 473) зафиксировано выражение *Я ващец, ты ващец, а кто же пашец?*, и воспринимаемое составителем как собственно русское.

Таким образом, можно предположить, что созданная в XVIII в. на основе польской пословицы шутивная русская трансформа (или антипословица) была заимствована белорусским языком, а позже (возможно, и через белорусское посредничество) вернулась в родной язык и нашла отражение в словаре С. Адальберга в конце XIX в. как вариант польской пословицы. И именно так воспринимается сегодня.

3. Выводы

Процесс подобной межславянской миграции слов и выражений не редкость в истории фразеологии. Отсутствие признаков заимствования, сходство лексем позволяет словам и фразеологизмам пересекать границы стран, не встречая никакого сопротивления со стороны другого славянского языка и «обживать» в нем. А иногда и возвращаться в новом качестве в язык-источник. «Эффект бумеранга» в русско-польско-украинском жаргонном пространстве очень наглядно описал В. М. Мокиенко на примере слова *халява* и фразеологизма *на халяву*, когда «украинский по происхождению жаргонизм, имеющий польские этимологические корни, претерпев активизацию в русском языковом обиходе, возвращается в первичную среду обитания» (Мокиенко 2000, с. 181).

Что может помочь в поисках исходного образа и прослеживании путей миграции межславянского фразеологизма? Как и во всех этимологических исследованиях – дата и место его первой (т.е. наиболее ранней) фиксации (что было показано в докладе на примере пословицы *Я ващец, ты ващец, а кто ж хлеба напашец?*). Именно хронология фиксации фразеологизма *сбить с панталыку* в разных славянских языках позволили с большой долей вероятности предположить, что этот фразеологизм сначала появился в украинском языке (1794 г.), а отнюдь не в польском, как предполагалось некоторыми исследователями, оттуда перешел в русский язык и лишь затем из русского в польский (см. подробнее Николаев – Николаева 2019). Место белорусского варианта в этой цепочке установить затруднительно из-за отсутствия сведений о его фиксации в источниках первой половины XIX в. и соответствующих контекстов. Во всяком случае, в словаре белорусского языка И. И. Носовича 1870 г. этот фразеологизм есть (Носович 1870, с. 392), а

в его же собрании белорусских пословиц 1867 г. его еще нет. Фразеологизм мог попасть в белорусский язык как из русского языка, так и из польского. Вместе с тем нельзя исключить и более раннюю интерференцию белорусских говоров с украинскими.

Конечно, во многом мы зависим от уровня лексикографической базы разных языков, и, кроме того, в дальнейших исследованиях этот параметр может измениться (обнаружится более ранняя фиксация), но игнорировать его нельзя. Как и место фиксации. Приведу пример из западнославянских языков: в польском диалектном словаре (*Przysłowia cie-szyńskie*) есть выражение *On je z tego jelyn* „nie zna sie na tym“ (не разбирается в этом, не понимает этого), помеченная в НКРР 1954 годом. (НКРР т. 1, с. 844). Город Чешин находится на границе с Чехией, точнее, граница проходит прямо по городу: часть города принадлежит Польше, часть – Чехии. В Чехии выражение *být jelen z čeho* (букв. быть оленем от чего л.) ‚совершенно не понимать чего л., быть в полной растерянности от чего л.‘ известно с начала XX века, т.е. на полвека раньше, чем в Польше. Естественно предположить, что в польском языке это заимствование из чешского.

Необходимо учитывать и наличие в сравниваемых славянских языках единиц, построенных по той же структурно-семантической модели, что и анализируемый оборот, продуктивность этой модели, что мы видели на примере польского оборота *zarobił jak Zabłocki na mydle*.

Очень важным элементом подобных исследований может стать и анализ расширенного контекста наиболее раннего употребления фразеологизма (если он известен), который может содержать языковые или этнографические детали, помогающие опознать язык-источник. Так, например, польское выражение *androny prawić* впервые встречается в стихотворном романе А. Корчиньского „Позлащенная дружбой измена“ (1689 г.), действие которого происходит в итальянском городе, где герой романа поляк рассказывает небылицы (*androny prawić*) мужу своей любовницы-итальянки. При этом язык романа насыщен латинизмами и итальянизмами, примечательно наличие в одном стихе с *androny* слова *cereber* ‚ум, разум‘, также заимствованного из итальянского (ср. *cerebro*). Таким образом, контекст наиболее раннего употребления выражения *androny prawić* подтверждает предположения, что польское *androny* - латинизм, пришедший в польский язык из итальянского (Николаев – Николаева 1996).

Также необходимо обращать внимание на национальность автора, употребившего фразеологизм. Билингвизм славянских культурных деятелей и писателей часто мог становиться причиной проникновения фразеологических калек в славянские языки. Однако это тема отдельной работы.

Литература

- Івченко, А.: Проблеми ідентифікації ономастичної фразеології. In *Rozprawy Slawistyczne 7. Systemy onomastyczne w słowiańskich gwarach mieszanych i przejściowych*. Lublin, 1993, с. 155–163.
- Jurasz, T.: *Banialuka czyli kopa starych przysłów polskich*. Rzeszów: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1989.

- Krzyżanowski, J.: *Mądrej głowie dość dwie słowie*. Т. 3. Warszawa: PIW, 1975.
- NKPP: *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa: PIW, 1969–1978. Т. 1–4.
- БСРНС: Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г.: *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
- Булаховский, Л. А.: К истории взаимоотношений славянских литературных языков. *Известия АН СССР: «Отделение литературы и языка»*. Т. X, Вып. 1, Москва, 1951, с. 37–49.
- Д (1–4): Даль, В. И.: *Толковый словарь живого русского языка. Т.1–4*. Москва: «Русский язык», 1978.
- ДП: Даль, В. И.: *Пословицы русского народа*. Изд. 3-е. В двух томах. Москва: Художественная литература, 1984.
- Золтан, А.: *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва: «Индрик», 2014.
- Лепешаў, І. Я.: *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы, т. 1–2*. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1993.
- Мокиенко, В.М. К украинско-польским лексическим и фразеологическим взаимодействиям (укр. *халява* – пол. *cholewa* – рус. *халява, на халяву*). In Wróbel, H. (ed.): *Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor Teresie Zofii Orłoś*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000, s. 171–181.
- Николаева, Е. – Николаев, С.: О сложности взаимовлияния близкородственных языков (на примере выражения сбить с панталыку). *Slavia Orientalis*, 2019, № 4, с. 240–250.
- Николаева, Е. – Николаев, С.: «Андроны едут». (Историко-этимологический этюд). *Slavia Orientalis*, 1996, № 4, с. 503–508.
- Носович, И. И.: *Словарь белорусского наречия*. Санкт-Петербург: типография Императорской академии наук, 1870.
- Носович, И. И.: *Белорусские пословицы и поговорки*. Санкт-Петербург: типография Императорской академии наук, 1852.
- ППЗ 1961: *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков*. Москва; Ленинград, 1961.
- Снегирев, И. М.: *Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегиревым с предисловием и дополнениями*. Москва., 1848, репринт: Москва, 1991.
- Чернелев, В.: *Русские поговорки – 7777: Сборник старинных и новых пословиц, поговорок, загадок, велеризмов и проч.* Кишинев: Парагон, 1998.
- Юрченко, О.С. – Івченко, А.О.: *Словник стійких народних порівнень*. Харків: Основа, 1993.

Интернет-источники:

<https://www.sb.by/articles/na-grebne-volny-40486.html> (доступно на 15.09.2018).

<https://schuchin.info/zhitelnica-shhuchina-sozdaet-jekskljuzivnoe-mylo> (доступно на 15.09.2018).

<https://kurjer.info/2016/12/25/everyday/> (доступно на 15.09.2018).

Культурная идентичность лингвокультурных типажей «ГОРЕЦ / HIGHLANDER»: паремиологический аспект

Linguistic-cultural Types „MAN OF THE CAUCASUS / SCOTTISH
HIGHLANDER“ Cultural Identity: Paremiological Aspect

*Наталья Максимовна Непомнящих, Российский университет дружбы
народов*

Abstract: A comparative study of „Man of the Caucasus“ (North Caucasus dweller – Russia) and „Scottish Highlander“ (Northern Scotland, Great Britain) linguistic-cultural types value characteristics, reflected in paroemia. Phraseological expressions and paroemia analysis allows not only to define cultural identity, but also to reveal similar linguacultural, conceptual, moral, ethical and axiological aspects of geographically different communities' representatives.

Аннотация: В статье представлено сравнительно-сопоставительное исследование ценностных характеристик лингвокультурных типажей «ГОРЕЦ»– обобщенного образа исторических обитателей Северного Кавказ (Россия) – и «HIGHLANDER»– обобщенного образа исконных жителей Шотландского Высокогорья (Великобритания, Северная Шотландия), представленных в соответствующих паремиях. Описание ценностных характеристик типажей, отраженных в паремиях, позволит не только обозначить их культурную идентичность, но и выявить схожие лингвокультурные, концептологические, морально-этические и аксиологические аспекты представителей географически разных общностей.

Keywords: Caucasian Mountaineer / Scottish Highlander, Comparative Linguistics, Linguoculturology, Linguistic-cultural Types Theory

Ключевые слова: горец / highlander, лингвокультурология, теория лингвокультурных типажей, сравнительное языкознание.

1. Введение

У истоков лингвокультурологии как науки лежат работы В. В. Воробьева, В. В. Красных, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия и других. На сегодняшний день она развивается как полипарадигмальная область, интегрирующая исследования в различных областях языкознания. При этом непосредственное внимание уделяется взаимосвязи языка и культуры с сознанием и даже вербальным самоопределением носителей языка.

В связи с этим, в современных лингвистических исследованиях неперенный акцент традиционно делается на изучение языковой личности, что является закономерной тенденцией в описании языка как культурного кода. Подобные изменения привели к анализу личности типизируемой, а вслед за этим и к возникновению теории лингвокультурных типажей, которая была впервые представлена в работах О. А. Дмитриевой (Дмитриева 2007) и В. И. Карасика (Карасик 2009). Данная теория активно развивается в настоящее время, о чем свидетельствует ряд научных публикаций таких исследователей как, например, Л. Н. Бровикова, В. В. Деревянская, О. В. Лутовинова, И. Г. Чеботарев, Е. А. Ярмахова, и других.

2. К истории вопроса

В последние десятилетия внимание лингвистов, длительное время занимавшихся изучением концептов, переключилось на исследование типизируемой личности. Это предопределило становление нового направления в науке о языке – лингвоперсонологии, концепция которой была разработана В. П. Нерознаком (Нерознак 1996). В дальнейшем рассмотрению лингвокультурных типажей как разновидности концепта были посвящены исследования В. И. Карасика, О. А. Дмитриевой, затем и других лингвистов, таких как Н. Д. Голев, Е. В. Дзюба, Е. А. Дженкова и других.

Достижения лингвоконцептологии и лингвоперсонологии послужили основой для выделения концепта типизируемой личности и формирования нового направления в лингвистике – теории лингвокультурных типажей.

Согласно В. И. Карасику (Аксиологическая лингвистика 2005, с. 310), лингвокультурный типаж – это разновидностью концепта, следовательно, он предполагает его характеристику с понятийной, образно-перцептивной и оценочной сторон.

Соответственно, любой лингвокультурный типаж не просто типизирует определенную языковую личность, но и отражает ее значимость в культуре, содержит ценностный компонент, а также ассоциируется с конкретным индивидуумом и / или образом литературного произведения и также с лингвокультурологическим, социолингвистическим и этнопсихолингвистическим описанием языковой личности.

По О. А. Дмитриевой «лингвокультурный типаж» пересекается с такими понятиями лингвоперсонологии, как: «архетип», «языковая личность», «модельная личность», «речевой портрет», «роль», «персонаж», «амплуа», «имидж», «стереотип» (Дмитриева 2007), в процессе настоящего исследования нам показалось целесообразным выделить еще одно смежное понятие, введенное В. В. Воробьевым (Воробьев 1997), – «лингвокультураема».

На основании предпринятого в настоящем исследовании рассмотрения понятия «лингвокультурный типаж» через призму смежных с ним лингвистических и лингвокультурологических понятий, мы исходим из следующего определения термина: Итак, лингвокультурный типаж – это сформированный в массовом сознании объективный (позитивный, нейтральный или негативный) образ типизируемой личности, который отождествляется с реальным или фикциональным прототипом и отражает ее этнокультурные и социально-групповые характеристики, а также речеведческие, ценностно-смысловые и этико-эстетические особенности.

Непосредственным объектом исследования в данной статье являются лингвокультурные типы «ГОРЕЦ» (Северный Кавказ, Россия) и «HIGHLANDER» (Шотландское Высокогорье, Великобритания), предметом исследования можно считать их сравнительно-сопоставительное изучение через призму лингвокультурологии путем построения лингвокультурологических полей концептуальных ценностных ориентиров (по В.В. Воробьеву), встречающихся в поговорках, пословицах, поговорках, девизах и кличах) присущих прообразам описываемых типов.

3. Методология исследования

3.1 Гипотеза исследования

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что наличие сходства в этимологии и семантике лексем *горец* и *highlander*, соответственно в русском и английском языках, а также близость социокультурного и пространственного контекстов, получившая выражение в самих лингвокультурных типажах «ГОРЕЦ / HIGHLANDER», обусловили определенную общность языковых картин мира Северного Кавказа и Шотландии. Это предопределило возникновение целого ряда параллелей в созданных образах рассматриваемых типов, что, в свою очередь, не может исключить их этнолингвистического и социокультурного своеобразия.

3.2 Используемые методы

Инструментарий представленного исследования включает такие методы, как: полевой, компаративный, функционально-контекстологический и описательно-аналитический, применяемые в ходе рассмотрения словарных дефиниций. Особое внимание отводится разработке лингвокультурологического поля, с целью сравнительно-сопоставительного анализа ценностных ориентиров лингвокультурных типов «ГОРЕЦ / HIGHLANDER», представленных в соответствующих им поговорках.

3.3 Методология исследования

3.3.1 Анализ данных из лексикографических источников

Любое лингвоконцептологическое исследование предполагает рассмотрение дефиниционных характеристик лексем, являющихся объектом лингвистического анализа.

Обзор словарных дефиниций и энциклопедических статей, связанных с лексемой *горец* (БИТС, БТСРС, БЭС, ГС, ИЭС, ЛЭ, НСРЯ, РАС, ССРЛЯ), помогает нам выделить следующий набор признаков, раскрывающих ее значения: *горец* – это житель гор, горных районов (без определенного конкретного топонима); *абрек*; «кавказский горец» – это горец, живущий в Кавказских горах.

Что касается лексемы *highlander* (EAT, ETD, MMEDAL, OALD, OED, WDO), это: *житель горных районов Шотландии (Scottish Highlands) гаэльского происхождения; имеет воинственный и суровый нрав; является представителем Шотландских полков британской армии.* Стоит отметить, что лексема *highlander*, даже согласно словарному компоненту, уже воспринимается как восходящая к традиционной культуре Шотландии.

Рассмотрение понятийных характеристик лексем *gorce* и *highlander* делает актуальным возможность дальнейшего сопоставительного анализа соответствующих им лингвокультурных типажей на основании сходства значений и определенных аспектов географической принадлежности «ГОРЦА» и «HIGHLANDER».

3.3.2 Паспорт лингвокультурного типажа как основа сравнительно-сопоставительного анализа

Анализ любого лингвокультурного типажа подразумевает следование системе, предложенной О. А. Дмитриевой в диссертации «Лингвокультурные типажи России и Франции 19 века». Разработанная О. А. Дмитриевой модель позволяет последовательно структурировать исследуемый объект. Данная модель включает в себя такие параметры, как: *дефиниционные характеристики (в настоящем исследовании это лексикографическое поле, построенное на материале словарных толкований рассматриваемого понятия); паспорт лингвокультурного типажа (традиционно включает в себя следующие характеристики: внешний образ, одежда, возраст, гендерный признак, происхождение, место жительства и характер жилища, сфера деятельности, досуг, семейное положение, окружение, речевые особенности); социокультурная справка (описание значимости рассматриваемого лингвокультурного типажа в культуре и истории); ценностные характеристики (отличительные особенности, интересы, приоритеты и миропонимание типажа)* (Дмитриева 2007).

В данной статье мы остановимся на некоторых аспектах, которые включены в паспорт лингвокультурного типажа, предполагающий его описание как угадываемого историко-культурного или же лингвокультурного образа, что, в свою очередь, подразумевает рассмотрение лингвокультурных типажей «ГОРЕЦ / HIGHLANDER» в историко-культурном контекст. Подобный подход безусловно можно осуществить путем анализа памириологического фонда. Для русского языка – это пословицы и поговорки жителей Северного Кавказа. Однако, обратившись к анализу пословичного компонента в концептосфере типажа «HIGHLANDER», мы столкнулись с рядом сложностей.

Исходя из того факта, что этимология шотландских горцев идет от гэлов, то гэльские пословицы и поговорки могут принадлежать не только жителям горных районов Шотландии, но и другим народностям Европы, имеющим аналогичные корни. Соответственно, их территориальная идентификация представляется нам достаточно проблематичной. Тем не менее, стоит отметить, что на основании проанализированных энциклопедических источников можно утверждать, что все жители Шотландии принадлежали к определенной семье, или клану, которые подразделялись на горные, равнинные и пограничные. Для настоящего исследования интересны именно первые, которые объединяют, согласно нашему анализу, 93 клана (Мортон 2009). К их числу относятся, например, Флетчек, МакФейл, МакКуин, Ламонт, Андерсон и другие.

У каждого клана были девиз (*motto*) и клич (*slogan*), а такие кланы как Камерон, МакЛауд из Льюиса, МакНикол, МакНил и Мюррей имеют по два девиза. В ходе настоящего исследования нам удалось найти девизы всех установленных кланов, за исключением горного клана МакАльмин,

Обращает на себя внимание тот факт, что из рассмотренных 97 девизов 45 – на латинском языке, 18 – на английском, 11 – на шотландском, 11 – на гаэльском, 7 – на французском, 3 – на старофранцузском и 2 – на старошотландском, что напоминает о различных этнических корнях и унаследованных лингвокультурных традициях шотландских горцев.

В связи с этим, нам показалось, что анализ паремий входящих в лингвокультурологическое поле «HIGHLANDER», необходимо осуществлять преимущественно на основе рассмотрения их девизов и кличей в противовес пословицам и поговоркам жителей Северного Кавказа.

Стоит перейти к непосредственному разбору паремий, позволяющих создать паспорта обоих изучаемых лингвокультурных типажей.

3.3.3 Паремии о внешнем облике и одежде

В данной статье целесообразно привести примеры наиболее репрезентативных параметров лингвокультурологических полей рассматриваемых лингвокультурных типажей «ГОРЕЦ» и «HIGHLANDER».

Так, обобщая информацию в рассмотренных нами источниках, можно заключить, что обоим лингвокультурным типажам свойственно определенное традиционное одеяние – традиционный костюм (одежда черкеса / одеться по-черкесски (3) / the Highland dress / in complete dress / dress (4) / in full national costume / Highland and Grecian costume (2), какие-то национальные атрибуты (архалук (1); широкие шелковые шаровары (1) / clothed in a purple, red and green plaid (1); a jacket of bull's hide (1); a bonnet (10), что отражено в ряде паремий.

Например, *Is ann den aonchlì an cathdat (гаэл.) / The tartan is all of the one stuff / Всетапта ньюдинаковы* (<http://www.hp.europe.de/kd-europtavel/gaelic/proverb.htm>). Килт может быть большим или малым в зависимости от сезона. Внешний облик шотландского горца также предполагает волынку и холодное оружие: пикку или копье. (Мортон 2009, с. 174)

Среди пословиц кавказских горцев стоит выделить следующие: *Была бы голова, а папаха найдется* (<https://papahastories.ru/mudrost-narodov-kavkaza/>); *Каждый под своей папахой велик* (<https://papahastories.ru/mudrost-narodov-kavkaza/>).

Подобное трепетное отношение представителей обоих народностей к атрибутам национального одеяния подчеркивает любовь и уважение «ГОРЦА» и «HIGHLANDER» к предкам, обычаям и культуре.

Предпринятый анализ словарных дефиниций и паремий о внешнем облике и одежде позволяют представить прототипичные образы «ГОРЦА / HIGHLANDER». Так, «ГОРЕЦ» одет в меховую шапку, на нем кольчуга, традиционный архалук и широкие шаровары. Лицо горца смуглое, отличается выразительными чертами и дерзким взглядом. В волосах проглядывает седина. В свою очередь, «HIGHLANDER» – мужчина гаэльского происхождения, который также носит национальные одежды. На нем традиционный шотландский плед, килт с расцветкой тартана присущего ему клана. Верхняя часть туловища обнажена. На голове берет с перьями. Он полностью вооружен (меч, молот, лук и стрелы). «HIGHLANDER» высокого роста, крепкого телосложения. Черты его лица отчетливы, глаза светлые.

3.3.4 Паремии о семейном положении

«HIGHLANDER» – человек женатый. Несмотря на то, что шотландские горцы чаще всего ассоциируются с воинственными мужчинами, семья представляет собой огромную ценность в их жизни. Жена горца – это хранительница очага и мать его детей, будущих воинов и защитников страны, что отражено в соответствующих паремиях: *Fear gu aois, is bean gu br's* (гаэл.) / *A son is a son until he comes of age; a daughter is a daughter all her life* / *Сын будет сыном, пока не повзрослеет, а дочь – дочерью всю ее жизнь* (<http://www.hp.europe.de/kd-eurotravel/gaelic/proverb.htm>).

Жены для «HIGHLANDERS» чаще всего выбирались в дружественных кланах. Но, чтобы добиться заключения брачного союза, молодой человек должен был пройти различные традиционные обряд, отличающиеся особой сложностью: *Ged bheir thu bean o Ifrinn, bheir i dhachaigh thu* (гаэл.) / *Though you should take a wife from Hell, yet she will bring you home* / *Пусть ты должен взять жену из ада, она приведет тебя домой* (<http://www.hp.europe.de/kd-eurotravel/gaelic/proverb.htm>).

«ГОРЕЦ» также ценит свою семью. Пословицы народов Кавказа подтверждают, что без семьи «ГОРЕЦ» не представляет свою жизнь: *Семья без любви — дерево без корней* (<http://www.wtr.ru/aphorism/prov2.htm>); *Родить сына не подвиг, его воспитать — подвиг* (<https://papahastories.ru/mudrost-narodov-kavkaza/>).

Сравнительно- сопоставительный анализ паремий, относящийся к обоим рассматриваемым типажам в русском и английском языках, позволил выделить ряд пересекающихся семейных ценностей лингвокультурных типажей «ГОРЕЦ» и «HIGHLANDER». Приведем их в таблице:

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТИПАЖЕЙ «ГОРЕЦ / HIGHLANDER»

«ГОРЕЦ»	ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК	«HIGHLANDER»
невеста (1)	жена (5) / wife (7), племя (1) / clans (45), дочери (13) / daughters (7), сын (6) / sons (16)	brothers (14), fathers (11), family (10), children (9), widow (5)
ИТОГО: 4 пересекающиеся характеристики		

Опираясь на данные настоящего исследования, приведенные в таблице, стоит сделать вывод, что пересекающихся единиц в лингвокультурологических полях, отражающих семейные ценности лингвокультурных типажей «ГОРЕЦ» и «HIGHLANDER» соизмеримо больше, нежели чем различий. Данный факт безусловно подтверждает сходное отношение рассматриваемых лингвокультурных типажей к представителям семьи и рода в целом.

3.3.5 Паремии об окружении

Жизнь и «ГОРЦА» на Кавказе, и «HIGHLANDER» в Шотландии протекала в окружении

семьи. Все занимались одним делом, имели схожий жизненный уклад и общие смыслжизненные ценности.

На Кавказе «ГОРЦЫ» ценили дружбу там же сильно, как и родство: *Хороший друг лучше плохого брата, Добрый сосед лучше злого брата* (<http://soyuz-pisatelei.ru/forum/11-2685-1>).

В этой связи отметим, что соседи «HIGHLANDER» – это также его друзья. Дружбу он ценит столь же сильно, как и семью, она складывается на всю жизнь: *Is math an sgr̄than sùil caraide* (гаэл.) / *A friend's eye is a good looking-glass* / *Глаза друга – прекрасное зеркало; Seachnaidh duin' a bhr̄rthair, ach cha sheachain e choimh-earsnach* (гаэл.) / *A man may do without a brother, but not without a neighbour* / *Человек может прожить без брата, но не без соседа* (<http://www.hp.europe.de/kd-europtavel/gaelic/proverb.htm>).

3.3.6 Паремии о морально-нравственных устоях

Систематизируя данные лексикографических, энциклопедических и литературных источников, стоит отметить, что «ГОРЕЦ» ценит *боевые устои, веру (мусульманство), волю / свободу, коня, национальную одежду, национальное оружие, предков / прошлое / старину, Родину, семью и род, судьбу / долю, традиции и обычаи*, при этом «HIGHLANDER» ценит *(национальный / гаэльский) язык (language), данное слово (keeping the word / promise), друзей (friends), монарха (King), национальную одежду (Highland dress), национальное оружие (traditional arms), пиры (feasts), предков / прошлое (ancestors and old time), противостояние врагам (fighting with the enemy), Родину (native land), свободу (freedom), семью (family) / клан (clan), традиции и обычаи (traditions and customs)*. Представим данную информацию в сводной таблице:

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ УСТОИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТИПАЖЕЙ «ГОРЕЦ / HIGHLANDER»

«ГОРЕЦ»	ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК	«HIGHLANDER»
вера (мусульманство), конь, судьба / доля	боевые устои / fighting the enemy, воля / свобода / freedom, национальная одежда / Highland dress, национальное оружие / traditional arms, предки / прошлое / старина / ancestors and old time, Родина / native land, семья и род / family / clan, традиции и обычаи / traditions and customs	Gaelic language, keeping the word / promise, friends, King, feasts
ИТОГО: 12 пересекающихся характеристик		

Рассмотрение девизов и кличей Шотландских горцев в сравнении с пословицами и поговорками жителей Северного Кавказа, отражающих морально-нравственные устои обоих лингвокультурных типажей, позволяет систематизировать их по доминирующей семантико-смысловой направленности:

- «HIGHLANDER» назидание: *Dred God* (шотл.) – Бойся Бога; *Stand sure* (англ.) – Оставайся верен; *Touch not the catt bot a targe* (шотл.) – Не трогай kota без щита (<http://www.hp.europe.de/kd-europtavel/gaelic/proverb.htm>);
- «ГОРЕЦ» назидание: *Тихому не верь, быстро не бойся* (Вайнахская пословица); *Находясь на корабле, не спорь с корабельщиком* (Аварская пословица) (<https://papahastories.ru/mudrost-narodov-kavkaza/>);
- «HIGHLANDER» призыв к действию: *Meane weil, speak weil and do weil* (шотл.) – Думай, говори и твори добро; *Fac et spera* (лат.) – Действуй и надейся; *Vincere vel mori* (лат.) – Победить или умереть; *Tout jour prest / Toujours prest* (старофранц.) – Всегда готов (<http://www.hp.europe.de/kd-europtavel/gaelic/proverb.htm>);
- «ГОРЕЦ» призыв к действию: *Стремись завоевать не мир, а его знания* (Осетинская пословица) (<https://papahastories.ru/mudrost-narodov-kavkaza/>);
- «HIGHLANDER» призыв к совместности: *Unite* (англ.) – Сплотимся (<http://www.hp.europe.de/kd-europtavel/gaelic/proverb.htm>);
- «ГОРЕЦ» призыв к совместности: *Сила жизни - в дружбе* (Ногайская пословица); *Вместе трудиться - веселее, вместе есть - вкуснее* (Адыгейская пословица) (<http://www.wtr.ru/aphorism/prov2.htm>).
- «HIGHLANDER» выражение преданности королю: *Pro rege* (лат.) – За короля; *Vivat rex* (лат.) – Да здравствует король (<http://www.hp.europe.de/kd-europtavel/gaelic/proverb.htm>);
- «ГОРЕЦ» отношение к царю менее трепетное: *Кто царя толкнул, придворного не боится* (Абхазская пословица) – вероятно, появление подобных паремий связано с историко-культурной составляющей жизни кавказских горцев, гонением горцев и тому подобному (<https://papahastories.ru/mudrost-narodov-kavkaza/>).
- «HIGHLANDER» выражение убежденности: *Turris fortis mihi Deus* (лат.) – Бог – моя крепость (<http://www.hp.europe.de/kd-europtavel/gaelic/proverb.htm>);
- «ГОРЕЦ» выражение убежденности: *В жизни человеку нужны три вещи: терпеливость, сладкий язык и умение хранить тайну* (Вайнахская пословица); *Без труда нет и покоя* (Аварская пословица) (<http://www.wtr.ru/aphorism/prov2.htm>).
- «HIGHLANDER» самоактуализация и самопрезентация: *Super sidera votum* (лат.) – Мои желания – выше звезд; *I birn quil I se* (шотл.) / *Luceo non uro* (лат.) – Горю, но не сгораю; *Feros ferio* (лат.) – Я жесток к жестоким; *Dum spiro spero* (лат.) – Пока дышу – надеюсь; *Miseris succurrere disco* (лат.) – Учусь помогать несчастным; *Nunquam obliviscar* (лат.) – Никогда не забуду; *Virescit vulnere virtus* (лат.) – Мужество растет с каждой раной; *Audentes fortuna juvat* (лат.) – Удача благоволит смелым; *Constant and faithful* (англ.) – Верный и преданный; *A fin* (франц.) – До конца; *Courage* (англ.) – Отвага; *Fortiter* (лат.) – Бесстрашно (<http://www.hp.europe.de/kd-europtavel/gaelic/proverb.htm>);
- «ГОРЕЦ» самоактуализация и самопрезентация: *Если ты прав — ты силен* (Адыгейская пословица); *Трусость – спутник неправды* (Табасаранская пословица); *Хороший человек несет мир* (Абхазская пословица); *Учиться никогда не поздно* (Адыгейская пословица) (<https://papahastories.ru/mudrost-narodov-kavkaza/>).

Представленные девизы и кличи «HIGHLANDERS» (<http://www.hp.europe.de/kd-europ-travel/gaelic/proverb.htm>) имеют различную синтаксическую структуру: предложения в изъявительном наклонении (*Virescit vulnere virtus* (лат.) – Мужество растет с каждой раной), вопросительные предложения (*Quhidder will zie?* (старошотл.) – Одно из двух, что желаешь?), побудительные предложения (*Meane weil, speak weil and do weil* (шотл.) – Думай, говори и твори добро), определенно-личные предложения (*Miseris succurrere dis-co* (лат.) – Учусь помогать несчастным), неопределенно-личные предложения (*Unite* (англ.) – Сплотимся), назывные предложения (*Courage* (англ.) – О твага).

В свою очередь, пословицы Северного Кавказа синтаксически менее дифференцированы, чаще представляют собой инфинитивные или номинативные конструкции с присущим им параллелизмом.

В проанализированных пословицах, кличах и девизах можно выделить наиболее часто встречающиеся смысловесущие лексемы: у «HIGHLANDER» это: *I, king*, в противовес лексемам в паремиях горцев Кавказа – *мы, царь*.

Однако, наибольшее число концептуальных понятий, входящих в паремиологическое поле обоих лингвокультурных типажей схоже: так у «HIGHLANDER» это: *God, nobility, grace, courage, loyalty*, в то время как у «ГОРЦА» это: *Бог, благородство, добродетель, мужество / храбрость, верность*.

4. Выводы

Завершая этап сравнительно-сопоставительного анализа типажей «ГОРЕЦ / HIGHLANDER», стоит отметить, что паремиологический подход в описании лингвокультурных типажей позволяет не только сопоставить их в собственно лингвистическом аспекте, но и дать характеристику этнокультурным, социокультурным, этнолингвистическим, личностно ориентированным и моральным ценностям.

Стоит подчеркнуть, что, несмотря на различие культур, рассматриваемые типажи России и Великобритании имеют ряд общих, часто пересекающихся параметрических особенностей, характерных для их образа жизнедеятельности, включая внешнее позиционирование себя как «других» и стремление быть уникальным.

Кроме того, «ГОРЕЦ» и «HIGHLANDER» обладают рядом общих смысложизненных ценностей таких, как «традиции / traditions», «семья / family», «жена / wife», «друзья / friends», «сын / son» и другие, что безусловно способно обозначить их не только как этносоциокультурные концепты или лингвокультурные типажи, но дать основание полагать, что представленные типажи являются выражением специфических, национально маркированных особенностей, рассматриваемых лингвокультур (России и Великобритании соответственно). Сходства в ценностно-смысловом аспекте лингвокультурных типажей «ГОРЕЦ» и «HIGHLANDER» в силу ряда близких и тождественных свойств, а следовательно, стоящих за ними ассоциаций могут являться залогом успешной коммуникации современных носителей данных этнических культур.

Литература

- Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: Сб. науч. тр. Под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005.
- Воробьев, В. В.: *Лингвокультурология (теория и методы)*. Москва: Изд-во РУДН, 1997.
- Дмитриева, О. А.: *Лингвокультурные типы России и Франции XIX века*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. -Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2007.
- Дмитриева, О. А.: *Лингвокультурные типы России и Франции XIX века*. Волгоград: Перемена, 2007.
- Карасик, В. И.: *Языковые ключи*. Москва: Гнозис, 2009.
- Мортон, Г. В.: *Шотландия: Путешествия по Британии*. Москва: Эксмо; СПб.: Мирград, 2009.
- Нерознак, В. П.: Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины. *Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета*. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. Москва, 1996, с. 112–116.

Словари

- БИТС: Даль, В. И.: *Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современное написание*. Москва: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006.
- БТСРС: *Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы*. Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
- БЭС: *Большой энциклопедический словарь*. А. М. Прохоров. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2000.
- ГС: *Грамматический словарь: Граммат. и лингвист. Термины*. Под ред. О. В. Никитина. Москва: Флинта: Наука, 2001.
- ИЭС: Черных, П. Я.: *Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: Т. 1–2*. Москва: Русский язык, 1993.
- ЛЭ: *Лермонтовская энциклопедия*. Гл. ред. В. А. Мануйлов. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).
- НСРЯ: Ефремова, Т. Ф.: *Новый словарь русского языка. Толково-образовательный*. Москва: Русский язык, 2000.
- РАС: *Русский ассоциативный словарь. В 2 т.* Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. *От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов*. Москва: АСТ-Астрель, 2002. Т. II. *От стимула к реакции: Более 100 000 реакций*. Москва: АСТ-Астрель, 2002.
- ССРЛЯ: *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.* Под ред. В. И. Чернышева. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954.
- EAT: *Edinburgh Associative Thesaurus* [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.li/Niwt> (дата обращения: 11.03.2017).
- ETD: *Highlander. English Terms Dictionary*. Академик [Электронный ресурс]. URL: http://exp_

linguist.academic.ru/576/%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B0
(дата обращения: 03:06:2017).

MMEDAL: *MacMillan English Dictionary for Advanced Learners*. Michael Rundell – Gwyneth Fox; MacMillan, 2006.

OALD: Hornby, A. S.: *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* Sally Wehmeier (ed.); Oxford University Press, 2000.

OED: *Online Etymology Dictionary*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.etymonline.com/index.php> (дата обращения: 27.04.2017).

WDO: *Webster's Dictionary Online*. [Электронный ресурс] URL: <http://websters.online.dictionaries.org/> (дата обращения: 20.11.2016).

Электронные ресурсы

<http://www.wtr.ru/aphorism/prov2.htm> (доступно на 25.01.2019)

<https://papahastories.ru/mudrost-narodov-kavkaza/> (доступно на 22.01.2019)

<http://www.hp.europe.de/kd-eurotravel/gaelic/proverb.htm> (доступно на 17.01.2019)

<http://soyuz-pisatelei.ru/forum/11-2685-1> (доступно на 22.01.2019)

Представление основных этнокультурных ценностей в русском, французском и английском паремиографическом материале

Representation of the basic ethnic and cultural values in russian, french and english paremiographic material

Н. Ю. Нелюбова

Abstract

Proverbs, being part of the paremiological fund of the language, not only reflect the experience of the previous generations, but also make up the values of the following ones. The analysis of the reflection of the values system in proverbs is an important part of the study of the basic values of different nations, in the process of which universal and specific features of an ethnic group as well as their correlation can be identified.

To get the general idea of the reflection of the values system in proverbs, it is necessary first of all to analyze the lexicographical material. The study of the thematic groups represented in the dictionaries of Russian, French and English proverbs based on the quantitative parameter can give an idea of the basic ethno-cultural values and their hierarchy.

Аннотация

Пословицы, будучи частью паремиологического фонда языка, не только отражают опыт предыдущих поколений, но и формируют ценности последующих. Анализ отражения системы ценностей в пословицах является важной частью исследования ценностных ориентиров различных народов, в процессе которого могут быть выявлены универсальные и специфические черты этноса, а также установлено их соотношение.

Для получения общей картины отражения системы ценностей в пословицах необходимо в первую очередь провести анализ лексикографического материала. Изучение тематических групп, представленных в словарях русских, французских и английских пословиц, основанное на количественном параметре, может дать представление об основных этнокультурных ценностях и их иерархии.

Key words: value, anti-value, hierarchy of values, proverb, thematic classification, paremiology, the Russian language, the French language, the English language

Ключевые слова: ценность, антиценность, иерархия ценностей, пословица, тематическая классификация, паремиология, русский язык, французский язык, английский язык

1. Введение

Современная лингвистика рассматривает в качестве объекта изучения не только язык, но и его создателя и пользователя – человека, то есть имеет антропоцентрическую направленность. Одним из основных понятий, определяющих сущность человека, является понятие ценности, которое, вслед за Н. Ф. Алефиренко, мы определяем как «культурно значимые отношения человека к окружающему миру, служащие ему ценностными ориентирами» (Алефиренко 2002, с. 160). Ценности представляют собой тот список действий, которые осуществляет этнос, чтобы выжить в определенном географическом ландшафте. Речь идет о целях, которые позволяют этносу сохранить свою идентичность. Имеются в виду не конкретные реальные объекты и предметы, а образы-представления, существующие в головах носителей культуры. У представителей одной культуры образы, как правило, совпадают (Тарасов 2018).

Говоря о представителях разных культур, необходимо учитывать, что, с одной стороны, с начала XX в. культура стала пониматься как совокупность ценностей, создаваемых в обществе, и, с данной точки зрения, именно своеобразие систем ценностей является определяющим фактором различия культур (Маслова 2015). С другой стороны, по наблюдениям ряда исследователей, в сопоставительном анализе разноязычных устойчивых выражений национальную специфику переоценивать не следует, так как различия могут заключаться в инструментарии концептуализации и не являться прямым свидетельством специфики национального менталитета (Ничипорчик 2016, с. 14).

Языковыми единицами, в которых ценности любого народа находят наиболее яркое отражение, являются паремии в целом и пословицы как вид паремии, в частности. Это связано с высокой степенью паремиологической концептуализации ценностного смысла материальных или идеальных объектов, которая выступает критерием доминантности соответствующих ценностей в паремиологических картинах мира (Ничипорчик 2016, с. 7). «Инвентаризация языкового (прежде всего, паремиологического) материала позволяет уточнить перечень ценностей, выделив ядро и периферию состава» (Ломакина – Мокиенко 2018, с. 306).

В данной статье будет рассмотрен пословичный фонд русского, французского и английского языков. Вслед за В. М. Мокиенко, мы понимаем пословицу как «логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» (Мокиенко и др. 2010, с. 5). Из многообразия пословиц языковая личность выбирает те, которые выражает вечные истины, отражающие и определяющие ее жизненную доминанту (Караулов 2004). Таким образом, пословицы являются не только хранилищем информации о ценностях, но и одновременно их генератором.

В русле изучения данной проблематики определенный интерес представляет проведение на основе лексикографического материала сопоставительного анализа отражения ценностей в русских, французских и английских пословицах, который предполагает выявление общих черт и различий жизненной доминанты соответствующих этносов. Тематическая классификация пословиц в словарях прямо или косвенно отражает ценности того или иного народа, а количественный подсчет пословиц внутри каждой рубрики (темы)

может дать представление об иерархии ценностей, так как выбор тем и соответствующих пословиц, осуществляемый авторами, не может не учитывать состояние менталитета своего народа (Нелюбова и др. 2019).

Целью настоящей статьи является изучение на лексикографическом материале универсальных и специфических черт русских и французских пословиц с точки зрения отражения в них основных этнокультурных ценностей. Источниками материала послужили «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова, «Словарь пословиц и поговорок» под редакцией Ф. Монрено, А. Пьеррона и Ф. Сюззони и «Оксфордский словарь пословиц» под редакцией Дж. Спик.

2. Методология исследования

В процессе проведения анализа были использованы индуктивно-дедуктивный подход, описательный, статистический, сопоставительный методы, прием сплошной выборки.

Исследование включало следующие этапы:

- выбор аутентичных словарей русских, французских и английских пословиц по принципу наличия в них тематической классификации или тематического указателя;
- изучение тематики основных рубрик выбранных словарей, которые прямо или косвенно отражают основные этнокультурные ценности;
- подсчет количества пословиц в рамках каждой темы, отражающий степень важности каждой выделенной темы (потенциально связанной с определенной ценностью или антиценностью);
- расположение тем в порядке убывания количества пословиц, что позволяет выстроить общую картину иерархии тем, а следовательно, и ценностей;
- выявление на основе полученной картины основных ценностных ориентиров представителей каждой из трех сопоставляемых лингвокультур;
- сопоставительная характеристика ценностных приоритетов носителей русского, французского и английского языков, выявленных на основе анализа тематики пословиц.

Указанная методика исследования была нами апробирована, а некоторые предварительные результаты проведенного анализа ранее опубликованы (Нелюбова и др. 2019).

3. Отражение ценностей в русских пословицах

Отражение в русском языковом, в том числе пословичном материале, основных ценностей и антиценностей не раз являлось предметом специальных и сопоставительных исследований. Данная проблематика рассматривалась в трудах О. Б. Абакумовой, К. А. Абульхановой, Л. К. Байрамовой, Х. Вальтера, Т. Е. Владимировой, А. В. Головановой, О. В. Ломакиной, В. М. Мокиенко, Е. В. Ничипорчик, Л. Б. Савенковой, Н. Н. Семененко, В. Н. Телия, Е. В. Урысон и др. Среди основных ценностей и ценностных ориентиров русских обычно выделяют совесть, правду, веру, терпение, семью, любовь, дружбу, добрососедство, коллектив, смелость, решительность, отмечают идеалы общинности, соборности, коллективизма,

сочувственного взаимопонимания, бережное отношение к слову, укорененность в сознании представления о своем «Я» в неразрывной связи с обществом, народом, государством; преобладание нравственного сознания над правовым и недоверие к правовой системе (Владиминова 2018).

Выбор нами в качестве источника материала «Словаря русских пословиц и поговорок» В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова обусловлен не только наличием в нем тематической классификации, но и тем, что он был издан в 1979 году – в советскую эпоху. В частности, Т. Е. Владимировна подчеркивает «экзистенциальную напряженность данного периода», говоря о разрыве между идеологизированным общественным сознанием и личностным самосознанием носителей русского языка, в то же время, совершенно справедливо отмечая долговременную православную доминанту смысложизненных ценностей русских, которые, с одной стороны, гармонизировали бытие, а, с другой – задавали опять же его экзистенциальную напряженность (Владиминова 2018). На наш взгляд, подобная ситуация демонстрирует некое стабильное состояние напряженности, дискомфорта в сознании русских. Проследить данное явление интересно на материале словаря, относящегося к советской эпохе. Ведь если рассматривать длительный исторический период формирования и развития пословиц, именно в эту эпоху могла произойти действительно серьезная переоценка ценностей, возможно даже более серьезная, чем происходит в настоящее время. Такая переоценка непременно нашла бы отражение при выборе авторами словаря тем при классификации пословиц. Следовательно, мы находим логичным проанализировать сначала словарь, изданный в социалистическую эпоху «перелома» ценностей, а впоследствии обратиться к анализу современных словарей русского языка, отражающих изменения, имеющие место в настоящем, что даст возможность сравнить то, как зафиксированный в словарях пословичный фонд «реагирует» на последствия двух разных переломных моментов в истории страны. Можно предположить, что значительных изменений не будет обнаружено, ввиду «континуумности паремиипространств по вертикали», которая понимается как «межпоколенная преемственность паремииологических единиц», проявляющаяся не только внутри одной лингвокультуры, но и на уровне разных этносов (Ничипорчик 2016, с. 37). Стабильностью в их сознании обладают и сами ценности, что подтверждают различные исследования. Например, несмотря на стремление, особенно молодежи, к индивидуализму, в настоящее время коллективные интересы все-таки превалируют над личностными (Larina et al. 2017, с. 14–15).

Предположительно, такую стабильность может продемонстрировать анализ выбранного нами словаря, в котором лексикографами было выделено 83 темы, в каждой рубрике приведено от 1 до 12 пословиц.

Полученные данные представлены ниже в виде сводной таблицы, которая объединяет результаты, полученные нами ранее (Нелюбова и др. 2019):

Таблица 1. Иерархическое представление тематики русских пословиц

Количество пословиц	Названия тем
12	Предостережение: <i>От добра добра не ищут. Не в свои сани не садись.</i>
9	Неожиданная неприятность: <i>Без меня меня женили.</i>
8	Любовь: <i>Для милого дружка и сережка из ушка; надежда, ожидание: Будет и на нашей улице праздник.</i>
7	Виновность, расплата: <i>Быть бычку на веревочке; причина и следствие: Как аукнется, так и откликнется; опытность, мастерство: Дело мастера боится.</i>
6	Взаимопомощь, товарищество: <i>В тесноте, да не в обиде; дружба: Старый друг лучше новых двух; правда: Шила в мешке не утаишь; риск, рискованность: Риск – благородное дело.</i>
5	Болтливость: <i>Мели, Емеля, твоя неделя; видимость и сущность: В тихом омуте черти водятся; гостеприимство, хлебосольство: Чем богаты, тем и рады; жизненные трудности: Жизнь прожить – не поле перейти; начало и конец: Все хорошо, что хорошо кончается; недостижимое, несбыточное: Близок локоть, да не укусишь; свое и чужое: Своя ноша не тянет; сходство: Рыбак рыбака видит издалека; счастье, радость: Нет худа без добра; труд, трудолюбие: Дела идут, контора пишет; честь: Уговор дороже денег.</i>
4	Активность, инициатива: <i>Куй железо, пока горячо; беда, горе, несчастье: Беда не приходит одна; бедность, недостаток: Бедность не порок; долг, ответственность: Дружба дружбой, а служба службой; индивидуальность, своеобразие: В семье не без урода; опоздание, запоздалость: Перед смертью не надышишься; осторожность, предусмотрительность: Береженого бог бережет; слухи, молва: Нет дыму без огня.</i>
3	Выгода: <i>Овчинка выделки не стоит; глупость: Дуракам закон не писан; дом, родина: В гостях хорошо, а дома лучше; избыток, излишество: Кашу маслом не испортишь; коллектив, общество: На миру и смерть красна; неторопливость, медлительность: Москва не сразу строилась; приветствия, пожелания: Совет да любовь; своевременность: Дорога ложка к обеду; снисходительность, доброта: Кто старое помянет, тому глаз вон; сомнение, неуверенность: Поживем – увидим; терпение, утешение: Терпенье и труд все перетрут;</i>
2	Жадность: <i>Как собака на сене; запасливость: Готовь сани летом, а телегу зимой; молодость, неопытность: Молодо – зелено; незнание: Слышал звон, да не знает, где он; непоследовательность, нелогичность: В огороде бузина, а в Киеве дядька; одаренность: Большому кораблю – большое плавание; бездействие, беспечность: На охоту ехать – собак кормить; подарки: Не дорог подарок, дорога любовь; равнодушие, безответственность: У семи нянек дитя без глаз; решительность, активность: Сказано – сделано; смелость: Смелость города берет; существенное и мелочи: Не всякое лыко в строку; удача: На ловца и зверь бежит; упрямство: Горбатого могила исправит; учение, знание: Век живи, век учись; ценность, незаменимость: Свято место пусто не бывает.</i>

1	<p>Бережливость: <i>Копейка рубль бережет</i>; боль, огорчение: <i>У кого что болит, тот о том и говорит</i>; изобретательность: <i>Голь на выдумки хитра</i>; компромисс: <i>И волки сыты, и овцы целы</i>; красота: <i>Коса – девичья краса</i>; лень: <i>Под лежащий камень (и) вода не течет</i>; любопытство: <i>Много будешь знать, скоро состаришься</i>; неблагодарность: <i>Как волка ни корми, он все в лес смотрит</i>; неожиданность: <i>Не знаешь, где найдешь, где потеряешь</i>; непонимание: <i>Сытый голодного не разумеет</i>; обещание: <i>Обещанного три года ждут</i>; одиночество: <i>Один в поле не воин</i>; потеря: <i>Что с возу упало, то пропало</i>; самостоятельность, свобода: <i>Вольному воля (спасенному рай)</i>; старость: <i>Старость не радость</i>; судьба: <i>Чему быть, тому не миновать</i>; ум: <i>Ум хорошо, а два лучше</i>.</p>
---	---

Отдельно в словаре выделено еще несколько тем, в которых представлены единицы, характеризующие: быт и обычаи русского народа (47): *Кашу маслом не испортишь*; *Любишь кататься, люби и саночки возить* и др.; история страны (9): *В Тулу со своим самоваром не ездят* и др.; названия животных, птиц и рыб (30): *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*; *Всяк кулик свое болото хвалит* и др.; названия чисел (13): *Бабушка надвое сказала*; *Беда никогда не приходит одна* и др.

Проведенный анализ и представленные выше данные позволяют прямо или косвенно выявить этнокультурные ценности и антиценности и представить их иерархию. Данный материал, как и ожидалось, не показывает кардинальных изменений ценностных предпочтений русских и демонстрирует их явную ориентацию на ценности **духовные**, а не материальные. Одной из фундаментальных ценностей является **совесть**, так как больше всего пословиц насчитывается в темах: **предостережение (12)**, **виновность и расплата (7)**, **причина и следствие (7)**. С ними косвенно связаны темы бед и неприятностей, которые могут случиться с бесовестным человеком как наказание свыше или испытание. Для преодоления жизненных трудностей необходимо проявлять **терпение (3)** пословицы выделены в соответствующей рубрике), которое относится к ценным качествам. Хотя тем **веры** и **Бога** в словаре нет, что объясняется его изданием в советский период, указанные нами разделы и количество пословиц в них свидетельствуют о том, что русский человек боялся и боится наказания Божьего независимо от эпохи. Бесспорную ценность представляют **любовь** (соответствующая рубрика представлена 8 пословицами) и **дружба** (в темах **взаимопомощь** и **товарищество**, а также **дружба** находим по 6 примеров). Анализ материала показал важность таких ценностей, как **мастерство** и **опытность**. В данной рубрике представлено 7 единиц. Наличие таких тем, как **молодость**, **неопытность (2 единицы)** и **незнание (2 единицы)**, подчеркивают важность мастерства и опыта. Безусловными ценностями для русского человека являются **правда (6 пословиц)**, **честь (5)**, **слово** как таковое и бережное к нему отношение, о чем свидетельствует 5 пословиц о болтливости, выявляющие отрицательное отношение к данному качеству. 5 единиц представляют рубрику **счастье, радость**.

В темах **коллектив**, **общество**, **родина** и даже **дом** в словаре приведено всего по 3 пословицы, однако, на наш взгляд, данные понятия можно рассматривать как ценности, так как в них в комплексе получила отражение очень важная черта русского человека – обращенность не к своей индивидуальности, а к другим людям, дух общинности, **приоритет коллективного** перед личным. В **доме** важны не стены, а **гостеприимство**,

хлебосолье (5 единиц). Отдельное внимание авторов словаря к темам *быт* и *обычаи русского народа* (47 единиц) и *история страны* (9) (многие из них повторяются в других темах) свидетельствует о ценности **Родины**. Ориентированность на коллективное начало подчеркивают две из четырех пословиц рубрики *индивидуальность, своеобразие*, имеющие ироничный и явно отрицательный смысл (*Всяк по-своему с ума сходит* и *В семье не без урода*). Тем не менее, некоторое стремление русского человека к **самостоятельности** находит подтверждение в рубриках: *решительность, активность* (2 единицы), *смелость* (2 единицы), *риск, рискованность* (6 единиц). Важно отметить, что в названиях рубрик данного словаря русских пословиц отсутствует тема **человек**, хотя совершенно ясно, что все вращается вокруг него, что все темы отражают его характер, привычки, жизненные ситуации и отношения, многие из которых выражены через метафорические образы **животных, птиц и рыб**. Такая рубрика в словаре представлена отдельно и включает 30 единиц. Подобная расстановка акцентов в формулировках тем, предположительно, связана с вышеуказанным приоритетом коллективного перед личным, даже перед самой личностью человека.

Предпочтение духовных ориентиров и некоторая отстраненность от материальной стороны жизни и всего, что ее регулирует, как и естественные физические потребности человека, представлены скорее в бытовом ракурсе, а такие рубрики, как **еда, здоровье, одежда, деньги** или **власть, правосудие** не выделены, в данном словаре в качестве отдельных тем, они прослеживаются лишь эпизодически. На темы: *выгода* (3), *запасливость* (2), *бережливость* (1) приходится наименьшее количество пословиц. Отсутствие тем власти и правосудия может объясняться упомянутым выше общим недоверием к правовой системе.

4. Отражение ценностей во французских пословицах

Основываясь на данных социологического опроса, проведенного в 1999 году, автор книги о ценностях французов (Bréchon 2000) П. Брешон, отмечает, что для французов в первую очередь важна **семья**, которая имеет бесспорный приоритет перед **работой**, затем следуют **друзья, досуг** и в самом конце называются **политика и религия**. Изменилось восприятие семейных ценностей. Большее значение придается чувствам и отношениям, чем семье как институту. Отмечается тенденция к **индивидуализации** в семье, которую не следует путать с индивидуализмом (=эгоизмом). Речь идет о персонализации ценностей и принципов внутри семьи, при этом каждый их создает и «испытывает» в своем ближайшем окружении. Исследователями (Gallard – Roudet 2014, с. 259) отмечается интересный факт: французы в возрасте от 18 до 50–60 лет характеризуются относительной общностью системы ценностей, которую можно определить одним понятием – индивидуализация, т.е. тем, что каждый человек свободен в выборе основных жизненных ориентиров. Подобной ситуации не наблюдалось еще 30–40 лет назад, когда разница в ценностных ориентирах молодежи и более старших поколений была существенной (Нелюбова 2019).

Существует ряд исследований, посвященных основным ценностям и концептам французов, в том числе в сопоставительном аспекте: французская национальная личность (Раппопорт Н. В.), дружба и вражда (Балбас Н. Н.), добро и зло (Богданова Е. А.), обладание

(Нечаева Е. Ф.), вино (Логинова П. Г.), женщина (Великородных О. В., Мензаирова Е. А., Мухутдинова Ф. Б.), любовь (Балабин В. В., Кургузенкова Ж. В., Макарова Г. А., Мензаирова Е. А.), маскулинность (Белова Т. М.), семья (Железнова Ю. В.), время (Обухова Т. А.), атмосферные явления (Ломоносова Ю. Е.), гастрономия и гурманство (Ащенкова Г. А., Кургузенкова Ж. В., Плетнева Е. В.), внутренние органы человека (Купина Н. И.), возраст (Крючкова Н. В.), гостеприимство (Захарова Т. В.), честь (Балабин В. В., Субиркина Н. Ю.), волшебство (Ивченко М. В.), путешествие (Бабуина Т. И.), эмоциональное состояние человека (Новицкая Т. А.) и др. Работы, в которых бы рассматривались ценности французов и их иерархия в ракурсе их отражения в пословицах, нам неизвестны.

В качестве французского лексикографического источника был выбран «Словарь пословиц и поговорок» 2010 года под редакцией Ф. Монрено, А. Пьеррона и Ф. Сюззони (Издательство Le Robert), в котором пословицы сгруппированы по тематическому принципу. Исходя из образа, лежащего в основе метафорического переноса, в нем выделена 21 тема (раздел), в рамках каждой из которых представлены подразделы (их количественный и качественный анализ мы рассматриваем в качестве перспективы исследования). В Таблице 2 данные об иерархии тем и количестве французских пословиц по каждой теме приведены аналогично тому, как это было сделано применительно к русскому материалу (см. Таблицу 1). Она также обобщает представленные ранее данные (Нелюбова 2019).

Необходимо отметить, что русские варианты, предложенные в скобках после пословиц, приведенных в таблицах 2 и 3 (см. п.3 об английских пословицах), являются либо дословным или приблизительным переводом, либо общепринятый русским эквивалентом, так как в наши задачи входила передача общего смысла пословицы, что является вполне достаточным для реализации поставленной цели. Проблема перевода пословиц, как и любой устойчивой языковой единицы, является предметом отдельного исследования.

Таблица 2. Иерархическое представление тематики французских пословиц

Количество пословиц	Названия тем
237	Les animaux domestiques (домашние животные): <i>Il ne faut pas acheter chat en poche</i> (Не нужно покупать кота в мешке).
214	L'homme: le corps, les actes, la vie (человек: тело, поступки, жизнь): <i>D'un petit homme souvent grand ombre</i> (Тень невысокого человека часто велика).
189	Les échanges et les biens (обмен и блага): <i>L'argent ne pousse pas sur les arbres</i> (Деньги на деревьях не растут).
151	Le bestiaire (животный мир – дикие животные): <i>Il faut hurler avec les loups</i> (С волками жить – по волчьей выть).
116	La vie domestique (домашняя жизнь): <i>Maison sans flamme, corps sans âme</i> (Дом без огня словно сердце без души).
111	La religion (религия): <i>L'homme propose et Dieu dispose</i> (Человек предполагает, а Бог располагает).

110	La nature (природа): <i>Le soleil luit pour tout le monde</i> (Солнце светит для всех одинаково).
105	Conditions et milieux sociaux (социальные условия и слои): <i>Noblesse oblige</i> (Положение обязывает).
99	Les relations humaines (человеческие взаимоотношения): <i>Les amis de nos amis sont nos amis</i> (Друзья наших друзей – наши друзья).
99	La nourriture, la table (еда, стол): <i>On ne vieillit point à table</i> (За столом не стареют).
96	La logique des actions (логика поступков): <i>Il n'est jamais trop tard pour bien faire</i> (Никогда не поздно все исправить. Букв.: сделать правильно).
93	Le travail de la terre (земледелие): <i>Il faut semer qui veut moissonner</i> (Что посеешь, то и пожнешь).
92	La communication (общение): <i>En demandant on va à Rome</i> (Язык до Киева доведет. Букв.: до Рима)
83	Les objets usuels (предметы быта): <i>Un clou chasse l'autre</i> (Клин клином вышибают. букв.: гвоздь гвоздем).
66	Morale et vision du monde (мораль и миропонимание): <i>Pour vivre heureux vivons cachés</i> (Чтобы жить счастливо, нужно это скрывать).
62	Le droit et la justice (право и правосудие): <i>La justice est comme la cuisine, il ne faut pas la voir de trop près</i> (Правосудие как кухня, не нужно к ней слишком приглядываться).
57	Les voyages (путешествия): <i>Les voyages forment la jeunesse</i> (В путешествиях закаляются молодые).
49	La guerre et les armes (война и оружие): <i>A la guerre comme à la guerre</i> (На войне как на войне).
47	Les métiers et le monde du travail (ремесла и труд): <i>Apprenti n'est pas maître</i> (Подмастерье – не мастер).
42	Le drap et l'habit (белье и одежда): <i>La peau est plus proche que la chemise</i> (Своя рубашка ближе к телу. Букв: Кожа – ближе рубашки).
23	Activités intellectuelles (умственная деятельность): <i>Autant de têtes autant d'avis</i> (Сколько умов (голов), столько мнений).

Анализ тематики французского словаря также позволил нам прийти к определенным выводам относительно соответствующих этнокультурных ценностей и степени их значимости. В первую очередь, необходимо отметить ориентированность представителей французской лингвокультуры на самого человека, на его **индивидуальность**, личность, жизнь, характер, поступки, здоровье, возраст, взаимоотношения. В комментарии к рубрике **ремесла и труд** авторы словаря отмечают присущий французам **индивидуализм** и **приоритет личных интересов**. Тема **человек** не просто обозначена в словаре, но и насчитывает практически самое большое количество единиц (214). Очень большое количество пословиц в темах, связанных с **домашними животными** (237 пословиц) и **животным миром** в целом (дикие животные, птицы, рыбы и пр.) (151), объясняется тем, что данные рубрики выделялись авторами словаря исходя из метафорического образа, на основе которого родилась та или иная пословица. Таким образом, все пословицы о животных подчеркивают ценность самого **человека**, косвенно передавая посредством образа все, что с ним (человеком) связано. Широко представлена рубрика **обмен и блага**

(189 единиц), в подрубриках которой, среди прочих, выделяются *торговля* (41 единица) и *деньги* (19 единиц), что свидетельствует об их важности для французов. Обширна рубрика *домашняя жизнь*. Она включает 116 пословиц, которые сгруппированы в подрубрики: *жилище* (8), *быт, супружество, супруги, хозяйство* (53), *семейные отношения* (27), из чего можно сделать вывод о ценности *семьи* и семейных отношений. Интересно, что авторы словаря выделяют подрубрику *женщина, жена* (28 единиц). 111 пословиц приведено на тему *религия*, что было для нас неожиданным, учитывая, что в предисловии к словарю указывается, что французские пословицы носят скорее характер светский, нежели религиозный. Внутри темы отметим следующие подрубрики: *Бог и дьявол* (34 единицы), *святые* (9), *церковь* (23), *грех и ад* (10). Примерно то же количество единиц представлено в темах *природа* (110), *социальные условия и слои* (105), *еда и стол* (99), *человеческие взаимоотношения* (99), *логика поступков* (96), *земледелие* (93). В рубрике *общение* (92 единицы) значительное место отводится *языку* (58 единиц), имеется подрубрика *слово и дело*, что свидетельствует о ценности для французов родного языка и слова. Больше количество пословиц мы ожидали увидеть на темы *любви, дружбы* и *трапезы*, но, если *еда и стол* выделена в отдельную достаточно большую рубрику, то *любовь* (16 единиц) и *дружба* (28 единиц) представлены подрубриками в теме *человеческие взаимоотношения*. В теме *земледелие* (93) выделена подрубрика *вино, виноградарство, виноделие* (34 пословицы), что связано с агрокультурой страны и ценностью именно данной ее отрасли. Оставшиеся темы представлены в сравнительно небольшом количестве, однако, также имеют определенную ценность уже в связи с тем, что они представлены в словаре в качестве основных рубрик. Это, в частности, *право и правосудие* (62 единицы, среди которых много единиц с отрицательным значением), интересно, что отдельно приведены такие рубрики, как *путешествия* (57 единиц) и *белье и одежда* (42). Важны темы *война и оружие* (49 пословиц), *ремесла и труд* (47) и *умственная деятельность* (минимальное количество - 23 единицы). Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о том, что представители французской лингвокультуры в значительной степени ориентированы на *материальные* ценности.

5. Отражение ценностей в английских пословицах

К изучению английского национального характера с различных точек зрения и, в том числе, в сопоставительном ракурсе, обращались в своих трудах Л. К. Байрамова, Дж. Горер, А. Вежбицкая, С. В. Иванова, В. И. Карасик, О. А. Леонтович, Т. В. Ларина, Т. В. Солдаткина, И. А. Стернин, М. В. Цветкова и др. Национальный характер англичан можно охарактеризовать как «сплав разнообразных характеристик поведения людей, но при всей своей аморфности и текучести он отличается трезвым практическим реализмом, преимущественной опорой на интуицию, а не логические рассуждения, признанием права индивидуума вести себя естественно..., явным нежеланием выставляться напоказ, резким неприятием внешнего контроля и стремлением занимать определенную социальную нишу. Будучи реалистами до мозга костей, англичане любят абсурд в виде нонсенса» (Карасик и др. 2006, с. 86). К наиболее важным концептам культурного мира англичан относят

дом, свободу, приватность, здравый смысл, чувство юмора, джентльменство, честную игру, сдержанность, наследие, традицию (М. В. Цветкова), доминантами английского национального характера считаются, помимо указанных выше, законопослушность, вежливость, спортивность, чувство английского превосходства, патриотизм и национальную гордость, отсутствие интереса к другим народам и странам, спокойствие в критических ситуациях, толерантность, уважение к собственности, невмешательство в чужие дела, либерализм в воспитании детей, любовь к садоводству и др. (И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина). К основным ценностям носителей английского языка (англичан, американцев и др.) обычно относят рационализм, независимость, равенство, индивидуализм, прагматизм, соревновательность, толерантность, эмоциональный самоконтроль, позитивный взгляд на мир и др. Среди наиболее важных коммуникативных ценностей (ценностей, оказывающих непосредственное влияние на коммуникативное поведение носителей английского языка) выделяют, в частности вежливость, автономию личности («прайвеси»), сдержанность и позитивность (Ишанкулова 2011).

Лексикографическим источником английского материала послужил «Оксфордский словарь пословиц» (5-е издание), в котором были учтены языковые и экстралингвистические факторы, повлиявшие на развитие англоязычных пословиц и приведены примеры их употребления в литературных произведениях, в том числе современных. Основные статьи словаря представлены по ключевым словам со ссылкой на тематический указатель, в котором пословицы сгруппированы более чем в 200 рубрик. Данный указатель послужил основой для проведенного нами анализа тематики англоязычных пословиц. Предлагая перевод приведенных примеров, мы исходили из того же принципа, что и при переводе французских пословиц (см. раздел 2). Полученные данные также изложены в виде таблицы. Рубрики, в которых было выявлено по 10 единиц и менее, включены частично, а по 5 пословиц и менее в таблицу нами внесены не были, ввиду их минимальной показательности.

Таблица 3. Иерархическое представление тематики английских пословиц

Количество пословиц	Названия тем
29	Great and small (большое и малое): <i>A live dog is better than a dead lion</i> (Живая собака лучше мертвого льва)
28	Action and consequence (Поступки и их последствия): <i>If you play with fire you get burnt</i> (Не играй с огнем – не обожжешься); love (любовь): <i>Love makes the world go round</i> (Любовь заставляет мир вращаться); money (деньги): <i>Money can't buy happiness</i> (За деньги счастье не купишь)
27	Opportunity (возможность): <i>Take the goods the gods provide</i> (Бери все, что Бог дает)
26	Ways and means (пути и средства): <i>Slow but sure</i> (Медленно, но верно)
25	Appearance (внешность): <i>The eyes are the windows of the soul</i> (Глаза – зеркало души); human nature (человеческая природа): <i>Man is the measure of all things</i> (Человек – мера всего сущего);

24	Efficiency and inefficiency (эффективность и неэффективность): <i>Never put off till tomorrow what you can do today</i> (Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня)
23	Work (работа): <i>Business before pleasure</i> (Сначала дело, потом – удовольствие / Закончил дело – гуляй смело)
22	Good and evil (добро и зло): <i>Where God builds a church, the Devil will build a chapel</i> (Там где Бог возводит церковь, дьявол строит часовню); misfortune (беда): <i>Misfortunes never come singly</i> (Беда не приходит одна); prudence (осторожность): <i>Forewarned is forearmed</i> (Предупрежден – значит вооружен); patience and impatience (терпение и нетерпение): <i>Patience is a virtue</i> (Терпение – добродетель)
20	Content and discontent (довольство и недовольство): <i>Something is better than nothing</i> (Лучше хоть что-нибудь, чем ничего); marriage (бра́к, заму́жество, жени́тба): <i>Marriages are made in heaven</i> (Браки заключаются на небесах)
19	Wrong-doers (дурные поступки): <i>To err is human</i> (Человеку свойственно ошибаться)
17	Associates (партнеры): <i>A man is known by the company he keeps</i> (Скажи мне, кто твой друг, а я скажу, кто ты); death (смерть): <i>There is a remedy for everything except death</i> (Есть лекарства от всего, кроме смерти)
16	Necessity (необходимость): <i>Who says A must say B</i> (Сказал А - говори В)
15	Old age (пожилой возраст): <i>Never too old to learn</i> (Учиться никогда не поздно)
14	Ignorance (незнание, неведение): <i>Ignorance of the law is no excuse for breaking it</i> (Незнание закона не освобождает от ответственности); poverty (бедность): <i>When poverty comes in at the door, love flies out of the window</i> (Когда бедность заходит в дверь, любовь вылетает в окно); speech and silence (слово и молчание): <i>Speech is silver, but silence is golden</i> (Слово – серебро, а молчание – золото)
13	Conduct (поведение): <i>You can't please everyone</i> (Всем не угодишь); rulers and ruled (власть и народ): <i>The king can do no wrong</i> (Король всегда прав); fate and fatalism (судьба и фатализм): <i>Man proposes, God disposes</i> (Человек предполагает, а Бог располагает); trouble (неприятности): <i>Never trouble trouble till trouble troubles you</i> (Не буди лихо, пока оно тихо); similarity and dissimilarity (сходства и различия): <i>Like father, like son</i> (Каков отец, таков и сын); luck (удача): <i>Lucky at cards, unlucky in love</i> (Не везет в картах, повезет в любви); words and deeds (слово и дело): <i>Actions speak louder than words</i> (Поступки красноречивее слов)
12	Action and inaction (действие и бездействие): <i>The road to hell is paved with good intentions</i> (Благими намерениями вымощена дорога в ад); business (бизнес): <i>Business is war</i> (Бизнес – это война); calendar lore (знания календаря): <i>Marry in May, rue for aye</i> (Жениться в мае – всю жизнь маяться); caution (осторожность): <i>be careful what you pray for, you might get it</i> (Будьте осторожны в своих молитвах: они иногда сбываются); experience (опыт): <i>Experience is the best teacher</i> (Опыт – лучший учитель); food and drinks (еда и напитки): <i>You are what you eat</i> (Вы это то, что вы едите); self-preservation (самосохранение): <i>Self-preservation is the first law of nature</i> (Самосохранение – основной закон природы); truth (правда): <i>Children and fools tell the truth</i> (Правду говорят дети и глупцы); women (женщины): <i>A woman's work is never done</i> (Женская работа бесконечна)

11	Family (семья): <i>The apple never falls far from the tree</i> (Яблоко от яблони недалеко падает); circumstances (обстоятельства): <i>When in Rome, do as the Romans do</i> (В Риме веди себя как римлянин, русский эквивалент: <i>В чужой монастырь со своим уставом не ходят</i>); idiosyncrasy (своеобразие/индивидуальные особенности): <i>So many men, so many opinions</i> (Сколько людей, столько мнений); possibility and impossibility (возможность и невозможность): <i>All things are possible with God</i> (С Богом все возможно); reputation (репутация): <i>The devil is not so black as he is painted</i> (Не так страшен черт, как его малюют)
10	Buying and selling (покупка и продажа): <i>It takes two to make a bargain</i> (Для сделки двоим достаточно); employers and employees (работодатели и работники): <i>No man can serve two masters</i> (Невозможно служить двум господам); national characteristics/ Englishness (национальные характеристики, в том числе англичан): <i>An Englishman's house is his castle</i> (Дом англичанина – его крепость); fair dealing (добропорядочность): <i>All's fair in love and war</i> (В любви и на войне все средства хороши); health (здоровье): <i>Laughter is the best medicine</i> (Смех – лучшее лекарство); home (дом): <i>There's no place like home</i> (Нет места лучше, чем дом); tact (такт): <i>Think first and speak afterwards</i> (Сначала думай, потом говори); thrift (бережливость): <i>Take care of the pence and the pounds will take care of themselves</i> (рус. Копейка рубль бережет); time (время): <i>Time will tell</i> (Время покажет); youth (молодость): <i>If youth knew, if age could</i> (Если б молодость знала, если б старость могла)
9	Assistance (помощь): <i>Two heads are better than one</i> (Одна голова хорошо, а две – лучше); children (дети): <i>Out of the mouths of babes...</i> (Устами младенца...); diligence (усердие): <i>The early bird catches the worm</i> (рус. Кто рано встает, тому Бог подает); foresight (предвидение/ предусмотрительность): <i>Hope for the best and prepare for the worst</i> (Надейся на лучшее, готовься к худшему); future (будущее): <i>Never say never</i> (Никогда не говори никогда)
8	Decision and undecision (решительность и нерешительность): <i>Don't change horses in mid-stream</i> (Коней на переправе не меняют); discretion (осмотрительность, благоразумие): <i>One does not wash one's dirty linen in public</i> (рус. Не выносить сор из избы); friends (друзья): <i>A friend in need is a friend indeed</i> (Друг познается в беде); life (жизнь): <i>Life begins at forty</i> (В сорок лет жизнь только начинается); providence (провидение, расчет, предусмотрительность): <i>Providence is always on the side of the big battalions</i> (Провидение всегда на стороне сильнейших); risk (риск): <i>Nothing venture, nothing gain</i> (рус. Кто не рискует, тот не пьет шампанское); strength and weakness (сила и слабость) <i>Union is strength</i> (В единении сила)
7	Conscience (совесть): <i>A clean conscience is a good pillow</i> (Чистая совесть как удобная подушка/С чистой совестью лучше спать); hunger (голод): <i>A hungry man is an angry man</i> (Голодный человек – злой человек); riches (богатые): <i>It is better to be born lucky than rich</i> (Не родись богатым, а родись везучим); self-help (самопомощь): <i>Every man is the architect of his own fortune</i> (Каждый – сам кузнец своего счастья); society (общество): <i>Do as you would be done by</i> (Поступай так, как хочешь, чтобы с тобой поступали другие); success (успех): <i>Let them laugh than win</i> (Пусть лучшие смеются, чем побеждают)

6	Enemies (враги): <i>The enemy of my enemy is my friend</i> (Враг моего врага – мой друг); honesty and dishonesty (честность и нечестность): <i>When thieves fall out, honest men come by their own</i> (Где вор оплошает, честный человек справится); good things (хорошее): <i>The best is the enemy of the good</i> (Лучшее – враг хорошего); learning (учение): <i>It is never too late to learn</i> (Никогда не поздно учиться); politics (политика): <i>The voice of the people is the voice of God</i> (Глас народа – Божий глас); pride (гордость): <i>Pride feels no rain</i> (Гордыня боли не разумеет)
5	Bribery and corruption (взяточничество и коррупция): <i>A golden key can open any door</i> (Золотым ключом любая дверь открывается); honour (честь): <i>An Englishman's word is his bond</i> (англичанин слово держит); justice and injustice (справедливость и несправедливость): <i>Law for the rich and another for the poor</i> (Одни законы – для богатых, другие – для бедных); tolerance (терпимость, толерантность): <i>Live and let live</i> (Живи сам и дай жить другим); value (ценность): <i>Gold may be bought too dear</i> (Золото иногда обходится слишком дорого)

Проведенное исследование и данные, изложенные в таблице, показывают, что название многих тем представлены в виде диад, в которых далеко не всегда одно понятие обозначает ценность, а противоположное – антиценность: не всегда пословицы, связанные с одной крайностью, несут в себе позитивную оценку, а с другой – негативную. Об этом свидетельствует самое большое количество единиц в рубрике **большое и малое** (29), что, возможно, отражает терпимое отношение англичан к разнообразию форм и индивидуальных особенностей всего сущего, подтверждаемое также наличием рубрики **своеобразие** (11 единиц). В словаре имеет место даже отдельная тема **толерантность** (5 единиц). В темах **любовь** и **деньги** представлено по 28 пословиц, что позволяет сделать вывод об их ценности. Все пословицы о любви связаны с любовью между мужчиной и женщиной, данная рубрика связана также с темами **брак** (19 единиц), **семья** (11), **дом** (10), **дети** (9), **свадьба** (6), **жены и мужа** (4). Таким образом, очевидную ценность представляют для носителей английского языка **семья, дом, семейные отношения**. Важность денег и денежных отношений также отражена в смежных темах: **покупка и продажа** (10), **бережливость** (10) и др. Тема **работа** представлена 23 пословицами, что свидетельствует о ее важности, как и связанные с ней **бизнес** (12), **работодатели и работники** (10). В пословицах также получила отражение отмеченная выше **законопослушность**, причиной которой может быть и **совесть**, и страх перед наказанием. О важности данных качеств свидетельствует очень большое количество пословиц в теме **поступки и их последствия** (28), **осторожность** (22), **дурные поступки** (19), **совесть** (7), **законы** (5), которые не всегда справедливы, что также отражено в рубриках **политика** (6), **взяточничество и коррупция** (5). Ценность и антиценность представляет собой диада **добро** и **зло**, в соответствующей рубрике выявлено 22 пословицы. Во многих пословицах упоминаются Бог и дьявол, однако религия как отдельная тема не выделяется, а в теме **вера** находим всего 2 пословицы, зато имеется рубрика **судьба и фатализм** (13 единиц). Важность и ценность самого **человека** также очевидна и наиболее кратко и емко отражена в пословице *Man is the measure of all things* (Человек – мера всего сущего). Она раскрывается в темах **внешность** и **человеческая природа** (по 25 единиц), разные возрастные периоды в жизни человека:

молодость (10), *средний возраст* (2) и *старость* (15), которая особенно почитается, как и *опыт* (12 единиц); здоровье (10); его качества, среди которых очень ценным считается *терпение* (рубрика *терпение и нетерпение* включает 22 пословицы), важную роль играют *поведение* в целом (13 единиц), *тактичность* (10), *манеры* (5), *вежливость* (4); *репутация* (11), *добропорядочность* (10). Интересен факт наличия отдельной темы *Englishness*, выделяя которую автор отсылает к рубрике *национальные черты*, куда включены 10 пословиц, 5 из них – об англичанах, как и ряд других: о важности для англичан *чести, слова*, не только как данного кому-либо слова, но и *слова и молчания* (14 единиц), и достоинств последнего. Среди человеческих взаимоотношений помимо любви, о которой было сказано выше, ценность представляет *помощь* (9 единиц), *дружба (друзья* – 8 единиц, *враги* – 6). Отдельно представлена рубрика *женщины*, в которой зафиксировано 12 пословиц. В словаре присутствуют также рубрики *жизнь* (8 единиц) и *смерть* (17), то есть жизнь, на наш взгляд, тоже может рассматриваться как ценность. Немаловажная роль отводится еде и напиткам (12 единиц). Таким образом, проведенный анализ показывает ориентированность представителей англоязычных культур и, в частности, англичан на индивидуальность человека, причем именно на ценность данной индивидуальности, как на его духовные, так и материальные ценности.

6. Сопоставительная характеристика пословичного фонда русского, французского и английского языков с точки зрения отражения в нем основных этнокультурных ценностных ориентиров

Несмотря на бесспорный фактор субъективности, который всегда имеет место при составлении словарей, включенности в них тех или иных языковых единиц и формулировки названий тем, анализ тематических классификаций и указателей в словарях русских, французских и английских пословиц позволил выявить значительные совпадения при обозначении рубрик (подрубрик), а также их состава, подтверждая уже высказанную исследователями идею о том, что «схожесть составов словарных объединений в разноязычных словарях говорит об идентичности для разных этносов основных жизненных коллизий, в которых проявляется действие поведенческих норм» (Ничипорчик 2016, с. 22). Во всех трех словарях присутствуют такие рубрики (подрубрики), как: *любовь, дружба, труд (работа), красота, счастье, правда, судьба*, различного рода *жизненные трудности, бедность и богатство, дом, молодость и старость, опыт, ум*. Ценность ума выражается и через присутствующую во всех трех словарях тему глупости. Вышеуказанные темы могут быть представлены разным количеством пословиц и по-разному. Тема *дом* фигурирует в русском и английском словарях, а во французском представлена как *домашняя жизнь*, но во всех трех лингвокультурах очевидна важность и ценность семьи и семейных отношений. В русском словаре тема формулируется как *дом, родина*. Слово *родина* отсутствует в тематике французского и английского словарей, однако, в английском словаре выделена тема *Englishness*, что, безусловно, указывает на патриотизм и национальную гордость англичан. Во всех трех лингвокультурах прослеживается бережное отношение к слову, причем у русских и англичан ценится молчание, англичане и французы проявляют трепетность в отношении к родному языку и к данному им слову. В русском словаре

обозначена тема **обещание**, представленная лишь одной пословицей *Обещанного три года ждут*, что говорит не только о явной самоиронии, но и важности слова. Тема **общество** представлена с различной варьированностью обозначений во всех трех словарях, однако для русских она раскрывает значимость общественных интересов, а для французов и англичан – социальный статус. Только в русских темах присутствует слово *коллектив*. Используя терминологию Т. В. Лариной (Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017), мы можем четко проследить на нашем материале отнесенность русской культуры, где коллективные интересы важнее личных, к мы-ориентированной культуре, а французской и английской – к я-ориентированной культуре. В них очевидный приоритет составляют интересы личные. Во Французском и английском материале присутствуют такие темы, как: **пища (еда и стол/еда и напитки** в русском находим тему **хлебосоольство**); **время, здоровье, деньги, власть и правосудие**, которые в тематике выбранного нами русского словаря отсутствуют. В русском и английском материале присутствует тема **терпение**, которое, возможно, не так свойственно французам, а также индивидуальность и своеобразие, которое оба этноса принимают, относясь к нему чаще нейтрально, констатируя многообразие мира, разницу форм, содержания и вкусов, которая имеет право на существование (англичане): *so many men, so many opinions* (*Сколько людей, столько мнений*), та же пословица присутствует и в русском материале в аналогичной рубрике, но русские могут относиться к своеобразию и яркой индивидуальности и иронично: *В семье не без урода; Всяк по-своему с ума сходит*. Только в словаре французских пословиц встретились такие темы, как **путешествия и война и оружие**.

Анализ пословиц трех языков позволил нам прийти к выводу о преимущественной ориентированности русских на духовные ценности, а французов – на материальные, как и представителей английской лингвокультуры, проявляющих к духовным благам все же несколько больший интерес, чем французы, однако, последний вывод требует дальнейшей верификации.

Необходимо отметить также тот факт, что авторы всех трех словарей прибегают к формулировке тем в виде диад: **добро и зло, возможное и невозможное, счастье и несчастье**. Чаще всего такие формулировки встречаются в словаре английских пословиц, менее часто – названиях подрубрик словаря французских пословиц. Такие диады могут являться прямым или косвенным обозначением ценности и соответствующей антиценности.

Упоминание Бога и дьявола встречается в пословицах всех трех языков, но не всегда присутствует в названиях тем. В словаре французских пословиц есть рубрика **религия** с подрубрикой **Бог и дьявол**. Отсутствие в словаре русских пословиц данной темы может объясняться тем, что он был издан в советскую эпоху. В современных словарях данная тема представлена. В словаре английских пословиц есть тема **вера**. Вера в широком смысле и ее ценность отражена, тем не менее, в названиях других рубрик: **добро и зло, поступки и их последствия, судьба, передостережение** и т.д. Данная тема представляет безусловную важность в выявлении ценностных ориентиров представителей и любого этноса и требует, как и многие другие, более детального исследования.

7. Заключение

Исследование, проведенное нами на русском, французском и английском паремиографическом материале еще раз подтвердило возможность выявления основных этнокультурных ценностей на основании анализа названий рубрик в словарях пословиц и подсчета количества единиц в каждой рубрике, который позволяет определить степень ценности той или иной темы в сознании представителей определенной лингвокультуры.

В ходе анализа были обнаружены значительные совпадения при обозначении рубрик/подрубрик изученных нами словарей, а также их состава. Среди общих тем, которые могут рассматриваться как ценности представителей всех трех сопоставляемых лингвокультур, были выявлены: **любовь, дружба, труд (работа), красота, счастье, правда, дом, семья и семейные отношения, опыт, ум**. Специфика обозначения некоторых тем проявилась в словаре русских пословиц: только там встретились такие понятия, как **родина** (тема **дом, родина**) и коллектив (тема **коллектив, общество**). Для представителей английской лингвокультуры ценность представляет их национальная идентичность (темы **национальные особенности** и **Englishness**). Только во французском материале присутствуют рубрики **путешествия** и **война и оружие**. Более детальный анализ данного этноспецифического материала рассматривается нами как предмет дальнейших изысканий.

В материале нашла отражение ориентированность русских на духовные и коллективные ценности, а французов и англичан – на ценности индивидуальные и в большей степени материальные (особенно у французов). Необходимо, однако, отметить роль субъективного фактора при составлении словарей, поэтому для верификации полученных данных в качестве перспективы проведенного исследования мы рассматриваем анализ большего количества паремиографических источников, художественных произведений русских, франкоязычных и англоязычных авторов, а также проведение анкетирования представителей изучаемых лингвокультур.

Библиография

- Алефиренко, Н. Ф.: *Поэтическая энергия слова (синергетика языка, сознания и культуры)*. Москва: АCADEMIA 2002.
- Владимирова, Т. Е.: *Русский дискурс в межкультурной коммуникации. Экзистенциально-онтологический подход*. Изд. 3-е, перераб. и доп. Москва: Ленанд, 2018.
- Ишанкулова, Д. Г.: *Коммуникативные ценности в лексико-фразеологической системе английского языка*. Автореферат канд. дисс. Москва, 2011.
- Карасик, В. И. – Ярмахова, Е. А.: *Лингвокультурный типаж «английский чудак»*. Москва: Гнозис, 2006.
- Караулов, Ю. Н.: *Русский язык и языковая личность*. 4-е изд. Москва: URSS, 2004.
- Ломакина О. В. – Мокиенко, В. М.: Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков). *Русин*, 2018, № 4 (54), с. 303–317.
- Маслова, В. А.: СТРАННИК в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015, №3, с. 23–31.

- Мокиенко В. М. – Никитина Т. Г. – Николаева, Е. К.: *Большой словарь русских пословиц*. Москва, 2010.
- Нелюбова Н. Ю. – Хильтбруннер, В. И. – Ершов, В. И.: Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2019, №1.
- Ничипорчик, Е. В.: *Отражение ценностных ориентаций в паремиях: Лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты*. Автореферат докт. дисс. Минск, 2016.
- Тарасов, Е. Ф. – Нистратов, А. А.: Базовые ценности россиян. In *Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность*. Москва, 2018.
- Bréchon, P.: *Les valeurs des Français. Evolution de 1980 à 2000* P.: Armand Colin, 2000.
- Gallard, O. – Roudet, B.: *Une jeunesse différente? Les valeurs des jeunes Français depuis 30 ans*. Paris: La documentation Française, 2014.
- Larina, T. – Mustajoki, A. – Protassova, E.: Dimensions of Russian culture and mind. In Lehtisaari, K. – Mustajoki, A. (eds.): *Philisophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation. Series: Studies in Contemporary Russia*. London – New-York: Routledge, p. 7–19.
- Larina, T. – Ozyumenko, V. – Kurteš, S.: I-identity vs WE-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*. 13 (1), 2017, p. 109–128.

Словари

- Фелицына, В. П. – Прохоров, Ю. Е.: *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения*. Верещагин, Е. М. – Костомаров, В. Г. (ред.). Москва: Русский язык, 1979.
- Montreynaud, F. – Pierron, A. – Suzzoni, F.: *Dictionnaire de proverbes et dictons*. Paris: Le Robert, 2010.
- The Oxford Dictionary of Proverbs*. Speake, J. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2008.

Вопыт стварэння чэшска-беларускага фразеалагічнага слоўніка

The Experience of creating Czech-Belarusian phraseological dictionary

Inna Kalita

Abstract

This article introduces the experience of creating Czech-Belarusian phraseological dictionary (*Česko-běloruský frazeologický slovník*, Kalita, 2017). The problems connected with differences of contemporary communicative potential of two Slavic languages, which need to be taken in consideration in the process of writing a dictionary, are defined. The article introduces principles of representation of phraseological units and a structure of the dictionary. There are also examples of dictionary entries and entries with cementary that hold ethnocultural semantics. Exceptionality of this dictionary is the inclusion of substandard Belarusian phrasemes and original Belarusian phraseologisms, that we reconsidered colloquial for a long time and to this day have not been listed in Belarusian phraseological dictionaries.

Анацыя

Артыкул знаёміць з вопытам стварэння першага чэшска-беларускага фразеалагічнага слоўніка (*Česko-běloruský frazeologický slovník*, Kalita, 2017). Асвечаны праблемы, звязаныя з адрознасцю сучаснага камунікатыўнага патэнцыялу дзвюх славянскіх моў, на якія неабходна было звярнуць увагу пры ўкладанні слоўніка. Прадстаўлены прынцыпы фразеаграфічнай працы і структура выдання, прыведзены прыклады слоўнікавых артыкулаў і прыклады адзінак з кампанентамі, якія нясуць этнакультурную семантыку. Адметнасцю слоўніка з'яўляецца фіксацыя зніжаных беларускіх фразем і ўласна беларускіх гутарковых фразеалагізмаў, якія доўгі час лічыліся размоўнымі і да гэтага часу не ўвайшлі ў беларускія фразеалагічныя слоўнікі.

Key words: lexicography, Slavic phraseology, Czech-Belarusian phraseological dictionary, equivalent, Belarusian language, Czech language, visual labels

Ключавыя словы: лексікаграфія, славянская фразеалогія, чэшска-беларускі фразеалагічны слоўнік, эквівалент, беларуская мова, чэшская мова, візуальныя паметы

1. Уводзіны

Вывучэнне чэшскай і беларускай моў у параўнальным плане часцей закрэае пытанні развіцця пурыстычных тэндэнцый на асобных этапах іх развіцця (Запрудскі 2008).

Кампаратыўныя чэшска-беларускія даследванні адлюстраваныя ў працах Н. Івашынай і А. Руденка, фразеалогію і гendarныя аспекты беларускай і чэшскай моў даследуе К. Кедрон (Kedron, 2014), семантыка колераў у фразеалогіі і нацыянальнай моўнай карціне свету прадстаўлена ў працах І. Каліты („Очерки по компаративной фразеологии“ I і II (2016, 2017) і інш.). Аўтарскі калектыў Н. Івашына – А. Руденка – Л. Яновец прысвяціў сваю працу міжмоўным амонімам – „ілжывым сябрам перакладчыка“ („Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině“, 2006).

Дзвюхмоўная фразеаграфія пачала развівацца напрыканцы ХХ стагоддзя, таму пакуль нельга казаць пра вялікі досвед у галіне складання перакладных фразеалагічных слоўнікаў. Дзвюхмоўных фразеалагічных і парэміялагічных выданняў, якія выйшлі на канцы ХХ – пачатку ХХІ стагодзя і прадстаўляюць беларускую мову, няшмат. Сярод іх можна назваць наступныя:

Корсак Л. Д. – Марціновіч Л. С. 1984: *Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу*;

Санько З. 1991: *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*;

Aksamitow A. – Czurak M. 2000: *Slownik frazeologiczny białorusko-polski*;

Іваноў Я. – Раманава Н. 2006: *Deutsch-Belarussisches paremiologisches wörterbuch*;

Іваноў Я. – Іванова С. 2007: *Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік*;

Киселёв И. 1991: *Русско-белорусский фразеологический словарь*;

Астравух А. М. 2008: *Ідыш-беларускі слоўнік з прыказкамі, прымаўкамі, прыгаворкамі, выслоўямі, фразэмамі, параўнаньнямі, зычаньнямі, вітаньнямі, дражнілкамі-кепікамі, праклёнамі, загадкамі, скарагаворкамі, каламбурамі, цытатамі з жыдоўскіх песень, анекдотаў і літаратурных твораў*;

Кулік Л. У. – Ляшчынская В. А. 2010: *Англа-беларускі слоўнік саматычных фразеалагізмаў; Беларуска-англійскі слоўнік саматычных фразеалагізмаў*.

Мілач С. В. 2010: *Слоўнік фразеалагізмаў з кампанентамі-заонімамі: (на матэрыяле беларускай і нямецкай моў)*.

Левченко О. 2011: *Українсько-російсько-білорусько-болгарсько-польський словник порівнянь*.

Арцёмава В. А. 2014: *Беларуска-англійскі ідэаграфічны слоўнік фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай*.

Названы шэраг дапаўняе „Чэшска-беларускі фразеалагічны слоўнік“ (Kalita, I. *Česko-běloruský frazeologický slovník*, 2017), які ў дадзеным артыкуле прадставім больш падрабязна.

2. Мэта, аб'ём слоўніка, мэтавая аўдыторыя

Падрыхтоўка слоўніка займае немалы адрэзак часу, пачатковы этап лексікаграфічнай працы заўсёды звязаны з пастаноўкай канкрэтных задач, такіх як: (1) дакладная дэфініцыя асноўнага прадмету вывучэння/фіксацыі (у нашым канкрэтным выпадку – паняцця фразеалагія); (2) выпрацоўка прынцыпаў рэпрэзентацыі фразеалагічнага матэрыяла; (3) вызначэнне прыблізнага аб'ёму слоўніка; (4) выпрацоўка сістэмы параметраў апісання адзінак, ужывання памет і нормаў афармлення слоўнікавага артыкула; (5) вызначэнне магчымых інавацыйных падыходаў пры фіксацыі ці інтэрпэтацыі фразеалагічнага матэрыяла.

Аб'ём інфармацыі і колькасць параметраў залежыць ад тыпу слоўніка, пастаўленых задач і мэтавай аўдыторыі. Праца над кожным канкрэтным слоўнікам мае свае асаблівасці і залежыць ад тыпу выбраных моў, ступені іх роднасці, тыпалогіі падабенстваў і разыходжанняў. Фразаграфічная праца таксама абумоўлена пераважаючым у асобных нацыянальных традыцыях разуменнем паняцця фразеалагізм і ўжо ў сталяванымі гэтых традыцыях падыходамі да складання слоўнікаў. Важным аспектам лексікаграфічнай працы з'яўляецца ўважлівы падыход да нацыянальна-культурнай спецыфікі фразем. Фонд этнакультурных адзінак зыходнай мовы мусіць быць прадстаўлены і ў сваім сфармаваным выглядзе, а таксама хаця б ў нейкай меры адлюстроўваць працэс неалогіі. Слоўнікавая фіксацыя этнафразеалагічных адзінак звязаная з вялікімі цяжкасцямі, у некаторых выпадках іх можна перакладаць адзінкамі другой мовы, якія таксама ўтрымліваюць этнакультурны кампанент. У іншых выпадках іх немагчыма перакласці, таму такія адзінкі застаюцца па-за рамкамі дзвухмоўных фразеалагічных слоўнікаў.

Мэта чэшска-беларускага фразеалагічнага слоўніка – прадставіць фразеалагічны матэрыял дзвюх славянскіх моў з арыентацыяй на актыўны фразеалагічны запас XX стагоддзя і неалагічны адзінкі XXI стагоддзя, якімі карыстаюцца носьбіты дзвюх моў ў сваім вусным маўленні, і якія з'яўляюцца частотнымі ў сучасных сродках масавай інфармацыі. Зыходзячы з гэтага, слоўнік змяшчае некаторыя ўстарэлыя адзінкі, звязаныя з савецкай і дасавецкай эпохай, якія могуць быць карысныя для перакладчыкаў. Сабраны фразеалагічны матэрыял сведчыць пра тое, што кожная мова па-свойму адлюстравала рэаліі савецкай эпохі, ў прыватнасці нюансы тагачаснага гандлю. Напрыклад, чэшскаму выразу *fronta na banánu* адпавядае беларускі *чарга як за кілбасой*. Абодва прыклады адлюстроўваюць праблему гандлёвай сферы савецкага часу, як відаць з прыкладаў, чэргі за прадуктамі існавалі і ў Беларусі, і ў Чэхіі, але маркіраваны кампанент выказаў адрозны, чэшская мова зафіксавала *бананы*, беларуская – *кілбасу*.

Беларуска-чэшскі слоўнік быў задуманы як дзвухмоўны фразеалагічны слоўнік меншага аб'ёму. Выданне ўтрымлівае прыблізна 4000 чэшскіх фразеалагічных адзінак (слоўнікавых артыкулаў) і іх беларускіх адпаведнікаў.

Гэта першы вопыт стварэння чэшска-беларускага слоўніка наогул, па гэтай прычыне вялікая колькасць актыўных фразем абедзвюх моў патрабуе далейшага супастаўлення і больш глыбокага асэнсавання. Многія адзінкі не ўвайшлі ў слоўнік, па магчымасці ў далейшым дадзены слоўнік будзе дапаўняцца.

Перакладная лексікаграфія звычайна носіць практычны характар, у яе задачы ўваходзіць устанаўленне эквівалентных суадносін паміж элементамі розных моў. Мэтавая аўдыторыя дзвухмоўнага слоўніка падзяляецца перш за ўсё на дзве агульныя моўна-нацыянальныя плыні, якім перакладны слоўнік прызначаны – гэта носьбіты дзвюх моў – чэхі і беларусы. У першую чаргу слоўнік адрасаваны славістам і лінгвістам, якія займаюцца пытаннямі кампаратывнай славянскай фразеалогіі, у прыватнасці фразеалогіяй беларускай і чэшскай. Выданне прапановае багаты матэрыял для даследчыкаў у галіне культуралогіі, фалькларыстыкі і этнаграфіі, будзе карысным памочнікам для перакладчыкаў. Мэтавая аўдыторыя ўключае студэнтаў філалагічных спецыяльнасцяў і шырокае кола карыстальнікаў, зацікаўленых у знаёмстве са славянскай фразеалогіяй і ў больш грунтоўным вывучэнні чэшскай і беларускай моў.

3. Тэарэтычны базіс

У беларускай традыцыі пераважае вузкае разуменне фразеалогіі, якое ўсталявалася дзякуючы слыннаму беларускаму фразеографу І. Лепешаву (1924–2014). У межы фразеалогіі Лепешаў не залічвае: (а) словазлучэнні, у якіх лексічнае значэнне аднаго са слоў рэалізуецца толькі ў спалучэнні са строга акрэсленым словам ці словамі, інакш кажучы – фразеалагічна звязаныя значэнні, ці валентна абмежаваныя; (б) апісальныя дзеяслоўна-іменныя звароты тыпу *аказваць дапамогу, даваць згоду* і г.д.; (в) састаўныя тэрміны, у складзе якіх словы не страчваюць лексіка-семантычнай самастойнасці; (г) непераасэнсаваныя крылатыя выразы тыпу *быць або не быць, лепш менш, ды лепш* і г.д.; (д) прыказкі (Лепешаў 2008, Т. 1, с. 7–8).

Для чэшскай традыцыі, наадварот, характэрна шырокае разуменне фразеалогіі і ідыяматыкі, якое склалася пад уплывам прац Ф. Чэрмака (гл. абагульняючая праца Šer-mák 2016 і інш.). Такія дыяметральныя разыходжанні ў падыходах да разумення базіснага паняцця даследвання, і адпаведна – да канцэпцыі яго адлюстравання ў фразеаграфічнай працы ў дзвюх нацыянальных традыцыях, прымусілі перш за ўсё выбраць адзін з падыходаў. Пры падрыхтоўцы слоўніка апора была зроблена на шырокае разуменне фразеалогіі.

Фразеалагізм разумеем як семантычна цэласную адзінку, якая характарызуецца ўзнаўляльнасцю і мае ўстойлівы характар. Гэта словазлучэнне або сказ, якія маюць цэласнае значэнне і надзеленыя экспрэсіўным адценнем. Склад фразеалагізмаў розны: мінімальна два словы (у т.л. службовыя), максімальна – сказ. Фразеалагізм разглядаем як семантычны факт – моўную «акамянеласць», якая зафіксавала пэўны зрэд моўнай свядомасці носьбітаў мовы. Фразеалагізм выконвае інфармацыйную, ацэначную, экспрэсіўную, эматыўную і эстэтычную функцыі, можа мець варыянты (Каліта 2016, с. 6 – пераклад ІК). Зыходзячы з таго, што кожная фразеалагічная адзінка адлюстроўвае эстэтычнае ўспрыманне рэчаіснасці, сфармаванае ў пэўную эпоху, і з часам можа губляць сваю актуальнасць, мы таксама бярэм пад увагу неаспрэчны факт – маўленчая практыка рэагуе на сацыяльныя і культурныя змены і фармуе новыя ці трансфармуе ўжо існуючыя адзінкі. Таму як фразеалагічныя ўспрымаюцца адзінкі тэрміналагічнага характару, узнікненне якіх у мінулым стагоддзі было звязана з развіццём фінансава-эканамічнай сферы. Дзякуючы аднолькавым схемам і праблемам у сферы эканамічнага развіцця, англійскія выразы *black economy, shadow economy* вельмі хутка „атрымалі прапіску“ ва ўсіх еўрапейскіх і нееўрапейскіх мовах. Гэта перыферыя фразеалагічнага запасу характарызуецца частотнасцю ўжывання, што дазваляе разглядаць яе як новы разрад – *сацыяльная фразеалогія*.

Адштурхоўваючыся ад выказвання В. Теліі, што *фразеалагічны склад мовы – гэта лютэрка, у якім лінгвакультурная супольнасць ідэнтыфікуе сваю нацыянальную свядомасць* (Телія 1996, с. 9), паняцце сацыяльнай фразеалогіі можам патлумачыць наступным чынам. Гэта міжмоўны пласт устойлівых выразаў, якія, з аднаго боку, складаюць перыферыю нацыянальнай фразеалогіі, з другога боку – гэтыя адзінкі носяць інтэрнацыянальны характар і з аднолькавымі значэннямі ўжываюцца ў славянскіх і неславянскіх мовах. Перыферыянасць такіх адзінак абумоўлена сферай іх ужывання – гэта публічны дыскурс, часцей пісьмовыя публіцыстычныя і аналітычныя тэксты. У адрозненне ад традыцыйнай

фразеалогіі, сацыяльная фразеалогія не выходзіць з народна-гутарковай разнавіднасці нацыянальнай мовы, а з’яўляецца запазычаннем, як правіла, з англійскай мовы. Да перыферыйнай сацыяльнай фразеалогіі адносяцца такія адзінкі, як *белая эканоміка, шэрая эканоміка, чорная эканоміка / зона*; выразы, якія часта называюць палітычнай фразеалогіяй (*праць/адмываць брудныя грошы*). Да сацыяльнай перыферыі фразеалогіі можна таксама адносіць адзінкі савецкага часу (*новая эканамічная палітыка, загніваючы капіталізм, ворагі народа, заветы Ільіча*), якія на некаторы час увайшлі ў нацыянальныя слоўнікі народаў СССР. Таксама ў гэты разрад можна залічваць адзінкі, якія у розных славянскіх мовах ўтварыліся па аднолькавай схеме семантычнага пераасэнсавання (какаін, герайн – *белая смерць*). Слова „сацыяльная“ ў выразе *сацыяльная фразеалогія* адэкватна перадае магчымасць змен, трансфармацыі ці выхаду з ужытку такіх перыферычных адзінак – абумоўленасць іх існавання часам і сацыяльным кантэкстам.

Пры выбары адзінак, па-першае, ўлічваўся фактар іх актуальнасці і зразумеласці ў сучаснай камунікацыі, па-другое, ўлічвалася неабходнасць адлюстравання „гістарычнага мінімуму“ – адзінак у рознай меры ўстарэлых, якія неабходныя для перакладчыкаў. Па-трэцяе, працэс неалагізацыі ўспрымаецца намі як заканамерны вектар развіцця кожнай мовы і не можа быць праігнараваны ў сучасным слоўніку.

4. Сацыяльна-камунікатыўныя фактары

Беларуская і чэшская мовы маюць розны камунікатыўны патэнцыял.

Чэшская мова – адзіная дзяржаўная мова Чэшскай Рэспублікі і асноўны сродак ва ўсіх вусных і пісьмовых сферах зносін.

Беларуская мова паводле заканадаўства – адна з дзвюх дзяржаўных моў Беларусі. Пры афіцыйным дзяржаўным білінгвізме роля першай і афіцыйнай мовы належыць рускай, таму правы беларускай мовы можна лічыць умоўна дэкларатыўнымі. Беларуская мова не з’яўляецца мовай беларускай сістэмы адукацыі, не з’яўляецца адзінай мовай беларускай нацыянальнай літаратуры, не з’яўляецца мовай беларускага заканадаўства, таксама не з’яўляецца галоўным камунікатыўным сродкам насельніцтва Рэспублікі Беларусь. Адсутнасць дзяржаўнай моўнай палітыкі і механізму рэалізацыі дзвюхмоўя значна абмяжоўвае сферы выкарыстання нацыянальнай мовы.

Такім чынам, мы маем справу з дзвюма славянскімі мовамі, якія значна адрозніваюцца сваёй камунікатыўнай функцыянальнасцю. Адсюль выцякае і розніца ў працяканні моўных неалагічных працэсаў. Абмежаванае выкарыстанне беларускай мовы ў дадзеным часавым прамежку не дазваляе параўноўваць тэмпы фразеалагічнай інавацыі, якія адбываюцца ў беларускай і чэшскай мовах.

5. Фразеалагічная інавацыя беларускай мовы

Працэс фразеалагічнай інавацыі беларускай мовы ідзе ў рэчышчы агульнай арыентацыі на ўласныя моўныя рэсурсы. Адыход ад савецкіх моўных „абавязкаў“ і пераарыентацыя на сучасную размоўную лексіку і моўную традыцыю 1920–1930-ых адносіцца да 1980-ых гадоў. На пачатку назіралася супрацьстаянне паміж новай, ці моладзевай традыцыяй

моўнага самавыражэння і старой гвардыяй савецкіх мовазнаўцаў і журналістаў, якія займалі таксама пасады рэцэнзентаў рэспубліканскіх газет і часопісаў. Распаўсюджанню і пранікненню размоўных адзінак у пісьмовыя стылі спрыяла ўзнікненне недзяржаўных сродкаў масавай інфармацыі. Пэраломным момантам у гэтай справе можна лічыць 1990 год, калі ўступіў у дзеянне Закон СССР „Аб друку і іншых сродках масавай інфармацыі“. Пасля яго прыняцця мінула больш за чвэрць стагоддзя, незалежная беларуская прэса прайшла складаны шлях перарэгістрацый, шматлікіх забарон і скасаванняў. Але менавіта гэтыя выданні пасадзейнічалі адыходу ад русіфікаваных лексічных адзінак, неўласцівых граматычных форм і сінтаксічных канструкцый.

У працэсе фразеалагічнай інавацыі сучаснай беларускай мовы на пачатку XXI стагоддзя ў наяўнасці тры асноўныя вектары:

- (1) ачыстка лексікі і фразеалогіі ад русіфікаваных адзінак савецкага перыяду;
- (2) зварот да каранёў і пошукі фразеалагізмаў у слоўніках XIX і пачатку XX стагоддзяў;
- (3) чэрпанне фразеалагізмаў з сучасных жывых дыялектаў і рэгіянальных слоўнікаў.

Імкненне да стабілізацыі слоўнікавага запаса рэалізуецца за кошт яго папаўнення адзінкамі з уласных крыніц.

Азначаныя тэндэнцыі ачыткі ад лексіка-фразеалагічнай „бурапеннасці“ былі ўлічаны пры падрыхтоўцы разглядаемага слоўніка. З аднаго боку, мы не становімся на пазіцыю „крайняй“ рэфармацыі і гвалтоўнага выкраслення з беларускай фразеалогіі адзінак, якія (1) былі пазычаныя з рускай мовы і даўно прыжыліся ў мастацкай літаратуры і сродках масавай інфармацыі, (2) былі пазычаныя праз пасярэдніцтва рускай мовы (*працаваць як папа Карла*). З другога боку, мы рэпрэзентуем уласнабеларускія адзінкі, якія да гэтага часу ў фразеалагічных слоўніках не патрапілі. Гэтыя адзінкі цесна звязаныя з нацыянальнай карцінай свету і з’яўляюцца своеасаблівымі сімваламі беларускай культуры, таму яны цалкам зразумелыя для беларускамоўных і рускамоўных жыхароў Беларусі. Большасць з гэтых выразаў пачала выкарыстоўвацца ў другой палове XX стагоддзя, напрыклад *хавайся ў бульбу* (прамае значэнне – ‘схавацца ў полі, дзе расце бульба’) і *ісці ў партызаны* (прамае значэнне – ‘стаць партызанам’)¹. Гэтыя выразы падаюцца ў слоўніку ў якасці эквівалентаў чэшскага выразу *čekat/sedět za bukem* (прамае значэнне – ‘чакаць/ сядзець за букам’), хаця па часе ўзнікнення чэшскі выраз старэйшы за згаданыя беларускія.

ВУК

čihat za bukem na koho 🌿

сядзець у засадзе

čekat/sedět za bukem 🌿

S.: starat se o svůj příseček

хавацца ў бульбе 🍷

S.: ісці/пайсці ў партызаны (Kalita 2017, 36).

¹ Больш падрабязна пра гэтыя выразы ў кнізе: Каліта І. – Сівіцкая Н.: Беларуская мова ў люстэрку традыцый і інавацый. Ústí nad Labem: PF UJEP, 2019.

6. Пурьстычныя традыцыі беларускага мовазнаўства: былое і сучаснасць

Агульны стан развіцця беларускай мовы на пачатку XXI стагоддзя можна назваць пурьстычным. Фразеалагічныя інавацыі прысутнічаюць, паміж імі пераважаюць адзінкі, звязаныя з развіццём інтэрнэта і новымі формамі камунікацыі ў сацыяльных сетках, а таксама ўжо вядомыя носьбітам мовы размоўныя адзінкі, якія прайшлі пэўны шлях і праніклі з гутарковай мовы ў пісьмовыя стылі.

Для сучаснай чэшскай мовы характэрны працэс пераасэнсавання зафіксаваных ў слоўніках адзінак. Інавацыя фразеалогіі ідзе шляхам стылёвага зніжэння асобных кампанентаў фразеалагізмаў – нарматыўныя адзінкі замяняюцца адзінкамі зніжанымі.

Праблемным полем беларускай лексікаграфіі да сённяшняга дня застаюцца гіперкарэктныя адносіны да зніжаных адзінак. Пурьстычны падыход грунтуецца на традыцыі, якая замацавалася ў савецкія часы і падначаліла мовы ўсіх саюзных рэспублік. Паміж маўленчай „несаліднасцю“ і непрыстойнымі паводзінамі ставілі знак роўнасці, парушэнне правілаў асуджалася ў СССР ва ўсіх праявах, перадусім у друкаваных тэкстах. Дзейнічала забарона на ўжыванне ў грамадскіх месцах рускай нецэнзурнай лексікі (мата). Падкрэсленая арыентацыя на абсалютную чысціню мовы ў савецкі перыяд прывяла да атаясамлівання нелітаратурных пластоў моў іншых народаў з рускім матам. Гэта спрыяла выкрэсліванню нацыянальных формаў лаянкі з пісьмовай мовы наогул. Яскравы прыклад такой моўнай гіперкарэктнасці – лёс беларускіх праклёнаў.

Праклёны з’яўляюцца рэшткамі паганскага светапогляду, яны часта выконвалі функцыю лаянкі. Але па сваёй форме значна адрозніваліся ад рускага мата. У аснове лексічнай базы старажытных праклёнаў ляжаць імёны верхніх і ніжніх паганскіх багоў (*Пярун, чорт/д’ябал*) і іх сінонімы. Часта ў праклёнах выкарыстоўваліся назвы жывёл, назвы „ганебных“ частак чалавечага цела (*срака/дуна*). У сучаснай чэшскай мове гэтыя словы і вытворныя ад іх ужываюцца (*zadek, prdel*) і не выклікаюць у носьбітаў мовы ніякіх нараканняў. У беларускай прасторы такія адзінкі сустракаюцца ў гутарковай мове і дыялектнай камунікацыі. Але ні адзін беларускі слоўнік іх не фіксуе. Тым часам рэгіянальныя слоўнікі, мастацкая літаратура і навуковыя артыкулы з галіны дыялектнай лексікаграфіі і фалькларыстыкі такую лексіку не абыходзяць увагай.

У аснове чэшска-беларускага фразеалагічнага слоўніка ляжаць дзве асноўныя крыніцы – „Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы“ І. Лепшава і слоўнік чэшскай фразеалогіі і ідыяматыкі аўтарскага калектыва пад кіраўніцтвам Ф. Чэрмака („Slovník české frazeologie a idiomatiky“), пры падрыхтоўцы выкарыстоўваліся таксама нацыянальныя корпусы і інтэрнэт-рэсурсы, у меншай меры нешматлікія іншыя слоўнікавыя выданні.

Чэшскі слоўнік фразеалогіі і ідыяматыкі паслядоўна адлюстроўвае агульначэшскія размоўныя зніжаныя адзінкі (obecnou češtinu). Пры падборы да такіх выразаў беларускіх эквівалентаў сутыкаемся з праблемай стылістычнай нераўнавагі. Адзінкі, якія ў чэшскім паўсядзённым маўленні ўжываюцца рознаўзроставымі носьбітамі мовы, не выклікаюць у камунікацыі здзіўлення ці нейкай забароны іх выкарыстання. Адпаведныя ім беларускія адзінкі лічацца грубымі, іх ужыванне не настолькі распаўсюджана ў штодзённай

камунікацыі, зрэдку такія адзінкі сустракаюцца ў мастацкай літаратуры і практычна ніколі не знойдзем іх у слоўніках. Таму і пры ўжыванні памет, якія сведчаць пра зніжаны характар прыведзенай адзінкі (^{S1}), шкала зніжанай маркіраванасці чэшскіх і беларускіх адзінак можа значна адрознівацца. Таксама трэба адзначыць, што семантычныя эквіваленты такіх чэшскіх адзінак не заўсёды ў беларускай мове маюць стылістычна зніжаны характар. Стылістычную неадпаведнасць яскрава ілюструе наступны прыклад.

ВОТА

nadělat si do bot | nasrat si do bot ^{S1} ➔

1. polepit/posrat si to *kde* ^{S1}; šáhnout do hovna ^{S1}

стварыць самому сабе праблему/праблемы

2. dostat strach; je posranej až za ušima ^{S1} 🖐️; srdce mu spadlo do kalhot 🖐️ 🖐️

абасрацца ад страху ^{S1}

nasrat si ^{S1}/**nadělat si do bot**

шупаць пятлі на шыю 🖐️ (Kalita 2017, 33).

Чэшска-беларускі фразеалагічны слоўнік фіксуе зніжаныя размоўныя адзінкі і такім чынам дае імпульс да рэфармавання традыцый савецкай моўнай гіперкарэктнасці, якая вымушала лексікографы ігнараваць немалы пласт адзінак. У слоўніку прыведзеныя стылістычна зніжаныя адзінкі, якія раней у слоўніках не былі зафіксаваныя. У сувязі з гэтым слоўнік адносіцца да выданняў з узроставым абмежаваннем і прызначаны для дарослых ад 18 гадоў.

7. Інаватыўныя падыходы

Пад увагу былі ўзяты аспекты, якія ўтвараюць праблемнае поле сучаснай лінгвістыкі. Развіццё тэорыі гендару ставіць новыя пытанні і новыя задачы для лексікаграфіі. У фразеаграфіі паўстаюць пытанні гендарнай маркіраванасці ці нейтральнасці пры ўжыванні асобных фразеалагічных адзінак. Таму акрамя традыцыйных пазнак, у слоўніку выкарыстаныя і іншыя, якія дапамогуць лепш арыентавацца ў магчымасцях выкарыстання роду асобных кампанентаў тых ці іншых адзінак. Паметы – верхнія індэксы ^{M, F} указваюць на магчымасць выкарыстання дзеясловаў, прыметнікаў і займеннікаў у мужчынскім і жаночым родзе.

ВЎТ/ВЕЈТ

být/bejt z čeho naměkko

быць расчулены ^{M, F} ад чаго

S.: расчулены ^{M, F} да слёз

být/bejt/nebýt/nebejt na nic

ні да чаго не здатны ^{M, F}

ні на што не здатны ^{M, F} (Kalita 2017, 38).

8. Асобныя прыклады ФА з кампанентам тапонімам

Тапонімы, якія з'яўляюцца кампанентам фразеалагізма і адлюстроўваюць мясцовыя рэаліі, выклікаюць праблемы пры пошуку фразеалагічных адпаведнікаў. Уключэнне ў слоўнік такіх адзінак абумоўлена фактам іх частага выкарыстання ў сродках масавай інфармацыі і ў вусным маўленні. Яны зразумелыя і лёгка ідэнтыфікуюцца носьбітамі мовы. Гэта ўласныя назвы, непарыўна звязаныя з гістарычным развіццём краіны, таму з поўным правам іх можна называць самабытнымі. У кожнай мове яны маюць адметнае лексічнае афармленне, але часта адпавядаюць адной схеме ўтварэння, напрыклад, выраз *dostat se/přijít/patřit do Bohnic/Kateřinek* мае беларускі эквівалент *патрапіць у Навінкі/Магілёўцы*.

BOHNICE

dostat se/přijít do Bohnic/Kateřinek

патрапіць у Навінкі/Магілёўцы

patřit do Bohnic/Kateřinek

дурдом *па кім* плача

utéct z Bohnic/Kateřinek

уцячы з Навінак/Магілёўцаў (Kalita 2017, 31).

9. Паметы і візуальны блок сімвалаў

У слоўніку пазначаныя стылістычна афарбаваныя адзінкі (нізкія і высокія). Стылістычна высокія адзінкі пазначаныя верхнім індэксам ^{S1}, стылістычна нізкія – верхнім індэксам ^{S1}. Паметами пазначаны біблеізмы, саветызмы, кніжныя адзінкі і ўстарэлыя выразы. Для азначэння абсалютных міжмоўных эквівалентаў (адзінкі, што супадаюць у плане зместу і ў плане выражэння) выкарыстаны сімвал, візуальна пазначаны таксама і ўласнабеларускія фразеалагічныя адзінкі ☚

VOŽRALEJ

jít jako vožralej

баранаваць нагамі ☚☞

S.: ледзь ногі перастаўляць ☞

ногі заплятаюцца у *каго* ☞ (Kalita 2017, 233).

vupravovat se jako vrabci z Čech ☚

S.: vupravovat se jako chudý král do boje

збірацца як на заўтра

S.: збірацца, як шляхта на фест ☚☚ (Kalita 2017, 233).

Пачатак XXI стагоддзя ў вывучэнні фразеалогіі пазначаны цікавасцю да вывучэння асобных кампанентаў, як напрыклад, саматызм, каларонім, лічэбнік і іншыя. Такая праца бярэ ў даследчыкаў шмат часу, таму наспела пытанне эканоміі намаганняў. Упершыню ў фразеаграфічным выданні выкарыстаны адмысловы візуальны блок памет (гл.

Табліца № 1), які значна спросціць працэс пошуку адзінак з патрэбным кампанентам. У слоўніку прысутнічаюць умоўныя візуальныя сімвалы, якімі азначаны групы падобных кампанентаў.

Табліца № 1 Vizuální symboly | Візуальныя сімвалы

	Animalní (zvířecí) komponent (zvířata, včetně plazů a hmyzu)	Анімалістычны кампанент (хатнія жывёлы і дзікія зьяры, у т. л. паўзуны і насякомыя)
	Komponent označující barvy a jejich odstíny (koloronym) vč. barev nepravých (zlatá)	Кампанент, які азначае назвы колераў (каларонім) у т. л. непрыродных (залаты)
1/10	Komponent s číselným výrazem (číslovka)	Кампанент з лічбавым значэннем (лічэбнік)
	Knižní jednotka	Кніжая адзінка
	Komponent označující ryby (ichtyononym)	Кампанент, які азначае рыб (іхтыёнім)
	Komponent označující rostliny (bez kyttek)	Кампанент, які азначае расліны (акрамя кветак)
	Komponent označující části lidského těla (somatismus) (ruka, noha, hlava, nos, krev apod.)	Кампанент, які азначае часткі цела чалавека (саматызм) (рука, нага, галава, нос, кроў і г. д.)
	Komponent označující pítí – proces, podoba, stav	Кампанент, які азначае піццё – працэс, падабенства, стан
	Komponent označující jevy, spojené se změnou počasí	Кампанент, які азначае з'явы, звязаныя са зменай надвор'я
	Komponent označující obuv	Кампанент, які азначае абутак
	Komponent označující oděv	Кампанент, які азначае вопратку
	Komponent označující toponym	Кампанент, які азначае тапонім
	Komponent označující ornitonym názy ptáků vč. nepravých (fénix)	Кампанент, які азначае арнітонім назвы птушак, у т. л. несапраўдных (фенікс)
	Zastaralý frazém	Устарэлы выраз
	Komponent označující květiny	Кампанент, які азначае кветкі
	Komponent označující jídlo	Гастронамічны кампанент
	Komponent označující ovoce, hlízy, osivo	Кампанент, які азначае плады, клубні, ягады, насенне

10. Заключэнне

У наш час цікавасць да фразеалогіі расце. Увагу навукоўцаў прыцягваюць асобныя кампаненты фразеалагізмаў, біблейская і дыялектная фразеалогія, фразеалагічныя слоўнікі асобных пісьменнікаў, набірае тэмпы кампаратыўная фразеалогія. Вывучэнне фразеалогіі дапамагае вырашаць задачы іншых дысцыплін, з яе дапамогай ствараюцца моўныя

партрэты палітыкаў, герояў мастацкай літаратуры, устойлівыя спалучэнні ляжаць у аснове лінгвакультуралагічных даследванняў, не апошнія месца займаюць фразеалагізмы ў рэкламе. На „паверхню“ навуковых інтарэсаў выходзяць этнамаркіраваныя адзінкі, якія фармуюць нацыянальную карціну света. Рэакцыяй на неабходнасць адэкватнай падачы фразеалагічнага багацця пры розных тыпах міжмоўных кантактаў з’яўляецца выданне двух- і трохмоўных фразеалагічных слоўнікаў. Пачатак XXI стагоддзя значна пашырыў славянскую фразеаграфію новымі выданнямі. Чэшска-беларускі фразеалагічны слоўнік дапаўняе гэты, пакуль нешматлікі, рад перакладных славянскіх фразеалагічных слоўнікаў.

Вопыт стварэння чэшска-беларускага фразеалагічнага слоўніка сведчыць пра тое, што структурна-семантычнае падабенства асобных чэшскіх і беларускіх фразеалагічных адзінак не заўсёды выліваецца ў тое, што тоеснасць культуралагічную. Кожная мова валодае ўласным наборам сімвалаў. Фразеалагічныя адзінкі з нацыянальным кампанентам праяўляюць у дзвюх мовах розную частотнасць, адрозніваюцца сферамі ўжытку, могуць значна адрознівацца стылістычнай маркіраванасцю. Кожная мова валодае асобнымі больш развітымі тэматычнымі дыяпазонамі. У сувязі з гэтым паўстае задача выпрацоўкі метадаў эквівалентнага адлюстравання нацыянальнай фразеалогіі ў перакладных слоўніках, знаходжанне аптымальных падыходаў для адлюстравання прапорцыі актуальных агульналітаратурных адзінак, адзінак устарэлых і неалагічных, а таксама старажытнай біблейскай спадчыны і фразеалагічнай перыферыі. Нельга ігнараваць факт, што ўстойлівыя спалучэнні, якія ўзнікаюць у наш час, могуць быць прывязанымі да пэўнай сферы і валодаць меншай доляй метафарычнасці. Такімі прыкладамі з’яўляюцца сучасныя адзінкі тэрміналагічнага характару, якія носяць інтэрнацыянальны характар, і якія вышэй мы азначылі тэрмінам сацыяльная фразеалогія.

Пры падрыхтоўцы чэшска-беларускага фразеалагічнага слоўніка мы імкнуліся ўлічыць вышэй названыя задачы. Адметнасць выдання заключаецца ў тым, што ўпершыню ў фразеалагічным слоўніку зафіксаваныя зніжаныя беларускія фраземы, якія выкарыстоўваюцца ў паўсядзённых зносінах і з’яўляюцца добра вядомымі носьбітам беларускай культуры. Другім крокам у захаванні беларускай народнай фразеалогіі з’яўляецца фіксацыя ўласна беларускіх адзінак, якія доўгі час лічыліся размоўнымі і да гэтага часу не ўвайшлі ў беларускія фразеалагічныя слоўнікі.

Бібліяграфія

- Арцёмава, В. А.: *Беларуска-англійскі ідэаграфічны слоўнік фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай*. Мінск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, 2014.
- Астравух, А. М.: *Ідыш-беларускі слоўнік з прыказкамі, прымаўкамі, прыгаворкамі, выслоўямі, фразэмамі, параўнаньнямі, зычаньнямі, вітаньнямі, дражнілкамі-кепікамі, праклёнамі, загадкамі, скарагаворкамі, каламбурамі, цытатамі з жыдоўскіх песень, анекдотаў і літаратурных твораў*. Менск: Мэдысонт, 2008.
- Благодзева, Д. – Сосновскі, В. – Колковска, С.: Фразеологічныя інавацыі в българския и полския език. *BALKANISTIC FORUM*. Vol. 3, 2018, с. 9–20.

- Запрудскі, С. М.: Беларускі і чэшскі моўны пурызм: агульнае і спецыфічнае. In *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка*. XIV Міжнародны з'езд славістаў (Охрыд, 2008). Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск: Права і эканоміка, 2008, с. 65–78.
- Іваноў, Я. – Раманава, Н.: *Deutsch-belarussisches paremiologisches Wörterbuch*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова, 2006.
- Іваноў, Я. – Іванова, С.: *Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік*. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2007.
- Kalita, I.: *Česko-běloruský frazeologický slovník*. Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017.
- Каліта, І. В.: *Очерки по компаративной фразеологии II. Цветная палитра в национальных картинах мира русских, беларусов, украинцев и чехов*. Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017.
- Каліта, І. В.: *Очерки по компаративной фразеологии. Серая палитра в национальных картинах мира русских, беларусов и чехов*. М.: Дикси Пресс, 2016.
- Каліта, І. – Сівіцкая, Н. – Ляшчынская, В.: *Беларуская мова ў лютэрку традыцый і інавацый*. Ústí nad Labem: PF UJEP, 2019.
- Киселев, И.: *Русско-белорусский фразеологический словарь*. Мінск: Народная асвета, 1991.
- Коваль, В. И.: *Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение*. Гомель: Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 1998.
- Корсак, Л. Д. – Марціновіч, Л. С.: *Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу*. Мінск: Вышэйшая школа, 1984.
- Кулік, Л. У. – Ляшчынская, В. А.: *Англа-беларускі слоўнік саматычных фразеалагізмаў; Беларуска-англійскі слоўнік саматычных фразеалагізмаў*. Гомель: ГДУ, 2010.
- Левченко, О.: *Українсько-російсько-білорусько-болгарсько-польський словникпорівнянь*. Львів: Видавництво Національного університету «Львівська політехніка», 2011.
- Лепешаў, І. Я.: *Фразеалогія ў творах К. Крапівы: стылістычнае выкарыстанне фразеалагізмаў*. Мінск, 1976.
- Лепешаў, І. Я.: *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2004.
- Лепешаў, І. Я.: *У фразеалагічную скарбонку*. Гродна: ГрДУ, 2004.
- Лепешаў, І. Я.: *Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т.* Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.
- Мілач, С. В.: *Слоўнік фразеалагізмаў з кампанентамі-заонімамі: (на матэрыяле беларускай і нямецкай моў)*. Брэст: БрДУ, 2010.
- Санько, З.: *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*. Мінск 1991.
- Телия, В. Н.: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры, 1996.
- Янкоўскі, Ф. М.: *Беларуская фразеалогія*. Мінск: Народная асвета, 1981.
- Янкоўскі, Ф. М.: *Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне*. Мінск: Вышэйшая школа, 1968.
- Aksamitow, A. – Czurak, M.: *Słownik frazeologiczny białorusko-polski*. Warszawa, 2000.
- Čermák, F.: *Frazeologie a idiomatika: Jejich podstata a proměnlivost názorů na ně. Časopis pro moderní filologii*, č. 2, 98, 2016, s. 199–217.
- Čermák, F.: *Frazeologie a idiomatika česká a obecná*. Praha: Karolinum, 2007.

- Čermák, F. – Hronek, J. – Machač, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání*. Praha: Academia, 1983.
- Čermák, F. – Hronek, J. – Machač, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazyneslovesné*. Praha: Academia, 1988.
- Čermák, F. – Hronek, J. – Machač, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné A–P*. Praha: Academia, 1994.
- Čermák, F. – Hronek, J. – Machač, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. R–Z*. Praha: Academia, 1994.
- Ivašina, N. – Rudenka, A. – Janovec, L.: *Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině*. Praha: Univerzita Karlova, 2006.
- Kedron, K.: *Genderové aspekty ve slovanské frazeologii (na materiálu běloruštiny, polštiny a češtiny)*. Praha: Karolinum, 2014.
- Tymoshuk, R. – Sosnowski, W. – Jaskot, M. – Ganoshenko, Y.: *Leksykon aktywnej frazeologii polskiej i ukraińskiej / Лексикон польської а української активної фразеології*. Warszawa, 2018.
- Váša, P. – Trávníček, F.: *Slovník jazyka českého I.–II*. Praha: Fr. Borový, 1937.
- Zaorálek, J.: *Lidová rčení*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963.

БЕЛАРУСКИ N-КОРПУС. [Электронны рэсурс]. URL: <http://bnkorporus.info>

ČESKÝ NÁRODNÍ KORPUS (ČNK). [Электронны рэсурс]. URL: <https://www.korpus.cz>

FRAZEOLOGIE,
ŠKOLA A VZDĚLÁVÁNÍ

Frazeologie ve výuce – i gramatiky

Phraseology in teaching ... and grammar teaching

Marie Čechová

Abstract

The paper shows that it is possible to use phrasemes of various kinds – from short phraseologized word combinations for younger pupils or beginners in teaching Czech as a foreign language, to proverbs and sayings in teaching at high school and university, not only in teaching Czech as a mother tongue. It goes through the development of the Czech language textbooks from the year 1890 to the present and shows how they used to work with phraseological materials and how they can be used in language and even grammar lessons.

Abstrakt

Příspěvek ukazuje, že a jak lze využívat frazémů nejrůznějších druhů, od krátkých frazeologizovaných spojení u mladších žáků nebo začátečnicků ve výuce češtiny jako cizího jazyka, až po přísloví a pranostiky ve výuce na střední a vysoké škole, a to ve výuce češtiny nejen jako mateřštiny. Prochází se vývojem učebnic od r. 1890 do současnosti a ukazuje se, jak se v nich s frazémy pracovalo a jak lze s nimi pracovat v jazykových, ba i gramatických hodinách.

Key words: phraseology, grammar, Jan Gebauer, education, textbook

Klíčová slova: frazeologie, gramatika, Jan Gebauer, vyučování, učebnice

1. Navazujeme na frazeologické studie v knize *Život s češtinou* (2017), mj. na *Místo frazeologických obrátů v osvojování češtiny cizinci*, a na monografii Jiřího Hasila *Interkulturní aspekty mezikulturní komunikace* (2011), v níž přesvědčivě dokázal, že znalost frazeologie je významná pro zvýšení sociokulturní kompetence i pro porozumění českému jazyku (zprecizněme: pro přijetí a pochopení komunikátu), a jak píše J. Hasil: „ve všech jeho podobách“.

V tomto příspěvku budeme mít na zřeteli frazémy nejrůznějšího původu (tradičního/lidového, slangového, i kulturního, tj. antického, středověkého i novověkého, evropského i mimoevropského), nejrůznějšího druhu (přirovnání, rčení, pořekadla, přísloví, pranostiky), ale přidejme i další ustálené obraty, jež se běžně k frazémům neřadí, ale jež je možno z praktických didaktických důvodů k frazémům v širším slova smyslu přiřadit (F. Čermák tyto jednotky do Slovníku české frazeologie a idiomatiky zařazuje). Jde o standardizované, frazeologizované obraty, které mají jen některé z rysů frazémů, kdežto jiné chybějí, např. anomálnost stavby, obraznost, expresivnost apod., viz termíny či kvazitermíny včetně administrativismů, jako *pracovní síla* (Slovník české frazeologie, 2. díl, ale neobsahuje *pracovní den*), *den pracovního volna/klidu*, krátké petrifikované konstrukce slovesné s ustáleným významem (*najít se* v něčem, v určitém oboru, *být v tom*, *dát si /do nosu/ „pochutnat si“*), pouhá nerozvitá předložková spojení *do středu /zájmu/, co do*

/vzdělání/, ale nověji se k frazémům někdy přičleňují i nepravé složeniny, spřežky, typu *strašpytel* (Klötzerová, 1998), včetně předložkových (*vpravdě*). Tyto obraty je vhodné cvičit ve výuce tak, že je studující, zvláště cizinci, vkládají do komunikátu jako panely, eventuálně je cvičí samostatně, memorují, vlastně drilují; a ani to nepokládám za nevhodné.

Ocenila jsem to při studiu němčiny, když jsme např. do různých výpovědí vkládali spojení *von Zeit zu Zeit* (jež odpovídá českému *čas od času*, „občas“), tím jsme si natrvalo spojení osvojili, přijali ho do svého idiolektu. Aktualizovaně jsem se setkala v řečové praxi s podobou *čas za čas*, nikoli *od času k času*, což by byl přesný překlad.

K uvedeným obratům můžeme přičlenit i běžné zdvořilostní a konverzační fráze, přípitky (*Hodně štěstí, Jak se Vám vede? Na zdraví*), víceslovné pozdravy, jako starší, křesťanské pozdravy, zastarávající *Pozdrav Pán Bůh, S (Pánem) Bohem, Pán Bůh zaplat*, s nimiž se mohou studenti setkat v literatuře. Náleží sem i základní školské pokyny vybízející žáky k určitým činnostem (jako *složte si, odložte tužky, seřadte se*), jež jsou v první fázi osvojování češtiny, zvláště pro cizince, nezbytné při organizaci školní práce.

V studii jmenované na počátku jsme dospěli (na rozdíl od D. Bittnerové, 1997 a později) k vývodu, že teprve znalost, rozuměj: chápání a náležité užívání frazémů, nikoli jen jejich formální znalost, je průkazným znakem nejen zvládnutí frazémů, ale češtiny vůbec. Bez takovéto znalosti frazeologie je komunikační kompetence omezená, a jak prokazujeme (M. Čechová i J. Hasil), vede to mnohdy k nepochopení sdělení nebo vůbec k neporozumění mezi komunikanty. Např. chápe-li někdo frazém *Má máslo na hlavě* jako ‚je mazaný, vychytralý, lstivý‘, nebo ho chápe přímo ‚mít mastné vlasy‘. Nejde tedy jen o nepochopení frazémů původu z jiných jazyků, kdy studenti vykládali např. *alter ego* jako ‚starší já‘ (pod vlivem němčiny), *infant terrible* jako ‚zázračné dítě‘ ... Osvojení si a užívání frazeologie v obou jejích procesech, tj. při přijímání i tvorbě textu, patří k vyššímu stupni ovládnutí češtiny, ať už navazuje na základní zvládnutí gramatického systému, nebo mu – při přímém učení se řeči – předchází.

V řečové praxi se bohužel setkáváme s nedostatky v užívání i v chápání frazémů, dochází k nezáměrným posunům, viz *Budeme ho mít pod očima* místo *na očích* (‚budeme ho sledovat‘), *Protočit oči v sloup* místo *obrátit oči v sloup* nebo snad *Protočily se mi zorničky, Uhodila mě přímo jedna myšlenka* místo *napadlo mě* nebo snad *Uhodilo mě to do očí* (ale to jsou dva různé obraty s odlišnými významy). Objevují se kontaminované frazémy, jež mění zcela smysl sdělení: *Bojovat s povětrnými mlýny* místo *s větrnými mlýny* (‚marné snažení o nápravu‘), vzniklé snad (?) mylně kontaminací s frazémem *povětrná ženština* (‚žena lehkých mravů, prostitutka‘). Sémantice frazémů je třeba ve výuce věnovat pozornost (více viz 2012 a 2017), ale v této stati se zaměříme na frazémy ve výuce gramatiky.

2. Znalost frazémů – možná pro někoho překvapivě – může být i významnou pomůckou při studiu gramatiky, usnadňuje je. Přitom lze využít frazémů, jež studující už znají, nebo si je právě při gramatické výuce osvojí. Můžeme vyjít z konstrukcí, třeba jen předložkových, které mají studenti už ve svém idiolektu, a použijeme jich jako bloků, panelů, při výkladu jazykových jevů i při jejich procvičování včetně užívání ve vlastní řeči.

Máme-li před sebou studenty německého původu, východiskem může opět být němčina, např. s jejím předložkovým spojením *zu Hause* a *nach Hause*, jež si cizinec musí pamětně osvojit jako celek, jako odpověď na otázku *kde a kam*. Příklad v němčině může sloužit k osvojení

si konstrukce s dativem a akuzativem, obdobně se obojí odliši v češtině, na dotaz *kde? Doma;* na dotaz *kam? Domů,* v obou případech se odpoví adverbii, od původu ustrnulými podobami jmennými. Na otázku *kam* se odpovídá v češtině předložkovým tvarem v genitivu (do lesa, do školy) nebo akuzativu: *kam pokládáš sešit?* (na stůl), na otázku *kde* tvarem lokálu, *kde jsi?* (v lese), *kde leží sešit?* (na stole), s vysvětlením studentovi, že čeština vyjadřuje systémem sedmi pádů to, co němčina systémem pádů čtyř, ty jí musí vystačit na všechny pádové funkce. Přes jisté shody jsou zde tedy základní rozdíly.

Obraťme nyní pozornost k pořekadlům a příslovím: bývají rýmované a rytmizované, takže se snadno zapamatují, mnohdy obsahují životní moudrost nebo alespoň zkušenost a tím jsou zajímavé na rozdíl od vypreparovaných, neživotných vět typu *Děvčata běhala bosa*, příklad na doplněk. Ten, obdobně jako příklad na větu přísudkovou *Obloha byla, jako by ji vymetl*, se stěhuje celá dlouhá desetiletí z mluvnice do mluvnice, z učebnice do učebnice (viz už Havránek – Jedlička, 1960) a nejde o ojedinělý příklad. Mohu uvést i další příklady, např. ze svého výzkumu odlišování pádů z r. 1968/1969 (1976) *Květiny zaléval pravidelně bratr*, který se rovněž objevuje opakovaně v lingvodidaktických statích i ve cvičeních.

Zná-li učitel a student doklady-frazémy, má po ruce hotové živé formulace a neriskuje (zvláště cizinec) vady lexikální ani gramatické, takže jsou i pro výuku gramatiky cenným zdrojem. Student, který si osvojil větné členy a vedlejší věty ve spojení s frazeologickými příklady, si snadno vybaví při určování syntaktických jevů doklady a tím snáze postupuje při určování jevů pro něho dosud neznámých. Zaměřujeme se tedy na frazeologii jako materii, z níž při vyučování můžeme vycházet, nebo k níž se prostřednictvím výuky gramatiky můžeme dostávat, a to jako k druhotnému cíli.

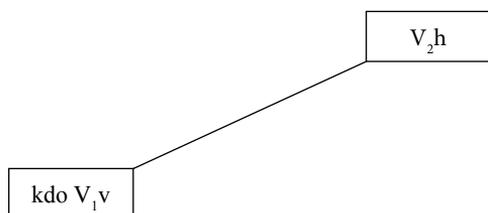
Odrážíme se od mluvnice Jana Gebauera, vydávaných od 90. let 19. století do 30. let 20. století, chápaných jako příručky současného jazyka. Máme samozřejmě na mysli především, ale nejen *Mluvnici českou* (1. vydání 1890 a všechna její další vydání včetně vydání upravovaných Václavem Ertlem), ale všechny tři varianty Gebauerových mluvnice (tedy zestručněná *Krátká mluvnice česká* i rozšířená *Příruční mluvnice jazyka českého*, sloužící v přepracování Trávníčkové i jako vysokoškolská příručka). Gebauer z pragmatických důvodů, aby vydavatel (F. Tempský) publikoval jeho základní dílo, *Historickou mluvnici jazyka českého*, uvolil se zpracovat tzv. školské mluvnice (viz o tom blíže Čechová, 1991). My budeme uvádět doklady z prvotní, tedy *Mluvnice české*, II. díl (dále MČ), 1. vydání.

Jan Gebauer, pozitivista s úctou k materiálu, se nezapřel ani v těchto mluvnicích. Měl v nich vykládat současnou češtinu pro studenty. Šlo-li mu o „vyložení hlavních pravidel jazykových a utvrzení v nich“ (Úvod k MČ), nemohl je dokládat jen historickými jevy, třebaže přiznává, že „mluvnice tato jest napsána ze skizz vědecké několikadílné“ (tamtéž). Zvláště v syntaxi potřeboval větné konstrukce běžně známé, ale neobrátil se k současné (umělé) literatuře, ale k tehdy živým jazykovým jevům, k tzv. lidovým frazeologismům → frazémům. Těch v části *Větosloví* i *Skladba* (ve smyslu užším) notně využil. Jimi exemplifikoval v části *Větosloví* souvětne jevy, např. větu podmětovou *Kdo chce chleba, pracuj, co třeba* (s. 39), větu (jím pokládanou za) doplňkovou *Jaký pán, takový krám* (s. 40), větu příslovečnou místní *Kde nic není, ani smrt neběře* (viz dnes zcela zastaralý tvar slovesa *bráti*, s. 41), příklad na „několik podmětův“ k společnému přísudku *Ctnost a pokora nemá místa u dvora* (s. 8)..., v části *Skladba* jevy Gebauerem řazené k syntaktickým, např. dativ zřetelový: *Hladovému vždy poledne* (s. 119), instrumentál měrový: *Čím dále, tím hůře* (s. 126), genitiv u sloves v záporu: *Chudoba cti netratí* (s. 106), tj. jevy v současnosti zařazované

k funkční/sémantické morfologii. Lze si zároveň všimnout posunu v klasifikaci syntaktických jevů, např. širokého chápání doplňku (zahrnuje i dnešní tzv. přísudek se sponou, viz *Bůh jest věčný*, s. 16).

I v současnosti můžeme využít některých Gebauerových příkladů, samozřejmě nikoli všech, neboť leckteré zastaraly, některé jsou téměř neživé *Hoden jest dělník mzdy své* (s. 12, doklad na předmět v genitivu u přídavného jména), jiné jsou stále frekventované *Kdo jinému jámu kopá, sám do ní padá*, ve výuce lze užít i dnes už řidší *Kdo chce chleba, pracuj, co třeba*. Ve výše i níže jmenovaných publikacích a především ve Slovníku české frazeologie a idiomatiky F. Čermáka a kol. máme k dispozici pro ilustraci syntaktických jevů další současné živé frazémy, ale můžeme využít i námi sebraných, nově vznikajících (*Ať se člověk točí, jak chce, zadek zůstává stále vzadu*) nebo obměněných (srov. *je/počíná si jako slon v porcelánu* → *to je nejlepší cesta, jak udělat z porcelánu střepy*).

K pochopení a poznání větné stavby slouží její přehledný způsob znázorňování, jenž se postupně vyvíjel. Dnešní, běžně užívaný způsob zobrazování stavby větné a souvětí pomocí schémat a grafů jsme vyložili in Čechová – Styblík, *Didaktika češtiny* (1989, s. 148–149) a následně in *Čeština a její vyučování* (1998, s. 161–162). Tímto způsobem zapíšeme stavbu výše uvedeného přísloví: Kdo V_1v (podmětná), V_2h , nebo pomocí grafu, jenž zachytí hierarchii vět:

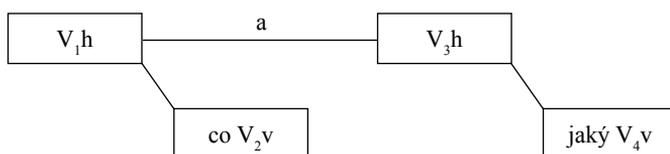


Toto zobrazení má původ v Gebauerově Mluvnici. Věty znázorňoval pomocí velkých a malých písmen abecedy a jejich pořadí (první větu hlavní označil A, my ji nyní označujeme V_1h), první větu vedlejší na ní závislou Aa (= V_2v), třetí větu, závislou na druhé větě (vedlejší), Aaa (= V_3v). Zápis stavby souvětí *Přijde čas, že se tě zima zeptá, cos dělal v létě* pak vypadá takto: A, že Aa, co Aaa; podle současného způsobu V_1h , že V_2v (přívlastková), cos V_3v (předmětná) nebo grafem (obdobně jako předvedeno výše).

Nejstarší pamětníci si vzpomenou na Větné rozbory V. Šmilauera (1955), v nichž s Gebauerovou metodou pracovali. Pomocí ní jsem zobrazovala strukturu souvětí se studenty na střední škole v 60. letech, ale protože mnozí chybovali jen tím, že popletli písmena, zvolila jsem systém zkratk Vh, Vv v kombinaci s číselnými indexy, zaznamenávajícími pořadí vět. K tomuto způsobu znázorňování mě podnítila Česká mluvnice (1960), užívající jen zkratky H a V. Označení V pro větu jsem zvolila vzhledem k zvyklosti na 1. stupni, aby se žák na vyšším stupni nemusel přeučovat, tam se totiž pouze rozlišovaly věty a jejich pořadí, nikoli jejich druhy.

Větné schéma nejen osvětlí stavbu větnou, ale současně pomůže i při vysvětlování interpunkce. V našem případě student pochopí, kde je nutno napsat čárku: na rozhraní věty hlavní a vedlejší bez ohledu na jejich pořadí, tedy i tehdy, předchází-li vedlejší věta větě hlavní, nebo je-li část věty vložena do jiné, v čemž žáci i studenti často chybojí.

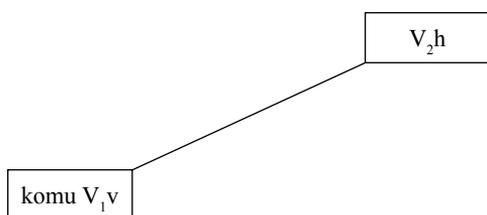
Novější učebnice, počínaje řadou B. Havránka a kol. z let 1933–1936, se přiklonily v souladu s principy Pražského lingvistického kroužku k exemplifikaci gramatických jevů nikoli příklady z frazeologie, ale převážně větami ze současné řečové, zvláště literární praxe. Příkladů frazeologických ubývalo, i když je v syntaktické části (IV.) Havránkovy – Jedličkovy České mluvnice (1960 i v dalších vydáních) jako ilustrační příklady najdeme, viz na s. 334 příklad na vedlejší větu komparativní: ... *jako by mu hořelo v patách*, na s. 337 příklad na větu přípustkovou: *Přijdu, kdyby šídla padala*, na s. 342, příklad na složité souvětí souřadné: *Řekni mi, co čteš, a já ti povím, jaký jsi*. Tento příklad výstižně ilustruje výklad a usnadňuje studentům pochopení principu české interpunkce včetně psaní čárky v souvětí před spojkou *a*. Ze znázornění je patrné, proč před *a* musí být čárka (rozhraní Vv a Vh): V₁h, co V₂v, a V₃h, jaký V₄v. Pomocí grafu vysvětlíme snadno závislost vět:



Učebnice poválečné příliš frazeologii nepřály, ta se ani systematicky (jako učivo) neprobírala, vyskytovala se v nich pouze okrajově či příležitostně. Až v druhé polovině 70. let a v 80. letech jsem začlenila frazeologická cvičení do učebnic pro 7. a 8. ročník v slohových částech učebnic (popis a charakteristika), v učebnicích pro 3. ročník střední školy (2002 a 2013) pak několikahodinovou samostatnou lekci, v obou případech nikoli však k procvičování jazykových rozborů. K tomu jsme přistoupili v Komplexních jazykových rozbořech (1992 a 1996), v nichž jako dodatek byly začleněny (po rozboru ucelených textů) krátké úryvky a samostatná souvětí především k průběžnému procvičování (má-li učitel k dispozici omezený čas). Např. přísloví *Komu se nelení, tomu se zelení* bylo podrobeno analýze po všech stránkách (Tady uvedeme upravený rozbor):

Po identifikaci přísloví a jeho charakteristice (I.) následuje rozbor větný (II.) a ostatních jazykových rovin (III. až V.) a rozbor závěrečný (VI.). Začíná se vyložením smyslu přísloví (Kdo není líný, dosahuje úspěchu) a původu frazému (venkovský, zemědělský, viz *tomu se zelení*, „tomu vzchází / roste úroda“), po vyhledání frazému s obdobným významem (Bez práce nejsou koláče); s postupem opačným: bez práce ‚kdo je líný‘ = ‚komu se lení‘, což je podstatné zvláště pro cizince a mladší žáky i pro postup dalšího rozboru, se přistoupí k rozborům dílčím:

Postupuje se k rovině syntaktické (II.): Jde o větu jednoduchou, nebo o souvětí? Jak jste to poznali? Čím je souvětí tvořeno? (dvěma jednočlennými větami). Jaké je to souvětí? (podřadné), Která věta je hlavní, která vedlejší? (Vv: komu se nelení). Zdůvodněte své rozhodnutí (pozor na otázku, ptáme se členem věty řídicí: komu se zelení?, odpovíme vedlejší větou: komu se nelení). Stavbu větnou zaznamenáme schématem: Komu V₁v, V₂h nebo grafem:



Poté následuje rozbor slovotvorný a morfematický (III.): Jak je utvořeno slovo *zelenit se*? (od přídavného jména *zelený* přerazením k vzoru *prosí*, zároveň *zvratným se*. U adjektiva lze vyčlenit příponu *-en(y)*, viz *zelí*, souvislost *zelený se zelím* si už mnohdy běžný uživatel možná ani neuvědomuje. Jaký význam má toto sloveso? (,jevit se zeleným, rašet, pučet, pokrývat se zelení'. Jakou znáte jinou jeho podobu? (*zelenat se, zelenět*). Co znamená nezvratné sloveso *zelenat*? (stávat se zeleným). co znamená *zelenět*? (totéž, je řidší). A co *zelenit*? (natírat/malovat na zeleno, činit zeleným). Která jiná slova odvozená od přídavného jména *zelený* znáte? (*zeleň, zelenina...*). Existuje sloveso *nelenit* v kladné podobě? (ne). Co slovo znamená? (1. nebýt líný, nezahálet, 2. neváhat, nerozpakovat se něco udělat/). Jaký je vztah mezi kořenem *lín-* a *len-*? (alternace hlásková *-e/-í-*; *-í-* vzniklo dloužením). Jmenujte slova s tímž kořenem (*lenivý, lenoch, nelenit...*).

Následuje rozbor (IV.) tvaroslovný (předvedeme na příkladu sloves): Jaké jsou tvary sloves ve frazému? (zvratné). Proč se jim říká neosobní? (nevztahují se k 1. ani k 2. slovesné osobě, nevztahují se k podmětu). Čím se liší kmen přítomný a minulý těchto sloves? (*neleně-, zeleň- x neleni-, zeleni-*). Co mají tato slovesa tvaroslovně společného? (obě patří do IV. třídy, k vzoru *prosí*). Můžeme pokračovat rozбором zájmen...

Rozbor zvukové stránky (V.) začneme přednesem s dodržováním délek (*nelení se, zelení se*), pokračujeme: Foneticky přepište slovesa [*neleni-*, *zeleňi-*] a zaznamenejte rytmus, přízvučné a nepřízvučné slabiky (*-uu-uu; -uu-uu*), a rým (*-ení, -ení*, sdružený rým).

Dále (VI.) vyzveme studenty: Charakterizujte komunikační situaci, v níž je vhodné frazému použít (při vypravování, charakteristice osoby nebo v úvaze o ní). Ke kterému druhu frazém přiřčíte? (k přísloví). Úkol zadáme od 3. ročníku SŠ výše, kde se frazeologie (v učebnici ČJ SŠ 3) probírá. Svou volbu zdůvodněte (Frazém má dvě části, v první se cosi konstatuje, v druhé se z toho vyvozuje poučení). Jaký má význam pro uživatele rým a rytmus v přísloví? (Podporují zapamatování a svou citátovostí se odlišují od ostatního textu). Rozbor ukončíme shrnutím celkového stylového charakteru přísloví: Jaký ráz má přísloví po stránce stylové? (Má estetický ráz daný paralelní stavbou vět /veršů/, jejich rytmem a rýmem, neobvyklé užití neosobní formy *nelení se*, běžně: *nelením, nelenil jsem...*).

Ke komplexnímu jazykovému, ale i pragmlingvistickému rozboru se přímo nabízejí pranostiky (viz kapitolu Pragmatický a jazykový charakter pranostik in *Řeč o řeči*, 2012). Specifická forma pranostik, v nichž se z jedné meteorologické či jiné přírodní skutečnosti odvozuje skutečnost následující, může dobře dokumentovat příčinnostní vztahy mezi větami podřadného souvětí/složenými větami. Pranostiky se tedy hodí k syntaktickému, ale i lexikálnímu a stylistickému, dokonce i k morfologickému rozboru.

Ukážeme to na vybraném příkladu. Příznačné pro pranostiky jsou podmínkové věty uvozované spojovacími výrazy *když, jestliže, -li, pakli*: *Jsou-li v září noci jasny a suchy, nebude po houbách ani potuchy*. Kromě Vv podmínkové lze v souvětí sledovat archaické jmenné tvary přídavného

jména, zachované kvůli rýmu, a zastaralý genitiv záporový u výrazu *potucha* (ani potuchy). Slovo *potucha* má omezenou kolokaci na několik málo možností, a to v negaci: *nemít o něčem ani potuchy* a *nebylo po něm ani potuchy* s významem ‚tušení, zdání‘, event. ‚stopy‘, což se hodí do našeho kontextu. S tím ladí i užitý spojovací výraz *-li*, zvolený i z důvodů rytmických. Užili-li bychom např. *jestliže*, zmizí efekt vyvolaný rytmem a rýmem.

Ohromné množství příkladů pranostik nalezne učitel ve Velkém pranostikou Z. Vašků (1998) a příklady jejich rozboru v Řeči o řeči (s. 153–161).

V této studii jsme se pokusili dokázat, že frazeologie může mít významné místo v jazykovém, a to i v gramatickém vyučování. Třebaže nebudeme pokládat frazémy za hlavní zdroj gramatických výkladů, jak to činil Jan Gebauer, nebylo by od věci vrátit se ve vyučování gramatické alespoň zčásti k jejímu využití.

Literatura

- BITTNEROVÁ, D. – SCHINDLER, F.: *Česká přísloví*. Praha: Karolinum, 1997.
- ČECHOVÁ, M.: Místo tzv. školských mluvnic J. Gebauera v jeho tvorbě a ve vývoji vyučování češtině. *Slavica Pragensia* 35, *Philologica* 1–2, s. 79–91. Praha: UK, 1992.
- ČECHOVÁ, M.: *Řeč o řeči*. Oddíl I. B. Frazémy v praxi, s. 105–67. Praha: Academia, 2012.
- ČECHOVÁ, M.: *Život s češtinou*. Oddíl I. C. Nad frazeologií v řeči. Praha: Academia, 2017, s. 150–183.
- ČECHOVÁ, M. – STYBLÍK, V.: *Didaktika češtiny*. Praha: SPN, 1989. *Čeština a její vyučování*. Praha: SPN, a.s., 1998.
- ČECHOVÁ, M. a kol.: *Komplexní jazykové rozbor*. Praha: SPN, a.s., 1996, 2., upravené vydání.
- ČECHOVÁ, M. a kol.: *Český jazyk pro 3. ročník střední školy*. Praha: SPN, a.s., 2013, 2., upravené vydání (1. vydání 2002).
- ČERMÁK, F. a kol.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Praha: Academia, 1983, 1988, 1994 (1.–3. díl), Leda 2009 (4. díl).
- GEBAUER, J.: *Mluvnice česká*. Praha: 1890, 1. vydání (a další včetně upravených V. Ertlem).
- HASIL, J.: *Interkulturní sociolekty multikulturní komunikace*. Ústí nad Labem: UJEP, 2011.
- HAVRÁNEK, B. – JEDLIČKA, A.: *Česká mluvnice*. Praha: SPN, 1960 (a další vydání).
- KLÖTZEROVÁ, P.: Hranice frazémů se posouvají. Lexikální frazémy v češtině. *Slovo a slovesnost*, 59, 1998, s. 277–280.
- KŘÍSTEK, V. a kol.: *Český jazyk pro 7. ročník experimentálních škol*. Praha: SPN, 1977.
- KŘÍSTEK, V. a kol.: *Český jazyk pro 8. ročník experimentálních škol*. Praha: SPN, 1978.
- PLACHETKA, J.: *Velký slovník citátů a přísloví*. Praha: Academia, 1996.
- VAŠKŮ, Z.: *Velký pranostikon*. Praha: Academia 1998.

Význam frazeologie při formování komunikační kompetence žáků a její využití v současných učebních souborech pro výuku ruského jazyka

The Importance of Phraseology in the Formation of Pupils' Communication Competence and its Use in Contemporary Learning Sets for Teaching Russian Language

Lenka Rozboudová, Univerzita Karlova, Praha

Abstract

The paper explains the importance of phraseology in learning foreign languages in the context of forming the communicative competence of pupils at primary and secondary schools with a focus on teaching Russian in the Czech environment. The paper presents the results of a content analysis of the current learning sets for teaching Russian. Its aim was finding out the frequency, functions and ways of using phraseological units in these sets.

Abstrakt

V příspěvku je vysvětlen význam frazeologie při učení se cizích jazyků v kontextu formování komunikační kompetence žáků základních a středních škol se zaměřením na výuku ruského jazyka v českém prostředí. Příspěvek přináší výsledky obsahové analýzy současných učebních souborů pro výuku ruštiny, jejíž cílem bylo zjištění četnosti, funkcí a způsobů využití frazeologických jednotek v těchto souborech.

Key words: phrasal idiom, teaching Russian, communicative competence, learning set

Klíčová slova: frazém, výuka ruštiny, komunikační kompetence, učební soubor

1. Úvod

Stejně jako jazyk nemůže existovat bez kulturního prostředí, v němž vznikl a je užíván, tak i učení se cizímu jazyku se neobejde bez seznamování se s jeho kulturním kontextem. Jazyk a kultura jsou velmi úzce propojeny a dochází mezi nimi k intenzivní oboustranné interakci a vzájemnému ovlivňování, proto se při učení jazyka nelze omezovat pouze na úroveň čistě jazykovou, nýbrž je nezbytně nutné se s jazykovými jevy seznamovat vždy také z pohledu jejich fungování v daném kulturně-jazykovém společenství. Kultura se v jazyce projevuje na různých úrovních (lexikální,

gramatické, fonetické, stylistické, pragmatické atd.), ale ve frazeologii je sepětí jazyka a kultury patrně možná nejzjevněji.

V úvodu příspěvku objasníme význam znalosti frazeologických jednotek při učení se cizímu jazyku a v komunikaci jako takové, přičemž budeme vycházet především z platných kurikulárních dokumentů, které určují jazykové vzdělávání v České republice. Dále pak představíme výsledky provedené analýzy současných učebních souborů pro výuku ruského jazyka na základních a středních školách z hlediska uplatňování frazémů při formování komunikační kompetence žáků.

2. Komunikační kompetence a interkulturní komunikační kompetence

Za hlavní cíl učení se cizím jazykům můžeme již několik desetiletí bezesporu považovat dosažení určité úrovně komunikační kompetence, a to v rámci všech řečových dovedností i všech souvisejících kompetencí dle Společného evropského referenčního rámce pro jazyky (SERRJ 2002, s. 103–133). Žáci základní školy by v předmětu Ruský jazyk, tj. Další cizí jazyk, měli dosáhnout úrovně A1, žáci střední školy B1.

V poslední době se však v kontextu cílů cizojazyčné výuky stále častěji setkáváme s konceptem interkulturní komunikační kompetence, neboť účelem učení se cizímu jazyku je získání dovednosti komunikovat s lidmi z jiného kulturně-jazykového prostředí, samotné ovládnutí daného cizího jazyka (tj. znalosti jeho jazykového systému a dovednosti ho funkčně využívat v komunikaci) je pouze prostředkem pro řešení běžných situací, ve kterých se mluvčí ocitá při kontaktu s nositeli jazyka. K. Kostková (2012, s. 65) zdůrazňuje, že interkulturní komunikační kompetence „umožňuje komunikovat s lidmi z jiných zemí a kultur v cizím jazyce, znalosti o cizí kultuře, jejich hodnotách a zvyklostech jsou propojeny s cizojazyčnou komunikační kompetencí, a to prostřednictvím schopnosti užívat cizí jazyk vhodně i na základě povědomí o specifických významech, funkcích a konotacích cizího jazyka“. V procesu učení se cizímu jazyku tedy nelze kulturologickou složku nikterak opomíjet či minimalizovat, a to i v počáteční fázi výuky, protože jazyk je odrazem národní kultury a je nositelem kolektivní zkušenosti daného jazykového společenství (Vereščagin – Kostomarov 1983, s. 16–17) a neporozumění kulturně hluboce zakotvených významů nutně vede k deformaci či zcela znemožnění komunikačního procesu, a to i na zcela elementární úrovni. E. Vasilyevová (2012, s. 41) ještě doplňuje, že ve výuce cizího jazyka je nutné nejen seznámit žáky s kulturou řečového i neřečového chování a se stereotypy chování nositelů studovaného jazyka, ale také je třeba odstranit prvotní stereotypy v chápání a přijímání jiné kultury, zahájit dialog kultur. Z tohoto požadavku nutně vyplývá potřeba zabývat se kulturním pozadím studovaného jazyka již od samého počátku výuky, protože pouze systematickou a uvědomělou prací s objektivními informacemi o kultuře národa hovořícího daným cizím jazykem můžeme korigovat existující stereotypy a předcházet vzniku stereotypů nových. Významem kultury při formování interkulturní komunikační kompetence ve výuce cizího/ruského jazyka jsme se již podrobněji zabývali v našich dalších publikacích, např. Havelková 2012, Rozboudová 2015, 2017, 2018 a další.

3. Frazeologie ve výuce cizího jazyka a její stopy v kurikulárních dokumentech

Nutnost učení se jazyku v kontextu jeho kultury vyplývá taktéž z požadavků stanovených ve Společném evropském referenčním rámci pro jazyky, v němž jsou v Obecných kompetencích zdůrazňovány také Sociokulturní znalosti o každodenním životě, životních podmínkách, mezilidských vztazích, hodnotách, postojích, společenských konvencích, rituálech, zvycích atd. (SERRJ 2002, s. 104–105). Všechny tyto sociokulturní znalosti mohou být ve výuce ruského jazyka, a to i v jeho počáteční fázi, demonstrovány na frazeologických jednotkách, které ve značné míře odrážejí kolektivní vědomí a životní zkušenost národa. Uvedme si několik příkladů ruských frazémů, přísloví, přirovnání, pranostik, které vyjadřují právě ony výše uvedené charakteristiky života ruské společnosti. Na níže uvedených jednotkách lze žákům vysvětlovat například:

- význam chleba v ruském stolování, ale i obecně: *Хлеб всему голова.*,
- charakter tradičního uspořádání domu a význam víry pro ruského člověka: *красный угол*,
- charakter životních nebo přírodních podmínek: *Увидел грача – весну встречай!* nebo *Залегаем медведь на зиму в берлогу на Воздвижение.* (27.9.),
- charakter mezilidských vztahů: *неуклюжий как медведь*,
- společenské konvence: *Смех без причины – признак дурачины.*,
- životní zkušenost národa: *В гостях хорошо, а дома лучше.*

Důvodů pro zařazení frazeologie do cizojazyčné výuky je hned několik. Frazeologie se může stát velmi efektivním prostředkem interkulturního vzdělávání, nástrojem reflexe nejen kultury cílového jazyka, ale i kultury vlastní, rozvíjí tedy myšlení v jiných dimenzích, než je čisté učení se cizímu jazyku. Frazeologie představuje velmi bohatý zdroj informací o zemi studovaného jazyka, o každodenním životě, postojích, hodnotovém systému daného národa, který v mnohých směrech působí na emoce žáka. V neposlední řadě se může stát velmi informačně naplněným jazykovým materiálem pro nácvik jazykových prostředků (rozšiřování slovní zásoby, demonstrace fungování gramatických struktur, reflexe stylistického zabarvení jazykových prostředků, rozvoj percepčních i artikulačních dovedností v oblasti zvukové stránky jazyka vzhledem k velmi častému rytmickému ztvárnění frazémů aj.) i řečových dovedností, kdy frazeologické jednotky a jejich porovnání s mateřštinou žáků mohou být vhodným impulzem pro recepci textů i vlastní produkci žáků v ústní i písemné podobě.

Jakkoli se tedy může zdát využívání frazeologie ve výuce cizího jazyka efektivní a žádoucí, nutno podotknout, že v ČR platné kurikulární dokumenty zmiňují frazeologii velmi zřídka, a navíc vždy spíše až od vyšších úrovní ovládnutí jazyka, nejčastěji C1 nebo C2. Ve Společném evropském referenčním rámci pro jazyky se setkáváme s frazeologií jako součástí lexikální kompetence. Rámec uvádí, že lexikální jednotky zahrnují kromě jednoslovných pojmenování rovněž ustálená větná spojení, např. přísloví; idiomy, např. sémanticky nejasné, ustrnulé metafory, přirovnání; ustálené větné rámce; ustálené fráze; ustálené kolokace (SERRJ 2002, s. 112–113). V informacích o rozsahu slovní zásoby jsou frazémy zmiňovány až od úrovně C1: „Dobře ovládá idiomatické a hovorové výrazy.“, C2: „Dobře zvládá velmi široký repertoár slovní zásoby včetně idiomatických a hovorových výrazů, je zřejmé, že si je vědom konotativních úrovní významu.“ (SERRJ 2002, s. 114) V Sociolingvistické kompetenci jsou v Rámci zmiňovány výrazy lidové

moudrosti: přísloví, idiomy, všeobecně známé citace, vyjádření pověrčivosti, zvláště pranostiky (SERRJ 2002, s. 122). Význam těchto výrazů je vysvětlován tím, že „tato ustálená slovní spojení, která obsahují a upevňují obecně sdílené postoje, jsou významným obohacením lidové kultury. Často jsou například používána v novinových titulcích buď jako reference nebo slovní hříčka. Znalost takto nahromaděné lidové moudrosti, o které se má z jazykového hlediska za to, že patří k všeobecnému povědomí, je význačnou komponentou lingvistického aspektu sociokulturní kompetence.“ (SERRJ 2002, s. 122)

Vzhledem k tomu, že národní kurikulární dokumenty, upravující jazykové vzdělávání v ČR, tedy RVP a další, z Rámce vycházejí, není překvapivé, že je v nich frazeologie zmiňována pouze okrajově. V RVP ZV (2017) není frazeologie v předmětech *Cizí jazyk* a *Další cizí jazyk* uvedena vůbec. V RVP G u *Cizího jazyka*, tj. cílové úrovně B2, je v rámci lexikálních prostředků požadována znalost ustálených kolokací, ustálených větných spojení, přísloví, jednoduchých idiomů, frázových sloves, ustálených větných rámců (RVP G 2007, s. 17), u *Dalšího cizího jazyka*, tj. cílové úrovně B1, pak pouze znalost ustálených slovních spojení a přirovnání (RVP G 2007, s. 20).

Ačkoli Rámec připomíná význam frazeologických jednotek pro plnohodnotné užívání cizího jazyka, omezuje se ve svých požadavcích v oblasti frazeologie pouze na úrovně C1 a C2, na nižších úrovních se příliš nepočítá ani s receptivními znalostmi. RVP G sice některé druhy frazeologických jednotek v rámci požadovaného jazykového materiálu uvádí, nutno však podotknout, že se spíše jedná o nesystémový přístup. I když připustíme mnohdy velmi vysokou obtížnost cizojazyčných frázemů z hlediska jejich formy, domníváme se, že porozumění základním frázemům je pro úspěšnou komunikaci s rodilými mluvčími nezbytně nutné.

4. Frazeologie vy výuce ruštiny, výběr frazeologického materiálu

Význam kulturologického materiálu při výuce cizích jazyků je nesporný, zároveň však vyvstává otázka jeho výběru, který musí být proveden takovým způsobem, aby všestranně odpovídal potřebám vlastní výuky na dané úrovni i charakteru žákovské skupiny. Již pro počáteční fázi výuky považujeme jako vhodný kulturologicky nosný materiál například útvary lidové slovesnosti nebo frazeologii, které musí být však žákům prezentovány pouze na receptivní úrovni, v žádném případě nesmí být určeny k produktivnímu osvojení. Účelem uplatňování těchto jazykových jednotek je v první řadě motivace k učení se jazyku, vzbuzení zájmu o jazyk a s ním spojenou kulturu a porovnání s vlastní mateřskou kulturou; využití těchto jednotek k nácviu jednotlivých jazykových prostředků či řečových dovedností je samozřejmě v rámci integrativního přístupu k osvojování jazyka žádoucí, nikoli však nejdůležitější.

Výuka ruského jazyka v českém školním prostředí s sebou nese specifika výuky blízké příbuznému jazyku. Stejně tak jako je ovlivňováno učení se ruského jazyka žáky-Čechy mezijazykovým přenosem, je nutno počítat s pozitivním i negativním transferem ve vnímání ruské kultury, která je v českém prostředí vlivem politicko-spoločenského vývoje mnohdy interpretována ne zcela objektivním způsobem, mnohé kulturní fenomény jsou i v současné době popisovány a vysvětlovány na základě v české společnosti hluboce zakořeněných stereotypů. Jak již bylo uvedeno výše, tyto prvotní stereotypy, s nimiž žáci do výuky ruského jazyka přicházejí, je nutno vysvětlovat a odstraňovat a právě prostřednictvím frazeologie lze tomuto složitému procesu vhodně napomáhat.

Vzhledem ke společným slovanským kořenům nalézáme v české a ruské frazeologii mnoho společných rysů, o které se lze při výuce opřít, ale zároveň frazémy odrážejí specifika každého národa. Zejména při výuce ruštiny jako blízkce příbuzného jazyka lze většinu druhů frazémů využít i v počáteční fázi výuky, neboť jejich porozumění napomáhá jak blízkost v mnohých frazémeh užitých jazykových prostředků, tak často stejný nebo podobný význam existující v obou jazycích. Při vhodném výběru frazémů můžeme tedy minimalizovat jazykovou obtížnost, která je typická pro cizojazyčné frazémy z pohledu cizince a učení se cizímu jazyku.

K výběru frazeologického materiálu pro výuku ruštiny na základní i střední škole lze přistupovat několika způsoby: a) vybírat formálně a významově ekvivalentní frazémy v případě, že je pro nás důležité poukázat na příbuznost a shody obou jazyků i kultur, na shodné kulturní kořeny, společné hodnoty, podobnou životní zkušenost atd. (*Дарёному коню в зубы не смотрят. – Darovanému koni na zuby nekoukej.*); b) vybírat významově shodné či podobné frazémy, avšak s odlišným komponentem ve formální stránce frazému v případě, že je pro nás důležité poukázat na shodné či podobné postoje, hodnoty, životní zkušenosti, které jsou však předávány pomocí jiných jazykových prostředků, které vyplývají z každodenní kultury a životních podmínek daného národa (*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. – Bez práce nejsou koláče.*); a c) vybírat specificky ruské frazémy, které vyjadřují specifické jevy typické pro ruskou kulturu (*Баня все грехи смоем.*).

Všechny tyto tři skupiny frazémů mají velký motivační potenciál, jak kvůli přirozené zvědavosti žáků, kteří se chtějí blíže seznámit se zemí studovaného jazyka, a odlišnosti mezi kulturami je tedy zajímaví, tak i kvůli zjištění, že vlastně i frazeologie nemusí být obtížná, protože mnohé frazémy jsou pro žáky pochopitelné vlivem pozitivního mezijazykového transferu. Z hlediska typů frazémů se jeví jako nejméně obtížná ustálená přirovnání, která lze využít hned na počátku učení se ruštině, avšak v podstatě lze využít jakýkoli typ frazémů, ale mnohem důležitější než typ je výběr konkrétních frazémů pro danou tematickou oblast. Důležitou podmínkou úspěšné a efektivní práce s frazeologií je tedy její funkční uplatňování v rámci probíraného tématu a s ním souvisejících komunikačních situací, v nichž je možné se s daným frazémem setkat. Jedině za tohoto předpokladu nebude frazeologie žáky i učiteli vnímána jako něco nadstavbového, ale naopak bude chápána jako přirozená součást komunikace v příslušném jazyce.

5. Frazeologie v učebních souborech pro výuku ruského jazyka pro základní a střední školy

Učení se cizímu jazyku (nejen) v rámci formálního vzdělávání na základních a středních školách je do značné míry ovlivněno používaným učebním souborem, který předkládá příslušný jazykový materiál způsobem vyplývajícím z předem stanovené didaktické koncepce, byť role učitele při výběru doplňujícího materiálu je nesporná. Autoři učebnic při výběru učební látky respektují požadavky pro daný předmět, stanovené v kurikulárních dokumentech ČR, proto není překvapující zjištění, že frazeologie je v učebních souborech pro výuku ruského jazyka nabízena spíše zřídka.

Cílem naší analýzy v současné době hojně používaných učebních souborů pro výuku ruštiny jako Dalšího cizího jazyka na základních a středních školách bylo zjistit, zda vůbec, případně jak často a jakým způsobem jsou frazémy v učebních souborech prezentovány a také jak se s nimi dále pracuje, tedy jaká zadání jsou využívána při práci s frazeologií, zda jsou využívány pro formování (interkulturní) komunikační kompetence. V souborech jsme hledali všechny typy frazémů.

Pro analýzu jsme vybrali celkem čtyři nejčastěji používané učební soubory, dva pro výuku na základní škole – *Поехали! 1–6 + Поехали! Rychlý start* a *Классные друзья 1–3*, dva pro výuku na střední škole *Радуга по-новому 1–5* a *Класс! 1–3*. V současné době taktéž vznikají nové či inovované učební soubory pro výuku ruštiny, např. *Твой шанс*, *Снова Класс*, *Радуга Plus*, *Рустина на длани*, tyto soubory jsme však do analýzy nezahrnovali, protože v době realizace výzkumného šetření byly k dispozici pouze neúplné řady, ve většině případů pouze 1. díl učebnice, často i bez doplňujících komponentů souboru, tj. metodické příručky, pracovního sešitu atd., nebylo tedy možné zcela objektivně posoudit, jakým způsobem daný soubor s frazeologií pracuje.

Na základě provedené analýzy můžeme konstatovat, že frazémy jsou v učebních souborech uplatňovány spíše zřídka, často jako ilustrace nebo nadstavba probíraného tématu. Frazémy byly zjištěny sice ve všech analyzovaných učebních souborech, avšak jejich uplatňování obecně nelze považovat za systémové. Ve většině případů se jednalo o zadání pouze na porozumění významu typu: Co vyjadřuje následující přísloví? Dokážeš ho přeložit do češtiny? Existuje v češtině obdobné přísloví? Jen velmi ojediněle se setkáváme s vysvětlováním původu frazémů nebo jejich využitím pro nácvik výslovnosti či pro formování řečových dovedností. Naopak, poměrně často jsou frazémy uváděny bez jakéhokoli vysvětlujícího komentáře nebo dokonce bez jakéhokoli zadání, tedy pouze jako prostá ilustrace tématu nebo jako název lekce. Vzhledem k tomu, že k těmto frazémům není v učebnici, ani metodické příručce žádný komentář, je pouze na učiteli, zda vůbec nebo jakým způsobem frazém využije. Pozitivně ve všech souborech můžeme hodnotit fakt, že všechny nabízené frazémy jsou tematicky spjaty s danou lekcí, bohužel však jsou uváděny většinou izolovaně, chybí prezentace jejich funkčního uplatnění v komunikaci.

Z hlediska typologie frazémů můžeme jednoznačně konstatovat, že nejčastěji jsou využívána přísloví a pořekadla, ostatní typy frazémů se objevují pouze ojediněle. Níže uvádíme některé konkrétní příklady frazeologických jednotek, nabízených v jednotlivých souborech.

Učební soubor *Поехали!* se jeví v oblasti frazeologie jako nejpestřejší z hlediska jak druhů prezentovaných frazémů, tak i způsobů jejich využití. Setkáváme se se zadáním na porovnání s češtinou: Jak zní odpovídající přísloví/frazém v češtině? – *Доброе начало, половина дела! Дело без конца, что кобыла без хвоста!* (3. díl, s. 28) nebo *ехать зайцем* (5. díl, s. 72), dále pak s vysvětlováním původu frazému a jeho kulturního kontextu – *Ни пуха, ни пера!* – *К чёрту!* (4. díl, s. 46), *красный угол* (4. díl, s. 96), *у чёрта на куличках, положить дело в долгий ящик, во всю Ивановскую, без дураков* (6. díl, s. 26) a taktéž s prací s lidovými pranostikami: Kolika způsoby lze přeložit do češtiny? – *Если собака мало ест и много спит, пойдёт дождь.* (4. díl, s. 67).

V souboru *Классные друзья* byla zjištěna práce pouze s příslovími a pořekadly, avšak poměrně pravidelná. Frazémy jsou uváděny vždy v samostatných cvičeních v pracovním sešitě, frekvence užití frazeologie postupně se zvyšující se úrovní narůstá, v 3. díle jsou tato cvičení nabízena téměř ke každé lekci, lze říci, že tento soubor prezentuje frazeologii nejsystematičtěji a nejpravidelněji ze všech. Objevují se ve většině případů zadání na porozumění významu: Přechť přísloví/pořekadla. Najdeš k nim vhodný ekvivalent? Pokusíš se vysvětlit jejich smysl? Dopíš český překlad k těmto pořekadlům. – *Пешком ходить – долго жить. Кто поздно встаёт, тот дня не видит.* (PS 2. díl, s. 33) *Аппетит приходит во время еды.* (PS 2. díl, s. 48) *Ешь чеснок и лук – не возьмёт тебя недуг. Утро встречай зарядкой, вечер провожай прогулкой.* (PS 3. díl, s. 42) *Праздник придёт – гостей приведёт. Доброму человеку всякий день праздник.*

Как Новый год встретишь, так его и проживёшь. (PS 3. díl, s. 53); na přiřazení ekvivalentů ruských a českých přísloví se stejným významem – *Волков бояться – в лес не ходить. Одна ласточка весны не делает. Собака человеку неизменный друг. Кот из дому – мышь в пляс. Лучшие синица в руке, чем журавль на небе.* (PS 1. díl, s. 55); zřídka i na nácvik čtení a výslovnosti *Не красна изба углами, а красна порогами. В своём доме и стены помогают. Дома – как хочешь, в гостях – как велит закон.* (PS 1. díl, s. 70) nebo na sestavení přísloví/pořekadla dle smyslu: Poskládáš ruská přísloví? Jaká česká přísloví o ročních obdobích znáš?

<i>Весна красна цветами</i>	<i>которая бы не кончалась.</i>
<i>Летом дома сидеть</i>	<i>зима долга.</i>
<i>Осень велика</i>	<i>а осень пирогами.</i>
<i>Нет зимы</i>	<i>зимой хлеба не иметь.</i> (PS 2. díl, s. 11)

Радуга по-новому nabízí ve 3. díle téma *Встреча*, které je zacíleno na rozvoj interkulturní komunikační kompetence, prezentuje kulturně podmíněné komunikační chování, komunikační i společenské normy ruské společnosti. Právě v této lekci nacházíme největší množství frazémů, obecně však můžeme tvrdit, že v celém 3. díle souboru je frazeologii věnována zvýšená pozornost a tematicky zaměřené frazémy nacházíme prakticky v každé lekci. Ve většině případů se jedná o zadání: Jak přeložit frazémy do češtiny? – *У моей мамы золотые руки. Якуб не видит дальше своего носа. Наташа встала с левой ноги.* (3. díl, s. 33), *По одежде встречают, по уму провожают. Дело в шляпе. Своя рубашка ближе к телу.* (3. díl, s. 50) *Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Друг познаётся в беде.* (3. díl, s. 79) *Не шуба греет, а хлеб. Чей хлеб едим – того слушаем.* (4. díl, s. 98), pouze jedenkrát se setkáváme s komunikačně zaměřeným zadáním: Které z uvedených frazeologizmů můžete použít ve vyprávění maminky? – *как снег на голову, мороз по коже пробегает, бросать слова на ветер, идёт, куда ветер дует, льёт как из ведра, метать громы и молнии, взойдёт солнце над нашими воротами* (3. díl, s. 118), prezentace frazémů v tomto cvičení je navíc doplněna obrázky, ilustrujícími danou komunikační situaci, což je velmi ojedinělý způsob prezentace, nejen v tomto souboru.

Učební soubor *Класс!* často využívá přísloví jako názvy lekcí, např. *Делу время, а потехе – час!* (2. díl, 17. lekce) nebo *Повторение – мать учения.* (všechny opakovací lekce). Dále jsou pak nabízeny různorodé frazémy, nejčastěji se zadáním: Vyberte správnou variantu významu. Vysvětlete. Najděte české ekvivalenty. – *Просто пальчики оближешь! У меня уже слюнки текут!* (1. díl, s. 77), *Человек от лени болеет, а от труда здоровеет.* (2. díl, s. 67), *Не хлебом единым жив человек.* (2. díl, s. 94).

Jak je patrné i z výše uvedených příkladů, v učebních souborech jsou prezentovány různé frazémy a jen velmi ojediněle nacházíme ve dvou souborech stejný frazém, což jen dokládá rozmanitost frazeologie ruského jazyka. Jako překvapující zjištění musíme uvést fakt, že ačkoliv RVP ZV frazeologii (oproti RVP G) nezmiňuje vůbec (viz výše), učební soubory pro základní školu nabízejí frazeologii daleko častěji, a lze říci, že i poměrně pravidelně, než učební soubory pro střední školu, v nichž jsou frazémy uváděny spíše jen nahodile.

Kladně hodnotíme sepětí předkládaných frazémů s tématem lekce ve všech souborech, avšak způsoby práce s nabízeným materiálem by mohly být pestřejší, frazémy by mohly být využívány efektivněji pro nácvik jazykových prostředků i pro rozvoj řečových dovedností. Mohly by být častěji

nabízeny i další druhy frazémů, například ustálená přirovnání při prezentaci nebo systematizaci tematické slovní zásoby, pranostiky při nácvičku dativu podstatných jmen nebo podmínkových vět, jakékoli rytmizované frazémy při nácvičku výslovnosti atd. Zcela pak postrádáme příklady praktického užití frazémů v komunikaci v dialogických nebo monologických textech, které by sloužily jako východisko samostatné produkce žáků i jako impuls k porovnávání jazyků a kultur, k diskusi o životě v obou zemích, o hodnotovém systému obou národů apod.

6. Závěr

Frazeologie představuje bezesporu kulturologicky nosný a pro žáky velmi zajímavý materiál, který má ve výuce cizího jazyka své místo, a to i v počáteční fázi výuky, avšak práce s frazeologií je velmi náročná a vyžaduje hluboké znalosti učitele v oblasti ruské kultury a komunikačního chování nositelů příslušného jazyka. Bohužel ne každý učitel takto hlubokými znalostmi disponuje z nejrůznějších důvodů, proto je nezbytně nutné, aby nabízené frazémy a práce s nimi byly dostatečně podrobně komentovány v metodické příručce pro učitele. V námi analyzovaných souborech však komentář k frazeologii v metodických příručkách absentuje, s výjimkou některých frazémů učebního souboru *Поехали!*, a autoři souborů tedy ponechávají veškerou iniciativu při práci s frazeologií zcela na učitelích, jejichž úkolem je zasadit frazémy do vhodných kontextů a komunikačních situací, aby práce s nimi mohla přispívat ke zvyšování úrovně komunikační kompetence žáků.

Literatura

- Havelková, L.: Отношения языка и культуры и их место в современной лингводидактике. In *Chronos-Logos-Topos v současné filologické bádání*. Praha: Karolinum, 2012, s. 123–129.
- Rada Evropy: *Společný evropský referenční rámeček pro jazyky*. Olomouc: UP, 2002.
- Rozboudová, L.: Рациональность и эмоциональность народной фразеологии как средство мотивации на уроках русского языка в чешской аудитории. In *Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов международной научной конференции*. Moskva: MGOU, 2015, s. 116–119.
- Rozboudová, L.: Сопоставление народной словесности как средство формирования межкультурной коммуникативной компетенции. *Auspicia*, č. 3–4, 2017, s. 8–20.
- Rozboudová, L.: Сопоставление культуры родного и иностранного языков – один из основных принципов обучения русскому языку в чешской среде. In *Сопоставительное изучение и преподавание русского языка как иностранного: лингвистический, литературоведческий и лингводидактические аспекты*. Moskva: MGOU, 2018, s. 143–151.
- Vasilyeva, E. Аудиовизуальный метод обучения РКИ. *Lingua viva: odborný časopis pro teorii a praxi vyučování cizím jazykům a češtině jako cizímu jazyku*, č. 14, 2012, s. 41–50.
- Vereščagin, J. M. – Kostomarov, V. G.: *Язык и культура*. Moskva: Russkij jazyk, 1983.
- Rámcový vzdělávací program pro gymnázia*. Praha: Výzkumný ústav pedagogický v Praze, 2007.
- Rámcový vzdělávací program pro základní vzdělávání*. Praha: MŠMT, 2017.

Analyzované učební soubory

Jelínek, S. a kol.: *Радугано-новому 1–5*. Plzeň: Fraus, 2007–2011.

Orlova, N. a kol.: *Класс! 1–3*. Praha: Klett, 2010–2012.

Orlova, N. a kol.: *Классные друзья! 1–3*. Praha: Klett, 2015–2016.

Žofková, H. a kol.: *Поехали! – Rychlý start*. Úvaly: Albra, 2009.

Žofková, H. a kol.: *Поехали! 1–6*. Úvaly: Albra, 2002–2011.

Знание идиоматических выражений и процесс адаптации студентов участвующих в программах академической мобильности.

Idiomatic expressions in the academic mobility of students exchange adaptation process.

Наталья Александровна Гурова, Российский университет дружбы народов

Abstract

In the article idiomatic expressions are defined, the impact of knowledge and use of idioms on the process of adaptation of foreign students participating in various academic mobility programs, such as Erasmus Mundus, Tempus and others, while studying at foreign universities is examined, the importance of academic English proficiency as an instrument for the successful assimilation of the international educational program is emphasized.

Аннотация

В статье дается определение идиоматическим выражениям, изучается влияние знания и использования идиом на процесс адаптации иностранных студентов участвующих в различных программах академической мобильности, таких как Erasmus Mundus, Tempus и другие, во время их обучения в зарубежных вузах, подчеркивается важность владения определенным уровнем академического английского языка как инструментом успешного усвоения международной образовательной программы.

Keywords: idiomatic expressions, academic mobility, Erasmus, international educational programs.

Ключевые слова: идиомы, идиоматические выражения, академическая мобильность, программы академической мобильности, языковые компетенции.

1. Введение

Языковые компетенции лежат в основе создания единого Европейского образовательного пространства. Возможность говорить на иностранных языках – это не только компетенция, необходимая для обучения за рубежом, а в дальнейшем и для работы на международном

рынке труда, но и навык, открывающий новые перспективы исследования других культур.

Так как понятие «языковое разнообразие» закреплено в статье 22 Европейской хартии основных прав («Союз уважает культурное, религиозное и языковое разнообразие») и в статье 3 Договора ЕС («Он должен уважать богатое культурное и языковое разнообразие и обеспечивать защиту и преумножение культурного наследия Европы») образовательные программы ЕС всегда финансировали проекты языкового обучения. Программа непрерывного обучения 2007–2013 года была посвящена именно языку и языковому разнообразию и способствовала разработке языковой политики, а также поддержанию проектов по разработке учебных материалов для изучения языка. В текущей программе Erasmus + 2014-2020 года основной акцент, опять же, приходится на содействие языковому обучению.

Многие европейские университеты, участвующие в программах академической мобильности разработали ряд направлений реализуемых на английском языке для того, чтобы студенты всего мира имели возможность осваивать дисциплины без привязки к национальному языку принимающего образовательного учреждения. Одним из условий предоставления гранта на участие в программах академической мобильности, таких как Erasmus Mundus и Tempus, является наличие сертификата о сдаче языкового теста (TOEFL, IELTS и др.) с результатами не ниже установленного правилами приема уровня, а именно не ниже среднего. В данном докладе акцент приходится на использование идиоматических выражений в академическом английском и влияние знания идиом на процесс успешного усвоения международной образовательной программы.

2.Методология исследования

2.1 Используемые методы

В данной работе в качестве базовых методологических подходов выступают: системный, культурологический, субъектно-деятельностный подходы. Используется метод контент-анализа, теоретический анализ педагогической, социологической, психологической литературы, нормативных документов.

2.2 Определение понятия идиомы и ее использование в академическом английском языке

Существует множество определений слову идиома и понятию идиоматическое выражение. К примеру, идиома – это оборот речи, выражение, свойственное языку и неперебиваемое дословно на другой язык (Большой словарь иностранных слов. – Издательство «ИДДК», 2007), своеобразное выражение – лингв. то же, что фразеологизм (Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крыгина, 1998).

Когда мы думаем об английских идиомах и изучаем их возможное применение, мы обнаруживаем, что существует ряд идиом, который используется как в формальных, так и в неформальных ситуациях. Чаще всего, идиоматические выражения добавляют образности и красочности высказыванию, поэтому могут создавать впечатление более

неформальной беседы – тактике, которую используют преподаватели для установления контакта с аудиторией.

В институте иностранных языков Российского университета дружбы народов был проведен опрос на знание идиоматических выражений используемых в академическом английском языке. В опросе приняли участие студенты первого, второго и третьего курса отделения «Лингвистика». Им было предложено дать определение идиоматическому выражению на английском языке (Таблица 1):

Таблица 1

Academic English Idioms and Vocabulary

1. Explain the given words in English

To ace (an exam)

Definition: _____

Example: I **aced** my final!

A bookworm

Definition: _____

Example: I was a **bookworm** as a child. For my birthday, I didn't want toys: I wanted books.

A copycat

Definition: _____

Example: The person sitting next to me was a **copycat**, but we had different versions of the test!

To cram for (a test)

Definition: _____

Example: I **crammed** for my midterm last night.

To pull an all-nighter

Definition: _____

Example: My paper is due tomorrow and I've only written half. I think I have to **pull an all-nighter**.

A study buddy

Definition: _____

Example: Pam is my **study buddy** for chemistry. We are meeting later at a coffee shop in Little Italy.

3. Выводы

На диаграмме вы можете видеть соотношение верных и неверных вариантов ответов студентов каждого года обучения (Рисунок 1, Рисунок 2, Рисунок 3). По их данным прослеживается устойчивая тенденция к развитию навыков использования идиоматических выражений в академическом английском языке.

Рисунок 1

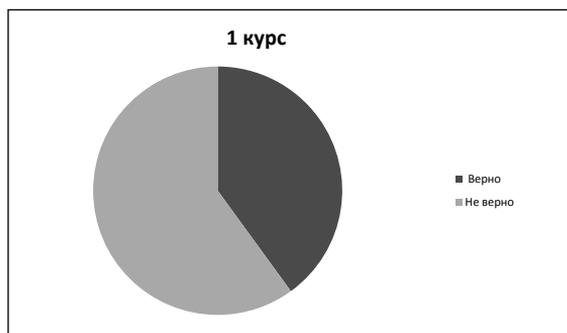


Рисунок 2

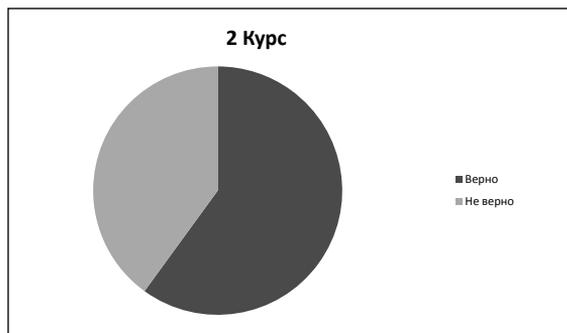
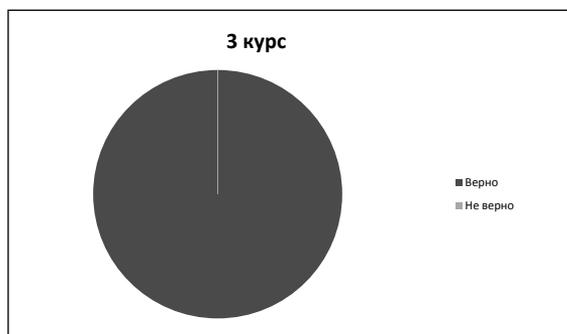


Рисунок 3



По данным круговым диаграммам мы можем:

1. констатировать факт только частичного освоения студентами первого и второго года обучения темы идиоматических выражений в академическом английском языке;
2. проследить прогресс учащихся в изучении иностранного языка;
3. сделать вывод, что оптимальным периодом прохождения международной образовательной программы является *третий год* обучения, когда данный аспект проработан.

В действительности, уровень владения языками среди учащихся заканчивающих ступень обязательного образования, как правило, низкий, и между программами государств – не только членов ЕС существуют огромные различия. С ростом мировой академической мобильности появляется острая необходимость в пересмотре проблем и возможностей, с которыми сталкиваются образовательные системы разных стран.

В связи с этим правительство ЕС выделяет ряд рекомендаций:

1. повысить уровень языкового обучения, сосредоточив внимание на достижении конкретных уровней компетенции.
2. внедрить концепцию языковой осведомленности в области образования и обучения, которая обеспечивает инклюзивные рамки для изучения языка, принимая во внимание разнообразие языковых компетенций учащихся;
3. обеспечить адекватный уровень мобильности преподавателей иностранных языков;
4. оказание помощи странам ЕС в разработке новых образовательных инструментов для обеспечения того, чтобы выпускники школ, которые, в дальнейшем, станут студентами европейских вузов, имели лучшие языковые навыки;
5. сбор данных для мониторинга прогресса в преподавании и обучении языкам, в том числе, и поощрение владения более, чем одним языком, как условие улучшения перспектив трудоустройства и предоставление возможности мобильности внутри и за пределами ЕС;
6. поощрение инноваций в обучении иностранным языкам.

Стремление Европейского Союза быть единым в разнообразии культур, традиций и языков лежит в основе всего европейского проекта, так как владение иностранными языками помогает людям лучше понимать друг друга. Знание иностранных языков играют все более важную роль в привлечении молодых трудоспособных людей для работы за рубежом. Языки определяют не только личность, но также являются частью общего наследия. Успешная языковая политика может способствовать солидарности посредством расширения межкультурного диалога и социальной сплоченности.

Литература

- Артамонова, Е. И.: Академическая мобильность как средство интеграции российских вузов в мировую систему высшего образования. In Артамонова, Е. И. – Ставрчук, М. А.: *Педагогическое образование и наука*, № 1, 2010.
- Артамонова, Е. И.: Профессиональная подготовка учителей в условиях модернизации

образования. In *Актуальные проблемы образования в условиях его модернизации: материалы Международ. науч-практ. конф.* Москва: МГПУ, 2007.

Чистохвалов, В. Н. – Филиппов, В. М.: *Состояние, тенденции и проблемы академической мобильности в Европейском пространстве высшего образования: Учеб. пособие.* Москва: РУДН, 2008.

Богословский, В. И.: *Академическая мобильность: реализация в Болонском процессе.* Санкт Петербург: Изд-во РГПУ им А. И. Герцена, 2007.

Соколова, М. М. – Соколова, А. М. – Калита, В. В.: *Иностранные студенты в межкультурном пространстве вуза. Вестник СПбГУ. Социология.* 2017. Т. 10. Вып. 4

Словари

Большой словарь иностранных слов. Издательство «ИДДК», 2007.

Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. Москва: Русский язык, 1998.

Электронные ресурсы

https://elibrary.ru/download/elibrary_18294833_87324197.pdf (доступно на 31.01.2019)

<http://data.uis.unesco.org/> (доступно на 31.01.2019)

https://www.researchgate.net/publication/312371926_Trends_and_issues_in_international_student_mobility (доступно на 31.01.2019)

https://www.researchgate.net/publication/323554131_Global_Citizenship_and_Higher_Education (доступно на 31.01.2019)

https://ec.europa.eu/education/policies/higher-education/bologna-process-and-european-higher-education-area_en (доступно на 31.01.2019)

Práce s frazémy s barvovými komponenty ve vyučování českého jazyka u žáků se zrakovým postižením i žáků intaktních

Working with phrases with color components in learning of Czech language for pupils with sight impediment as well as intact pupils.

Klára Eliášková – Lucie Strejčková, Univerzita Karlova, Praha

Abstract

This contribution presents partial results of the research focusing on didactic conception of semantic curriculum in Czech language teaching. It responds to the current state of teaching semantics at the lower-secondary pupils and try to find out how much the class of ordinary environment is stimulating in integrating Czech language teaching for pupils with sight impediment.

Abstrakt

Příspěvek představuje dílčí výsledky výzkumného šetření orientovaného na didaktické pojetí sémantického učiva ve výuce českého jazyka. Reaguje na současný stav výuky sémantiky na druhém stupni ZŠ a orientačně zjišťuje, do jaké míry může být prostředí běžné třídy podnětné při integrativní výuce mateřského jazyka u žáků se zrakovým postižením.

Key words: semantic, phrases, color components, sight impediment, didactic, Czech language

Klíčová slova: sémantika, frazém, barvový komponent, přirovnání, žák se zrakovým postižením, didaktika, český jazyk

Vyučování žáků se speciálními vzdělávacími potřebami (dále jen SVP) je v současných českých školách aktuálním a neustále diskutovaným tématem. Průběžně dochází k pozvolnému nárůstu počtu těchto žáků v běžných třídách (srov. zpráva ČOSIV, 2017)¹ a inkluze se stává trvalým prvkem školního života. Praktikující učitelé musí na situaci reagovat nejen pedagogickým přístupem, ale především přístupem didaktickým. Při realizaci učiva by měli ve výuce aplikovat takové postupy, které jim umožní efektivně naplňovat vzdělávací výstupy ŠVP (RVP) i u žáků se SVP. Sami učitelé nejsou na takové vyučování v běžných školách metodicky vybaveni². Právě

¹ Dostupné z: <https://cosiv.cz/cs/2017/01/17/vzdelavani-deti-s-lehkym-mentalnim-postizenim-lmp-v-datech/#more-3561>

² Výsledky dlouhodobého projektu „Poskytování tyflopédických služeb a metodické pomoci na podporu integrace zrakově postižených žáků v oblasti středního školství“ – dostupné z <http://goa.brailnet.cz/node/26>

tyto protichůdné názory potvrzené dílčími šetřeními (srov. Keblová, 1994, Nováková, 2003; Eliášková, 2017, zpráva ČOSIV, 2017 apod.) se staly bezprostředním podnětem k zahájení naší orientační výzkumné sondy.

Vzhledem k vlastním vyučovacím zkušenostem jsme se zaměřili na žáky se zrakovým postižením v komparaci s žáky intaktními. Vycházeli jsme z předpokladu, že je ve výuce českého jazyka realizována učební látka, která se žákům se ZP zprostředkovává obtížně, navíc za pomoci modifikovaných vyučovacích postupů. Mezi taková témata patří i dílčí části sémantických okruhů učiva.

Osvojování jazyka u dětí, které nevidí nebo mají těžké zrakové postižení, je provázeno specifickými obtížemi. Tomuto problému se v odborném speciálně-pedagogickém prostředí věnovala pozornost jak ve světové (např. Litvak, 1979; Gleitman, 1985 aj.), tak domácí vědecké literatuře (např. Čálek a kol., 1991; Vágnerová, 1995 aj.). Většina těchto výzkumů a závěrů má společného jmenovatele, tedy že „u nevidomých můžeme ve srovnání s normálními vidícími jedinci pozorovat nedostatečnou náplň pojmů konkrétními obsahy“ (Holubář, 1991, s. 34), která se projevuje zlomkovitostí, schematismem a verbalismem (srov. Litvak, 1979, s. 104–107) v tvorbě představ důležitých pro uchopení lexikálního významu. Tyto deficity je nezbytné ve speciální výuce nevidomých žáků v co nejvyšší míře kompenzovat různými speciálně didaktickými postupy (např. oporami ve speciálně didaktických pomůckách, funkční slovní deskripci apod.).

Při výběru frazeologických částí učiva pro tuto práci sehrála roli také skutečnost, že na jeho realizaci je v běžném jazykovém vyučování dlouhodobě nahlíženo spíše kriticky (srov. Čechová, 1989; Janovec, 2009; Štěpáník, 2011 aj.). Janovec (2009) hodnotí skutečnost, kdy se ve výuce věnuje větší pozornost chybám ortografickým, morfologickým či slovtvorným na úkor sémantických, jako neuspokojivou a lze konstatovat, že nevyhovuje ani v současnosti akcentovanému komunikačnímu konceptu jazykového vyučování. Požadavek, aby žáci byli v hodinách českého jazyka důsledněji vedeni k osvojování významu lexikálních jednotek, se ukazuje jako zásadní.

Při výzkumné sondě jsme tedy vycházeli ze zřejmé disproporce. V běžném jazykovém vyučování je opomíjena výuka frazeologické sémantiky, nicméně pro nevidomé žáky je disciplínou, na kterou je nutné klást důraz v jazykovém vyučování kontinuálně.

Položili jsme si tedy dvě základní výzkumné otázky: (1) Poskytuje prostředí běžné třídy integrovaným žákům dostatečný prostor k naplnění vzdělávacích výstupů v oblasti sémantiky? (2) Jak nevidomí žáci a žáci s těžkým ZP rozumí frazeologických lexikálních jednotkám s barvovými komponenty a jak je používají, když osvojení významu barvy spočívá na jiných než zrakových analyzátorech (srov. Litvak, 1979, s. 64–81)?

Výchozí jazykový materiál jsme získali prostřednictvím rešerše dostupných učebnic českého jazyka a pomocných knih (zejména cvičebnic a čítanek), s kterými se mohou žáci setkat ve vyučování³. Šetření jsme zaměřili na frazémy s barvovými komponenty a na práci s přirovnáními při samostatné slohové produkci žáků (zejména při charakteristice a popisu).

Některé speciálně-pedagogické výzkumy ukazují, že částečně vidící a slabozrací žáci mohou mít

³ Žáci se zrakovým postižením nemají k dispozici speciální učebnice, a tak v praxi pracují s formálně upravenými učebnicovými texty pro zdravé žáky (bez obsahových modifikací zohledňující zrakovou vadu).

dobrou rozlišovací citlivost na žlutou a světle modrou barvu (Litvak, 1979, s. 56), tedy na barvy ze základního spektra. Proto jsme se při výběru konkrétního výzkumného materiálu zaměřili na barvy základní (žlutá, červená, modrá) (Janovec, 2001, s. 193) a jejich kombinace (zelená, růžová, hnědá, černá, bílá, šedá). Vynechali jsme lexikální jednotky s barvami nezákladními, tj. metaforizovanými (zlatá, bronzová, stříbrná, bílá), jejichž identifikace na barevném spektru může být pro žáky se ZP komplikovaná. Byli jsme si vědomi, že u žáků se ZP postižením nelze přesně určit míru jejich zrakových počtů (Litvak, 1979, s. 52–59). Nicméně cíl našeho šetření nebyl speciálně pedagogický, ale lingvodidaktický. Nezjišťovali jsme schopnost rozpoznávat barvy, ale efektivitu zprostředkování sémantického učiva předkládaného v současných učebních textech.

Zdraví žáci barvy vnímají přirozeně zrakem, zatímco u nevidomých se představa barevného spektra utváří prostřednictvím kompenzačních smyslů. Nevidomí barvy znají, i když je obtížně klasifikují (Holubář, 1991, s. 34). Z poznatků kognitivní lingvistiky víme, že vnímání barvy úzce souvisí se smyslovým prožíváním skutečnosti, na jehož základě vytváříme metaforická spojení (srov. Vaňková, 1999; Vaňková, 2003b apod.), která variují sémantiku lexémů. Sepětí těžce zrakově postiženého se smyslovým světem je podstatně narušeno (Holubář, 1991, s. 36), a proto jsme předpokládali, že žáci s těžkým zrakovým postižením budou v rozpoznávání a užívání frazémů s barvovými komponenty zaostávat nebo je budou používat chybně. Výzkum naší hypotézu nepotvrdil zcela a přinesl s sebou i zajímavé sekundární výsledky v oblasti vyučování žáků intaktních.

Pro funkční ověření nastavené hypotézy jsme získané výsledky vyhodnocovali v porovnání se znalostmi žáků intaktních a s oporou v odborné lingvistické literatuře, která se barvám ve frazémě věnuje (např. Tokarski, 1995; Koncová, 1999; Janovec, 2001, 2002; Vaňková, 1998, 1999, 2001, 2003a; 2003b; Štěpán, 2004 aj.). Sestavili jsme dotazník, který jsme zadali nejenom na speciálních školách, v nichž jsou vzdělávání žáci s těžkou formou zrakového postižení, ale také v 8. a 9. třídách škol běžných.

Dotazník se skládal ze dvou částí. V první z nich jsme prostřednictvím doplňovacích cvičení v kombinaci s vysvětlovacími úkoly zjišťovali, zda žáci frazémy s barvovými komponenty znají a zda je dokáží správně použít. V druhé části jsme se zaměřili na tvorbu přirovnání pomocí barev. Žáci vytvářeli přirovnání pomocí lexémů s významem barvy a napsali stručnou vnější charakteristiku svou nebo spolužakovu, v níž se užití takových lexémů předpokládalo (př. má hnědé oči, má vlasy jako havraní hřívu apod.). Byli jsme si vědomi, že vyhodnocování produktivních úloh bude náročné, ale bez této fáze by sonda přinesla jen zkrácené závěry.

Dotazníky vyplnilo celkem 128 žáků, z nichž bylo 26 zrakově postižených. Respondenti řešili pět úkolů. První dva se vztahovaly k ověření porozumění nevětným frazémům i k jejich znalosti (a. doplnit chybějící substantivum do frazému a vysvětlit jeho význam; b. určit frazém vyjádřený opisem).

Zadání prvního úkolu:

1) Doplňte podstatné jméno tak, aby vzniklo ustálené spojení. Pokuste se vždy dané spojení svými slovy stručně vysvětlit.

a) *zasednout za zeleným ...*

b) *být na černé...*

- c) dívat se na někoho ... brýlemi
- d) být ... závistí
- e) být mezi někým ... vrána
- f) mít ... krev
- g) vyvěsit ... prapor
- h) stavět na ... louce
- i) slibovat ...z nebe
- j) mít ... hlavu

Zadání druhého úkolu:

2) Napište ustálené spojení, které obsahuje slovo označující nějakou barvu a které nejvhodněji vystihuje popsanou situaci.

- a) V hlavě má pochmurné a smutné představy.
- b) Dobře se vyspat.
- c) Je takovým členem rodiny, který má pověst špatného člověka, kterého ostatní odsuzují.
- d) Je osobou, která stojí zdánlivě v pozadí, ale vlastně rozhoduje o věcech a situacích.
- e) Mít takový den, kdy někoho postihlo neštěstí nebo jejich řada.
- f) Dostat něco v písemné podobě, a proto potvrzené, zaručené, závazné.

Tabulka 1 – procentuální úspěšnost obou skupin respondentů (úloha 1 a úloha 2)

	žáci se ZP	intaktní žáci
Zasednout za zeleným stolem	8%	0%
Být na černé listině	42%	31%
Dívat se na někoho růžovými brýlemi	81%	36%
Být zelený závistí	8%	0%
Být mezi někým bílá vrána	27%	3%
Mít modrou krev	31%	0%
Vyvěsit bílý prapor	49%	52%
Stavět na zelené louce	50%	18%
Slibovat modré z nebe	92%	72%
Mít šedivou hlavu	2%	15%
Mít černé myšlenky	50%	18%
Vyspat se dorůžova	84%	51%
Být černou ovčí rodiny	65%	46%
Být šedou eminencí	15%	0%
Mít černý den	31%	18%
Mít něco černé na bílém	38%	26%

Pozn. 1 Za správné odpovědi jsou považovány jen takové, které byly zároveň správně vysvětleny.

Pozn. 2 Veškeré dílčí výsledky a podrobné statistické údaje byly prezentovány na frazeologické konferenci Katedry ČJ PedF UK (2019).

V obou úlohách byli úspěšnější žáci se zrakovým postižením. Dosáhli výrazně lepších výsledků, a to dokonce i v částech vysvětlovacích. Námi očekávané horší výsledky se šetřením potvrdily pouze částečně. Sice žáci se ZP častěji chybovali v postihnutí významu, i když substantivum doplnili správně, ale procentuálně i tak výrazně předčili žáky intaktní. Pravděpodobnou příčinu spatřujeme v tom, že ve výuce českého jazyka představuje slovní deskripce učitele základní metodický postup (srov. Eliášková, 2017), který nahrazuje nedostatek zrakových zkušeností. Zpravidla jsou žáci podobně vedeni i v domácím prostředí. Tímto přístupem je soustavně aktivizována sluchová paměť zrakově postižených.

Při vyhodnocování výsledků se ukázalo, že žáci bez postižení zpravidla rezignovali na vysvětlení významu, zatímco žáci se ZP se snažili význam lexémů postihnout. Domníváme se, že tento výsledek odráží skutečnost, jak jsou žáci 8. a 9. tříd málo motivováni nejenom k práci s textem, ale také k práci navíc. Neméně určující faktor představuje rovněž diametrálně rozdílný počet žáků ve třídách (průměrně 7 ku 22). Nízký počet umožňuje individuální přístup, kdy lze žáky úspěšněji motivovat. Intaktní žáci v porovnání s postiženými prokázali jen malý zájem o zadané úkoly. Z toho důvodu častěji chybovali i v porozumění zadání, což bylo zřejmě způsobeno nepozorným čtením instrukce (*doplň podstatné jméno*). Na místo substantiva doplňovali žáci výrazy jiné slovnědruhové platnosti či krátké větné konstrukce.

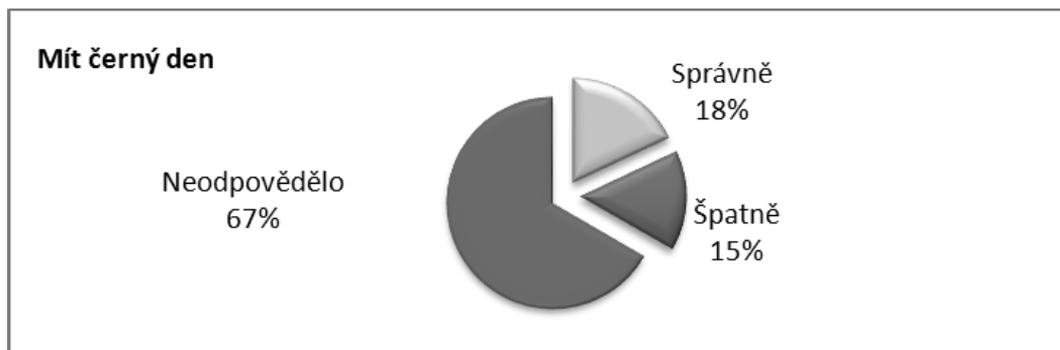
Z celkového počtu 16 frazémů byli intaktní žáci úspěšnější jen ve dvou případech, a sice u frazému *vyvěsit bílý prapor a mít šedivou hlavu*. U prvního z frazémů více jak polovina dotazovaných doplnila substantivum a zároveň správně postihla význam. Toto spojení se často objevuje v literárních textech (Janovec, 2001, s. 195), které jsou snad pro děti čtenářsky přitažlivé – před vyvěšením bílého praporu bývá nějaká bitva, něco dějově napínavého a zajímavého. U tohoto frazému se nejvíce projevil verbalismus⁴ u zrakově postižených žáků. Substantivum správně doplnilo 88 % žáků, ale jen 49 % zároveň rozumělo významu.

Některá frazeologická spojení, která jsou obsažena v učebnicích ČJ i v běžné komunikaci, zdraví žáci nevysvětlili správně ani v jediném případě: *zasednout za zeleným stolem, být zelený závistí, mít modrou krev a být šedou eminencí*. Jedná o aktualizované frazémy používané především v publicistice, která stojí mimo zájem žáků příslušného věku. Důvod jejich neznalosti bychom mohli spatřovat v tom, že jsou žákům ve vyučovacích hodinách předkládány spíše neživé jazykové materiály (viz výše) než texty aktuální, což je v didaktickém prostředí dlouhodobě kritizováno (srov. Šmejkalová – Štěpáník, 2017).

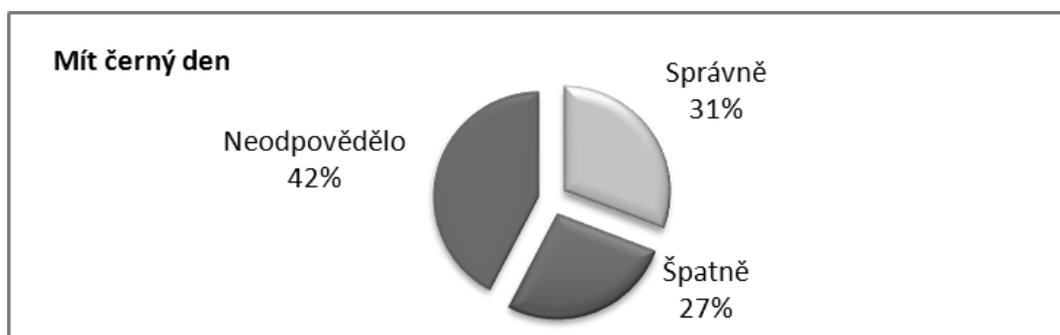
Na druhé straně u frazému *slibovat modré z nebe* jsme zaznamenali jen správné nebo žádné odpovědi a nulovou chybovost u vysvětlení významu u obou sledovaných skupin.

⁴ Mnohomluvnost či slovíčkaření, důraz na slovní výraz - u dětí (zejména se zrakovým postižením) hovoříme o nevhodném používání slov, jejichž význam příjemci unikl, nebo mu přesně neporozumí; je třeba od raného věku vysvětlovat, co které slovo znamená (s ohledem na věk), u žáků se ZP je třeba dané pojmenování propojovat s konkrétními předměty atd.

Graf 1 – Vyhodnocení odpovědí dílčí části – žáci ZŠ



Graf 2 – Vyhodnocení odpovědí dílčí části – žáci SVP



V první fázi jsme pracovali s lexémy označujícími barvy, které zpravidla přenesený nebo metaforický význam nesou, ale nositelem významu není samotná barva. Ukázalo se, že i žáci, kteří barvy nevidí, nemusí mít nutně problémy s osvojením jejich významu. Janovec uvádí, že v našem jazykovém prostředí konotuje například žlutá slunce, červená krev a oheň, zelená trávu, resp. přírodu, modrá nebe a vodu, černá noc, resp. tmu, bílá den a sníh, hnědá půdu (Janovec, 2002, s. 38). Na základě sluchové analýzy a konkrétních komunikačních situací, v nichž se ocitají, se žáci se ZP v procesu osvojování jazyka naučí rozumět těmto ustáleným významovým konotacím a používat je víceméně funkčně (srov. Gleitman, 1985; Litvak, 1979).

Při vyhodnocování obou částí dotazníku jsme zjistili obtíže žáků se ZP s lexémy obsahující šedou barvu. Ustálená spojení *mít šedivou hlavu* nebo *šedá myš* se jim nepodařilo uspokojivě vysvětlit a šedou barvu ani jednou nepoužili při slohové produkci. Vaňková šedou řadí mezi „nebarvy“, které jsou založeny na ztrátě (vyblednutí) barvy (Vaňková, 2003a, s. 56). Žáci se ZP preferují jasné barvy, a navíc se domníváme, že konotace šedé není v jazykovém prostoru tolik ustálena, protože se nejedná o základní barvu. Proto ji žáci buď neužívají, nebo nahrazují černou. Výrazně se záměna černé a šedé barvy u ZP ukázala u frazému *mít šedivou hlavu*, kde byla úspěšnost žáků se ZP jen dvouprocentní. Často frazém vysvětlovali jako mít špinavou, neumytou hlavu nebo nemít hlavu, nikoli mít starosti.

Ve druhé části dotazníku jsme přešli k úlohám produktivním:

3) Doplňte vhodné výrazy. Můžete i více.

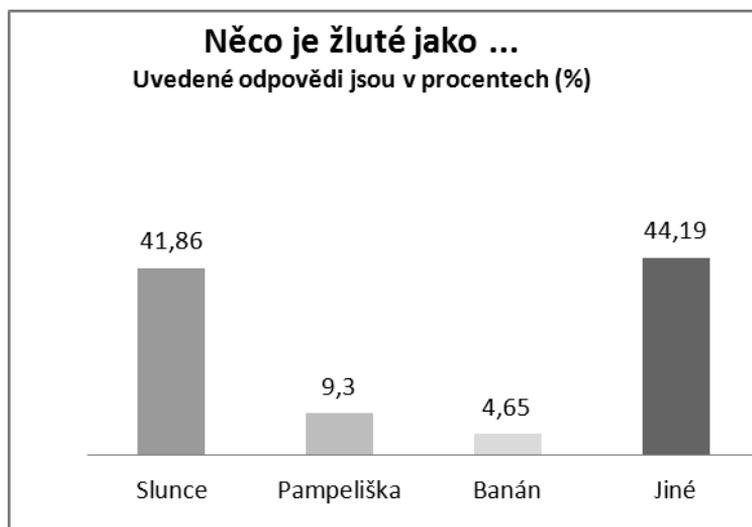
- něco je bílé jako ...
- něco je černé jako ...
- něco je červené jako ...
- něco je modré jako ...
- něco je žluté jako ...
- něco je zelené jako ...

V přirovnáních měly obě skupiny žáků tendenci používat barvy v jejich základním významu, v těsné návaznosti na pojmenovávaný předmět. Žáci s postižením se k ustáleným přirovnáním uchýlovali procentuálně mnohem více (např. *bílý jako... sníh, stěna, křída, lilie, mléko; černý jako... noc, uhel, tma, tabule; modrý jako... nebe, voda; žluté jako... slunce* apod.), zatímco zdraví žáci tento fond rozšiřovali i o vlastní přirovnání vytvořených na základě věcí, kterými byli v daném momentě obklopeni – vytvářeli vlastní aktualizace (např. *bílý jako strop nad námi, černý jako lihová fixa, černý jako tabule, Petrovo tričko* aj.) nebo které znali z různých komunikačních situací (např. *zelený jako voda se sinicema, zelený jako pidihajzlík z Alzy, žlutý jako řepka na poli* apod.).

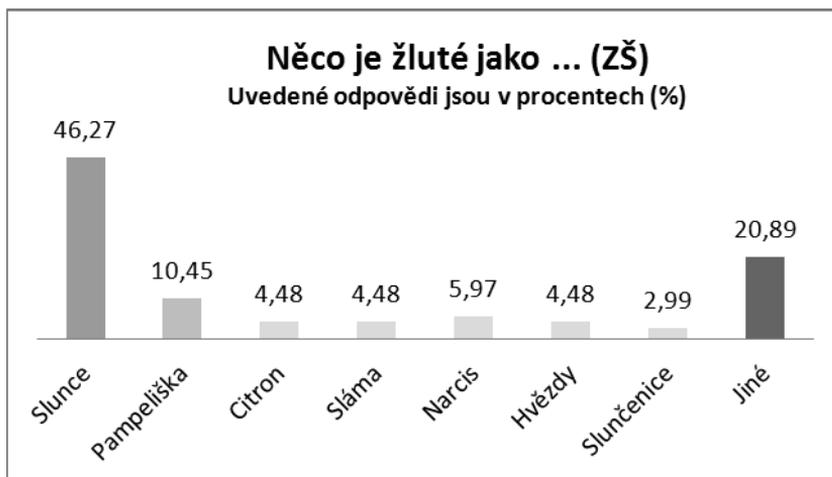
Přirovnání založené na asociaci k známé reklamě firmy Alza se ve výsledcích žáků objevila opakovaně, a to i u žáků se ZP. U žáků intaktních figurovala v podobách *zelený jako panáček z Alzy, zelený jako pidihajzlík z Alzy, zelený jako Alzáček* apod., tedy primárně zdůrazňovala barvu postavičky. U žáků se ZP jsme zaznamenali přirovnání *zelený jako ten ječící panáček z Alzy, zelený jako ukřičený skřítek z Alzy a zelený jako Alzařvoun*. V těchto případech pozorujeme, jak významová konotace ZP vychází ze sluchového vnímání, což se projevuje v užití hodnotících adjektiv. Přirozeně nejprve vnímají zvukový impuls, kdy postavička hlasitě deklaruje reklamní slogany, až posléze (zřejmě z různých odposlouchaných komunikačních kontextů) kvalifikují jeho zbarvení. To si formálně osvojí a s významem pak operují v komunikaci.

Je zajímavé, že u obou skupin se objevovala přirovnání vytvořená pomocí asociace k určitému etniku (...*černý jako Rey Koranteng za úsvitu hvězd, Afroameričan; červený jako původní Američan, žlutý jako obyvatel Dálného Východu, žlutý jako Tintan z večerky*), ale více u žáků se ZP.

Graf 3 – Vyhodnocení dílčí části dotazníku – žáci SVP



Graf 4 – Vyhodnocení dílčí části dotazníku – žáci ZŠ



V předposledním úkolu měli žáci určit konkrétní barvu na základě zadaného přirovnání, např. jaké má člověk oči, když jsou jako mandle, jako saze, jako kočka, jako pomněnky, jako čekanky

V těchto úkolech byli úspěšnější žáci vidící, kteří si přirovnávaný předmět dokázali vizuálně představit. Mohli totiž barvu určit na základě aktuálně asociované představy předmětu. Žáci se ZP se častěji uchýlovali k jiným přirovnáním vycházejícím především ze zkušenosti hmatové (např. *nos jako ředkvička je kulatý, baculatý, malý, baňatý apod.*) nebo z jiných významových

asociací (např. *tváře jako prasátko jsou baculaté, špinavé, úzké, vrásčité* apod.). Podobné tendence dominovaly rovněž v posledním úkolu, kdy měli napsat vnější charakteristiku svou nebo spolužáka. Přirovnání s barvou sice použili, ale zpravidla jen ve formálních „naučených“ vazbách.

Zřejmě ze stejného důvodu byli úspěšnější i při určování významu čtyř tradičních ustálených přirovnání *jako pomněnky, jako vlčí máky, jako len a jako slámu*. Z konečných výsledků vyplynulo, že vysoké procento zdravých žáků (pražských základních škol) nevědělo, jak vypadá vlčí mák, len nebo pomněnka, a proto neodkázali určit význam přirovnání. Příčinu spatřujeme v didaktickém zprostředkování učiva. Žák speciální školy pro ZP je přímo závislý na výkladu učitele, a to i ve výběru lexikálních jednotek s barvovým komponentem, které mu budou sémanticky přiblíženy. Tento speciální metodický přístup respektuje důsledně princip maximální názornosti. Učitelé na běžných školách výklad podceňují, neboť se domnívají, že to každý ví, protože to vidí, nebo že žáci mají znalost z jiného předmětu, což si neověří.

Tabulka 2 – Vyhodnocení odpovědí – Oči

ZŠ				SVP			
Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně	Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně
Oči jako mandle							
62%	38%	67%	33% (bílé, červené, černé, velké , modré, nažloutlé, světlé, oříškové)	73%	27%	74%	16% (bílé, velké, malé , má škvírky)
Oči jako saze							
51,3%	48,7%	70%	30% (šedivé, hnědé, zelené)	88,5%	11,5%	74%	26% (šedivé)
Oči jako kočka							
79,49%	20,51%	51,61%	48,39% (černé, černé a žluté, výrazné , velké panenky , šedé, zákeřné , modré, hnědé)	76,9%	23,1%	57,14%	42,86% (černé, žluté, dobré , červené, velké, má devět životů , modré, barevné)
Oči jako pomněnky							
69,24%	30,76%	77,78%	22,22% (bílé, fialové, nevinné , černé)	80,77%	19,23%	76,19%	23,81% (žluté, krásné , vybledlé)
Oči jako čekanky							
17,95%	82,05%	28,57%	71,43% (červené, zelené, šedivé)	42,31%	57,69%	63,64%	36,36% (fialové, tajemné , malé , zelené)

Tabulka 3 – Vyhodnocení odpovědí – *Vlasy*

ZŠ				SVP			
Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně	Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně
Vlasy jako oheň							
97,87%	5,13%	45,95% Částečně 40,54% (rudé, rudovlasé, červené)	13,51% (oranžové, blondaté, žluté)	93,31%	7,69%	54,16% Částečně 29,16% (rudé, rudovlasé, červené)	16,67% (oranžové, rozevláté, rozpálené, plavé)
Vlasy jako popel							
92,31%	7,69%	80,55%	19,45% (černé, jako tma, hnědé)	96,15%	3,85%	84%	16% (černé, temné)
Vlasy jako uhel							
92,31%	7,69%	97,22%	2,78% (hnědé)	96,15%	3,85%	96%	4% (špinavé)
Vlasy jako len							
56,41%	43,59%	0%	100% (hnědé, modré, jemné, bílé, dlouhé, husté, roztřepené, růžové, fialové, zelené, blondaté, světlé)	73,08%	26,92%	0%	100% (hnědé, modré, jemné, bílé, dlouhé, béžové, dlouhé a tenké, zelené, husté, suché, měkké)
Vlasy jako slámu							
94,87%	5,13%	89,19%	10,81% (suché, tvrdé, žluto- blondato- kudrnaté, světle hnědé)	96,15%	3,85%	64%	36% (zlaté, světlé, suché, pochcané, zplihlé, vlhké, tvrdé)

Tabulka 4 – Vyhodnocení odpovědí – *Tváře*

ZŠ				SVP			
Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně	Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně
Tváře jako prasátko							
89,74%	10,26%	80%	20% (buculaté, tlusté, červené, oválné, kulaté)	84,62%	15,38%	50%	50% (baculaté, tlusté, špinavé)
Tváře jako vlčí máky							
66,67%	33,33%	76,92% (červené)	23,08% (bílé, púlené, kulaté, černé, šedé)	80,77%	19,23%	71,43% (červené) 14,29% (rudé)	14,29% (černé, široké, hubené)
Tváře jako by ho krví polil							
94,62%	15,38%	51,52% (červené) 39,39% (rudé)	9,09% (hnědé, hubené, růžové)	80,77%	19,23%	52,38% (rudé) 23,81% (červené) 4,76% (ještě více červené)	19,05% (bledé, úzké, vrásčité, nemá tváře)

Tabulka 5 – Vyhodnocení odpovědí – *Nos*

ZŠ				SVP			
Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně	Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně
Nos jako ředvičku							
87,18%	12,82%	64,71% (červený) 5,88% (růžový)	29,41% (zarudlý, malý, kulatý, malý, špičatý, boubelatý)	88,46%	11,54%	43,48% (červený) 4,35% (růžový)	52,17% (zarudlý, oblý, kulatý, malý, velký, baculatý, drobný, baňatý)

Tabulka 6 – Vyhodnocení odpovědí – Zuby

ZŠ				SVP			
Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně	Odpovědělo	Bez odpovědi	Správně	Špatně
Nos jako ředvičku							
87,18%	12,82%	64,71% (červený) 5,88% (růžový)	29,41% (zarudlý, malý, kulatý, malý, špičatý, boubelatý)	88,46%	11,54%	43,48% (červený) 4,35% (růžový)	52,17% (zarudlý, oblý, kulatý, malý, velký, baculatý, drobný, baňatý)

Tak výrazný rozdíl výsledků u intaktních žáků jsme nepředpokládali, nicméně projevils se jako zásadní pro vyvození závěrů výzkumné sondy. Výsledky šetření potvrdily, že v jazyce nevidomých nalézáme *upevněné asociace typu „modrý – pomněnka“, „červený – krev“* (Holubář, s. 34), osvojené na základě sluchu a významových konotací. Tyto asociace žákům umožňují (za předpokladu podnětného výukového prostředí) postihnout význam frazému i bez konkrétní představy barvy jako takové. Při vlastní slohové produkci, která vyžaduje lexém s barvami v základním významu, se žáci se ZP těmto lexémům spíše vyhýbají, i když to komunikační situace vyžaduje, nebo přistupují k formálně naučeným spojením. V těch chybují minimálně.

Výsledky výzkumu posilují tvrzení, že je potřeba zvýšit tlak na výuku frazeologie a sémantiky. Ukázalo se, jak nedůsledně jsou žáci ve výukovém prostředí běžné třídy vedeni k osvojování významu lexikálních jednotek. Domníváme se, že takové prostředí, samozřejmě závislé na osobnosti a odborné připravenosti učitele, neposkytuje integrovaným žákům se ZP dostatečný prostor k naplnění vzdělávacích výstupů v oblasti sémantiky. Přesto by pro ně mohlo být jazykově podnětné. Vidící spolužáci mohou nevidomým vrstevníkům v přirozených komunikačních kontextech předkládat významové konotace adekvátní jejich věku, na něž může učitel českého jazyka ve výuce reagovat. Ve speciálních třídách jsou žáci se ZP do velké míry závislí na slovní zásobě a preferencích učitele.

Za zásadní výstup našeho šetření považujeme zjištění výrazných projevů formálního verbalismu u žáků intaktních. Současné zájmy žáků se mění, jejich lexikum se proměňuje a ve školách učitelé nejsou schopni na tento stav didakticky reagovat, například posílením mezipředmětových vazeb. Na jedné straně se snažíme projevy verbalismu v co nejvyšší míře eliminovat u žáků se ZP a na straně druhé ho necháváme klíčit tam, kde to není nutné.

Seznam použité literatury

- Čechová, M. (1988/1989): Sémantické hledisko ve vyučování českému jazyku, zvláště v učivu o slovní zásobě. *Český jazyk a literatura* 39; s. 97–104.
- Čermák, F. et al. (1983): *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Přírovnání*. Praha: Academia.
- Čermák, F. et al. (1988): *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Výrazy neslovesné*. Praha: Academia, 1988.

- Elišková, K. (2017): *Specifické aspekty výuky českého jazyka na středních školách u žáků se zrakovým postižením*. Praha: PedF UK.
- Gleitman, L. R. – Landau, B. (1985): *Language and experience: evidence from the blind child*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Holubář, Z. et al. (1991): *Vývoj osobnosti zrakově těžce postižených*. Praha: SPN.
- Janovec, L. (2001): K jazykové mapě světa aneb Bílá vrána, bílá cesta i bílá lilie. In *Nová generace ve vědě na prahu milénia*. Sborník z konference. Karolinum, Praha, s. 193–197.
- Janovec, L. (2002): Sémantická charakteristika barev v některých sbírkách Jaroslava Seiferta. In *Varia IX*, Nábelková, M.– Šimková, M. (eds.), Bratislava, Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, s. 37–42.
- Janovec, L. (2009): „Paní profesorko, co je to ta nikota?“ – Sémantická chyba a komunikace. *Didaktické studie 1 (V)*, č. 2, s. 31–39.
- Keblová, A. (1994): První zkušenosti z integrace zrakově postižených žáků. *Speciální pedagogika 4*, č. 1, s. 25–29.
- Koncová, M. (1999): Slovenská chromatická terminológia ako farebný obraz spoločnosti. In *Slovenčina v kontaktoch a konfliktoch s inými jazykmi*. S. Ondrejovič (eds.), Bratislava, Veda, s. 151–161.
- Litvak, A. G. (1979): *Nástin psychologie nevidomých a slabozrakých*. Praha: SPN.
- Nováková, Z. (2003): Integrativní forma povinného vzdělávání zrakově postižených žáků z pohledu jejich pedagogů. *Speciální pedagogika 13*, č. 1, s. 9–21.
- Šmejkalová, M. – Štěpáník, S. (2017): *Průvodce začínajícího češtináře*. Praha: PedF UK.
- Štěpán, P. (2004): *Označení barev a jejich užití v toponymii Čech*. Praha: FF UK.
- Štěpáník, S. (2011): (Mezijazyková) homonymie a paronymie z didaktického hlediska. *Didaktické studie 3*, číslo 1, s. 34–41.
- Tokarski, R. (1995): *Semantyka barw we współczesnej polszczyźnie*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Vágnerová, M. (1995): *Oftalmopsychologie dětského věku*. Praha: Karolinum.
- Vaňková, I. (2003a): Čtyry doby B. Němcové: Barevnost a barvy v českém obrazu světa. *Česká literatura 51*, s. 51–59.
- Vaňková, I. (2003b): Kulaťoučké jablíčko (Smysly, tělo – a mateřský jazyk). *Čeština doma i ve světě 11*, s. 26–29.
- Vaňková, I. (2001): Vidět barvy. *Souvislosti*, s. 131–143.
- Vaňková, I. (1998): O jazykovém obrazu světa, bílé vráně a černé labuti. *Čeština doma a ve světě 6*, s. 101–103.
- Vaňková, I. (1999): Barvy a emoce (Leknutí bledé líčí slečně tvář ...). *Čeština doma i ve světě 7*, s. 6–7.

FRAZELOGIE A MÉDIA

О символической функции фразеологизмов в современных медиатекстах

On the symbolic function of phraseological units in current Russian media

Mariia Dobrova, Univerzita Palackého v Olomouci

Abstract

The article deals with the another interpretation of the symbolic function of a phraseological units and the ability of idiomatic expressions to become „symbols of the epoch“ in the texts of modern Russian mass media. Particular attention is paid to the connection of the phraseological unit with media virus phenomena, primarily memes.

Аннотация

В статье рассматриваются иная трактовка символической функции фразеологизма и способность устойчивых выражений становиться „символами эпохи“ в текстах современных российских масс-медиа. Особое внимание уделено связи фразеологической единицы с медиавирусными явлениями, прежде всего мемами.

Keywords: phraseological unit, function, symbol, media text, Russian, meme, virality

Ключевые слова: фразеологизм, функция, символ, медиатекст, русский язык, мем, виральность

О способности устойчивых оборотов быть символами и обладать символьным значением фразеологи говорят уже давно, см., например, работы (Телия 1996), (Черданцева 1988) и др. Так, по мнению М. Л. Ковшовой, «включенное во фразеологизм в качестве компонента имя-символ инкорпорирует свои смыслы в семантику фразеологизма, создает культурную коннотацию, обуславливая особую роль фразеологизма — воплощать в себе символьное значение» (Ковшова 2009, с. 28).

Традиционно «символичность» фразеологических единиц (ФЕ) интерпретируется в аспекте толкования их культурно-аксиологической символики, а вопрос символической функции ФЕ сопряжен с пониманием их как культурно-маркированных элементов языковой картины мира. При этом символическая функция фразеологических единиц в современных медиатекстах, по нашему мнению, приобретает, наряду с классическим пониманием, и иной ракурс и значение – отражать «символы» эпохи, представляющие собой максимально значимые для конкретного общества явления действительности. Таким образом, по аналогии с «ключевыми словами эпохи» (термин М. А. Кронгауза) (Кронгауз 2010) существуют и **ключевые фразеологизмы эпохи**, понимаемые нами как

ФЕ, обозначающие максимально значимые для определенного, пусть и короткого, периода времени реалии и их оценку. Об актуализациях подобных ФЕ, становящихся хронологически маркированным отражением реалий общества, на примере текстов публицистики пишет В.М. Мокиенко: «ФЕ служит своеобразным стилистическим и хронологическим «маркером» публицистического материала. <...> Подобных фразеологических маркеров в языке средств массовой информации немало. <...> Специфика публицистической фразеологии проявляется также в отборе таких выражений, которые своей внутренней формой отражают наиболее актуальные для современности реалии и явления» (Мокиенко 2016, с. 12).

В первую очередь, «фразеологическими маркерами эпохи» становятся неофраземы, часто возникающие именно для обозначения и оценки чего-либо нового или старого, поменявшего свою аксиологическую доминанту. Благодаря этому часто происходит актуализация какого-либо устойчивого выражения как «кванта» коллективного знания в связи с «горячими» и актуальными в данный момент для общества событиями или реалиями, что в медиальном дискурсе отражается практически мгновенно. Так, новое явление номинирует неологический устойчивый оборот *креативный класс*, обозначающий социальную прослойку современного общества, включающую в себя представителей творческих и научных профессий, предпочитающих моральное удовлетворение от работы денежно-материальному поощрению. Ср., *В местах локации креативного класса еще подают кукси – корейскую крошку с лапшой и блюдо с названием похожим на джазовую распевку – пибимнаб*. Российская Газета, <https://rg.ru>; *Креативный класс – это городские хипстеры, городские философы, городские сумасшедшие. Их очень мало сейчас в Алматы. Есть теория, которой я очень доверяю*¹. Власть, <https://vlast.kz>.

«Массированная» актуализация данной ФЕ в текстах массмедиа и Интернета произошла после присоединения к уже имеющемуся значению дополнительного – ‘современная российская политическая оппозиция’ в связи с тем, что в современной России люди, обладающие оппозиционными политическими взглядами, часто принадлежат именно к этой социальной группе: *За Зеленского готовы двумя руками голосовать молодежь и представители так называемого «креативного класса»*. Московский Комсомолец, mk.ru; *В 2012 году в России произошла попытка цветного переворота с опорой на так называемый «креативный класс» — прозападное меньшинство обеспеченных людей...* ИА Красная весна, <https://rossaprimavera.ru> и др.

Становится символом эпохи и популярный в интернет-дискурсе фразеологизм *Нигерия в снегу* (*снегах*), негативно или иронически о России⁴, возникший в начале 2000-х годов для характеристики экономического и социального отставания России от стран Запада: *Россия это «Нигерия в снегу». Не забывай! (В Нигерии Siemens тоже платит взятки чиновникам). А здесь, в Нигерии в снегах, какая радость?* Новости сегодня и 365 дней, <http://mikhail-berg.livejournal.com>; *А другой участник обсуждения спросил „а сколько это будет в минимальных зарплатах Бангладеш или России?“ В общем, для „золотого миллиарда“ РФ это уже не только Нигерия в снегу, но и Северный Бангладеш.* <http://progressism.livejournal.com>; *А теперь из „развитого социализма“ постсоветская Россия*

¹ Все примеры из массмедиа приводятся с сохранением орфографии и пунктуации авторов.

вошла в число „стран-дауншифтеров“, превратившись в „Нигерию в снегах“. Прямо как та старуха из сказки Пушкина о рыбаке и рыбке: хотела стать „владычицей морской“, но в конце концов осталась с разбитым корытом. <http://ltraditionalist.livejournal.com>.

Маркерами эпохи могут становиться не только фразеологические неологизмы: «нередко в орбиту таких фразеологических маркеров стремительно врываются классические крылатые слова и выражения, получающие второе дыхание благодаря какой-нибудь злободневной политической ситуации» (Мокиенко 2016, с. 12). Так, напр., в связи с обсуждавшейся в России последних лет проблемой легализации гей-браков и организации гей-парадов резко вернулся в широкое употребление и фразеологический библеизм *Содом и Гоморра*:

Когда кто-то из разочарованных зрителей продолжил перепалку, заметив, что Милонову не место в культурной столице России, депутат парировал, что родина собравшихся – Сodom и Гоморра. Экспресс-газета, <https://www.eg.ru>; Поодаль от ЛГБТ-колонны стояли несколько человек со своим антимитингом. У них в руках были плакаты «Я против гей-пропаганды», «Киев — не Сodom и Гоморра». И А Медуза, <https://meduza.io> и т.д.

Возвращаются, входя в состав новых, отражающих ключевые реалии политической или социальной жизни фразеологизмов, и советизмы. Так, ироническое обозначение действий руководства Евросоюза или США, якобы оказывающих ключевое влияние на политическую обстановку в других, менее влиятельных странах, получает наименования *брюссельский обком* и *вашингтонский обком* соответственно, которые становятся фразеологическим маркером актуального напряженного состояния международных отношений России со странами Запада: «Бойко ездит по российским «обкомам» и получает указания, другие — ездят по **брюссельским «обкомам»**». Известия, <https://iz.ru>; *Вопреки мнению народа, что его слуги получают указания в „вашингтонском обкоме“ и „брюссельском бюро“, самой популярной страной для командировок депутатов была Франция*. Портал DELFI, <https://rus.delfi.lv>; *Наши власти не приветствуют идею о том, что какой-то режим может зашататься и пасть под влиянием внутренних причин в большей степени, чем наущений „вашингтонского обкома“*. Газета.Ru., <https://www.gazeta.ru>.

Символическая функция ФЕ приобретает особое значение в связи с вовлечением устойчивых выражений в мемы (в том числе интернет-мемы), представляющие собой «структурированный информационный продукт, вирусно распространяющийся в сети Интернет, смысловое содержание которого трансформируется в соответствии с изменением актуализирующих его событий» (Зиновьева 2016, с. 11). Несмотря на приведенное определение, на наш взгляд, мем не представляет собой лишь сетевое явление, а используется гораздо шире, вплетаясь в конъюнктурное пространство всего медиального дискурса и современной культуры. По меткому замечанию Д. Рашкоффа, медиавирусы (*под медиавирусами понимаются именно мемы – М. Д.*) распространяются в инфосфере точно так же, как биологические вирусы распространяются в организме-хозяине или в целом сообществе организмов. Но вместо того, чтобы путешествовать по органической кровеносной системе, медиавирусы циркулируют в сетях медиaprостранства (Рашкофф 2003). Важной особенностью мемов является их способность влиять на различные значимые типы культурной жизни (в современном информационном обществе все чаще представленные в медийном пространстве): «интернет-мемы встраиваются во все виды культурного производства (например, производство социальной мифологии, политической идеологии,

культурно-обусловленных норм коммуникации и др.), посредством интеграции своего социокультурного кода в описание интерпретируемых событий и идей. Интернет-мемы транслируют нормы, миропредставление, производят и воплощают актуальные смыслы, социальный опыт и социальные перспективы, вводят модификации языка, организуют досуг индивида» (Зиновьева 2016, с. 11).

Мем зачастую «эксплуатирует» прагматический потенциал фразеологических единиц. Наши наблюдения позволяют говорить о двух типах участия фразеологизмов в мемах, требующие различать два явления, условно называемые нами **«фразеологизация мема»** и **«мемизация» фразеологизма**. В первом случае мем (или смежное явление, например, демотиватор) первичен, а его частое, «виральное» употребление формирует новый фразеологизм, который «уходит в народ» и выходит в своем употреблении за пределы мема, а часто и за пределы интернет-коммуникации. Во втором случае первичен фразеологизм (или схожее явление, например, крылатое выражение, прецедентный текст), который, благодаря своей популярности, сам превращается в интернет-мем.

Процесс «фразеологизации мема» можно назвать новым источником возникновения устойчивых оборотов. Первичность медиавируса в таких случаях относительно легко определяется как изначальным наличием визуального подкрепления, обычно конкретной картинке (примат визуального над вербальным), так и часто несоотнесенностью мема с конкретной характеристикой и смыслом (обычно за мемом стоит ситуация или событие, связанные с широким общественным резонансом) или даже вообще его первичной относительной невербализованностью. Так, например, мем «80 уровня», возникший в русском Интернете в среде геймеров, в результате виральной популярности и активного использования в виде демотиваторов постепенно выходит из первоначальной узкой «жаргонной» среды, становится ФЕ *80 уровня кто, что* и приобретает значение „шутл. о ком- или чем-либо максимально высокого уровня (о мастерстве, профессионализме)“. Напр., *Если же вы интернет-покупатель 80-го уровня и заказываете за границей, то обратите внимание на американский сайт Retailmenot*. Вечерние Челны, <http://v-chelny.ru>; *Каждый абзац кажется, что нет, это невозможно писать всерьёз, что это троллинг 80-го уровня – отменный, чемпионский троллинг*. Журналистская Правда, <https://jrgazeta.ru>; *Директор учебного заведения – Игорь Овечкин – рассказал, что в колледже сформирована мощная материально-техническая база, соответствующая мировым стандартам, можно готовить сварщиков 80-го уровня – образно говоря, рабочих-ювелиров*. Липецкая Газета, <http://www.lpgzt.ru>.

Поучаствовал в возникновении новой фраземы и легендарный мем «Упоротый лис», возникновение и существование которого вызвало широкий общественный резонанс. Изображение чучела лисы, неудачного результата таксидермии, абсолютно виральным образом распространилось в Интернете и стало творческим источником для создания множества юмористических коллажей, часто бессмысленного характера. Активное использование данного изначальное полностью визуального мема породило впоследствии устойчивый оборот *[как] упоротый лис кто*, 1. о ком-либо странном; 2. о ком-либо уставшем, плохо выглядящем“:

Не Кафельникова, а какой-то упоротый лис, Да тут все совпало: и выражение лица, и жуткий блонд, и неестественный цвет кожи... .Папарацци, paparazzi.ru; *Серия записей*

начинается с утверждения «Я Упоротый Лис снова», потом идет рассказ, как девушка с друзьями катается по кольцу, а заканчивается все тем, что она просыпается в доме у своих знакомых. Комсомольская правда, kp.ru.

Еще одна широко обсуждавшаяся СМИ и общественностью ситуация, ставшая источником популярного интернет-мема, возникла в связи с дорогостоящими наручными часами патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, которые были удалены с медийной фотографии при помощи графической программы, при этом их отражение в полированной поверхности стола сохранилось. Вся ситуация, сложившаяся вокруг казуса, и сам мем в дальнейшем получили название «Часы патриарха», частое употребление которого «превратило» медиавирус во фразеологизм со значением ‘о ком- или чем-либо лживом, лицемерном, фальшивом’:

А как же поповские «мерседесы», как же знаменитые **«исчезающие часы Патриарха»**, как объяснить вообще вызывающую роскошь церковной верхушки? Новые Известия, newizv.ru; Но любовь между «прогрессивной» общественностью и РПЦ не получилась. Общественность ждала святых подвижников, а вместо них увидела «попов на мерседесах». Нанопиль, **часы патриарха** и Pussy Riot завершили формирование образа. ДП БизнесПресс, dp.ru; В конце я спросила у него, почему его начальник на яхтах-самолетах катается, а дети мрут от рака, так он разозлился и сказал, что, говоря о вере, не надо думать **о часах патриарха**. Новые Известия, newizv.ru.

Из медиавирусных явлений возникли и следующие устойчивые обороты (некоторые из них имеют узкую сферу употребления, как правило, в Интернете), безусловно ставшие символами: *британские учёные* „ирон. вымышленные, несуществующие авторитеты“, *знаменитость российского уровня* „ирон. о человеке, ведущем себя вызывающе, снобски и требующем, чтобы к нему относились, как к знаменитости“, *Капитан Очевидность* „о человеке, приводящем в качестве аргументов прописные истины“ и мн.др. Напр., **Британские учёные** однажды установили, что британские учёные самые умные. fishki.net; **Знаменитость российского уровня** — побочный продукт драмы регионального масштаба. kerio-rus.ru; **Капитаны Очевидность** из Мосгордумы снова с вами. Журнал Москвич, moskvichmag.ru и т.д. Таким образом, можно говорить о том, что интернет-мемы действительно становятся популярным источником возникновения новых фразеологизмов.

Процесс второго типа, условно называемый нами «**мемизация**» **фразеологизма**, связан с первичностью устойчивого выражения (как правило, неологизма), популярность которого превращает его в мем. Так, прозвучавшее в 2012 г. в речи В. В. Путина выражение *духовные скрепы* было моментально подхвачено народом и стало стремительно набирать популярность². Данный фразеологический неологизм, изначально употреблявшийся в значении «ценности, скрепляющие Россию» (напр., *Или общие духовные ценности – скрепы. Должна же быть у России и у российских граждан отдушина от бесконечных стычек и конфликтов на всем протяжении границ*, Белтелерадиокомпания, www.tvr.by), постепенно

² При этом авторство В. В. Путина в отношении данного фразеологизма не подтверждается. Согласно Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) данное выражение впервые прозвучало в работе М. Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)», 1923 г., в форме «духовные скрепы» и «душевные скрепы». Авторство В.В.Путина опровергает и тот факт, что данный оборот встречается в медиадискурсе и до обращения президента.

теряет свой пафос, приобретает иронический оттенок и начинает использоваться в медиадискурсе для характеристики различных негативных явлений современной российской действительности. Ср., *Очередной блогер поцарапал «духовную скрепу», и «эксперты» на ТВ бьются в истерику*. Газета Взгляд, <https://vz.ru>; *Не надо нам никаких духовных скреп*. ИА Газета, www.gazeta.ru; *У школьника забрали телефон из-за картинки с аниме-девочкой: она пыталась разрушить нацию и духовные скрепы*. Новости Урала, <http://uralpolit.ru> и др. Впоследствии данный фразеологический неологизм частично десемантизируется и превращается в мем и хэштег³, под которым располагается информация шуточного содержания о политической или религиозной ситуации в России, о каких-либо русских курьезах или о России вообще. В целом, мы можем сказать, что превращение фразеологизма в мем всегда связано с его последующей визуализацией или креолизацией, а также часто и дефразеологизацией и утратой конкретного значения.

Фразеологическими маркерами эпохи «крымских событий» 2014 года в интернет-дискуссиях стали эвфемистические устойчивые выражения *вежливые люди*⁴ и *зеленые человечки*⁵, первоначально употреблявшиеся в отношении российских военных, принимавших участие в охране и блокировке объектов при проведении референдума в Крыму, а позже иронично соотнесенными со всей российской армией в целом. Ср., *21 февраля 2014 года Виктор Янукович бежал из Киева, а потом и из страны, в Крыму обнаружили «вежливые люди»...* Коммерсантъ, kommersant.ru; *Сумеречные войны: вежливые люди бьют путинское большинство, принцы получают посты, но внушают презрение, а транзит власти уже начался*. ТВ Дождь, <https://tvrain.ru>; *Я был в Крыму, когда туда заходили зеленые человечки. Никакой войны в Крыму не было, всё сделал народ. Эхо Москвы*, <https://echo.msk.ru>; *К британским берегам подплывает российская желтая подводная лодка, из нее высаживаются «зеленые человечки» и провозглашают в Эдинбурге Шотландскую народную республику*. www.rubaltic.ru и т.д.

Фразеологизм *вежливые люди*, благодаря создавшим его интернет-блогерам, молниеносно становится мемом, а впоследствии и первым «мемом федерального значения»⁶, оказав влияние не только на общественный дискурс, но и на государственные и официальные сферы. Постепенно происходит «институционализация» данного оборота (и явления), отражающая способность фразеологической единицы не только к «символизации» важных элементов медийной действительности, но и к формированию действительности. Как пишет издание РИА Новости, «во время „прямой линии“ 17 апреля Владимир Путин подтвердил, что это были представители Российской армии. С этого времени выражение „вежливые люди“ прочно вошло в политический и бытовой лексикон всей страны и, по мнению опрошенных РИА Новости экспертов, постепенно становится новым символом российских Вооруженных сил» (РИА Новости, 16 мая 2014 года; <https://ria.ru>). Наряду с институционализацией происходит и коммерциализация данного выражения, превра-

³ Хэштег представляет собой определенный вид тематической метки в социальных сетях или блогах, ключевое слово, начинающееся со значка # и облегчающее поиск по определенной теме или содержанию (М. Д.)

⁴ О широком общественном резонансе, вызвавшем появление данного выражения, см., например, статьи популярного характера типа <https://meduza.io/special/polite/whopolite>

⁵ Фразеологизм *зеленые человечки* приобрел второе значение дополнительно к уже имеющемуся ‘инопланетяне’.

⁶ См., например, статью на страницах Газеты.Ру: https://www.gazeta.ru/science/2014/05/07_a_6020477.shtml

шение его в полноценный бренд, выпускающий под данной маркой товары Министерства обороны РФ.

На основании вирусной популярности фразеологизмов возникают и следующие популярные интернет-мемы: *партия жуликов и воров* „о партии Единая Россия“, *Отец Пигидий* „1. ирон. несуществующий авторитет; 2. о человеке, который хочется казаться умнее, чем он есть“, *пчелы против меда* „ирон. об активном участии в каком-то процессе людей или организаций, изначально не заинтересованных в положительном результате и достижении поставленных целей“; *хруст французской булки* „1. ирон. о ценностях дореволюционной России; 2. о ностальгии по дореволюционной России“ и мн. др.

Таким образом, можно говорить о том, что превращение фразеологизма в мем определенно является достаточно популярной моделью возникновения отражающего элементы эпохи медиального вируса, точные механизмы порождения и распространения которого еще требуют дальнейшего изучения, в связи как с новизной самого явления, так и с ограниченным вниманием лингвистов к подобным «медиавирусным» вопросам. В целом, можно утверждать, что фразеология играет важную роль как в «символизации» значимых для общества явлений, так и в формировании мемов и вирусных явлений медиaprостранства. И если появление мемов (а также смежных креолизованных явлений) в медиадискурсе отвечает новому ценностному вектору современной культуры, поскольку столь характерное для него «разрушение нарративных структур сюжета, коллаж вместо повествования соответствует, наконец, аксиологии самой современной культуры, педалирующей, в целом, не столько ценность сюжета, сколько семиотическую эффективность образа и факта» (Интернет и фольклор 2009, с. 13), то фразеология выступает средством поддержки эффективности образов и креолизованных «осколков» разрушенных нарративных структур за счет своих базовых характеристик, прежде всего краткости и экспрессивности.

Литература

- Зиновьева, Н. А.: *Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ интернет-мемов*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Санкт-Петербург, 2016.
- Интернет и фольклор: *Интернет и фольклор*. Составитель А.В. Захаров. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009.
- Ковшова, М. Л.: О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2009, N 1, с. 27–31.
- Кронгауз, М. А.: *Ключевые слова эпохи*. <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-slova-epochi> (доступно на 10.01.2018)
- Мокиенко, В. М.: Функции фразем в современных СМИ. *Медиалингвистика*, 2016, №3 (13), с. 7–18.
- Рашкофф, Д.: *Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание*. Москва, 2003. <http://mediavirus.narod.ru/02.html> (доступно на 2.02.2018).
- НКРЯ: *Национальный корпус русского языка*, <http://ruscorpora.ru>, (доступно на 20.11.2018).

Телия, В. Н.: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры, 1996.

Черданцева, Т. З.: Метафора и символ во фразеологических единицах. In: *Телия В.Н. (отв. ред.). Метафора в языке и тексте*. Москва: Наука, 1988, с. 78–92.

Frazeologie v časopisech pro děti

Phraseology in Journals for Children

Radka Holanová, Univerzita Karlova, Praha

Abstract

In the paper we intend to study appearance of phraseological units in magazines for pre-school children. We analyze in which types of texts the phrasemes appear, the way they are incorporated and explained. We conclude that in our corpus of texts there is a large number of various phrasemes, which can help enriching the word-stock of children and acquiring the phraseological competence. Phrasemes are found in the texts primarily aimed at language education, but also naturally appearing in fairy-tales, stories, comics, advertisements, jokes etc.

Abstrakt

V příspěvku se zabýváme výskytem frazeologických jednotek v časopisech pro předškolní děti. Analyzujeme, v jakých typech textu se frazémy vyskytují, jak jsou zapojeny a jakým způsobem jsou vysvětleny. Zjišťujeme, že v prostudovaných časopisech se vyskytuje velké množství různých frazémů, které mohou sloužit k obohacování slovní zásoby dítěte a získávání frazeologické kompetence. Frazémy nalézáme v textech cíleně vytvořených pro účely jazykové výchovy, ale i přirozeně se vyskytující v pohádkách, příbězích, comicsech, reklamách, vtipech apod.

Key words: idiom, competence in phraseology, journal, pre-school children.

Klíčová slova: frazém, frazeologická kompetence, časopis, předškolní děti.

Časopisy pro děti poskytují cenný materiál pro rozvoj jazykové kompetence, a tedy i kompetence frazeologické. Je poněkud problém stanovit, kdy vlastně děti začnou frazémy (či alespoň obrazná vyjádření¹) chápat nebo používat. Psycholingvistická literatura toto téma opomíjí; většina autorů se věnuje úplnému počátku osvojování lexika dětmi. Pozdější období, kam zřejmě největší část získávání frazeologické kompetence spadá, tj. přibližně věk 3–6 let, je prozkoumáno v podstatně menší míře (Průcha 2011, s. 85, 112).

V odborné literatuře najdeme spíše roztráštěně některé záchytné body, které bychom mohli považovat za jakýsi nástin vývoje frazeologické kompetence:

- 1) Obrazná vyjádření jsou přirozenou součástí běžně mluvené řeči. Proto můžeme u dětí zaznamenat produkci metaforických vyjádření na různé úrovni už od úplného počátku komunikace,

¹ Obraznost považujeme za jednu ze základních vlastností frazeologické jednotky, proto je pro získání frazeologické kompetence klíčová schopnost porozumět obraznému pojmenování.

což Gombert uvádí na příkladu 18měsíčního dítěte (Gombert 1992, s. 85). Zde má autor na mysli metafory či hry typu měsíc je míč, maminčina ruka, po které lezu, je had apod.

- 2) Dítě by na konci předškolního období (tj. kolem 6 let) mělo mj. chápat slovní vtíp a humor, slovní hříčky (Průcha 2011, s. 131, Nebeská 1992, s. 99). Chejnová (2018) ve své kazuistice uvádí, že sledované dítě začalo zhruba ve věku 6 let chápat pojem frazém a aktivně frazémy vyhledávat. Gombert (1992, s. 91) označuje období 6–7 let za období přechodu („transition“), kdy můžeme pozorovat počátky metajazykového uvědomění a používání jednoduché metafory.
- 3) M. Čechová (1998, s. 74) cituje zjištění Kaly a Benešové (1976), že porozumět obraznému, alegorickému a symbolickému vyjadřování je schopna až mládež ve věku 14–15 let. Zde se ale už spíše jedná o metajazykové vyjadřování, zobecnování frazémů na širší skutečnost, schopnost abstrakce. Také RVP umisťuje očekávaný výstup „rozpoznává přenesená pojmenování, zvláště ve frazémech“ až na druhý stupeň základní školy (RVP ZŠ, s. 21).

Jak je patrné, „úkol systematicky popsat komunikační vývoj dětí a dospívajících v naší společnosti“ je stále aktuální (Šebesta 1999, s. 137 a Průcha 2011, s. 112). Ovšem ať už je situace jakkoli členitá, je jisté, že produkce i recepce frazeologických výrazů vyžaduje složitější kognitivní operace než produkce a recepce výrazů nefrazeologické povahy.

Formování frazeologické kompetence je závislé na jazykovém inputu (všechny komunikační podněty, jímž je dítě vystaveno), přičemž nezastupitelný význam má zejm. rodina, předškolní vzdělávání, pozorování komunikace v různých komunikačních situacích a aktivní účast na ní, rozvíjení čtenářství, mj. společné čtení časopisů.

Pro naše potřeby jsme analyzovali 50 časopisů pro předškolní děti z let 2015–2018. Jednalo se o namátkový výběr volně prodejných časopisů *Sluníčko*, *Dráček*, *Raketa*, *Míša*, *Méda Pusík*, *Bumík*, *Pojď si hrát*, *Předškolák*, *Animáček*, ale zařadili jsme i časopisy reklamní, poskytované zdarma, např. *Kvítek* (Sdružení zahradnických center), *Můj vláček*, *Elfíkův sešit proti nudě* (České dráhy) či *Kopretina* (Pražská energetika, a.s.).

V těchto časopisech jsme našli celkem 176 frazémů. Zajímalo nás, v jakých textech se frazémy vyskytují, jakým způsobem jsou do okolního textu zapojeny, zda jsou vysvětleny, případně jak.

Cílená jazyková výchova

Časopis *Sluníčko* se jazykovými dovednostmi, zejm. rozvojem slovní zásoby a správnou výslovností, dlouhodobě zabývá (z posledních čísel namátkou vybíráme: hledání rýmů, názvy zvířecích mláďat, logopedické básničky, určování počtu slabik).

Pravidelně zařazovaná stránka *Kvidovy přeslechy* systematicky pracuje na rozvoji frazeologické kompetence dětí. V jednom čísle je většinou uvedeno několik tematicky vybraných frazémů (frazémy vázící se k zimě, k Vánocům, frazeologické jednotky obsahující komponent oči, uši apod.). Zadání úkolu zní: *Vysvětli, co znamenají červeně napsaná slova. Obrázky ti napovědí.* Předpokládá se samozřejmě pomoc rodičů. Frazémy jsou reformulovány a vtipně ilustrovány za užití doslovného významu, jsou použity v kontextu, nejčastěji formou dialogu či comicsových bublin (např. „Vypadá to, že se Kvidovi dárky líbí.“ „Kvido je dárky úplně unesený,“ směje se

tatínek.). Další příklady užitých frazeologických jednotek:² *Ty mě posloucháš jen na půl ucha. / Copak si sedíš na uších? / Zapiš si to za uši. / Je zamilovaný až po uši. / Běží s větrem o závod. / Ty jsi v jednom ohni. / Nemoc ho upoutá na lůžko. / Jako by tátovi z oka vypadl! / Měl by sypat noty z rukávu. / Nestrkej nos do cizích věcí. / Tak proto mě kluci vodili za nos!* Zařazena jsou i přirovnání, např.: *Je zticha jako pěna. / Zmizí jako pára nad hrncem. / Ty nám rosteš jako z vody! / Leje jako z konve. / Spí jako dudek.*

Časopis *Dráček* výklad významu frazémů příležitostně zařazuje do comicsového seriálu *Macík a maminka*. Kočičí maminka svému udivenému synkovi vysvětluje, co znamená, když se řekne např. *pirát silnic, kde lišky dávají dobrou noc, mít pořádnou kliku, darovat někomu celé své srdce* apod. Příklad dialogu: „*To máš tedy velkou kliku, ty můj kluku! Ten komín je pěkně vysoký.*“ „*Mám velkou kliku? A kde je ta klika? Chci ji vidět!*“ „*Macíku, ty jsi ale popleta, to se přeci jen tak říká.*“

V následujícím doprovodném textu je dítěti jednoduchým způsobem přiblížen princip frazeologie, je patrná snaha zbavit dítěte obav z užívání frazeologie (i obav spojených s doslovným významem) a jsou uvedeny další příklady: „*Když říká maminka Macíkovi, že měl kliku, znamená to, že tohle neposedné kotě mělo opravdu pořádné štěstí. Jak vidíte, některá slovíčka se v hovoru používají trochu zvláštním způsobem. Vy se toho ale vůbec nebojte, děti. Až vyrostete, budete si hrát s češtinou úplně stejně jako ostatní dospělí. Pak se vůbec nebudete divit tomu, když vám někdo vytkne, že děláte z komára velblouda, že tlačíte na pilu nebo že jste něčemu nasadili korunu.*“

Podobně i v časopisu *Méďa Pusík* je při vysvětlování významu frazeologické jednotky v comicsu užitá uklidňující fráze „neboj, to se jen tak říká.“:

„*My šermujeme jenom na oko, nikomu se nesmí nic stát.*“

„*Na oko? To je přece to nejhorší, co by se mohlo stát, kdybyste si navzájem vypíchli oko!*“

„*Myško, neboj, to se jen tak říká. Na oko znamená, že si jen hrajeme. Předvádíme, víš?*“

Nebo:

„*Na plovárně je to teď hlava na hlavě.*“

„*Hlava na hlavě?*“

„*Neboj, to se jen tak říká, když je někde hodně lidí.*“

Tradičně hodně prostoru bývá v časopisech věnováno přirovnáním. V našem vzorku časopisů jsme našli taková cvičení dvě, jedno ve *Sluníčku* v rubrice *Povídejme si*, kde mají děti přiřadit obrázky lišky, srnky, vlka, myšky, ryby, medvěda, rysa, sovy a včely k adjektivům *zdravý, štíhlá, hladový, mazaná, tichý, pilná, ospalý, moudrá, bystrý*. Úvodní věta aktivity zní: *Můžeš o sobě říct, že jsi... zdravý jako... /.../. Navrhovaná struktura věty se spojovacím výrazem jako i tvar adjektiv napomohou správnému řešení. Na stejné stránce je otištěn obrázek ilustrující frazém *to jsem z toho jelen*, který se sice příliš nehodí ke struktuře přirovnání, ale je motivován společnou tematikou zvířat a snad děti výrazně nezmate.*

V časopisu *Méďa Pusík* mají malí čtenáři za úkol „*spojit přídavná jména se správnými obrázky.*“ Adjektiva najdeme tentokrát pouze tři (*mrštný, chytrý, silný*), ovšem dítě musí zvířata vybírat z celé skupiny (osel, opice, lev, motýl, kočka, šnek). Opět je navržena struktura přirovnání *adjektivum jako*

Časopis *Sluníčko* dále v rubrice *Společná práce s textem* pomocí comicsového čtení nabízí hned dvě frazeologické jednotky: *Saník s Terezkou si padli do oka. Na to vem jed*. Instrukce pro rodiče

² Frazémy uvádíme ve tvaru a ve větěném kontextu, ve kterém byly uvedeny v originálním časopisovém textu.

zní: *Vysvětlete dítěti slovní obrat „na to vem jed.“* Pro jistotu je uvedeno i řešení jako pomoc pro rodiče – *Na to se můžeš spolehnout.*

Obrázkové čtení

Téměř všechny z námi analyzovaných časopisů obsahují nějakou formu tzv. obrázkového čtení, které je vhodné pro předčtenářskou výchovu. Frazémy jsou do tohoto typu textu zařazeny dvěma možnými způsoby. Prvním z nich je zobrazení části frazeologické jednotky pomocí obrázku, což je výhodné zejména u konkrétních, jako jsou např. části těla apod.: *Mouchy si nemusejí s ničím moc lámat hlavu. / Měla oči jen pro vlaštovky.../ Dráček vás naučí dívat se na běžné věci trochu jinýma očima. / Jedním okem sledovala, kam je nesou. / Eda si mohla ukrotit hlavu.../ Nemáš něco na zub? / Á, podzim klepe na dveře! / Měl pořádnou kliku. / Nejsme přece jako hrášky v lusku.*

Druhou možností je zapojení celého frazému v textové podobě, což je časté u abstraktních výrazů či u slov bez možnosti jednoznačného obrazového ztvárnění. Např.: *Mouchy byly strachy bez sebe. / Slunce svítilo o 106. / Eda neměla na jídlo ani pomyslení.*

Přirozené užití frazémů v textu

Vysokou frekvenci výskytu frazémů pozorujeme i v textech, které nejsou primárně určeny k jazykové výchově.

1) V textech vytvořených redakcí pro účely časopisu (nejčastěji příběhy, comicsy, pohádky): *Bude z ní noha jako vyšitá. / Mocný obrhřib by těm klackům dal za vyučenou! / Pro Elišku to byla poslední kapka. / Chrochtík by Kvikalce snesl modré z nebe a Kvikalka se starala, aby se měl jako v bavlnce. / Ach, můj rytíři, dej drakovi na frak! / Šli tam pod rouškou noci. / To je ale aprílové počasí! / Úplně se mi na to jablíčko sbíhají sliny. / Já bych mluvilo a poslouchalo, až bych brečelo... / Jinak bych se snad samou nudou ukousalo a další.*

Zaznamenali jsme i rýmovanou pohádku, viz úryvek s výskytem frazémů: *Péťa netrpělivostí hoří, vždyť pojedou letos k moři.../.../nenašel bys cestu zpátky, na tohle jsi ještě krátký.³*

2) V ukázkách z autorských pohádek: V našem korpusu textů to byly *Strakaté pohádky* od Františka Nepila (*Sluníčko bylo černé jako bota. / Slunečnice byla ráda, že ho má na očích. / Chci válet v trávě sudy.*), *Žofka* od Miloše Macourka (*Na podzim je psí počasí.*) a úryvek z knížky *Proč se říká...?* od Kateřiny Maďi (*Kdo jinému jámu kopá, sám do ní padá*). V posledním zmíněném případě se spíše než o pohádku jedná o bajku, která pomocí příběhu se zvířecími hrdiny ilustruje známé přísloví.

3) V textech, které můžeme označit jako didaktické pohádky. Pro časopis *Dráček* vznikla v redakci pohádka *Zající a červené jablíčko*, na němž je demonstrováno přísloví *Kdo chce víc, nemá nic* (jež je uvedeno v podtitulku). Žánr se opět velmi blíží bajce (mohli bychom sem zařadit i příběh od K. Maďi z předchozího bodu), jeho prvotní cíl je výchovný: „*Víš, zající, ne nadarmo*

³ Srov. některé další příklady excerptovaných frazémů: *Přednosta měl, jak se říká, „za ušima“.* / *A než byste řekli švec.../ Než byste řekli pět.../ Mám z toho hlavu jako nafukovací balon. / To je pro mě hračka. / Rozesmála se na celé kolo. / Viděl to na vlastní oči. / Někomu z toho jen přecházejí oči. / S duchy a dýněmi se roztrhl pytel. / Div mi nevyvpadnou oči z důlků. / Je tu tma jak v pytli. / A pak už všechno šlo jak po drátku. / Nevěšte hlavu, kamarádi.*

se říká, že kdo chce víc, nemá nic... Snad ses konečně poučil a už nikdy se nebudeš chovat tak sobecky.“

- 4) V zadáních úkolů: Frazémy se vyskytují i v rámci zadání úkolů, přestože některé vlastností frazémů, zejm. expresivita a obraznost, je k tomu příliš nepředurčují. Opakovaně jsme zaznamenali frazém *lámat si hlavu a je to hračka*, např.: *Můžete si číst a lámat si hlavy nad úkoly. / Odpovědět už pro vás bude hračka. / Vyrobit zbytek masky už pro vás jistě bude hračka.* V instrukcích ke hře „ovocné sčítání“ se vyskytlo: *Jablka a hrušky se sice sčítat nemají, ale my uděláme výjimku.* Dále např.: *Už zase si z nás malíř vystřelil: kolik najdeš na obrázku hloupostí? či V měsíci září se spouště dětí obrátil život naruby. Stali se z nich prvňáčci.* (motivace k návodu na ozdobení klíčů od bytu)
- 5) V reklamách: V dětských časopisech se (až na výjimky – např. čas. Raketa, viz níže) vyskytuje velké množství reklam, přičemž frazémy a jejich aktualizace jsou poměrně často využívaným persvazivním prostředkem (srov. Holanová 2012, s. 77nn.). Veverka Laskonka říká: *Od prvního poslechu ty písni nemohu dostat z hlavy.* V reklamě na film je hlavní hrdina charakterizován následovně: *Grinch Vánoční svátky nenávidí na plné pecky.* Reklama na lízátko ChupaChups je rýmovaná a využívá přeneseného významu výrazu *zabalit něco* (vzdát něco): *Pátrej, kdo to zabalí a kdo si švejků rozbalí.* Reklama na školní batohy Topgal obdobně využívá dvojí možnou interpretaci: *Kryjeme dětem záda už 25 let.* V reklamním textu nazábavné naučné hry jménem Pexi je tradiční znění frazému aktualizováno, modifikováno: *Vesele na cvičišti, lehko na bojišti* apod.

Doslovný význam frazému jako prostředek humoru

Jak jsme již předeslali výše, doslovný význam frazému je často použit jako vtipné vysvětlení významu obrazného (často ve formě ilustrace). V následujících příkladech má ale doslovný význam poněkud jinou funkci:

- 1) Mezi texty, které s doslovným významem tradičně pracují jako s primárním prostředkem jazykového humoru, patří vtipy. *Elfíkův sešit proti nudě* a *Můj Vlášek* vtipy zařazuje jako samostatnou rubriku. Zde uvádíme dva příklady vhodné spíše pro starší děti: *Strašlivé vedro. Dva muži z posledních sil lezou po poušti a jeden říká druhému: „Zaskřípej zuby, třeba nám přeběhne mráz po zádech!“ / Potkají se dva kamarádi: „Ty se tváříš, jako když ti uletěly včely. To ti zase manželka udělala k obědu hrachovou kaši, co?“ „To ne, ale uletěly mi včely.“*
- 2) V některých pohádkách a příbězích je frazém zařazen s významem doslovným, přičemž o funkci můžeme spekulovat. Může se jednat o vtip určený rodičům či snahu, aby rodič dítěti na pozadí pohádky vysvětlil i význam idiomatický. Např. v pohádce *Kočka krysa a hvězda: Hvězda zhubla, vybledla a začala hladý šilhat. „Ššš...šilhám!“ volala zoufale.* (Doprovázeno obrázkem zachycujícím šilhající hvězdu). V jiném příběhu zmoklá liška Kuliška říká: *„Ach jo, myslela jsem, že z těchhle mráčeků pršet nebude.“*
- 3) Dalším příkladem jazykového humoru mohou být záměrné vtipné přeroky. Všechny následující ukázky pocházejí z comicsů *Elfík a jeho příběhy*: *„Pomsta bude slaná – nebo sladká?“ / „Já jsem nemehlo – všechno džem je v háji, vlastně na zemi.“* V těchto replikách je frazeologický význam mluvčím úmyslně opraven na význam doslovný. Jiný ráz mají příklady z dílu *Ve filmu*, v nichž jde spíše o změny libozvučné, založené na nonsensu. Popletený Elfík zapomněl text a chybně

opakuje náповědy režiséra: R.: „Bledá tvář má jazyk hadí.“ –E.: „Hledá zář a plazy hladí.“ R.: „Zakopeme válečnou sekeru.“ –E.: „Zakopneme vaječnou...éééé – vykopneme báječnou... R.: „Stop! Vás vykopnu!!! Vy jste dřevo! A ven!“

Osobité skupiny frazémů

Příslloví, rčení a pranostiky mají ve frazeologii poněkud specifické místo (Mlacek 1977, s. 99). V našem korpusu se jich v porovnání s ostatními frazémy vyskytovalo málo, přesto byly zapojeny do různorodých textů. Kromě již zmíněného *Kdo jinému jámu kopá, sám do ní padá* a *Kdo chce víc, nemá nic* (viz výše) jsme v rámci příběhu, pohádky či comicsu zaznamenali: *Když vlaštovky létají nízko u země, bude brzy pršet.* / *Lež má krátké nohy.* Doplněné či modifikované: *Ráno bývá přece moudřejší večera, to ví přece každý na nebi i na zemi.* / *Přelez, přeskoč, prolez, ale nepodlez.../ Bez vody není života, ale čeho je moc, toho je příliš.* Časopis *Můj vláček* využil přísloví v úvodním sloupku: *Protože takové chvíle v cukrárně přinesou dobrou náladu a radost, a jelikož veselá mysl je půl zdraví, udělali jsme něco i pro něj.* Výsledkem tajenky v jedné z křížovek bylo: *Strach má velké oči.* Na Elfíkově nástěnce bylo vedle vtípů vyděleno jako samostatný útvar: *Není všechno zlato, co se třpytí.* / *Hřmí-li v březnu, tak také v červnu.* Z netradičních frazémů z této skupiny zmiňme výskyt „nových okřídlených spojení“ (Janovec 2005, s. 149): *Jsem malá, ale šikovná.* Malá myška pomáhá s úklidem a svým výrokem odkazuje k často citovanému výroku, který má pravděpodobně původ ve filmové pohádce *Princezna ze mlejna* (rež. Zd. Troška, 1994).

Časopis Raketa

Časopis *Raketa* jsme záměrně ponechali stranou, protože se od předchozích časopisů v mnohém odlišuje. Časopis sám sebe prezentuje jako „časopis pro děti chytrých rodičů“ a je určen pro děti ve věku 5–10 let (tedy průnik s výše analyzovanou skupinou textů zde existuje). Časopis je bez reklam (proto za vyšší cenu) a je výrazně orientován na kvalitní grafickou a vizuální stránku. Měli jsme k dispozici pouze jeden monotematický výtisk se zaměřením na vesmír (*Raketa*, 5 /2015), a od toho se také odvíjí většina poněkud specifické slovní zásoby: *Kdekdo má někdy pocit, že je středem vesmíru.* / *K čemu je dalekohled? Aby mohl člověk zjistit, co mají nepřátelé za lubem.* Tvůrci časopisu předpokládají zájem rodičů jistou úroveň jejich vzdělání, převládá tedy intuitivní práce s textem, často bez explicitních instrukcí.

Dominuje přirozené zasazení frazémů do kontextu a velmi často bývá prostředkem jazykového humoru, který prostupuje celým časopisem: *Před pár lety přišel do jednoho astronomického ústavu nový inženýr. Už na první pohled to byl podivín. „Ten chlap je snad z Marsu!“ Okurková sezóna na Jupiteru stála za starou belu.* Invenční přístup k užívání jazyka je patrný např. u tvorby vlastního rčení, resp. rozšíření tradičního rčení ve výkladu o Giordanu Brunovi: *Dobrého nepálí, chytrého upálí.*

Opět zde figurují nová okřídlená spojení (viz též výše, Janovec 2005, 149). V následujícím textu pozorujeme intertextový odkaz na film *Pelíšky (úkol zněl jasně)* či na postavu Jamese Bonda: *Jsem uznávaný šnečí detektiv Davý. LouDavý. Dostal jsem úkol přímo vesmírně zajímavý. Ten úkol zněl jasně: Vypátrat, kdo z mých kamarádů ze světa zvířat navštívil vesmír mezi prvními.../.../ Frazém nalezneme dokonce i v představení autorů na poslední straně časopisu (kterou kvůli neformálnosti*

a osobitému ztvárnění snad ani nemůžeme označit jako tiráž): *Johy měla odjakživa pro vesmírná bádání tajnou slabost*. Vzhledem k tématu pozorujeme i neutrální obrazné termíny / terminologické frazémy (srov. Jarošová 2005 či Ripka 2005): *černá díra, červený trpaslík, Mléčná dráha*.

Závěr

Někteří lingvisté negativně vnímají malý prostor pro výuku frazeologie na školách i tradičně nedostatečné zpracování tohoto tématu v učebnicích (srov. např. Čechová, 1998, s. 194; Štěpáník, 2006–2007, s. 181).

V rámci naší sondy ovšem můžeme konstatovat, že v časopisech pro předškolní děti je frazeologii věnován dostatek pozornosti. Dominantní pozici mají sice frazémy nevětné povahy; tradiční lidovou frazeologii v podobě přísloví, rčení či pořekadel najdeme spíše zřídka. Zaznamenali jsme však přítomnost velkého množství frazeologických jednotek potřebných pro to, aby si děti přirozeným způsobem osvojily kompetenci k užívání frazémů. Kladně hodnotíme zejména širokou škálou použití v různých typech textů a při rozmanitých aktivitách.

Literatura

- Bytešniková, I.: *Komunikace dětí předškolního věku*. Praha: Grada, 2012.
- Gombert, J. É.: *Metalinguistic Development*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Holanová, R.: *Intertextualita v reklamě*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Pedagogická fakulta, 2012.
- Chejnová, P.: Osvojování frazeologie u českého dítěte. In *Sborník z mezinárodní slavistické konference v Sofii (26. 4. – 28. 4. 2018)*. V tisku.
- Janovec, L.: Nevětné frazémy v nové slovní zásobě. In *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha: ÚJČ AV ČR, 2005, s. 147–158.
- Jarošová, A.: Obrazná terminologie nebo odborná frazeologie? In: Jankovičová, M.; Mlacek, J.; Skladaná, J. (eds.): *Frazeologické štúdie IV*. Bratislava: VEDA, 2005, s. 131–145.
- Kala, M. – Benešová, M.: *Jak mluví vaše dítě?* Olomouc: Univerzita Palackého, 1976.
- Mlacek, J.: *Slovenská frazeológia*. Bratislava: SPN, 1983.
- Nebeská, I.: *Úvod do psycholingvistiky*. Praha: H+H, 1992.
- Průcha, J.: *Dětská řeč a komunikace: poznatky vývojové psycholingvistiky*. Praha: Grada, 2011.
- Rámcový vzdělávací program pro základní vzdělávání*. www.msmt.cz. (staženo 20. 1. 2019)
- Ripka, I.: Od frazémy k termínu (Prenesené lidové názvy rostlín) In: Jankovičová, M.; Mlacek, J.; Skladaná, J. (eds.): *Frazeologické štúdie IV*. Bratislava: VEDA, 2005, s. 298–302.
- Šebesta, K.: *Od jazyka ke komunikaci. Didaktika českého jazyka a komunikační výchova*. Praha: Karolinum, 1999.
- Štěpáník, S.: Výuka frazeologie na obchodní akademii: příspěvek k vznikajícímu RVP. *Český jazyk a literatura*, č. 4, 2006–2007, s. 181–183.

Jazyk českých youtuberů s ohledem na frazeologii¹

Czech YouTubers' language with regard to phraseology

Soňa Schneiderová, Univerzita Karlova, Praha

Abstrakt

Článek představuje část výzkumu komplexního projektu zaměřeného na jazyk youtuberů. Ukazuje na specifika tohoto vyjadřování v oblasti frazeologie. U mnohých z youtuberů lze sledovat vlastní styl, resp. opakující se výrazové prostředky, způsoby tvoření slova, ale můžeme říct, že v oblasti youtuberingu jsou platné i výrazy a tvary, které jsou společné všem youtuberům bez rozdílu (např. videjko aj.). To platí i pro rovinu frazeologie, na jedné straně je frazeologie vesměs velmi osobitá a závislá na momentální situaci a nápadu, na druhé straně zde najdeme frazémy, které jsou všem youtuberům společné, a to např. z hlediska strukturního tvoření.

Abstract

The article is part of a comprehensive youtuber language research project. It points to the specifics of this expression in the field of phraseology. Many youtubers have individual style, respectively repetitive means of expression, ways of word formation, but we can say that in the field of youtubering, expressions and shapes are also valid, which are common to all youtubers without distinction (eg video, etc.). This also applies to the level of phraseology, on the one hand, phraseology is generally very special and dependent on the current situation and idea, on the other hand, we find idioms that are common to all youtubers, for example in terms of structural creation.

Klíčová slova: mluvený projev, frazeologie, přirovnání, metafora, hybridní frazém, youtuber, anglicismus, originalita, stereotypnost

Key words: oral speech, phraseology, comparison, metaphor, hybrid phraseology, youtuber, Anglicism, originality, stereotypes

¹ K těmto youtuberům řadíme také slovenské youtubery, kteří jsou v Česku populární, mají české sledující a setkáváme se s nimi v českých médiích.

1. Úvod

Youtuberi jsou především děti a mladí lidé², kteří natáčejí videa na youtube³. Z mnoha z nich se stávají influenceri, tedy „názoroví vůdci“, kteří ovlivňují nemalé procento zejména mladých lidí⁴. V médiích se o nich mluví jako o nejvlivnějších Čechů současnosti, vidíme je v reklamách velkých firem, v reklamách na sportovní oblečení namísto sportovců atd. Jazyk, který používají ve svých videích, je zdrojem poznání jazyka jednak jejich „subkultury“ obecně a jednotlivých „subkultur“ youtuberingu (fashion, beauty atd.), jednak jazyka mladých. Sami patří do této skupiny mladých lidí, na druhou stranu se jejich vyjadřování přenáší na současnou mladou generaci. Jazyk youtuberů představuje slang mladých; jak mluví youtuberi, mluví mnoho mladých lidí mezi sebou („rozumí si“ na rozdíl od komunikace s generací starší, která mnoha výrazům a slovním spojení v tomto slangu nerozumí).

Videa youtuberů jsou také zdrojem poznání internetových žánrů, které se etablovaly právě na internetu. Jsou to např. DIY (Do it yourself); Q&A (Questions and Answers); unboxing; story-time; draw my live; sketch; short movie atd. Dnes k tvorbě youtuberů náleží i videoklip k písni. K základnímu rozlišení produkce youtuberů patří rozdíl mezi fashion videi a beauty videi, speciální kategorií tvoří games videa a důležitou složkou takového YT kanálu youtubera jsou videa nazvaná „gameplay“; dále je to např. prank call aj., jenž je spíše výhradou youtuberů-hochů. Existuje řada rubrik, které youtuberi musejí na svých kanálech naplňovat, např. u youtuberek jsou to kategorie What is in my bag?, What is on my phone?, Get ready with me.

Youtuberi jsou na jedné straně tvořiví, v jazyce zejména v rovině slootovorby, lexika, na druhé straně je jejich produkce a vyjadřování stereotypní, a to především v rovině textové a syntaktické či na úrovni komunikačních strategií, patrná jsou žánrová a stylová schémata.

2. Materiál

Materiál k analýze jsme získali jednoduchým nahráváním, pozorováním a přepisem textů jednotlivých videí. Podrobně jsme se zaměřili na beauty videa, fashion videa a okrajově na některá jiná videa; zcela jsme vynechali games videa. Ze sledovaných youtuberů to byli Karel Kovář (Kovy), Ladislav Sinai (dříve známý jako Whoa2000), Jakub Steklý (Stejk), Jonáš Čumrik (Johnny Machette), Ján Macák (MenT; dříve také MenT97, Mentoss97), Jiří Král, Denis Kubík (Denis TV), Denisa Kouřilková (SugarDenny), Petra Vančurová (PetraLovelyHair), Anna Šulcová (Anna Sulc), Kristýna Třešňáková (Týnuš Třešničková), Natálie Kotková (The Nattiness) a Tereza Hodanová (Teri Blitzen).

Projekt a text vznikly v rámci programu *Progres Univerzity Karlovy Q18 – Společenské vědy*:

² V rozhovorech přiznávají, že s videi začali přibližně ve 12 letech, většinou „dospějí“ kolem 22 let a poté se věnují něčemu jinému. Jsou také youtuberi-senioři. Jedním z prvních, s videi začal v r. 2006, a nejstarších – bylo mu osmdesát – byl penzista z anglického Leicesteru Peter Oakley (Pavlíček 2010, s. 157). Vydělila se také skupina tzv. kidinfluencerů, tedy velmi malých dětí, které propagují ve svých videích např. hračky. V zahraničí to je např. BoramKi, korejská internetová hvězda, která je v Koreji nejsledovanější youtuberkou (Tn.cz, 29. 7. 2019).

³ „YouTube je videohosting server, založený teprve v roce 2005“ (Pavlíček 2010, s. 155). Spolu s youtube vznikl „fenomén internetové hvězdy – uživatele, jehož videa zhlédly (sic!) miliony lidí“ (tamtéž, s. 157).

⁴ Výzkum ukázal, že 58 % dětí ve věku 9–15 let sleduje na internetu příspěvky, které nahrávají na internet jiní lidé. Rodiče, 60 % z nich, uvádí, že youtuberi a blogeri jejich děti ovlivňují. Výzkum pro FSV UK provedla agentura Ipsos (lidovky.cz, 14. 5. 2018).

od *víceborovosti k mezioborovosti* ve spolupráci se studenty katedry marketingové komunikace a PR FSV UK. V rámci tohoto projektu jsme se zaměřili na jazyk youtuberů ve všech jeho složkách komunikace, v tomto článku však obracíme pozornost jen k části našeho výzkumu vzhledem k zaměření konference, kde příspěvek zazněl, a k jevům, které jsou youtuberům společné.

3. Jazyk s ohledem na frazeologii

Jazyk youtuberů je velmi rozmanitý. Z jazykových vrstev je to převážně nespisovný jazyk v podobě obecné češtiny, ale také je to čeština spisovná a hovorová. Jazykové prostředky, zejména lexikum, se liší tematickým zaměřením; svoje výrazy mají beauty videa a fashion videa, games videa. Mnoho výrazů je však společných všem youtuberům. Obecná čeština je reprezentována jak v krajních polohách u youtuberů z Čech (např. Johnny Machette, vlastním jménem Jonáš Čumrik, používá např. i mezi youtubery ojedinělou hláskoslovnou podobu slova „vejkend“), tak jen v některých přijatelných tvarech pro youtubery z Moravy. Z Moravy je např. Denisa Kouřilková (SugarDenny), v jejímž vyjadřování najdeme tvary obecné češtiny vedle projevů „moravské češtiny“⁵ („*takový krásné okamžiky mého života*“). K youtuberům s kultivovaným projevem patří Karel Kovář (Kovy), přestože používá obecnou češtinu, ale i řada dalších.

U mnohých z youtuberů lze sledovat vlastní styl, resp. opakující se určitý výrazový prostředek, způsob tvoření slova, ale můžeme říct, že v oblasti youtuberingu jsou platné výrazy a tvary, které jsou společné všem youtuberům bez rozdílu (např. *videjko* aj.).

Není pochyb o tom, že scéna youtuberů je ovlivněna angličtinou⁶, požadavky kladenými na originalitu youtubera a jeho schopnost zaujmout své sledující. Na druhé straně je důležitá jeho schopnost umět využít prostředky youtuberingu, jak ve složce verbální, tak neverbální (zde můžeme mluvit o omniprezentní neverbální složce), důležitá je také názornost.

Řada frazémů patří k platformě YT, např. *dát post*; *dát follow* aj., jiná jsou nedílnou součástí jazyka mladé generace. Dá se však říct, že se poprvé objevila právě na kanálech youtuberů. Je to např. frazém *být v chillu*⁷ = být v pohodě, např. „*pokud vy jste nějak v chillu tak okej*“, analogicky tvořený ke struktuře frazému „být v klidu“. Dalším z nich je *mít s někým beef*, používaný zejména ve videích hochů, neboť je to původně „hláška“ raperů a znamená „dostat se s někým do konfliktu, mít s ním při“, např. „*měli jsme beef s Housem*“ (pozn.: House je youtuber).

K videím dívek patří spojení „*něco easy do kabelky*“, které má svůj specifický význam. Neznamená jednoduše „dát si něco jednoduchého do kabelky“, ale znamená to, že do kabelky si dáte kompaktní, polyfunkční produkt, např. paletku, kompaktní pudr, který je jak pudrem, tak make-upem, nebo produkt, který je zároveň růží na tvář, stíny, ale i rtěnkou atd.).

K obvyklým frazémům youtuberů řadíme také *je to bestofka*; *být z toho normálně dead*. Je také vidět, že anglická slova ve struktuře výroku fungují často substitučně za česká nebo původní slova a vytvářejí tak nový frazém: *to je prostě musthave* (nezbytnost; to, co musíš mít). Vytvářejí se tak

⁵ Záměrně volím podobu „moravská čeština“, neboť vždy v osobní komunikaci s dr. Stanislavou Kloferovou mluvíme o tom, že nelze v tomto případě mluvené češtiny hovořit o spisovné češtině.

⁶ Některá svá videa jen v angličtině má Tereza Hodanová (TeriBlitzen).

⁷ Problematická je stránka pravopisu těchto slov. Ve většině případů se používají, např. v diskusích u videí, v původním anglickém pravopise, ale jejich pravopisná podoba je neustálená, mají mnoho podob.

nová hybridní spojení: *Dostal se do loselose situace*⁸ (dostat se do neřešitelné/bezvýchodné situace). Využívány jsou anglické frazeologismy: „...takže to neberte úplně jako one hundred percent serious“; „byla to jen půlhodinka chůze, takže it is worth it“. Anglicky se používá řada zkratk, které jsou typické pro mladou generaci obecně: WTF = what the fuck⁹; OMG = oh my God; LOL = Laughing out loud aj. Jako frazém se objevují kalky: „pokud použijete rychlou matematiku“.

K českým frazémům patří „jít do plusu“. Uvedme příklad z videa-unboxingu Johna Machetty: *Váš street credit a flex jde o tisíc bodů do plusu*. K často opakovaným patří „být v klidu“, např. „budte v klidu“; také „budte sví“, „běžte si za něčím“, např. *Budte sví a berte život pozitivně. Běžte si za tím, co vás naplňuje* (Stejk); *Běžte si za svými sny* (Ladislav Sinai, VladaVideos; Denis TV aj.). Špatná videa na YT jsou označována, popisována jako „nutella v hlavě“, „batohy na kolejkách“.

V mluveném projevu dochází k řadě kontaminací, zanedbávání správných předložkových a slovesných vazeb, dochází ke směšování frazémů; takto vytvořené struktury zůstávají i v projevu psaném a v současné době se s touto skutečností sekáváme velmi často: *Já jsem tento názor ale nikdy nezažila na vlastní zkušenost (...)*¹⁰

Jako nástroj názornosti slouží přirovnání. V projevu youtuberů se jedná o osobitá, okazionalní přirovnání a příklady, závislá na momentálním kontextu, tématu a nápadu: „(...) všichni se točej jako na bramboru (Kovy); *Nemusíte se vůbec bát, že byste vypadali jako moučnej červ, protože vlastně tu část pudru, která tam zůstane na tom obličejí a nepeče se do mejkapu, tak tu pak setřeme...*“ (TerryMakeupTutorials: *VESELÉ VÁNOCE VŠEM!*; Větrovcová 2017, s. 30); *barva vypadá, jako když rozemelete jednorozce* (TerryMakeupTutorials; Větrovcová 2017, s. 35); *Vypadá to jako outfit na Coachellu*¹¹; *Ty ses zasmála jak vlak*. (Johny Machette); *Vždycky si připadám jako ve videoklipu*. (Anna Sulc); *Kampaň Jiřího Drahoše je trošku jako vařená rýže, neurazí, nenadchne, na druhou stranu kampaň Miloše Zemana je jako Big Mac, objednáte tohle a dostanete tohle [doplněno vizuální složkou]* (Kovy). Výpovědi jsou prokládány přirovnáními z běžného života: *Je tu řada jako kdybychom se odbavovali na letišti (v hotelu při ubytování)* (Anna Šulc); *Boty stojí jako dovolená. Ano, jako dovolená, když se jede s agenturou k moři*. (Johny Machette) aj. S tradiční frazeologií se v podstatě nesetkáme, protože způsob vyjadřování youtuberů je jiný: je závislý situačně, vyplývá z momentálního kontextu a nápadu, má být originální. S tradičními frazémy jsme se více setkali například ve videích Karla Kováře, např. *prezident Zeman drží nad vodou Andreje Babiše*, a ve výpovědích Karla Kováře v interview pro rozhlas: „*Život se mi otočil vzhůru nohama*“, „*Kam se to hrabe na něco*“ atd.

4. Závěr

Podstatou jazyka youtuberů je tvořivost na jedné straně a stereotypnost na druhé straně. V projevech youtuberů se odrážejí témata, kterým se věnují, a důležitá je osobitost projevu, která je patrná ve snaze po originálním vyjádření. Jednou z oblastí, kde se specifické vidění světa jednotlivých youtuberů projeví, jsou přirovnání, na druhé straně řada frazémů je pro všechny

⁸ „Lose lose situace“ je taková situace, ve které má sice člověk na výběr z možností, ale žádné rozhodnutí není to správné, resp. nemůže být úspěšné.

⁹ Např. „Výběr témat bylo jedno velký WTF“ (Kovy).

¹⁰ Namísto „zažít na vlastní kůži“; ev. „nabýt/ znát něco ze zkušeností“. V rozhovoru s Natálií Kotkovou (odkaz viz níže).

¹¹ Jedná se o americký festival (CoachellaValley Music).

youtubery společná. Důležitá je kombinace češtiny a angličtiny, jejímž prostřednictvím se vytvářejí hybridní frazémy, ale frazeologie z angličtiny je využívána i samostatně.

Literatura

Pavlíček, Antonín: *Nová média a sociální síť*. Praha: Oeconomica 2010.

Větrovcová, Eliška: *Komunikace na YouTube. Youtuberi jako nový fenomén*. Bakalářská práce. České Budějovice 2017.

Zdroje

Devět dětí z deseti nepozná skrytou reklamu na sociálních sítích, ukazuje průzkum. Dostupné z: https://byznys.lidovky.cz/devet-deti-z-deseti-nepozna-skrytou-reklamu-na-socialnich-sitich-ukazuje-pruzkum-gia-/media.aspx?c=A180514_153725_ln-media_bar_p [Cit.: 2. 8. 2019]

Šestiletá youtuberka vydělává miliony za den! „Hraju si,“ řekla. Dostupné z: <https://tn.nova.cz/clanek/sestileta-youtuberka-vydelava-miliony-za-den-hraju-si-rekla.html> [Cit.: 2. 8. 2019]

Nabízeli mi i porno, říká populární youtuber Karel Kovář alias Kovy. Dostupné z: <https://radiozurnal.rozhlas.cz/nabizeli-mi-i-porno-rika-popularni-youtuber-karel-kovar-alias-kovy-7445282> [Cit.: 2. 8. 2019]

Natalie Kotková (Miss World ČR 2016): Můžeš jako bloggerka „vzít vítr z plachet“ bulváru tím, že sama odhaluješ zvolenou část svého soukromí? Dostupné z: <http://mediator1.upmedia.cz/2016/09/22/natalie-kotkova-miss-world-cr-2016> [Cit.: 2. 8. 2019]

Virgil Abloh x Air Jordan 1 „UNC“ – unboxing. Dostupné z: <https://www.youtube.com/watch?v=pNAbetZFkY> [Cit.: 2. 8. 2019]

TerryMakeupTutorials: *VESELÉ VÁNOCE VŠEM!* Dostupné z: https://www.youtube.com/watch?v=_Ci7VzQvQl8 [Cit.: 2. 8. 2019]

Druhé kolo | KOVY Dostupné z: <https://www.youtube.com/watch?v=vQwp7CC9mRM&t=20s> [Cit.: 20. 8. 2019]

CO MÁM S RUKAMA? | Otázky z IG

Dostupné z: <https://www.youtube.com/watch?v=tbpvCW86sww&t=1s> [Cit.: 20. 8. 2019]

Když se mu prostě tolik nelíbíte | STORYTIME |

Dostupné z: <https://www.youtube.com/watch?v=uxtYslntzv0> [Cit.: 20. 8. 2019]

Velké SLEVY na Shein, UNBOXING + TRY ON Dostupné z: https://www.youtube.com/watch?v=0tyL_q17fTQ [Cit.: 2. 8. 2019]

Čím se živím, výplň rtů, mám přítele? Q&A Dostupné z: <https://www.youtube.com/watch?v=Q-RGfjIBWas> [Cit.: 2. 8. 2019]

Módní policie: Český lev 2018 Dostupné z: <https://www.youtube.com/watch?v=oCNuaLTD-80> [Cit.: 2. 8. 2019]

OBŘÍ (AMERICKÝ) HAUL || Anna Sulc Dostupné z: <https://www.youtube.com/watch?v=Dtt1JsLjph4> [Cit.: 2. 8. 2019]

JAK JSEM 2X POTKALA SHAWNA MENDESE || HOW I MET SHAWN MENDES Dostupné z: <https://www.youtube.com/watch?v=Ac3e0-UtCZ4> [Cit.: 2. 8. 2019]

TAK TOHLE JSME NEČEKALI - Halloweenská Challenge !!! w/ Adam Mach Dostupné z: <https://>

www.youtube.com/watch?v=6SUYwyXcedg[Cit.: 2. 8. 2019]

OCHUTNÁVKA AMERICKÝCH SLADKOSTÍ V AMERICE ft w/ Luboš Je Celkem Fajn Dostupné z: <https://www.youtube.com/watch?v=S-zHV9LaTYA> [Cit.: 2. 8. 2019]

MIAMI || NAŠE PRVNÍ SPOLEČNÁ „DOVOLENÁ“ w/ Luboš Je Celkem Fajn Dostupné z https://www.youtube.com/watch?v=G_OReGVxKGA[Cit.: 2. 8. 2019]

Projekt vznikl v rámci programu Progres Univerzity Karlovy Q18 – Společenské vědy: od víceoborovosti k mezioborovosti ve spolupráci se studenty Katedry marketingu a PR FSV UK.

Frazeologie v médiích – historický pohled

Media, linguistics and phraseology from a historical perspective

Martina Šmejkalová

Abstract

The paper deals with the application and function of phraseology in selected media from the middle of the 19th century to the middle of the 20th century. Through a research probe based on content analysis of texts, it primarily states the formative and entertaining function of phraseology and opens up the possibility of further research into phraseology on historical media platforms.

Abstrakt

Příspěvek se zabývá uplatněním a funkcí frazeologie ve vybraných médiích od poloviny 19. do poloviny 20. století. Prostřednictvím výzkumné sondy založené na obsahové analýze textů konstatuje především formativní a zábavnou funkci frazeologie a otevírá možnosti dalšího zkoumání frazeologie na historických mediálních platformách.

Key words: phraseology, history, media, popularization

Klíčová slova: frazeologie, historie, média, popularizace

1 Úvod a metodologie

V našem příspěvku se budeme věnovat medializaci a popularizaci frazeologie na neoborových mediálních platformách a výskytu a funkci frazémů v médiích téhož charakteru. Naším cílem bylo zjistit, zda a jak lingvisté využívali neoborových médií k popularizaci lingvistiky (s přihlédnutím k frazeologii); v jakých typech médií se v minulosti s frazeologií pracovalo a jaká byla její funkce. Jako metodu jsme zvolili výzkumnou sondu pomocí systému digitální knihovny Kramerius a následnou excerpci nalezených záznamů.

Časové rozpětí jsme vymezili pomocí historických mezníků, a to polovinou 19. století na jedné straně a rokem 1942, kdy došlo v důsledku první a druhé heydrichiády k významné redukci a restrukturalizaci mediální produkce, na straně druhé.

Co se týče výzkumného vzorku, budeme se věnovat následujícím médiím: z tištěných médií to budou periodika nebo příležitostné tisky určené širší veřejnosti (Bednařík – Jirák – Köpplová, 2011, s. 16–17), z audio médií pak rozhlas (ibid., s. 18). Odborné časopisy ponecháme stranou, ačkoliv je nutno konstatovat, že po poměrně dlouhou dobu neexistoval natolik ostrý předěl mezi časopisy odbornými a neodbornými, resp. mezi jejich cílovými skupinami, jako je tomu v současnosti, a že laická veřejnost s vyšším vzděláním či profesním zájmem (středoškolští profesori,

učitelé, žurnalisté...) sledovala odborný tisk v daleko větší míře, než je tomu dnes (o tom v pracích M. Šmejkalové). Pro češtinu to můžeme doložit např. hojnou čteností odborného časopisu *Naše řeč*, odebíraného většinou středoškolských knihoven.

Pro náročnost takového výzkumu ponecháme stranou audiovizuální média, jen okrajově si povšimneme diapozitivů s edukační funkcí.

2 Časopisy

Jedním z nejstarších časopisů sledovaného období byl časopis *Wlastimil*.¹ Byl zároveň jedním z titulů, které dokládají naše tvrzení o úzkém sepětí mezi světem vědeckým a zájmy čtenářské veřejnosti. V roce 1842 zde byla otištěna přednáška *Výbor halických přísloví vydaných Řehořem Ilkevičem*² od prof. J. Koubka, která byla původně (7. dubna 1842) přednesena v Královské společnosti věd a teprve následně otištěna v „příteli osvěty a zábavy“, jak zněl přídomek časopisu *Wlastimil*.³

Výbor obsahoval přísloví mezinárodně známá (*Ani ladu, ani skladu, Ani svěcená voda nepomůže*), jakož i větné frazémy méně rozšířené (*Ondřeji, budeš jísti postní krmí, a já maso, neb mne dítě ssaje*, *ibid.*, s. 129), nebo např. i úsměvné (*Pan Kredit umřel, pan Počkal nežije; kdo nemá peněz, ať již nepije*, příp. *Však to není jedno, nakousnutí hrušku, neb políbit Marušku*, *ibid.*, s. 130).⁴

V šíření znalosti přísloví a popularizace české frazeologie vůbec měly svou úlohu i časopisy zaměřené na vzdělávání a školní mládež, jako byl např. *Posel z Budče: časopis pro učitele, vychovatele a vůbec přátele mládeže*.⁵ To pokládáme za velmi důležité, neboť k seznámení s frazémy docházelo v raném věku, a lze tedy předpokládat jejich trvalé osvojení.

Didaktická funkce osvojení přísloví byla podle tohoto časopisu dvojí: jednak „mrvoučná“, jednak i jazyková s buditelským a obranným zaměřením na nutnost „chrániti životy svými řeč otcův svých především, cožby ji hubiti mohlo“ (s. 425):

„Přísloví vůbec vzata prospěšnost svou u vzdělávání mládeže tím osvědčují, že rozum cvičí, soudnost budí, vtip bystří, mysl šlechtí a obrazotvornosti, živosti a čilosti dodávají i ji pořádají. [...] Ač by v žádné čítance školní neměla chyběti přísloví česká, aniby v mluvnici na ně zapomínati se nemělo [...], přece zvláště s prospěchem dobrým použití se jich dá při mravním vyučování a krasopsaní.“ (*ibid.*, s. 425–427)

Vedle vážných naukových příležitostí se děti s frazeologií seznamovaly i prostřednictvím zábavných časopisů, jako byl např. *Malý čtenář*, časopis vycházející už od roku 1882. Dětem byly zadávány úkoly, které jistě rozšiřovaly a upevňovaly jejich znalost české frazematiky, a byly i značně kognitivně náročné, což vedlo i k rozvoji schopnosti práce s jazykem:

¹ Jak je známo, tzv. „popisná frazeologie“ se datuje do 19. století, zatímco druhá větev, tzv. *příslownictví*, je daleko starší a spadá až k polovině 15. století a k dílu Smila Flašky (Čermák, 2007, s. 244). Proto jsou zřejmě přísloví těmi frazémy, které se v dobových tiskovinách objevují nejčastěji.

² Bibliografický údaj prezentovaného díla zní: Il'kevič, G. *Galickii pripovedki i zagadki*. U Vedni: napečetano čerenkami O. O. Mechitaristov, 1841.

³ K(o)aubek, J. *Výbor halických přísloví vydaných Řehořem Ilkevičem* od prof. J. Koubka. *Wlastimil: přítel osvěty a zábavy*. W Praze: Jan Spurný, 1842, č. 1, s. 129–133.

⁴ Zajímavý doklad o fakultativnosti tehdejší ortografie přináší poznámka pod čarou na úvodní straně: „Wedle žádosti p. spisovatele podáváme tento článek skladným prawopisem.“

⁵ *Přísloví česká a krasopsaní na školách národních I. Posel z Budče: časopis pro učitele, vychovatele a vůbec přátele mládeže*, 5. 7. 1849, ročník 2, č. 27, s. 425–427. Praha: V. Hess.

[...] „Z uvedených přísloví vyberte po jednom slově tak, aby vzniklo jiné všeobecně známé přísloví.“⁶

[...] Z útržku adresy na dopisní obálce domyslete známé přísloví (parafráze M. Š.).⁷

[...] „Na místo ležatých čárek vložte slabiky, by po pořádku za sebou čteny daly známé české přísloví: *-tec, -lo, -den, -ba, -hla, -tek, -jen, -na, -na, -tron*.“⁸

[...] „Ze slabik *blun, bra, cí, čer, dra, e, hně, ho, ja, je, kam, kov, kto, mí, mu, ne, sař, ska, ství, ra, rin, vi, vo* sestavte 8 slov, jejichž začátečná písmena shora dolů a konečná z dola nahoru čtena jsou dají přísloví. Význam slov: 1. Jméno rozsáhlých státův; 2. křestní jméno; 3. domácí zvíře; 4. nerost; 5. obrovský pták; 6. krajina v sev. Americe; 7. místo v rakouském Slezsku; 8. česká kněžna.“⁹

Delší ukázka z dnešního hlediska zřejmě jen s obtížemi akceptovatelného „Hádankářského koutku“:

[Kontext – dva hoši, Venda a Jenda, zanedbávají přípravu na školní vyučování, což je názorně vyvedeno na úvodní ilustraci; jeden zívá, druhý tahá kočku za ocas. Zároveň jsou obklopeni předměty vhodnými k přípravě do školy – mapa, obrazy – i předměty běžného života.] „Víte, co uděláme? Usekneme jim za to hlavu (to jest první slabiku přívlastků, jež si zaslouží), a také všem ostatním věcem, jež jsou na obrázku, tyto slabiky srovnáme v určitém pořádku za sebou a hle – už tu máme české přísloví, jež by měl pan Kozlík (otec – M. Š.) napsati svým hochům hezky zřetelně – nejlépe rákoskou na kalhoty!“¹⁰

A v ukázkách bychom mohli pokračovat.

Frazeologicky zaměřené texty však neměly jen zábavnou funkci. V naučně zaměřených člancích byly děti seznamovány i s příslovími cizích národů, např. Japonců: „Moudrý nemluví o všem, co činí, ale nečiní ničeho, o čem by mluvíti nemohl.“¹¹

Stejnou funkci plnily i herní části časopisů pro dospělé, a to pro různorodé cílové skupiny. Nemělo by zajisté smyslu všechny je zde jmenovat, ačkoliv širě jejich záběru nás poměrně překvapila – s příslovími se hojně pracovalo např. v časopise pro ženy *Nové pařížské mody*¹² a i v dalších časopisech, které se věnovaly rozličným oblastem volnočasových zájmů. Z velkých společensko-vědních periodik lze jmenovat časopis *Světovzor*, který přinášel podobné kvízové úlohy, jako jsme viděli dříve u časopisu pro děti.

Není s podivem, že přísloví, pranostiky a rčení se často objevovaly v humoristických časopisech, jako např. v *Humoristických listech*,¹³ kde byly podrobovány již naznačeným slovním přesmyčkám, parcelaci, spojovačkám nebo byly přetvářeny v anekdoty:

Lživé přísloví

[Přítel si dává na hlavu oblady.]

„Co se ti stalo, ubohý příteli?“

⁶ *Malý čtenář: školské mládeži československé pro poučení a zábavu* (různé podnázvy). Pardubice: Hoblík, 1882–1941, ročník 19, č. 16, 1899–1900, s. 256.

⁷ *Ibid.*, ročník 22, č. 7, 1902–1903, s. 112.

⁸ *Ibid.*, ročník 11, č. 3, 1892–1893, s. 48.

⁹ *Ibid.*, ročník 6, č. 2, 1886–1887, s. 32.

¹⁰ *Ibid.*, ročník 52, č. 112, 1932–1933, s. 239.

¹¹ Nágl, L. Japonská přísloví. *Ibid.*, ročník 23, č. 19, 1903–1904, s. 311.

¹² *Nové pařížské mody: list paní a dívek českých*. V Praze: Alois Hyneček, 1895–1916.

¹³ *Humoristické listy: archiv českého rozmaru a vtipu*. Vilímek, J. R., ed. Praha: Josef Richard Vilímek, 1858–1941.

„Nadávám na lživost přísloví! Včera moje Terezie zkoušela moderní tanec, já jsem se dal do smíchu, ona mne praštila pohrabáčem do hlavy a pak prej *od smíchu hlava nebolí...!*“¹⁴

Oboru se věnovaly přirozeně i časopisy orientované spíše vědecky, byť nikoliv jen lingvistiky. Lze jmenovat *Časopis českého Museum*, jenž medializoval frazeologii a otázky s ní spojené např. článkem *Historie příslovných sbírek slovanských a zvláště českých. Co úsudek kritický o nově vydaném spise Čelakovského Mudrosloví národu slovanského v příslovích*,¹⁵ a to jednak co se dotýče Mudrosloví samého a jeho kritiky, jednak porovnáním stavu domácího sběru přísloví s ostatními slovanskými národy včetně poučení o historii „příslownictví“ do roku 1851 (Jan Václav Rozum).¹⁶

Tendence odborně popularizační sledujeme i v pozdějších obdobích, např. časopis *Hlas* začal v roce 1907 uveřejňovat krátká poučení nebo výčty přísloví a pořekadel: „Příslví je krátká věta, obsahující pravidlo moudrosti ze zkušenosti vzaté. Pořekadlo podobá se přísloví, ale liší se od něho tím, že nemá významu mravoučného.“¹⁷

3 Noviny

Příslví byla ve sledovaném období nedílnou součástí autorského jazyka novinových přispěvatelů jako běžný rétorický prostředek, a to včetně svých aktualizací, např.:

„Kdybych byl člověk uštěpačný a opravoval přísloví, řekl bych: Kam nemůže čert, nastrčí – ministra! Naše finanční excellence by mohla vědět, kam bijí!“¹⁸

Není v moci tohoto příspěvku provést zevrubnou longitudinální analýzu hlavních velkých deníků, ba dokonce být jen jednoho hlavního deníku, uvedme tedy alespoň dva hrubé údaje kvantitativní: jen v jednom ročníku významného deníku *Národní listy* se v digitálním prostředí Kramerius na dotaz „příslví“ (tedy s vyloučením některých tvarů) vrátí 108 výskytů. Funkcí frazémů většinou bylo akcentovat popisovanou událost či zřetelněji vykreslit nějakou osobnost, často měly ironizující až bonmotizující podtext; a nejednalo se přitom jen o frazémy české: „[Zpráva Pester Lloyd] na dra Beneše aplikuje čínské přísloví: Kdo ztratil obličej, nemá se ukazovat před mandariny.“¹⁹

Podobně ve stejném roce vykazují *Lidové noviny* návratnost dotazu „příslví“ 45 při cca dvoutřetinovém počtu výtisků. Ozvláštňování žurnalistického textu frazémy rozličné povahy byla přirozená podmínka toho, aby se tyto udržovaly jako živý jazykový prostředek.

Počínaje přelomem století, začínají *Lidové noviny* uveřejňovat sloupky domácích nebo i zahraničních přísloví, někdy vedené prostým výčtem, někdy s komentářem (jedním z prvních byl

¹⁴ Ibid., 21. 10. 1927, ročník 70, č. 43, s. 601.

¹⁵ Hanuš, H. J. *Historie příslovných sbírek slovanských a zvláště českých. Co úsudek kritický o nově vydaném spise Čelakovského Mudrosloví národu slovanského v příslovích u veřejnost dává H. J. Hanuš. Časopis českého Museum*, 1851, ročník 25, č. 4, s. 126–145.

¹⁶ Časopis se frazeologii hojně věnoval i v dalších letech, jako odborný tisk ho však nyní ponecháme stranou.

¹⁷ Příslví a pořekadla. *Hlas*, časopis církevní, 6. 1. 1907, č. 5, s. 7.

¹⁸ Zn. Q. Feuilleton. *Lidové noviny*, 27. 7. 1899, ročník 7, č. 168, s. 1.

¹⁹ Co se přihodilo dru Benešovi v Londýně za vlády soudruha-socialisty Mac-Donalda? *Národní listy*, 21. 4. 1928, ročník 68, č. 94, s. 1.

sloupeček Některá čínská přísloví z roku 1900).²⁰ V roce 1909 vychází sloupek Cizokrajná přísloví, v němž se čtenáři mohli seznámit jednak s příslovími méně známými (*Jsme-li bratři, nejsou naše kapsy proto sestrami*), jednak s příslovími, jež mohly udivit svou interkulturalitou (*Co oči nevidí, o to srdce nepláče*).²¹

Po převratu v roce 1918 se v *Lidových novinách* objevují články o příslovích slovenských. Články psal slovenský botanik, žurnalista a etnograf Jozef Ľudovít Holuby a měly mírně fejetonistický charakter²² (česká přísloví byla ve výčtu připomenuta např. v září 1922 atd.).²³

Roce 1939 v tomto zjevně oblíbeném sloupku *Lidové noviny* přinesly „starodávná přísloví o městech“, aby připomněly pozapomenutá přísloví z Čelakovského Mudrosloví,²⁴ některé sloupky byly zaměřené tematicky, jako např. výklad o svatém Martinovi v přísloví.²⁵ V roce 1941 věnovaly cyklus článků pranostikám a průpovědkám,²⁶ v roce 1942 pak mohl být obvyklý sloupek narážkou na nové hraniční uspořádání, když Stará přísloví o ženitbě z Poorlicka zařadil do rubriky Ze světa.²⁷

Lidové noviny ale plnily i funkci populárně vzdělávací, neboť seznamovaly veřejnost s výsledky různých výzkumů – na tomto místě patří zmínit výzkum M. A. Rybníkové o sociokulturním výzkumu užívání přísloví.²⁸

A samozřejmě také v *Lidových novinách* byla přísloví častým předmětem „Hravých koutků“ (*Všechny kvítky spojte jednou čarou, tvořící pravidelný obrazec tak, aby písmena v kvítkách dala staré české přísloví*).²⁹ Zmiňující se o „hravých koutcích“, nesmíme opomenout oblíbený žánr ilustrovaných přísloví,³⁰ která se vyskytovala v četných tiskovinách, podporována jistě i knižní podobou Ladovou (Lada, 1924).

Lidové noviny přirozeně nebyly jediné, které se chápaly populárně vzdělávací funkce, např. *Český deník* uveřejnil v roce 1929 diferenční pohled na problematiku v článku Květen v slovanském přísloví a pořekadla, v němž k témuž tématu představil přísloví česká, ruská, polská nebo slovenská.³¹

4 Kalendáře

Frazeologie využívaly samozřejmě také lidové kalendáře, počínaje populárním kalendářem *Pečírkovým*,³² v němž se mohli čtenáři dočíst např. o karetní hře japonských dětí „na přísloví a pořekadla“ (příklad přísloví: *Klneš-li sousedu, vykopej dva hroby* nebo *Bezdětná žena jest kletbou*

²⁰ Některá čínská přísloví. *Lidové noviny*, 13. 7. 1900, ročník 8, č. 157, s. 5.

²¹ Cizokrajná přísloví. *Lidové noviny*, 24. 12. 1909, ročník 17, č. 353, nestr.

²² Např. Holuby, J. L. Iskry slovenských přísloví. *Lidové noviny*, 11. 1. 1923, ročník 31, č. 16, s. 1.

²³ Česká přísloví. *Lidové noviny*, 12. 9. 1922, ročník 30, č. 457, s. 1.

²⁴ Starodávná přísloví o městech. *Lidové noviny*, 26. 7. 1939, ročník 47, č. 369, s. 3. Prísloví, starodávne dědictví. *Lidové noviny*, 18. 8. 1939, ročník 47, č. 411, s. 3.

²⁵ Svatý Martin v přísloví. *Lidové noviny*, 10. 11. 1939, ročník 47, č. 565, s. 5.

²⁶ Např. Duben v pranostice. *Lidové noviny*, 5. 4. 1941, ročník 49, č. 175, s. 3.

²⁷ Stará přísloví o ženitbě z Poorlicka. *Lidové noviny*, 15. 1. 1942, ročník 50, č. 26, s. 2.

²⁸ Jak užíváme přísloví. *Lidové noviny*, 20. 1. 1939, ročník 47, č. 35, s. 7.

²⁹ *Lidové noviny*, 14. 6. 1941, ročník 49, č. 299, s. 5.

³⁰ Např. In *Davidova houpačka: humoristický týdeník*. Brno: Václav David, 1926–1928.

³¹ Květen v slovanském přísloví a pořekadla. *Český deník*, 6. 5. 1929, ročník 18, č. 125, s. 4.

³² *Národní kalendář na rok obyčejný ... Pečírka*, J. V Praze: Vydáváním, tiskem a nákladem Jaroslava Pospíšila, [1857–1902].

bohů, s „didaktickým“ dovětkem: „Viděti z těchto příkladů, že člověk pod každým pásmem zůstává tentýž a nabývá stejných zkušeností.“),³³ až po mladší kalendáře zacílené k různým čtenářským skupinám. Užité frazémy se často přizpůsobovaly tematickému zacílení dobového periodika, např. v *Kalendáři Vincentina* se často vyskytují lidové předpovědi s náboženskou tematikou: *Na čtvrtek Zelenéj hráchy zasívej* nebo *Prší-li na den Panny Marie navštívení, po čtyřicet dní bez deště není* (Červenec).³⁴

Dobovou kuriozitu představuje *Kalendář učitelský*.³⁵ Ten na svých stránkách vytvořil zvláštní kategorii „pedagogických přísloví“, jež pravidelně otiskoval každý měsíc v roce. Některá z těchto přísloví byla značně karatelská, např. pro říjen to byla tzv. *Pedagogická přísloví slovanská: Komu Bůh dal syny, uč je a kárej za viny, Vychování měkké dělá děti líné* nebo *Vychování tvrdé dělá děti zdravé*.³⁶ Pozoruhodné je, že navzdory současné obecné představě o někdejší běžné toleranci tělesných trestů obsahuje kalendář vedle očekávatelných úsloví, jako např. *Kázeň a dobrá metlička k dobrému vede Jenička*, také značnou protiváhu v příslovích typu *Bitím řezník získá, a ne učitel* nebo *Bitím podaří se jednoho čerta vyhnati, a deset jiných vehnati* (s. 20).³⁷

Mimo záměr tohoto článku, ale přesto za připomenutí stojí i důležitost, jakou znalosti přísloví (a paremických jednotek vůbec) přisuzovala školní výuka mluvnice (o tom již dříve např. Kvítková, 2003).³⁸ Tomu odpovídala i „zásoba látek k předpisům a k mluvnickému cvičení“, nabízená pedagogickým kalendářem (*Naučíš se dobře umřítí, naučil-li jsi se dobře živu býti. Sv. Augustin*).³⁹ Prvořadě však přísloví byla popularizována jako velmi silný prostředek mravní výchovy, často ve spojení s výukou náboženství, „neb v nich ozvěna staré moudrosti a opatrnosti“.⁴⁰

Dospělým pak přinášel přehled frazémů například *Všeobecný domácí sekretář*⁴¹ – ten umísťoval ke každému měsíci přehled pranostik, z nichž některé jsou dodnes užívané (*Lucie noci upije, ale dne nepřidá*), některé méně (*Tmavé Vánoce, světlé stodoly*).⁴² A ve výčtu podobných tiskovin kalendářového zaměření bychom mohli pokračovat (*Moravan, Malý Mariánský kalendář* nakladatele Steinbrenera, zaměřující se na katolické publikum a přinášející množství pranostik⁴³ ad.).

Specifický typ představoval kalendář humoristický. Jeden z nejstarších pochází z roku 1859 (vydal jej Jos. R. Vilímek⁴⁴) a svou zábavnou hodnotu neztratil dodnes. Tam uveřejněné pranostiky sice mají s pranostikou dle současného definičního kritéria pramálo společného, jedná se samozřejmě o parodie, zato však se čtenáři dostal tento vědecký výklad: „Pranostika jest staročeské slovo a přichází od pra-nosu, t. j. od kmenu všech nosův, na něž se kdy bulíci věsili.

³³ *Národní kalendář na rok obyčejný ...* 1885, ročník 28, č. 1, s. 144.

³⁴ *Kalendář Vincentina: povídkář, besedník a zpravodaj na obyčejný rok 1942*. V Praze: Nákladem Vincentina, 1923–1948.

³⁵ *Kalendář učitelský na rok ...* V Praze: Vydán péčí a nákladem redakce časopisu Škola a život, [1856]–1868.

³⁶ *Ibid.*, ročník 1, 1857, 1856, s. 18.

³⁷ *Ibid.*, ročník 1, č. 1857, 1856, s. 18, 20.

³⁸ Srov. např. Blažek, M. *Stručná nauka o větě se sbírkou přísloví, srovnaných dle způsobů vět*. 2. vyd. V Brně: Tiskem a nákladem J. Hniličky, 1881.

³⁹ *Kalendář učitelský*, ročník 2, č. 1, 1857, s. 181.

⁴⁰ *Kalendář učitelský*, ročník 3, č. 1, 1858, s. 144–145.

⁴¹ *Všeobecný domácí sekretář: praktický kalendář obsahu všeužitečného pro každého občana na přestupný rok ...* V Praze: I.L. Kober, [1863–1867].

⁴² *Ibid.*, č. 1, 1867, s. 16.

⁴³ *Malý Mariánský kalendář pro katolíky na obyčejný rok ...* Vimperk: Tisk a sklad J. Steinbrenera, [1878–1941].

⁴⁴ *Humoristický kalendář na rok ...* V Praze: Tiskem Ant. Renna, 1858–1859.

Pranostikář jest tedy člověk, který lidem bulíky na nos věsí a pranostika jest proroctví, což za našich dnů znamená tolik co bulikování.⁴⁵

V těchto případech bylo využíváno silné intertextovosti k pretextům a předpokládaným čtenářovým znalostem.

5 Příležitostné tisky a výroční zprávy

Vedle známých a velkých děl „českého příslovnictví“ (Dobrovský, Čelakovský, viz Čermák, 2007, s. 244) se zájem o přísloví projevoval i v méně známých, kvalitou různorodých příležitostných tiscích. Např. Jan Slavibor Liblínský sestavil v roce 1848 příručku *Česká přísloví a pořekadla*,⁴⁶ již dedikoval Janu Vilému z Wurmbbrand-Stuppachu za to, že tento říšský hrabě („pán na Liblíně“) podporoval národní cítění, naučil se česky, a to zřejmě i na běžné komunikační úrovni.

Autor v souladu s obrozeneckou rétorikou pokládal přísloví za „posvátné prazory otců“, „jediná zjevení ducha čistě národního“ (s. VIII), pokusil se také o teoretické vymezení přísloví a pořekadel (s. XXI–XXII) a sebral jich dle svého tvrzení 3600. Prísloví a pořekadla jsou uspořádána tematicky a obsahují jak frazémy všeobecně známé, tak i regionální (z kapitoly Pořekadla o ženském pohlaví: *Ach bože, dej muže do lože*).⁴⁷

Takových příruček vzniklo velké množství a jen pro nejstarší dobu je sestavil Jan Václav Rozum.

Poněkud opomíjeným a pozapomenutým médiem šířícím nejnovější poznatky byly tzv. výroční zprávy středních škol. Tyto sešitově upravené zprávy vydávaly střední školy až do doby zákazu vydávání v období 2. světové války (s krátkým epilogem po roce 1945). Zmiňujeme se o nich opět ve vztahu k vzdělávací hodnotě frazematických jednotek, zejména přísloví, neboť právě odtud víme, že prakticky v celém sledovaném období velká část písemných slohových (kompozic) či maturitních písemných prací kladla žákům za úkol rozbor přísloví nebo jiné frazematické jednotky.⁴⁸

6 Rozhlas

Tuto podkapitolku nelze začít jinak než povzdechem Jiřího Hallera (1936, s. 5) nad nečinností Českého rozhlasu v oblasti popularizace jazykovědy a osvěty českého jazyka:

„Je ku podivu, jak málo dosud vykonal československý rozhlas pro český jazyk. [...] Ještě vydatněji by ovšem působily přístupné výklady o jazyce a o správném vyjadřování, ať už by měly podobu samostatných přednášek, či by byly sestavovány v celé cykly a kursy. Tyto možnosti, které se nabízejí takřka samy od sebe, československý rozhlas z neznámých příčin zpravidla přehlížel; kromě řídkých výjimek, na př. populárních přednášek prof. E. Smetánky a M. Weingarta, a kromě diletantské ranní jazykové půlminutky nevykonal československý rozhlas pro český jazyk takřka

⁴⁵ Ibid., 1858, s. 4.

⁴⁶ Knedlhans Liblínský, J. S., ed. *Česká přísloví a pořekadla*. W Praze: Nákladem Wáclawa Hessa, 1848.

⁴⁷ Ibid., s. 236.

⁴⁸ Srov. didaktický test z českého jazyka k státní maturitě v letním termínu 2019, v němž měli žáci velký problém s frazémem *Házet hrách na stěnu*: <https://tn.nova.cz/clanek/jako-hazet-blato-na-stenu-deti-u-prijimacek-propadly-v-prislovi.html>

nic. [...] Československý rozhlas zachoval i v tomto proudu obecného zájmu o mateřský jazyk lhotejnost a musí být z ní patrně teprve probuzen.“

Bylo konstatováno, že Československý rozhlas projevuje vůči českému jazyku „ostentativní nezáměr“, konkrétně že „zprávy jsou typickou ukázkou špatného novinářského slohu: nabubřelé tam, kde by měly být důstojné, nejasné tam, kde sdělují věc choulostivou, frázovitě v záležitostech malicherných, které přednášet není ani třeba, a plny opisů a pokroucenin ve věcech, jež si žádají nejstřízlivějšího slohu — na příklad v hlášeních sportovních. Připočteme k tomu nesprávnou výslovnost a chybný přízvuk (na první slabice slova místo na předložce slabičné), chyby v tvarosloví a ve skladbě a **do nebe volající frazeologii** (zvýraznila M. Š.)“⁴⁹

Je třeba potvrdit, že ačkoliv se rozhlasové přednášky sledující výchovně-osvětový cíl započaly vysílat od května 1924 (Český rozhlas a kol., 2003, s. 44), problematice českého jazyka se skutečně věnovala pozornost jen příležitostně. Pokud se v nalezených záznamech o přednáškách vyskytly frazeologické poznámky (a máme důvod předpokládat, že se vyskytly)⁵⁰ byly zřejmě uváděny do obecnějšího lingvistického kontextu.

Zřejmě nejsystematičtěji se popularizaci jazykovědy věnoval Miloš Weingart (Ibid., s. 124), který v pražském rozhlase proslavil 13 přednášek od listopadu 1932 do konce roku 1933. Tyto přednášky jsou nejčastěji připomínány, některé z nich vyšly i knižně, avšak Weingartovo popularizační úsilí se neomezilo pouze na uvedené roky: např. v roce 1935 proslavil v rozhlase přednášku *O nejstarší slovanské legendě o svatém Václavu*, jež byla znovu reprizována ve sváteční den prvního roku války 28. září 1939.⁵¹ I on se přirozeně dotýká různých aspektů ustálenosti v jazyce, např. v přednášce *Něco o naší konverzační řeči* (Weingart, 1934, s. 97–101).

Méně jsou připomínány rozhlasové přednášky Vladimíra Šmilauera. Ten 9. května 1934 v bratislavském rozhlase proslavil rozhlasovou přednášku na téma *Mená hôr v Tatrách*, 23. června 1934 se představil s přednáškou *Jazykovedná prechádzka po tržišti* (sic). Popularizační pořady o češtině pak vedl i v českém rozhlase, např. 9. června 1936, kdy na stanici Praha přednesl opět na onomastické téma přednášku *Zvláštní jména obcí*. V rámci pořadu *Rozhlas ženám* proslavil 27. prosince 1939 jednu ze svých „procházek po...“; a to *O filologově cestě po kuchyni*. Za okupace posílil svou přednáškovou činnost, a v roce 1941 přednášel např. o rusismech v češtině (dle Šmejkalová, 2015, s. 428–429).

Až po druhé světové válce nabývá jazyková osvěta pravidelnosti prostřednictvím „rozhlasových výkladů o českém jazyce, připravovaných pracovníky Ústavu pro jazyk český“⁵², sebraných později za redakce B. Havránka, Al. Jedličky a Fr. Váhaly i knižně (Havránek, 1949), v nichž se frazeologickým poznámkám věnovali převážně v rámci výkladu o soudobých jazykových jevech.

Okrajově se ještě zmíníme o nejmladších médiích, a to o zvukových nosičích, filmu a diapozitivu. V současnosti probíhá výzkum Fonografického archivu z první třetiny 20. století a lze konstatovat, že některé frazematické jednotky na jeho nosičích byly registrovány a dále popu-

⁴⁹ Z našich časopisů. *Naše řeč*, ročník 20, č. 6, 1936, s. 150–153, cit. s. 152.

⁵⁰ Jistotu v tomto směru by poskytl archivní výzkum v Archivu Českého rozhlasu, kde je část přednášek uchována.

⁵¹ *Lidové noviny*, 27. září 1939, ročník 47, č. 484, s. 5.

⁵² Red. Jazykový koutek československého rozhlasu. *Naše řeč*, ročník 33, č. 7–8, 1949, s. 160.

larizovány.⁵³ Zejména pro školní vyučování se pravděpodobně počítalo s didaktickým médiem ve své době zcela inovativním, a to s didaktickým filmem a diapozitivy: našli jsme záznam o diapozitivech, které nesly vhodný edukační a osvětový materiál – pro naše téma se hodí sada diapozitivů *Jak lid a věda předpovídají počasí*, obsahující právě i sekvence nazvané „lidové proroctví a předpovídání počasí“.⁵⁴

7 Závěr

V našem příspěvku jsme mohli jen načrtnout hlavní výskyty a funkce frazeologických jednotek v historickém mediálním prostoru. Frazeologické jednotky sloužily jako obohacení žurnalistických textů, jako zdroj poučení, jako předmět populárně naučného výkladu a v neposlední řadě jako zdroj zábavy a her.

Představená sonda přináší dvě další výhledové linie výzkumu:

- 1) Porovnání výskytu frazeologických jednotek v době konstituování českého tisku a dnes. Předběžné výsledky naznačují, že kvantita zastoupení frazeologických jednotek se nemění, výrazně se však změnila jejich funkce (srov. výsledky zde zveřejněného výzkumu R. Holanové – viz s. 421n.).
- 2) Výzkumnou pozornost by zajisté zasluhovala longitudinální obsahová analýza některého z klasických a tradičních periodik – výsledky takové studie by byly jistě přínosem jak pro další poznání frazeologické, ale v nemenší míře i pro poznání historicko-sociolingvistické.

Literatura

- BEDNAŘÍK, Petr – JIRÁK, Jan – KÖPPOVÁ, Barbara: *Dějiny českých médií: od počátku do současnosti*. Praha: Grada, 2011.
- ČERMÁK, František: Frazeologie a idiomatika. In PLESKALOVÁ, Jana et al. *Kapitoly z dějin české jazykovědné bohemistiky*. Vyd. 1. Praha: Academia, 2007, s. 243–248.
- ČESKÝ ROZHLAS a kol.: *Od mikrofonu k posluchačům: z osmi desetiletí českého rozhlasu*. Vyd. 1. Praha: Český rozhlas, 2003.
- HALLER, Jiří: Československý rozhlas a český jazyk. *Naše řeč*, roč. 20, 1936, s. 5–11.
- HAVRÁNEK, Bohuslav (ed.): *Jazykový koutek československého rozhlasu*. 2. vyd. Praha: Orbis 1949 (1950).
- HOLANOVÁ, Radka: Frazeologie v časopisech pro děti, s. 421 n.
- KVÍTKOVÁ, Naděžda: Uplatnění a funkce paremií ve vyučování českého jazyka. In *Parémie národů slovanských: sborník příspěvků z mezinárodní konference*. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravské univerzity, 2003, s. 189–193.
- LADA, Josef: *Ilustrovaná frazeologie a přísloví*. V Praze: Fr. Borový, 1924.
- ŠMEJKALOVÁ, Martina: *Praporu věren i ve ztraceném boji: Vladimír Šmilauer – život a dílo filologa (1895–1983)*. Praha: Academia, 2015.

⁵³ Vlčková, J. *Český Fonografický archiv*. Přednáška v Jazykovědném sdružení ČR. 15. listopadu 2018.

⁵⁴ *Film a diapozitiv v osvětové práci a ve škole*. Praha: Česká osvěta, 1925–1926, ročník 3, č. 9, s. 84.

WEINGART, Miloš. *Český jazyk v přítomnosti: úvahy a podněty z jazykové terapie a kultury*.
V Praze: Československá grafická Unie, 1934.

Прагматический потенциал фразеологических единиц в дискурсе чешских и российских политиков

The pragmatic potential of phraseological units in the discourse
of Czech and Russian politicians

Ekaterina Rycheva, Univerzita Karlova, Praha

Abstract

The article is devoted to the identification and investigation of the pragmatic and cognitive characteristics of phraseological units in political discourse in the Czech Republic and Russia. Phraseological units realize a pragmatic function: they can influence the recipient's consciousness, form his emotional state and attitude to the situation and encourage to certain political actions. In the process of communication the speaker conveys hidden meanings by appealing to the connotative potential of phraseological units and background knowledge of the recipient in certain conditions of communication. The pragmatics of phraseological units reflects the knowledge about the world of both the politician himself and the audience which he refers to.

Абстракт

Статья посвящена выявлению и изучению прагматических и когнитивных особенностей фразеологических единиц в политическом дискурсе в Чехии и России. Фразеологические единицы в речи политиков реализуют прагматическую функцию: способны оказывать воздействие на сознание адресата, моделировать его эмоциональное состояние и отношение к ситуации и побуждать к осуществлению политических действий. Прагматический потенциал фразеологизмов в политическом дискурсе состоит в том, что в процессе коммуникации адресант передает скрытые смыслы при помощи апелляции к коннотативному потенциалу ФЕ и фоновым знаниям адресата в определенных условиях общения. Прагматика фразеологических единиц отражает знания и представления о мире как самого политика, так и аудитории, к которой он обращается.

Key words: phraseological unit, pragmatics, political discourse

Ключевые слова: фразеологическая единица, прагматика, политический дискурс

1. Введение

Фразеологические единицы в политическом дискурсе употребляются в случаях, когда говорящему необходимо выразить эмоциональное отношение к предмету речи, усилить

образность текста выступления и произвести необходимый прагматический эффект на аудиторию. Фразеологические единицы обладают сложностью семантической структуры, коннотативным потенциалом, многогранными экспрессивными свойствами и способностью воздействовать на сознание реципиента, вызывая определенные ассоциации. Перечисленные особенности ФЕ делают их одним из самых эффективных прагматических средств политического дискурса.

В нашей работе мы понимаем политический дискурс как «совокупность всех речевых актов, а также публичных правил, традиций и опыта, ситуативно детерминированных и выраженных в форме речевых образований, содержание, субъект и адресат которых относятся к сфере политики» (Эпштейн 2010, с. 8–9).

Материалом исследования послужили стенограммы публичных выступлений политиков: В. Путина, Д. Медведева, М. Земана, Б. Сobotки и А. Бабиша.

2. Теоретические положения

Многомерность смыслового содержания дискурса проявляется в прагматических характеристиках процесса коммуникации, имплицатурах, пресуппозициях и установках адресата и адресанта (интенциональной, модальной, эмоциональной и т.д.). В центре внимания прагматики стоит использование языка в контексте и выявление скрытых смыслов высказывания на основе интерпретационного анализа. Прагматика занимается решением широкого круга проблем, связанных с языковым взаимодействием между адресантом и адресатом в процессе коммуникации. Таким образом, прагматика представляет собой «один из планов или аспектов исследования языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языками» (Ахманова 2010, с. 34).

В рамках коммуникативно-прагматического подхода на первый план выходит исследование отношения индивида к языковым знакам и выявление установок, эмоций, оценок, интенций говорящего в процессе коммуникации. «Прагматически значимое название объектов действительности, в том числе своего партнера (при обращении), третьего лица, а также самоназывание (при знакомстве) несет информацию об оценке называемого, об ориентировке в ситуации и в социальных признаках собеседника или третьего лица» (Формановская 2002, с. 6). По мнению Н.И. Формановской, в диалогическом типе дискурса обнаруживается многомерность его содержания и разнородность информативных пластов: «Кроме пропозиционального значения высказываний в репликах, в них содержится объемный коммуникативный смысл, состоящий из интенциональной, модальной, эмоциональной, фокальной, социальной информации, интерпретируемой партнером» (Формановская 2002, с. 166).

При когнитивно-дискурсивном подходе к анализу языковых явлений дискурс понимается как способ представления информации в вербальной форме текста на основе концептуальных представлений пользователя языка. Таким образом, дискурс можно рассматривать как особую форму репрезентации различных видов знания, которые обуславливают речевые стратегии коммуникантов и влияют на выбор конкретных языковых форм в процессе формирования дискурса (Кубрякова, 2000).

Функциональный подход позволяет выявить пресуппозиции и интенции участников коммуникации при производстве речи. «Функциональный анализ предполагает учет предварительной обусловленности авторского выбора тех или иных средств выражения смысловой структуры текста его видовой и жанровой целеустановкой. При этом сам выбор вида и жанра текста диктуется условиями реальной коммуникации (коммуниканты, предмет коммуникации, средства коммуникации, и т.п.). Таким образом, функциональный анализ учитывает экстра- и интратекстовые признаки.» (Валгина 2003, с. 17).

С точки зрения критического анализа дискурса (Dijk 2000, Wodak 1996, Fairclough 1992) дискурс представляется неотъемлемой частью общественных отношений, который способен отражать и формировать определенные представления в сознании социума. Т. А. ван Дейк указывает на конвенциональный характер дискурса и подчеркивает, что «говоря в определенных контекстах, мы совершаем определенные социальные акты» (Dijk 1977, с. 218).

Учет особенностей когнитивных особенностей восприятия информации адресатом и адресантом помогает избежать коммуникативных неудач. По замечанию Т. М. Дридзе, «чем выше семиотический уровень носителя языка, тем меньше у него разрыв между умением оперировать мыслительными и языковыми категориями, тем шире база для реализации любой коммуникативной интенции и адекватнее смысловое восприятие» (Дридзе 1980, с. 34).

В политическом дискурсе говорящий транслирует авторские интенции и оценку, повышает экспрессивность и эмотивность текста. По утверждению В. Н. Телия, «эмоционально-оценочная окраска, выражая отношение говорящего к означаемому, может меняться в зависимости от того, идет ли речь о самом собеседнике или же о говорящем» (Телия 1995, с. 8). Политик может моделировать процесс понимания и интерпретирования информации реципиентом, используя в речи различные прагматические средства, в том числе и фразеологические единицы. Прагматические свойства фразеологических единиц (ФЕ) следует рассматривать в контексте осуществления речевого взаимодействия, т. к. именно в контексте наиболее ярко проявляются установки и намерения говорящего.

Прагматический компонент значения ФЕ представляет собой сумму коннотаций (социальных, культурных, этических, исторических, экспрессивных, оценочных, эмотивных) (Скляревская 2004, с. 5). Исследователи указывают на то, что при анализе прагматического потенциала фразеологических единиц необходимо рассматривать особенности коннотативного аспекта значения устойчивого оборота. Вслед за В. Н. Телия, мы определяем коннотацию как семантическую сущность, которая узואльно или окказионально входит в семантику языковых единиц и выражает „эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект.“ (Телия 1986, с. 5). М. Л. Ковшова указывает на то, что фразеологические единицы способны выполнять особую функцию в символизации (эталонизации, стереотипизации) мира: «Созданный в культуре, фразеологизм способен воплощать в себе устойчивые символические (эталонные, стереотипные) смыслы, которые были «заложены» в языковую семантику фразеологизма при его создании, служат культурной основой данной семантики и извлекаются из нее в речи. В этой особой, культурной, функции, фразеологизм является оязыковленным символом (эталонном, стереотипом).» (Ковшова 2009, с. 9).

Таким образом, фразеологические единицы представляют собой особый вид прагматических средств языка, которые способны в концентрированном виде передавать скрытые смыслы, фоновые знания, эмоции и оценку, что является чрезвычайно важным свойством языковых знаков в политическом дискурсе.

3. Методология

В исследовании использована комплексная методика: методы прагмалингвистического, компонентного и контекстуального анализа. Рассмотрение прагматических особенностей ФЕ проводилось на основе когнитивного, функционального и коммуникативно-прагматического подходов в разных жанрах политического дискурса. Комбинация методов при анализе политического дискурса подразумевает учет экстралингвистических факторов и рассмотрение специфики дискурсивного использования языка как средства осуществления направленного воздействия на реципиента в процессе коммуникации.

4. Анализ прагматических особенностей фразеологических единиц в политическом дискурсе

В свете когнитивной лингвистики (G. Lakoff, M. Johnson, J. Bartmiński, I. Vaňková, A. H. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.) метафора представляется как ключевая мыслительная операция, способ познания и объяснения мира. Концептуальные метафоры формируют отношение человека к миру и определяют специфику его национальной и культурной идентичности. «Každý jazyk představuje určitou interpretaci světa a často se hovoří o brýlích mateřského jazyka, které máme stále nasazeny, aniž si to uvědomujeme.» (Vaňková 2005, с. 49). С помощью разнообразных концептуальных метафор индивид впитывает и транслирует национальное, социальное и личностное самосознание. «Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет.» (Чудинов 2001, с. 26).

В рамках политического дискурса исследователи устанавливают различные виды концептуальных метафор, анализируют особенности их развития и реализации в сравнительно-историческом аспекте. Так, А. Мусолфф исследует динамику развития архитектурной метафоры «Европа — это дом/строение» (Musolff 2014). П. Друлак анализирует метафоры периода холодной войны (Dgulák 2009). В работах Т. Ю. Быковой рассматриваются метафорические модели советского дискурса и выделяются сферы-источники концептуальных метафор: «Война», «Механизм», «Человеческий организм», «Родство» (Быкова 2011, 2014). Исследование метафорической модели «Государство – это больной организм» нашло отражение в работах Э. В. Будаева (Будаев 2010, 2011). А.П. Чудинов выделяет несколько понятийных сфер, которые являются наиболее активными источниками для концептуальных метафор в политическом дискурсе: «Война», «Криминал», «Болезнь», «Театр (цирк, эстрада и т.п.)», «Человеческое тело», «Животные», «Техника», «Дом», «Дорога», «Спорт» (Чудинов 2001, с. 27).

Обратимся к рассмотрению основных концептуальных метафор, которые реализуются

в речи чешских и российских государственных деятелей для характеристики явлений из сферы политики.

4.1. Политика как война

Одной из распространенных источников для метафорического осмысления в политическом дискурсе является сфера войны (Лакофф, Джонсон 1990). Как отмечает Н. Б. Филиппова: «Согласно последним исследованиям политической коммуникации, во всех без исключения крупных регионах мира (Россия, Европа и Северная Америка) первое место среди метафор, характеризующих современный политический дискурс, занимают метафоры со сферой-источником «Война» (Филиппова 2011, с. 84).

Метафоры, относящиеся к сфере войны, активно реализуются в контекстах, связанных с острыми проблемами в международных отношениях, а также для характеристики социально-политических и экономических вопросов.

При помощи ФЕ политики вербализуют представление о политической деятельности как о непрекращающейся борьбе: *«Přátelé moji milovaní, já vám slibuji, že společně s vámi budu do roztrhání těla bojovat za přinejmenším zachování, a pokud možno i posílení pravomocí krajských samospráv, protože kdybychom vystavili města tlaku centrálního řízení, tak se vrátíme do systému, který už tady jednou byl a který se neosvědčil»*¹.

Военная метафора появляется в случае, если политику важно показать остроту сложившейся ситуации, подчеркивая агрессивность оппозиционной стороны и моделируя в сознании адресата негативный образ противника: *«Просто кто-то решил к этому прицепиться и избрал это как линию атаки на действующего президента.»*².

Политическая деятельность и поведение субъектов, которые в ней участвуют, идентифицируется как открытые военные действия. Отказ от прямой конфронтации с противником может оцениваться как проявление слабости, профессиональной некомпетентности и неспособности выполнять свои функции: *«Čili já tu rezignaci pokládám za zbabělost, za odejití z boje, místo toho, aby bojoval, když se blíží volby. A aby ty volby bud vyhrál, nebo prohrál.»*³.

В значении некоторых устойчивых оборотов имплицитно представлены моральные качества стороны, которая находится в состоянии войны и поэтому должна проявлять такие свойства характера, как смелость, мужество и храбрость. Кроме того, метафоры войны часто связаны с силовыми методами социального взаимодействия: *«И этот опыт очень важен, чтобы наша партия сохраняла, если хотите, боевой дух, чтобы она стала сильной.»*⁴. Таким образом, военная метафора, реализуемая в значении ФЕ, репрезентирует стереотипы о конфронтационных методах решения проблем, которые не имеют ничего общего с дипломатическими отношениями и ведением конструктивного диалога.

¹ Projev prezidenta republiky při setkání s hejtmany čtvrtek 10.08.2017 // URL: <http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/projev-prezidenta-republiky-pri-setkani-s-hejtmany-667465.htm>

² Интервью американскому телеканалу NBC 05.06.2017 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/54688>

³ Rozhovor prezidenta republiky pro pořad TV Barrandov „Týden s prezidentem“ 04.05.2017 // URL: <http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/rozhovor>

⁴ Встреча Дмитрия Медведева с победителями предварительного голосования партии «Единая Россия» в Северной Осетии 13.06.2017 // URL: <http://da-medvedev.ru/news/item/25537/>

4.2 Политика как спорт

Следующей продуктивной сферой для политической метафоры является спорт. «Политическая деятельность регулярно концептуализируется как спортивное состязание, где необходимы строгие правила честного соперничества, где успех в значительной степени предсказуем, победа приходит к сильнейшему, хотя бывают разного рода неожиданности» (Чудинов 2001, 31).

В речи политиков встречаются фразеологические единицы, связанные с игрой в шахматы: «Но к этому местным властям тоже нужно относиться внимательно, потому что можно так всех профессионалов **убрать с шахматной доски...**»⁵, «...*čím více se blíží volby, tím více tato změna bude vydávána za vypučený tah, jako je tomu v šachu...*»⁶. При помощи ярких и понятных образов политики подчеркивают сложность принятия решений и многоплановость осуществляемых действий.

В политическом дискурсе функционируют фразеологизмы, связанные с игрой в покер, в которой, также как при игре в шахматы, важна способность политика верно выбирать стратегию и тактику и необходимость предугадывать действия соперника: «*Именно поэтому, несмотря на все те меры, которые мы принимали (а они действительно **сыграли в плюс**, в том числе планы антикризисного развития и прошлого года, и этого года), у нас экономика сначала падала на 4 процента, а в этом году совсем немножко.*»⁷, «*Rozumím tomu, že tito politici jsou unavení trvalými a stupňujícími se hádkami uvnitř koalice a že by už to nejraději měli všechno za sebou tak, aby voliči znovu **rozdali karty.***»⁸.

Единство позиции и эффективность объединенных действий политических сторонников и партнеров часто реализуется с помощью образа спортивной команды: «*Tým, který bude na sjezdu zvolen, musí nasadit všechny síly ve prospěch sociální demokracie. Chci, aby byl jednotný a měl **tah na branku.** Není možné, aby každý z něj táhl jiným směrem.*»⁹

Спортивная метафора, заключенная в значении устойчивого оборота, помогает говорящему охарактеризовать явление или ситуацию как соперничество между политическими оппонентами: «*Krajské volby jsou hrozně důležité. Vidím nebezpečí, že **se do hry vrátí úvahy o privatizaci a pronájmech nemocnic, o tom, že kraje mají zbytečný majetek, funkce a měly by se jich zbavit, aby fungovaly jako firmy. To je pro ČSSD nepřijatelné a pro lidi velmi nebezpečné***»¹⁰.

Политики используют спортивные метафоры для апелляции к знакомым и понятным

⁵ Встреча с активом партии «Единая Россия» Приволжского федерального округа 11.08.2017 // URL: <http://da-medvedev.ru/news/item/25565>

⁶ Rozhovor prezidenta republiky pro Parlamentní listy 15.06.2017 // URL: <http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-parlamentni-listy-38399.ht>

⁷ Разговор с Дмитрием Медведевым. Текст интервью пяти телеканалам 15.12.2016 // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2833434>

⁸ Projev prezidenta republiky při tiskové konferenci k ukončení návštěvy Středočeského kraje pátek 07.04.2017 // URL: <http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/projev-prezidenta-republiky-pri-tiskove-konferenci-k%C2%A0ukonceni-navstevy-stredoceskeho-kraje-850899.htm>

⁹ Rozhovor předsedy vlády Bohuslava Sobotky pro Deník 9.3.2017 // URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/v-mediich/rozhovor-predsedy-vlady-bohuslava-sobotky-pro-denik-154228/>

¹⁰ Rozhovor předsedy vlády Bohuslava Sobotky pro deník Právo 1.10.2016 // URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/v-mediich/rozhovor-predsedy-vlady-bohuslava-sobotky-pro-denik-pravo-149396/>

чувствам аудитории, которые она испытывает во время просмотра спортивных состязаний: *«Byl jsem pyšný, když mi čeští manažeři představovali špičkové vývojáře a obchodníky z celého světa, které v Americe zaměstnávají. Další důkaz, že už nehrajeme druhou ligu.»*¹¹.

Фразеологические единицы могут репрезентировать речевой портрет политика и быть составными частями его имиджа. Как показало наше исследование, фразеологические единицы, относящиеся к профилю «спорт», чаще всего возникают в речи В. Путина. Это можно объяснить как личными предпочтениями политика (спорт играет большую роль в его жизни), так и метафорической картиной сферы политики, в которой политические действия рассматриваются с позиции спорта, игры и игроков: *«Несколько лет назад, если бы ещё немножко, все бы наши кабельные сети ушли к иностранному оператору просто в одно касание», «Вы попали опять в десятку, абсолютно правильное предложение», «Справедливости ради нужно отметить, что многие предприятия получили второе дыхание в Крыму, в частности судостроение, некоторые другие отрасли.»*¹². При помощи спортивной метафоры политик усиливает образность и экспрессивность высказываний, привлекая внимание аудитории нетривиальными и запоминающимися сопоставлениями.

4.3 Политика как театр

Театральная метафора является одной из самых распространенных в политическом дискурсе. Она призвана репрезентировать в сознании адресата «неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков, наличие каких-то тайных «сценаристов», «режиссеров» и «тренеров» в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафоры)» (Чудинов 2001, 225).

Театральная метафора, заключенная в значении ФЕ, подчеркивает неискренность и искусственность публичной политической деятельности. Политики играют роли, как актеры, выступают на сцене или арене, действуют по сценарию, носят маски и не допускают аудиторию в закулисы политической жизни. «Театральность политического дискурса связана с тем, что одна из сторон коммуникации – «клиент», народ – выполняет преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действие. <...> Политики, общаясь друг с другом и с журналистами, постоянно помнят о «зрительской аудитории» и намеренно или непроизвольно «лицедействуют», «работают на публику», стараются произвести впечатление и «сорвать аплодисменты» (Шейгал 2004, с. 62–63).

Чаще всего метафоры, связанные с игрой в театре, используются для дискредитации действий политических противников и их обвинения. При этом говорящий стремится сформировать у слушающего негативное отношение к предмету речи. *«Nikdy ale nezneužili toho místa, své pozice a moci k tomu, aby předvedli tak trapné divadlo, jehož jsme byli svědky. Je*

¹¹ Facebook Andrej Babiš // URL: https://www.facebook.com/AndrejBabis/posts/1473731759430130?__tn__=K-R

¹² Медиафорум региональных и местных СМИ «Правда и справедливость» 07.04.2016 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/51685>

mi to líto.»¹³, «Prezident *si neodpustil tyátr, který poškodil jeho a především Pražský hrad jako takový.*»¹⁴.

Кроме того, с помощью театральной метафоры политик формирует у аудитории понимание предопределенности политических действий (сценария), известных только «избранным»: «Поэтому я считаю, что это хороший, добротный результат. Это можно положить в копилку российско-американского сотрудничества. Жаль, что в дальнейшем всё **пошло по** иному **сценарию.**»¹⁵, «*Osobně bych si přál, aby Aliance hrála v boji proti terorismu ještě větší roli než dnes.*»¹⁶. В прагматическом значении ФЕ подчеркивается пассивная позиция аудитории, которая не участвует в принятии политических решений и наблюдает за действиями политиков.

Резко негативную оценку в политическом дискурсе имеет образ шоу. Основной целью данного вида постановки является развлечение зрителей, вызов у них сильных эмоций (часто негативных), при помощи методов, часто нарушающих моральные и нравственные нормы. Употребление ФЕ, связанных с характеристиками шоу, свидетельствует об отрицательном отношении политика к обозначаемому предмету или явлению: «*Именно поэтому президент в послании сказал, что такого рода расследование не может превращаться в шоу.*», «*Продолжая то, что сказано Президентом, я хочу сказать, что такие шоу просто не должны продолжаться. Show must not go on!*»¹⁷.

Применяя театральную метафору и апеллируя к событиям из области театра, политик вовлекает аудиторию в процесс рефлексии о политических и общественно значимых событиях, а также предлагает адресату готовый когнитивный шаблон, по которому он может представлять и оценивать политическую действительность.

5. Выводы

В настоящее время увеличивается интерес к проблемам, связанным с функционированием ФЕ в разных типах дискурса, в том числе в политическом. Рассмотрение специфики функционирования ФЕ в речи политиков с позиции коммуникативно-прагматического подхода позволяет определить манипулятивные стратегии и тактики, которые использует политик в процессе коммуникации, а также реконструировать его речевой портрет.

Употребление фразеологических единиц в дискурсе чешских и российских политиков проявляет сходные черты в плане метафорического представления политики как специфической деятельности. В значении ФЕ активно репрезентируются традиционные для политики концептуальные сферы «война», «спорт» и «театр».

¹³ Rozhovor předsedy vlády Bohuslava Sobotky pro Deník 10.5.2017 // URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/v-mediich/rozhovor-predsedy-vlady-bohuslava-sobotky-pro-denik-156054/>

¹⁴ Rozhovor předsedy vlády Bohuslava Sobotky pro Deník 10.5.2017 // URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/v-mediich/rozhovor-predsedy-vlady-bohuslava-sobotky-pro-denik-156054/>

¹⁵ Интервью журналу «Тайм» 15.2.2016 // URL: <http://government.ru/news/21790/>

¹⁶ Projev českého premiéra na Pražském hradě u příležitosti vstupu ČR a zemí V4 do NATO 12. 3. 2019 // URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/projevy/projev-ceskeho-premiera-na-prazskem-hrade-u-prilezitosti-vstupu-cr-a-zemi-v4-do-nato-172431/>

¹⁷ „Разговор с Дмитрием Медведевым“. Текст интервью пяти телеканалам 15.12.2016 // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2833434>

Фразеологические единицы употребляются для характеристики предмета/явления и призваны вызвать определенное отношение у реципиента. С помощью употребления ФЕ в дискурсе репрезентируется субъективно-оценочная модальность. Используя прагматический потенциал ФЕ, говорящий стремится убедить адресата в своей правоте, навязать ему свое мнение и впечатление, а также повлиять на принятие решений.

Литература

- Ахманова, О. С.: *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Кн. дом «Либроком», 2010.
- Баранов, А. Н. – Караулов Ю. Н.: *Русская политическая метафора* (материалы к словарю). Москва, 1991.
- Будаев, Э. В.: Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа. *Политическая лингвистика*. 2010, № 1, с. 9—23.
- Будаев, Э. В.: *Сопоставительная политическая метафорология*. Нижний Тагил: НГТСПА, 2011.
- Быкова, Т. Ю.: Подготовка к войне или великая стройка? Метафорический образ Советского Союза в довоенный период (1930—1939 гг.). *Политическая лингвистика*. 2011, № 3, с. 69—74.
- Быкова, Т. Ю.: Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1930—1954 гг. *Политическая лингвистика*. 2014, № 2, с. 114—119. 12.
- Валгина, Н. С.: *Теория текста*. Москва: Логос, 2003.
- Ковшова, М. Л.: *Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект* : автореферат дис. ... доктора филологических наук. Москва, 2009.
- Лакофф, Дж. – Джонсон, М.: *Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры*. Москва, 1990, с. 387—415.
- Скляревская, Г. Н.: *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Телия, В. Н.: *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*, Москва Наука, 1986.
- Телия, В. Н.: Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка. *Словарь образных выражений русского языка*. Москва: Отчизна, 1995, с. 10—16.
- Филиппова, Н. Б.: Спортивная метафора как сублимация военной метафоры (на материале политической коммуникации). *Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. № 130, 2011, с. 80—87.
- Формановская, Н. И.: *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*. Москва: Русский язык, 2002.
- Чудинов, А. П.: Российская политическая метафора в начале XXI века. *Политическая лингвистика*. Вып. 1. Екатеринбург, 2008, с. 86—93. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-08.htm>
- Чудинов, А. П.: *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, 2001.
- Чудинов, А. П.: Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе. *Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2001, № 2, с. 26—31.

- Шейгал, Е. И.: *Семиотика политического дискурса*. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2004.
- Эпштейн, О. В.: *Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Самара, 2010.
- Dijk, Teun van: *Discourse as Social Interaction: A Multidisciplinary Introduction*. London: Sage, 1997. Vol. 1.
- Drulák, Petr: *Metafory studené války: Interpretace politického fenoménu*. Praha: Portál, 2009.
- Musolff, Andreas: From Social to Biological Parasites and Back. The Conceptual Career of a Metaphor. *Contributions to the History of Concepts*. 2014, vol. 9, s. 18—32.
- Vaňková, Irena: *Co na srdci, to na jazyku*. Praha: Karolinum, 2005.

Politická frazeologie – na materiálu textů na sociálních sítích

Political phraseology – based on social networks texts

Ladislav Janovec, Univerzita Karlova – Pedagogická fakulta

Abstract

The paper is focused on the use of phrasemes as persuasive means in the context of political discourse. Based on two probes into three Facebook statuses of leading Czech politicians, the research reveals a low frequency of use of phraseological and phraseologized units. A similar conclusion was reached by a bachelor's thesis analyzing other materials of political discourse. Thus, phrasemes at present do not seem to be the linguistic means that politicians would use in their speech.

Abstrakt

V příspěvku se zaměřujeme na užití frazémů jako persvazivních prostředků v rámci politického diskurzu. Na základě dvou sond do tří facebookových statusů předních českých politiků zjišťujeme nízkou frekvenci užívání frazeologických a frazeologizovaných jednotek. K podobnému závěru došly i bakalářské práce analyzující jiný materiál politického diskurzu. Frazémy tedy v současné době zřejmě nejsou jazykovým prostředkem, který by politikové využívali ve svých projevech výrazně často, a to z více důvodů, jež se v práci naznačují.

Klíčová slova: politický diskurs, frazeologie, kognitivní lingvistika

Key words: political discourse, phraseology, cognitive linguistics

1. Úvod

V posledních letech lze pozorovat výraznou proměnu politického diskurzu, a to v mnoha ohledech. Do devadesátých let patřila stěžejní úloha utváření mediální vrstvy politického diskurzu tisku, rozhlasu a televizi, které zprostředkovávaly selektivně¹ politické obsahy adresátům. Tím jednak formovaly mediální diskurs, jednak vytvářely mediální obraz politiků, stran, ba i událostí. Vedle nich pochopitelně vstupovaly do interakcí další faktory, které se na struktuře politického diskurzu podílely, jako např. projevy politiků, mítinky a setkání s občany, reakce občanů (demonstrace, shromažďování, prohlášení, podpora), volební subdiskurz² a další.

¹ Ideologická selektivnost byla v českém (resp. tehdy československém) prostředí živá především v období socialismu, kdy média prezentovala názorovou jednotnost a vyjadřovala stoprocentní loajalitu s komunistickou stranou a její podporu.

² Volební subdiskurz považujeme za určitou součást politického diskurzu, i když pochopitelně v rámci stanovení hranic ve výzkumech diskurzivity (lze-li v takovém případě vůbec hovořit o hranicích) lze vnímat volební diskurs jako diskurs

Od devadesátých let s masovým rozšířením internetu přebírá značnou úlohu od klasických médií internet, později újeji sociální sítě (v českém prostředí především Facebook, Twitter a Instagram). To umožňuje mnohem intenzivnější a zacílenější rozvíjení politického diskurzu, kde veřejný obsah může vytvářet v podstatě kdokoli a kdokoli může vstupovat do politické komunikace. Gibsonová a Ward upozorňují s rozvojem politické komunikace na internetu na možnost vyššího objemu a vyšší rychlosti přenosu komunikovaných informací, větší variabilitu možností audiovizuálních formátů, možnost obousměrného toku informací a na decentralizovanou kontrolu nad informacemi (Gibson – Ward, 2000). Politik tak může být v interakci se svými potenciálními voliči prakticky nepřetržitě a ovlivňovat jejich politické preference, na druhou stranu je také nepřetržitě pod reakcemi občanů, které mohou být i velice negativní a ovlivňovat další čtenáře. V českém prostředí je v současnosti např. velice silné negativní naladění vůči Jiřímu Ovčáčkovi, mluvčímu prezidentské kanceláře, a vůči politiku Tomiu Okamurovi a jeho straně SPD³. Zatímco na facebookovém profilu je Jiří Ovčáček zesměšňován tím, že ke každému jeho statusu jsou přidávány recepty, rady do domácnosti, informace pro turisty, úryvky z literatury či jiné, se statutem zcela nesouvisející texty (srov. ukázka 1), v případě SPD jsou negativní komentáře vesměs mazány správcí skupiny a uživatel je zablokován.

Ukázka 1⁴:

J. Ovčáček⁵: Zpět v milované vlasti. /Fotografie značky označující státní hranici/

A: Naše kočička má radost, jupí! /Fotografie černé kočky/

B: Dnes bylo docela hezké počasí.

C – reakce na B: Děti utíkaly dále, a za chvíli přiběhl dědek silně si odfukoval. „Osobo,“ ptal se plečky, „neviděla jste tudy jít dvě děti?“ „Pleju len,“ odpověděla žena, jako by mu /odkaz na úryvek ze seriálu Nemocnice na kraji města/

D – reakce na B: Celej den propršelo, ale bylo teplo, takže moc příjemně.

(...)

E: Segedínský guláš byl a je nazýván Szekely guláš po maďarském spisovateli a básníkovi Józsefu Székely. Pojít se k tomu historika: básník někdy ve 40. letech 19. století při své návštěvě Pešti chtěl povečeřet, avšak kuchyně v hospodě již byla zavřená. Hlad mu však nedal pokoj, a tak požádal hostinského o miskou guláše a optal se, zda by k tomu mohl dostat trochu zahřátého zelí. Jestli jedl tyto pokrmy odděleně, nebo si je smíchal, už není známo, nicméně guláš se zelím byl na světě. Nicméně tomuto Szekely guláši se podařilo rozšířit se do Německa jako Szegediner Gulasch a do Francie pod noblesnějším názvem Gulash a la Szekely. A takto ho potkáte v obou zemích. Němci sice hlásí, že jde o jejich pokrm, klasický zelný eintopf, proto se často také nazývá

samostatný, vstupující do interakce s dalšími diskurzy.

³ Silné negativní naladění ve společnosti je i vůči prezidentu Miloši Zemanovi a premiérovi Andreji Babišovi, u obou ovšem je zaznamenána i vysoká míra obliby. Postoje se liší převážně dle demografických faktorů – vzdělání, věk, místo bydliště, zaměstnání.

⁴ Celá diskuze viz <https://www.facebook.com/jiri.ovcacek1979/photos/a.953197011415149/2341887722546064/?type=3&theater> (Dostupné 11. 8. 2019)

⁵ Zde i dále v textu je politik označován celým jménem, u reaktivních příspěvků nebo příspěvků, které nevkládá na Facebook politik, užíváme pro označení produktorů velká písmena latinské abecedy. Opakování písmene v jedné ukázce znamená, že jde o stejného produktora.

německy Krautgulash, který považují za pravý německým potluck, tedy jídlo, které se nosí na party. Připouštějí ovšem, že pochází z Maďarska.

F: Border kolie dorůstá do 50 cm, váží 14 až 22 kg. Srst je měkká, hustá a dlouhá, zbarvení černé, šedé s bílou (nesmí převládat). Je velmi rychlá, obratná, skvělý pastevecký pes, neštěká při práci, rychle se učí. Má mnoho kladných vlastností, proto je stále častěji také psem společenským. Nehodí se do uzavřených prostorů, potřebuje práci, pohyb. Srst vyžaduje běžné kartáčování.

G: Dnes jsem si koupila novou květinu do bytu.

Důležitý pro utváření nového politického diskurzu je nepochybně vznik nových žánrů, proměna přímé komunikace politiků s občany, resp. uživateli sítě a v neposlední řadě také jazyk, který se výrazně kolokvializuje.⁶

V českém prostředí bývala politikům doby socialismu neoficiálně vytýkána jazyková nekultivovanost a po revoluci se leckteří politici snažili o výrazně spisovnější a kultivovanější vyjadřování. Ovšem jak upozorňuje např. Kraus (2003), k uvolňování norem politické komunikace dochází bezprostředně po revoluci, kdy se rozvíjí dialogická komunikace politiků s občany a tím pádem do politických debat pronikají prvky nespisovnosti. V současné době s uvolňováním norem, nařízení a zvyků došlo i k výraznému uvolnění normy veřejného vyjadřování, což vede ke konverzacionalizaci a kolokvializaci diskurzů⁷, a to nejen v oblasti diskurzů mluvených, ale i psaných (Schneiderová, 2016).

2. Jazyk a politický diskurz

Jazykové prostředky užívané v politickém diskurzu mají výrazně persvazivní charakter. Texty musí na jedné straně zaujmout, tudíž volit takové prostředky, kterými produktor předá obsah se žádoucím účinkem, a na straně druhé jimi nesmí popudit, tedy ztratit čtenáře/voliče kvůli nevhodně volenému kódu. V ideálním případě se bude snažit jazykem zacílit na veškeré vrstvy obyvatelstva/voličů bez ohledu na jejich demografické charakteristiky, což ovšem není reálně možné.

Klasická rétorika předpokládala v případě veřejných projevů zdobnost až ornamentálnost, nápaditá, originální forma byla vnímána jako hodnota, v textech se oceňovala obraznost a užívání různých trop a figur. Dnešní politické texty se k obraznosti uchylují pouze opatrně. Každý prostředek, který není neutrální, zatěžuje do určité míry interpretaci sdělení, ovšem základním požadavkem persvazivních textů je srozumitelnost (Jaklová, 2002) Persvazivní text by tedy měl být takový, aby recipient pochopil obsahovou složku sdělení i při nižší míře pozornosti⁸. Prostředky příznakové mohou pochopení ztěžovat, a to zejména některé – regionální prostředky na všech rovinách, z prostředků lexikálních pak ty, které slouží spíše intelektualizaci textu (archaismy, poetismy, frazémy, ironie a sarkasmus apod.).

Složitější vyjádření může být pro tzv. masového recipienta příliš provokativní, může mít proto

⁶ Nově k problematice vzniku nových mediálních žánrů a kolokvializace veřejných projevů viz Klabíková Rábová 2020.

⁷ Vycházíme z jejich chápání Hoffmannovou v *Novém encyklopedickém slovníku češtiny* (2012–2018, viz <https://www.czechency.org/slovník/KONVERZACE#kolokvializace>).

⁸ Odhalit persvazivní prostředky – zejména v případě manipulace – není naopak příliš žádoucí.

slabší persvazivní potenciál, a způsobit dokonce neúspěšnost politického komunikátu. Brněnská politička Barbora Antonová, představitelka hnutí *Žít Brno*, které nebylo na podzim 2018 úspěšné v komunálních volbách, a to i přes výraznou podporu intelektuálů, vede svůj profil Barbora Atomová velice ironicky, sarkasticky. V kontextu facebookové komunikace jiných politiků se kriticky a otevřeně vyjadřuje a vůči některým politikům vymezuje právě intelektuálním humorem. 17. listopadu 2018 zveřejnila status:

Mám takový podnikatelský záměr: kurz „Jak uspořádat demonstraci tak, aby k něčemu vedla“.
Nemáte tip na lektory? Jedno jaké, hlavně když to budou Francouzi nebo Poláci.

Kurz by byl drahý a dlouhý, probrala by se například tato témata:

- *co je konkrétním cílem demonstrace (stmelit, vyburcovat, nechat vyplakat, vymoct, vynutit...)*
- *výběr řečníků*
- *hudba – musí to být?*
- *rozdíly mezi demonstrací, happeningem, oslavou, stávkou*

Na to by mohly navazovat další kurzy:

- *projev – ke komu mluvíme, proč a o čem*
- *skandování*
- *hesla – musí se rýmovat?*
- *tvoříme z kartonu*
- *práce s patosem*

Moc bych si přála, aby byl tenhle status ironický. Ale není, omlouvám se 🙄:

Uvedený status je sarkastický a využívá poměrně značné množství příznakových jazykových prostředků, stejně jako jiné statusy političky. Je samozřejmé, že si svého čtenáře/příznivce najdou, ovšem nebude to čtenář masový, jak by politik pro úspěšnost svého působení potřeboval.

3. Frazémy v politickém diskurzu

Užití frazémů a obrazných vyjádření v politickém diskurzu se jeví jako značně problematické. Je to dáno jejich neúsporností (v českém jazyce je rozhodně výrazná tendence k univerbizaci a vyjadřování ekonomickému), slabší možností dešifrovat význam frazému, pokud jej recipient nezná, čistě na základě kontextu, expresivitou, kterou frazeologie nese, ale která nemusí být pro recipienta vždy přijatelná. Jak ukázal výsledek analýzy M. Kmetě v bakalářské práci věnované jazyku Martina Konvičky (Kmeť, 2018), jednoho z představitelů českého politického extremismu, frazémů se v jeho komunikátech objevuje velice málo, stejně jako metafor, metonymií a personifikací. Kmeť zaznamenal pouze tři lexikalizované frazémy, a to frazémy v mluvě velice frekventované (*půl slova, ležet v žaludku, přitažené za vlasy*). Naopak přirovnání, která M. Kmeť zachytil, byla aktualizovaná, nelexikalizovaná (*je to, jako by se banda neonacistů oblíkla do pruhovaných vězeňských mundůrů; to je, jako by Nightwatch solidarizovala s Bílými chodci⁹; Ban*

⁹ Nepochybně zajímavá je ve druhém případě intertextová návaznost na oblíbený seriál *Hra o trůny*.

na 30 dní (...) člověka nevytlčí ze závislosti na facebooku, jako zákaz kouření nevytlčí kuřáka ze závislosti na nikotinu) (tamtéž, s. 45).

Nízké užití frazeologických jednotek nás vedlo k výzkumu užití frazeologie ve stavech tří politiků z různých oblastí spektra české politické scény.

4. Charakteristika výzkumu

Pro výzkum užití frazeologie ve facebookových stavech českých výrazně exponovaných politiků jsme vybrali profily prezidenta České republiky Miloše Zemana, premiéra Andreje Babiše a profil představitele mladší politické generace, předsedy České pirátské strany Ivana Bartoše. Analyzovány byly pouze statusy na timeline, a to ty, které měly jako produktora uvedeno jméno politika. Tím jsme eliminovali komentáře, v nichž se frazeologie rovněž vyskytovala, nicméně její užití mohlo být ovlivněno vývojem komunikátu a reakcemi na komentáře čtenářů, a dále statusy, které na timeline vložil někdo jiný nebo byly prezentovány přímo stranou. Zejména v případě Ivana Bartoše se střídaly statusy uvedené jeho jménem a názvem strany. Dále nebyly do analýzy zařazeny komentáře, které vznikly sdílením jiných textů nebo citacemi jiných politiků¹⁰. Frazémy byly excerpovány za dvě dvouměsíční období – říjen a listopad 2018 a červenec a srpen 2019, čímž jsme se pokusili pokrýt jednak aktuální komentáře, jednak komentáře v období komunálních voleb a bezprostředně po nich.

Za frazémy považujeme víceslovné jednotky, které jsou sémanticky celistvé a u nichž pocítujeme obrazný význam alespoň u jednoho komponentu, a to i v případě, že mají určitou terminologickou či terminologizovanou platnost. Některé jednotky, které se nám jeví jako frazeologizované, do výběru zařazujeme i přes to, že nejsou uvedeny ve frazeologickém slovníku F. Čermáka ani mezi novými frazémy ve slovníkách neologizmů (Martincová a kol., 1997, 2004).

Do výzkumu nebyly zařazeny obrazné a expresivní komentáře, v nichž byl příznak vázán pouze na jedno slovo, ale kolokace se jeví jako volné. Rovněž jsme z výzkumu vyřadili jednotky nefrazeologické, ať už slovtvorně motivované frazémem, nebo redukované, z nichž je patrné, že za jejich významem stojí frazeologická motivace, nicméně frazém je realizován pouze jedním svým klíčovým slovem, které frazém evokuje (o tom viz např. Janovec, 2006). Nefrazeologizované obrazné výrazy uvádíme pouze výběrově, pokud jsou nějakým způsobem zajímavé a signifikantní pro komunikáty politiků. Do výběru ovšem zařazujeme citátové frazémy z cizích jazyků, které jsou nekalkované, a také intertextové návaznosti, jež v sobě nesou jistý stupeň frazeologizace, ale přes jejich všeobecnou známost není o nich jednoznačně možné říci, že jde již o hotové frazémy (srov. např. *Omládlí jsme, o Adonai* ze statusu I. Bartoše, odkazující k filmům *Císařův pekař a Pekařův císař*).

Protože profily politiků jsou volně přístupné, pokud není čtenář uživatelem profilu přímo zablokovan, neuvádíme přesnou dataci statusů, domníváme se, že stačí výše uvedená, rámcová.

¹⁰ Tím jsme se pokusili alespoň částečně omezit vlivy idiolektů jiných osob, byť jsme si vědomi, že ne vždy musí být komentář psaný přímo politikem, např. je obecně známo, že Facebook Andreje Babiše spravuje Marek Prchal, marketingový odborník, designér a novinář. I když Facebook A. Babiše není přímo autorský, domníváme se, že analýza statusů na něm má smysl, protože se podílí na utváření celkového mediálního obrazu A. Babiše.

Tabulka 1 Počty frazémů užitých politiky ve sledovaných obdobích

	říjen–listopad 2018	červenec–srpen 2019
Ivan Bartoš	31	23
Miloš Zeman	5	2
Andrej Babiš	13	10

Výsledky uvedené v tabulce pouze potvrzují náš předpoklad, že frazeologie není pro politický diskurz příliš typická. Kromě Ivana Bartoše, u něhož se jich objevuje nepatrně více, sledování politici frazeologii příliš nevyužívají. Je také vidět, že volební a povolební období u všech tří politiků vykazuje o něco více frazémů než letní doba parlamentních prázdnin a dovolených. To je způsobeno vyšší mírou expresivity, která se projevovala při závěrečné fázi předvolebního boje i při vyhodnocování a komentování výsledků voleb.

Přes očekávanou vyšší expresivitu a emocionalitu vyjadřování Miloše Zemana a zároveň spisovnost a různorodost jazykových prostředků, jež prezident používá, se ukázalo, že frazémy nejsou v repertoáru prostředků, jež by byly pro statusy charakteristické. Za zmínku snad stojí užití starého latinského *nomen omen* a potom aktualizování frazémů a frazémových struktur.

Na profilu Andreje Babiše¹¹ se ve statusu objevilo frazémů o něco více. Jde vesměs o běžné frazémy z různých komunikačních oblastí, které považujeme za frekventované a zároveň ve vysoké míře srozumitelné běžnému uživateli (*bok po boku, skřípat zuby, budovat od píky, jednoduché jak facka* apod.). U A. Babiše stojí za zmínku i to, že ze sledovaných politiků je nejčastějším autorem frazémů, protože mnohé jeho výroky se v podobě určité frazeologické jednotky stabilizovaly, srov. např. jeho specifický pozdrav *čau, lidi*, ale i další výrazy jako *to je kampaň, nekecáme – makáme, my tady chceme motýle*¹² apod.

Ivan Bartoš má frazeologický fond relativně nejbohatší. Objevují se v něm frazémy různých diskurzů od nespisovných nových (*pojď mi hop*, (Babiši)) přes prostředky hovorové (*šlápnem do něčeho*) po spisovné až knižní (*osamělí vlci, donquijotský boj, zasadit poslední ránu* apod.). Bartoš rovněž frazeologii aktualizuje a používá i některé cizí frazeologické prostředky – anglické a španělské.

¹¹ Bakalářskou práci na téma jazyka facebookové komunikace hnutí ANO obhájila na UK PedF Vendula Jankovská (2019). Ta ve svém materiálu (23 facebookových příspěvků hnutí ANO od září 2018 do června 2019 a 15 příspěvků z profilu Andreje Babiše od prosince 2018 do června 2019) shromáždila dvě přirovnání: *dřeli jako koně; maká jako šroub*, a osm frazémů jiného typu: *na volné noze; táhli za jeden provaz; bodli kudlu do zad; vezmu do vlastních rukou;(na) mrtvých duších; držíme na uzdě; klobouk dolů; vrací se na scénu* (srov. Jankovská, 2019, s. 51).

¹² Tato morfologicky nesprávná varianta tvaru *motýly* (akuzativ plurálu) se ujala i jako samostatná vysoce expresivní metaforická lexikální jednotka, ba motivovala vznik a užití dalších lexikálních jednotek s nesprávným tvarem akuzativu plurálu: *včele, housenke, mouche, rybe* apod. Jednotka má svoji expresivitou, metaforičností a využitelností v analogických situacích blízko k frazémům, za frazém ji ovšem nepovažujeme. Na rozdíl od mnohých frazeologů nesouhlasíme s konceptem jednoslovného frazému, jelikož jeho přijetí zamlžuje již tak komplikované hranice mezi lexémem, frazémem a expresivním užitím lexému.

5. Závěr

V příspěvku jsme se zaměřili na výskyt frazémů ve stavech třech současných českých politických osobností, reprezentující různé generace politiků. Jak ukázal excerpovaný materiál za vybraná období, potvrzuje se náš předpoklad, že v dnešní době nepatří frazémy mezi centrální manipulační prostředky. Domníváme se, že důvodem k jejich okrajovému využívání jsou především základní vlastnosti frazémů, které je činí složitějšími na porozumění textu, tedy obraznost, více-slovnost a expresivita. Velice důležitá je také znalost frazeologie, tzn. politik může využít pouze tu frazeologii, kterou sám dokonale ovládá, resp. kterou mu doporučí jeho imagemakeři, a na druhou strunu by měl využívat pouze tu frazeologii, u níž si je stoprocentně jistý, že jí bude rozumět skupina, na niž je komunikát zaměřen. Přes nízké užívání frazeologického fondu češtiny je ovšem nepochybně zajímavé, že řeč politiků je častým zdrojem jednotek, které můžeme považovat za neofrazémy. Jde ovšem často o jednotky, které na sebe váží silný situační komponent a často negativní expresivitu – slouží jako prostředek výsměchu politikovi. Pro frazeologický výzkum jde pak o zásadní problém, do jaké míry je jednotka skutečně stabilizovaná (frazeologizovaná) a jakou může mít ve frazeologickém fondu životnost. Mnohé jednotky po poměrně krátkém čase z úzu mizí, a to především pokud z politické scény mizí sám politik.

Literatura

- Čermák, František a kol.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Praha: Academia, 1983, 1988, 1994.
- Gibson, R. K. – Ward, S.: A Proposed Methodology for Measuring the Function and Effectiveness of Political Web-Sites. *Social Science Computer Review*, 18, s. 301–319. Dostupné z: file:///C:/Users/HP/Downloads/Gibson_2000_AProposedMethodologyforStudyingtheFunctionandEffectivenessofPartyandCandidateWebSites.pdf (citováno 11. 8. 2019)
- Hoffmannová, Jana: Konverzace. In *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Brno: Masarykova univerzita, 2012–2018. Dostupné z: <https://www.czechency.org/slovník/KONVERZACE>.
- Jaklová, Alena: Persvaze a její prostředky v současných žurnalistických textech. *Naše řeč*, 2002, s. 169–176.
- Jankovská, Vendula: *Funkce slovní zásoby ve facebookové komunikaci hnutí ANO*. Bakalářská práce. Obhájeno na UK PedF, 2019.
- Janovec, Ladislav: Defrazeologické lexikální jednotky. In ŠIMKOVÁ, Mária – GAJDOŠOVÁ, Katarina (eds.): *Varia XIII*. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, 2006, s. 243–247.
- Klabíková Rábová, Tereza: Čau lidi! tady @strakovka aneb k neformálním projevům komunikace institucí veřejné správy. *Didaktické studie*, 2020, s. 64–77.
- Kmeť, Matěj: *Analýza jazykových a rétorických prostředků použitých v projevech doc. Martina Konvičky*. Bakalářská práce. Obhájeno na UK PedF, 2018.
- Kraus, Jiří: Vyjadřování polemčnosti a významových opozic v politickém diskurzu. In Čmejrková, Světa – Hoffmannová, Jana (eds.): *Jazyk, média, politika*. Praha: Academia, 2003, s. 13–39.
- Martincová, Olga a kol.: *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*. Praha: Academia, 1997.

Martincová, Olga a kol.: *Nová slova v češtině 2. Slovník neologizmů*. Praha: Academia, 2004.
Schneiderová, Soňa: *Analýza diskurzu a mediální text*. Praha: Karolinum, 2016.

Проявление иронии в религиозном медиадискурсе

Manifestation of Irony in the Media Discourse

Александра Макарова, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Abstract

The religious communication is the most ancient of human communication types. The pragmatic linguistics as well as rhetoric shows a special attitude to this special type of discourse. Today the Internet text with its unlimited abilities is being in the focus of linguists' attention. That is why the orthodox journalists are covering not only print media but also the Internet. This helps to widen the sphere of influence on the people minds and souls. The analyses shows that the media context of the Orthodox sites (the site The Orthodox people laugh and others) include humorous publications and this proves the necessity of studying peculiarities of religious communication and humorous texts in orthodox sites. Using content analyses, discourse and linguistic cultural methods we have come to a conclusion that orthodox media texts are distinguished by intertextuality, hypertextuality, creolism, and the authors want to influence the addressee in the most effective way. To define the communicative task the mission function should be taken into account which is peculiar to the religious discourse.

Аннотация

Религиозная коммуникация – древнейший тип человеческого общения, прагмалингвистика и риторика которого диктуют своё отношение к этому явлению как к особому виду дискурса. Сегодня вектор лингвистических изысканий направлен на Интернет-текст с его безграничными возможностями. В связи с этим православные публицисты активно осваивают не только печатные СМИ, но и Интернет-пространство, которое значительно расширяет область влияния на умы и души людей. Как показывает анализ православного медиаконтента (материалы сайта «Православные смеются» и др.), юмор не чужд религиозным публикациям, что подтверждает актуальность исследования особенностей религиозной медиакommunikации и юмористических текстов на православных сайтах Интернета. Используя интегративный подход, включающий метод контент-анализа, дискурсивного, лингвокультурологического анализа и др., мы пришли к выводу, что юмористические православные медиа тексты отличаются интертекстуальностью, гипертекстуальностью, креолизированностью, а их главные особенности связаны с намерением авторов достигнуть успешного воздействия на адресата. Важное значение в определении коммуникативной задачи имеет миссионерская функция, свойственная религиозному публицистическому дискурсу.

Keywords: religious media discourse, media text, media component, pragmalinguistics, verbal part, visual component, irony.

Ключевые слова: религиозный медиадискурс, медиатекст, медийный компонент, прагмалингвистика, вербальная часть, визуальная составляющая, ирония.

1 Постановка проблемы

Сегодня мы являемся свидетелями феномена необыкновенно динамичного развития православного публицистического медиадискурса. Данный факт объясняется не только и не столько отменой многих табу в публицистике, свободой слова в прессе, восстановлением места Церкви в обществе, но и неподдельным интересом людей к самому православному Слову. Неоспоримым является то, что весь русский мир и русская культура пронизаны христианским православным вероисповеданием, возможно, поэтому современный россиянин постепенно возвращается к тем культурнонациональным корням, от которых он был оторван практически в течение 100 лет.

Религиозный дискурс представляется довольно закрытым типом общения, что предполагает некую элитарность коммуникантов. Однако Церковь, как часть общества, развивается вместе с ним, более того «идёт в народ» и широко открывает двери для всех желающих приобщиться Истине. Православные публицисты активно осваивают не только печатные СМИ, но и Интернет-пространство, которое значительно расширяет область влияния на умы и души людей.

Несмотря на особенности религиозного дискурса, свойственные любому институциональному дискурсу, в текстах разного рода православных ресурсов всё чаще появляется юмористическая тональность, создаются сайты, содержащие юмористические материалы религиозной проблематики. Конечно, юмор и ирония используются в основном на периферии жанрового пространства религиозного дискурса, хотя многим пастырям и православным журналистам не чужд юмор в их публикациях или в онлайн-общении. Этот факт подтверждает актуальность исследования не только особенностей религиозной медиакоммуникации, но и юмористических текстов на православных сайтах Интернета.

2 История вопроса

Современный медиадискурс, испытывающий активные процессы развития и представляющий собой виртуальное общение без границ, становится неотъемлемой частью повседневной реальности и накладывает отпечаток на все аспекты нашего существования, а также придаёт особую специфику средствам массовой коммуникации. Публицистический медиадискурс изучается как зарубежными, так и отечественными лингвистами (Большакова 2008; Бугаева 2011; Добросклонская 2005, 2008; Чернявская 2009; Барт 1989; Ван Дейк 1998 и др.). Сама публицистика уже не один десяток лет является объектом интересных и плодотворных лингвистических изысканий в силу своей

злободневности, постоянно возрастающего информационного потока, который находит отражение в прагматике медиатекстов. С одной стороны, этому способствует динамичное развитие информационно-коммуникативных технологий. С другой стороны, появление и массовое распространение новых средств и технических возможностей массмедиа влияют на восприятие и видение индивидом окружающего мира, одновременно таким образом изменяя модели его информационно-коммуникативного поведения. Поэтому публицистический материал, а в последнее время публицистические медиатексты рассматриваются учёными-лингвистами как полигон для исследований наиболее активных и нестандартных процессов языкового развития в современном стремительно меняющемся мире.

Известно, что медиадискурс отличается особой экспрессией, гомогенностью (связность и целостность), через него в национальные литературные языки проникают явные и скрытые заимствования, а новое постоянно сталкивается со старым, однако язык, «несмотря на его современную открытость демократическим веяниям, играет в то же время и достаточно жёсткую унифицирующую, модифицирующую, стандартизирующую роль» (Мокиенко 2016, с. 7). Последнее замечание в полной мере характеризует язык православного медиадискурса, который, строго сохраняя традиционное, открыт для нового, при этом «факт отмены табу, следствием чего стало появление агрессии и употребление разговорной, а иногда и сниженной, лексики и фразеологии в материалах различных массмедиа, не отразился на текстах религиозно-публицистического дискурса, который характеризует богатый язык, чувство стиля авторов и уважение к читателю» (Ломакина – Макарова 2017, с. 182).

3 Объект исследования

Объектом анализа в статье являются медиатексты юмористического характера, публикуемые на сайте «Православные смеются». Напомним, что в современной медиалингвистике для обозначения текстов, относящихся к жанру виртуального стиля и состоящих из визуальной и вербальной частей, применяется целый ряд терминов: *гибридные*, *креолизованные*, *видео-вербальные*, *мультимодальные*, *поликодовые*, *конвергентные*. Все эти наименования отображают разные семантические оттенки. По мнению Т. Г. Добросклонской (2016), *креолизованные* как и *поликодовые* тексты чаще используются при описании печатного медиапродукта, соединяющего словесную и иллюстративную части (плакаты, реклама и другая печатная продукция). При анализе материалов Интернет-пространства употребляют термины *мультимодальные* и *конвергентные* тексты, так как они обозначают интегрированное сочетание возможностей различных СМИ. В данной терминологической линейке обобщающим и более универсальным термином является термин *видео-вербальные* тексты, в котором соединяются видеоряд (визуальная часть) и вербальная составляющая. Справедливо мнение И. В. Бугаевой о том, что «комбинация единиц естественного языка с элементами других знаковых систем затрудняет терминологическое определение текстов, содержащих гетерогенные компоненты» (Бугаева 2011, с. 149).

Как отмечают многие лингвисты (Л. С. Большакова, В. И. Бугаева, О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко и др.), видео-вербальные тексты являются разновидностью

прецедентных феноменов, обладают интертекстуальным характером, так как хранят информацию о претексте, о культурном феномене или историческом событии, иногда об информационном ресурсе, которые послужили источником для их создания. Следовательно, медийный контент обладает особой культурной коннотацией, которую адресат способен идентифицировать.

Структура медиатекстов неоднородна, чаще всего они состоят из двух неомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам)), где основными компонентами вербальной части являются слоган-подпись, а иконическая часть представляет собой рисунок, фотографию, таблицу и т. д. В разных типах медиатекстов они встречаются в разнообразных комбинациях, однако возможность достижения комического эффекта связана с включённостью адресата в культурный контекст, то есть «при интерпретации Интернет-текстов важное значение имеет пресуппозиция – имеющиеся у пользователя знания» (Ломакина – Мокиенко 2017, с. 248).

Напомним, что «одним из средств привлечения внимания в медиасфере является фразеология. Именно в контекстуальном употреблении реализуется лингвопрагматическая функция фразеосредств национального языка (идиом, пословиц, крылатых единиц и т. д.), что характерно и для текстов религиозно-публицистического дискурса» (Ломакина – Макарова 2017, с. 182). Фразеологический фонд национального языка широко и творчески применяется в православном медиадискурсе, что свидетельствует о необходимости более серьёзного и глубокого изучения фразеологической составляющей медиатекста. В эмпирическом материале, отобранном для нашего исследования, присутствуют фразеологические единицы (далее ФЕ), отличающиеся культурологическим, функциональным и трансформационным потенциалом, что также подтверждает мысль о более тщательном и серьёзном изучении заявленной в статье проблематики.

4 Методы исследования

Для анализа православных медиатекстов использовались методы, предложенные Т. Г. Добросклонской в рамках интегрированного подхода, который основывается на широком спектре методов разных дисциплин. При исследовании мы руководствовались:

- 1) методом контент-анализа, или анализа содержания, основанного на статистическом подсчёте специально выбранных текстовых единиц;
- 2) методом дискурсивного анализа, основанного на концепции дискурса и позволяющего проследить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной текста;
- 3) методом лингвокультурологического анализа, основанного на выявлении культурнозначимых компонентов текста и помогающего составить представление о культурологическом аспекте данного произведения медиаречи, о его национально-культурной специфике;
- 4) методом медиалингвистическим, направленным на анализ текста с точки зрения системы параметров описания медиатекста, то есть способ его создания и воспроизведения, канал распространения, функционально-жанровый тип, тематическая доминанта и пр. (Добросклонская 2016, с. 15).

5 Анализ материала

Многие исследователи-лингвисты как характерную черту религиозного дискурса отмечают понижение статуса человека (раб божий, грешник) и наоборот максимальное повышение статуса Бога. Действительно, ценности религиозного общения сводятся к ценностям веры – признание Бога, спасение души, понимание греха и добродетели, раскаяние и т.п. Данные особенности религиозного дискурса свойственны и православной медийной публицистике как его интегральной части, поэтому они позволяют увидеть специфику изучаемых медиатекстов и охарактеризовать особенности проявления юмористической тональности. Существует ряд «препятствий», которые затрудняют употребление юмора в религиозном дискурсе:

- серьезная тематика, не предполагающая и не допускающая проявление юмора;
- назидательный характер общения или поучение, которое как правило, не допускает шуточного настроения;
- определённый набор функций религиозного дискурса, в число которых не входит функция осмеяния;
- статусное неравенство участников коммуникации, при котором адресант, имея более высокий статус, выходит на назидательность;
- определённый набор тематических (типовых) ситуаций общения, каждая из которых выдержана в серьёзной тональности.

Однако наличие юмористических православных сайтов и социальных православных сетей, таких как «Православные смеются», «Православный юмор», «Православные шутят» и др. говорит об обратном – в Интернет-пространстве эти факторы не мешают коммуникации в юмористической тональности.

Как и в других типах дискурса, в рамках религиозного дискурса ирония, сарказм, шутовство и другие элементы смеховой культуры могут выступать инструментами для достижения определённых целей: «представление некоторых ситуаций в выгодном для Библии свете; создание отталкивающего образа человека, чьё поведение идёт в разрез с религиозными нормами; усиление воздействия на читателя с целью подчинить его нормам Библии и т.п.» (Морозова 2013, с. 158). Очевидно, что прагматика не чужда текстам религиозного медиадискурса, где они выполняют определённые функции: привлечение внимания читателя/пользователя, влияние на его мнение, формирование иного взгляда на события и т.д. Согласно типологии функций, созданной И. В. Бугаевой при анализе демотиваторов Рунета, можно применить некоторые из них и для религиозных медиатекстов:

- 1) *коммуникативная* функция реализует передачу определённой информации;
- 2) *когнитивная* формирует мышление, служит каналом передачи знаний;
- 3) *волюнтаривная* используется в качестве средства агитации или пропаганды;
- 4) *метаязыковая* функция разъясняет медиаконтент;
- 5) *идеологическая* выражает идеологические предпочтения автора;
- 6) *эстетическая* реализуется через использование высоко художественных фотографий, картин известных художников, цитаты из классической литературы, Библии и т.д.;

7) *аксиологическая* нацелена на формирование духовных и нравственных ценностей (Бугаева 2011, с. 150–151).

Использование графических элементов в настоящее время всё чаще становится неотъемлемой частью текстообразования и речетворчества, и особенно ярко этот феномен проявляется в сфере комических медиатекстов, так как «способ подачи информации, ориентирующийся на визуальное восприятие, становится все более популярным, в том числе в силу своей доступности адресату, что привело к формированию понятия визуальности в современной науке» (Гуторенко 2017, с. 249–250). Вместе с тем нельзя забывать об амбивалентной природе медиатекста, из чего следует, что визуальная и вербальная части призваны дополнять друг друга. Т. Г. Добросклонская выделяет пять основных функций визуальной части по отношению к вербальной:

- иллюстрация;
- дополнение;
- контраст (намеренное столкновение значений вербального и медиаряда);
- коннотация (создание дополнительных смыслов);
- ассоциация (обращение к базовым фоновым знаниям для создания дополнительных смыслов) (Добросклонская 2016, с. 21).

Перейдём к анализу примеров православных юмористических медиатекстов.

Первый медиатекст (рис. 1) – это плакат, где визуальная часть представляет собой дорожный знак, схематично изображающий падающего человека. Декодированию медиатекста помогает ассоциативная связь с дорожно-транспортными происшествиями.



Рис. 1. ФЕ *Падать* духом. *Упасть (пасть)* духом. Отчаиваться, глубоко расстраиваться, приходиться в уныние.2) ФЕ *Где попало*. Прост. В любом месте, безразлично где; где угодно.

Вербальная часть – слоган-подпись – содержит комплексный приём трансформации ФЕ. Автор прибегает к контаминации двух ФЕ *падать духом* и *где попало* и использует также грамматическое преобразование: ФЕ *падать духом* стоит в императивной форме, что продиктовано жанром плаката. Но именно употребление ФЕ *где попало*, имеющей просторечную стилистическую окраску, придаёт тексту иронический оттенок, который появляется в результате контраста двух частей медиатекста: плакат расположен над входом в храм, где прихожане борются с унынием. Основное значение нового выражения не меняется, однако, благодаря иронии, появляется дополнительный семантический оттенок ‘церковь – это не просто место, здесь нельзя прийти в уныние’.

В представленном ниже примере (рис. 2) вновь обнаруживается комплексный приём ФЕ– лексическая субституция и грамматическое преобразование.



Рис. 2. ФЕ *Удариться в религию*. (иноск.) Стремительно к чему-то направиться, покусаться, пускаться на что-то. Ср.: Удариться в писательство.

Текст представляет собой демотиватор, взятый с сайта funreactor.ru, что подтверждает факт возвращения современного россиянина к базовым нравственным ценностям, данным человечеству христианством. В примере соединение вербальной и визуальной частей строится на метонимии, которая изменяет значение ФЕ на противоположное. Здание церкви на фотографии – это часть от целого *религия* в слогане-подписи. Получается, что вербальная часть не только дополняет, но напрямую связана с медийным компонентом. Ироничный оттенок появляется благодаря приёму буквализации значения ФЕ, а функция контраста визуальной части проявляется в появлении дополнительных смыслов ‘слепая вера до добра не доведёт’.

В следующем медиатексте (рис. 3) визуальная часть (фотография объявления на стеклянной двери магазина) выполняет функцию ассоциации и контраста. Благодаря визуальному контрасту между изображением и слоганом-подписью неожиданно интерпретируется основное содержание, так как смысл подписи нарушает логику, в результате чего сообщение приобретает более экспрессивное противоположное значение.



Рис. 3. ФЕ *Каждый божий день*. Разг. Экспрес. Ежедневно.

Экспликация совершается за счёт прибавления глагола *работаем* к ФЕ, в результате чего образуются две аллюзии. Первая указывает на нарушение заповеди: «Помни день субботний, чтобы святить его». Суббота в Библии названа днём Господним, ибо этот день освятил Бог и заповедал нам святить его», вторая – на слова Бога, сказанные первым людям Адаму и Еве: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Пс 127, 2 Еккл 12, 7). Экспликация в соединении с медийным компонентом создаёт в данном случае загадку, которая не всем сразу понятна. Чтобы разгадать заложенный смысл, нужны определённые знания Ветхого Завета и Божьих заповедей. Контраст двух частей медиатекста приводит к иронии и дополнительному семантическому оттенку: ‘работники магазина не имеют выходного дня’.

Пример ниже (рис. 4) содержит иронию, построенную на противопоставлении убеждений верующих и атеистов.



Рис. 4. ФЕ *Решать удел кого, чей*. Устар. Книжн. 1. Определять чьё-либо дальнейшее существование. 2. чего. Определять дальнейшее состояние чего-либо.

Визуальный компонент в функции дополнения мотивирован вербальным, здесь присутствует смысловое единство обеих частей текста. На фотографии изображён забор с надписями, сделанными людьми разных убеждений, что отражено не только в содержании, но и в графическом изображении. Чёрной краской сделана надпись «*Религия удел слабых духом*», белыми печатными буквами написан ответ, где перечисляются имена православных христиан (святой князь Александр Невский, великий русский полководец Александр Суворов, знаменитые мастера боевых искусств Ф. Емельяненко и А. Кочергин). Ирония усиливается благодаря слогану-подписи, напечатанному на компьютере (другое графическое решение) и объясняющему, что полемика развернулась у храма в честь мученически погибшей семьи последнего российского императора Николая II, все члены которой отличались необыкновенной силой духа. В медийном компоненте присутствует аллюзия на неприятную черту советской действительности – заборы или стены с различными надписями не всегда приличного содержания. В медиатекстах очень важен выбор или подбор визуального компонента, который должен соответствовать слогану-подписи, и который может быть стереотипным или авторским, но обязательно должен быть иллюстрирующим и при этом не быть перегруженным информацией.

Следующий медиатекст (рис. 5) представляет собой диалог врача и пациента, где ирония реализуется через совет врача, то есть вербальный компонент, а визуальный выполняет функцию ассоциации.

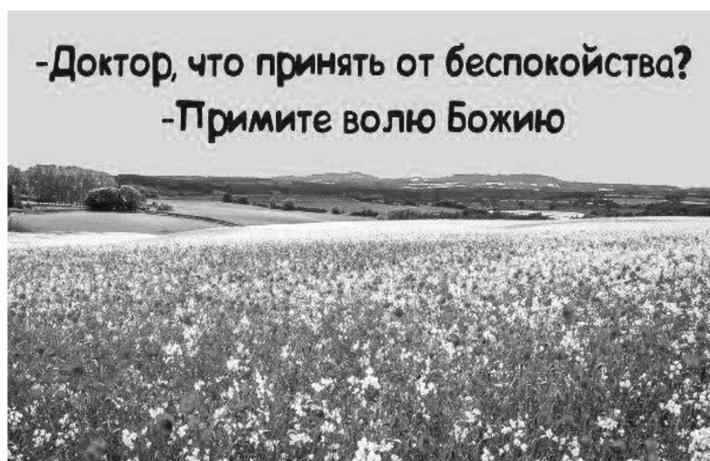


Рис. 5. ФЕ *Воля божия*. Церк. По религиозным представлениям: предназначения Бога.

На фотографии мы видим красивый безмятежный пейзаж, рождается ассоциация с раем, где царит воля Божья, вечное счастье и покой, и подтверждающая её реплика «*Примите волю Божию*». Возникающая ирония понятна не только верующему человеку, который все свои надежды и чаяния возлагает на Бога, но и атеисту, рассчитывающему на свои силы. Подобная ирония амбивалентна, так как придаёт двойкий смысл диалогу: для верующего «Принять волю Божью», для неверующего «Принять лекарство/успокоительное». Одной из основных черт текстов виртуального жанра можно упомянуть актуальность

темы, интертекстуальность и использование фразеологической игры (в данном случае ассоциация с принятием либо воли Божьей, либо лекарства), доступной пониманию пользователя Сети. Здесь наблюдаем реализацию языковой игры, построенной на многозначности лексемы «принять».

В последнем примере (рис. 6) визуальная часть – это картина на евангельский сюжет, в котором рассказывается о том, что во время Тайной Вечери Иисус Христос мыл ноги своим ученикам и заповедал им делать то же друг другу.



Рис. 6. ФЕ *Мыть кости (косточки) кому. Вымыть кости (косточки) кому.* Прост. Экспрес. Сплетничать, злословить о ком-либо.

В вербальной части ирония строится как на едином базовом компоненте *мыть*, так и на противопоставлении ФЕ *мыть кости* и вербального словосочетания *мыть ноги*. Семантика ФЕ в сочетании с иконической составляющей придаёт иронический оттенок всему медиатексту, который отсылает к словам Христа: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Матф., гл. 7, ст. 1–2). И, хотя вербальная часть содержит объяснение визуальной части, акцент сделан на визуальной составляющей, в этом случае именно вербальная часть вводит дополнительный семантический оттенок, способствуя возникновению юмористического эффекта. Однако благодаря визуальному компоненту, семантика становится понятной тем, кто не знаком с евангельским текстом.

Следует подчеркнуть, что состав рассмотренных ФЕ стилистически неоднороден: церковное (1), книжное, устаревшее (1), разговорное (1), экспрессивное (2) и просторечное (3). Как правило, от стилистической окраски зависит, какая часть медиатекста вербальная или визуальная будет доминировать.

Иногда в медиатекстах визуальный компонент несёт большую информационную или прагматическую нагрузку, чем вербальный (медиатексты 1, 3), в одном примере (медиатекст

2) обе части равноценны. Нельзя сказать, что рассмотренные тексты являются понятными и легко воспринимаются читателями. Некоторые из них (рис. 1, 2, 4) отсылают к известным реалиям традиционной культуры, но медиатексты 3, 5 и 6 будут поняты далеко не всеми, так как для их понимания важна presupпозиция – знание библейских текстов.

Параллельно с медиатекстами, в которых основной смысловой акцент делается на вербальный компонент, существуют тексты, где ключевая роль принадлежит иконическому компоненту или изображению. Как показывает наше исследование, подобное случается, когда администратору сайта или пользователю Интернета то или иное изображение кажется подходящей основой для ещё не придуманного комического текста, в этом случае его размещают на сайте с просьбой «Придумайте текст» или «Помогите с названием». Таким образом аудитория сайта вовлекается в совместную работу по созданию медиапродукта юмористического характера, в которой успешно реализуется лингвопрагматическая функция религиозного публицистического дискурса.

6 Вывод

Анализ медиатекстов сайта «Православные смеются» показывает, что процесс смыслообразования продиктован и обусловлен их «двойственной» природой, вытекающей из сочетания словесной и визуальной частей. Все рассмотренные примеры характеризуются:

- 1) интертекстуальностью, в них используются исторические, культурные и литературные аллюзии как в слоганах-подписях, так и в иконической части;
- 2) гипертекстуальностью, то есть фразеологической игрой, так как «количество значений первоначального текста расширяется благодаря читательскому формированию сюжетной линии» (Большакова 2008, с. 49);
- 3) креолизованностью, наличием визуальных средств, принадлежащих другим семиотическим кодам.

Итак, главные особенности юмористических медиатекстов сайта «Православные смеются» связаны с намерением авторов достигнуть успешного воздействия на адресата, аэффективность Интернет-коммуникации в этом случае напрямую зависит от умения читателя/пользователя эксплицировать зашифрованные культурные коннотации и восстановить ассоциативные связи, которыми достигается комический эффект. Коммуникативная задача православных публицистических медиатекстов определяется также миссионерской функцией, которая свойственна именно религиозному публицистическому дискурсу, тем более, что языковой личности нужно не только самовыражение и коммуникация, но осознание себя как члена определённой части общества, в данном случае православного сообщества.

Источники

Большакова, Л. С.: О содержании понятия «поликодовый текст». *Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: История. Филология*, № 49, 2008, с. 48–51.

- Бугаева, И. В.: Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика. *Журнал стиль*, № 10, 2011, с. 147–158.
- Гуторенко, Л. С.: Некоторые особенности юмористических интернет-мемов в русскоязычной виртуальной коммуникации. *Culture and Civilization*, 2017, Vol. 7, Is. 2A, с. 247–260.
- Добросклонская, Т. Г.: Методы анализа видео-вербальных текстов. *Медиалингвистика*, № 2, 2016, с. 13–25.
- Ломакина О. В. – Макарова, А. С.: Современный заголовок как пример реализации функционального потенциала крылатики в публицистическом дискурсе. In *Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А. М. Мелерович*. Третьякова, И. Ю. (ed.), Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018, с. 180–186.
- Ломакина, О. В. – Мокиенко, В. М.: Роль крылатики в Интернет-дискурсе: к постановке проблемы. In *III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции*. Москва: РУДН, 2017, с. 247–254.
- Мокиенко, В. М.: Функции фразем в современных СМИ. *Медиалингвистика*, № 3 (13), 2016, с.7–18.
- Морозова, А. М.: Юмористическое осмысление религиозного дискурса. *Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания»*, №5(25), 2013,с.158-162. www.grani.vspu.ru
- Православные смеются*. <https://www.facebook.com/groups/493440037507355/?fref=nf> (доступно на 30.10.2018).
- Православные шутят*. <https://elitsy.ru/communities/27295/> (доступно на 30.12.2018).
- Православный юмор*. <http://boevo.prihod.ru/pravoslavnyj-yumor/> (доступно на 30. 12. 2018).
- Фёдоров, А. И.: *Фразеологический словарь русского литературного языка*. <http://getword.ru/ru/slovari.php?table=fedDSL> (доступно на 03.11.2018).
- <http://bible.optina.ru/new:mf:01:start> (доступно на 03.11.2018).
- <http://biblepravda.com/page.php?id=464#ixzz5MMoi3q8J> (доступно на 03.11.2018).
- <https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F+%D0%B2+%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8E&stype=0&btype=1&r=0> (доступно на 03.01.2019).

FRAZEOLOGIE A DIALEKTY

Kdy žábá hýbá uchem (k nářeční frazeologii v češtině)

When the frog moves its ear (on dialectal phraseology in Czech)

† Stanislava Kloferová, *Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i.*

Abstract

The Czech phraseology and idiomatics are described, from a general perspective, both at the structural and semantic level. As such, this description also relates to the dialects as varieties of the national language. They assert themselves in the spoken language sphere and are more operational in semantic areas related to the casual life. Their phraseology is very rich. However, the dialectal phraseology has so far been given little systematic attention. Using an example of the base word „žába” (frog) and its use in phraseology, the author demonstrates how folk perception of frogs is projected onto dialects, how dialects perceive frogs, their appearance and behavior. It is obvious that the word „žába” has negative connotations in dialects: similes and sayings bear a feature of strong negative expressiveness. As it is known, traditional dialects and ways of life connected with them decline. A clear sign of this is the fact that younger generations are not aware of these expressions. It is therefore a task of cardinal importance for Czech dialectology to deal with this topic. After all, the dialectal lexical stock including phraseology makes history accessible for us, shows how people used to live, how they thought, what they felt and experienced and how they perceived the world around them.

Abstrakt

Frazeologie a idiomatika v češtině obecně je popsána jak v rovině strukturní, tak sémantické. Tento popis se proto vztahuje i k dialektům jako útvarům národního jazyka. Ty se uplatňují ve sféře mluveného jazyka, jsou úkonnější v sémantických okruzích vztahujících se k běžnému životu. Jejich frazeologie je velmi bohatá. Nářeční frazeologii nebyla doposud věnována systematická pozornost. Na příkladu bázového slova **žába** a jeho uplatnění ve frazeologii se ukazuje, jak se lidové představy o žábě promítají do nářečí, jak nářečí vnímají žabu, její vzezření a chování. Je zřejmé, že slovo žába má v dialektech zápornou konotaci: přirovnání a pořekadla nesou rys silně negativní expresivity. Jak známo, tradiční nářečí a způsob života s nimi spojený zanikají. Dosvědčuje to i fakt, že mladé generaci je většina popsanych frazémů neznámá. Je proto zásadním úkolem české dialektologie, aby se touto tematikou zabývala: vždyť nářeční lexikální zásoba včetně frazeologie nám zpřístupňuje historii, vypovídá o tom, jak lidé dříve žili, jak uvažovali, jak pociťovali, prožívali a vůbec vnímali svět okolo sebe.

Keywords: Czech, dialect, phraseology and idiomatics

Klíčová slova: čeština, dialekt, frazeologie a idiomatika

1. Úvod

Existují specifické systémové jevy, o nichž by bylo možno předpokládat, že jsou spjaty s problematikou idiomaticky a frazeologie v tradičních teritoriálních dialektech? Domníváme se, že nikoliv. Frazeologie a idiomaticky v češtině je v úplnosti prozkoumána a popsána Františkem Čermákem (naposledy obsírně 2007, encyklopedicky v *Novém encyklopedickém slovníku češtiny*, 2016) jak z roviny strukturní, tak z roviny sémantické. V dialektech jako útvarech českého národního jazyka tudíž nelze specifické strukturní nebo sémantické rysy u nářečních frazémů/idiomů očekávat. Lze však předpokládat, že v nářečích, jež se uplatňují ve sféře mluveného jazyka, a jsou proto úkonnější v sémantických okruzích vztahujících se k běžnému životu, nachází oblast frazeologie „svůj zvláště charakteristický výraz“ (Čermák 2007, s. 384).

Materiálové zdroje *Slovníku české frazeologie a idiomaticky*, nejobsáhlejšího frazeologického slovníku češtiny, jsou bohaté, jak lze vyvozovat z kapitoly *Zásady zpracování slovníku* (Čermák 1983, s. 10; dále SČFI). Jen malý podíl zde mají materiálové prameny nářeční: v době vzniku prvního svazku SČFI totiž nebyl nářeční materiál ještě soustavně lexikograficky zpracováván. Dialektologická činnost se tu soustředila na zpracovávání šestisvazkového *Českého jazykového atlasu* (1992–2011)¹.

2. Nářeční frazeologie a její výzkum

Ke zkoumání nářeční frazeologie vyzvala už Jarmila Bachmannová ve své studii K výzkumu a popisu nářeční frazeologie (1986). Při rozboru nářečního materiálu z Podkrkonoší uplatnila metodologii vytvořenou F. Čermákem (Čermák 1983). Frazémy představila v klasifikaci strukturní (I), sémantické (II) a jako zvláštní skupinu pak vyčlenila frazémy přírovnávací (III). Zvlášť upozornila na frazémy, které jsou těsně vázány na místní prostředí (IV), a to na běžný život spojený s hospodářstvím, ale zejména se sférou tradiční sklářské výroby, řemesla, které je pro zdejší oblast typické.

2.1 Nářeční frazeologie v *Slovníku nářečí českého jazyka*

Od roku 2016 je na webové adrese <http://sncj.ujc.cas.cz> zpřístupňována elektronická podoba *Slovníku nářečí českého jazyka* (A–Č; dále SNČJ). Představme některé aspekty nářeční frazeologie v tomto slovníku, zaznamenávajícím lexikální zásobu nářečí v Čechách, na Moravě a v české části Slezska.²

Jak známo, nemůže sebepečlivější terénní výzkum zachytit lexikální zásobu včetně frazeologie v celé úplnosti. Dialektologové se o tom každoročně přesvědčují na nářečních výzkumech. Zvlášť obtížné je právě zjišťování nářeční frazeologie. I zde však přibývají nové záznamy. Z poslední

¹ Elektronická verze *Českého jazykového atlasu* je zveřejňována na stránkách <https://cja.ujc.cas.cz> za použití dat, která poskytuje výzkumná infrastruktura LINDAT/CLARIAH-CZ (www.lindat.cz) podporovaná Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR (projekt č. LM2018191).

² SNČJ vychází z materiálové základny budované systematicky od 60. let 20. století (nejstarší doklady pocházejí z poslední třetiny 19. století) do současnosti. Díky elektronické podobě je umožněno průběžné doplňování – materiálová základna je totiž neustále rozšiřována, a to jednak excerpční materiálu z archivních zdrojů (rukopisy, ročenky atd.), jednak každoročními nářečními výzkumy, které materiál ověřují a doplňují o materiál nový. Blíže srov. <http://sncj.ujc.cas.cz>, tam odkaz O slovníku.

doby k nim patří např. frazém *nemá vtáhlé žlútko / nemá vcucelé žlútko* (v pravopisném záznamu: *nemá vtáhlé žlútko / nemá vcucelé žlútko*), v literatuře doposud nezachycený; řeč je o probuzeném, ale ještě ne zcela bdělém dítěti. Frazém byl zachycen nedávno na jihovýchodní Moravě na Břeclavsku a Hodonínsku. Že jde o frazém náležící do tradičních nářečí, dokládá svědectví informátorů, kteří si toto spojení pamatují z úzu dřívějších generací. Jde bezpochyby o paralelu k frazému *musí stávat pomalu, aš se mu stáhne pupek* z Poděbradska s tímž významem. Pro zajímavost lze ještě uvést obrat *ešče sa mu neftahlo žlútko* z Luhačovicka; v tomto případě však jde o význam odlišný, a to „nedospěl“.

2.2 Organizace frazémů v SNČJ

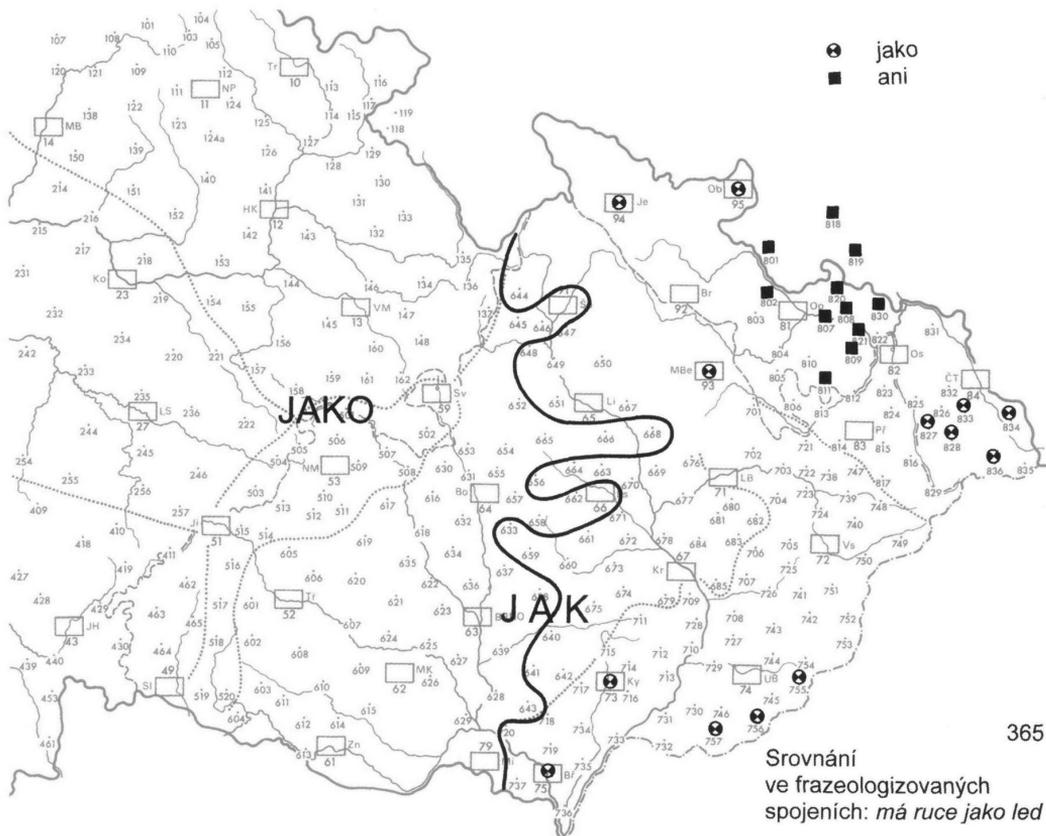
V SNČJ jsou frazémy součástí slovníkových hesel, tvoří jejich samostatný oddíl. Za frazém zde považujeme ustálenou kombinaci slov, která má celistvý význam, je tedy reprodukovatelná jako celek a její význam není odvoditelný z významů jejích jednotlivých komponentů (Hladká 1995, s. 71). Mezi frazémy tudíž nezahrnujeme jednoslovná kompozita ani složené předložkové, spojkové a částicové výrazy (jak je tomu v širokém pojetí frazeologických jednotek u Čermáka (2007)). Při řazení frazémů v příslušném oddíle upřednostňujeme přirovnání, poté následují další typy.

Heslové odstavce jsou v SNČJ uvedeny lemmatem, které je zastřešující pro všechny doložené hláskové varianty heslového slova. V exemplifikaci pak následují příklady v dialektologickém přepisu. Tak je tomu i v případě frazémů (např. *rozumí temu jag žaba ořechám* nebo *šarpě še jag žaba na porvusku*). Do hesel jsou vřazovány podle svých autosémantických komponentů; uvedené frazémy *rozumí temu jag žaba ořechám* náleží pod lemmata **ořech**, **rozumět** a **žába**, *šarpě še jag žaba na porvusku* pod lemmata **provázek** (to přihnízdovalo jako deminutivum k **provaz**), **šarpat se** a **žába**. Za frazémem následuje lokalizace a vysvětlení významu: *rozumí temu jag žaba ořechám* Věteřov HO³ – vůbec tomu nerozumí, *šarpě še jag žaba na porvusku* Jablunkov FM – zdráhá se, vzpěčuje se.

V nářečních frazémech se podle očekávání odrážejí specifika nářeční lexikální zásoby. V přirovnání se projevují rozdíly už v rovině základních komponentů. Struktura přirovnání jako celku je samozřejmě stabilní, v postavení komparátoru se však objevují varianty *jak/jako* a *ani* s územně vyhraněnou platností, jak ukazuje mapa *Českého jazykového atlasu* (díl 5, položka 365 Srovnání ve frazeologických spojeních: má ruce jako led).

Na celém území národního jazyka je rozšířen výraz *jak*, srovnávací obrat *s jako* se vyskytuje v českých nářečích v užším smyslu, v západní polovině středomoravských nářečí, odděleně ještě na jihovýchodě při státní hranici se Slovenskem v tzv. kopaničářských nářečích a ve východním Slezsku v nářečích slezskopolských, spojka *ani* je výrazným dialektismem na Opavsku, Ostravsku a na přilehlém území s českým osídlením v Polsku, srov. např. *mluviž aňi biblija*, jak lze vidět v hesle **biblije** (autorka Zuzana Hlubinková):

³ V lokalizaci dokladů je uvedeno jméno obce a zkratka jména příslušného okresního města: BK – Blansko, BV – Břeclav, FM – Frýdek-Místek, HO – Hodonín, HK – Hradec Králové, JC – Jičín, JN – Jablonec nad Nisou, LB – Liberec, OL – Olomouc, OV – Ostrava, OP – Opava, PM – Plzeň, PR – Přerov, PV – Prostějov, RO – Rokycany, SM – Semily, SY – Svitavy, TR – Třebíč, UH – Uherské Hradiště, UO – Ústí nad Orlicí, VS – Vsetín, VY – Vyškov, ZL – Zlín.



biblije f. (biblija, byblija)

1 vm, slez základní kniha křesťanských náboženství, Písmo svaté: *nájdí bibliju, poríkáme si* Velká nad Veličkou HO; *stařycěk prajeli biblija* Štáblovice OP; *večyr se čytało z biblije* Ostrava OV (Hošťálkovice); *biblija* Sobůlky HO, Jablunkov FM; *říkad bibliju* Zádveřice-Raková ZL; *byblija* Valaško 2 expr. tlustá, objemná kniha: *čte sy v jakejsy velikej bibliji* Kelč VS

- *mluviž aňi biblija* Ostrava OV (Hošťálkovice) – strojeně, nepřirozeně

Zastoupení frazémů v heslových odstavcích je různé. U velké části lemmat frazeologie zcela schází, u jiných je zastoupena pouze jediným záznamem. Existují však i heslové odstavce s bohatou frazeologií, jak je patrné např. z hesel **blecha** (21), **ďábel** (46), **čert** (104). Jako ilustraci lze uvést frazémy u heslového slova **blecha** (autorka Hana Konečná):

- *chodí jako nemocná blecha* Světlá pod Ještědem LB – velmi špatně; *ten je s toho šťastnej jag blecha* Vranov BN (Bezděkov) – velmi šťastný; *je jako pitel blech* Soběslav TA – neposedný, divoký; *žije se jag blecha f panskím kozicho* Čebín BO – má se dobře; *píšeš to jag blechi* Blatnička HO – malými písmeny; *byď jak pošulaná blecha* Valaško – celý rozlámaný; *každej pes má sví blechi* Libuň JC (Libunec) – každý člověk má nějakou chybu; *musí ušechno vjedět, tá má ch každim baráku i blechi spočítaní* Držkov JN – ví vše o všem

a o každém; *de na blechu s kleďivem* Chodsko, *de na blechu s palicí* Chodsko – nadělá příliš hluku nebo se chová nemístně důležitě; *nekupuj zajce f pitli, nehledij blechi f kitli* Chodsko; *híd zalužid blechám* Žďár BK, *di jož jedná založed blechám* Litovelsko, *pázd blechi* Blatnička HO – spát; *spíš uhlídáš pitel blech jak jednu ženckó* Slavkovsko-Bučovicko; *jag blechy hryzum, to je na inšy čas* Kelečsko – změní se počasí; *aš sa budú blechy potškubávať* Valašsko – nikdy; *u Mikúšu blechy kúšu* Valašsko – mají tam nečisto; *dokavát pes psovi blechy vyběře, dotát sú spoľem dobre, hoď mezy ňe kost, hneď jeden druhého odře* Valašsko; *na zhnítej ňití hnaď blechu do Vidňa* Frenštátsko – dělat nemožné.

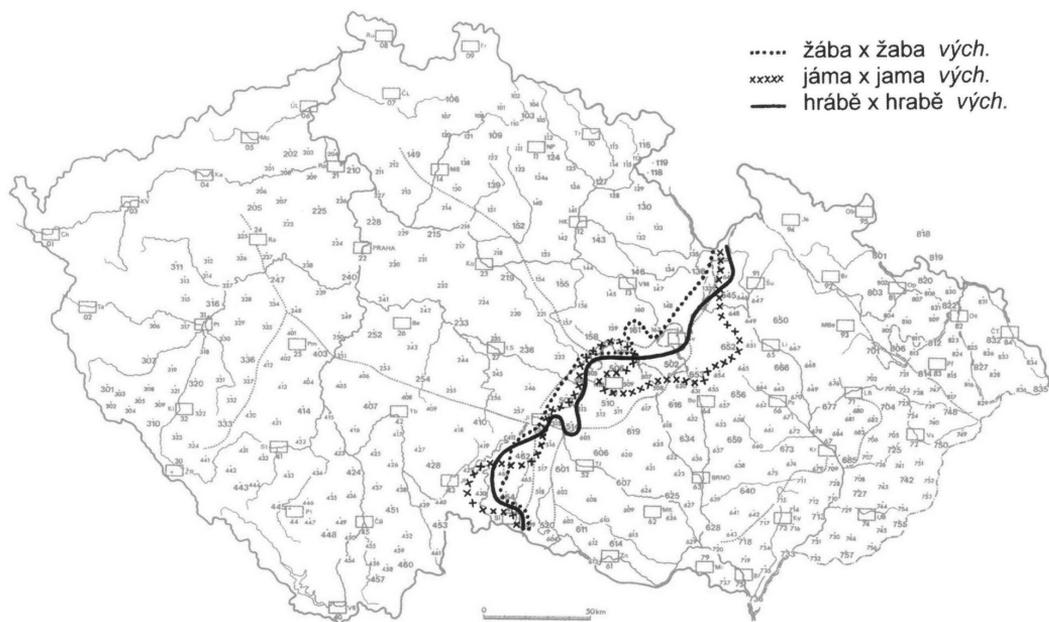
3. Frazeologie a homonymie

SNČJ zpracovává lexikální zásobu všech dialektů češtiny, proto nepřekvapí, že se ve frazémeh vyskytují lexémy, které nejsou obecně srozumitelné, jak již bylo uvedeno. Zvláštním případem je též existence nářečních lexikálních homonym. Jako příklad zde lze uvést frazémy s dialektismem *baček*. Ze severovýchodočeské nářeční oblasti pochází frazém *hruški sou letos jako bački* Loužnice JN („jsou velké a baňaté“), jejichž comparatum *bačky* vychází z nářečního apelativa *baček* m./ *bačka* f. „obuv (měkká domácí; zimní filcová nad kotníky atd.)“; to má východisko v německém substantivu *Batsch(e)* „druh obuvi“. V přirovnání z východní Moravy je *jag baček* Místřice UH („je tlustý“) je comparatem substantivum *baček* „tlustý člověk; prase“, slovo domácí, které je odvozeno od adjektiva *bačatý* „tlustý“. I toto adjektivum ostatně navazuje na přejatý výraz, a to *bača* „ovčák; statný muž“, který má patrně kořeny v rumunském *baci* (Králik 2015) a byl k nám importován prostřednictvím karpatské salašnické kolonizace. Stejně tak u frazémů *ma dluhe nohy jag bocaň* Ostrava OV (Hrabová) a *choď jag bocaň po staveňi* Černotín PR se výrazy v comparatu shodují jen zdánlivě. I zde jde o homonyma: z Ostravska je comparatem *bocaň* „čáp“ (s etymologií nejasnou) a přirovnání se týká dlouhých nohou, kdežto na Přerovsku se slovem *bocaň* označuje zamračený člověk (k *bočit* „mračit se“; srov. Kloferová, 2018, s. 111–114).

4. Frazémy s bázovým slovem žába

V příspěvku využíváme materiál z celonárodního nářečního slovníku a představujeme frazémy s bázovým slovem **žába**. Všimáme si, jak nářeční mluvčí vnímají žabu, její vzezření a chování, popř. i jiné vlastnosti, a jak se tyto představy odrážejí v nářeční frazeologii (metodu rozboru frazeologických obrátů z hlediska věcněsemantického podrobně propracovává M. Křivancová 2015, 2016, 2017). Zajímá nás také, nakolik jsou zjištěné frazémy specifické zvláště pro dialekty a zda jsou zaznamenány v dostupné lexikografické literatuře, a to v *Slovníku spisovného jazyka českého* (1960–1971; dále SSJČ), dále v pracích *Lidová rčení* (Zaorálek 1947; ZAO), *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání* (Čermák a kol. 1983; SČFI) a *Zvířata v české a polské frazeologii a idiomatice* (Mrhačová – Poncová, 2003; MPO). Odkazujeme též na paralelní záznamy v dílech *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku* (Flajšhans, 2013; 1. vydání 1913) a *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích* (Čelakovský, 1949, 1. vydání 1852) a v *Slovníku česko-německém* (Jungmann, 1835–1839).

V rovině bázového slova **žába** upozorňujeme na nářeční hláskovou variabilitu *žába* (území Čech) x *žaba* (území Moravy a Slezska), jak znázorňuje mapa *Českého jazykového atlasu* (díl 5, položka 134 a) *žába*, b) *jába*, c) *hrábě*):



134
 a) ŽÁBA
 b) JÁMA
 c) HRÁBĚ
 kvantita

Apelativum *žába* patří k základní slovní zásobě, nevstupuje do žádného homonymního vztahu. Jako bázové slovo se v nářeční frazeologii vyskytuje zejména ve frazémeh nevětných, zde pak především v ustálených přirovnáních. Méně často je zastoupeno ve frazémeh větých, zde pak zejména v pořekadlech a rčeníh.⁴

4.1 Přirovnání

Přirovnání s bázovým slovem *žába* se týkají člověka, což není nijak překvapivé: podle Čermáka (2007, s. 395) činí tento typ 80 % všech přirovnání. Rovněž povaha comparata nepřekvapí: přirovnává se k žábě, tj. k reálii patřící do světa zvířat; tento typ dosahuje 20 %.

Ve shodě s Čermákem zde rozlišujeme dvě základní skupiny frazémů, a to nominální a ver-

⁴ V knize J. Vyhliďala *O žoželi a jiném tvorstvu* (1940, s. 25) se mimo jiné také dočítáme, jak lidé na venkově vnímali žábu. Žába byla – stejně jako mnoho dalších živočichů – přirozenou součástí každodenního života. Byla však vnímána spíše negativně: „Venkovskému lidu málokterý tvor se tak oškliví jak žába, malé děti, když ji udrží, prchají před ní zacpávající si ústa, aby jich neotrávil. Nejvíce se lidem protiví chřastavá žába (pozn. autorky: ropucha); skokani, janičci (rosničky) ještě jakés takés milosti u nich docházejí, zvláště u měst, kde se skokani chytají na prodej. Odpor tento budí zevnější ošklivá podoba, při některém druhu i nelibý zápach, též odporné kuňkání. Lidová pověra dí, že do sv. Jiří vody jsou jedovaté, proto se nesmí v nich koupati, po sv. Jiří z vod vytáhnou jed žáby, hadi a „štóří“. Žáby prý čistí vodu.“ Autor připojuje i lidovou bajku o žábě a jejím vzhledu, zvláště očí: „Všimneme-li si blíže žáby, poznáme, že má pěkné oči. Původně prý žába měla pěkný hlas a škaradé oči, tu najednou přiletěl slavík s pěknýma očima, však chřaptivým hlasem, prose jí, aby si je vyměnili: On ze jí dá pěkné oči, a ona jemu libozučný hlas. Dohodli se. Od té doby slavík překrásně zpívá, ale nemá pěkných očí, a žába skřehotá, majíc oko výrazné, pěkné.“

bální. Pro snazší orientaci jsou frazémy uvedeny nejprve v lemmatizované (pravopisné) podobě, poté následuje exemplifikace v dialektologickém přepisu.

4.1.1 Frazémy nominální

V zaznamenaných frazémech je vyjádřena velká míra nápadného vnějšího tělesného znaku, negativně vnímaného:

chladnost, studenost – **studený/chladný/zimný** („studený“) **jak žába**: *stodené jag žaba* Uhřice BK; *studené jag žaba* Bučovice VY; *studení jag žaba* Mistřice UH; *chladný jag žaba* Kelč VS; *ruka jeho byla žymna jag žaba* Branka u Opavy OP (SSJČ, ZAO, SČFI, MPO); ošklivost – **škaredý jak žába**: *škaredej jag žaba* Kobyly BV (ZAO); bledost, nezdravé zabarvení pokožky – **zelený jak žába**: *hned' bil bledej jak stěna, hned' zelenej jag žaba* Kobyly BV; skvrnitost pokožky – **strakatý jak žába**: *strakatej jag žaba* Plzeň PM; holost, nedostatek vlasů, chlupů – **holý jak žába**: *hoľý tajag žaba, docela bes chlúpka* Vsetín VS; drsnost (podobanost) pokožky – **rapatý** („s drsným, kostrbatým povrchem; podobaný“) **jak žába**: *má hubu rapatú jag žaba* Mistřice UH; mokrost – **mokrý jak žába**: *mokrė jag žaba* Knínice u Boskovic BK; *on mokrý jag žaba a Jura suchý jako zrnko pepřa* Vsetín VS.

4.1.2 Frazémy verbální

V zaznamenaných frazémech jsou vyjádřeny nápadné projevy činnosti nebo chování, jako je neobratnost, pýcha, hloupost atd., srov. neobratně upadnout – **rozplácnout se / roztáhnout se / rozplasknout se / upadnout jak žába** (SSJČ, SČFI, MPO): *rospĺac se na leđe jag žaba* Rokycany RO; *rostahla beš se jag žaba, na fšeckę šterę* Výšovice PV; *čerd leži na prostřetku ceľy rospĺasknuty jag žaba bachrata – a mrtfy* Dolní Lhota OV; *upadľ jak s šýřý, tag z děli, zrovna jako žaba* Vsetín VS; neobratně, pomalu se pohnout – **převalit se jak žába**: *hoďa jich do sádla, každej ten koblich převali se jag žaba* Kobyly BV; klouzavě a těžce se pohybovat (po mokřém povrchu) – **smýkat se jako žába**: *mošim sebo po křipopách smėkad jag žaba, abeč se nezalkl sočem a načesto nezashl* Náklo OL; třást se, trhat / cukat sebou – **šarpat se jak žába**: *šarpě še jag žaba na porvusku Jablunkov FM*; chovat se pyšně, domýšlivě – **nafukovat se** (SČFI, MPO) / **nadouvat se** (SSJČ **nadýmat se**) / **stavět se jak žába na obrovňavku / podrovnávkou** („nejnižší nadzemní část stavění“): *nafukuje se jag žaba u ribňika* Jičín JC; *plno pích f sobje, nadúvá se to jak tá žaba* Kobyly BV; *stavjá se na zadní nohy jag žaba na obrovňafku* Kobyly BV; *stavi se jag žaba na podrovnáfku* Výšovice PV (Flajšhans, 2013: *nadýmá se (rozdýmá se) jako žába*; „Z bajky aesopské; pak obecně evropské; angl., franc., něm.; také rus., srb., polsky nadyma się jak žaba“, s. 881; Čelakovský, 1949: *nadýmá se co žába*; Jungmann, 1839: *nadýmá se co žába*); mluvit nepřijemným hlasem – **štěkat (pyskem) jak žába**: *ščeká pyskem jag žaba* Ostrava OV (Hrabová); projevovat se / projevit se zvukem typickým pro žabu – **kuňknout jak žába** (MPO): *keho chítne, ten si musí přejinačid hlas a kuňkne jag žaba, abi ten ho nepoznal* Kobyly BV (z hry na kuňkavú žabu/na říchú muziku); dívat se překvapeně, vyjeveně – **hledět / koukat se / mrkat jak(o) žába**: *hledí jag žaba s prachõ* Uhřice BK; *hledí jag žaba s prachõ* Litovel OL; *hledí jag žaba s prachu* Kobyly BV; *hledí jag žaba s kiški* Slavkov u Brna VY, Vlkoš HO; *hledí jag žaba s kýšky* Valašsko, *hledí jag žaba s kyšky* Frenštátsko (přirovnání, dnes vypadající jako absurdní, má reálný základ ve zvyku dávat do mléka žabu, aby mléko nezkyšlo); *kouká jako žába ze salátu* Nový Bydžov HK; *kouká jako žába na hroma* Nový Bydžov HK; *mrugo jako žaba f prochu* Bukovec FM; poulit oči – **vyvalovat oči jak žába** (MPO):

vivaluje oči jag žaba Mistřice UH; nerozumět, nechápat – **rozumět něčemu jak žába**: rozumí tomu jag žaba hvjezdám Vysoké nad Jizerou SM; rozumí temu jag žaba ořechám Kobylí BV, Věteřov HO; nesmyslně, zbytečně mluvit, žvanit – **mluvit jako žába**: mluví jako žába před večerem Zbiroh RO; potrestat někoho – **roztrhnout někoho jak žabu**: roztrhnoťe jag žabo Drysice VY; rostrhnuťe jag žabu Mistřice UH; rostrhnuťe jag žabu Ostrava OV (Hrabová) (SČFI); mít se špatně, nesvědčit někomu – **mít se jako žába**: má sa jag žaba pot kameňem Valaško; svječí mu to jag žabje karkula Kyjov HO; mít něčeho nedostatek – **mám trumfů jako žába chlupů** Jičín JC; má vlasů jako žába chlupů Herálec HB; má vlasů jag žaba chlupů Polička SY; má peňez jag žaba chlupů Valaško (MPO) (Flajšhans, 2013: *jest vlny na koze jako chlupův na žábě; máť on (peněz) jako žába vlasův*; Jungmann, 1839: *máť on peněz, co žába vlasů (chlupů)*; *co vlny na koze, chlupů na žábě*); mít něčeho dostatek, nadbytek – **měli peněz jag žap po svatém** Juří Valaško; v nouzi využívat každé příležitosti – **chytat se jak žába muru** (mur ‚zed‘): *chyta še jag žaba muru* Dolní Lomná FM.

5 Pořekadla, rčení

V nářečních pořekadlech nebo rčeních s apelativem žába jsou rovněž vyjadřovány negativní postoje, negativní pocity atd., srov. příliš malá míra/velikost: *je žabje po popek* Litovel OL; *sňehu tu není moc, jen žabě po kolena* Vsetín VS (ZAO); pocit nevolnosti: *mám v žalótko žabe* Nové Syrovice TR; *v žalótko bėdó krákad žabę* Cholina OL; leknutí: *žába na mře šáhla* Jičín JC; překvapení: *pot kamenem žába* Jičín JC; lidská hloupost: *ten zná ze ušech ptáků jen žabu* Světlá pod Ještědem LB.

K dalším zjištěným frazémům patří rčení *už ho žerou žábi* Přeštice PM – je mrtvý; *nejňi dicki rak, taki žába* Jičín JC – není vždy dobře, bývá i huře (Flajšhans, 2013: *ne vždy rak na mlýně, taky žába*; Čelakovský, 1949: *ne vždycky ryby, také někdy žába*; *ne vždycky rak ve mlýně, někdy také žába se nahodí*; Jungmann, 1839: *ne vždycky rak, také někdy žába*; *ne vždycky rak na mlejně, někdy také žába se trefuje*); *pohla sebum stara žaba* Kravaře OP – o nečekané reakci někoho, kdo běžně nereaguje; *malá žába se pod velké kamen schová* Česká Třebová UO – na malou chybu se nepřijde; *co se tym stromum stalo? Taka ovodz a tak naras skažena. Lebo se tam pod ňe kaj žaba dostala?* Dolní Lhota OV. Pozornost zaslouží též rčení *haňi žaba hochem nehne* Uhřice BK a varianta *aňi žaba óškem nehne* Pustiměř VY – jako by se nic nestalo.

6 Závěr

Z představeného nářečního materiálu vyplývá, že žába má v českém jazykovém prostředí zápornou konotaci, jak ukazují zaznamenaná přirovnání a většinou i pořekadla nebo rčení. V přirovnáních jde o vyjádření negativního postoje mluvčích k nápadnému, od běžné normy se odchylojícímu vnějškovému znaku osoby, k níž se přirovnání vztahuje, jako je např. studenost, ošklivost nebo bledost, a nápadná odlišnost projevující se v chování a dalších činnostech.⁵

⁵ Jen na okraj připomínáme, že pozitivní konotaci dokládají sudetoněmecké nářeční zdroje při dřívější jazykové hranici česko-německé: *gsund wi e frosch, völlig gesund*, tj. zdravý jako žába, naprosto zdravý, srov. *Sudetendeutsches Wörterbuch*, 1982–.)

Srovnáme-li počty uvedených významů v slovníkové literatuře, zjišťujeme, že v nářeční databázi zahrnuje oblast přirovnání 21 dílčích nářečních významů, z nichž je v srovnávané literatuře zaznamenána pouhá třetina. V okruhu pořekadel je zaznamenáno šest významů, z nichž excerpovaná literatura dokládá pouhé dva. Nejstarší zdroje, tj. Jungmannův *Slovník česko-německý*, Čelakovského *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích* a Flajšhansova *Česká přísloví*, zachycují maximálně po dvou přirovnáních a pouze jedno pořekadlo.

Je zároveň pozoruhodné, že většina zapsaných dokladů pochází z nářečí na Moravě, popř. ve Slezsku, z nářečí v Čechách jsou záznamy řídké. Potvrzuje toto zjištění skutečnost, že směrem k východu území českého národního jazyka se doposud nářečí více uchovávají?

Nářeční frazeologie je tak bezpochyby pramenem cenných dokladů, velmi často nikde nezaznamenaných, o tom, jak nářeční mluvčí vnímá okolní svět, v jakých spojitostech uvažuje, když jej prostřednictvím jazyka popisuje. V dnešní době, jak známo, tradiční teritoriální nářečí postupně zanikají. Celý proces je spjat s historickými a společenskými okolnostmi, kterými nářečí procházela a procházejí (konkrétními věcněvýznamovými okruhy a jejich vývojem se zabývají např. publikace *Čeština všední i nevšední*, Kuchař – Utěšený 1972, z nedávné doby též *Život ve slovech, slova v životě*, Kloferová – Šipková 2018). Pozvolna mizí nářeční slovní zásoba, výrazně rychlejšímu ústupu však podléhá zejména nářeční frazeologie, spjatá s dřívějším obrazem světa našich předků. Soudíme, že přirovnání s bázovým slovem **žába** jsou až na několik výjimek dnešním mladým lidem sice srozumitelná, avšak jsou hodnocena jako nepoužívaná, někdy vnímána jako cizí („nikdy jsem nic takového neslyšel/neslyšela“), ba komická. K uvedeným výjimkám patří obecně známé frazémy *rozplácnout se jako žába*, *roztrhnout někoho jako žabu*, jak nás o tom přesvědčují každoroční průzkumy znalosti nářeční frazeologie mezi studenty na Filozofické fakultě MU v Brně.

Je proto velkou výzvou pro českou dialektologii, aby se vedle zpracovávání celonárodního nářečního slovníku zabývala rovněž zkoumáním nářeční frazeologie. Má k tomu veškeré předpoklady. Nic by české dialektologii neuškodilo více, než kdyby zaujala postoj „ani žába uchem nehne“, jak jej vnímáme v nářečním moravském frazému a který jsme parafrázovali v názvu tohoto příspěvku. Ba naopak – je zapotřebí se nářeční frazeologii věnovat. Je bezesporu nutné, aby „žába uchem hýbala“.

Příspěvek vznikl s podporou projektu Grantové agentury České republiky č. 16-04648S Odras života našich předků v mizejících slovech.

Literatura

- Bachmannová, J.: K výzkumu a popisu nářeční frazeologie. *Naše řeč*, 1986, s. 1–5.
- Čelakovský, F. L.: *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*. Praha, Vyšehrad, 1949.
- Čermák, F. a kol.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání*. Praha: Academia, 1983.
- Čermák, F.: *Frazeologie česká a obecná*. Praha: Karolinum, 2007.
- Čermák, F.: *Jazyk a slovník. Vybrané lingvistické studie*. Praha: Karolinum, 2014.
- Český jazykový atlas 1–5, *Dodatky*. Praha: Academia 1992–2011.
- Filipec, J. – Čermák, F.: *Česká lexikologie*. Praha: Academia 1985.
- Flajšhans, V.: *Česká přísloví. Sbírnka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. Druhý svazek. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.

- Hladká, Z.: Frazémy. In Karlík, P. – Nekula, M. – Rusínová, Z. (eds.): *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1995.
- Jungmann, J.: *Slovník česko-německý*. 5. díl. Praha: Knížecí arcibiskupská tiskárna, u Josefy vdovy Fetterlové, 1839.
- Kuchař, J. – Utěšený, S. (eds.): *Čeština všední i nevšední*. Praha: Academia, 1972.
- Kloferová, S.: Slovník nářečí českého jazyka: má nám ještě dnes co říci? In Bláha, O. – Svobodová, J. a kolektiv, *Současná jazyková situace na Moravě a ve Slezsku*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2018, s. 108–117.
- Kloferová, S. – Šipková, M. (eds.): *Život ve slovech, slova v životě*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2018.
- Králik, L.: *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda, 2015.
- Křivancová, M.: Čertovský guláš – první část (Obraz čerta v české frazeologii). *Lingua Viva*. 2015, XII (21), s. 41–48.
- Křivancová, M.: Čertovský guláš – druhá část (Obraz čerta v české frazeologii). *Lingua Viva*. 2016, XII (22), s. 34–45.
- Křivancová, M.: Pojďte s námi do pohádky (obraz pohádkových bytostí v české frazeologii). *Acta FF ZČU, Moderní lingvistika mezi pragmatickým a kognitivistickým přístupem*. 2017, 9, s. 67–100.
- Mrhačová, E. – Ponczová, R.: *Zvířata v české a polské frazeologii a idiomatice. Česko-polský a polsko-český slovník*. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravské univerzity, 2003.
- Slovník spisovného jazyka českého*. 7. díl. Praha: Academia, 1990.
- Sudetendeutsches Wörterbuch*. München: R. Oldenbourg Verlag, 1982–.
- Zaorálek, J.: *Lidová rčení*. Praha: Fr. Borový, 1947.

Internetové zdroje:

- NESČ Nový encyklopedický slovník češtiny [online]. Brno: Masarykova univerzita. 2012–2018 [cit. 2018-11-03]. Dostupné z: <https://www.czechency.org>
- SNČJ Slovník nářečí českého jazyka [online]. Brno: dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i. 2016 [cit. 2018-11-03]. Dostupné z: <http://sncj.ujc.cas.cz>

Мовна картина світу, культурний код «душі» та західнополіська фразеологія

Language picture of the world, cultural code of “soul” and western polissia phraseology

Зоряна Мацюк – Марія Фенко, Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки, Луцьк

Abstract

This article is devoted to the description of Western Polissia phraseological units which include the symbol-component “soul”, the one which is treated as an ethnic and cultural marker in the modern language picture of the world. The nature of sacredness of areal units has been revealed. Extensive attention has been devoted to the importance of the research of images of non-official speech as a cohesive linguistic microsystem. It has been mentioned that the verbal symbolism of phraseological units reflects material and spiritual life of Western Polissia inhabitants.

Phraseological units are based on the images that a person thinks of. They reflect the national worldview which is one of the most important parameters of mentality and individual or group picture of the world description. Phraseological language units reproduce the peculiarities of the worldview and the identity of the nation-bearers. It has been identified that in the phraseological units the psychology of feelings, thoughts, mood, ideas, internal experiences goes to the foreground, builds infinity of phraseological structures, microstructures, penetrates not only the superficial level of spiritual life of a person, but also penetrates into the depth of sensory sensations, builds its mentality.

Анотація

У статті здійснено опис західнополіських фразеологічних одиниць із компонентом-символом «душа», що є етнокультурним маркером у сучасній мовній картині світу. Розкрито природу сакральності ареальних одиниць, наголошено на важливості дослідження образів народного мовлення як цілісної мовної мікросистеми. Зазначено, що словесна символіка фразеологічних одиниць відображає матеріальне і духовне життя жителів Західного Полісся. У фразеологічних одиницях сконцентровано образи, якими мислить людина, відображаючи національне світобачення, що є одним із найважливіших параметрів опису ментальності та індивідуальної чи групової картини світу. Фразеологічний склад мови відтворює особливості світобачення, самобутності народу-носія. Визначено, що у фраземах психологія почуттів, думок, настроїв, уявлень, внутрішніх переживань виходить на передній план, вибудовує безкінечність фразеоструктур, мікроструктур, пронизує не тільки поверхневий рівень духовного життя людини, а й проникає в глибину сенсорних відчуттів, вибудовує її менталітет.

Key words: phraseological units, linguistic picture of the world, concept, area, dialectal speech, symbol, psychoemotional state.

Ключові слова: фразеологізми, мовна картина світу, концепт, ареал, діалектне мовлення, символ, психоемоційний стан.

Постановка проблеми у загальному вигляді та зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями. Мова – найважливіший засіб формування та збереження знань людини про об'єктивний світ, зафіксованих у слові. Сукупність цих знань у мовній формі творить «мовну картину світу», її суб'єктивний образ об'єктивної реальності. Кожна людина по-своєму і неповторно відтворює світ, а через мову відображає спосіб сприйняття та його концептуалізацію тим чи тим етносом, що вирізняється історією, культурою, своїми цінностями. Кожна національна мова – це універсальна система істин, знань, зумовлена своєю психологією народу. Мовна картина світу відображає у вербальних формах дійсність, яка сприймається свідомістю. Тому предмет досліджень сучасної лінгвістики – з'ясування безпосереднього впливу людини на мову, якою вона послуговується, і впливу природної мови на поведінку та мислення людини, особливо у площині формування її картини світу (Кубрякова 1988, с. 142).

Сучасна мовна картина світу – основа світобачення та світовідчуття, реалізована в різноманітних формах людської поведінки, до яких насамперед відносимо людську мову, яка створена в процесі номінації, а її ключовим елементом є слово. Слово трактують як ключову одиницю мовної картини світу. Саме тому сукупність уявлень про світ, зафіксованих у значенні різноманітних слів і висловів, формує певну систему поглядів, які потребують ґрунтовного осмислення, опису та їх характеристики. «У мовній картині світу знайшли втілення уявлення, вірування, стереотипи, концепти, поняття, моделі тощо» (Ужченко 2007, с. 289).

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Аспекти формування національнокультурної своєрідності семантики мовних одиниць крізь призму взаємозв'язку мови та заявленої проблеми висвітлювали зарубіжні (Е. Косеріу, Ю. Сорокін, Д. Шмельов та ін.) та вітчизняні учені (Л. Булаховський, Ю. Шевельов, О. Мельничук, В. Русанівський, С. Семчинський, В. Коломієць, Л. Паламарчук, В. Німчук, О. Муромцева, О. Тараненко та ін.). Науковцями доведено, що навколишній світ людина пізнає і логічно, і образно, а ці форми пізнання знаходять відображення у словах, фраземах, пареміях. Однак якщо більшість слів приховують цілі комплекси образів, які так чи так реалізовані у свідомості різних людей, то більшість фразеологізмів – це твори мовної образності, котра закладена в них первинно і є, таким чином, живописним способом зображення осіб, предметів, явищ і їх ознак, ситуацій і різних відносин. «З одного боку, це знаки, які опосередковано відображають дійсність, з іншого – знаки психологічного сприйняття навколишнього світу в художніх образах» (Смерчко 1998, с. 2003).

Сучасні лінгвісти (А. Белова, І. Беженар, О. Городецька, Е. Кубрякова, Е. Селиванова та ін.) у своїх дослідженнях останніх років зосереджують увагу на мовних засобах як утілення картини світу. У центрі уваги мовознавців – людина як носій мови, яка репрезентує культуру, у зв'язку з чим однією з суттєвих ознак лінгвістичної науки стає актуалізація

лінгвокультурологічного й когнітивного підходів до мовних явищ, структур і процесів. Мова як явище, що розвивається разом із суспільством, є водночас унікальною скарбницею людського досвіду, тож усі без винятку мови містять у своєму складі численні національно-культурно марковані одиниці, семантика яких пов'язана з інформацією культурологічного характеру. Зауважимо, що ця інформація по-різному відображена в одиницях різних мовних рівнів.

Пріоритетним вважаємо дослідження фразеологічних одиниць, оскільки вони містять у концентрованому вигляді образи, якими мислить людина, відбивають національне світобачення, будучи одним із найважливіших параметрів опису ментальності й індивідуальної чи групової картини світу. Фразеологічний корпус мови, як зазначає В. Телія, – особливо благодатний матеріал для вивчення взаємодії мови й людини, «оскільки в ньому концептуалізовані не тільки знання про власне людську наївну картину світу, а й запрограмовано участь цих мовних ознак у міжпоколінній трансляції еталонів і стереотипів національної культури» (Телія 1996, с. 9).

Фразеологія виникає в національних мовах на основі образного уявлення про дійсність і відображає побутово-емпіричний, історичний або духовний досвід мовного колективу. Цей досвід безумовно пов'язаний з культурними традиціями народу, бо суб'єкт номінації та мовленнєвої діяльності – це завжди суб'єкт національної культури та менталітету. У світобаченні та самобутності народу-носія збережено систему цінностей, суспільну мораль, відношення до світу, до людей, до інших народів. Сукупність усіх фразеологізмів української мови, які відображають життя у всіх його проявах, науковці називають фразеологічною картиною світу. Фразеологізми зберігають відбитки архаїчного мислення (міфологічного, тобто такого, у якому відбувається інтерпретація феноменів світу в умовах відсутності загальних понять через тропи (Помирча 2016, с. 64). Відзначаючи кумулятивну роль мови, її своєрідну пам'ять, науковці підкреслюють, що тільки еталонне й стереотипне в досвіді народу, пов'язане з його культурними традиціями, загальнозрозуміле для носіїв мови, може бути основою усталених висловів.

Формулювання цілей статті. Досліджуючи фраземіку Західного Полісся, основну мету вбачаємо в комплексному дослідженні та простеженні різноманітності системних відношень і зв'язків (охоплюючи всю сферу діяльності людини, зокрема психоемоційну) фразеологічного компонента «душа» в полі мовної та культурної семантики.

Присутність людини відчутна у всьому просторі мови, однак найвиразніше помітна саме у фразеології, адже ідіома не стільки називає предмет, скільки зображує його багатоглядно, з усією різноманітністю конотативних значень. Об'єктивізація у фразеологізмі психології почуттів, думок, настроїв, уявлень, внутрішніх переживань виходить на перший план, вибудовує безкінечність фразеоструктур, мікроструктур, пронизує не тільки поверхневий рівень духовного життя людини, а й проникає в глибину сенсорних відчуттів, вибудовує її менталітет і прагматичне поле (Ужченко 2007, с. 44).

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. У західнополіському культурному ареалі *душа* виступає символом внутрішнього психологічного світу людини, місцем локалізації її емоцій і високих бажань, пов'язаних із задоволенням духовних потреб. У Словнику української мови потрактовано, що «*душа* – за релігійними уявленнями, безсмертна нематеріальна основа в людині,

що становить зміст її життя, є джерелом психічних явищ і відрізняє її від тварини» (Фразеологічний словник української мови 1998, с. 445). Загалом лексикографічний портрет фразеологічних одиниць літературної мови з компонентом *душа* налічує десятки фразеологізмів, наприклад: *аж душа болить* – «нестерпно, дуже» (Словник фразеологізмів української мови (СФУМ 2008, с. 225); *душа росте* – «хто-небудь відчуває піднесення, натхнення, захоплення» (СФУМ 2008, с. 227); *душа (серце) радіє (радується)* – «хто-небудь дуже задоволений чимось, відчуває радість, насолоду, втіху від чогось» (СФУМ 2008, с. 228); *відкрита душа* – «хто-небудь прихильний, привітний до кого-небудь», «хто-небудь чутливий, сприйнятливий до чогось» (СФУМ 2008, с. 230); *душа болить (ниє, щемить, ятриться)* – «хто-небудь дуже переживає, страждає з якогось приводу» (СФУМ 2008, с. 225); *душа в душу* – «дружно, у злагоді» (СФУМ 2008, с. 225); *душа геть* – «будь-що, за будь-яких умов (має відбутися щось, бути зроблене щось)» (СФУМ 2008, с. 226); *душа (губа) не з лопуцька* – «хто-небудь не байдужий до чогось, наділений усіма рисами людської особистості; сміливий, принциповий», «хто-небудь такий, як і всі інші, кому-небудь властиве те, що і іншим, і т. под.» (СФУМ 2008, с. 226). Однак більшість літературних фразем не передають відтінків емоційного світу носія мови. Тому життєдайним джерелом таких досліджень вважаємо ареальну фразеологію.

Душа – фантом, створений людською свідомістю для осмислення свого буття, якнайкраще збігається з уявленнями про душу як повітря внаслідок аморфності останнього, неможливості спостерігати як матеріал. Міфологема душа намагнічена гетерогенними міфологічними уявленнями, тому одну й ту ж словесну формулу можна трактувати з погляду різних вірувань (Скаб 2008, с. 11). Так, наприклад, душа, за висновками М. Скаб, – «це істота / людина, душа – це внутрішній стан людини, душа – життя, душа – частина людини» (Каракуця 2002). У фразеологічних одиницях *душу* антропоморфізують, тобто вона може здійснювати ті ж дії, що й людина.

Репрезентуючи весь внутрішній психологічний світ людини, номен *душа* позначає людину в певному морально-етичному ракурсі, де душа виступає у значенні «людина» з цілою низкою конотативних відтінків, наприклад:

- позитивна характеристика, що ідентифікує людину з високими морально-етичними якостями: *л'удина-душа* (Карпилівка), *душа л'удина* (Олександрія), *душевна л'удина* (Кримне), *золота душа* (Липляни), *'добра йак душа* 'про добру людину' (Підманево), *'добра душа* 'надмірна людська доброта' (Милятин, Мала Глуша, Ковель), *'добра душа* 'щедр людина' (Кричильськ), *'шchedра душа* 'щедр людина' (Кричильськ), *ши'рока душа* (Рудники) *'шchedра і 'душу о'д:асц'* 'щедр людина' (Ветли), *'мати 'Бога в ду'ш'і* 'чесна і справедлива особа' (Клубочин), *ду'ша ком'пан'її* 'компанійська весела людина' (Брани) тощо;
- ідеальні взаємостосунки: *ду'ша в 'душу* 'добре жити' (Клубочин);
- спільність психолого-емоційних характеристик людини: *'свекор і свек'руха одного 'духа* (Млинів), *свек'рушен'ка* – *'душен'ка* (Довговоля);
- негативну конотацію, репрезентуючи негативний ставлення осіб до заборонених речей: *ду'ша п'росит' ро'солу* 'похмилля' (Збуж), *зали'ла 'душу і 'гочеї ни 'видно* 'зовнішні ознаки п'яної людини' (Любешів), *закро'пив 'душу* 'випити' (Рівне), *прий'н'ати на 'душу* 'випити' (Загаї).

Одностайність порівняння й метафори полягає у створенні фразеологічних асоціацій на основі схожості предметів чи явищ, однак відмінність між ними варто вбачати насамперед у вираженні змісту. Експресивність як лінгвістична категорія є результатом синтезу кількох базових конотативних аспектів – оцінки, емоційності, образності, інтенсивності, які презентують суб'єктивність змісту фразеологічних одиниць.

Сприймаючи зовнішній світ, людина виокремлює основне та фіксує це у свідомості. Оскільки дійсність має безпосередній вплив на психіку людини через органи чуття, то отримана з навколишнього середовища інформація зберігає елементи зорових, дотикових, слухових та інших відчуттів. Сфера ірраціонального, неконтрольованого розумом, в українській моделі особистості найважливіша. Душі властиво бачити, чути, сміятися та плакати, бути присутній в різних місцях і водночас залишатися невидимою. Вона є символом внутрішнього психічного світу людини, місцем локалізації її емоцій і «високих» бажань, пов'язаних із задоволенням душевних потреб: *душа рад'їє* (Клубочин), *душа т'їшиц'а* (Муравище), *душа бо'лит'* (Світязь), *три'вожно на ду'ш'ї* (Боголюби), *душа ба'жайє с'в'ата* '1) хотіти випити; 2) мати бажання на будь-які веселоці' (Полапи), *тер'ни ду'ша, спа'сен:а будеш* (Довговоля), *їат'рпиту 'душу* (Клубочин) та ін. Оскільки експресивність базована на образності, то сила образу полягає в його конкретності, тісному зв'язку з контекстом у широкому розумінні слова. Найбільшу схильність до фразеології виявляють ті сполучення слів, які відображають конкретні явища матеріальної дійсності, пов'язані з життям людини.

За спостереженнями дослідниці Скаб М. (Скаб 2008, с. 11) в українській мові слово душа найактивніше функціонує саме із значенням «почуття», – рідше «розум, думки». Душа відповідає за думки (тобто має зв'язок із розумом), бажання й емоції, однак фразеологізмів, у яких спеціально йшлося лише про думки, практично немає. У християнстві душа – це безсмертна духовна істота, яка володіє розумом і волею: *ро'зумна 'душа йак на'їїсц'а, то с'ї'руша* 'про особу, яка свідомо дбає про свій відпочинок' (Клубочин), де душа визначає не лише життєвий стан, а й здібності людини.

Душа – це один із двох складників людини, яка протиставлена тілу за ознакою належності до духовного, трансцендентного, невидимого світу. Існування душі та її емоційний стан підтверджують загальновідомі фразеологічні одиниці, які характеризують людину: *хоч о'чам с'тидно, так ду'ш'ї 'рад'їсно* (Залижня), *'зочи ни 'бачат', душа ни бу'лит'* (Клубочин). Утаємниченість, невідомість породила цілу низку словесних фразеологізованих формул: *чу'жа ду'ша – 'темний л'їс* (Залижня), *'велив 'душу* 'щось таємне розповісти, відкритися' (Полапи), *у чу'жу 'душу не за'л'їзеш* (Клубочин), *чу'жа ду'ша – по'т'омк'ї* (Клубочин). В об'разному підґрунті фразем відображено характерологічні риси народного світобачення, що входять як складник до поняття «менталітет».

Образність виразів створених за допомогою метафори уподібнює душу до поверхні, на якій ніби розташовані почуття або предмети, які символічно їх представляють: *'кам'їн' з ду'ш'ї ско'тивс'а* (Острожець), *їак 'кам'їн' з ду'ш'ї впав* (Годомичі), *їак 'кам'їн' з 'серц'а* 'полегшення після якогось хвилювання' (Бережанка). У народних уявленнях *камінь* – символ буття, означає міць і гармонійне примирення із самим собою; у фольклорі та літературі – символ непорушності, твердості, водночас жорстокості, суму, душевного болю і відчаю, символізує також душевні муки.

У багатьох сталих виразах іменний компонент *душа* перебуває у відношенні вільного варіювання, наприклад: *прик'їт'їв ду'шею* 'відносини між хлопцем і дівчиною' (Машів), *ду'ша не ле'жит'* 'не мати прихильності, не подобатися' (Журавичі), *ду'ша не на 'м'їси'ї* 'хвилюється, перебувати в стані тривоги, занепокоєння' (Клубочин), *їз ду'ши все 'вийме* (Доросині). Образність лягає в основу метафоричності значення, що активізує мислення людини, викликає напругу почуттів у носія. Цьому сприяє вибір об'єкта вторинної номінації, оскільки через фразеологізацію проходять саме ті аспекти людської діяльності, які вторинно відображені «через дзеркало людських почуттів, сприймань» та їх оцінювання.

Семантика фразеологічних засобів пов'язана з фоновими знаннями поліщуків, його практичним досвідом, культурно-історичними традиціями, який послуговується у певних ареалах. На Західному Поліссі, як і власне на всій території України, невиправданим було насильство чоловіка над жінкою. Однак, у фразеології вживана одиниця *'л'убит' їак 'душу, а т'русит' їак з'рушу* 'відносини між закоханими, між чоловіком та жінкою' (Миків). У народних традиціях знаходимо пояснення, що такі відносини були допустимі та виправдані, коли жінка була невірною чи ледачою, а чоловік такими вчинками підтверджував свою небайдужість до жінки.

На створенні мовної картини світу суттєво позначилися народні уявлення про перевтілення людей у тварин, зумовлені традиційним зіставленням поведінки людини і тварини. Українська, як і інші індоєвропейські мови, засвоївши загальну систему образів-символів світу природи, одночасно внесла в їхню інтерпретацію власний національно-культурний компонент, зокрема через виявлення нових особливостей поведінки, характеру тварин тощо. Наприклад *'зайача ду'ша* 'лякливий хлопець/чоловік' (Золочів). Засобом евфемізації виступає фразеологізм *за 'цапову 'душу* (Полапи) (образ цапа пом'якшує пейоративне забарвлення фрази – цап виступає субституттом табуйованого в мовленні слова чорт). Наші пращури вірили в те, що душу мають і люди, і тварини й рослини, хоча людську душу виділяли з-поміж інших, цінували значно вище.

Уподібнення людини з біблійним персонажем присутнє у фраземі *'каїїнова ду'ша* 'про негативну злу особу' (Луцьк), позначаючи негативну й морально-етичну характеристику людини, її вчинки. Джерелом виникнення негативно-оцінного значення фразеологізму є біблійне оповідання про Каїна й Авеля, у якому йдеться про двох братів: *'ї сталоь, як були вони в полі, повстав Каїн на Авеля, брата свого, – і вбив його. Господь тяжко покарав Каїна за братовбивство – безсмертям*.

Світ природи, репрезентований в західнополіських фразеологізмах, характеризується універсальністю, своєрідністю та креативністю національного сприйняття, яке полягає у виборі компонентного складу фразеологічних одиниць, у наділенні їх мовно-образною символікою еталона порівняння, оцінки, їх проекцією на контекст народної культури, звичаїв, прикмет: *ни 'їїла ду'ша чусни'ку, смир'д'їти ни 'буде* (Миків), *'їак 'гоко 'чисте, то тву'їа ду'ша 'чиста, а їак тво'їе 'гоко зазд'рен:е, то тво'їа ду'ша ни 'чиста* (Острожець). Фраземи мають позитивну оцінку, в основі якої лежить схвалення або відсутність будь-якої емоційної реакції як констатація використання соціально усталеної норми лінгвокультурних спільнот щодо будь-якого явища.

Вагомий ракурс досліджень фразем становить осмислення екзистенціальних проблем

людства. Недаремно у фразеології спостерігаємо, що поняття «душа» нерозривно пов'язане з номінацією смерті людини. Загальновідомі уявлення, що душа перебуває в людині аж до смерті. Уявлення українців про душу залежали від того, про душу якої людини йшлося – живої чи померлої. У «живих» душа втілюється й перебуває всередині плоті. Щодо мертвих у народі існувало два погляди. Згідно з першим, душа не відокремлюється від тіла; за другим – вона покидає його й живе своїм життям. Субстанцію душі, її місце перебування (локуси), переміщення в тілі, відділення душі від тіла в момент смерті передано у фраземах: *од:а¹ла¹ Бо¹гове¹ ду¹ше* (Любешівська Воля), *ду¹ша з¹ т¹'ілом розта¹йе¹ц¹'а* 'померти, потрапити в потойбіччя' (Вільхівка), *ко¹не¹ц¹' йо¹му вже, ду¹ша од¹ т¹'іла одле¹т¹'іла* (Велемче), *ду¹ша з¹ т¹'ілом розта¹йе¹ц¹'а* 'померти, потрапити у потойбіччя' (Вільхівка).

Сакральний простір в традиційній народній культурі пов'язаний зі святими або демонічними локусами, тобто місцем, у якому мешкає чиста або нечиста сила. Навіть якщо в фразеології трапляються вказівки на будь-які реалії, то найчастіше вони передають значення – *заслу¹жила ду¹ша пуй¹де до¹ райу, а не заслу¹жила, то н¹'іде в смо¹лу* (Влм), *рада ду¹ша в рай, да гр¹'іх'і ни пус¹кают* (Клубочин). Деякі сакральні дії залежно від ситуації можуть сприйматися і позитивно, і негативно. Особливість сакрального простору в його невизначеності, адже щось незрозуміле, загадкове, отже, не має чітко визначених просторових орієнтирів.

Згідно з християнськими уявленнями, людина, крім тіла, мала дві субстанції: душу та дух. Якщо душа залишала тіло назавжди, то дух нібито міг повернутися до тіла (Словник символів культури України 2002, с. 206). За твердженням С. Толстої, це відголосок християнської концепції, яка передбачає не бінарну опозицію «тіло – душа», а тріаду «тіло – душа – дух» (Толстая 1989, с. 231). Разом із тим, дух – це посередник між душею і тілом; свідомість душі народжується з боротьби духу з тілом.

Дух – за міфологічними уявленнями, добра чи зла безплотна надприродна безтілесна істота, що бере участь у житті природи і людини. Дух як внутрішній стан, моральна сила людини, колективу віддзеркалено у фраземі *не па¹даї¹ ду¹хом* 'підтримка у якихось негараздах' (Заріччя), *не в ду¹с'і* – 'у поганому настрої' (Клубочин), *од¹ним ду¹хом д¹ихати* – 'бути пройнятим однаковим настроєм' (Світязь), *мати однакові з ким-небудь наміри, зду¹ровиї ду¹хом* || *зду¹рова ду¹хом* 'про сильну людину' (Гута-Боровенська), *ду¹ху м¹'іго* 'бути в інтимних стосунках із жінкою' (Журавичі), *не¹мати ду¹ху* 'не мати сили' (Полапи). На випадок настійної вимоги до кого-небудь зникнути, перестати бувати десь, то вживані вислови: *шчоб [i] ду¹ху [т'вого] не було*; про відсутність кого-небудь, брак чого-небудь: *i (й) ду¹ху не¹ма*; попередження: *хаї бйе свй с¹вого / а чу¹жиї хаї ду¹ха бо¹йиц¹'а* 'попередження для інших' (Зелене). В уявленнях поліщуків ця безсмертна, нематеріальна основа є сенсом життя, невід'ємною їх частинкою. Водночас західнополіські фразеологічні одиниці дають спрощене уявлення про смерть: *ду¹х випусти* – померти, *ос¹тан¹:ім ду¹хом д¹ихати* 'передчуття смерті' (Черемошна Воля) – пошкоджуючи дух, припиняємо життя.

Навколишня дійсність у фразеології відображена частково – переважно через емоційну сферу, передає не лише предметну, а й естетичну інформацію, що викликає в людини і первинні образи, і переживання. Це відбувається тому, що фразеологізми повертають поняття від чистої абстракції до відчуттів, що їх породили, знову втілюють їх у зорових образах і передовсім у динамічних відчуттях людського тіла

Висновок з цього дослідження і перспективи подальших розвідок. Мовна картина світу здебільшого зумовлена явищем ідіоматичності – і внутрішньомовної, і міжмовної, однак не зводиться до неї, тому що є тим продуктом мисленневої та мовної діяльності, який вносить семантичний розподіл дійсності, унікальний для будь-якої мови. Якщо світ – це взаємодія середовища й людини, то картина світу – результат перероблення інформації про середовище та людину. Картина світу – не дзеркальне відображення світу, а деяка інтерпретація світу, виконувана окремими суб'єктами, які відрізняються один від одного; це динамічне явище, яке постійно розвивається. Домінантними елементами мовної картини світу є знакові одиниці: слова, стійкі сполучення слів, фразеологізми.

Фразеологія – основна форма об'єктивації мовної свідомості багатьох поколінь людей, носіїв певної мови. Важливе місце посідають семантичні перетворення мовних та фразеологічних одиниць. І саме внаслідок таких перетворень виникають відмінності споріднених мов, які в минулому мали спільне джерело, а отже, і спільну мовну картину світу.

Література

- Аксянчук, Г. Я.: *Чалавечая душа ў люстэрку рускай фразеалогіі*. Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. – Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. Мінск, 1996, № 1, с. 33–37.
- Білоноженко, В. М. at all: *Фразеологічний словник української мови*. Київ: Наук. думка, 1999.
- Білоноженко, В. М. – Гнатюк, І. С. at all: *Словник фразеологізмів української мови*. Київ: Наук. думка, 2008.
- Вежбицкая, А.: *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Москва: Языки славянской культуры, 2001.
- Войтович, В. М.: *Українська міфологія*. Київ: Либідь, 2002.
- Гамзюк, М.: *Особливості лексико-семантичних шляхів утворення фразеологічних одиниць*. Проблеми семантики слова, речення та тексту. Вип. 4. Київ: КДЛУ, 2000.
- Каракуця, О. М.: *Фразеологізми української мови з компонентом «душа» (структурно-семантичний, ідеографічний, лінгвокультурологічний аспекти): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова»*. Харків, 2002.
- Коцур, В. П. (ed.): *Словник символів культури Українию*. Київ: Міленіум, 2002.
- Кубрякова, Е. С.: *Роль словообразования в формировании языковой картины мира*. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. Москва : Наука, 1988, с. 142–172.
- Мацюк, З.: *Що сільце, то нове слівце [Текст]: слов. фразеологізмів Західного Полісся*. Луцьк: Вежа-Друк, 2013.
- Помирча, С. В.: *Вербалізація фразеологічних одиниць на позначення якостей характеру людини*. Молодий вчений. № 6.1 (46.1). червень, 2017, с. 64–67.
- Скаб, М. В.: *Закономірності концептуалізації та мовної категоризації сакральної сфери: [монографія]*. Чернівці: Рута, 2008.
- Смерчко, А. А.: *Фразеологічні інновації як результат мовотворчої діяльності людини*.

- Людина і творчість: гуманістичні вияви: мат. людинознавчих філософ. читань. Вип. VI. Дрогобич: Вимір, 1998, с. 203–210.
- Телия, В. Н.: *Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культур*. In Фразеология в контексте культуры. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 13–24.
- Телия, В. Н.: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской литературы», 1996.
- Толстая, С. М.: *Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры*. In Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. Москва: Наука, 1989, с. 215–229.
- Ужченко, В. Д.: *Фразеологія сучасної української мови : навч. посіб.* Київ: Знання, 2007.

Фразеологические единицы русских говоров Красноярского края как отражение региональной картины мира¹

Phraseological units of the Russian dialects of the Krasnoyarsk Territory as a reflection of the regional picture of the world²

Анастасия Георгиевна Тимченко, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Abstract

Dialects are productive material for identifying the national and cultural specifics of a people, since they are subject to changes to a lesser degree than a literary language, and to a greater degree reflect people's life. The article discusses the phraseological units extracted by the method of continuous sampling from the dictionaries of Russian dialects of the northern, central and southern regions of the Krasnoyarsk Territory. Idiomatic combinations are divided into thematic groups. At the core is the principle of anthropocentricity: at the center of all phraseological units is a man, his work, his rest, his relations with otherworldly forces, his perception of the world in integrity.

Аннотация

Диалекты являются продуктивным материалом для выявления национально-культурной специфики народа, поскольку в меньшей степени, чем литературный язык подвержены изменениям, и в большей степени отражают жизнь народную. В статье рассматриваются фразеологические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей русских говоров северных, центральных и южных районов Красноярского края. Идиоматические сочетания распределены по тематическим группам. В основе – принцип антропоцентричности: в центре всех фразеологических единиц – человек, его труд, его отдых, его отношения с потусторонними силами, его восприятие мира в целостности.

Key words: idioms, dialects, anthropocentricity, regional picture of the world.

Ключевые слова: фразеологические единицы, говоры, антропоцентризм, региональная картина мира.

¹ Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках участия в мероприятии: международной конференции «Мир в картинках и во фразеологии II».

² The reported study was funded by Krasnoyarsk Regional Fund of Science and Technology Support according to the participation in the event: international conference «The world in pictures and phraseology II».

1. Постановка проблемы.

Говоры Красноярского края, входящего в число немногих регионов нашей страны с незавершенным лексикографическим описанием, довольно разнородные по своему составу: на севере и юге края – старожильческие по преимуществу, на территории центральных районов края – переселенческие. Характер русских говоров Красноярского края во многом зависит от экстралингвистических факторов, прежде всего от истории хозяйственного освоения русскими Приенисейской Сибири.

В Красноярском крае преподаватели, аспиранты и студенты кафедры русского языка Красноярского государственного педагогического института с 1950-х гг. по 2003 г. проводили работу по обследованию приенисейских говоров.

Приенисейская Сибирь интересна с точки зрения функционирования диалектной лексики и фразеологии, поскольку на данной территории произошло смешение языковых особенностей покорителей Сибири и переселенцев из европейской части России, Украины, Белоруссии, ссыльных шведов, немцев, поляков, репрессированных в годы советской власти, местного аборигенного населения. В течение трех веков на этой территории складывался особенный лингвистический пласт, не имеющий в целом аналогов ни с одним из русских говоров европейской части страны.

Диалектная речь – это богатый источник для изучения прошлого народа, его национального самосознания, специфики мышления, отражения вербализованных культурных ценностей, потому что, в отличие от современного литературного языка, диалекты менее динамичны. Изучение говоров помогает также осмыслить процессы пополнения русского литературного языка региональными лексическими единицами. Как справедливо полагает Е. В. Брысина, «возросшее в последние годы внимание ученых к проблемам развития и функционирования народных говоров во многом обусловлено осознанием их значения как хранителей своеобразия национальной языковой картины мира» (Брысина 2003, с. 5).

Фразеологический состав диалектов, в связи с устной формой их существования, отличается исключительным разнообразием и динамичностью. Речевой характер диалектной фразеологии способствует функционированию в диалектах различных устойчивых словесных комплексов. Функционирующие в языке фразеологизмы, выполняющие функции ментальных культурно-национальных стереотипов, играют роль эталонов и символов. По мнению известного русского фразеолога В. М. Мокиенко, «наибольшую склонность к фразеологизации обнаруживают те свободные соединения слов, которые отображают конкретные явления материальной действительности, связанные с жизнью человека» (Мокиенко 1989, с. 162–163).

2. Методология (материалы и методы).

В качестве объекта исследования взяты устойчивые сочетания, извлеченные методом сплошной выборки из словарей русских говоров северных, центральных и южных районов Красноярского края (далее сокращения: Словарь говоров северных районов Красноярского края – ССГ, Словарь говоров центральных районов Красноярского края – СЦГ, Словарь

говоров южных районов Красноярского края – СЮГ) а также картотеки, хранящейся в Региональном лингвистическом центре Приенисейской Сибири ФГБОУ ВО «КГПУ им. В. П. Астафьева». Основным методом анализа стал описательный, включающий сопоставление и логическую классификацию отобранных единиц.

В соответствии с целями статьи фактический материал привлекался избирательно. Включены лишь те устойчивые сочетания, содержание которых позволяет полнее охарактеризовать быт и культуру крестьян-сибиряков. В работе нами принята позиция широкого подхода к определению объема фразеологии (вслед за такими учеными, как В. Н. Телия, Н. М. Шанский). В диалектной речи, как и в литературном языке, помимо собственно фразеологизмов, функционируют устойчивые сочетания слов, фраземный состав которых неоднозначен: терминологические наименования, устойчивые сравнения, тавтологические сочетания, пословицы, поговорки, предложно-именные сочетания. Однако все эти сочетания слов обладают устойчивостью и воспроизводимостью.

3. Результаты исследования.

Всего было выявлено 311 фразеологизмов, бытующих в районах Приенисейской Сибири. Опираясь на классификацию устойчивых сочетаний южных районов Красноярского края Т. Ю. Бахаевой (Бахаева 2005), можно выделить следующие тематические группы в говорах Приенисейской Сибири (в скобках указано количество встретившихся фразеологических единиц):

I. Антропоцентричные устойчивые сочетания:

1. Качества и свойства человека (28)
2. Действия и поступки человека (64)
3. Состояние человека (25)
4. Характеристика действия (8)
5. Отвлеченные понятия (14)
6. Эмоции (3)
7. Ругательства (6).

II. Терминологические устойчивые сочетания:

1. Жилье и хозяйственные постройки (на дворе и за пределами двора) (18).
2. Трудовые процессы и реалии, связанные с ними.
 - охота (10);
 - рыболовство (16);
 - строительство (26);
 - военная деятельность (2);
 - полевые работы (уборка урожая) (21).
3. Домашний быт и ремесло (приготовление пищи, шитье, одежда, обувь, предметы быта) (27).
4. Природа и животный мир (39).
5. Обычаи, обряды, игры, праздники (18).

Данная классификация отражает факты реальной действительности. Она довольно условна,

поскольку одно и то же устойчивое сочетание может включаться в несколько групп. Однако нами одна фразеологическая единица помещалась лишь в одну тематическую группу на основании основной семы. В каждой группе могут выделяться конкретизирующие подгруппы, о которых будет сказано далее. Было выделено две основных группы: 1) антропоцентричные фразеологические единицы; 2) терминологические фразеологические единицы. Многие диалектные единицы первой группы отражают гендерные стереотипы диалектоносителей, ценности, установки, идеалы, предписания, в которых находит отражение социальная дифференциация полов. Большинство фразеологических единиц второй группы, связанных с бытом, хозяйственной деятельностью, добычей пропитания, ремеслом, разграничивает сферы деятельности человека («мужская», «женская», «общая»).

А. И. Федоров в своей статье «Слово и фразеология в современной сибирской диалектной речи» заметил: «Диалектная фразеологическая единица – относительно целостное словосочетание (именного, адъективного, глагольного, адвербиального типа) со сложной семантической структурой, обладает устойчивостью компонентов, что обеспечивает ей не разовое, а часто повторяющееся употребление в системе одного или нескольких говоров. Регионально-ограниченная лексика и фразеология вне функций существовать не может» (<http://www.philology.ru/linguistics2/fyodorov-78.htm>, 30.10.2018).

Однако в каждом регионе встречаются не только фразеологические единицы, повсеместно фигурирующие на территории государства, но и характерные только для той или иной области, уникальные в своем роде. Они-то и позволяют реконструировать культурные основы, лежащие в глубинах говоров. Есть и уникальные устойчивые сочетания, образовавшиеся на стыке общенародной речи и диалектов. Встречаем, например, в приенисейских говорах *лешак тебя возьми (задери, побери)* – *бран., выражение обиды, негодования (ССГ, СЦГ)*. Это соответствует семантически и отчасти структурно общерусскому *чёрт (тебя, его и т.д.) подери* – *выражение возмущения, негодования, досады, иногда восторга* (Федоров 2008). Подобных вариативных сочетаний в говорах края большое количество. Однако структурный аспект заслуживает отдельного рассмотрения. Мы же остановимся на семантике некоторых выделенных подгрупп устойчивых сочетаний в диалектной системе, не касаясь их структуры.

Довольно частотны по своему употреблению в записанных текстах речи диалектоносителей Приенисейской Сибири (несмотря на небольшое количественное представление в словарях устойчивых выражений данной тематической подгруппы) фразеологизмы, относящихся к условно выделенной на семантическом уровне подгруппе «*демонические*» (они входят в такие выделенные выше тематические группы, как «*Действия и поступки человека*», «*Качества и свойства человека*», «*Ругательства*», «*Обычаи, обряды, игры, праздники*»). В их основе лежат представления о нечистой силе (чертях, леших, домовых и т.д.), а также о людях, с ней непосредственно связанных: *хвати тебя еман за ногу* – ругательство (СЦГ) (*еман* имеет в говорах значение «*козел*»). Следовательно, явной будет ассоциация козел-черт – нечистая сила.; *дело яман* – дело(а) плохо(и) (СЦГ, СЮГ); *где тебя лешак носит (гоняет, околачивает)* – неодобр. где ты ходишь? где ты был? (СЦГ); *выкопать глаза черту* – грубо и настойчиво заставить человека что-то делать

(СЦГ); *лешак тебя возьми (задери, побери)* – бран. выражение негодования, обиды (ССГ, СЦГ); *лихо мне!* – возглас, выражающий недовольство (ССГ, СЦГ); *лихоманка тебя побери (забери)* – ругательство (СЦГ); *надеть хомут* – колдуя, насылая что-либо злое (мор, болезнь и т.п.) (СЦГ); *словесная старуха* – женщина, которая лечит заговорами; знахарка (СЦГ); *хвороба тебя бери (бодай, дерь, забери, задери)* – бран., экспр. пожелание заболеть (СЦГ); *чума его знает* (в словаре значение не указано, но оно, несомненно, соотносится с общепринятым *черт его...*) (СЦГ); *дедушка-боровой* – леший (ССГ); *дедушка-суседушка* – домовый (ССГ, СЦГ, СЮГ); *чтоб тебя леший унёс!* (бран.) (ССГ); *поведи тебя лешак, поведи тебя огнева* – ругательство (ССГ); *страшные вечера, страшильные вечера* – название времени от Нового года до крещения, когда, по суеверным преданиям, активизируется нечистая сила (ССГ), *у лешего на чурках* – очень далеко (ССГ).

Большинство фразеологизмов, в состав которых входят «демонические» лексемы, употребляется в говорах с целью пейоративной характеристики человека, его качеств, привычек (как следствие воздействия на него нечистой силы), а также с целью выражения еще большего отторжения, неприятия как самих тёмных сил, так и их действий. Как отмечает В. И. Жельвис, «отрицательные, мешающие стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные, способствующие комфорту факторы, которые обычно рассматриваются как естественные, нормальные, а потому менее эмоциогенные» (Жельвис 2001, с. 136).

В отдельную тематическую подгруппу можно выделить идиомы, связанные с **заговорами и обрядами** (они входят в группу «Обычаи, обряды, игры, праздники»). Так или иначе они перекликаются с подгруппой «**демонических**» идиом, поскольку обряды призваны либо ограждать от нечистой силы, либо же её призывать. Устойчивых сочетаний с отрицательной коннотацией здесь встречается относительно меньше (*хомут надеть* – 1. слазить, навести порчу. 2. лечить от глаза: надевая хомут, читать наговоры (СЦГ)), большинство указывает на функцию оберега: *овин-именинник* – обряд окончания жатвы (ССГ); *наемная вечерка* – 2. собрание молодежи у невесты накануне свадьбы (СЦГ); *выгонять бичом* – один из элементов свадебного торжества, когда друг жениха просит девушек освободить праздничный стол (СЦГ); *божий праздник* – церковный, православный праздник (СЦГ); *божий угол* (СЦГ), *подсвятной угол* (ССГ), *светной угол* (ССГ), *святой угол* (СЦГ, СЮГ), *цветной угол* – угол в доме, где висят или стоят иконы (ССГ); *дарить вожжи* – свадебный обряд (СЮГ); *дарить девок* – в свадебном обряде: одаривать девушек за помощь невесте в подготовке свадьбы (СЮГ); *дары делать* – в свадебном обряде: одаривать жениха или невесту в знак согласия на брак (СЮГ); *делать рукобитье* – в свадебном обряде: окончательно договориться с родителями невесты о просватывании (СЦГ, СЮГ); *заламывать ворота* – закрывать ворота перед свадебным кортежем (поездом) (СЦГ, СЮГ); *заморозить ворота* – свадебный обычай: не пускать соседей на свадьбу (СЮГ) (Возникают ритуальные действия, призванные защитить молодоженов от проникновения на место совершения обряда посторонних. Особые древние обряды связывались с воротами, чему находим подтверждение в лексике говоров: *заламывать ворота* – закрывать ворота перед свадебным кортежем (поездом) (СЦГ, СЮГ), *заморозить ворота* – свадебный обычай: не пускать соседей на свадьбу (СЮГ). В свадебном обряде ворота являлись ритуально преодолеваемой преградой на

пути участников обряда. Это довольно популярный обряд у русских, украинцев, сербов, словаков, словенцев, чехов (Славянские древности, Т.1 1995 с. 440). В исследованиях по символике лексических единиц отмечается, что в словосочетании *заламывать ворота* «символический коннотативный компонент актуализируется посредством акционального распространителя *заламывать*, который в момент выкупа невесты дружкой и подружьем означает нарушить границу, препятствующую прохождению жениха в пространство невесты» (Тараканова 2012, с. 28). Ворота в повседневной жизни обозначают бытовой предмет, но, становясь частью обряда, отражают символический, сакральный компонент (подробнее см. Тимченко 2016, с. 81.); *запечь невесту* – просватать (СЦГ); *бросать на сор* – в свадебном обряде: бросать деньги вместе с сором на пол (СЮГ); *на блины класть* – свадебный обычай: давать подарки жениху с невестой на второй день свадьбы (СЮГ); *веник покупать* – свадебный обряд: подружки невесты перед венчанием покупали веник для бани в доме жениха (СЮГ); *клевать калину* – свадебный обычай: пить вино, настоянное на калине (СЮГ); *косу продавать* – свадебный обряд: жених выкупал косу невесты, сделанную из кудели (СЮГ); *пить большое вино* – пить вино у невесты перед свадьбой (СЮГ); *похмельны столы* – свадебный обряд: завтрак у жениха на другой день после свадьбы (СЮГ); *приданные кони* – устар., лошади, которые везут приданое невесты (СЦГ); *приехать с гостинцем* – свадебный обряд: жених через неделю после запоя приезжает в дом невесты и привозит ей и подругам гостинцы и договаривается о дне свадьбы (СЮГ); *принять венец* – выйти замуж (СЦГ); *продавать куст* – свадебный обряд перед венчанием (СЮГ); *продавать невесту* – свадебный обряд, который происходит после венчания (СЮГ); *расплётанье невесты* – расплетание косы невесты перед сватовством (СЮГ); *рядить куст* – свадебный обряд: перед венчанием подружки невесты украшают лентами, бусами, цветной бумагой куст, который должен выкупать жених или его брат (СЮГ); *свадебный ящик* – сундук с приданным невесты (СЮГ); *свяченный блин* – сдобный сочень, подаваемый жениху (СЦГ); *слушать голос* – свадебный обряд: девушки, которых невеста не пригласила на вечеринку, приходят сами слушать песни невесты (СЮГ); *столы большие* – угощение на второй день после свадьбы у жениха (СЮГ); *свезжий праздник* – устар. храмовый праздник, в который жители из окрестных деревень съезжались в церковь на службу (ССГ, СЦГ, СЮГ); *ходить в сваты* – свататься (СЦГ); *моя меть, не в мою меть* – выражение, которое, по суеверным представлениям, помогает отогнать беду, болезнь (СЦГ).

Многие идиомы в этой группе относятся к свадебной лексике. Лексемы, связанные со свадебной обрядовостью, именуют этапы действия, в которых одна из главных ролей отводилась невесте и могла быть связана с относимыми к ней материальными объектами и нематериальными явлениями: *косой, сундуком с приданным, голосом* (подробнее см. Тимченко 2017). Свадьбе как обряду отводилась большая роль. От этого дня зависело счастье и дальнейший жизненный путь молодоженов, их нужно было оградить, защитить от действий темных сил, дать установку на гармоничное будущее. Отсюда большой пласт устойчивых сочетаний свадебного обрядового характера. Однако традиционные значения многих обрядов, заключенных в идиомах, утратили в сознании людей изначальную мотивированность.

4. Заключение.

Вышеприведенные тематические группы устойчивых сочетаний – лишь малая часть материала, заключенного в говорах. Большие тематические пласты составляют также идиомы, связанные с народными умениями, промыслами, развлечением сибирских крестьян (танцы, игры). Однако огромный слой устойчивых сочетаний в говорах связан с характеристиками самого человека, в первую очередь с пейоративными (*лень из лени* (СЦГ), *лень стылая* – о чрезвычайно ленивом человеке (ССГ); *не при уме* – о неумном человеке (СЮГ)).

Устойчивые сочетания говоров характеризуют географическую среду, быт, связанные с ним культурные традиции и обычаи, трудовые и игровые процессы. И оригинальные, и вариативные идиомы говоров обусловлены накопленным опытом крестьянства, промысловиков, ремесленников. Проанализированный материал приводит к выводу, что идиоматические сочетания распределяются по тематическим группам по принципу антропоцентричности: в центре всех идиом – человек, его труд, его отдых, его отношения с потусторонними силами, его восприятие мира в целостности. Что вполне логично, большинство фразеологических сочетаний имеет славянские корни, поскольку фразеологическая интерференция в диалектной речи очень слаба (в отличие от заимствованных отдельных, свободных лексических единиц).

Фразеология обобщает и сохраняет результаты собственно человеческого сознания в языке, тем самым отражает картину мира. Исследователи отдельных говоров давно пришли к выводу о существовании в системе национальной русской фразеологии значительного слоя диалектных устойчивых сочетаний. Территориально ограниченное же лингвистическое исследование говоров раскрывает факты национальной культуры, взаимопроникновения ареальной диалектной фразеологии и фразеологии русского литературного языка, что влечет за собой своеобразие функционирования отдельных диалектных единиц.

Литература

- Бахаева, Т. Ю.: *Устойчивые сочетания в русских говорах южных районов Красноярского края*: дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005.
- Брысина, Е. В.: *Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона*: автореф. дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2003.
- Жельвис, В. И. *Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира*. Москва: Ладомир, 2001.
- Мокиенко, В. М.: *Славянская фразеология*. Москва: Высшая школа, 1989.
- Тараканова, Д. А.: Механизмы перевода значения диалектного слова из «бытового» в символическое. *Вестник Томского государственного университета*, № 354, 2012, с. 27–30.
- Телия, В. Н.: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва, 1996.

Тимченко, А. Г.: *Вербализация семиотических оппозиций в русских говорах Красноярского края*: дис. канд. филол. наук. Абакан, 2016.

Тимченко, А. Г.: Антонимические отношения в свадебном обряде (на материале лексики русских говоров Красноярского края): *Базовые ценности этноса в речи и тексте*: материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск: КГПУ, 2017, с. 176–182.

Шанский, Н. М.: *Фразеология современного русского языка*. Москва, 1985.

Словари

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 томах, т. 1–4. Под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения. 1995–2009.

Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск: изд-во КГПИ, 1992.

Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. В 5 т. Красноярск: РИО КГПУ, 2003–2011.

Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск: изд-во Краснояр. ун-та, 1988.

Федоров, А. И.: *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель: АСТ, 2008.

Интернет-источники

<http://www.philology.ru/linguistics2/fyodorov-78.htm> (доступно на 30.10.2018)

FRAZELOGIE,
KORPUS, POČÍTAČ

Databáze víceslovných jednotek v češtině

Multiword Expression Database in Czech

*Vladimir Petkevič – Milena Hnátková – Tomáš Jelínek – Alexandr Rosen –
Hana Skoumalová – Marie Kopřivová – Pavel Vondříčka
Univerzita Karlova, Praha*

Abstract

The paper depicts a typology of Czech multiword expressions (MWE) contained in MWE entries in the electronic lexical database LEMUR. First, it focuses on the twofold motivation and purpose of the database: the database can be used (i) for coping with classical natural language processing problems (morphological tagging and parsing of language corpora, word sense disambiguation) and (ii) for tackling specific theoretical linguistic problems associated with MWEs: study of variants of standard MWEs and their fragments in use, represented by language corpora of Czech, and identification of MWEs in corpus texts based on the properties captured in the database entries. Then the content of a database entry is described by virtue of a detailed typology, based primarily on the three-dimensional classification adopted in the PARSEME project (syntactic structure, fixedness/flexibility and idiomaticity) but enhanced with specific typological features of Czech (especially morphological ones), style/usage of an MWE as a whole and its components and other. The main emphasis is laid on a classification of types of idiomaticity. Each property accounted for in the database entries is also fittingly exemplified.

Abstrakt

Článek popisuje typologii českých víceslovných lexikálních jednotek (VLJ) obsaženou v heslech těchto jednotek v elektronické lexikální databázi LEMUR. Nejprve se zaměřuje na dvojí motivaci a účel databáze: databáze se dá využít (i) k řešení klasických problémů počítačového zpracování jazyka (např. morfologické značkování a syntaktická analýza jazykových korpusů, disambiguace lexikálních významů) a (ii) k řešení specifických teoretických jazykovědných problémů spjatých s VLJ: zejména výzkum variant standardních VLJ a jejich fragmentů v úzu, reprezentovaném jazykovými korpusy češtiny, a identifikace VLJ v korpusových textech na základě vlastností příslušných hesel obsažených v databázi. Každé heslo v databázi je popsáno na základě podrobné typologie, založené primárně na trojrozměrné klasifikaci zvolené v projektu PARSEME (syntaktická struktura, ustálenost/flexibilita, idiomaticita), ale rozšířené o typologická specifika češtiny (zvláště morfologické vlastnosti), stylovou klasifikaci celé VLJ i jejich komponent, typ užití a další. Zvláštní důraz se přitom klade na podrobnou klasifikaci typů idiomaticity. Každá vlastnost evidovaná v databázových heslech je přitom výstižně exemplifikována.

Key words: multiword unit; lexical database; database entry; variant and fragment; typology; classification; idiomaticity; syntactic structure; style; Czech

Klíčová slova: víceslovná lexikální jednotka; lexikální databáze; databázové heslo; varianta a fragment; typologie; klasifikace; idiomaticita; syntaktická struktura; styl; čeština

1. Úvod

V tomto článku popisujeme typologii českých víceslovných lexikálních jednotek (dále VLJ), která je základem pro jejich reprezentativní lexikální databázi (Hnátková et al. 2017). V úvodu dále vymezujeme pojem VLJ a uvádíme výběr z literatury, z níž jsme při návrhu databázových hesel vycházeli. V kapitole 2 uvádíme motivaci a cíle této databáze; poté, v kapitole 3, seznamujeme čtenáře se zdroji VLJ, z nichž se čerpají VLJ pro jejich zařazení do databáze, a rovněž podáváme stručnou charakterizaci současného stavu databáze. Nejrozsáhlejší kapitola 4 se věnuje podrobné typologii VLJ a kapitola 5 specificky idiomaticitě a jejím druhům. V závěrečné kapitole 6 příspěvek shrnujeme a představujeme perspektivu dalšího rozvoje databáze.

1.1 Terminologie a odborná literatura

Víceslovnými lexikálními jednotkami (dále VLJ) rozumíme významově ustálená spojení, tvořená nejméně dvěma slovy; jejich nezanedbatelná část se nachází na pomezí slovníku a gramatiky (srov. Mathesius 1942, s. 88). Jelikož představují významnou součást jazykových projevů a některé z nich se užívají opakovaně a často, je nanejvýš vhodné se jimi zabývat jak teoreticky, tak se zřetelem k počítačovému zpracování jazyka.

V tomto článku prezentujeme typologii českých VLJ, jež je základem pro vybudovanou reprezentativní lexikální databázi (srov. Hnátková et al. 2017). Krátce nyní uvedeme hlavní teoretická pojetí VLJ v literatuře, z nichž též vychází naše terminologie.

Jednotlivá terminologická vymezení, rozsah pojmu i samotný název se v české i světové odborné terminologii různí, jak ukazuje např. A. Klégr v přehledu pojetí blízkého termínu kolokace (Klégr 2016). V české odborné literatuře užívá tento termín např. Z. Hladká a k VLJ řadí ustálená spojení, víceslovná pojmenování a frazémy (Karlík et al. 1995).

VLJ se v posledních letech také hodně věnují autoři nástrojů pro zpracování přirozeného jazyka (např. Baldwin et al. 2010; Bejček et al. 2017). Budovaná databáze VLJ má sloužit oběma účelům, proto bylo třeba terminologii jasněji vymezit, ale toto vymezení vychází z osvědčených domácích i zahraničních zdrojů.

VLJ obecně pojímáme jako „lexikální jednotky, které mají tyto vlastnosti:

- (a) dají se formálně rozložit nejméně na dva slovní tvary
- (b) vykazují lexikální, syntaktickou, sémantickou, pragmatickou a/nebo statistickou idiomaticitost“ (srov. Sag et al. 2002).

Idiomaticita (angl. *idiomaticity*) je pro nás klíčová, neboť ji – mimo její status v jazykovědném popisu an sich – využíváme i ke své klasifikaci VLJ. V tradičním chápání se pojem *idiomaticita/idiomatický* vztahuje jen k významu: *idiomatický* (přenesený, obrazný) vs. *doslovný*; podle Čermáka (2007) se *idiom* vztahuje k sémantické stránce výrazu (VLJ) (zato *frazém* k jeho stránce formální). Budování databáze je inspirováno projektem PARSEME (srov. <http://typo.uni-konstanz.de/parseme>), navazujícím na článek Baldwin et al. 2010, jenž kategorizuje VLJ podle tří kritérií:

- (i) syntaktické struktury
- (ii) ustálenosti/flexibility
- (iii) idiomatičnosti.

V návaznosti na tento mezinárodní projekt jsme jeho klasifikaci převzali a rozšířili. Naše rozšíření jsou motivována cílem vytvořit strukturu lexikálního hesla užitečnou pro lidského uživatele i pro počítačové aplikace a snahou dobře popsat vlastnosti češtiny jako flektivního jazyka s volným slovosledem. Uvedené trojrozměrné pojetí jsme rozšířili o tyto aspekty VLJ: definice, typ užití (typ VLJ v tradiční terminologii), valenční vzorec, užití fragmentů/variant, styl/varietà a dále jsme rozpracovali některé typy pro češtinu charakteristické (morfologická idiomatičnost). Co se týká idiomatičnosti obecně, v databázi znamená idiomatičnost „obecnou vlastnost“ VLJ, vztahující se k různým jazykovým rovinám (lexikální, morfologické, syntaktické, statistické). Takové vlastnosti jsou jinde popisovány jako anomálie (Čermák 2007) či nepravidelnost VLJ.

2. Motivace, cíle a využití databáze VLJ

VLJ jakožto útvary hrající důležitou úlohu v každém jazyce, a tedy i v češtině, se často vymykají gramatickým pravidlům, což způsobuje nesnáze hlavně při počítačovém zpracování VLJ. Navržená databáze českých VLJ by měla reprezentativně zachycovat jejich různé druhy a pomocí představované typologie jednotlivá hesla popisovat, propojovat a podle jednotlivých vlastností umožňovat jejich vyhledávání v korpusech.

Jedním z cílů této klasifikace VLJ je také využít ji při zpracování korpusových textů nově vytvořenými či vylepšenými softwarovými nástroji zejména s ohledem na řešení těchto konkrétních úkolů počítačového zpracování jazyka:

- zkvalitnění morfologického značkování (tagging)
- zkvalitnění syntaktické analýzy (parsing)
- disambiguace lexikálních významů (word sense disambiguation)
- případně sémantické a pragmatické značkování (semantic and pragmatic annotation)
- spolehlivější anotace těchto jednotek v korpusových textech

Souvisejícím cílem je takový popis typologie VLJ, který bude spjat s vytvořením vhodného vyhledávacího nástroje, aby se VLJ daly rozpoznat nejen ve své standardní podobě, ale i v podobě svých nejrůznějších variant a částí (fragmentů) z hlediska různých jazykových plánů (morfologických, syntaktických, lexikálních...). Lidský uživatel tak bude mít možnost zkoumat vlastnosti VLJ i jejich různých modifikací ovlivněných tvůrci postupy autorů. Snahou tvůrců databáze je právě zachytit v databázovém hesle identitu VLJ jako tzv. jádro, jež je společné všem jejím obměnám.

Počítáme s tím, že vytvořená databáze bude výhledově propojena s korpusem, aby bylo možné se při studiu korpusových textů dostat rychle (nejlépe na jedno kliknutí) do databáze a obráceně z databáze – při studiu vlastností nějakého hesla VLJ – do korpusu, kde bude příslušná VLJ figurovat v kontextu.

Mimo možnost teoreticky zkoumat VLJ jako takové může databáze poskytovat dobré služby i v pedagogické praxi při výuce češtiny (i jako cizího jazyka), v lexikografii, etnografii a dalších disciplínách.

3. Zdroje VLJ v češtině a současný stav databáze

Při přípravě databáze a jejího plnění hesly jsme vycházeli z těchto hlavních zdrojů:

- Slovník české frazeologie a idiomatiky (Čermák et al. 1983–2009, dále SČFI)
- upravený a doplněný seznam frazémů a kolokací Frantalex (jsou to VLJ převážně ze SČFI, zpracované a doplněné M. Hnátkovou)
- korpusy současné češtiny řady SYN projektu Český národní korpus; výběr VLJ probíhal na základě speciálních měř obligatornosti a proximity (srov. Cvrček 2014)
- valenční slovník českých sloves VALLEX (srov. Lopatková et al. 2014)

Byla vytvořena reprezentativní databáze českých VLJ obsahující zatím 10 240 hesel k 15. 9. 2020, srov. Vondříčka 2019, databáze se však bude průběžně rozšiřovat o další VLJ: v budoucnu by měla obsahovat desítky tisíc hesel. Hesla jsou popsána na základě podrobné typologie, přičemž tato typologie odráží specifické zaměření na variabilitu standardních VLJ. V následující kapitole tuto typologii podrobně představíme.

4. Typologie VLJ

K víceslovným jednotkám řadíme především:

- přísloví
- pranostiky
- přirovnání
- citace
- termíny
- víceslovná synsémantika
- ostatní frazémy / idiomy
- frekventovaná (statisticky signifikantní) ustálená spojení.

Všechny části popisu – s výjimkou valence – předpokládají platnost standardních gramatických pravidel češtiny: v databázovém hesle se zachycují jen odchylky od české gramatiky. Například na morfologické/morfematické vlastnosti se explicitně upozorňuje, jen jsou-li nějak anomální (zvláštní morf pádu nebo slovesného času apod.), jinak jsou ovšem všechny komponenty VLJ jednoznačně automaticky lematizovány a morfologicky značkovány.

U VLJ v databázovém hesle zachycujeme jak vlastnosti celé VLJ – globální charakteristika (například syntaktická struktura či typ užití) –, tak vlastnosti jednotlivých komponent, tj. slov, což jsou charakteristiky dílčí:

A. Globální charakteristika VLJ

- lemma a tzv. superlemma (viz dále podrobněji)
- definice podle Slovníku české frazeologie a idiomatiky (srov. Čermák et al. 1983–2009)
- další definice – pro případ, že VLJ v SČFI není nebo je tuto slovníkovou definici potřeba rozšířit či jinak upravit
- příklady typického užití

- styl/varietà
- typ užití
- syntaktická struktura:
 - syntaktický typ
 - základní strukturní vzorec
 - závislostní a bezprostředněsložkový strom spolu s vyznačením syntaktických funkcí a s (ne)valenčností jednotlivých komponent VLJ
 - valence
 - slovosledná omezení
- ustálenost/flexibilita
 - varianty
 - fragmenty a jádro
 - vnitřní modifikovatelnost
 - omezení syntaktických transformací
 - morfologická omezení
- idiomatičnost
 - morfologická
 - syntaktická
 - sémantická
 - pragmatická
 - statistická

Mezi dílčí charakteristiky (vlastnosti jednotlivých komponent, tj. slov) VLJ patří:

- varianty slovních tvarů a lexémů spolu s mírou variantnosti/otevřenosti
- lemma a morfologická značka pro každou komponentu (slovní tvar) VLJ
- styl/registr
- lexikální idiomatičnost
- morfologická idiomatičnost
- omezení vnitřní modifikovatelnosti

4.1 Lemma

Lemma reprezentuje VLJ v lexikální databázi i v anotovaném textu. Má jednoduchou podobu posloupnosti slov tvořících danou VLJ, přičemž jednotlivá slova jsou spojena podtržítkem. Řídící člen bývá v základní formě, ostatní členy jsou v příslušném tvaru. Slovosled je bezpříznakový. Příkladem budiž VLJ *zahalit_se_do_hávu_mlčení*. Pokud se řídící člen vždy vyskytuje jen v jednom tvaru odlišném od tvaru základního, uvádíme i řídící člen v tomto tvaru, například *padni_komu_padni* /řídící člen: *padni*/.

Ke sdružování synonymních či velmi podobných VLJ (obsahujících třeba konverzní predikáty) slouží tzv. superlemma, např. *dát_ultimátum* pro *dát_ultimátum* i pro *dostat_ultimátum*.

4.2 Definice

Definice je vysvětlení významu VLJ. V hesle počítáme se dvěma druhy definice:

(a) definice obsažená ve Slovníku české frazeologie a idiomatiky, případně v pozměněné podobě,

přičemž se zaznamenávají významové posuny vyplývající z korpusových dat. Například pro VLJ *jít_rovnoú_za noseú / jít_rovně_za noseú* přebíráme tuto definici: *Člověk v neznámém prostředí, terénu při hledání cíle: jít rovně kupředu, bez zahýbání. Často v imperativu jako familiární, žertovná rada při dotazu na cestu.*

Jsou zaznamenávány i významové posuny vyplývající z korpusových dat.

(b) Je-li taková definice nevystižná či mylná nebo ve slovníku schází, může se doplnit definice další buď na základě jiných slovníkových zdrojů, nebo na základě úzu odrážejícího se v korpusových datech u opakovaných příkladů.

4.3 Příklady typického užití

V hesle jsou dále uvedeny příklady typického užití dané VLJ, vždy převzaté z velkých korpusů řady SYN, zejména SYN v7 a v8. Například pro VLJ *smíchy se potrhát* je názorným příkladem věta: *Vidět mě Muzikář, plným právem by se potrhál smíchy.* Pro VLJ *být jedna báseň* je v databázi příklad *Jmenuje se Hedwiga a je jedna báseň*; pro VLJ *horkou jehlou* uvádíme mj. příklad *Nechceme věc řešit horkou jehlou, i proto jsme zavedení spotřební daně odsunuli až na rok 2014.*

4.4 Styl/varieta

Styl/varieta charakterizuje jak celou VLJ, tak její jednotlivé členy (viz níže B. Dílčí charakteristiky) z hlediska stylu/variety/registru. Pro zachycení stylu jakožto globální i lokální vlastnosti je repertoár klasifikujících hodnot týž, ale hodnoty jednotlivých komponentů nemusí být vždy stejné jako hodnota přiřazená celé VLJ. Například ve VLJ *má to na háku* jsou všechny slovní tvary spisovné, VLJ jako celek je však označena jako kolokviální.

Jednotlivé hodnoty zachycující styl celé VLJ:

- **Spisovný:** např. *překročit Rubikon, hořet zvědavostí*
- **Kolokviální:** *sežrat i s chlupama, brát něco hákem*
- **Expresivní** (vč. vulgarismů): [mrkat] *na drát*, [tlustý] *jako prase*
- **Nářeční:** *tož jaká?, to je špica* (srov. Bachmannová 1986)
- **Slangový:** *hrát to na betla* (= někoho podvádět)
- **Jiný:** např. archaismy či knižní výrazy: *sypat si popel na hlavu, dštít oheň a síru, země oplývající medem a strdím*

4.5 Typ užití

Typ užití klasifikuje VLJ z tradičního frazeologického hlediska. Vymezení mnohdy není přesné (v řadě případů to ani není možné), nicméně uživateli pomáhá v orientaci; záměrně se nesnažíme řešit problematiku pomezích jednotek. Rozlišujeme tyto druhy, přičemž prvních pět druhů řadíme k frazémům:

- **Příslovní** je v literatuře definováno jako „krátká, všeobecně známá věta lidové slovesnosti vyjadřující lidovou moudrost, pravdu, morální maximum či tradiční názor. Je vyjádřena metaforickou, ustálenou a zapamatovatelnou formou a předávána z generace na generaci“ (Mieder 2012, s. 394). Například: *Kolik jazyků znáš, tolikrát jsi člověkem. Naděje umírá poslední,*

Mluvíti stříbro, mlčeti zlato. V budoucnu by bylo (tam, kde je to možné) vhodné zachycovat i provenienci/zdroj přísloví (antické, biblické či jiné dědictví), případně včetně jazyka, v němž se poprvé objevilo (a příslušného znění přísloví v tomto jazyce – například pro přísloví je zdrojem latinské: *Spes moritur ultima*), a z něhož je čeština přejala.

- **Pranostika** je specifický druh větné VLJ. Je to lidové rčení založené na dlouhodobé zkušenosti a pozorování meteorologických jevů v souvislosti s roční dobou. Typicky vyjadřuje vztah mezi určitým obdobím roku a očekávaným počasím a jeho následky. Může i doporučovat konkrétní zemědělské činnosti (srov. Karlík et al. 1995, s. 73). Podobně jako v přísloví se zde často vyskytuje rým pro snazší zapamatování. Například *Březen – za kamna vlezem.; Na svatého Řehoře líný sedlák, který neoře; Jak Vavřínek navaří, tak se podzím podaří.*
- **Přirovnání** je VLJ typicky vyjádřená slovesnou frází a obvykle i srovnávací spojkou; subjekt je zde obvykle proměnná: [někdo, něco] *mluví jako Pýthie*; [někdo, něco] *je starý jako Metuzalém*; [někdo, něco] *roste jako z vody*; [někdo, něco] *se [někoho/něčeho] drží jako klíště.*
- **Citace** je část jiného textu, který se obvykle opakuje doslova. Běžně se přebírá z literatury, popř. jiného média: *Nevědomost hříchů nečiní; Mám to rozkoukaný* (z filmu Pelíšky); *Svět chce být klamán* (původce neznámý); *Lékaři, uzdrav sám sebe* (biblické, Lk 4, 23). Podobně jako u přísloví by v budoucnu bylo vhodné zachycovat i provenienci citace.
- **Jiný frazém** zastupuje všechny ostatní typy frazémů, které nebývají jednotně popisovány. Řadíme sem frazémy se slovesným komponentem: *nejít pro slovo daleko* – jsou někdy označovány jako rčení/pořekadla (Karlík et al. 1995, s. 73) i frazémy s nominálními komponenty: *nic kloudného; za zavřenými dveřmi.*
- **Ustálené spojení** (ang. *set phrase*) představuje výraz v ustálené podobě nebo ve formě opakujícího se vzorce, který má specializovanou funkci nebo je stereotypně užíván v určitém typu situace (souvislost s pragmatikou). Jeho komponenty jsou většinou frekventované, nebývají nepravidelné ve formě ani ve významu a typicky vykazují statistickou nebo pragmatickou anomálii, význam není přenesený. Řadíme sem např. stereotypní zdvořilostní formulace (*Smím prosit?; Dovolíte?; Nechci rušit, ale...; Děkuji pěkně.*), ustálené typy reakcí sloužící k organizaci diskurzu (tzv. discourse markers), např. *tě péro!; no jasně!*, konstrukce s tzv. lehkými slovesy (light verbs), označované i jako kvazifrazémy: *nést odpovědnost, obrátit pozornost, mít strach, vzít zavděk.*
- **Víceslovné synsémantik** zahrnuje především víceslovné předložky či spojky i kombinace jiných synsémantik (Čermák 2007 tento typ nazývá gramatické frazémy): předložky: *na základě čeho; se zřetelem k; bez ohledu na*; spojky: *právě když; až na to, že*; kombinace jiných synsémantik: *podle mého.*
- **Termín** je definován jako „slovní označení obecného pojmu v určitém oboru/doméně“ (ISO 1087-1:2000) nebo jako „název (lexém) užívaný jednoznačně pro denotáty specifické v určité vědě, oboru, ale i řemeslu či speciálním povolání“ (Čermák 2010, s. 132), například *kontuze čelistního kloubu, integrace per partes, přívlastek neshodný.*

4.6 Syntaktická struktura

4.6.1 Syntaktický typ

Syntaktický typ třídí VLJ podle syntaktické kategorie celé jednotky, typicky složky (v bezprostředněsložkovém pojetí syntaktické struktury). Podle syntakticky řídicího členu (vyznačeného tučným řezem) se rozlišují tyto druhy konstrukcí:

- **Jmenná fráze:** *žabí muž, Turingův stroj, Fibonacciho posloupnost, relace na množině*
- **Adjektivní fráze:** *všeho schopný, výše uvedený, plný obav, nervy drásající*
- **Slovesná fráze plnovýznamová:** *odkázat do říše bájí, stát za starou belu, stavit se na pokec, tetelit se blahem, přivést na buben*
- **Slovesná fráze s kategoriálním slovesem:** *být na štíru, vzít zavděk, dát na radu*
- **Adverbiální fráze:** *co nejvíc, zkrátka a dobře, stručně řečeno, dnem i nocí*
- **Předložková fráze:** *na forhontě, o polednách, za pět minut dvanáct, v [nějakém] slova smyslu, ve dne v noci*
- **Složená předložka:** *v souladu s*
- **Složená spojka:** *ergo kladívko, a tak, čím – tím*
- **Složené citoslovce:** *šupito presto!, ajta krajsa!*
- **Větná víceslovná jednotka:** *Stokrát nic umožilo osla; [Někomu] běhá mráz po zádech*
- **Souvětná víceslovná jednotka:** *Komu se nelení, tomu se zelení; Důvěřuj, ale prověřuj*
- **Jiný složený výraz:** *no jasně*

4.6.2 Základní strukturní vzorec

Základem strukturního vzorce je syntaktický strom dané VLJ, který se vytvoří automatickým syntaktickým analyzátozem při syntaktické analýze (parsing) a poté je ještě ručně prověřen a případně opraven. Vzorec má podobu posloupnosti rozšířených kódů pro slovní druhy, např.:

hodit starosti za hlavu: Verb – Noun.acc – Prep.acc – Subst.acc
platný jak mrtvému zimník: Adj – Conj – Adj.dat – Subst.nom

4.6.3 Závislostní a bezprostředněsložkový strom

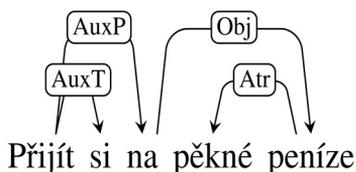
Syntaktická struktura každé VLJ se vyjadřuje závislostním stromem (podle analytické roviny Pražského závislostního korpusu, srov. Hajič 2006) a stromem bezprostředněsložkovým vždy s vyznačením příslušných syntaktických funkcí jednotlivých slov či složek. Závislostní strom se vytvoří plně automaticky (závislostní parsing) a poté je ještě ručně prověřen a případně opraven, například VLJ *přijít si na pěkné peníze* zachycujeme níže v podobě linearizovaného závislostního stromu (lin_zav) i jeho grafického znázornění a také v podobě linearizovaného složkového stromu (lin_sloz) i jeho grafického znázornění. Na uzly stromu lze odkazovat v jiných částech databázového hesla.

lin_zav: (*přijít* (*si*.AuxT) (*na*.Prep/AuxP (*pěkné*.Attr (*peníze*.Obj))))
lin_sloz: [*přijít*.head [*si*.reftant]] [*na*.sHead [*pěkné*.attrPlain *peníze*.head].dHead].obj]

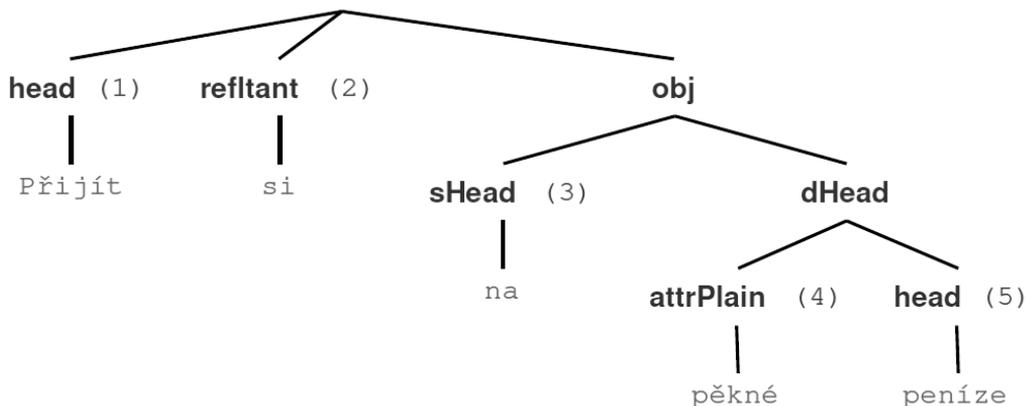
V závislostní struktuře *AuxT* označuje reflexivní částici, *AuxP* předložku, *Attr* přívlastek a *Obj*

předmět. V bezprostředněsložkové (frázové) struktuře označuje *refltant* reflexivní částici, *head* syntaktický řídicí člen (hlavu), *sHead* je tzv. povrchová hlava (surface head, typicky v předložkových a spojkových konstrukcích), *dHead* je tzv. hloubková hlava (deep head, v těchže konstrukcích), *attrPlain* je přívlastek a *obj* je předmět.

Závislostní strom:



Bezprostředněsložkový strom:



4.6.4 Valence

Heslo v databázi obsahuje údaje o valenci, přiřazené jak celé VLJ, tak jednotlivým komponentám/slovům VLJ – typicky slovesným, adjektivním a substantivním lexémům. Podle obecné zásady uvedené výše se u VLJ specifikují pouze idiosynkratické jevy, nikoli standardní: valence jednotlivých lexémů ve VLJ je totiž popsána i v případě, že tyto lexémy přijímají očekávanou množinu argumentů a adjunktů majících očekávané morfosyntaktické vlastnosti. Například je-li sloveso obsažené ve VLJ rovněž ve valenčním slovníku, použije se odpovídající valenční rámec slovesa, jinak je příslušný rámec doplněn ručně. Valence celé VLJ a jejího syntaktického řídicího členu se přitom mohou lišit. Například ve VLJ *nést svůj díl viny* je Patiens *svojí díl viny* součástí VLJ, a – na rozdíl od předložkového objektu *na ČEM* – tedy není přítomen ve valenčním rámci VLJ. Tato VLJ navíc vykazuje zvláštní valenční chování: objekt *na.Loc Obj.Loc* (ČEM) (např. *nese svůj díl viny na špatné kvalitě sazby*) rozvíjí celou VLJ, nikoli nějakou z jejích komponent. VLJ má tedy dva valenční sloty: pro aktant Aktor, převzatý od slovesa *nést*, a pro Patiens, který má podobu předložkové skupiny *na.Loc Obj.Loc*.

4.6.5 Slovosledná omezení

Jelikož čeština je jazyk, který se obecně vyznačuje volným slovosledem, máme za to, že to platí i pro VLJ a v příslušném databázovém hesle to nezachycujeme (například vztah objektu či adverbialé k jeho řídicímu slovesu). V češtině ovšem existují slovosledná omezení daná obecnými vlastnostmi češtiny. Například v termínech nepředchází rozvíjející adjektivní přívlastek své substantivum, nýbrž následuje je: *kyselina sírová, skokan zelený*. Předložka v češtině typicky předchází jmennou skupinu, jíž uděluje pád, existují však případy opačného slovosledu:

V Meifodu zjistili, že Benedetta má před nimi jenom krátký náskok, a Harry počal doufat, že ji všemu. PronDat *navzdory*. PrepDat *dohoní*.

Zde předložka *navzdory* následuje svou jmennou skupinu *všemu*, což je z hlediska systému češtiny výjimečné.

Je zřejmé, že slovosledná omezení a slovosledné vzorce jsou dány především slovním druhem (a ovšem i syntaktickou funkcí): předložky a spojky předcházejí struktury, které řídí či uvozují, jiné slovní druhy typicky nevyžadují pevný slovosled.

V heslech tedy zachycujeme jen omezení kladená na standardní slovosled:

- složky nelze volně přehazovat: *nedá se svítit* vs. **svítit se nedá*
- substantivum předchází adjektivu: *bourec morušový* vs. **morušový bourec*
- předložka následuje za jménem: *všemu navzdory* vs. běžné postavení předložek (včetně *navzdory*) před řízeným jménem

4.7 Ustálenost/flexibilita

V tomto odstavci specifikujeme řadu omezení a vlastností VLJ i jejich částí. V části 4.7.1 Varianty popisujeme lexikální modifikace jednotlivých komponent VLJ. Částem VLJ, jež lze vydělit jako samostatné, se věnujeme v části 4.7.2 Fragmentsy a jádro. V dalších částech (4.7.3 Vnitřní modifikovatelnost, 4.7.4 Omezení syntaktických transformací, 4.7.5 Morfologická omezení) se zabýváme různými druhy omezení při používání VLJ. Například VLJ *Kostky jsou vrženy* existuje v češtině jenom v plurálu. Oproti tomu takovou VLJ, jejíž součástí je tvar, který mimo tuto VLJ neexistuje, považujeme za morfologicky idiomatičnou, např. tvar *sloupích* ve VLJ *Jména hloupých na všech sloupích*. Ostatní nestandardní volby specifické pro VLJ představujeme v části 5 nazvané Idiomatičnost.

4.7.1 Varianty

Některé části VLJ se mohou objevit ve variantách, například:

- ve VLJ *nechat na semeno* může být sloveso v podobě dokonavé (*nechat*) i nedokonavé (*nechávat*); VLJ *hodit flintu do žita* může mít na místě slovesa *hodit* i *házet* a též *zahazovat*; ve VLJ *hlava se [NĚKOMU] zatočí* může být na místě substantiva i *palice, makovice, kebulé*...
- ve VLJ *zlískat se jako carský důstojník* může na místě slovesa *zlískat se* (případně jeho nedokonavé či iterativní podoby) figurovat i celá řada jeho synonym: *ožrat se, zhulákat se, zlít se, zrubat se, ztřískat se*...

Jednotlivé varianty, dané synonymií komponent VLJ, chápeme jako varianty téže VLJ, nemáme pro ně samostatná, vzájemně nespjatá hesla.

Jak už jsme uvedli, naším cílem je rozpoznat v korpusu nejen VLJ v její standardní podobě, ale i její varianty v korpusu. Například rčení *Cesta do pekla je dlážděna dobrými úmysly* se v korpusu SYN v6 vyskytuje v těchto podobách (seřazených podle frekvence):

<i>Cesta do pekla je dlážděna dobrými úmysly:</i>	125
<i>Cesta do pekla je dlážděna dobrými úmysly:</i>	69
<i>Cesta do pekla bývá dlážděna dobrými úmysly:</i>	64
<i>Cesta do pekla bývá dlážděna dobrými úmysly:</i>	45
<i>Cesta do pekla je dlážděná dobrými úmysly:</i>	18
<i>Cesta do pekla je dlážděná dobrými úmysly:</i>	16
<i>Cesta do pekla je dlážděna dobrými předsevzetími:</i>	10
<i>Cesta do pekla bývá vydlážděna dobrými úmysly:</i>	4
<i>Cesta do pekla je dlážděna dobrými předsevzetími:</i>	3
<i>Cesta do pekla bývá dlážděna dobrými předsevzetími:</i>	2

Tučně jsou vyznačeny proměnlivé části VLJ.

4.7.2 Fragmenty a jádro

Některé části/fragmenty VLJ mohou identifikovat VLJ jako její jádro; jádro tak identifikuje VLJ v jejích variantách. Například ve VLJ *Až naprší a uschne* lze za jádro pokládat fragment *až naprší*; už jen podle něho by mělo být možné tuto VLJ nebo její variantu (ovšem při zachování jádra) hledat v korpusu. Jádro VLJ je kombinace minimálně dvou lexikálních prvků, z nichž jeden může být proměnlivý, nebo je to struktura, jejíž lexikální obsazení má určitá omezení.

Naší ambicí je tedy moci vyhledávat v korpusových textech různé obměny základní VLJ včetně fragmentů. Chceme tak umožnit uživateli, aby mohl v korpusu zjišťovat, jaké obměny může zvolená VLJ mít, a co tedy vlastně tvoří její jádro. Podívejme se třeba na VLJ *dělat psí kusy*, která se vyskytuje v celé řadě variant:

*Mám bronchitidu, revma, počasí se mnou **dělá psí kusy**.*

*Ale pročpak chceš činit konání tak neohulibé, jako je vpravování omamných látek do těla, pod jejichž vlivem člověk pak **vyvádí psí kusy**?*

*Lidi **dělají** taxikářům **psí kusy**.*

*Když začala už potřetí lícit, co za **psí kusy** – jak ona říká – **dělal** v poslední době.*

*Ještě více byste si ji vychutnali, kdybyste se předtím dostatečně ponořili do nálevu soudobých německých reálií a personálií, protože s těmi **dokáže** Urban doslova **psí kusy**.*

S evidentním jádrem-fragmentem **psí kusy** se kombinují různá slovesa: vedle základního a nejfrekventovanějšího *dělat* i *vyvádět* a *dokázat*. Navíc vidíme – jak lze ostatně očekávat –, že slovesa nestojí vždy těsně u jádra. Všechny tyto a podobné varianty by mělo být možné v korpusu vyhledávat příslušným vyhledávacím programem (dosud však není k dispozici).

4.7.3 Vnitřní modifikovatelnost

Vycházíme z obecné vlastnosti češtiny, že slovo ve VLJ lze rozvíjet, například tvar *střet* ve VLJ *dostat se do střetu* se dá rozvíjet různými přívlasky: *fatální, klasický, neobvyklý, ostrý, přímý...* Pokud je známo lexikální/morfologické omezení bránící modifikovatelnosti/rozvíjení určitého slova, v hesle VLJ je uvádíme. Zachycujeme také případy, kdy ve VLJ nelze rozvíjet žádné slovo, jsou to například VLJ *ruku v ruce* nebo *padni komu padni*, nebo jen některá slova; v databázovém hesle označíme právě slova, jež nelze rozvíjet. Takováto omezení jsou formulována ve vztahu k obecné (ne)modifikovatelnosti syntaktických struktur.

V následujících příkladech jsou **tučně vyznačené** ty komponenty/slova VLJ, které nelze rozvíjet: z *cizího krev neteče*, *běžet jako o závod*, *čumět do blba*, *přivést na buben*, *postavit do haptáku*.

4.7.4 Omezení syntaktických transformací

V souladu s celkovým pojetím uvádíme v hesle VLJ při specifikaci (ne)možných transformací pouze struktury a vzorce, které jsou z hlediska standardní gramatiky češtiny neočekávané. Zachycujeme tyto druhy transformací:

a. pasivizace / depasivizace:

Řada sloves ve VLJ se dá vyjádřit aktivem či naopak pasivizovat: *uvedli [NĚKOH] do života* vs. *byl uveden do života*. Jindy to nejde a právě takovéto případy v heslech zachycujeme:

- VLJ nelze pasivizovat: *jak si přejete*, třebaže sloveso *přát* jako takové pasivizovat lze.
- VLJ nemůže mít aktivní podobu: *nebylo mu [to] přáno*, třebaže sloveso *přát* jako takové samozřejmě má aktivní formy.
- VLJ nelze pasivizovat: *říct své ano*, ač obecně sloveso *říct* pasivizovat lze; *ztratit na aktuálnosti*, ač obecně sloveso *ztratit* pasivizovat lze.

b. nominalizace

Předpokládáme, že v systému češtiny se slovesa dají běžně nominalizovat: *zapsat se do dějin* → *zápis do dějin*, *klesnout hlasem* → *klesnutí hlasem*. V řadě VLJ to ale není možné: ve frazému *hrát všemi barvami* nelze sloveso *hrát* nominalizovat ve stejném významu: **hra všemi barvami*; *smrdět čertovinou* → **smrad čertovinou*; *jít to tuhého* → **chůze do tuhého*.

c. adjektivizace

Předpokládáme, že v systému češtiny se slovesa dají běžně adjektivizovat: *zničit majetek* → *zničený majetek*. Podobně je tomu i ve VLJ *zlískat se jako carský důstojník*, kde je sloveso možné adjektivizovat: (vrátil se) *zlískaný jako carský důstojník*.

Další příklady:

účel světi prostředky → *účel svčený prostředky*

nešetřit barvami → *nešetřící barvami*

hrát si na chytrého → *hrající si na chytrého*.

Adjektivizace je naopak nemožná v takovýchto VLJ:

přijít si na velké peníze → **přišedší/přišlý si na velké peníze*;
z cizího krev neteče → **z cizího krev netekoucí*.

4.7.5 Morfologická omezení

Zjištěná morfologická omezení zachycujeme u každé komponenty/slova VLJ, jde např. o omezení v čísle/pádě u substantiv, v čase/způsobu/vidu/ slovesného rodu u sloves a také o negaci (jež ovšem není sensu stricto morfologickou kategorií). Některá omezení vyplývají ze syntaktické funkce slova (neshodný přívlastek takřka nemůže být v akuzativu), další omezení pocházejí ze sémantiky nebo z úzu. Například ve VLJ *padni komu padni* je tvar *padni* pouze v imperativu 2. osoby singuláru, nemůže být nahrazen jiným tvarem slovesa *padnout*.

Zde jsou typické příklady:

kostky jsou vrženy: antické rčení je v češtině – na rozdíl od původního latinského *alea iacta est* – pouze v plurálu;

stůj co stůj: slovesné tvary jsou pouze v imperativu singuláru;

u vědomí: předložka *u* má netypickou lokálovou rekcí, proto i tvar *vědomí* je v lokálu.

Předpokládáme, že v systému češtiny je negace možná, např. *zahalit se do hávu mlčení* → *nezahalit se do hávu mlčení*. Jindy platí jistá omezení, přičemž nemožnost negace či naopak kladné podoby je uvedena v databázovém hesle: ve VLJ *padni, komu padni* → **nepadni, komu nepadni*; k VLJ *v neposlední řadě* nemáme VLJ *v poslední řadě*.

B. Dílčí charakteristiky (vlastnosti jednotlivých komponent (= slov) VLJ)

Dosavadní charakteristiky se týkaly VLJ jako celku, vycházejí ovšem pochopitelně z vlastností jednotlivých komponent VLJ, tedy slov. U nich evidujeme tyto údaje:

- morfologické vlastnosti; každé slovo je morfologicky označováno: je mu přiřazeno lemma a disambiguovaná morfologická značka obsahující morfologické vlastnosti slova
- syntaktická funkce; každému slovu je při syntaktické analýze přiřazena syntaktická funkce: v závislostní syntaxi má každé slovo (s výjimkou řídicího slova celé věty) syntakticky jedno nadřazené slovo; v syntaxi složkové je uvedeno, jaké nejmenší složky je toto slovo součástí
- synonyma; u slov ve standardní podobě VLJ mohou být uvedena synonyma jako varianty slovních tvarů a lexémů spolu s mírou jejich variantnosti/otevřenosti (srov. výše odst. 4.7.1)
- styl; u každého slova je uveden jeho styl (varieta/registr), přičemž repertoár hodnot je týž jako pro celou VLJ (srov. specifické lexikální vlastnosti níže odst. 5.1)
- idiosynkratické morfologické vlastnosti (viz níže odst. 5.2)
- specifické syntaktické vlastnosti (viz výše odst. 4.7.3).

5. Idiomatičnost

Idiomatičnost vystihuje stupeň anomálnosti VLJ na lexikální, morfologické, syntaktické, sémantické a pragmatické rovině a z pohledu frekvenčního (idiomatičnost statistická). Při zachycení idiomatičnosti vycházíme z článku Baldwin et al. 2010, s. 4, kde stojí: „... v kontextu víceslov-

ných lexikálních jednotek se *idiomaticčnost* vztahuje k příznakovosti či odchylce od základních vlastností jednotlivých lexémů tvořících víceslovné lexikální jednotky [...] Daná jednotka je často idiomatická na více rovinách (např. syntaktické, sémantické a statistické v případě *by and large*) [...] V úzkém vztahu k pojmu idiomaticčnosti je *kompozicionalita*, kterou chápeme jako stupeň, v jakém se vlastnosti částí víceslovné lexikální jednotky spojují, aby se daly předpovědět vlastnosti celku. Zatímco kompozicionalita se často chápe tak, že se týká výhradně sémanticky idiomatických jednotek (výrazem ‚nekompozicionální víceslovná lexikální jednotka‘ mají proto odborníci obvykle na mysli sémanticky idiomatické jednotky), v praxi ji lze uplatňovat na těchže rovinách jako idiomaticčnost.“ Tento pohled na idiomaticčnost přijímáme, přičemž rozlišujeme tyto její typy:

5.1 Lexikální

O lexikální idiomaticčnosti mluvíme, obsahuje-li VLJ:

- monokolokabilní slovní tvary (tučně): *postavit se do **haptáku**, na počest, křížem **krážem**, vzít **zavděk**, do **třetice**, být/rozbít na **cimrcampr***
- téměř monokolokabilní slovní tvary (= tvary spojující se jen s velmi malou množinou slov): *tratoliště **krve**, hledět/podívat/pohlédnout **úkosem**, jáma **lvová***
- slovní tvary, jež mají pouze zápornou podobu: *nedílný ve VLJ **nedílná** součást, **nestoudná** lež*
- výpůjčky z cizích jazyků: *ad absurdum, per se, per analogiam, sensu stricto, in extremis, fuj tajfl, mírnýx týrnýx*
- spojení slov z různých jazyků, tj. je-li VLJ makarónská: *per hubam*.

5.2 Morfologická

Morfologickou idiomaticčností rozumíme nespisovné/neobvyklé morfologické formy, které se používají jen v dané VLJ. Několik příkladů:

chca nechca: vedle varianty standardní formy *chtě nechtě*;

na věky věkův: tvar *věkův* je archaická podoba genitivu plurálu;

Jména hloupých na všech sloupích: *sloupích* je neobvyklá, rýmem vynucená podoba lokálu plurálu *sloupích*;

per hubam: v této makarónské VLJ je český kořen *hub* spojen s latinským morfem *-am* vyjadřujícím akuzativ singuláru feminina.

sežrat to i s chlupama: jak vidíme, morfologická omezení se mohou vztahovat i k užití stylových variant. Některé VLJ mohou obsahovat obecněčeské formy, zde forma *chlupama* obsahuje obecněčeský morf *-ama* vyjadřující instrumentál plurálu lexému *chlup*.

5.3 Syntaktická

Syntaktická idiomaticčnost popisuje syntaktické nepravidelnosti celé VLJ:

- **Anakolut**: například v pozměněném přísloví: *kdo po tobě kamenem, ty po něm chlebem*
- **Atrakce**: *v řadě **případech**, vem kde vem*
- **Apoziopeze**: *já bych se na to nejradši...*
- **Zvláštní valence**: *ztratit na aktuálnosti, moc si vyskakovat, být s to*

- **Elipsa:** *nevím, co [mám dělat] dřív; dát na holou [zadnici]; čistému [je] vše čisté; přivést do úzkých [míst?]*
- **Slovosled:** například adjektivum výjimečně obligatorně následuje své řídicí substantivum: *liška podšitá*; předložka následující za jmennou skupinou: *všem napospas*; předložkové skupiny, kde je řídicí substantivum zleva rozvito neshodným substantivním přívlaskem: *v přeneseném slova smyslu*
- **Jiné:** *chlap líná*

5.4 Sémantická

- Tento typ idiomatičnosti vykazují víceslovné lexikální jednotky s nekompozicionálním významem; rozlišujeme rovněž větší či menší míru doslovného významu (doslovný význam – často – zřídka – nikdy):
- **Doslovný význam:** *pančovat alkohol, uvést do umělého spánku, připít na bratrství, dostat se do střetu*
- **Často:** *mít holý zadek, mít bobky*
- **Zřídka:** *kočičí hlavy, nebrat si servítky, vytrhnout někomu trn z paty, mít [NĚČEHO] plný kecky*
- **Nikdy:** *vypěstovat si averzi, strhnout pozornost, dát do vínku, vejít ve známost, sprdnout na tři doby, šít na [KOHU] boudu, vymřít po přeslici, kape [NĚKOMU] na karbid.*

5.5 Pragmatická

VLJ chápeme jako pragmaticky idiomatičné, jsou-li užity ve specifických situacích: *Dovolíte?, Neměl byste drobáček?, Spondeo ac polliceor, Smím prosit?, Rádo se stalo.*

5.6 Statistická

Statisticky idiomatičná VLJ je ustálená, sémanticky kompozicionální kolokace (její komponenty nelze bezvýhradně nahradit synonymy): *dostat ultimátum, dát se vyvést z rovnováhy, zmizet z dohledu, nepřeborné množství.*

Sem patří i termíny jako například *Downův syndrom, oxid draselný, stanné právo, Evropská unie*, dále složené předložky: *na rozdíl od, s přihlédnutím k* a složené spojky: *místo aby, i když...*

6. Závěr

V tomto příspěvku jsme představili podrobnou typologii VLJ v češtině, která je založena na již existujícím trojrozměrném pojetí vyvinutém v projektu PARSEME, jež klasifikuje tyto jednotky na základě jejich syntaktické struktury, ustálenosti/flexibility a idiomatičnosti. Zároveň jsme zmíněné pojetí rozšířili tak, aby lépe zachycovalo vlastnosti češtiny jako jazyka s volným slovosledem a další vlastnosti, a to v těchto aspektech: (i) styl / varieta, (ii) typ užití, (iii) závislostní i frázové syntaktické stromy zachycující i valenci, (iv) fragmenty / varianty včetně jádra VLJ, (v) morfologická idiomatičnost. Do popisu jsme dosud naopak nezařadili některé transformace (topicalization, clefting), celkově však rozšíření typů transformací technicky nic nebrání, hesla v databázi lze průběžně rozšiřovat o libovolné vlastnosti.

Databázi, obsahující přes 10 240 hesel, hodláme průběžně rozšiřovat o nová hesla. Přitom se zvláště chceme zaměřit zatím na kritéria, jež stanoví, co jsou varianty příslušné VLJ a jaké VLJ mají být do databáze zařazeny jako samostatná hesla. Máme v plánu navrženou typologii dále zjemňovat, pokud si nová zjištění v korpusových datech či jiné důvody vynutí zavedení nových vhodných parametrů/vlastností nebo se ukáže potřeba jemněji stanovit hodnoty nějakého ze sledovaných parametrů. Například bychom mohli:

- přidat jazykovou i kulturní provenienci VLJ,
- zjemnit rozlišování stylových či jiných charakteristik, typů adverbialit a dalších aspektů
- uvádět ekvivalenty VLJ v různých jazycích (jak uvádí SČFI u mnoha hesel)
- popsat závislostní syntaktickou strukturu v pojetí tzv. universal dependencies (<https://universaldependencies.org>).

Databáze má sloužit k tomu:

- aby v rámci počítačového zpracování jazyka vylepšila dosavadní nástroje pro morfologické a syntaktické značkování, výhledově i pro disambiguaci lexikálních významů (word sense disambiguation), značkování sémantické, pragmatické, případně další;
- aby umožnila uživateli vhodnými nástroji rozpoznávat VLJ v korpusových textech, a to včetně jejich fragmentů a variant – aby tak bylo možné v korpusových textech sledovat, jak kreativně pisatelé zacházejí se standardními VLJ. Příslušný software by měl být schopen vyhledávat VLJ podle podrobně sledovaných vlastností a jejich kombinací: např. (a) hledání přísloví či (b) předložkových skupin, které jsou sémanticky idiomatické a zároveň jsou v databázi charakterizovány jako obecněčeské či slangové apod. Databáze tak může sloužit mnohem efektivnějším výzkumu VLJ, než tomu bylo doposud, a to například k účelům lexikografickým a dalším.

Literatura

- Bachmannová, J.: K výzkumu a popisu nářeční frazeologie. *Naše řeč*, č. 1, roč. 69, 1986, s. 1–5.
- Baldwin, T. – Kim, S. N.: Multiword Expressions. In Indurkha, N. – Damerau F. J. (eds.): *Handbook of Natural Language Processing*, 2nd edn. Boca Raton: CRC Press, 2010, s. 267–292.
- Barnbrook, G. – Mason, O. – Krishnamurty, R.: *Collocation. Applications and Implications*. Basingstoke: Palgrave Macmillan UK, 2013.
- Bejček, E. – Hajič, J. – Straňák, P. – Uřešová, Z.: Extracting verbal multiword data from rich treebank annotation. In *Proceedings of the 15th International Workshop on Treebanks and Linguistic Theories (TLT 15)*. Bloomington: Indiana University, 2017, s. 13–24.
- Burger, H. – Dobrovolskij, D. – Kühn, P. – Norrick, N. R.: Phraseology: Subject area, terminology and research topic. In Burger, H. et al. (eds.): *Phraseology. An International Handbook of Contemporary Research*, 2007, s. 1019.
- Cvrček, V.: *Kvantitativní analýza kontextu*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2014.
- Cvrček, V. et al.: *Mluvnice současné češtiny I. Jak se píše a jak se mluví*. Praha: Karolinum, 2010.
- Čechová, M. et al.: *Čeština – řeč a jazyk*. Praha: ISV nakladatelství, 1996.

- Čermák, F.: Viceslovná pojmenování typu verbum – substantivum v češtině (Příspěvek k syntagmaticitě tzv. abstrakt). *Slovo a slovesnost*, č. 4, roč. 35, 1974, s. 287–306.
- Čermák, F.: *Jazyk a jazykověda*. Praha: Karolinum, 2001.
- Čermák, F.: *Czech and general phraseology*. Prague: Karolinum, 2007.
- Čermák, F.: *Lexikon a sémantika*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010.
- Čermák, F.: Frazeologie a idiomatika: Jejich podstata a proměnlivost názorů na ně. *Časopis pro moderní filologii*, č. 2, roč. 98, 2016, s. 199–217.
- Čermák, F.: Kolokace. In Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): heslo v *Novém encyklopedickém slovníku češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016.
- Čermák, F. et al.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky (SČFI)*, vol. 1–4. Praha: Academia/Leda, 1983–2009.
- Filipec, J.: Teorie a praxe jednojazyčného slovníku výkladového. In Čermák, F. – Blatná, R. (eds.): *Manuál lexikografie*. Praha: H&H, 1995, s. 14–49.
- Hajič, J.: Complex Corpus Annotation: The Prague Dependency Treebank. In Šimková, M. (ed.): *Insight into the Slovak and Czech Corpus Linguistics*. Bratislava: Veda, 2006, s. 54–73.
- Hnátková, M.: Značkování frazémů a idiomů v Českém národním korpusu s pomocí slovníku české frazeologie a idiomatiky. *Slovo a slovesnost*, č. 2, roč. 63, 2002, s. 117–126.
- Hnátková, M. – Jelínek, T. – Kopřivová, M. – Petkevič, V. – Rosen, A. – Skoumalová, H. – Vondříčka, P.: Eye of a Needle in a Haystack. Multiword Expressions in Czech: Typology and Lexicon. In Mitkov, R. (ed.): *Computational and Corpus-Based Phraseology: Second International Conference, Europhras 2017*. London: Springer International Publishing, LNAI 10596, 2017, s. 160–175. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69805-2_12.
- Hladká, Z.: Pojmenování (nominace). In Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): heslo v *Novém encyklopedickém slovníku češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016.
- Karlík, P. – Nekula, M. – Rusínová, Z. (eds.): *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1995.
- Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016.
- Klégr, A.: Lexikální kolokace: základní přehled o vývoji pojetí. *Časopis pro moderní filologii*, č. 1, roč. 98, 2016, s. 95–103.
- Kopřivová, M. – Hnátková, M.: From Dictionary to Corpus. In Jesenšek, V. – Grzybek, P. (eds): *Phraseology in Dictionaries and Corpora*. Maribor: Filozofska fakulteta Maribor, 2014, s. 155–168.
- Kučař, J.: Základní rysy struktur pojmenování. *Slovo a slovesnost*, č. 2, roč. 24, 1963, s. 105–114.
- Leška, O. – Novák, P.: O chápání „jazykového pojmenování“ a „jazykového usouvstažnění“ (K Mathesiově koncepci funkční lingvistiky). *Slovo a slovesnost*, č. 4, roč. 29, 1968, s. 1–9.
- Lopatková, M. – Kettnerová, V. – Bejček, E. – Skwarska, K. – Žabokrtský, Z.: *VALLEX 2.6.3 Valency Lexicon of Czech Verbs*. Prague: Institute of Formal and Applied Linguistics, Faculty of Mathematics and Physics, Charles University, 2014.
- Mathesius, V.: O soustavném rozboru gramatickém. *Slovo a slovesnost*, č. 2, roč. 8, 1942, s. 88–92.

- Mieder, W.: *Proverbs Are Never Out of Season: Popular Wisdom in the Modern Age*. New York: Peter Lang, 2012.
- Moon, R.: Corpus linguistic approaches with English corpora. In Burger, H. et al. (eds.): *Phraseology. An International Handbook of Contemporary Research*, 2007, s. 1045–1059.
- Nunberg, G. – Sag, I. A. – Wasow, T.: Idioms. *Language*, č. 3, roč. 70, 1994, s. 491–538.
- Przepiórkowski, A. – Hajič, J. – Hajnicz, E. – Urešová, Z.: Phraseology in two Slavic valency dictionaries: Limitations and perspectives. *International Journal of Lexicography*, č. 1, roč. 30, 2017, s. 1–38.
- Sag, I. A. – Baldwin, T. – Bond, F. – Copestake, A. – Flickinger, D.: Multiword Expressions: A Pain in the Neck for NLP. In Gelbukh A. F. (ed.): *Proceedings of the Third International Conference on Intelligent Text Processing and Computational Linguistics (CICLING 2002)*. London: Springer, 2002, s. 1–15.
- Sinclair, J. M.: *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Urešová, Z.: Building the PDT-VALLEX valency lexicon. In *On-line Proceedings of the fifth Corpus Linguistics Conference*. Liverpool: University of Liverpool, 2009.
- Vondříčka, P.: Design of a MWE Database. *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*, č. 112, 2019, s. 83–101.

Статистичні методи у лінгвогендерологічних дослідженнях¹

Statistic methods in linguistic research of gender specificities

Анна Гадзало, Univerzita Palackého v Olomouci

Abstract

Modern linguistics and especially gender linguistics is constantly searching for effective methods of examination of language and speech objects. Practice shows that the conclusions obtained by genderologists after empirical method application are not confirmed and its advantage is unsubstantiated. The article is devoted to the analysis of the effectiveness of statistical methods, which can contribute to a higher degree of representativeness in linguistic research of gender specificities.

Анотація

Сучасна лінгвістика, а передусім гендерна, постійно перебуває у пошуку ефективних методів дослідження об'єктів мови та мовлення. Практика показує, що, висновки, отримані гендерологами внаслідок застосування емпіричного методу не підтверджені, а його перевага необґрунтована. Стаття присвячена аналізу ефективності статистичних методів, які можуть сприяти вищій мірі репрезентативності у лінгвогендерологічних дослідженнях.

Keywords: gender, gender linguistics, research methods, statistical methods

Ключові слова: гендер, лінгвогендерологія, методи дослідження, статистичні методи

У сучасному багатовекторному суспільстві поняття гендеру отримало чималу кількість трактувань. З другої половини ХХ ст. унаслідок так званого «антропологічного повороту» на чільне місце виходить проблематика статі. У 1970-их р. на конгресі психоаналітиків американський вчений Р. Столлер висунув концепцію розрізнення термінів *gender* як «соціокультурна стать, яка позначає психологічні, соціальні та культурні відмінності» та *sex* як «стать біологічна – це фізична стать, відмінності, якої не обов'язково збігаються із анатомічними ознаками». Його послідовник, Е. Гіденс у книзі «Соціологія» стверджує, що «різниця між статтю й гендером має фундаментальний характер, бо багато відмінностей між чоловіками й жінками мають небіологічне походження» (Гіденс 1999, с.162).

Аналіз зв'язків між мовою та гендером перебуває у центрі уваги значної кількості наукових парадигм. Зацікавленість у дослідженні гендерних аспектів мови та мовлення

¹ Стаття підготована за підтримки гранту ID № 51810116 «Gender specificity of comparisons (on the material of modern blogs)», який фінансується Міжнародним Вишеградським Фондом.

зумовлена двома чинниками, перший з яких – це увага до аналізу соціального середовища, яке впливає на комунікацію, тобто на людський чинник у мові, другим чинником став активний розвиток феміністичного руху та його безпосередній вплив на актуалізацію гендерноспрямованих досліджень. Відтак, з одного боку, головними векторами досліджень лінгвістів є те, як чоловік та жінка відображені у мові, як маніфестується у мові наявність людей різної статі, які оцінки приписуються чоловікам та жінкам і в яких семантичних областях вони найбільш чітко представлені, які лінгвістичні механізми лежать в основі цих процесів; з іншого, – які відмінності є у їхньому мовленні, тобто комунікативна поведінка чоловіків та жінок в цілому.

Засадничими концепціями, які слугували розвитку гендерних досліджень у мові, вважають твердження В. фон Гумбольдта, про те, що мислення не лише залежить від мови, а й зумовлюється нею, та гіпотезулінгвальної відносності Сепіра-Уорфа, що стала логічним продовженням цієї теорії і яка припускає, що мова формує спосіб пізнання людиною світу. Р. Лакофф у статті «Мова та місце жінки», опублікованій у 1972р., висунув ідею про вплив соціуму на мову, що дало початок теорії гендерлекту² (Lakoff 1972).

Основними напрямками лінгвістичного дослідження питань відображення категорій роду, статі та гендеру в одиницях мови вважаємо такі: дослідження системи мови та її одиниць (D. Tannen, D. Cameron, A. Pawels, O. Тараненко, А. Загнітко, А. Архангельська, О. Малахова, О. Чистяк, В. Труб, М. Гінзбург), гендерна концептологія та гендерна лінгвокультурологія (R. Lakoff, S. Trechter, W. L. Leap, O. Левченко, Л. Ставицька, Т. Сукаленко), текстово-дискурсивна парадигма лінгвогендерологічних студій (S. Ehrlich, J. Swann, O. Горошко, Т. Космеда, В. Агеєва, С. Бусел, Т. Космеда).

Лінгвогендерологія (лінгвістична гендерологія) є однією із відносно нових мультидисциплінарних наук, яка вивчає лінгвістичні прояви гендеру як соціокультурного конструкту. Лінгвістична гендерологія досліджує взаємозв'язок та взаємовплив мови як системи, мовної картини світу людини та її статі й гендеру. Початки лінгвогендерології як науки сягають 1975 р., коли в Америці за матеріалами семінару з проблем мови і статі в Каліфорнійському університеті опублікували збірник праць «Чоловіча/жіноча мова» (Key 1975)³.

Попри активний розвиток лінгвогендерологічної науки важливо зазначити, що тактики мовленнєвої поведінки складно привести у відповідність до конкретних їх реалізацій чоловіками та жінками. Саме тому гендерний складник статі часто є гіперболізованим, що призводить до неточного, а почасти й викривленого розуміння ролі гендерного чинника

² Гендерлект – це мова чоловічої та жіночої частини населення, особливості мовлення жінок і, відповідно, чоловіків в рамках однієї національної, етнічної мови (включаючи лексику, граматику і стиль).

³ Цікаво, що перші лінгвогендерологічні дослідження, які опираються на гіпотезу Сепіра-Уорфа були здійснені на матеріалі германської та романської мовних груп. Наприклад, з 1976 року англійською мовою видається спеціальний журнал «Жінки і мова», який публікується до сьогодні (<https://www.womenandlanguage.org>). У монографіях Луїзи Пуш «Німецька - мова чоловіків» (L. Pusch, *Das Deutscheals Männersprache* (Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1984) і Сент Трємель-Пльотц «Жіноча мова - мова змін» (S. Trömel-Plötz, *Frauensprache, Spracheder Veränderung* (Frankfurt-a-M: Taschenb.Verlag, 1995)) здійснено аналіз чоловічої/жіночої мови на базі німецької мови. Однак ця гіпотеза лінгвістичної відносності предметом активних дискусій, оскільки вона потребує верифікації та немає належного понятійного апарату. Так, до прикладу, науковці у 1950-их роках здійснили спробу створити штучну мову *ложбан* (<https://mw.lojban.org/papri/Lojban>), на основі якої намагалися підтвердити цю концепцію, однак доцільність її використання регулярно обговорюється.

в комунікативній поведінці. А. Криліна зауважує, що гендерний чинник є релевантним тільки коли від нього залежить ефективність комунікації (Кириліна 1999, с.124).

Лінгвістичній гендерології, як відносно новій науковій дисципліні, властиві недостатня розробленість понятійного апарату, категорій та методів і прийомів досліджень. А. Кириліна та Д. Добровольський доречно зауважують, що багато науковців зневажають загальнообов'язковими вимогами науковості, серед яких експліцитно сформульовані робочі гіпотези та їх верифікація. Неоднорідність та невизначеність методологічної бази спричиняє появу висновків, адекватність яких можна поставити під сумнів (Кириліна 2000). О. Харченко стверджує, що «...гендерні дослідження можуть спиратись на різні методологічні підходи та методи дослідження. В залежності від мети та предмету можливі та навіть потрібні рекомбінації та поєднання (методів, прим. наша – А. Г.), незважаючи на усталені наукові традиції, адже лише тоді можливо розширити їх евристичний потенціал.» (Харченко 2009, с. 317). О. Левченко також зазначає, те що «нейтралізатором» інтроспекції, зокрема й у гендерній лінгвістиці, має стати статистичний аналіз. Проте належить зважати на те, що власне в гуманітарній сфері абсолютизація жодного методу аналізу не зумовлює об'єктивні наукові висновки.» (Левченко 2017, с. 75).

Лінгвістична гендерологія досі потребує вдосконалення уже наявних або створення нових методів досліджень. Т. Космеда доцільно зауважує, що єдність ретроспективного, діахронного й синхронного, а також проспективного аспектів з урахуванням семантики, синтактики й прагматики забезпечує всебічність, комплексність, багатогранність і послідовність дослідження (Космеда 2014).

Науковці не покидають спроб окреслити особливості чоловічого та жіночого мовлення (А. Кириліна, О. Горошко, О. Есперсен), однак чітких критерій розмежування досі немає. Гендерна маркованість може виражатися як експліцитними засобами мовної системи (тембр та сила голосу, експресивна лексика, імперативність висловлювань, виборі комунікативних стратегій та ін.), так і імпліцитними засобами (правила спілкування та імплікатури, тощо) (Мраморнова 2010, с. 177).

Одним із ефективних та обґрунтованих методів дослідження гендерномаркованих одиниць вважаємо статистичні методи як конкретноспрямовані методи прикладної лінгвістики. Статистичні методи – це комплекс прийомів і принципів, згідно з якими здійснюється збір, систематизація, обробка й інтерпретація статистичних даних з метою отримання наукових і практичних висновків. Статистичний метод, окрім математичної сторони, містить і логіко-пізнавальну складову.

Першим звернувся до питання тісного зв'язку між мовою і математикою ще на початку ХХ століття відомий вчений Ф. де Соссюр, який стверджував, що мова є математично точною системою, а усі відношення у мові можна відобразити математичними формулами. Пізніше його ідеї розвивав Л. Ельмслев, який дав початок алгебраїчної теорії мови в своїй праці «Основи лінгвістичної теорії» (1943). Детально вивчав статистичні методи в лінгвістиці вчений-генетик Георг Мендель. В Росії зв'язок мови і математики досліджували І. Бодуен де Куртене, який вперше запропонував застосовувати математичні моделі в лінгвістиці, Р. Фрумкінау 1964 р. видала працю «Статистичні методи вивчення лексики». Значний внесок зробили вчені-лінгвісти Н. Хомський, який є основоположником генеративізму та «батьком» формальної граматики та О. Реформатський з працею «Число і грамика» (1987). Власне

чотири основні лінгвістичні школи середини ХХ ст. (ленінградська, празька, московська та американська) почали послуговуватися методами математики. Застосування математики у лінгвістичних дослідженнях актуальне і сьогодні, що пов'язано зі стрімким розвитком інформаційних технологій та все більшою комп'ютеризацією суспільства.

Слід розрізняти комп'ютерну, математичну, статистичну та квантитативну (обчислювальну) лінгвістики. Комп'ютерна лінгвістика у широкому розумінні трактується як наука, яка досліджує мову з використанням комп'ютерних технологій, тобто тут ідеться будь-яке опрацювання мови за допомогою комп'ютера. Математична лінгвістика – це галузь прикладної лінгвістики, яка за допомогою понять та методів математики намагається дослідити особливості природних та штучних мов. Статистична лінгвістика – це розділ математичної лінгвістики (або ж її метод), який досліджує чисельні характеристики та закономірності у досліджуваних текстах. Квантитативна лінгвістика вивчає мовні явища за допомогою методів кількісної математики (Щербина 2010). Важливо зауважити, що комп'ютерна лінгвістика послуговується різними методами математики. Так, до прикладу, статистична лінгвістика застосовує методи математичної статистики та теорії імовірності, в той час як квантитативна лінгвістика опирається на методи «кількісної» математики, такі як комбінаторика, теорія інформації та ін.

Для актуалізації використання статистичних методів К. Батлер, В. Лоуві, В. Перебийніс, С. Романюк, Г. Ситар здійснили аналіз базових положень статистики, які можуть бути корисними для мовознавців та навели приклади їх застосування.

Як зазначає В. Перебийніс, обов'язковою умовою для застосування статистичних методів є чітке визначення дискретних одиниць у тексті, які потрібно дослідити (Перебийніс 2001). Тут зазначимо, що дослідити можемо лише експліцитно гендерномарковані одиниці, тобто такі, у яких є контрастний маскулінний/фемінінний компонент (до прикладу, лексеми та фрази на позначення чоловіка чи жінки, займенники в третій особі, лексеми які засвідчують стать на лексичному або(і) словотвірному рівні). У той самий час, за допомогою сучасних комп'ютерних технологій усі гендерні маркери не можна використати. Наприклад, такі гендерні маркери як компаративні сполуки із гендерним маркуванням (високий як тополя), лексеми пов'язані з концептами чоловік та жінка (так звані слова-стимули) складно відслідкувати програмою та необхідно фахівця-лінгвіста для їх диференціації.

Для відбору фактологічної бази досліджень вважаємо найдоцільнішим використовувати корпус, оскільки лише його упорядкованість та системність може забезпечити точність кількісних даних та переконливість висновків.

За О. Карпіловською, корпус текстів природної мови — це репрезентативна збірка текстів, чітко організована та системно розмічена (індексована) (Карпіловська 2003). Основними умовами для того, щоб назвати сукупність текстів корпусом є такі:

- 1) *репрезентативність*, тобто об'єм текстів не обов'язково повинен бути великим, однак здатним відображати проблемну ділянку (якщо йдеться про авторський корпус, то він буде значно меншим, ніж національний корпус);
- 2) *автентичність*, що вкрай важливо для емпіризації корпусного матеріалу;
- 3) *відібраність*, застосування правил відбору даних залежно від типу та мети корпусу;
- 4) *збалансованість*, тобто пропорційна кількість текстових ресурсів;

5) *машиночитаність*, вхідні дані повинні бути належно анотовані та індексовані.

Саме остання передумова, машиночитаність, допомагає легко користуватися великими масивами мовних даних, що дозволить спростити використання текстів при комп'ютерній обробці, ранжувати отримані результати, задавати порогові значення та ін.

Оскільки Український національний корпус ще перебуває у процесі розробки та удосконалення, для дослідження застосуємо Браунівський корпус, який вважають зразком для корпусів-мільйонників. Корпус складається з 1 мільйона слововживань, 500 уривків, 15 жанрів, які вилучені із текстів, надрукованих у США упродовж 1961–1979 рр. Його перевагою є доступність та обгрунтована розміченість⁴.

Для спрощення дослідження застосуємо програмне забезпечення Sketch Engine, розроблене компанією Lexical Computing Limited у 2003 р. Цей додаток розроблений для усіх, хто займається дослідженням мови (лінгвістів, лексикографів, перекладачів тощо). За допомогою Sketch Engine можна оперувати великими обсягами текстів та задавати об'ємні та складні запити. Зараз цей додаток налічує корпуси більш ніж 90-та мов. Однак безкоштовних корпусів у вільному доступі мало, тому можна скористатися пробною версією ресурсу, зареєструвавшись на веб-сайті <https://www.sketchengine.eu/> (Рис.1).

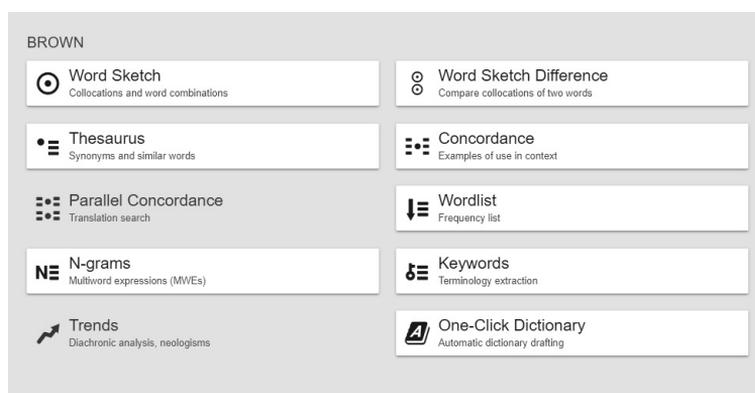


Рис. 1. Головне вікно додатка Sketch Engine

Отож, спробуємо дослідити гендерний аспект фразеологічних одиниць англійської мови на матеріалі Браунівського корпусу за допомогою інструмента Sketch Engine. Для дослідження гендерного аспекту у фразеологізмах було обрано одиниці із концептосферами *Man* та *Woman*, які репрезентовані наступними компонентами: *man, woman, boy, girl, father, mother*.

Проаналізуємо можливості Sketch Engine. Функція Word Sketch дозволяє побачити колокації та комбінації мовних одиниць. За допомогою цієї функції ми здійснили та кількісний аналіз частотності використання компонентів (Табл.1).

⁴ Цікаво, що на його прикладі українські науковці В. Старко, А. Рисін, О. Гавура та Н. Олішкевич здійснили спробу реалізувати анотований Браунівський корпус української мови (БрУК) (детальніше: <https://r2u.org.ua/corpus>).

Концептосфера <i>Man</i>		Концептосфера <i>Woman</i>	
Компоненти	Кількість	Компоненти	Кількість
<i>man</i>	2064	<i>woman</i>	437
<i>boy</i>	385	<i>girl</i>	362
<i>father</i>	209	<i>mother</i>	256
Сумарна кількість			
2658		1055	

Таблиця 1. Кількісні співвідношення репрезентованих концептів

Важливо зазначити, що вкладка *advanced* допомагає здійснювати розширений пошук та задавати розширені критерії пошуку (за частинами мови, шукати лише в заданому підкорпусі та ін.). Також, функція *Word Sketch* дозволяє простежити у яких граматичних колокаціях найчастіше спостерігається заданий компонент (Рис. 2, Рис. 3).



Рис. 2. Вікно результатів роботи функції *Word Sketch* при пошуку слова *boy*

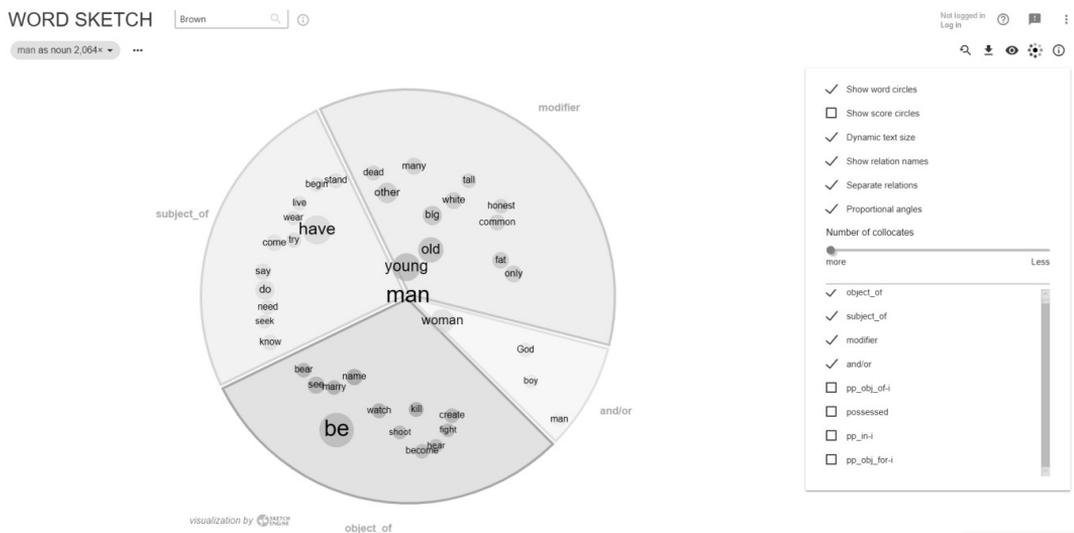


Рис. 3. Візуальне відображення граматичних колокацій з іменником *man*

Чоловік активніше номінується і чіткіше представляється, що свідчить про гендерну асиметрію. Одиниця *Man* є найчисельнішою і репрезентує як характеристики людини загалом (*a man of principle* – людина принципу, *man's sin* – людський гріх, *man's creation* – створення людини), так і риси, які притаманні чоловіку (*to be a man* – бути чоловіком, *man of muscle* – мускулистий чоловік, *man of courage* – сміливець).

За допомогою цього інструмента Word Sketch Difference можна здійснити порівняльний аналіз слів. Результат роботи інструмента на базі корпусу Brown можна спостерегти на Рис.4 у табличній формі та візуалізовано на Рис.5.

WORD SKETCH DIFFERENCE | Brown | Not logged in | Log in

father 204 | mother 204

and/or	object_of	subject_of	adj_subject_of	predicate_of	predicate	modifier
Diffing 1 0 ...	golf 1 0 ...	double-cross 1 0 ...	unamused 1 0 ...	pharmacist 1 0 ...	child 1 0 ...	founding 1 0 ...
engraver 1 0 ...	rejoin 1 0 ...	disown 1 0 ...	enthusiastic 1 0 ...	Armour 1 0 ...	freedom 0 1 ...	unsympathetic 1 0 ...
mother 11 0 ...	mutate 1 0 ...	slice 1 0 ...	anxious 1 0 ...	sergeant 1 0 ...	Oliver 0 1 ...	working-class 1 0 ...
Leonato 1 0 ...	number 1 0 ...	despise 1 0 ...	good 0 1 ...	policeman 1 0 ...		deceased 1 0 ...
vaguerio 1 0 ...	sway 1 0 ...	address 1 0 ...	religious 0 1 ...	visitor 1 0 ...		Jesuit 1 0 ...
Greer 1 0 ...	grin 1 0 ...	undertake 1 0 ...	sick 0 1 ...	professor 1 0 ...		solicitous 1 0 ...
Pankowski 0 1 ...	pester 0 1 ...	teach 0 2 ...	correct 0 1 ...	woman 0 1 ...		dedicated 0 1 ...
graybeard 0 1 ...	admonish 0 1 ...	nudge 0 1 ...	rich 0 2 ...	person 0 1 ...		goddamned 0 1 ...
Hosaka 0 1 ...	introject 0 1 ...	prod 0 1 ...	like 0 1 ...	manager 0 1 ...		Masons 0 1 ...
smallpox 0 1 ...	rough 0 1 ...	gossip 0 1 ...	protective 0 1 ...	governess 0 1 ...		scolding 0 1 ...
Masons 0 1 ...	party 0 1 ...	brook 0 1 ...	fortnight 0 1 ...	Greer 0 1 ...		widowed 0 3 ...
father 0 11 ...	gabble 0 1 ...	die 0 3 ...		Hayward 0 1 ...		unwed 0 11 ...

modifies	possessed	possessor	pp_of_i	pp_obj_of_i	pp_in_i	pp_obj_in_i
confessor 1 0 ...	chattel 1 0 ...	lyricist 1 0 ...	bop 1 0 ...	thump 1 0 ...	forest 1 0 ...	invest 1 0 ...
fixation 1 0 ...	ball 1 0 ...	deputy 1 0 ...	football 1 0 ...	hometown 1 0 ...	shop 1 0 ...	sit 1 0 ...
Leonato 1 0 ...	funeral 1 0 ...	Shakespeare 1 0 ...	act 1 0 ...	feel 1 0 ...	California 0 1 ...	live 1 0 ...
Soeren 1 0 ...	sorrow 1 0 ...	Scotty 1 0 ...	system 1 0 ...	disapproval 1 0 ...	recovery 0 1 ...	drive 0 1 ...
Lodovick 1 0 ...	occupation 1 0 ...	bride 1 0 ...	child 1 4 ...	occupancy 1 0 ...		embody 0 1 ...
Koh 1 0 ...	tone 2 0 ...	gift 1 0 ...	son 0 1 ...	anniversary 1 0 ...		niche 0 1 ...
Pallvius 0 1 ...	disapproval 0 1 ...	child 0 1 ...	Mercer 0 1 ...	touch 0 1 ...		

Рис. 4. Результат роботи інструмента Word Sketch Difference у табличній формі для слів *father* та *mother*

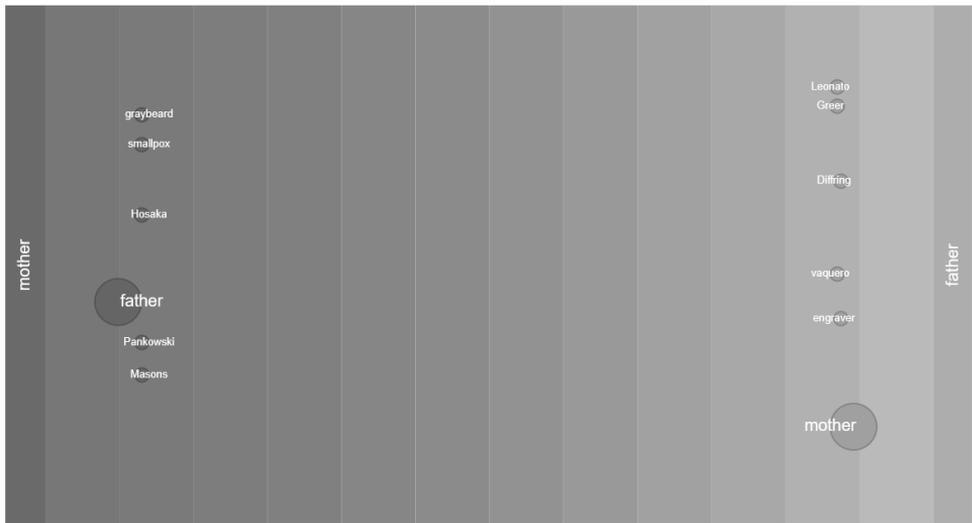


Рис. 5. Результат роботи інструмента Word Sketch Difference у візуальній формі для слів *father* та *mother*

За допомогою інструмента Word Sketch Difference спостережено, що компонентів на позначення родових відносин (*mother, father*) в структурі фразеологізмів не має. Також, в аналізованому матеріалі класична модель *as adj as n* була непродуктивною.

Функція Concordance допомагає бачити лівосторонній та правосторонній контекст вживання заданого слова. Також, у цій функції можна відсортувати за типом тексту (жанр, автор), словоформою і контекстом (Рис. 6).

CONCORDANCE 🔍 ⓘ Not logged in
Log in

simple woman 449 (381.81 per million)

Details	Left context	KWIC	Right context
1 various ng Democratic Club cocktail party at the Scotch Plains Country Club . It was greeted with a chorus of boos by 500	women	in Trenton Monday at a forum of the State Federation of Women <g>- 's Clubs . Hughes said Monday , " It is the a	
2 various as the original GOP national committeewoman from New Jersey in the early 1920 <g>- s following adoption of the	women	<g>- 's suffrage amendment . She served one four-year term on the national committee . Resentment welled up yr	
3 various , now about 169 years old . In the early spring of 1913 a few hundred thousand persons turned out to watch 5000	women	parade . They were the suffragettes and they wanted to vote . In the 1920 presidential election they had that right t	
4 various I K. of C. Games , final indoor meet of the season , got a thrill a few minutes earlier when a slender , bespectacled	woman	broke the one-week-old world record in the half-mile run . Mrs. Grace Butcher , of nearby Chardon , a 27 <g>- -yee	
5 various back with the " Met " again now that the " Met " is back in Chicago " , bulletins Mrs. Frank S. Sims , president of the	women	<g>- 's board of the University of Chicago Cancer Research Foundation . The New York Metropolitan Opera Com	
6 various sther Marr a popular asset at the Salvation Army <g>- 's Social Center at 1200 Larimer St. The pert , gray-haired	woman	who came to Denver three years ago from Buffalo , N.Y. , is a " civilian " with the Army . Her position covers a nur	
7 various rip to New Orleans , La. The bride , daughter of Mr. and Mrs. Charles Ervin Glison of Pampa , has attended Texas	Woman	<g>- 's University and will continue her studies at Aj " " A Night in New Orleans " is the gayety planned by member	
8 various ileans " is the gayety planned by members of the Thrift Shop Committee for May 6 at Philmont Country Club . The	women	have a reputation for giving parties that are fun and this year <g>- 's promises to follow in this fine	
9 various rt- appointed attorney , Jack Walker , or his guard . Stepson vindicated The verdict brought vindication to the dead	women	is indicated in the contribution made by them during the past 25 years that totals \$ <g>- 840,000 . It <g>- 's big bus	
10 various l be facilities at Philmont Country Club for those who would like to bring the bundles on the night of the party . The	women	<g>- 's committee of St. David <g>- 's Church will hold its annual pre-Fair pink parade , a dessert bridge and fashic	
11 various e Artist " is the invitation issued by members of the Greater Philadelphia Section of the National Council of Jewish	Women	as they arrange for an annual exhibit and sale of paintings and sculpture at the Philmont Country Club on April 8 a	
12 various e door prize . The event is the sixth on the annual calendar of the local members of the National Council of Jewish	Women	. It originated with the Wissahickon Section . When this and other units combined to form the present group , it was	
13 various in six indictments with conspiracy to violate federal narcotic laws . In his opening statement to a jury of eight	women	and four men , Bernard H. Sokol , attorney for the detectives , said that evidence would show that his clients were	
14 various 1 the youths fled with his money . Mrs. Blanche Dunkel , 60 , who has spent 25 years in the Dwight reformatory for	women	for the murder in 1935 of her son-in-law , Ervin Lang , then 28 , appealed for a parole at a hearing yesterday before	
15 various top lights as he traveled north into Wilmette in Prairie . St. Johns , Mich. , April 19 . -- A jury of seven men and five	women	found 21 <g>- -year-old Richard Pohl guilty of manslaughter yesterday in the bludgeon slaying of Mrs. Anna Heng	
16 various rt-appointed attorney , Jack Walker , or his guard . Stepson vindicated The verdict brought vindication to the dead	woman	<g>- 's stepson , Vincent Hengesbach , 54 , who was tried for the same crime in December , 1958 , and released v	
17 various d one of the children , found today they had the help of hundreds of neighbors and school friends . While neighbor	women	assumed some of the dead mother <g>- 's duties , fund-raising events were being planned by a homeowners assc	
18 various ed split-level home when the tragedy staggered him with medical and funeral bills . A <g>- 135 donated Neighbor	women	, such as Mrs. Sidney Baker , 2269 Serra , Sterling Township , have been supplying the family with meals and han	
19 various ver the weekend , Mrs. Self , personnel clerk , was a feted and honored guest of the Atlanta Club , organization of	women	employees at City Hall . After 18 years in the personnel office , she has taken a disability pension on advice of her	
20 various man-Marcus Exposition , Tuesday and Wednesday in the Grand Ballroom of the Sheraton-Dallas Hotel . The only	woman	recipient , Miss Garson will receive the award with Ferdinando Sarmi , creator of chic , beautiful women <g>- 's fas	

Рис. 6. Результат роботи інструмента Concordance для слова *woman*

Окрім стандартних запитів можна задавати запити CQL (Corpus Query Language). Для використання цього типу запитів необхідно знати список атрибутів (наприклад, word– слово, lemma– неозначена форма слова, pos–частинамовита інші). Також для застосування складних запитів CQL слід знати мову регулярних висловів. Тут можна задавати контекстні обмеження пошуку у вигляді лем (Lemma context) або слів певної частини мови (Po Scintext). За допомогою такого сортування можна вибрати кількість слів та правобічний чи лівобічний контекст відображати. (Рис. 6).

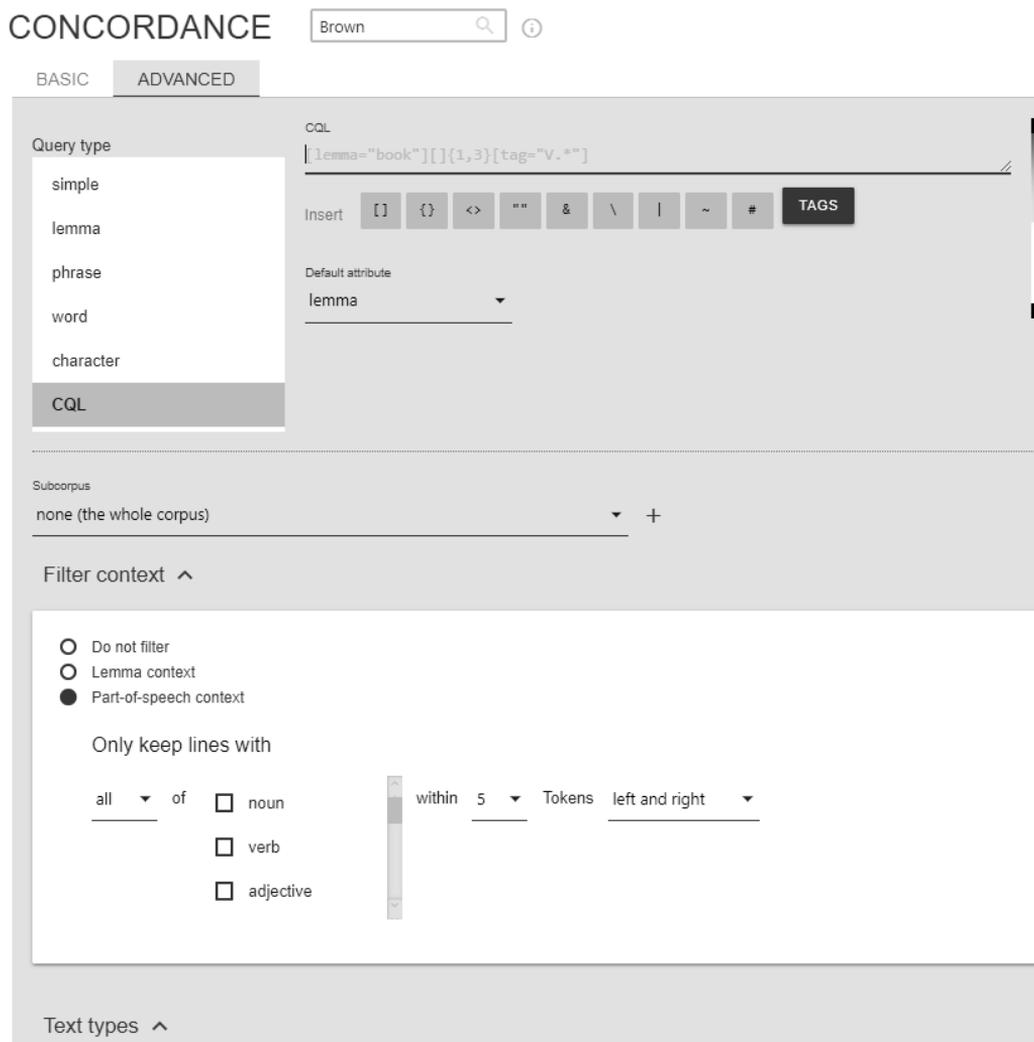


Рис. 6. Вікно CQL-запитів

За допомогою функції Concordance відсортувавши контекст спостерігаємо два випадки номінації чоловіка як жінки та жінки як чоловіка (*the fat man as a girl, Alexander sobbed like a girl*).

У вкладці Wordlist можна створити різні типи списків, такі як список слів, лем, POS-тегів або інших атрибутів із зазначенням їх частоти. Функція Wordlist також дозволяє відмітити слова, які мають схожу колокаційну поведінку із заданим словом (Рис.7).

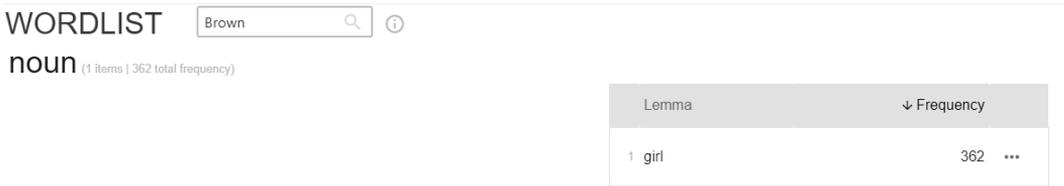


Рис. 7. Результат роботи інструмента Wordlist для слова *girl*

Функція N-грам допомагає це послідовність певної кількості предметів (цифр, слів тощо). У контексті текстових колокацій n-грами зазвичай позначають послідовності слів із заданими показниками. Різниця між n-грамми та колокаціями полягає у тому, що перші – це слова, які розташовані у тексті поруч один з одним, а колокації – слова, між якими є зв’язок, але не обов’язково поруч один з одним.

Функція Keywords дозволяє побачити окремі слова (лексеми), які з’являються частіше у фокусі корпусу. Приклад застосування функції ключових слів у Браунівському корпусі відображено на Рис. 8.

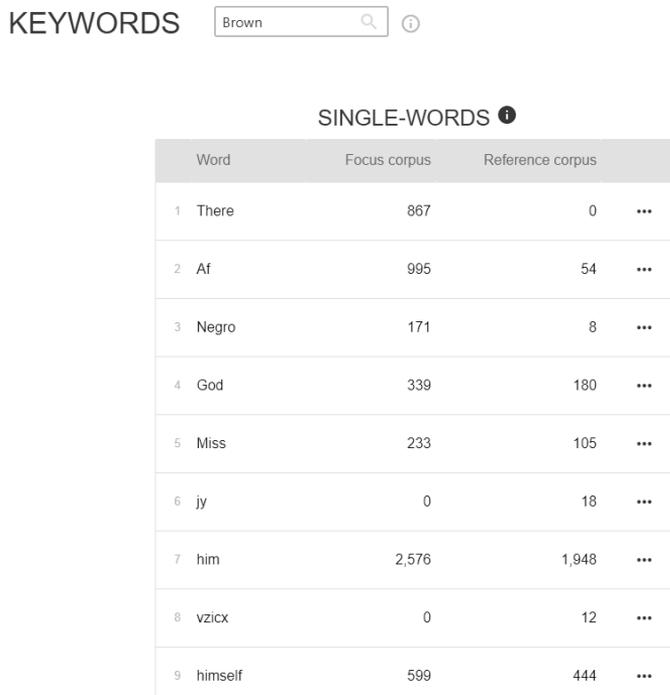


Рис. 8. Результат роботи інструмента Keywords для корпусу Brown

Належить зауважити, що лінгвістична гендерологія, як молода наука досі потребує нових методів досліджень. Одним із ефективних та обґрунтованих методів є методи статистичної лінгвістики, оскільки вони можуть математично підтвердити отримані результати. У статті досліджено статистичні методи аналізу для проведення лінгвогендерологічних досліджень, зазначено їх переваги та недоліки. Ефективність методу підтверджено на конкретних прикладах.

Досягнення корпусної лінгвістики значно полегшує процес збору даних до аналізу, оскільки надає лінгвістичні корпуси текстів, що слугують потужною інформаційно-лінгвістичною підтримкою для вивчення різних аспектів мови. Програмне забезпечення типу Sketch Engine комп'ютеризує та оптимізує пошуки у корпусі, дозволяє задавати критерії пошуку. Однак, слід зауважити, що конкордансери можуть надавати лише результати, а їх аналіз чи аргументацію необхідно здійснювати спеціалісту-філологу.

Перспективою подальших досліджень вбачаємо в удосконаленні методів гендерної лінгвістики (та статистичних зокрема), які можуть сприяти вищій мірі репрезентативності результатів досліджень.

Список використаних джерел

- Гіденс, Е.: *Соціологія*. Київ: Основи, 1999.
- Карпіловська, Є.: *Вступ до комп'ютерної лінгвістики*. Донецьк: Юго-Восток, 2003.
- Кирилина, А. – Добровольський, Д.: *Гендер как интрига познания. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности*. Москва, 2000, с. 19–36.
- Кирилина, А.: *Гендер: лингвистические аспекты*. Москва: Изд-во института социологии РАН, 1999.
- Космеда, Т.: *Гендерна лінгвістика в Україні: історія, теоретичні засади, дискурсивна практика*. Наук. ред. Т. А. Космеди: Харків: нац. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди, 2014.
- Левченко, О.: Людина. Комп'ютер. Комунікація: збірник наукових праць: *Лінгвістичні дослідження гендеру в Україні*. Львів: Видавництво Львівської політехніки, 2017, с. 74–83.
- Мраморнова, О.: *Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки: Збірник наукових праць. Мовленнєва взаємодія як джерело знань про гендерну стереотипізацію*. Київ: «Фенікс», Вип. 10, 2010, с.171–176
- Перебийніс, В.: *Статистичні методи для лінгвістів*. Вінниця : Нова книга, 2001.
- Харченко, О.: *Соціологія в ситуації соціальних невизначеностей. Методологічні підходи гендерних досліджень в соціології: Тези доповідей учасників I Конгресу Соціологічної асоціації України*. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009, с. 315–317.
- Щербина, Ю.: *Інформаційні системи та мережі. № 673: Науковий напрям та навчальна дисципліна „Математична лінгвістика“*. Львів: Вісник Національного університету „Львівська політехніка“, 2010, с. 384–393.
- Key, M. R.: *Male / Female Language*. New Jersey: Metuchen, Scarecrow Press, 1975.
- Lakoff, R.: *Language in Society 2: Language and woman's place*. Cambridge University Press, 1972, с. 45–79.

Možnosti zkoumání binomiálů v různých textových typech

Exploring binomials across different test types

Marie Kopřivová, Univerzita Karlova, Praha

Abstract

The goal of this paper is to present how binomial scan be explored using data from language corpora. Using structural queries, it is possible to search for the same structures in different types of corpora in order to determine possible differences in their usage. Two binomial structures were selected in order to test the comparison of binomial occurrences across individual text types: coordination of nouns after a preposition, and reduplication of imperatives with a nested component. These structures were then retrieved from texts ranging from fiction to professional literature, journalism, web genres and spontaneous spoken language, and the results were compared.

Abstrakt

Cílem tohoto příspěvku je představit zkoumání binomiálů s využitím dat jazykových korpusů. Pomocí strukturálních dotazů je možné vyhledávat v různých typech korpusů totožné struktury a zjišťovat, zda a jak se liší způsob jejich užití. Pro testování výskytu binomiálů v jednotlivých textových typech byly vybrány dvě binomiální struktury: koordinace substantiv po předložce a reduplikace imperativů s vloženým komponentem. Tyto struktury pak byly vyhledávány v beletrii, oborové literatuře, publicistice, webových textech a spontánních mluvených projevech a výsledky byly porovnány.

Keywords: binomial, phraseme, language corpus, text type, imperative, noun coordination

Klíčová slova: binomiál, frazém, imperativ, jazykový korpus, koordinace substantiv, textový typ

1. Úvod

Binomiály patří k jazykovému jevu, jehož podrobnější zkoumání výrazně usnadnila existence korpusů. Jedná se totiž o spojení s jasnou strukturou, a proto je lze v korpusech pomocí strukturálních dotazů dobře vyhledávat a zjišťovat, jak jsou užívány (Mollin 2004).

Svědčí o tom i řada prací, které se tomuto výzkumu v posledních letech věnují. Některé vycházejí i z dat Českého národního korpusu. Jedná se především o kontrastivní studie, které se zabývají otázkou překlada těchto spojení (např. Herlík 2017; Kalová 2018, Motornyuk 2014).

Pomocí paralelních korpusů lze ověřovat, jaký ekvivalent je v překladu užíván a zda zachovává stejnou nebo podobnou strukturu.

V tomto příspěvku se chceme věnovat pouze dvěma typům binomiálních struktur v češtině a na jejich příkladech ukázat možnosti využití korpusu pro vyhledávání binomiálů a ověření jejich výskytu v různých textových typech. Zároveň upozorníme na výhody i limity pro jejich vyhledávání pomocí strukturních dotazů.

2. Teoretické vymezení

Klasickou výchozí studií pro zkoumání binomiálů představuje Malkielova práce, v níž autor definuje binomiály jako sekvence dvou slov náležejících ke stejnému slovnímu druhu; tyto výrazy dále musí být syntakticky na stejné úrovni a zpravidla jsou spojené určitým lexikálním spojovacím prostředkem (Malkiel 1959). Z této definice vycházejí i následující badatelé, kteří ale přidávají další kritéria, z nichž některá souvisejí s příslušným jazykem. Klégr při srovnávání binomiálů v angličtině a češtině upozorňuje na to, že pro anglické binomiály je aliterace¹, rytmus a rým důležitější než pro české a že je třeba tato kritéria zohlednit při zkoumání binomiálu v příslušném jazyce (Klégr 1991 s. 86). Jako další důležité kritérium zmiňuje spolu s Čermákem (Filipec – Čermák 1985) také kolokabilitu. Právě toto kritérium je velmi důležité při posuzování výsledků korpusových strukturních dotazů a přispívá k teoretickému odlišení binomiálů, které spadají do oblasti frazeologie, ustálených spojení a frekventovaných, ale neustálených kolokací.

Jako binomiály jsou někdy definovány pouze nominální kombinace, ale např. Čermák k nim řadí i kombinace ostatních slovních druhů a pro češtinu uvádí seznam asi 400 binomiálů, které zahrnuje mezi kolokační frazémy (Čermák 2007, s. 422–423). Čermák dále upozorňuje na existenci strukturně podobných delších sekvencí tvořených třemi a více prvky.

Tento jazykový jev byl samozřejmě zkoumán i dříve a označován jinými pojmy, v němčině například Zwillingsformeln (srov. Stöhr 2008). V češtině se tomuto frazeologickému typu věnuje např. Křístek (Křístek 1958) a Blatná, která tyto konstrukce srovnává v češtině, ruštině a angličtině (Blatná 1990). Zkoumání se zaměřují zejména na možnost záměny komponentů (Mollin 2004), která může být jedním z prvních signálů ustálenosti konkrétního výrazu. Další hlediska uvádí Čermák (Čermák 2007); jsou to např. lexikální složení (výraz mohou tvořit např. opozita, synonyma, reduplikace apod.), slovnědruhová příslušnost komponentů, sémantika, funkce (mohou sloužit např. k intenzifikaci, zastupovat celek).

3. Výchozí data

Pro ověření výskytu binomiálů v různých textových typech jsme vybrali všechny typy korpusů současné češtiny, které máme v ČNK k dispozici; jedná se o psané korpusy SYN2015 a SYN_v7, webový korpus Araneum Bohemicum Minus (dále ABM) a mluvené korpusy ORAL a ORTOFON. Zatímco psaný a webový korpus mají podobnou velikost, obsahují asi 100 milionů slovních

¹ Aliterace hraje důležitou roli i v dalších jazycích, v češtině se při překladu zpravidla neprojevuje, např. pro něm. *bitten und betteln* jsme našli v paralelním korpusu ekvivalenty: *prosit a škemrat, prosit a žadonit, dlouze prosit*.

tvarů, korpus mluveného jazyka ORAL je mnohem menší, obsahuje asi 5,4 milionu slovních tvarů a korpus ORTOFON 1 milion.

Psaný korpus SYN2015 obsahuje nejčerstvější psaná data, která jsou v současnosti k dispozici, to se týká především publicistické části. Korpus je vyvážený, obsahuje třetinu publicistických textů, třetinu beletrie a třetinu oborových textů. Do oborové literatury jsou zahrnuty texty odborné, profesní, populárně naučné (Cvrček a kol. 2016). Pro zkoumání jevů v textových typech se tedy jedná o mimořádně vhodný korpus. Druhým psaným korpusem je největší korpus psané češtiny SYN, který ve své 7. verzi obsahuje 4,3 miliardy slov. V tomto korpusu převažuje publicistika. Pro naše vyhledávání ho používáme jako kontrolní korpus, abychom ověřili, zda se s velikostí korpusu nějakým způsobem mění počet nalezených struktur. Oba tyto korpusy rozdělujeme na textové typy: beletrie, publicistika a oborová literatura.

Webový korpus ABM patří mezi tzv. srovnatelné korpusy, které jejich autor V. Benko nazval Aranea a v současnosti existují pro 14 jazyků ve dvou velikostech: miliardový korpus a menší „vzorek“ stomiliónový korpus (Benko 2014). Jsou dostupné i prostřednictvím korpusového rozhraní KonText ČNK. Pro srovnatelnost s psaným korpusem jsme zvolili korpus menšího rozsahu.

Mluvený korpus ORAL je proti předchozím zmiňovaným korpusům nejen výrazně menší, ale i žánrově homogenní. Obsahuje totiž transkripce prototypického dialogu, který spolu vedou blízcí lidé bez jakékoliv předchozí přípravy (Kopřivová a kol. 2017), nemáme tedy k dispozici celé spektrum mluveného jazyka tak, jak je tomu u jazyka psaného. Stejný typ dat obsahuje i korpus ORTOFON, doba pořízení nahrávek (2012–2017) více odpovídá době vzniku publicistických textů zařazených do korpusu SYN2015. Máme tedy k dispozici i časově srovnatelná data.

4. Ustálenost vyhledávaných binomiálů

Při vyhledávání pomocí strukturálních dotazů dostaneme různé typy struktur; vedle frazémů, které jsou ustálené jako např. *techtle mechtle*, se jedná o komponenty rozsáhlejšího frazému: *boj na život a na smrt*, nacházíme také ustálené kolokace, frekventované rutinní fráze, které mají preferovanou formální podobu ovlivněnou různými faktory, např. zdvořilosti: *dámy a pánové*; nebo jde o součást určitého často opakovaného názvu: *ministerstvo průmyslu a obchodu, ovoce a zelenina*. Třetí skupinu tvoří relativně volná spojení, která mohou mít též preferované pořadí i složení, ale najdeme je poměrně často i v jiném pořadí, např. *v Praze a Brně* (2 328 výskytů v korpusu SYN2015), *v Praze a v Brně* (1314 výskytů), *v Brně a Praze* (618 výskytů), *v Brně a v Praze* (589 výskytů). Pořadí měst není v mnoho kontextech zaměnitelné, protože se týká posloupnosti akcí, které se nejprve budou konat v jenom městě a potom v druhém. Podobně je tomu například u měsíců a dnů v týdnu, které vždy zachovávají kalendářní posloupnost.

5. Vybrané typy binomiálů

Pro ověření v jednotlivých textových typech jsme vybrali dva typy binomiálních struktur. První je velice tradiční a jedná se o koordinaci dvou substantiv následujících po prepozici (např. *bez chuti a bez zápachu*). Druhý typ je naopak velice úzce vymezený slovesný typ: reduplikace imperativního komponentu (např. *ber kde ber*).

6. Koordinace dvou substantiv po předložce

V korpusech vyhledáme sekvence substantiv následujících po předložce a spojených spojkou *a*, po které se opakuje stejná předložka (např. *na život a na smrt*). Tato spojení vyhledáme pomocí následujícího dotazu:

```
1:[tag="R.*"][tag="N.*"][word="a"]2:[tag="R.*"][tag="N.*"] & 1.lemma=2.lemma
```

Dalším dotazem zjistíme frekvenci spojení, která se vyskytují bez opakování předložky, při zadávání dotazu je vhodné pro vyloučení nežádoucích výsledků přidat podmínku, že obě substantiva jsou ve stejném pádě. Dotaz bude vypadat následovně:

```
[tag="R.*"] 1:[tag="N.*"][word="a"]2:[tag="N.*"] & 1.case=2.case
```

Uvedené dotazy jsme použili pro všechny korpusey, porovnání počtu výskytů uvádí následující tabulka 1. Pro snazší porovnání frekvenčních údajů u korpusů tak rozdílných velikostí je frekvence uváděna v hodnotách ipm (počet výskytů na milion korpusových pozic).

Psané korpusey jsou rozděleny na část beletrie (BEL s příponou příslušného korpusu), oborovou (OBR) a publicistickou (PUB), které jsou v případě korpusu SYN2015 stejně velké, v případě korpusu SYN_v7 značně převládá publicistika. Mluvené neformální dialogy zahrnují korpusey ORTOFON a ORAL a webový korpus ABM. Webová produkce je zde zastoupena jako celek, přestože i uvnitř ní se nacházejí různé textové typy.

Korpus	2 PREP	1 PREP	Korpus	2 PREP	1 PREP
BEL_2015	93	695	BEL_7	108	675
OBR_2015	85	1086	OBR_7	81	1099
PUB_2015	79	933	PUB_7	92	945
ORTOFON	79	61	ORAL	62	96
ARANEUM	76				

Tab. 1 Počty výskytů koordinace dvou substantiv po předložce.

V prvním sloupci vedle příslušného korpusu nebo jeho části je uvedena hodnota ipm spojení nejprve s opakováním předložky a v druhém sloupci bez opakování předložky. Na první pohled je zřejmé, že čeština u těchto spojení preferuje neopakování předložky. V neformální mluvené komunikaci tomu je obráceně, zřejmě proto, že v tomto typu komunikace je opakování slov častým jevem. U webového korpusu nelze použít stejný dotaz jako u psaných se zajištěním stejného pádu obou substantiv, proto zde není číslo uvedeno. Srovnání obecnějších dotazů ukazuje na stejnou tendenci jako u psaných korpusů.

Porovnání částí korpusu SYN2015 a SYN_v7 ukazuje, že rozsah textů nemá na počet typů vliv, čísla si odpovídají. Nejbohatší jsou v obou případech subkorpusey beletrie pro struktury s opakováním prepozice; koordinace substantiv bez opakování předložky je nejčastější strukturou v oborové literatuře. V těchto strukturách se nejčastěji objevují vlastní předložky, jejich

frekvenční pořadí je následující: *v, na, s, do, z, bez, o, k, po, pro, za*. Další analýza psaného jazyka bude vycházet pouze ze subkorpusů korpusu SYN2015.

7. Koordinace substantiv s opakováním prepozice

Vůbec nejčastější spojení s opakováním předložky je *na život a na smrt*, toto spojení se v korpusu SYN2015 objevuje 212x, v 60% je to v beletrii. Bez opakování předložky je najdeme pouze osmkrát a pak je většinou součástí delších kolokací, např: *vliv na život a smrt, myslet na život a smrt*. Kolokace se slovy: *boj, nepřítel, zápas, souboj, přítel, bojovat, pouto, přátelství* jsou vždy následovány binomiálem s opakovanou předložkou.

Další frazémy s opakováním předložky jsou výrazně méně frekventované: *do slova a do písmene* (11 výskytů), *do roka a do dne* (11 výskytů), *na kočku a na myš* (5 výskytů, bez opakování předložky 21 výskytů, jde o součást frazému *hrát si/ hra na kočku a myš*).

Další nalezené kolokace obsahují zpravidla časové údaje (*v úterý a ve čtvrtek, na jaře a na podzim*), místní (*na východ a na západ, do školky a do školy, v Evropě a v Americe*) nebo somatický popis (*prsty na rukou a na nohou, na obličejí a krku*). Zejména u kolokací dnů v týdnu se předložka *v* opakuje. Výjimku tvoří spojení *v pondělí a úterý*. Reduplikace prepozice je nápadná, slouží zpravidla ke zdůraznění rozsahu, celku, časového úseku, ale zdá se, že i při vytváření volných spojení zde kromě sémantiky mohou hrát určitou roli rytmická pravidla, jak to zmiňuje Klégr pro angličtinu (Klégr 1991, s. 86).

Ve webovém korpusu patří mezi nejfrekventovanější kolokace ohraničující čas (*v sobotu a neděli* 110 výskytů, *na jaře a na podzim* 99 výskytů, *na začátku a na konci* 36 výskytů) nebo kolokace zachycující určitou paralelnost (*na pojistném a penále* 20, *pro muže a pro ženy* 13, *v češtině a v angličtině* 10). I zde frekvence kombinací rychle klesá. Nejčastějšími frazémy jsou: *do roka a do dne* s 45 výskytů, následuje *do slova a do písmene* 21 výskytů, *v klidu a v pohodě* 16 výskytů, *v duchu a v pravdě* 16 výskytů.

V mluvených korpusech je nejčastější kolokace *v sobotu a v neděli* (13), kromě dalších dní se zde ještě objevují lidé: *se ségrou a se švárou* (2) a spojení konkrétních jmen: *s Tondou a s Markem*, dále *na sbor a na orchestr* (2), *v angličtině a v němčině* (2), *pro psy a pro kočky* (2), a oblečení: *ve slípech a v tričku* (2). Nejedná se tedy o ustálené kolokace.

8. Koordinace substantiv s jednou prepozicí

Koordinace substantiv v předložkové vazbě s jednou prepozicí se v korpusu objevuje častěji, i frekvence jednotlivých binomiálů jsou vyšší. V rámci jednotlivých textových typů se zaměříme na nejfrekventovanější binomiály. Následující seznamy uvádějí vždy nejčastějších 10 výskytů pro každý textový typ spolu s jejich frekvencí a normalizovanou frekvencí ipm (uvedena v 2. sloupci); u mluveného korpusu se jedná o všechny kolokace, které se vyskytly alespoň dvakrát.

Při srovnání hodnot ipm u jednotlivých textových typů psaného jazyka a webových textů se ukazuje, že frekvence výskytů těchto struktur je podobná; nejvyšší hodnotu imp nalezneme u kolokace *pro děti a mládež* ve webových textech, je součástí delších kolokací s předcházejícími substantivy: *zařízení, knihy, literatura, oddělení, akce, filmy, soutěže* apod.

Jednotlivé binomiály na prvních deseti místech podle frekvence jsou rozdílné; u beletrie se jedná o frazémy, v publicistice jsou tyto struktury součástí delších kolokací nebo názvů (*zařazení pro děti a mládež, vztahy mezi muži a ženami, Evropská banka pro obnovu a rozvoj, zákon o znalcích a tlumočnících, Unie pro sport a zdraví*), někdy se opakovaně objevují v názvech rubrik nebo v oznámeních (*Půjčky bez registru a poplatku; k tanci a poslechu*). Časté jsou v publicistice i časové kolokace a některé frazémy. V oborové literatuře najdeme také delší kolokace z odborné literatury (*rozdíl/vztahy mezi muži a ženami, vztahy mezi rodiči a dětmi*) a časové kolokace. Mezi nejčastější struktury se dostala i kolokace, která pochází z jediné publikace s názvem *Motýli a housenky střední Evropy*, v ní se totiž nachází popis jednotlivých druhů motýlů, který se opakuje: *proměnlivý ve zbarvení a kresbě*. Mezi nejčastější binomiály v oborové literatuře se dostaly obě slovosledné varianty reversibilního binomiálu: *v prostoru a čase, v čase a prostoru*. V rámci sledovaných binomiálů se jedná o jediný případ, který má podobně frekventované obě slovosledné varianty, u ostatních je jedna varianta výrazně preferovaná (např. *mezi muži a ženami* má 98 výskytů a *mezi ženami a muži* pouze 8 výskytů).

Mezi nejfrekventovanějšími binomiály v beletrii, publicistice i ve webových textech se objevuje frazém *věci mezi nebem a zemí*.

BELETRIE	počet výskytů	ipm
z masa a kostí	101	2,43
bez ladu a skladu	68	1,63
na milost a nemilost	53	1,27
mezi životem a smrtí	44	1,06
mezi palcem a ukazováčkem	42	1,01
mezi nebem a zemí	41	1,08
mezi mužem a ženou	34	0,82
z masa a krve	29	0,70
mezi dobrem a zlem	24	0,58

OBOROVÁ	počet výskytů	ipm
mezi muži a ženami	98	2,49
ve zbarvení a kresbě	67	1,73
pro děti a mládež	59	1,75
mezi rodiči a dětmi	58	1,47
mezi východem a západem	54	1,40
v prostoru a čase	47	1,19
mezi mužem a ženou	46	1,17
v čase a prostoru	36	0,99
na výzkum a vývoj	35	0,96
o znalcích a tlumočnících	31	0,79

PUBLICISTIKA	počet výskytů	ipm
pro děti a mládež	91	2,87

v sobotu a neděli	47	1,21
z masa a kostí	41	1,06
mezi nebem a zemí	32	0,86
v červenci a srpnu	32	0,81
mezi Prahou a Ostravou	32	0,81
pro obnovu a rozvoj	30	0,75
pro sport a zdraví	30	0,75
pro vědu a výzkum	29	0,73
mezi muži a ženami	29	0,73

ABM	počet výskytů	ipm
pro děti a mládež	520	4,33
ve výzkumu a vývoji	200	1,67
v Praze a okolí	133	1,11
k tanci a poslechu	116	0,97
mezi mužem a ženou	113	0,94
pro výzkum a vývoj	108	0,90
s dětmi a mládeží	103	0,86
o změně a doplnění	103	0,86
mezi nebem a zemí	102	0,85
bez registru a poplatku	96	0,80

korpus ORAL	počet výskytů	ipm
do mužů a žen	3	0,47
v prostoru a čase	3	0,47
mezi mužem a ženou	3	0,47
z Macha a Šebestový	2	0,31
pro děti a mládež	2	0,31
na milost a nemilost	2	0,31
bez ladu a skladu	2	0,31
mezi východem a západem	2	0,31

Pro detailnější analýzu by bylo možné strukturní dotaz ještě dále zpřesňovat, zaměřit se na jednotlivé prepozice, přidat stejný pád a číslo nominálních komponentů apod. V uvedených seznamech je kromě frazémů a jejich součástí množství binomiálů, které nejsou výhradně vázány na konkrétní předložku a existují v základní podobě nominativu, často se jedná o opozice (*život a smrt, dobro a zlo, východ a západ*) nebo komplementární doplnění (*muž a žena, rodiče a děti*). U těchto struktur by bylo vhodné prozkoumat celé paradigma, určité rozdíly nejen v reversibilitě komponentů zde může hrát i číslo (*muž a žena, muži a ženy*).

9. Reduplikace imperativů

Druhý příklad pro užívání binomiálů je úžeji vymezen, jedná se o dvě stejné imperativní formy, které jsou propojeny libovolným spojovacím výrazem (např. *ber kde ber*), jedna z forem může být i v negaci (např. *věř či nevěř*).

Sestavili jsme následující dotaz, který slouží k vyhledání dvou imperativů od stejného slovesa, mezi imperativy se může nacházet libovolné slovo, z dotazu je vyloučena interpunkce. Tato struktura se nachází v rámci jedné věty nebo v případě mluveného jazyka ji řekne jeden mluvčí.

```
1:[tag="Vi.*"] [tag!="Z.*"] 2: [tag="Vi.*"] & 1.lemma=2.lemma within<s/>
```

Dotaz pro mluvený korpus:

```
1:[tag="Vi.*"] [tag!="Z.*"] 2: [tag="Vi.*"] & 1.lemma=2.lemma within<sp/>
```

Specifické zadání přesných gramatických forem v tomto případě zajistí, že výsledkem dotazu jsou skutečné binomiály. Jejich výskyt je mnohem nižší než u předchozího typu dotazu, jak ukazuje tabulka č. 2. Nejvyšší výskyt těchto struktur v rámci psaných textů je v beletrii. V mluveném jazyce se objevuje řádový nárůst těchto struktur, při bližším pohledu je ale zřejmé, že se nejedná o binomiály, ale o opakování lexémů, které je ve spontánní promluvě běžné (*nech to nech, pojď sem pojď, dejte si dejte*). V polovině výskytů v korpusu ORTOFON se jedná o sekvenci tří imperativů, tedy zdůraznění v promluvě (např. *počkej počkej počkej*). Imperativní binomiál se v mluvených korpusech nevyskytl.

Korpus	imperativy	Korpus	imperativy
BEL_2015	5	BEL_7	7
OBR_2015	2	OBR_7	2
PUB_2015	3	PUB_7	2
ORTOFON	32	ORAL	31
ARANEUM	2		

Imperativní binomiál od jednoho slovesného lemmatu se může vyskytnout i bez spojovacího komponentu, obsahuje pak vždy negaci, tyto binomiály jsou méně časté než typy se spojovacím prostředkem. V psaných textech byly nalezeny pouze následující binomiály: *věřte nevěřte, chtěj nechtěj, věř nevěř, věřme nevěřme, berte neberte*; v mluvených korpusech se nevyskytly. Důvodem může být nedostatečná velikost mluvených korpusů, protože i v psaných textech je jejich výskyt velmi nízký. Dalším důvodem může být odlišná funkce imperativu ve spontánních mluvených projevech, imperativ zde může být užit jako kontaktní prostředek (srov. Kopřivová 2017). Jeho opakování pak slouží ke zdůraznění proneseného varování či nabídky nebo také k udržení slova. K ověření této hypotézy by bylo nutné použít rozsáhlejší data, případně mluvené projevy příslušející k odlišnému typu, např. monologické přednášky.

Z následujícího přehledu, který představuje úplný výpis binominálů v jednotlivých žánrech, a srovnání jejich hodnot ipm s předchozím typem je zřejmé, že jsou méně frekventované, ve

všech žánrech je nejčastější binomiál *stůj co stůj*. Opět je nejpestřejší skladba i nejvyšší počet užití v beletrii.

BELETRIE

stůj co stůj	78	1,87
buď jak buď	40	0,96
věřte nebo nevěřte	8	0,19
padni komu padni	6	0,14
ber kde ber	3	0,07
ber nebo neber	2	0,05
padni kam padni	2	0,05
veř nebo nevěř	2	0,05
dělej co dělej	2	0,05
vem kde vem	2	0,05
věř či nevěř	2	0,05

OBOROVÁ LITERATURA

stůj co stůj	38	0,96
buď jak buď	22	0,56
padni komu padni	3	0,08
dělej co dělej	1	0,03
věřte nebo nevěřte	1	0,03
věřte či nevěřte	1	0,03
věř nebo nevěř	1	0,03

PUBLICISTIKA

stůj co stůj	48	1,21
padni komu padni	21	0,53
buď jak buď	17	0,43
ber kde ber	4	0,10
věřte či nevěřte	2	0,05
vem kde vem	1	0,03

ABM

stůj co stůj	63	0,52
padni komu padni	34	0,28
věřte nebo nevěřte	9	0,07
ber kde ber	4	0,02
věřte či nevěřte	2	0,01

Závěr

Cílem tohoto příspěvku bylo představit možnosti zkoumání binomiálů pomocí dostupných korpusových dat a zaměřit se na jejich distribuci v rámci textových typů. Analýza prokázala vhodnost korpusových dat pro tento výzkum, lze dobře ověřovat ustálenost, reversibilitu komponentů i kolokabilitu. Úskalím korpusového výzkumu především v odborných nebo administrativních textech může být vysoká frekvence jmen, jejichž součástí se binomiály stávají. Tomu však lze předcházet ověřováním zdrojů textů, frekvence jevu je zde pouze pomocným kritériem, které může zdůraznit jeho ustálenost a specifickou funkci, ale nemůže zůstat kritériem jediným. Zároveň se tím potvrzuje potřebnost pestrých a vyvážených korpusových dat, neboť z frazeologického hlediska nejzajímavější binomiály se nacházejí v beletristických textech. Tuto pestrost nelze nahradit ani větším objemem dat. Distribuce binomiálů byla výrazně odlišná v mluvených korpusech, což může být způsobeno nedostatečným rozsahem jejich dat nebo jinou funkcí komponent těchto struktur v spontánním mluveném jazyce.

Pro binomiály obsahující koordinaci dvou substantiv po předložce korpusová data prokázala, že preferované jsou konstrukce bez opakování předložky, to neplatí pro některé frazémy, kde opakování prepozice může sloužit ke zdůraznění a k rytmičtějšímu frázému (*na život a na smrt, do slova a do písmene, do roka a do dne*). Dále to neplatí pro víceméně volná spojení označující zpravidla oddělené časové a místní úseky, důvodem reduplikace může být i výslovnost (*na jaře a na podzim; v Evropě a v Americe*). Tyto případy spolu s ověřováním reversibility komponentů by si zasloužily podrobnější výzkum. U druhého typu reduplikace imperativů se ukázalo, že frekventovanější jsou frazémy s vloženým komponentem, nejčastější pak ve všech typech psaných textů je binomiál *stůj co stůj*. Kombinace imperativu s imperativem v negaci vypadá jako otevřená třída, pro to by svědčily i výskyty všech imperativních forem *věř nevěř, věřme nevěřme, věřte nevěřte*. Přesto se v poměrně rozsáhlém materiálu větší rozšíření nepotvrdilo.

Článek vznikl v rámci projektu GAČR Mezi slovníkem a gramatikou, reg. č. 16_07473S.

Literatura:

- BENKO, V. (2014): Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora. In Sojka, P. – Horák, A. – Kopeček, I. – Pala, K. (eds), *TSD 2014, LNAI 8655*, 257–264. Springer International Publishing
- BLATNÁ, R. (1990): Binomiály typu „techtle mechtle“ v češtině, ruštině, angličtině. In.: *Slavia*, roč. 59, č. 2. Academia: Praha., 169–182.
- CVRČEK, V. – ČERMÁKOVÁ, A. – KŘEN, M. (2016): Nová koncepce synchronních korpusů psané češtiny. *SaS*, 77 (2), 83–101.
- ČERMÁK, F. (2007) : Frazeologie a idiomatika česká a obecná. Karolinum. Praha.
- FILIPEC, J. – ČERMÁK, F. (1985): Česká lexikologie. Prague. Academia.
- HERLÍK, Tomáš. Translating (Ir)reversible Binomials: A Corpus Study [online]. Brno, 2016 [cit. 2019-08-12]. Dostupné z WWW: <https://theses.cz/id/co02gf/> Bakalářská práce. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta. Vedoucí práce PhDr. Jarmila Fictumová.
- HNÁTKOVÁ, M. – KŘEN, M. – PROCHÁZKA, P. – SKOUMALOVÁ, H. (2014): The SYN – series

- corpora of written Czech. In *Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'14)*, 160–164. Reykjavík: ELRA. ISBN 978-2-9517408-8-4. Dostupné z WWW: http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2014/pdf/294_Paper.pdf
- KALOVÁ, M. (2018): *Zwillingsformeln im Deutschen, Tschechischen und Englischen* [online]. České Budějovice [cit. 2019-08-12]. Diplomová práce.
- KLÉGR, A. (1991): A note on binomials in English and Czech. *Acta Universitatis Carolinae – Philologica* 1/1991, Prague Studies in English XXII, s. 51–58.
- KOPŘIVOVÁ, M. (2017): Imperativy slovesa *počkat* a jejich úloha v organizaci diskurzu. *NŘ* 100, 281–293.
- KOPŘIVOVÁ, M. – LUKEŠ, D. – KOMRSKOVÁ, Z. – POUKAROVÁ, P. (2017): Korpus ORAL: sestavení, lemmatizace a morfologické značkování. In *Korpus - Gramatika - Axiologieč.* 15, 47–67.
- KŘÍSTEK, V. (1958): O spojeních typu křížem krážem, třesky plesky apod. In *Studie ze slovanské jazykovědy*. – Praha: SPN, 293–301.
- MALKIEL, Y. (1959): Studies in Irreversible Binomials. In: *Lingua* 8, 113–160.
- MOTORNYUK, A. (2014): *Binomiály v češtině a ruštině*. Praha. Dostupné z WWW: <http://hdl.handle.net/20.500.11956/71721> Vedoucí práce: Fratišek Čermák.
- STÖHR, A. (2008): *Zwillingsformeln, Paarformeln und Wortpaare in der deutschen Gegenwartssprache*. (German Edition). GRIN Verlag. München.

Použité korpusy:

- BENKO, V.: *AraneumBohemicum Minus, verze 15.04*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2015. Dostupný z WWW: <http://www.korpus.cz>
- KOPŘIVOVÁ, M. – LUKEŠ, D. – KOMRSKOVÁ, Z. – POUKAROVÁ, P. – WACLAWIČOVÁ, M. – BENEŠOVÁ, L. – KŘEN, M.: *ORAL: korpus neformální mluvené češtiny, verze 1 z 2*. 6. 2017. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2017. Dostupný z WWW: <http://www.korpus.cz>
- KŘEN, M. – CVRČEK, V. – ČAPKA, T. – ČERMÁKOVÁ, A. – HNÁTKOVÁ, M. – CHLUMSKÁ, L. – JELÍNEK, T. – KOVÁŘÍKOVÁ, D. – PETKEVIČ, V. – PROCHÁZKA, P. – SKOUMALOVÁ, H. – ŠKRABAL, M. – TRUNEČEK, P. – VONDŘIČKA, P. – ZASINA, A.: *SYN2015: reprezentativní korpus psané češtiny*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2015. Dostupný z WWW: <http://www.korpus.cz>
- KŘEN, M. – CVRČEK, V. – ČAPKA, T. – ČERMÁKOVÁ, A. – HNÁTKOVÁ, M. – CHLUMSKÁ, L. – JELÍNEK, T. – KOVÁŘÍKOVÁ, D. – PETKEVIČ, V. – PROCHÁZKA, P. – SKOUMALOVÁ, H. – ŠKRABAL, M. – TRUNEČEK, P. – VONDŘIČKA, P. – ZASINA, A.: *Korpus SYN, verze 7 z 29*. 11. 2018. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2017. Dostupný z WWW: <http://www.korpus.cz>

Svět v obrazech a ve frazeologii II
World in Pictures and in Phraseology II

Ladislav Janovec (ed.)

Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta

Rok vydání: 2021

Počet stran: 552

Formát: B5

Vytiskla tiskárna Nakladatelství Karolinum

ISBN: 978-80-7603-201-9



© 2021 Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta
ISBN 978-80-7603-201-9